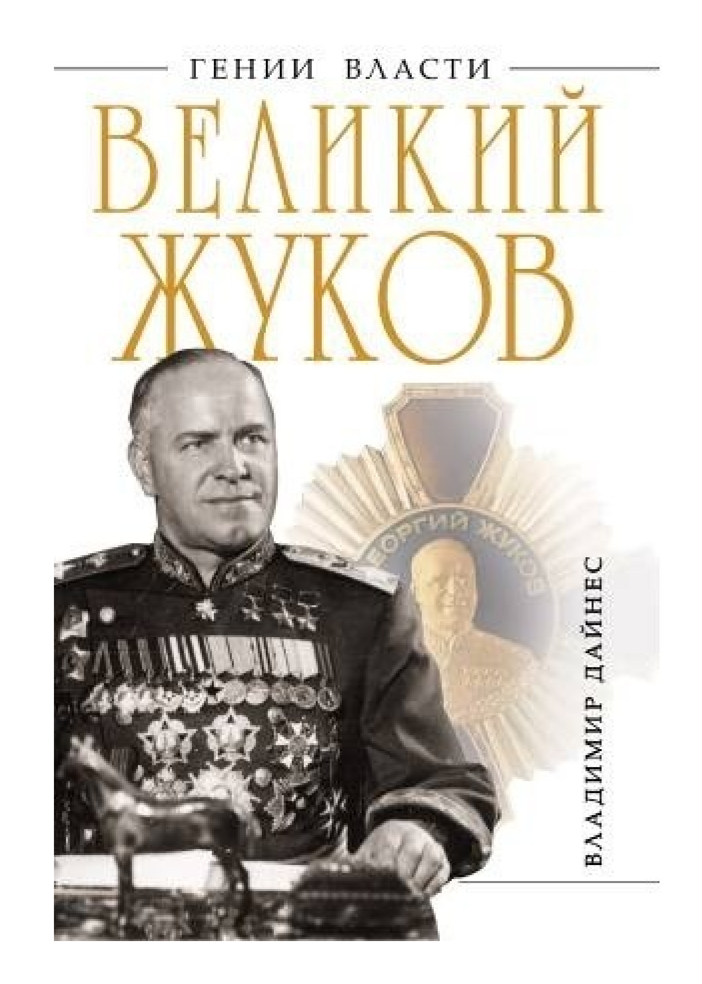
Владимир Оттович Дайнес
Великий Жуков

Дайнес В.О. Великий Жуков.
М.: Эксмо, 2013. – 640 с.- (Серия: Гении власти)

Аннотация

Эта книга - лучшая современная биография Г.К.Жукова не только как гениального полководца и Маршала Победы, но и крупного государственного деятеля, еще не оцененного по достоинству. А ведь президент Эйзенхауэр отзывался о нем как о «в высшей степени важном человеке в советском правительстве, возможно, втором после Сталина». Именно Жуков сыграл решающую роль в устранении Берии и лично командовал его арестом. Без активной поддержки Жукова Хрущев вряд ли решился бы на кампанию по разоблачению «культа личности». Георгий Константинович спас «Микиту» и в 1957 году, не позволив «антипартийной группе» отрешить того от власти. В благодарность Хрущев подло, «по-воровски» (выражение самого Жукова) отправил Маршала Победы в отставку, обвинив в «бонапартизме» и попытке «организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты». Эта книга восстанавливает подлинную историю свержения и

опалы Маршала Победы, прослеживая весь его путь от стремительного взлета на военный и политический олимп до негласной ссылки, в которой он закончил свои дни.

Владимир Дайнес. Великий Жуков

От издательства

Не без волнения выносим мы на суд читателя очередное биографическое издание, посвященное Георгию Константиновичу Жукову. О нашем выдающемся полководце написано много, и тем не менее потребность в новой книге вызрела не случайно. И дело заключается не столько в стремлении восполнить его биографию какими-либо новыми деталями или подробностями, сколько в желании еще раз переосмыслить образ человека, ставшего достоянием нашей истории.

Большинство авторов книг о Жукове не беспристрастны — такая тема холодной души не терпит. Но при этом авторские симпатии и взгляды часто перерастали в стремление навязать читателю свое, субъективное видение образа, собственную трактовку тем или иным явлениям.

Сразу оговоримся, что представляемая нами книга не претендует на то, чтобы создать полный и тем более безукоризненный портрет Г.К.Жукова. Но ее автор, военный историк, стремится показать своего героя на фоне объективной картины исторических событий, избегая давать ему по всякому поводу навязчивые характеристики, чем порой грешат биографические издания. На страницах книги он замечает: «Личность Жукова настолько уникальна, а его полководческий талант и заслуги столь велики, что не нуждаются ни в искусственном возвеличении, ни в ретушировании. Тем более неуклюжими выглядят попытки сотворить из него идола, затмившего заслуги соратников».

Думается, справедливое утверждение. Ведь что греха таить, нередко отдельные авторы столь ревниво возвеличивали все победы, поступки и решения Георгия Константиновича, что вольно или невольно искажали или попросту замалчивали то, что нарушало благозвучность их

повествования. В результате они лишь давали пищу его недругам и тем, кто никогда не хотел и сейчас далек от намерения объективно взглянуть на великие и трагические страницы нашей истории, прежде всего связанные с Великой Отечественной войной, диктатурой Сталина и послевоенным безвременьем.

Жуков — плоть от плоти своего народа. Этим прежде всего и объясняется всенародная любовь к нему. Именно поэтому он никогда не был в забвении — ни в период неудач, ни во время жесткой опалы.

В его жизни и военной карьере было все: блестящие победы и горькие поражения, триумфы и падения. И во всем проявлялись качества народного самородка: проба высокая, но для огранки не годится.

Сродни этому свойству и характер — не шлифуется.

Поэтому в этой книге таких попыток и не делается.

Глава I. На древнем стрельбище

Случайное это совпадение или нет, но земля, на которой 19 ноября (1 декабря) 1896 года родился Г.К.Жуков, имеет славную военную историю. Его родная деревня Стрелковщина располагалась в Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии. В древности территория эта была заселена славянскими племенами вятичей, которые во второй половине X века в результате походов киевского князя Святослава против волжских булгар и хазар были освобождены от хазарского ига и вошли в состав Киевского княжества. Позднее, в период раздробленности Руси, калужские земли стали частью Черниговского княжества.

За свою многовековую историю калужане не раз подвергались нападениям со стороны внешних врагов. В 1237 году войско хана Батыя разорило многие города края. В XIV веке почти вся калужская земля находилась под властью Литвы. В битве на Куликовом поле в 1380 году в составе объединенного русского войска под руководством великого князя Дмитрия Ивановича Донского сражались отряды ополчения и дружины во главе со своими князьями из Тарусы, Оболенска, Боровска. В начале XVIII века эти края пережили нашествие польских интервентов и восстание под руководством Ивана Болотникова.

В 1651 году нидерландские предприниматели Марселис и Акема основали на речке Угодка (приток реки Протва) железоделательный завод. В 1656 году место, где он располагался, получило название Угодский Завод. Век спустя, в 1751 году Угодский Завод был передан графу А. И. Шувалову, а в 1780 году перестал работать. Село же носило это название еще около двух столетий. В трех километрах от Угодского Завода (ныне город Жуков) и находилась деревня Стрелковщина (современное название Стрелковка). В ней жили крепостные мастера, переселенные при Петре I с уральских заводов. Местные жители называли их «стрелковщиной», потому что мастера отливали пушки на Угодском Заводе и испытывали их на стрельбище вблизи большой деревни Огубь. Селились мастера там же, на окраине Огуби, и постепенно их поселение стало самостоятельной деревней, так и названной — Стрелковщина.

В 1719 году в составе Московской губернии учреждается Калужская провинция, которая в 1776 году преобразуется уже в самостоятельную

губернию. Во время наполеоновского нашествия калужская земля снова стала ареной ожесточенных сражений. В Тарутинском бою 6 (18) октября 1812 года русская армия нанесла поражение авангарду французской армии под командованием маршала Мюрата. На этом месте в 1834 году воздвигнут 20-метровый памятник с надписью:

> «На сем месте Российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

Русские воины показали чудеса храбрости и в Малоярославецком сражении 12 (24) октября 1812 года, после которого Наполеон был вынужден отступать по Старой Смоленской дороге через опустошенную местность.

Отечественная война 1812 года нанесла сильный удар по благосостоянию Калужской губернии, которая с трудом преодолевала последствия нашествия армии Наполеона. 15 декабря 1874 года состоялось открытие участка Сызрань — Вяземской железной дороги, связавшей Калугу с Тулой и Вязьмой. Но это не привнесло оживления в экономическую жизнь губернии. К тому же обмеление Оки привело к уменьшению речных перевозок. К концу XIX века совершенно исчезает ряд старых традиционных промыслов. Предметом вывоза остаются лишь рогожа, щетина и кожа, а главными занятиями калужан — розничная торговля, ремесла, огородничество.

«Дом в деревне Стрелковке Калужской губернии, где я родился… — вспоминал Г.К.Жуков, — стоял посредине деревни. Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мхом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна.

Отец и мать не знали, кем и когда был построен наш дом. Из рассказов старожилов было известно, что в нем когда-то жила бездетная вдова Аннушка Жукова. Чтобы скрасить свое одиночество, она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную».[1]

То обстоятельство, что отец Жукова Константин был подкидышем, впоследствии стало поводом для всевозможных домыслов. «Раньше были легенды о его арийском происхождении, — писала в 1991 году дочь маршала Мария. — Теперь появилась новая, „свежая“ версия. Оказывается, Жуков был греком. Когда тщетными оказываются попытки обвинить Жукова в бездарности и представить его „врагом народа“, предпринимаются попытки доказать хотя бы то, что он не был русским».[2]

Б. В. Соколов в своей книге «Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи» пишет: «Происхождение Георгия Константиновича темно».[3] Что можно на это ответить? В простых русских крестьянских семьях рисовать генеалогические древа было некому, да и некогда. К тому же в подавляющем большинстве случаев родословные эти были бы

---

1 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 1. С. 11.

2 Жукова М. Маршал-легенда//Советская Россия. 1991. 30 ноября.

3 Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: 2000. С. 3.

весьма незатейливыми.

Анна Жукова умерла, когда Константину исполнилось всего восемь лет. Мальчик был вынужден пойти работать и сумел устроиться в ученики к сапожнику в селе Угодский Завод. Он быстро освоил ремесло и через три года отправился в Москву, где поступил в сапожную мастерскую немца Вейса, славившуюся собственным магазином модельной обуви. В апреле 1870 года Константин Жуков женился, взяв в жены «крестьянскую дочь Анну Иванову» из Стрелковки. Через четыре года она родила сына Григория, а в самом начале 1884-го — второго сына, Василия, но он через два года умер. А 16 апреля 1892 года чахотка унесла Анну Ивановну.

Мать Георгия Константиновича, как свидетельствует запись в церковной метрической книге, родилась 26 сентября 1863 года в деревне Черная Грязь, в шести километрах от Стрелковки. Она была старшим ребенком в семье крестьян Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Во второй половине 80-х годов они и их младшие дети приняли фамилию Пилихины, однако Устинья этой фамилии никогда не носила.

Для Устиньи Артемьевой брак с Константином Жуковым был не первым. Ранее она была замужем за Фаддеем Стефановичем из села Турбина Спасской волости. Он был младше жены на три года и тоже бесфамильным. Через четыре года Фаддей, прожив на свете всего 23 года, помер от чахотки. Чтобы прокормить малолетнего сына Ивана, Устинья подалась в прислуги в соседние деревни, где вне брака родила еще одного ребенка, который вскоре умер.

27 сентября 1892 года священник Никольской церкви села Угодский Завод отец Василий Всесвятский венчал Константина и Устинью. Он же произвел обряд крещения Георгия. В метрической книге Никольской церкви в качестве родителей рожденного 19 ноября и крещенного 20 ноября 1896 года младенца Георгия были указаны «деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его законная жена Иустина Артемьева, оба православного вероисповедания». Двумя годами раньше Георгия, 20 марта 1894 года, у Жуковых родилась дочь Мария. Сын Алеша появился на свет 11 марта 1899 года, но прожил он всего полтора года.

Георгий Жуков был очень похож на свою мать. И не только чертами лица. Женщина необыкновенной физической силы и выносливости, она и сына наделила крепким здоровьем. Жуков вспоминал: «Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее или брал за хвост и одним рывком сажал на круп.

Тяжелая нужда, ничтожный заработок отца на сапожной работе заставляли мать подрабатывать на перевозке грузов. Весной, летом и ранней осенью она трудилась на полевых работах, а поздней осенью отправлялась в уездный город Малоярославец за бакалейными товарами и возила их торговцам в Угодский Завод. За поездку она зарабатывала рубль — рубль двадцать копеек. Ну какой это был заработок? Если вычесть расходы на корм лошадям, ночлег в городе, питание, ремонт обуви и т. п., то оставалось очень мало. Я думаю, нищие за это время собирали больше... Мы, дети бедняков, видели, как трудно приходится нашим матерям, и горько переживали их слезы. И какая бывала радость, когда из Малоярославца привозили нам по баранке или прянику! Если же

удавалось скопить немного денег к Рождеству или Пасхе на пироги с начинкой, тогда нашим восторгам не было границ».[4]

Константин Жуков, проработав в Москве некоторое время, после событий 1905 года был уволен и выслан оттуда. По этому поводу Георгий Константинович пишет: «В 1906 году возвратился в деревню отец. Он сказал, что в Москву больше не поедет, так как полиция запретила ему жительство в городе, разрешив проживание только в родной деревне. Я был доволен тем, что отец вернулся насовсем».[5] С того времени и по день своей смерти он безвыездно жил в деревне. Скончался Константин Артемьевич в 1921 году.

Г.К.Жуков, вспоминая о своем отце, отмечал, что его уважали в деревне, считались с его мнением. Обычно на сходках, собраниях последнее слово принадлежало ему. «Я очень любил отца, и он меня баловал, — рассказывал Георгий Константинович. — Но бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня — терпел, но прощения не просил. Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моем убежище соседка и привела домой. Отец еще мне добавил, но потом пожалел и простил».[6]

Как рассказывала в своей статье А.Д.Миркина, односельчанка и однофамилица Г.К.Жукова Екатерина Федотьевна «неизменно вспоминала Егорку — отчаянно смелого мальчишку, атамана и главаря во всех играх, всегда „по-честному“ решавшего ребячьи споры».[7]

Прямота и твердость, упрямство, смелость, недюжинная физическая сила — очевидные качества Георгия Константиновича полностью проявились уже в его самые ранние годы. И были они очень кстати в тяжелой деревенской жизни тех лет. Для Жуковых особо трудным выдался 1902 год, когда осенью от ветхости обвалилась крыша дома. Семья перебралась в сарай и была вынуждена срочно, до холодов, купить новый сруб. Константин Артемьевич занял у односельчан денег и по сходной цене приобрел его в рассрочку, а соседи помогли поставить дом и покрыть его соломой. «Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря, — вспоминал Жуков. — Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде».

Георгий Жуков, как и многие его сверстники, часто бегал ловить рыбу на речки Огублянка и Протва. В Огублянке было много плотвы, окуня и линя, которого подростки ловили главным образом корзинами.

4 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 12–13.

5 Там же. С. 19.

6 Там же. С. 17–18.

7 Цит. по: Миркина А. Маршал пишет книгу // Огонек. 1988. № 6. С. 12.

Немалым подспорьем в пропитании служил сбор грибов и ягод. И с малых лет одним из любимых занятий Георгия стала охота. К ней его приучил брат крестной матери Георгия Прохор, работавший половым в трактире деревни Огубь. У него было что-то неладно с ногой, и все звали его хромым Прошкой. Несмотря на свою хромоту, Прохор был страстным охотником, летом стрелял уток, а зимой добывал зайца. Основной обязанностью малолетнего Георгия было доставать уток из воды или ходить в загон.

Впервые Георгий познал на себе тяжелый крестьянский труд, когда ему не исполнилось и семи лет: вместе с взрослыми растрясал граблями сено и сгребал его в копны, жал рожь. Во время жатвы случайно резанул серпом по мизинцу левой руки. «Сколько лет с тех пор прошло, — писал в своих мемуарах Жуков, — а рубец на левом мизинце сохранился и напоминает мне о первых неудачах на сельскохозяйственном фронте».

Осенью 1903 года ему предстояло пойти в школу. К этому ответственному событию он готовился весьма тщательно и по букварю вместе с сестрой старался выучить печатные буквы. Из Стрелковки собирались на учебу еще несколько ребят, в их числе закадычный друг Георгия Лешка Жуков по прозвищу Колотырный. Жуковых в деревне насчитывалось пять дворов, а детей-однофамильцев различали по именам матерей: Устиньины, Авдотьины, Татьянины… Церковноприходская школа находилась в полутора километрах, в деревне Величково. Там также учились ребята из других окрестных деревень — Лыково и Огубь. Учителем в школе был Сергей Николаевич Ремизов, по многим свидетельствам, опытный педагог и хороший человек. Он зря никого не наказывал и никогда не повышал голоса на ребят, тем не менее ученики его уважали и слушались. Отец Сергея Николаевича, тихий и добрый старичок, был священником и преподавал в школе Закон Божий. И видно, не случайно Г.К.Жуков, вспоминая свое детство, отмечал, что одной из редких радостей была у него школа: учился он с желанием и старательно. Кстати, у Георгия и у Леши Колотырного оказались хорошие голоса, и обоих включили в школьный хор.

Во второй класс почти все ребята из Стрелковки перешли с хорошими отметками, и только Лешу, несмотря на коллективную помощь, не перевели — по Закону Божьему у него была двойка. Сестра Георгия, Мария, училась тоже плохо и была оставлена во втором классе на второй год. Поэтому отец с матерью решили, что ей надо бросать школу и браться за домашнее хозяйство. Маша горько плакала и доказывала, что пропустила много уроков, ухаживая за Алешей, когда мать отправлялась в извоз. Георгий заступился за сестру. В конце концов они убедили мать оставить Машу в школе.

В 1906 году Георгий Жуков окончил трехклассную церковно-приходскую школу с похвальным листом. По этому случаю мать подарила ему новую рубаху, а отец сам сшил сапоги. Константин Артемьевич, считая, что сын стал достаточно грамотным и может теперь приступить к овладению ремеслом, решил отвезти Георгия в Москву, но мать настояла на том, чтобы тот пожил в деревне еще один год. В Малоярославецком уезде в почете были в основном две специальности: скорняки и булочники. На местной, скудной на урожаи песчаной почве прокормиться было трудно. Землю, как правило, обрабатывали женщины, а большинство мужчин трудились в городах, приезжая в деревню на уборку урожая и заготовку кормов для скота.

Родители решили определить Георгия в скорняжную мастерскую, к брату матери — Михаилу Артемьевичу Пилихину. По воспоминаниям Г.К.Жукова, тот, как и мать Георгия Константиновича, рос в бедности, и одиннадцати лет его отдали в учение в скорняжную мастерскую. Однако вскоре он стал мастером и, так как был очень бережлив, сумел за несколько лет скопить деньги и открыть свое дело. Будучи хорошим меховщиком, Михаил приобрел много богатых заказчиков, которых «обдирал немилосердно». Своих рабочих-скорняков и учеников он «эксплуатировал беспощадно» и сколотил капитал примерно в пятьдесят тысяч рублей.

Можно предположить, что Жуков дал не совсем лестную характеристику своему дяде в духе того времени, когда писались «Воспоминания и размышления». Ведь владелец мастерской не мог быть никем иным, как эксплуататором. Но это, судя по имеющимся другим свидетельствам, не совсем соответствует истине. Благодаря прежде всего своему трудолюбию и постигнутому скорняжному искусству Михаил Пилихин сумел открыть на Кузнецком мосту собственную мастерскую и один из лучших в Москве меховой магазин.

Летом 1908 года Георгий вместе с отцом наведался в деревню Черная Грязь, где его дядя проводил лето. Встретили их довольно сухо, но похвальный лист и крепкий внешний вид паренька произвели на Михаила Артемьевича благоприятное впечатление.

Немного позднее дядя Сергей, брат жены М.А.Пилихина, отвез Георгия в Москву. Большой город сразу поразил воображение: высокие дома, мощеные улицы, лихачи-извозчики. Обязанности Георгия, как самого младшего ученика, состояли в уборке помещений мастерской и квартиры, чистке обуви хозяев и их детей. Старший мальчик Кузьма в первый же день повел Георгия в ближайшие лавки, куда ему предстояло ходить за табаком и водкой для мастеров. Кухарка, она же старшая мастерица, Матреша показала, как чистить и мыть посуду, разводить самовар. С утра следующего дня Георгия посадили в углу мастерской и сказали, чтобы он прежде всего научился шить мех. Матреша снабдила его иголкой, нитками и наперстком, показала технику шитья.

Двоюродный брат Жукова, учившийся там же М.М.Пилихин, вспоминал: «Сезон скорняжного дела начинался с июля. С 20 декабря все мастера уезжали по своим деревням на Рождество, а возвращались 10–15 января. Каждый ученик был прикреплен к мастеру, который и обучал его. Мастера приходили к семи часам. Ученикам входило в обязанность подготовить к приходу мастеров рабочие места, а по окончании работы подмести мастерскую и все убрать. К приходу мастеров мы ставили самовар и готовили все к завтраку. Все мастера находились на хозяйских харчах — завтракали, обедали, ужинали. Это было лучше для производства, и мастерам было лучше: они хорошо покушают и отдохнут. А если они будут ходить в чайную, там выпивать и только закусывать, то полуголодные будут возвращаться уже навеселе. Они были бы малопроизводительными работниками».

Эту картину подробно дополняет сам Жуков: «За малейшую оплошность хозяин бил нас немилосердно. А рука у него была тяжелая. Били нас мастера, били мастерицы, не отставала от них и хозяйка. Когда хозяин был не в духе — лучше не попадайся ему на глаза. Он мог и без всякого повода отлупить так, что целый день в ушах звенело.

Иногда хозяин заставлял двух провинившихся мальчиков бить друг

друга жимолостью (кустарник, прутьями которого выбивали меха), приговаривая при этом: „Лупи крепче, крепче!“ Приходилось безропотно терпеть.

Мы знали, что везде хозяева бьют учеников — таков был закон, таков порядок. Хозяин считал, что ученики отданы в полное его распоряжение, и никто никогда с него не спросит за побои, за нечеловеческое отношение к малолетним. Да никто и не интересовался, как мы работаем, как питаемся, в каких условиях живем. Самым высшим для нас судьей был хозяин. Так мы и тянули тяжелое ярмо, которое и не каждому взрослому было под силу».[8]

Как видим, не балует Георгий Константинович своего дядю хорошими характеристиками. А с ними порой трудно согласиться. Известно, например, что Михаил Артемьевич построил в деревне новый дом для своих родителей и проявлял заботу о других родственниках. Приведем свидетельство М.М.Пилихина: «В 1912 году мать Георгия заболела и приехала в Москву к брату. Отец пригласил врачей, которые, осмотрев больную, рекомендовали немедленно положить в больницу, где ей сделали сложную операцию. Когда мать Георгия вышла из больницы, она пробыла у брата около месяца, поправилась, отдохнула и стала просить брата отправить ее домой. Отец попросил Георгия проводить мать в деревню. Он с большой радостью поехал провожать мать домой, в Стрелковку, и прожил в деревне несколько дней, повидался с товарищами и родными и вернулся в Москву к дяде Мише».

Не забывал М.А.Пилихин и о своем племяннике, иначе вряд ли взял бы его в магазин после двух лет работы в мастерской. В магазине служил и старший сын Пилихина Александр, который помогал Георгию осваивать все премудрости обслуживания покупателей. А тот со своей обязательностью, аккуратностью и исполнительностью явно пришелся ко двору, и не случайно, что уже в 15 лет его стали называть Георгием Константиновичем.

В 1911 году на предприятие отца пришел в качестве ученика и другой его сын — Михаил. На правах старшего Георгий взял над ним шефство. Иногда они вместе упаковывали товары в короба и носили в контору для отправки по железной дороге. «Во время упаковки товара Георгий, бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник, — вспоминал Михаил Михайлович. — Но я в долгу не оставался, давал ему сдачи и убегал, так как он мог наподдать мне еще. За меня заступался мой старший брат Александр, он был одногодок с Георгием. А в основном жили очень дружно…»

Георгий особенно уважал Александра, который приобщил его к чтению и снабжал книгами. Они вместе спали на полатях, читали и вели беседы. Первыми книгами для Жукова оказались роман «Медицинская сестра», увлекательные истории о Нате Пинкертоне, «Записки о Шерлоке Холмсе» и другая приключенческая литература, изданная в серии дешевой библиотечки. Сам он вспоминал, что это было интересно, но не очень-то поучительно. Поэтому вместе с Александром они взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг. «Занимались обычно вдвоем, главным образом, когда не было дома хозяина и по воскресеньям. Но как мы ни прятались

8 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 27

от хозяина, он все же узнал о наших занятиях. Я думал, что он меня выгонит или крепко накажет. Однако против ожидания он похвалил нас за разумное дело.

Так больше года я довольно успешно занимался самостоятельно и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища».[9]

Уговорили М.А.Пилихина отпускать Георгия вечерами на курсы его сыновья. «Я был очень рад, — вспоминал Георгий Константинович. — Правда, уроки приходилось готовить ночью на полатях, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей». На учебники и книжки надо было экономить. Часто, вместо того чтобы использовать деньги, которые хозяин выдавал для поездки на конке к заказчику, он ходил пешком через всю Москву.

Но не только учебой и чтением увлекался Георгий со своими двоюродными братьями. Любили они и в карты сыграть, в «двадцать одно», за что Жуков, по его воспоминаниям, однажды получил оплеуху от хозяина. По версии Михаила Пилихина, история с картами закончилась более мирным способом, но то, что поставил на ней решительную точку Михаил Артемьевич, ненавидевший подобные занятия, сомнений не вызывает.

Кстати, по мемуарам Жукова, он окончил общеобразовательные курсы в 1911 году. Однако в автобиографии, датированной 1938 годом, Георгий Константинович отмечал: «Образование низшее. Учился 3 года до 1907 г. в церковноприходской школе в дер. Величково Угодско-Заводского района Московской области и 5 месяцев учился на вечерних курсах при городской школе в Москве, Газетном переулке. Не было средств учиться дальше — отдали учиться скорняжному делу. За 4-й класс городского училища сдал (экзамены. — В.Д.) экстерном при 1-х Рязанских кавкурсах ст. Старожилово Р.У.Ж.Д. в 1920 г.». Позднее, в 1948 году, заполняя личный листок по учету кадров в связи с назначением командующим Уральским военным округом, в графе «образование» Жуков указал, что в 4-й класс городской школы поступил в 1907 году, окончив его в 1908-м (а не в 1911-м, как написал в мемуарах). Здесь Жуков не стал уточнять, что экзамены за 4-й класс сдал только в 1920 году. В то же время непонятно, как он мог поступить в 4-й класс в 1907 году, если прибыл в Москву только в 1908 году?

…По субботним и воскресным дням ребят водили в Кремль, в Успенский собор, или в храм Христа Спасителя. И Жуков, и М.Пилихин вспоминают, что не любили бывать в церкви и всегда старались удрать оттуда под каким-либо предлогом. Однако с удовольствием ходили в Успенский собор послушать великолепный синодальный хор и специально протодьякона Розова: голос у него был, как иерихонская труба.

На четвертом году учения Георгия, как физически более крепкого мальчика, взяли в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку, где М.А.Пилихин снял себе лавку для оптовой торговли мехами. На ярмарке в обязанности Георгия входили главным образом упаковка проданного товара и отправка его по назначению через городскую пристань на Волге, пристань на Оке или через железнодорожную товарную контору. На Нижегородскую ярмарку съезжались торговцы и покупатели со всей

9 Там же. С. 28.

России. Туда везли свои товары и «заморские купцы» из других государств. В том же году довелось Георгию съездить на другую ярмарку, в Урюпино, в Область Войска Донского.

Приобщение к политике шло неспешно. Мастера, пишет Георгий Константинович, мало читали, и, кроме Ф.И.Колесова, никто в мастерской не разбирался в политических делах. Несмотря на слабую политическую осведомленность, мастера-скорняки, вспоминал Жуков, все же знали о расстреле рабочих на Ленских приисках и повсеместном нарастании революционного брожения, а Колесов изредка приносил большевистские газеты «Звезда» и «Правда».

В 1912 году Георгий Константинович окончил учебу, и дядя Миша дал ему в виде наградных небольшую сумму денег и, как положено после окончания учебы, костюм-тройку, пальто демисезонное, пальто зимнее на меху с каракулевым воротником, обувь и белье. Получив месячный отпуск, Георгий поехал домой, в Стрелковку. На полустанке Оболенское его встретила мать, долго плакала и обнимала сына. Устинья Артемьевна очень изменилась за эти четыре года и состарилась. Маша выросла и стала настоящей невестой. Отец сильно постарел и еще больше согнулся — ему шел семидесятый год.

Через день после возвращения в Стрелковку Георгий принял участие в покосе. Поначалу он уставал, потел, видимо, сказывался долгий перерыв. Потом все пошло хорошо: косил чисто, не отставая от других. «Вечерами, забыв об усталости, молодежь собиралась около амбара, и начиналось веселье, — вспоминал Георгий Константинович. — Пели песни, задушевные и проникновенные. Девушки выводили сильными голосами нежную мелодию, ребята старались вторить молодыми баритонами и еще не окрепшими басами. Потом плясали до упаду. Расходились под утро и едва успевали заснуть, как нас будили, и мы вновь отправлялись на покос. Вечером все начиналось сначала. Трудно сказать, когда мы спали».[10]

Односельчанам Георгий Жуков запомнился бойким и веселым парнем, «грозой девок». Они рассказывали о его столкновении с почтальоном Филей из-за приглянувшейся ему Мани Мельниковой. Филе не понравилось, что Георгий танцует с Маней. Он выхватил револьвер, который почтальону полагался по роду службы, и пригрозил: «Еще раз станцуешь с Маней, убью!» Но Георгий ловко вырвал у соперника револьвер, забросил оружие в кусты и как ни в чем не бывало продолжал танцевать с Маней. Фили же и след простыл. Позднее Георгий Константинович вспоминал: «Я когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки!»

В ту пору Георгий Константинович питал серьезные чувства к Нюре Синельщиковой. Когда она вышла замуж за другого, Жуков, узнав об этом, приехал в деревню и не своим голосом кричал: «Нюрка, что ты сделала?!» Родне едва удалось успокоить Георгия и убедить его не делать глупостей. Много лет спустя Жуков подарил ей свои «Воспоминания и размышления», надписав: «А. В. Синельщиковой — другу моего детства на добрую память».

Отпуск пролетел быстро, и нужно было возвращаться в Москву. В предпоследнюю ночь пребывания Георгия дома в соседней деревне

10 Там же. С. 59.

Костинка случился пожар. Дул сильный ветер, и огонь, занявшийся посредине деревни, стал быстро распространяться на соседние дома, сараи и амбары. Молодежь в это позднее время еще гуляла и издалека заметила густой дым. Все бросились в пожарный сарай, быстро выкатили бочку и потащили ее на руках в горевшую деревню. Несмотря на отчаянные усилия пожарных команд, которые собрались из соседних сел, выгорело полдеревни. Георгий, пробегая с ведром воды мимо одного дома, услышал крик: «Спасите, горим!» Он бросился туда, откуда раздавались крики, и вытащил испуганных до смерти детей и больную старуху. Наутро обнаружились две прожженные дырки на новом пиджаке — подарке хозяина.

Вернувшись в Москву, Георгий продолжил работу в мастерской М.А.Пилихина на должности молодого мастера (подмастерья). «Хозяин спросил, как я думаю дальше жить: останусь ли на квартире при мастерской или пойду на частную квартиру? — вспоминал Георгий Константинович. — Если останешься при мастерской и будешь по-прежнему есть на кухне с мальчиками, то зарплата тебе будет десять рублей; если пойдешь на частную квартиру, тогда будешь получать восемнадцать рублей.

Жизненного опыта у меня было маловато, и я сказал, что буду жить при мастерской. Видимо, хозяина это вполне устраивало, так как по окончании работы мастеров для меня всегда находилась какая-либо срочная, неоплачиваемая работа. Прошло немного времени, и я решил: „Нет, так не пойдет. Уйду на частную квартиру, а вечерами лучше читать буду“.

На Рождество я вновь съездил в деревню, уже самостоятельным человеком. Мне шел 17-й год, а самое главное — я был мастером, получавшим целых десять рублей, а это далеко не всем тогда удавалось.

Хозяин доверял мне, видимо, убедившись в моей честности. Он часто посылал меня в банк получать по чекам или вносить деньги на его текущий счет. Ценил он меня и как безотказного работника и часто брал в свой магазин, где, кроме скорняжной работы, мне поручалась упаковка грузов и отправка их по товарным конторам.

Мне нравилась такая работа больше, чем в мастерской, где, кроме ругани между мастерами, не было слышно других разговоров. В магазине — дело другое. Здесь приходилось вращаться среди более или менее интеллигентных людей, слышать их разговоры о текущих событиях».[11]

А события клубились над Россией темными тучами.

Глава II. Буду честно драться за Россию

Начало Первой мировой войны, затянувшей в свой огненный водоворот восемь европейских государств (Германия и Австро-Венгрия — с одной стороны, противостоящие им Англия, Франция, Россия, Бельгия, Сербия и Черногория — с другой), запомнилось Г.К.Жукову погромом иностранных магазинов в Москве. «Агентами охранки и черносотенцами под прикрытием патриотических лозунгов был организован погром немецких и австрийских фирм. В это были вовлечены многие, стремившиеся попросту чем-либо поживиться. Но так как эти люди не

11 Там же. С. 61.

могли прочесть вывески на иностранных языках, то заодно громили и другие иностранные фирмы — французские, английские».[12]

Осенью 1914 года добровольцем ушел на фронт Александр Пилихин. Звал с собой и Георгия Жукова, но тот отказался. В «Воспоминаниях и размышлениях» этот отказ мотивируется довольно обстоятельно: принято такое решение было под влиянием Ф.И.Колесова, который считал, что неимущим воевать не за что. Однако в мемуарах оценки начального периода войны с сугубо классовых позиций выглядят уж чересчур официозными, в духе влияния гораздо более позднего времени. Видно, Жуков чего-то не договаривает. Ведь знал он, что Михаил Пилихин гордился поступком старшего брата, а Александр прислал с фронта письмо, где писал: «Я, сын своей Родины, не мог оставаться без участия». Его на фронте тяжело ранило, и он был эвакуирован в госпиталь в Москву. Из госпиталя Александр выписался инвалидом и вернулся домой к отцу. В феврале 1918 года А.М.Пилихин добровольно вступил в Красную Армию и погиб в боях под Царицыном.

Жуков по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном Ряду, что снимал за три рубля в месяц у вдовы Малышевой. Дочь ее Марию он полюбил, и вскоре они решили пожениться. Но война спутала все надежды и расчеты. В связи с большими потерями на фронте в конце июля 1915 года был объявлен досрочный призыв молодежи рождения 1896 года. Подходила и очередь Жукова. «Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей, — отмечал в своих мемуарах Георгий Константинович. — Они разъезжали по Москве на „лихачах“, в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане „Яр“. Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию».[13]

М.А.Пилихин, ценивший Жукова как хорошего работника, предложил устроить так, что его оставят на год по болезни, а может быть, — и по чистой. Однако Георгий посчитал, что по своему долгу обязан защищать Родину. Вряд ли его взгляды могли так поменяться за сравнительно короткий срок. Понятно, что причины первоначального отказа идти на фронт заключались отнюдь не в отсутствии патриотизма или смелости.

И вновь родная Стрелковка, прощание с родителями, а через несколько дней — призывной пункт в Малоярославце, куда Георгий Жуков вместе с односельчанами-одногодками прибыл в начале августа 1915 года. Начиналась солдатская жизнь.

Позже Георгий Константинович не раз задумывался над тем, почему именно так, а не иначе сложилась его жизнь. Например, по тем временам он имел достаточный образовательный ценз для поступления в школу прапорщиков. Но девятнадцатилетнему юноше этого не захотелось, и его по собственному желанию взяли в солдаты. В беседе с писателем Константином Симоновым Г.К.Жуков объяснил свой поступок следующим образом: «На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим (перед призывом в армию. — В.Д.). Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных,

12 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 62–63.

13 Там же. С. 63.

что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывалыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко. Я пошел солдатом».[14]

Попал Жуков в кавалерию, и с ней оказалась связана почти четверть века его военной биографии. После прибытия в Калугу новобранцев направили в учебный городок, находившийся за городом. Там им объявили, что они находятся в 189-м запасном пехотном батальоне, где будет формироваться команда 5-го запасного кавалерийского полка. Сначала предстояло обучаться пехотному строю, и всем выдали учебные винтовки. Отделенный командир ефрейтор Шахворостов объявил внутренний распорядок и обязанности новобранцев. Он строго предупредил, что, кроме как «по нужде», никто не может никуда отлучаться, если не хочет попасть в дисциплинарный батальон. «Говорил он отрывисто и резко, сопровождая каждое слово взмахом кулака. В маленьких глазках его светилась такая злоба, как будто мы были его заклятыми врагами».[15]

Военная служба поначалу давалась Георгию с трудом. На строевых занятиях все новобранцы старались, но угодить начальству, а тем более дождаться поощрения, было нелегко. Придравшись к тому, что один солдат сбился с ноги, командир взвода старший унтер-офицер Малявко задержал всех на дополнительные занятия. «Впечатление от первого дня было угнетающим, — отмечал Жуков. — Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн „Боже, царя храни!“. Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке… Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским порядкам».[16]

Дни в учебном подразделении были однообразными, похожими один на другой как две капли воды. В первое воскресенье Жукову, как и другим новобранцам, не дали отдохнуть, а отправили на уборку плаца и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после «мертвого часа» чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор Шахворостов предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура все равно не пропустит.

В сентябре 1915 года учебную команду отправили на Украину, в 5-й запасный кавалерийский полк, который располагался в городе Балаклее Харьковской губернии. Эшелон прибыл на станцию Савинцы, где готовились маршевые пополнения для 10-й кавалерийской дивизии. Малоярославецкие, москвичи и несколько ребят из Воронежской губернии были определены в драгунский эскадрон.

---

14 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 40.

15 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 66.

16 Там же. С. 67.

Через день вновь прибывшим выдали кавалерийское обмундирование и конское снаряжение, за каждым закрепили лошадь. Жукову попалась очень строптивая кобылица темно-серой масти по кличке Чашечная. «Служба в кавалерии оказалась интереснее, чем в пехоте, но значительно труднее, — вспоминал Георгий Константинович. — Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, а в 5, ложиться также на час позже. Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием — пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: „Терпи, казак, атаманом будешь". И мы терпели до тех пор, пока не уселись крепко в седла».[17]

Взводный командир старший унтер-офицер Дураков оказался, вопреки своей фамилии, далеко не глупым человеком. Начальник он был очень требовательный, но солдат никогда не обижал и всегда был сдержан. Зато другой командир, младший унтер-офицер Бородавко, был ему полной противоположностью: крикливый, нервный и крайне дерзкий на руку. Старослужащие говорили, что он не раз выбивал солдатам зубы. Особенно беспощаден он был, когда руководил ездой. Жуков и другие хорошо почувствовали это во время кратковременного отпуска взводного. Бородавко, оставшись за взводного, развернулся вовсю. «И как только он не издевался над солдатами! — отмечал позднее Георгий Константинович. — Днем гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве, поскольку считал их „грамотеями" и слишком умными. А ночью по нескольку раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их. Солдаты были доведены до крайности. Сговорившись, мы как-то подкараулили его в темном углу и, накинув ему на голову попону, избили до потери сознания. Не миновать бы всем нам военно-полевого суда, но тут вернулся наш взводный, который все уладил, а затем добился перевода Бородавко в другой эскадрон».[18]

Весной 1916 года из учебной команды начали формировать маршевый эскадрон. Однако на этот раз Жуков не попал на фронт: тридцать наиболее подготовленных кавалеристов отобрали для учебы на унтер-офицеров. Учебная команда располагалась в городе Изюм Харьковской губернии. Старший унтер-офицер учебной команды, по свидетельству Жукова, оказался хуже, чем Бородавко. Солдаты прозвали его «Четыре с половиной», так как у него на правой руке указательный палец был наполовину короче. Однако это не мешало ему кулаком сбивать с ног солдата. «Меня он не любил больше, чем других, но бить почему-то избегал, — рассказывал Жуков. — Зато донимал за малейшую оплошность, а то и, просто придравшись, подвергал всяким наказаниям. Никто так часто не стоял „под шашкой при полной боевой", не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нес дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что все это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он никак не мог

17 Там же. С. 68.

18 Там же. С. 68–69.

придраться ко мне на занятиях».[19]

Убедившись, что Жукова ничем не проймешь, «Четыре с половиной» решил изменить тактику и предложил ему стать нештатным переписчиком, вести листы нарядов, отчетность по занятиям и выполнять другие поручения. Однако Георгий с присущей ему прямотой ответил, что в учебной команде он для того, чтобы изучить военное дело и стать унтер-офицером. Реакцию на это можно было предусмотреть. В июне в учебной команде начались экзамены. По существовавшему порядку лучший получал при выпуске звание младшего унтер-офицера, а остальные выпускались вице-унтер-офицерами, то есть кандидатами на унтер-офицерское звание. Жуков не сомневался, что он станет первым в команде и обязательно получит при выпуске звание младшего унтер-офицера, а затем — вакантное место отделенного командира. Однако за две недели до выпуска перед строем было объявлено, что он отчисляется из команды за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству. «Четыре с половиной» сводил счеты.

Помощь пришла совершенно неожиданно. За него заступился вольноопределяющийся Скорино, который тут же пошел к начальнику учебной команды и доложил о несправедливом к Жукову отношении. В канцелярию команды Георгий шел с большим волнением — ведь раньше ему никогда не приходилось разговаривать с офицерами. К своему удивлению, он увидел человека с мягкими глазами и простодушным лицом. Начальник команды, служивший до войны вахмистром сверхсрочной службы, получил офицерское звание за храбрость и был награжден почти полным бантом Георгиевских крестов. Он приветливо встретил Жукова и попросил его объяснить, почему за четыре месяца обучения он имеет десяток взысканий и называет своего взводного командира «шкурой» и прочими нехорошими словами. Георгий все подтвердил и правдиво рассказал об истинных причинах такого положения дел. К экзаменам он был допущен, но все-таки при выпуске первенства ему не дали, и из учебной команды Жуков вышел наравне со всеми в звании вице-унтер-офицера.

Не трудно заметить, что, вспоминая свои первые шаги на военной службе, Жуков не очень-то высоко жалует порядки и сложившуюся в русской армии атмосферу. Отмечал он хороший уровень подготовки, особенно строевой, в учебных командах, выпускники которых в совершенстве владели конным делом, оружием и методикой обучения бойцов. Не случайно многие унтер-офицеры русской армии после Октябрьской революции 1917 года стали квалифицированными военачальниками Красной Армии. Но «что касается воспитательной работы, то в основе ее была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого обращения с солдатами, не учили их вникать в душу солдата. Преследовалась одна цель — чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они применялись довольно широко».[20]

Унтер-офицерский состав был основным фундаментом, на котором держалась русская армия, он обучал, воспитывал и цементировал

19 Там же. С. 70.

20 Там же. С. 72.

солдатскую массу. «Надо сказать, что офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат, — отмечал Георгий Константинович. — Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами. Моя многолетняя практика показывает, что там, где нет доверия младшим командирам, где над ними существует постоянная опека старших офицеров, там никогда не будет настоящего младшего командного состава, а следовательно, не будет и хороших подразделений».[21]

Одной из главных проблем русской армии периода Первой мировой войны, по мнению Г.К.Жукова, было отсутствие общности и единства между солдатской массой и офицерским составом. Правда, в ходе войны, когда вследствие больших потерь офицерский корпус укомплектовывался представителями трудовой интеллигенции, грамотными рабочими и крестьянами, а также отличившимися в боях солдатами и унтер-офицерами, эта разобщенность в подразделениях (до батальона или дивизиона включительно) была несколько сглажена. Однако она полностью сохранилась в войсковых соединениях. Офицеры и генералы, не имевшие никакой близости с солдатской массой, не знавшие, чем живет и дышит солдат, были чужды солдату. Это обстоятельство, а также широко распространенная оперативно-тактическая неграмотность высшего офицерского и генеральского состава привели к тому, что командиры эти, за редким исключением, не пользовались авторитетом у солдата.

Насколько справедлив и объективен был в своих суждениях Г.К.Жуков?

А.А.Керсновский в своем труде «История русской армии» отмечал, что для солдат 1914 года офицеры были старшими членами великой военной семьи воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдатами русской армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа. Однако к четвертому году войны на полк приходилось лишь пять-шесть коренных офицеров, редко больше (обычно на должностях командиров батальонов и заведующих хозяйственной частью).[22] В ротах и командах состояло 30–40 офицеров «военного времени», а командир полка, как правило, отбывал мимолетный ценз и ничем не был связан с полком. Офицерская среда была пестра по составу, разнообразна по происхождению и неодинакова по качеству. Старая полковая семья погибла, новая не имела возможности создаться. Народ видел в офицерах только «господ», принося в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни.

Генерал А.И.Деникин в своих мемуарах критически оценивал состояние высшего командного состава к концу 1916 года. «Нужно сказать, что не только войска, но и начальники, — писал он, — получая

21 Там же. С. 73.

22 См.: Керсновский А. А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос,1994. Т. 4. С. 247–248.

редко и мало сведений о действиях на фронте, плохо разбирались в общих стратегических комбинациях… Нет нужды прибавлять, что технические, профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений и сильнейшего расслоения офицерского корпуса мобилизациями, не находились на должной высоте».[23]

Таким образом, Жуков не только верно оценивал состояние дел в русской армии и ее офицерском корпусе, но и раскрыл свои основополагающие взгляды на военное дело, которые пронес через всю жизнь. Во главу угла ставились им близость офицера к солдату и полное взаимопонимание между ними, безусловный авторитет офицерского корпуса, доверие младшим командирам со стороны старших офицеров…

В августе 1916 года вице-унтер-офицер Жуков прибыл в составе пополнения в 10-й драгунский Новгородский полк 10-й кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта. Дивизия была сосредоточена в Быстрицком горнолесистом районе, где она принимала непосредственное участие в наступательных боях, главным образом в пешем строю, так как условия местности не позволяли производить конные атаки.

Вскоре наступление выдохлось и фронт остановился. Началась позиционная война, сопровождавшаяся боями местного значения и частыми вылазками в тыл врага. Георгию Жукову тоже пришлось принять участие в боях, главным образом в разведывательных вылазках. Позднее он признавался: «Когда на войне очутился, поначалу была какая-то неуверенность под артобстрелом, но она быстро прошла. Под пулями никогда не наклонялся. Трусов терпеть не могу». В октябре 1916 года Жуков, находясь вместе с товарищами в разведке на подступах к Сайе-Реген в головном дозоре, напоролся на мину и подорвался. Двоих тяжело ранило, а Жукова выбросило из седла взрывной волной. Очнулся он только через сутки в госпитале. Вследствие тяжелой контузии его эвакуировали в Харьков. Выйдя из госпиталя, долго еще чувствовал недомогание и, самое главное, плохо слышал. Медицинская комиссия направила Георгия Константиновича в маршевый эскадрон в село Лагери, где с весны стояли его друзья по новобранческому эскадрону. Покинув эскадрон молодым солдатом, Жуков вернулся сюда с унтер-офицерскими лычками, фронтовым опытом и двумя Георгиевскими крестами на груди, которыми был награжден за захват в плен немецкого офицера и контузию.

Вспоминая о последних месяцах накануне Февральской революции 1917 года, Г.К.Жуков отмечал, что в беседах с солдатами понял: они не горят желанием «нюхать порох» и не хотят войны. Все упорнее стали ходить слухи о забастовках и стачках рабочих в Петрограде, Москве и других городах. Говорили о большевиках, которые ведут борьбу против царя, за мир, за землю и свободу для трудового народа.

Несмотря на то, что Жуков был унтер-офицером, солдаты относились к нему с доверием, и после Февральской революции он избирается председателем солдатского эскадронного комитета. Летом эскадрон был переброшен на станцию Савинцы под Харьковом, где Жукова и застала Октябрьская революция. В автобиографии 1938 года он отмечал: «Участие в октябрьском перевороте выражал в том, что эскадрон под руководством комитета встал на платформу большевиков и отказался

---

23 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 23–24.

„украинизироваться“ (то есть превращаться в украинскую национальную воинскую часть, подчиненную Центральной Раде в Киеве. — В.Д.)».

Вскоре по решению солдатского комитета эскадрон был распущен по домам. Всем солдатам были выданы справки, удостоверявшие увольнение со службы, и рекомендовалось захватить с собой карабины и боевые патроны. Однако заградительный отряд в районе Харькова изъял оружие у большинства солдат. Жукову пришлось несколько недель укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как его разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам. 30 ноября 1917 года он вернулся в Москву, решил отдохнуть несколько месяцев в родной деревне, а затем вступить в Красную гвардию. Побывка на родине едва не окончилась трагически: его свалил сначала сыпной тиф, потом — возвратный. Тяжелая болезнь вывела из строя почти на полгода.

В конце сентября 1918 года Жуков прибыл в Малоярославец, где располагался призывной пункт. Но по причине перенесенного тифа в Красную Армию его не приняли. Было принято решение ехать в Москву и там записаться в армию добровольцем. Правда, в автобиографии 1938 года он отмечал: «В РККА — с конца сентября 1918 года по мобилизации. Службу начал в 4-м Московском полку (кавалерийском) с октября 1918 года».

В служебной карточке Г.К.Жукова, хранящейся в архиве, отмечено, что он вступил в Красную Армию добровольно 1 октября 1918 года. Дивизия, в которую его зачислили, была сформирована на основании приказа Высшего Военного Совета № 54 от 19 июня 1918 года и называлась Кавалерийской дивизией Московского военного округа. В сентябре она была переименована в Московскую кавалерийскую дивизию. В ее составе и формировался 4-й Московский кавалерийский полк.[24]

К этому времени Жуков уже накрепко связал себя с партией большевиков, состоял в группе сочувствующих, готовясь к вступлению в РКП(б). «Группа сочувствующих в эскадроне, — вспоминал он, — состояла из пяти человек, и, несмотря на ее малочисленность, товарищи Трофимов (секретарь партийного бюро 4-го Московского кавалерийского полка. — В.Д.) и Волков (комиссар полка. — В.Д.) приходили к нам не менее двух раз в неделю, чтобы побеседовать о внутреннем и международном положении, о том, что предпринимает партия на фронтах. Эти беседы затягивались надолго и были очень интересны, особенно когда шла речь о борьбе большевиков с царизмом и о жарких схватках в октябрьские дни в Петрограде, Москве и других промышленных городах страны… 1 марта 1919 года меня приняли в члены РКП(б). Многое уже теперь забыто, но день, когда меня принимали в члены партии, остался в памяти на всю жизнь».[25]

Нельзя исключать вероятность того, что в этот день Г.К.Жуков был принят лишь в кандидаты, а не в члены партии. Такой точки зрения придерживается, например,В.Г.Краснов, автор книги «Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления». Он пишет, что обнаружил в архиве документ, в котором четко сказано о приеме Жукова из кандидатов в члены РКП(б), и произошло это после 8

24 См.: Свищев В.Н. Г.К.Жуков на фронтах Гражданской войны в Заволжье // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 44.

25 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 94–95.

мая 1920 года, так как предыдущий протокол (№ 9) датируется именно этим числом.

В мае 1919 года Московская кавалерийская дивизия была переброшена из Москвы в район Самары, где вошла в состав Южной группы армий Восточного фронта, которой командовал М.В.Фрунзе. К этому времени войска адмирала А.В.Колчака вышли на подступы к Самаре и Казани. Одновременно в тылу Восточного фронта вспыхнули антибольшевистские восстания, а казачьи части 9 мая окружили Уральск. Имея значительное превосходство в коннице, противник продолжал развивать наступление на Саратов и Самару.

Командующий Восточным фронтом бывший генерал А.А.Самойло потребовал от М.В.Фрунзе «напрячь все усилия к быстрейшему подавлению восстаний в Уральской и Оренбургской областях и прочному обеспечению за нами этих районов, для чего в ваше распоряжение передаются 3 бригада 33 дивизии, Московская кавалерийская дивизия, два полка Самарской рабочей бригады и Казанский мусульманский полк».[26]17 мая части Московской кавалерийской дивизии прибыли на станцию Ершов, которая была узлом не только железных, но и грунтовых дорог, что придавало ему особую важность в военном отношении. Здесь части дивизии начали подготовку к наступлению на Уральск. 21 мая Фрунзе приказал командующему 4-й армией К. А. Авксентьевскому сосредоточить в районе железнодорожной станции Шипово, кроме «частей отряда Плясункова, 3-ю бригаду 33-й стрелковой дивизии и 1-ю кавалерийскую дивизию, начать решительное наступление с целью разбить главные силы противника, действующего в районе западнее Уральска, и освободить осажденные в Уральске части 22-й стрелковой дивизии…».[27]

В районе Шипово (около 100 километров западнее Уральска) Г.К.Жуков и принял свой первый бой с уральскими казаками. В первых числах июня около восьмисот казаков атаковали позиции 4-го Московского кавалерийского полка. Несмотря на стремительность атаки, красноармейцы успели развернуть орудие и открыть артиллерийский огонь, который внес замешательство в ряды противника. Тем временем неподалеку от станции Шипово сошлись в ожесточенной схватке красные эскадроны и казачьи сотни. После отчаянной рубки казаки наконец не выдержали натиска и отступили. Но военное счастье изменчиво. Командующий Уральской казачьей армией генерал В.С.Толстов бросил в бой резервы. В середине июня противник захватил станцию Шипово, а в конце месяца — Николаевск и продолжал развивать свое наступление в северо-западном направлении. До Волги оставалось 50–60 километров. Однако в ожесточенных боях части Особой бригады, 25-й стрелковой дивизии и двух полков 3-й кавалерийской дивизии нанесли поражение казакам и соединились с гарнизоном Уральска.

«Во время боев за Уральск мне посчастливилось увидеть Михаила Васильевича Фрунзе, — вспоминал Г.К.Жуков. — Он тогда лично руководил всей операцией. М.В.Фрунзе ехал с В.В.Куйбышевым в 25-ю Чапаевскую дивизию. Он остановился в поле и заговорил с бойцами

---

26 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). В 4 т. М., 1972. Т. 2. С. 676.

27 М.В.Фрунзе на Восточном фронте: Сборник документов. Куйбышев, 1985. С. 139.

нашего полка, интересуясь их настроением, питанием, вооружением, спрашивал, что пишут родные из деревень, какие пожелания имеются у бойцов. Его простота и обаяние, приятная внешность покорили сердца бойцов… Мы часто потом вспоминали эту встречу…»[28]

К этому периоду относится и знакомство Георгия Константиновича с комиссаром дивизии, своим однофамильцем Г.В.Жуковым. Тот, видно, присматривался к молодому партийцу — человеку грамотному и в политике разбирающемуся, к тому же опытному кавалеристу, отлично проявившему себя в боях, — и в одной из бесед предложил ему стать политработником. Однако Г.К.Жуков отказался, ответив, что он больше склонен к строевой службе. Тогда комиссар пообещал послать его на курсы красных командиров.

Но осуществиться этому плану было не суждено. 6 сентября Московская кавалерийская дивизия была включена в состав Царицынской ударной группы и на следующий день получила задачу переправиться на правый берег Волги, чтобы совместно с 7-й кавалерийской и 34-й стрелковой дивизиями наступать на Царицын с юга. Развернулись тяжелые бои с постоянно атакующими казачьими и пехотными частями противника. Имея численное превосходство, они теснили красноармейцев к Черному Яру, вскоре блокированному с суши. В этой обстановке полки Московской кавалерийской дивизии перешли на левый берег Волги в район Владимировки.

Деникин стремился перенести боевые действия в Заволжье, чтобы соединиться с Уральской армией и образовать единый фронт. В связи с этим Фрунзе поставил задачу перед 11-й армией: «Во что бы то ни стало удерживать Черный Яр и не допустить переправу противника на левый берег Волги. Продолжать сосредоточение частей и переправу их для нового наступления вдоль правого берега Волги, имея целью содействие 10-й армии при овладении ею районом Царицына».[29] Одновременно в распоряжение 11-й армии было приказано срочно отправить и 4-й Московский кавалерийский полк.

26 октября противник переправился через Волгу в районе хутора Букатин и села Нижне-Погромное, занял села Безродное, Средне-Ахтубинское и повел наступление на юг вдоль реки Ахтубы. На помощь 4-му кавалерийскому полку, который вступил в бой с противником, были направлены 2-й и 3-й полки дивизии, стрелковые части 11-й армии. Но остановить наступление не удалось. В одном из боев в рукопашной схватке с казаками Георгий Константинович был ранен осколками ручной гранаты, которые глубоко врезались в левую ногу и левый бок.

С поля боя его вынес на бурке политрук эскадрона, старый большевик Антон Митрофанович Янин, тоже раненный. На телеге он отвез Жукова в лазарет в Саратов, где работала хорошая знакомая Янина — Полина Николаевна Волохова. Полина Николаевна выхаживала Янина, а ее младшая сестра — юная гимназистка Мария — стала заботиться о Жукове, который ей явно приглянулся. В госпитале Жукову не повезло: вновь заболел тифом. Целый месяц не отходила от него Мария. И как часто бывает в таких случаях, между ними возникла любовь. Георгий

---

28 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 94.

29 Свищев В.Н. Г.К.Жуков на фронтах Гражданской войны в Заволжье // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 45.

Константинович ухаживал за Марией с большой нежностью. Внук Марии Николаевны Георгий, названный в честь деда, вспоминал: «Дедушка рассказывал мне, что он уже тогда полюбил бабушку. За ее милосердие и чудесные голубые глаза… Благодаря им… появилось ее ласковое прозвище — „Незабудка“».

После выздоровления Жуков получил месячный отпуск и отправился в родную деревню. А сестры Волоховы вернулись в Полтаву, откуда они были родом. Роман Георгия и Марии, переросший в серьезные отношения, возобновился лишь три года спустя, уже в Минске.

Месяц пролетел незаметно. Вернувшись в строй, Георгий Константинович в 4-й Московский кавалерийский полк уже не попал: его направили в Тверь в запасный кавалерийский дивизион, а оттуда командировали на 1-е Рязанские кавалерийские командные курсы РККА.

Курсы находились в селе Старожилово Рязанской губернии, в здании бывшего поместья. 16 марта 1920 года мандатная комиссия приняла решение о приеме Жукова на курсы, а на следующий день приказом он был зачислен на 1-е приготовительное отделение.[30]

Учился Жуков хорошо: экзамены по русскому языку, арифметике и географии сдал с оценкой «хорошо», а по гигиене, военной администрации, политграмоте и уставам — на «отлично». По решению педагогического совета 30 апреля он был переведен на специальное отделение.

В ходе учебы Жуков принимал активное участие в работе партийной ячейки, причем сохранившиеся документы свидетельствуют о его принципиальности и прямоте в суждениях и поступках. Особенно ярко это проявилось во время внеочередного собрания партячейки, на котором обсуждался вопрос о судьбе ее председателя Ставенкова. Того намеревались откомандировать с курсов за то, что во время его дежурства заснул часовой. Ставенков подвергся также нападкам со стороны курсанта Валайтиса за доклад в политчасть ГУВУЗа (Главное управление военно-учебных заведений. — В.Д.) и якобы за присвоение жалованья красноармейца. После разъяснений Ставенкова на его защиту встали члены партячейки Михайлов и Жуков, при этом последний задал вопрос комиссару курсов: почему красным офицерам, приехавшим с фронта, устроили аттестационную комиссию, в то время как красные командиры аттестации не подлежат? Затем Жуков внес предложение «признать несправедливым откомандирование тов. Ставенкова, хорошего партийного работника и хорошего строевика, служившего примером для всех курсов». Это предложение было принято единогласно при одном воздержавшемся. Жуков также предложил исключить Валайтиса «из ячейки, так как последний ведет себя вызывающе, на каждом собрании ячейки идет вразрез с каждым постановлением и вообще ведет себя не как коммунист».[31] В результате ячейка приняла решение исключить Валайтиса из ячейки, ходатайствовать исключить из членов партии перед ЦК, дать знать в политчасть ГУВУЗа и опубликовать информацию об этом в газетах.

Своим отношением к учебе, напористостью и требовательностью

---

30 Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 24.

31 Там же. С. 27–28.

Жуков расположил к себе командование и курсантов. Так, в июне он был включен в состав санитарной тройки «для наблюдения за санитарным состоянием курсов», а позднее — в состав мандатной комиссии «для более тщательной поверки соответствия каждого курсанта и поступивших за истекшие два месяца».

Впрочем, трудно представить курсанта без прегрешений. «Убывшего в распоряжение Рязгубвоенкома курсанта т. Жукова Георгия (старшина 1-го эскадрона), — отмечалось в приказе по курсам от 31 июля 1920 года, — откомандированного за нарушение воинской дисциплины, исключить из списков Курсов курсантов 1-го эскадрона с 29 июля».[32] Отчисленным Георгий Константинович был всего неделю, так как уже 5 августа его снова приняли на курсы. Неизвестно, о каком нарушении шла речь, но, вероятно, оно было серьезным, иначе не последовало бы столь строгое наказание.

Вспоминая время учебы на курсах, Георгий Константинович подметил много важных особенностей первых трудных лет строительства Красной Армии. «Строевые командные кадры состояли главным образом из старых военных специалистов — офицеров. Работали они добросовестно, но несколько формально — „от“ и „до“. Воспитательной работой занимались политорганизация и политаппарат курсов, общеобразовательной подготовкой — военизированные педагоги. Политико-экономические дисциплины вели наскоро подготовленные преподаватели, которые зачастую сами „плавали“ в этих вопросах не хуже нас, грешных.

Общеобразовательная подготовка основной массы курсантов была недостаточной. Ведь набирали их из числа рабочих и крестьян, до революции малограмотных. Но, надо отдать им должное, учились они старательно, сознавая, что срок обучения короткий, а научиться надо многому, чтобы стать достойным красным командиром».[33]

Как в то время часто бывало, доучиться без помех не удалось. 10 августа 1920 года 120 человек из состава 1-х Рязанских кавалерийских командных курсов, в том числе и Г.К.Жуков, были направлены в распоряжение 2-й Московской стрелковой бригады. В середине августа курсантов погрузили в эшелон, последовавший в Москву. Всех разместили в Лефортовских казармах, где уже находились тверские и московские курсанты. Было объявлено, что они войдут в состав 2-й Московской бригады курсантов, которая направляется на «врангелевский фронт».

Сводный курсантский кавалерийский полк (командир полка Г.П.Хормушко, комиссар В.А.Крылов) 2-й Московской бригады курсантов был включен в состав 9-й Кубанской армии Кавказского фронта и сосредоточился в Екатеринодаре, откуда выступил на ликвидацию десанта генерала С.Г.Улагая. На этот десант командующий Русской армией генерал П.Н.Врангель возлагал большие надежды. В Крыму армия не могла получить сколько-нибудь серьезного пополнения. Поэтому рассчитывали на кубанских казаков и Армию возрождения России генерала М.А.Фостикова. Но Врангель просчитался: его десант на Кубань и отряды Фостикова в августе-сентябре были разгромлены, а их остатки эвакуировались в Крым. В этих боях принимал участие и Г.К.Жуков.

32 Там же. С. 30.

33 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 105.

После ликвидации врангелевского десанта наиболее подготовленные курсанты досрочно сдали экзамены в полевом штабе 9-й Кубанской армии в Армавире. Большинство из них, в том числе и Жуков, получили направление в кавалерийскую бригаду 14-й стрелковой имени А.К.Степина дивизии, которая вела боевые действия по ликвидации местных повстанческих отрядов. 1 ноября Георгий Константинович прибыл к новому месту службы и получил назначение на должность командира взвода 1-го кавалерийского полка.

Передавал ему взвод Агапов, в прошлом рядовой кавалерист русской армии, участник Первой мировой войны. Встретил он Жукова доброжелательно, подробно рассказал о каждом красноармейце, которые, за исключением трех-четырех человек, имели боевой опыт. Во время построения взвода некоторые бойцы демонстративно разглядывали красные брюки нового командира. Жуков заметил это и сказал: «Меня уже предупредил командир полка Андреев, что вы не любите красные брюки. У меня, знаете ли, других нет. Ношу то, что дала Советская власть, и я пока что у нее в долгу. Что касается красного цвета вообще, то это, как известно, революционный цвет и символизирует он борьбу трудового народа за свою свободу и независимость».[34]

Вскоре новому командиру взвода довелось вести в бой своих подчиненных против повстанцев в Причерноморье. Это было боевое крещение Жукова как командира Красной Армии. Взвод бой выиграл, частью уничтожив повстанцев, частью взяв в плен, не потеряв ни одного человека. Молодого, энергичного краскома заметили и назначили командиром 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка 14-й отдельной кавалерийской бригады, которая была направлена на ликвидацию крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

В это время в личной жизни двадцатичетырехлетнего Георгия Жукова произошло важное событие — он встретил Александру Диевну Зуйкову. «Родилась она в 1900 году в селе Анна Воронежской области, — рассказывала дочь Г.К.Жукова Эра Георгиевна, — в многодетной семье агента по продаже зингеровских швейных машин Зуйкова Дия Алексеевича. Имя Дий дал сыну его отец, волостной писарь, встретив это редкое имя в каких-то бумагах. Жили бедно. Но маме удалось закончить гимназию, а затем учительские курсы. Недолго проработав в деревенской школе, она встретилась с отцом, отряд которого в те годы был направлен в Воронежскую область (в то время губерния. — В.Д.) для борьбы с бандой Антонова, и в 1920 году стала его женой».

Г.К.Жуков, работавший над своими мемуарами в 60-е годы прошлого века, трактовал причины крестьянского восстания на Тамбовщине в духе официальной историографии того времени: «эсеро-кулацкое восстание», ставившее своей целью свержение советской власти, а ближайшими задачами — срыв продразверстки, уничтожение представителей РКП(б) и советской власти, нападения на небольшие отряды Красной Армии с целью их разоружения, порчу железных дорог, уничтожение складов и баз. Впрочем, если бы Жуков и располагал соответствующими документами, в то время ему не позволили бы сказать правду о восстании в Тамбовской губернии. Сейчас мы хорошо знаем о непомерной продразверстке, перегибах, насилиях и произволе местных властей и

34 Там же. Т. 1. С. 110.

продовольственных отрядов по отношению к крестьянам, составлявшим абсолютное большинство населения Тамбовщины. Продовольственные отряды отбирали у них хлеб силой, подвергали пыткам: опускали в колодцы, наливали им в сапоги воду и оставляли на морозе, опаливали огнем бороды.

Восстание вспыхнуло в конце августа 1920 года, что явилось полной неожиданностью для Союза трудового крестьянства (СТК), возглавляемого эсерами. Губернский комитет СТК принял резолюцию о преждевременности и бесперспективности открытой вооруженной борьбы в данный момент. Тогда на арене появился тридцатилетний независимый социалист-революционер, активный участник различного рода экспроприаций денег для нужд партии эсеров А.С.Антонов, который в 1918 году был начальником милиции Кирсановского уезда. Он объединил разрозненные отряды в народные армии. В распоряжении Главного оперативного штаба восставших находилось свыше 20 полков и отдельная бригада. В январе 1921 года в восстании участвовало около 50 тысяч человек, но лишь часть из них была вооружена пулеметами, винтовками, револьверами и шашками. Повстанцы применяли тактику и методы партизанской войны, громили совхозы, убивали партийных и советских работников.

Против повстанцев выступили местные формирования коммунистов, красноармейские отряды, части особого назначения, курсанты военно-учебных заведений Красной Армии и школ ВЧК. Но из-за неорганизованности и нерешительности местного военного командования успеха их действия не имели. Поэтому для ликвидации армии Антонова был создан штаб войск Тамбовской губернии, которые к июню 1921 года насчитывали до 43 тысяч штыков и сабель. Командующим войсками назначили в начале мая бывшего дворянина и поручика М.Н.Пугачевского, его заместителем — бывшего подпоручика И.П.Уборевича (Уборявичюса), начальником штаба — бывшего полковника Н.Е.Какурина.

Вспоминая о том времени, Жуков писал: «О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец. Впервые я увидел М.Н.Тухачевского на станции Жердевка, на Тамбовщине, куда он приехал в штаб нашей 14-й отдельной кавалерийской бригады. Мне довелось присутствовать при его беседе с командиром бригады. В суждениях М.Н.Тухачевского чувствовались большие знания и опыт руководства операциями крупного масштаба».[35]

В наши дни известно, какими методами действовали части Красной Армии и ВЧК при подавлении восстания. В соответствии с решениями Полномочной комиссии ВЦИК (председатель В. А. Антонов-Овсеенко) войска Тамбовской губернии широко применяли метод оккупации районов восстания, систему заложничества, создали сеть концлагерей (к середине июля 1921 года в них находилось более 9,3 тысячи человек), расстреливали родственников повстанцев на глазах у местных жителей, сжигали непокорные деревни.[36] Одновременно среди населения

35 Там же. Т. 1. С. 112.

36 Российский государственный военный архив. (Далее — РГВА.) Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 42.

проводилась широкая разъяснительная работа с целью его ознакомления с аграрной политикой Советской власти. Красноармейцы оказывали крестьянам помощь в проведении посевной кампании, в запашке полей, в починке сельскохозяйственного инвентаря. Это играло определенную позитивную роль и способствовало добровольной сдаче восставших и дезертиров. Однако основным средством борьбы с повстанцами была военная сила.

Во второй половине мая 1921 года войска Тамбовской губернии начали операции по разгрому повстанцев. В течение десяти дней была разгромлена 2-я народная армия, остатки которой укрылись в лесах. С целью очистки лесов от повстанцев командование войск Тамбовской губернии применило в июне удушливые газы. Эта мера была одобрена Комиссией по борьбе с бандитизмом при Реввоенсовете республики, советовавшей прибегать к газовым атакам «с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случаях полной обеспеченности успеха».[37] Частям 1-й народной армии удалось уйти на Дон, потом в Воронежскую губернию, но 20 июня у города Урюпинска была разгромлена и она.

Запомнились Жукову на Тамбовшине несколько боевых эпизодов. Утром 5 марта 1921 года он проснулся рано и, стоя на крыльце, с наслаждением глубоко вдыхал в себя свежий воздух. Неожиданно в конце деревни показался всадник. Он круто осадил коня перед крыльцом и крикнул: «Антоновцы!» 1-й кавалерийский полк был поднят по тревоге: разведка донесла, что в 10–15 верстах от села Вязовая Почта сосредоточена крупная группировка противника — до трех тысяч сабель. Перед двумя полками была поставлена задача уничтожить повстанцев. Эскадрон Георгия Константиновича, которому были приданы четыре пулемета и орудие, шел в авангарде 1-го кавалерийского полка. Через полчаса марша эскадрон неожиданно наткнулся на антоновцев. Развернув эскадрон и открыв пулеметный и орудийный огонь, Жуков повел красноармейцев в атаку. Повстанцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся потери.

В этом бою Жуков чуть не погиб. «Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обреза убил подо мной коня, — вспоминал он. — Падая, конь придавил меня, я был бы неминуемо зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночевка. Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну конницы противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно развернули против них все огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Через 20–30 минут наш полк двинулся вперед и завязал огневой бой».[38]

Примерно в это же время вступил в бой и 2-й кавалерийский полк 14-й отдельной кавалерийской бригады, но из-за превосходства сил противника вынужден был отступить. Повстанцы решили всеми силами атаковать 1-й кавалерийский полк, и в первую очередь головной эскадрон Жукова, который теперь действовал как арьергард, прикрывая выход

---

37 См.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ("Антоновшина"): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 185.

38 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 114.

полка из боя. «Бой был для нас крайне тяжелым, — вспоминал Жуков. — Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнет нас. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Спасло то, что при эскадроне было 4 станковых пулемета с большим запасом патронов и 76-мм орудие. Маневрируя пулеметами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника. Мы видели, как поле боя покрывалось вражескими трупами, и медленно, шаг за шагом, с боем отходили назад…»[39]

Уже в самом селе, спасая пулемет, Георгий Константинович бросился на группу повстанцев. Выстрелом из винтовки под ним вторично за этот день убита лошадь. С револьвером и шашкой в руках пришлось отбиваться от наседавших повстанцев, пытавшихся взять его живым. Опять спас политрук Ночевка, вовремя подскочивший с бойцами.

Мужество и смелость Жукова были отмечены в приказе Реввоенсовета республики от 31 августа 1922 года № 183: «Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500–2000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду».

Осенью 1921 года эскадрон Жукова участвовал в разгроме отряда Зверева, который насчитывал около 150 сабель. Несколько дней эскадрон преследовал повстанцев, пытавшихся скрыться в лесах. Наконец красноармейцы настигли их и вынудили принять бой. «Незадолго до этого у меня появился исключительный конь, — рассказывал Г.К.Жуков писателю К.М.Симонову. — Я взял его в бою, застрелив хозяина. И вот, преследуя антоновцев со своим эскадроном, я увидел, что они повернули навстречу. Последовала соответствующая команда, мы рванулись вперед, в атаку. Я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперед всего эскадрона. Сначала все шло хорошо, антоновцы стали отступать. Во время преследования я заметил, как мне показалось, что кто-то из их командиров по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня… Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой, а шашка у него в ножнах. Догнал его и вместо того, чтобы стрелять, в горячке кинулся на него с шашкой. Он нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил ее и прямо с ходу, без размаха вынеся шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка была еще занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес ее из ножен и на этом же развороте ударил меня поперек груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересек все эти ремни, рассек сукно на полушубке, полушубок и выбил меня этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо… У меня потом еще полмесяца болела грудь от его удара».[40]

---

39 Там же. С. 114–115.

40 Цит. по: Симонов К. М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 41.

…Затихал многолетний военный вихрь. Боевые награды и шрамы, бесценный фронтовой опыт — важный, но не самый главный итог этих лет. Обладая твердым и цельным характером, Жуков не запутался в коловерти сложных событий переломной эпохи и четко выбрал свою дорогу в жизни.

Глава III. Учить по-суворовски

Портрет командира эскадрона: «Был он невысок, но коренаст. Взгляд у него спокойный, неназойливый, но цепкий, оценивающий. Скованности в позе комэска не угадывалось, но и той естественной расслабленности, которую может себе позволить человек, ведущий непринужденную застольную беседу, я тоже в нем не чувствовал. Движения его были сдержанны. Он, вероятно, был очень крепок физически, а в сдержанности каждого его жеста я чувствовал выработанную привычку постоянно контролировать себя, что свойственно людям волевым, внутренне дисциплинированным. Я сразу почувствовал, что мой комэск — настоящая военная косточка…» Такое впечатление оставил у своего старшины Г.К.Жуков, который после ликвидации восстания в Тамбовской губернии был назначен командиром 2-го эскадрона 38-го Ставропольского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

О деятельности Жукова на этом посту А.Л.Кроник оставил еще ряд интересных свидетельств, которыми не грех воспользоваться.

В то время при обучении молодых кавалеристов еще нередко использовались традиционные, прямо скажем, драконовские методы обучения искусству езды верхом и владению оружием. Жуков решительно не допускал этого в своем эскадроне. Издевательств над людьми он не терпел и считал, что гнусно и недостойно для красного командира унижать и оскорблять человека лишь потому, что он стоит ниже по служебному положению и поэтому не смеет ответить. Во многом благодаря Жукову в эскадроне сложились прекрасные товарищеские отношения между бойцами и командирами, что способствовало укреплению разумной дисциплины и исполнительности.

С новым пополнением в эскадрон пришел тихий, забитый, испуганный, неказистый крестьянский парень. Ничего у него не получалось, и даже собственного коня он побаивался, а тот, завидев своего седока, скалил зубы и не подпускал его к себе. Узнав об этом, Жуков посоветовал старшине учить бойца по-суворовски. На недоуменный взгляд Кроника пояснил: «Суворов говорил: боится солдат ночью вдвоем в караул идти — пошли его одного. Надо человека наедине с собственным страхом оставить, тогда он страх преодолеет. Метод суровый, но так личность воспитывается». Да и сам Жуков нашел возможность потолковать с незадачливым парнем: «Коня не бойся. Боевой конь — твой первый друг. Без коня никакой ты не боец. Что надо сделать, чтобы конь тебя любил? — Относиться к нему с доверием, а не со страхом… И с лаской — конь ласку любит. Дай ему хлеба, иногда сахарку».

И еще несколько раз разговаривал Жуков с этим бойцом. Вроде бы невзначай подойдет, скажет несколько слов, а парнишка после этого как будто ростом выше становился, плечи распрямлял. И не так уж много

времени прошло, а словно подменили его: хороший стал боец, ловкий, старательный.

Мелочей для Жукова не существовало, с дотошностью он вникал во все стороны жизни эскадрона. Для многих Георгий Константинович был больше, нежели просто заботливый и строгий командир, — чувствовалось душевное тяготение к нему. «Он был человеком чрезвычайно сдержанным в личных отношениях со всеми, особенно с подчиненными, — вспоминал А.Л.Кроник, — и в этом проявлялось его понимание ответственности за своих подчиненных и понимание своей роли не только как строевого командира, но и как воспитателя. Он мог совершенно естественно и просто подсесть в круг красноармейцев вечерком и незаметно войти в беседу на правах рядового участника; мог взять в руки гармошку и что-нибудь сыграть под настроение (впоследствии он брал баян в руки гораздо реже, но любовь к хорошей и незатейливой песне и к игре на баяне сохранилась у него до конца его дней); мог оценить ядреную солдатскую шутку, но не любил пошлости. Он был прост, но никогда не допускал панибратского отношения и никогда не путал доверительность с фамильярностью.

Все эти оттенки человеческих взаимоотношений он чувствовал естественным, природным своим чутьем, которое может быть только в человеке со здоровой нравственной основой. И потому его командирский и человеческий авторитет был непререкаем, уважение к нему было непоколебимым, как бы строг или крут он порой ни был».

Привычная команда Жукова на занятиях с младшими командирами: «Делай, как я!» На плацу расставлялись семь-восемь станков с воткнутой лозой, на самом высоком станке — горка из мокрой глины. Промчится галопом — все цели поражены. Так же отменно Жуков владел приемами штыкового боя. Винтовка в его руках казалась легонькой, как перо. Проволочные заграждения он преодолевал с удивительной легкостью и быстротой; удары прикладом и уколы штыком наносил неожиданные, сильные, меткие.

Жуков поднимал эскадрон в любое время, совершал с ним марши, учил личный состав вести разведку, атаковать, маневрировать. Считал, что полевая тренировка — лучший вид учебы. Намеченные планы переносить или пересматривать не любил и уж совсем не любил отменять собственные приказы. Он твердо придерживался мнения: лучше вообще не отдавать приказа, чем отменить отданный.

Уже в феврале 1923 года эскадрон Жукова отличился на полковом смотре, а в марте, во время инспекторской проверки, по всем показателям занял первое место в дивизии, за что получил благодарность от командующего войсками Западного фронта М.Н.Тухачевского. Молодого командира заметили и повысили в должности. 24 апреля он принял должность помощника командира 40-го Бугурусланского кавалерийского полка, а 8 июля вступил во временное командование 39-м Бузулукским кавалерийским полком 7-й Самарской кавалерийской дивизии, которая размещалась в районе Гомеля.

Полк находился в плачевном состоянии, о чем можно судить из доклада Жукова от 1 октября 1923 года командиру дивизии Г.Д.Гаю.[41] Человек этот, обладавший незаурядным военным талантом, оказал на

41 См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 49–53.

будущего полководца огромное влияние. Сам он принимал участие в Первой мировой войне в звании прапорщика. В 1918 году вступил в Красную Армию. В годы Гражданской войны командовал красногвардейским отрядом, 1-й сводной Симбирской пехотной дивизией (позже 24-я стрелковая дивизия), 1-й армией Восточного фронта, затем 42-й стрелковой, 1-й Кавказской кавалерийской дивизиями, с марта 1920 года — 2-м, с июля —3-м конными корпусами. Во время советско-польской войны корпус Гая был интернирован в Восточной Пруссии. После возвращения в Россию Гай в 1922 году окончил Высшие академические курсы и стал командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии. В последующем он окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе, адъюнктуру при ней, был наркомом по военным и морским делам Армянской ССР, командовал дивизией и корпусом, преподавал в Военной академии им. М.В.Фрунзе, затем возглавлял кафедру истории войн и военного искусства Военно-воздушной академии им. Н.Е.Жуковского. В 1937 году по ложному обвинению был осужден и 1 декабря расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Первая встреча Жукова с Гаем произошла в поле в лагерной палатке, куда на совещание были вызваны командиры и комиссары частей. После официального представления комдив пригласил всех сесть вокруг его рабочего стола. «Я увидел красивого человека, по-военному подтянутого. Его глаза светились доброжелательностью, а ровный и спокойный голос свидетельствовал об уравновешенном характере и уверенности в себе. Я много слышал о геройских делах Г. Д. Гая и с интересом в него всматривался. Мне хотелось проникнуть в его душевный мир, понять его как человека и командира».[42] Надо отметить, что Жуков всегда чувствовал и понимал талантливых военачальников, постоянно стремился впитать лучшие их качества. И уже в свои зрелые годы, превзойдя многих собственным полководческим талантом, он с огромным, искренним уважением отзывался о них как о своих учителях.

Анализируя в своем докладе командиру дивизии состояние полка, Жуков отмечал неумение подразделений развертываться в лаву, слабое знание стрелкового дела, незнакомство с новейшей военной техникой и войсками других родов, неудовлетворительную обученность младшего комсостава. Среди причин, оказавших негативное влияние на подготовку личного состава, были названы неказарменное расквартирование полка, несвоевременное и недостаточное снабжение обмундированием, главным образом обувью и шинелями.

В докладе подробно изложено, какие учения с целью совершенствования подготовки полка проведены в летний период. Отмечено, что «было произведено 5 выездов в поле для двусторонних учений (полк против полка) с задачами: на прорыв сторожевого охранения противника, на сторожевку и оборону против наступающего противника, ночной бой в пешем строю (прорыв неприятельского сторожевого охранения), прикрытие наших отступающих частей (арьергардные бои), встречный бой. Из вышеуказанных задач четыре полком были выполнены удачно и с успехом, пятая была проиграна». Часть личного состава прошла «через камерное окуривание и полевое путем выпуска газов из баллонов и подрывания химических

42 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 129.

артиллерийских снарядов».

Кроме того, бойцы и командиры наглядно ознакомились с действием огнеметов и с устройством аэропланов.

В период лагерных сборов Г.К.Жуков требовал от командиров эскадронов максимально использовать полевые условия для сколачивания подразделений, воспитания у конников выносливости, обучения их действиям в любых ситуациях. Особое внимание он обращал на выработку инициативы и исполнительности как у командного, так и у рядового состава, на справедливое отношение к красноармейцам. В то же время во главу угла ставилось укрепление воинской дисциплины.

«Замечается, в особенности в последнее время, что командирами эскадронов часто подаются рапорта о наложении на красноармейцев дисциплинарных взысканий за разного рода проступки, — говорится в приказе по полку от 23 августа 1923 года. — В рапортах указывается только сухой факт преступлений красноармейцев, без всякого всестороннего освещения, при каких обстоятельствах совершен тот или иной проступок, что не дает возможности судить о виновности красноармейца.

Приказываю:

1) Командирам эскадронов и начальникам команд в будущем при рапортах о наложении взысканий на красноармейцев за проступки обязательно прикладывать произведенный следственный материал со своим заключением, так как рапорта без следственного материала рассматриваться не будут и будут возвращаться обратно…»[43]

Из документов этого периода хорошо видно, какую важную роль Жуков отводил комплектованию и подготовке разведподразделений, рассматривая разведчиков в качестве элиты воинской части.[44]

28 августа распоряжением штаба дивизии 39-й Бузулукский кавалерийский полк был выведен в полном составе на смотр. Гай на белоногом вороном коне поднялся на пригорок и внимательно следил за действиями полка. «Учение шло вначале по командам голосом, — вспоминал Жуков, — потом по командам шашкой (так называемое „немое учение“), затем по сигналам трубы. Перестроения, движения, захождения, повороты, остановки и равнения выполнялись более четко, чем я того ожидал. В заключение полк был развернут „в лаву“ (старый казачий прием атаки), и я направил центр боевого порядка на высоту, где стоял комдив. Сомкнув полк к центру и выровняв его, я подскакал к комдиву, чтобы отрапортовать об окончании показа».[45]

Гай, не дав Жукову даже начать рапорт, поблагодарил его и личный состав полка за проделанную работу. Затем в сопровождении командира полка осматривал лагерь, беседовал с кавалеристами, рассказывая боевые эпизоды из истории Гражданской войны.

Полк Жукова однажды посетил прославленный герой Гражданской войны В.К.Блюхер, которого еще при жизни многие называли «человек-легенда». Ознакомившись с организацией питания личного состава,

43 См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 46.

44 Там же. С. 45

45 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 129–130.

обойдя все общежития и культурно-просветительные учреждения, он поинтересовался у командира полка, как обстоят дела с боевой подготовкой. Жуков ответил, что личный состав полка хорошо понимает свою задачу и всегда готов выполнить воинский долг. Блюхер похвалил его за такую готовность и приказал дать полку сигнал «тревоги». Через час полк был собран в районе расположения. Блюхер осмотрел вооружение и снаряжение всадников, общую боевую готовность. Особенно тщательно он проверил пулеметный эскадрон и сделал довольно серьезное замечание одному пулеметному расчету, у которого не была, как положено по тревоге, залита вода в пулемет и не имелось никакого ее запаса.

Еженедельно командир дивизии проводил военные игры на картах. На разборах этих игр Гай критиковал тех, кто мало работает над повышением своих знаний, и тепло отзывался о командирах, которые много занимаются самоподготовкой. Последнее в полной мере относилось и к командиру 39-го полка. «…В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подготовку еще во время Первой мировой войны, — вспоминал Жуков. — Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне, как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха — ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний».[46]

В сентябре 1923 года начались большие осенние маневры. Их участник А.Л.Кроник так рассказывал о действиях полка: «…Наш 39-й Бузулукский кавполк находился в авангарде главных сил. На подходе к Орше, вокруг которой занимали позиции основные силы „противника“, наш командир искусно и смело решил сложную боевую задачу. По плохим осенним дорогам полк совершил марш-бросок, за тридцать часов преодолел сто километров и неожиданно обрушился на фланг и тыл пехоты „противника“. Этой смелой атакой полк упредил в развертывании главные силы „противника“, создал предпосылки для успешного наступления на широком фронте, и командование срочно развило этот успех, бросив вслед за нами на прорыв всю 7-ю Самарскую дивизию». По итогам этого боя командующий войсками фронта М.Н.Тухачевский дал полку и его командиру Г.К.Жукову очень высокую оценку.

После завершения маневров местом постоянного расквартирования 7-й Самарской кавалерийской дивизии стал город Минск. В конце ноября закончилось размещение личного состава в казармах (до этого полк был расквартирован по частным домам) и возобновились регулярные плановые занятия. Тон в учебе, как всегда, задавал Жуков, который в декабре из врио командира полка стал его полноправным командиром. Предъявляя самые высокие требования ко всем бойцам и командирам, он постоянно подчеркивал значимость обучения и воспитания младшего комсостава. Об этом можно судить из развернутого приказа по полку от 18 марта 1924 года,[47] в котором вызывает интерес требование «ни в коем

46 Там же. С. 134.

47 Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 54–55.

случае не допускать панибратства, пристрастия и заискивания дешевого авторитета, что является главным злом у слабо подготовленного комсостава и несознательно относящихся к своим высоким обязанностям командиров Красной Армии». Пожалуй, в этих словах выражено важнейшее кредо Жукова и как военачальника, и как человека.

Ему присущ жесткий спрос за нарушения воинской дисциплины. В одном из приказов говорится: «Из представленного мне следователем полка материала дознания видно, что красноармейцы 1-го эскадрона Жмурин и Самулевич производят ряд самовольных отлучек из казарм, ряд злостных неисполнений законно отданных приказаний, а посему на основании имеющегося на них следственного материала красноармейцев 1-го эскадрона Жмурина и Самулевича предаю суду Военного Трибунала кавчастей Запфронта за ряд самовольных отлучек и за злостные неисполнения законно отданных распоряжений».[48]

Иногда требовательность Жукова перерастала в необоснованную строгость, что вызывало недовольство у некоторых его подчиненных. В вышестоящие штабы шли жалобы, и с ними приходилось разбираться. Но попытки воздействовать на Жукова не приносили ощутимых результатов. Пройдут годы, и он признает: «Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда был сдержан и терпим к поступкам подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям. Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счет труда другого…»[49]

И все-таки надо признать, что не отрицает и сам Жуков, становление вверенного ему полка проходило трудно и не всегда удавалось добиться желаемого. В отчете, представленном в штаб дивизии 17 апреля 1924 года, наглядно нарисована картина того, как проходило обучение личного состава в зимнем периоде.[50] На качество подготовки негативное влияние оказывал некомплект личного состава, основными причинами которого были «убытие красноармейцев в отпуска по болезни согласно постановлениям врачебных комиссий… дезертирство красноармейцев Волынской губернии в начале зимнего периода обучения и убытия по разным причинам». Занятия велись нерегулярно. Отмечается чрезмерная занятость комсостава «повседневной, ежечасной работой в эскадронах… в связи с неблагоприятным расквартированием полка и расположением конюшен в начале зимнего периода», тяжелые погодные условия — глубокие снега.

Недостатки в боевой подготовке, о которых говорится в отчете Жукова, были характерны не только для 7-й Самарской кавалерийской дивизии, но и для Красной Армии в целом. В отчете Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923–1924 годы

---

48 Там же. С. 56.

49 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 153.

50 Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 57–59.

отмечалось: «Большой некомплект младшего и среднего комсостава, неудовлетворительная общая его подготовка, текучесть не позволяли должным образом развернуть и поставить занятия. Ввиду отсутствия кадра военнослужащих новобранцы привлекались к несению нарядов, что отражалось на их подготовке. Полностью были укомплектованы только спецкоманды и школы младшего комсостава из-за некомплекта в частях, особенно в пехоте. Разновременное прибытие пополнений повлекло за собой образование в частях разнородных по подготовке групп. Большой процент неграмотных и малограмотных отрывал красноармейцев от боевой подготовки для проведения общеобразовательной подготовки. На усвоение войсками программ обучения сказались также недостатки в оборудовании лагерей, учебных полей, полигонов, приборов и пособий».[51]

И все же даже в таких условиях Г.К.Жуков, надо отдать ему должное, сумел наладить планомерную учебу и укрепить дисциплину. В итоге по результатам смотра частей 2-й бригады, проведенного 24 июля 1924 года командованием дивизии, командиру бригады Селицкому, командиру 39-го кавалерийского полка Жукову и военкому этого полка Янину были объявлены благодарности.

В Минске получили развитие непростые романы Георгия Константиновича с Александрой Зуйковой и Марией Волоховой. Пытаться разобраться в них — дело неблагодарное, да и не совсем благородное. Поэтому сошлемся на людей, связанных с Жуковым родственными отношениями. «Мама стала за отцом всюду ездить, — вспоминала старшая дочь Александры Диевны Эра. — Часами тряслась в разваленных бричках, тачанках, жила в нетопленых избах. Перешивала себе гимнастерки на юбки, красноармейские бязевые сорочки — на белье, плела из веревок „босоножки“… Из-за этих кочевок она и потеряла первого своего ребенка, как говорили — мальчика. Больше ей рожать не советовали — хрупкое здоровье». Младшая дочь Зуйковой Элла утверждает, что в первый раз ее мать с Жуковым «расписались в 22-м году. Но, видимо, за годы бесконечных переездов документы потерялись, и вторично отец с мамой зарегистрировались уже в 53-м году в московском загсе».

Внук Жукова Георгий — сын дочери Волоховой Маргариты — со слов дедушки и бабушки относит возобновление знакомства Георгия Константиновича и Марии Николаевны как раз к 1922 году: «Тогда в Полтаве умерли родители Марии, и она переехала в Минск к старшей сестре Полине, которая к тому времени уже стала женой Антона Митрофановича Янина. Дома Жукова и Янина стояли рядом, и два друга, командир и комиссар полка, были практически неразлучны. А в 26-м году у Полины и Антона Митрофановича рождается сын Владимир. И Георгий Константинович с Марией становятся крестными. Дедушка был в восторге от малыша и все время говорил о том, что самая большая его мечта — иметь сына… Дедушка всегда утверждал, что Александра Диевна не в состоянии иметь детей. Это… тоже послужило причиной его к ней охлаждения… Дедушка-холостяк практически жил у Яниных, состоял в гражданском браке с Марией и неоднократно просил ее выйти за него замуж. Но Мария Николаевна была активная комсомолка и регистрировать брак считала пережитком прошлого. Да и по закону до

51 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2664. Л. 79.

44-го года регистрация браков в загсах не требовалась».

Дочь Жукова и Марии Волоховой Маргарита Георгиевна вообще отрицает, что в первой половине 20-х годов в Белоруссии Жуков поддерживал постоянную связь с Зуйковой. «В Минске Георгий Константинович жил без Александры Диевны, — отмечала Маргарита Георгиевна. — У них никогда ничего совместного не было. И все ее приезды к отцу были для отца неожиданными. Он не хотел с ней жить, неоднократно повторял, что не любит. Александра Диевна, видимо, страдала — пыталась вселиться в дом Жукова, и когда ей это удавалось, отцу ничего не оставалось, как уходить к Яниным и там скрываться. Чтобы избавиться от Александры Диевны, которая все терпела, отец много раз покупал ей билет на поезд домой в Воронежскую губернию, ботики и другие подарки, лично сажал ее на поезд и просил больше не возвращаться. Она покорно уезжала, но затем писала, что жить без него не может, что уже сообщила всем родственникам, что у нее есть муж, и вновь возвращалась в Минск».

В июле 1924 года в военной карьере Г.К.Жукова произошел новый поворот: Г.Д.Гай сообщил Георгию Константиновичу о решении направить его на учебу в Высшую кавалерийскую школу. Перед конкурсными экзаменами, которые сданы были успешно, пришлось с головой уйти в книги.

Перед отъездом в Ленинград, где размещалась школа (вскоре она была переименована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава — ККУКС), Жуков подписал 1 октября 1924 года следующий приказ:

«§ 1. Уезжая в Высшую кавшколу для пополнения своих знаний, командование полком сего числа сдал моему помощнику по строевой части тов. Михайловскому.

Основание: Приказ дивизии № 365 от 23 сентября.

§ 2. Товарищи бойцы, командиры и политработники.

Уезжая в Высшую кавшколу для пополнения своих знаний, которые требуются Красной Армии в связи с эволюцией военного искусства, вытекающей из достижений техники, должен сказать, что каждый боец, каждый командир и политработник в годы мирной учебы, в годы свободной передышки должен понять, что кадру Красной Армии в момент решительной схватки с международным капиталом за свое пролетарское право придется сыграть решающую роль в деле руководства вооруженными трудовыми массами. Передовой кадр Армии трудящихся, разрешая свои задачи на полях сражения, обязан будет разрешить их с наименьшими жертвами, с наименьшей затратой крови, ибо трудовые силы, родные нам по крови, не могут гибнуть от незнания ее руководителей, а посему, уезжая на учебу, я полон надежды, что каждый командир и боец, который в текущем году не мог быть направлен в широко раскинутые школы СССР, не потеряет ни одной лишней минуты для самообразования и самовоспитания, и те достижения, которые имеет 39-й Бузулукский полк в деле поднятия своей боеспособности, будут, безусловно, закреплены и углублены.

Знайте же, что коммунистическая организация полка, как верный часовой у пролетарского поста, будет стоять на точке зрения действительной правоты дела, начатого нашим вождем тов. Лениным. И бойцы под руководством испытанной в боях коммунистической партии сумеют подготовить себя к решительной схватке двух заклятых врагов,

пролетариата с капиталом.

Да здравствует учеба!

Да здравствуют бойцы, командиры и политработники славного 39-го Бузулукского кавполка!»[52]

Основное внимание на курсах уделялось тактическому совершенствованию командиров, освоению новых средств борьбы, умению организовать бой и осуществлять взаимодействие с артиллерией и танками. Изучалась также организация армий вероятных противников. Большое внимание уделялось методике проведения занятий по огневой подготовке и овладению оружием, состоявшим на вооружении конницы. По давней традиции на высоком уровне было представлено обучение верховой езде и выездке молодой лошади. Курсы являлись как бы лабораторией конного дела, и слушатели после их окончания обычно становились в частях главными инициаторами широкого развития конного спорта.

В это же время на курсах проходили обучение другие командиры, ставшие впоследствии видными военачальниками, в том числе будущие Маршалы Советского Союза А.И.Еременко, И.Х.Баграмян, К.К.Рокоссовский. Баграмян вспоминал: «Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из наиболее способных. Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Его решения всегда вызывали наибольшие споры, и он обычно с большой логичностью умел отстаивать свои взгляды».[53] Рокоссовский отмечал, что «Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего».[54]

Неуемная жажда знаний сохранилась у Георгия Константиновича на всю жизнь. Об этом можно судить и со слов его дочери Эллы Георгиевны: «По рассказам мамы и Эры, а затем, когда я подросла, то убедилась в этом сама, каждое новое семейное „гнездо“ после очередного переезда мы начинали создавать с книг. Иногда еще не была завезена мебель… как отец начинал наполнять квартиру книгами. Он приносил их стопками. Они могли лежать на подоконниках, стульях, на обеденном столе и даже на полу… Он не любил читать в кабинете, а устраивался за столом или в кресле в столовой. Очень часто он не просто читал, а делал пометки на полях остро отточенным простым карандашом».

Жуков активно включился в работу военно-научного общества при курсах. Каждый слушатель разрабатывал какую-нибудь тему, по которой и выступал с докладом на заседании общества. Всем запомнился доклад Г.К.Жукова «Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства». Основательно проштудировав работы А.В.Суворова, К.Клаузевица, А.А.Брусилова, других полководцев и военных теоретиков, опираясь на опыт Гражданской войны и на собственную боевую и

---

52 Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 63.

53 Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 2000. С. 14.

54 Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968. С. 91–92.

командную практику, он сделал обстоятельный, оригинальный и глубоко аргументированный доклад, заинтересовав не только слушателей курсов, но и преподавателей.

Во время учебы в летние месяцы слушатели выезжали в поле, решали задачи по тактике конницы, технике верховой езды. Завершала полевую учебу продолжительная поездка по Новгородской области. В ее финале устраивали конный пробег от Новгорода до Ленинграда. Двухсоткилометровый путь преодолевали за сутки. Непосредственно перед выпуском была проведена большая военная игра. По ходу ее исполнение одной из самых высоких должностей было поручено Георгию Константиновичу.

Как всегда, характера и самоотверженности Жукову было не занимать. Чего стоит хотя бы такой факт. Когда в августе 1925 года учеба была завершена, по просьбе Жукова командование разрешило ему, М.И.Савельеву и Н.Рыбалкину (а не П.С.Рыбалко, как пишет Б. Соколов в книге «Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи». С. 66. —В.Д.) возвратиться из Ленинграда в Минск — в свою 7-ю Самарскую кавалерийскую дивизию — пробегом на конях.

«Двинувшись в путь-дорогу, — вспоминал Георгий Константинович, — мы решили идти переменным аллюром, то есть шаг — рысь, и изредка применять галоп. В первый день мы прошли меньше, чем планировали, на 10 километров, так как чувствовалось, что лошади устали, да к тому же захромала моя лошадь, чистокровная кобылица Дира: ей было уже 12 лет, а для лошади это преклонный возраст.

Мы порядком устали, хотелось скорее отдохнуть. Крестьяне встретили нас радушно: накормили нас как следует, покормили лошадей.

Утро для меня началось неудачно — лошадь все еще хромала. Залив воском прокол и забинтовав копыто, я решил провести Диру в поводу. К счастью, скоро лошадь перестала прихрамывать. Сел верхом. Нет, ничего — не хромает. Пошел рысью — хорошо. Чтобы уменьшить нагрузку на правую больную ногу, решил идти дальше только шагом и галопом с левой ноги.

Моим товарищам было значительно легче идти на здоровых конях, я чаще спешивался, вел лошадь в поводу и сам, разумеется, больше уставал физически. Зато друзья на остановках брали на себя заботу по розыску корма и уходу за лошадьми».[55]

Семь суток потребовалось трем отважным кавалеристам, чтобы преодолеть около тысячи верст от Ленинграда до Минска. В столице Белоруссии их торжественно встретили однополчане и местные жители. Это был редкий по дальности и сложности пробег в истории конницы, и Жуков часто и с удовольствием вспоминал об этом эпизоде. Вот что по этому поводу говорилось в приказе по 7-й Самарской кавалерийской дивизии от 23 сентября 1925 года:

«§ 1. В конце августа тремя командирами вверенной мне дивизии — комполка 39-го т. Жуковым, комполка 42-го т. Савельевым и комэск № 1 37-го кавполка т. Рыбалкиным был сделан пробег Ленинград — Минск, установивший высокую норму — 139 верст в сутки, при общей дистанции в 973 версты.

Считаю долгом отметить высокое спортивное достижение этого

---

55 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 141–142.

пробега.

Подвижность — основное свойство конницы — зависит прежде всего от умения использовать силы своего коня, и в этом отношении дальние пробеги являются лучшей подготовкой.

Совнарком БССР отметил работу тт. Жукова, Савельева и Рыбалкина денежной наградой.

Со своей стороны приношу указанным товарищам от лица службы благодарность…»[56]

С весны 1925 года в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 28 июня 1924 года в Западном военном округе началось введение единоначалия. Полными единоначальниками назначались те командиры корпусов, дивизий и полков, которые, имея хорошую военную подготовку, являлись коммунистами и были способны возглавить партийно-воспитательную работу. Закончив учебу, Г.К.Жуков стал первым таким единоначальником в 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Используя новые полученные знания, он проводит много показательных и инструктивно-методических занятий по обучению бойцов и командиров своего полка разведке, организации боя, взаимодействию с техническими средствами борьбы.

Большое внимание стало уделяться спортивной и физической подготовке личного состава. Полк по всем видам конного спорта стал главным конкурентом лучшим частям конницы округа, а сам командир полка был назначен председателем конно-спортивного комитета 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

О приверженности отца спорту упоминает и Эра Георгиевна: «…В гарнизонной жизни соревнования по конному спорту занимали особое место. Проводились они, сколько я помню, довольно регулярно после завершения полевых учений или по случаю праздников. Проходили очень торжественно, при большом скоплении народа. Папа в них всегда участвовал и часто брал призы. Особенно интересно было наблюдать, как всадники на всем скаку рубили лозу и какие-то шары, кажется, соломенные, подвешенные на деревянных подставках. Помню, что в вечных наших переездах папины призы особенно бережно упаковывались и перевозились с места на место. Нас с мамой отец всегда брал на эти соревнования „болеть“ за него. Был случай, когда мне даже больной было разрешено поехать… Большое внимание к физической подготовке и развитию спорта среди военнослужащих отец уделял и в дальнейшем, считая их одним из главных условий боеготовности армии. Дома он делал гимнастику, обтирался холодной водой, по возможности регулярно ездил верхом, сохранив при этом прекрасную кавалерийскую выправку на долгие годы. Когда с годами в силу более неподвижного образа жизни отец начал полнеть, он немало этим огорчался и всеми силами старался бороться с этой, как он считал, бедой…»

Активность Жукова в пропаганде физического воспитания и непосредственном участии во всех спортивных мероприятиях неоднократно отмечалась командованием. Так, в приказе по дивизии от 6 марта 1926 года говорилось: «Проведенные сего числа полковые конные состязания 37-го и 39-го кавполков показали большие достижения в деле строевой подготовки. Видно, что комполитсостав с особым интересом и

56 Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 66.

любовью относится к делу подготовки молодых красноармейцев. За что командиру 37-го кавполка т. Могилевчику и командиру 39-го кавполка т. Жукову и всему ком-политсоставу означенных полков от лица службы объявляю благодарность».

Несмотря на большую занятость, Г.К.Жуков находил время и для преподавательской работы в Белорусском государственном университете, на которую был приглашен ректором университета профессором В. И. Пичетой. Здесь Георгий Константинович вел курс военно-допризывной подготовки.

Осенью 1927 года в 39-м Бузулукском кавалерийском полку побывал инспектор кавалерии РККА С.М.Буденный. Сначала он осмотрел столовую и кухню, побеседовал с красноармейцами и поварами, поинтересовался качеством продуктов, обработкой их, снял пробу. Проверил ход боевой подготовки, после чего были построены эскадроны, началась выводка лошадей. Конный состав полка оказался в хорошем состоянии, ковка отличная. Жуков удостоился похвалы.

В полк Жукова приезжал и командующий войсками Белорусского военного округа А. И. Егоров. Он присутствовал на тактических занятиях по теме «Скрытый выход кавполка во фланг и тыл противника и стремительная атака врага». При подведении итогов особенно запомнилось Жукову «его указание о том, что надо учить разбираться в оперативном искусстве, учитывая, что война, если она будет развязана врагами нашей Родины, обязательно потребует от многих из нас знаний и в области оперативного искусства».

Высокие командирские качества, упорная и кропотливая работа Г.К.Жукова над повышением своего образования, забота о боевой и политической подготовке полка не остались незамеченными. «Энергичный и решительный командир, — говорилось в аттестации за 1928 год, подписанной командиром и комиссаром 7-й Самарской кавалерийской дивизии Д.Сердичем. — Благодаря работе тов. Жукова, направленной на воспитание и учебно-боевую выучку, полк встал на должную высоту во всех отношениях... Как командир полка и единоначальник подготовлен отлично. Подлежит выдвижению на должность комбрига (командира бригады. — В.Д.) во внеочередном порядке».[57]

В том же году, когда была составлена эта аттестация, Александра Диевна, находясь у родственников в Воронежской губернии, написала Жукову, что беременна от него и приедет в Минск рожать. По утверждению внука Георгия, узнав о беременности Зуйковой, его дедушка «был в отчаянии, потому что боялся потерять Марию Николаевну, к которой испытывал серьезное чувство». Со слов отца, матери и своего отчима А.М.Янина Маргарита Жукова так излагает дальнейшие события: «Когда Александра Диевна принесла из роддома болезненную девочку, которую назвала Эрой, она сказала Георгию Константиновичу, что больше его никогда не покинет. В ответ отец ушел из собственного дома и поселился у Яниных. Но Александра Диевна продолжала требовать, чтобы он жил с ней. А через шесть месяцев после рождения Эры в июне 29-го года Мария Николаевна родила Жукову меня. Папа потом мне рассказывал, что я была такая розовенькая, голубоглазая, просто

57 Цит. по: Светяишин Н. От солдата до маршала. (К 70-летию Г.К.Жукова.)//Военно-исторический журнал. 1966. № 11. С. 32.

настоящая маргаритка, что он меня назвал — Маргаритой. Месяц спустя — 6 июля — отец зарегистрировал меня в загсе в качестве своей дочери и оформил метрическое свидетельство. Так я получила фамилию Жукова и отчество Георгиевна». Сын Маргариты Георгий добавляет: «Конечно, это (то есть признание Жуковым Маргариты своей дочерью. — В.Д.) вызвало бурю протеста со стороны Александры Диевны, которая то бегала за Марией Николаевной, угрожая залить ей глаза серной кислотой, то просила отдать ей Маргариту. Требовала она и чтобы Георгий Константинович вернулся домой, помог с Эрой, которая все время болела. Дедушка отказывался, говорил, что это не его дочь, и продолжал жить у Яниных».

Сложно сказать, насколько можно доверять подобным воспоминаниям, в которых просматриваются личные обиды. Вряд ли справедливо утверждение, что Георгий Константинович не считал Эру своей дочерью. Ведь в его письме Александре Диевне 21 мая 1929 года есть и такие слова: «Ты пишешь, что я больше пишу и справляюсь о доченьке! А разве тебе этого мало? Кроме того, как ты можешь себя отделить от доченьки… Целуй доченьку».

Внук Жукова далее рассказывает: «Поняв, что мужа добром не вернуть, Александра Диевна написала на Георгия Константиновича заявление в парторганизацию. Она просила его образумить и заставить с ней расписаться. Дедушка не хотел жить с Александрой Диевной, как бы его ни заставляли, и открыто заявил об этом при разборе его персонального дела. Партийная организация вынесла ему взыскание за двоеженство и поставила условие: если он не вернется к заявительнице, которая родила первой, то будет исключен из партии. Мария Николаевна была просто потрясена и, чтобы спасти репутацию любимого человека, посоветовала ему вернуться к Александре Диевне. Сказала, что оставляет его сама, хотя это решение и было для нее мучительным. Позднее Георгий Константинович признается маме, что в его жизни это был единственный случай, когда его оставила любимая им женщина».

Маргарита Георгиевна уточняет: «Это персональное дело отца длилось более полугола. В самый разгар событий от тифа умирает Полина. Трехлетний Володя (сын Янина. —В.Д.) остается без матери. Янин, ставший вдовцом, предлагает увезти Марию Николаевну с грудной дочерью в Минводы, где живут его отец и братья. Она соглашается, и Янин оформляет служебный перевод. Но перед тем как уехать, по-мужски разговаривает с Жуковым: „Ты запутался. Забудь о Марии и дочери, я о них позабочусь сам“. Затем он с Марией благородно забрал детей и уехал — сначала в Минводы, потом — в Курган и Краснодар. А в 1941 году полковник Янин, имея бронь от призыва в армию, добровольцем уходит на фронт. Через год он погибнет под Сталинградом. 17-летний сын Антона Митрофановича Володя, прибавив себе год, тоже идет воевать. Через несколько месяцев после Керченского десанта он умирает от ран в госпитале».

Не касаясь этих событий в своих воспоминаниях, Г.К.Жуков несколько теплых слов о своем друге все-таки сказал: «Особенно хотел бы отметить нашего комиссара Антона Митрофановича Янина. Это был твердый большевик и чудесный человек, знавший душу солдата, хорошо понимавший, как к кому подойти, с кого что потребовать. Его любили и уважали командиры, политработники и красноармейцы. Жаль, что этот выдающийся комиссар не дожил до наших дней, — он погиб смертью

храбрых в 1942 году в схватке с фашистами на Кавказском фронте. Погиб он вместе со своим сыном, которого воспитал мужественным защитником Родины».[58]

Эра Георгиевна, чье рождение стало одной из причин возникновения отцовского партийного дела, со слов родителей дает иную версию происшедшего: «В 28-м году, в Минске… мама… была в положении и очень плохо себя чувствовала. К ней часто приходили чем-то помочь, да и просто навестить подруги, в том числе и эта женщина (Мария Волохова. — В.Д.). Она намеренно появлялась одна, чтобы отец ее потом проводил. В результате в 29-м году и родилась Маргарита. Все сразу поняли, от кого — общество-то маленькое, все друг у друга на виду. У отца тогда были большие неприятности по партийной линии. Видимо, она пожаловалась. Состоялся даже какой-то суд по поводу алиментов. Судя по письмам, отец не хотел их платить, а мама его вынудила. Но это увлечение было минутным, и мама папе его простила».

В то время Жуков не регистрировал брак ни с Марией, ни с Александрой. Уже в годы Великой Отечественной войны, когда между Марией Николаевной и Георгием Константиновичем возобновилась переписка, Жуков сообщал, что до сих пор не женат. В 1929 году Жуков в конце концов действительно получил выговор по партийной линии — за пьянство и неразборчивость в связях с женщинами. Бог знает, что там случилось на самом деле, но все, кто был знаком с Георгием Константиновичем, упоминают, что он был привержен трезвому образу жизни.

…В должности командира полка Г.К.Жуков находился почти семь лет. С точки зрения военной карьеры — «засиделся», но приобрел богатый командный опыт. Сам он считал, что «полк — это основная боевая часть» и без овладения искусством управления полком невозможно стать квалифицированным командиром. Как выяснилось, С.М.Буденный хорошо запомнил командира 39-го Бузулукского кавалерийского полка, и по его рекомендации в ноябре 1929 года Жуков был направлен в Москву на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава Красной Армии, которые работали при Военной академии имени М.В.Фрунзе. Руководитель группы дал ему следующую характеристику: «Общевойсковую тактику знает вполне удовлетворительно даже дня общевойскового пехотного командира. Совершенно не отставал от успехов других слушателей группы. Показал удовлетворительное знание ПУ-29 (Полевой устав Красной Армии 1929 года. — В.Д.), а равно и боевого устава артиллерии. В оперативно-тактических решениях обнаружил достаточную отчетливость и большую (подчеркнуто в документе. — В.Д.) твердость. Штабную работу знает почти удовлетворительно. Его познания как командира-конника определять не берусь. Отличался большой точностью (даже графической) в работе. Метод военных игр и групповых упражнений постиг вполне удовлетворительно. С успехом может руководить обшетактической подготовкой полка и дивизии. По наклонностям и характеру командир явно строевой (к штабной работе мало годен)».[59]

После окончания курсов в конце марта 1930 года Г.К.Жуков вернулся

58 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 129.

59 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 72.

в родной кавалерийский полк, но вскоре приказом Реввоенсовета СССР от 20 апреля 1930 года был назначен командиром 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии, которой командовал его однокашник по курсам в Ленинграде К.К.Рокоссовский. Бригада состояла из двух полков: 39-го и 40-го. Спустя долгие годы Георгий Константинович вспоминал:

«Может быть, вследствие многолетней привычки к 39-му кавполку, с людьми которого сроднился, мне казалось, что 39-й полк лучше подготовлен в боевом отношении и более организован. Однако я понимал, что командиры и политработники 40-го кавполка, которым также дорога честь своего полка, могут болезненно реагировать, если я буду выставлять 39-й полк как образец, по которому нужно равняться.

Поэтому все хорошее, что было у 40-го кавполка, даже мелочи, старался отмечать, ставить в пример другим частям. Мы часто устраивали различные показательные занятия обоих полков по тактической, огневой, конной подготовке, а также по вопросам политической подготовки и воспитательной работы. И этот метод очень скоро дал положительные результаты. 2-я бригада стала ведущей в 7-й Самарской кавалерийской дивизии, что не раз отмечалось, и это всех нас радовало».[60]

Отдельно хотелось бы остановиться на аттестации Жукова, подписанной К.К.Рокоссовским 8 ноября 1930 года: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактическо-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит».[61]

Надо отдать должное Рокоссовскому — он сумел тонко подметить главные черты характера и несколькими штрихами нарисовать впечатляющий портрет будущего полководца. Очевидно, что к этому времени наряду с лучшими, фундаментальными качествами, позволившими Георгию Константиновичу впоследствии стать не только выдающимся военачальником, но и снискать поистине всенародную признательность, все более обнаруживаются и свойственные ему болевые точки. Причем суховатость и недостаточная чуткость, упрямство,

---

60 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 153.

61 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 22.

обостренное самолюбие позднее не раз проявятся в деятельности Жукова.

Несмотря на то, что Жуков «органически» ненавидел штабную работу, пришлось ему пройти и через нее. В феврале 1931 года он назначается помощником инспектора кавалерии Красной Армии. К.К.Рокоссовский, командовавший 7-й Самарской кавалерийской дивизией, устроил торжественные проводы Жукову. «Через несколько дней состоялся обед всего командного и политического состава 39-го и 40-го кавполков, на котором присутствовало командование дивизии, — вспоминал Георгий Константинович. — Я услышал много хороших, теплых слов в свой адрес. Шли они от чистого сердца и запомнились на всю жизнь».[62]

Вместе с А.Д.Зуйковой и двухлетней Эрой Жуков переехал в Москву, где поселился в Сокольниках на улице Матросская Тишина. Для воссоздания условий той жизни воспользуемся мемуарами Маршала Советского Союза А.М.Василевского, который почти одновременно с Георгием Константиновичем получил назначение в Управление боевой подготовки РККА и жил также в Сокольниках. «Поехал я в Сокольники, нашел этот дом — новые дома с тесными квартирами, — пишет Александр Михайлович, — нашел свой номер квартиры — квартира из нескольких комнат, мне отведена одна, а нас четверо: я, жена, теща, сын (Юрий, будущий первый муж Эры Жуковой. — В.Д.). Вот так мне предстояло жить после тех условий, в которых находился как командир полка. Такое же положение было и у Жукова, когда он был тоже назначен туда, в это Управление...» Будущая невестка Василевского Эра Жукова так описывала тогдашний быт: «В Москве мы поселились в Сокольниках на 11-й Сокольнической улице, в доме, где проживало много семей военнослужащих. Жили в коммунальной квартирке, занимая две небольшие комнатки, обставленные, как было тогда принято у большинства кочевавших с места на место военнослужащих, самой простой казенной мебелью. Мама любила рассказывать, как, получив очередную зарплату, папа как-то отправился в центр, чтобы купить этажерку для книг, а их, по словам мамы, уже и в те годы было много. Купив эту самую этажерку — я ее тоже прекрасно почему-то помню, — папа всю дорогу нес ее на руках. Думаю, что ему и в голову не приходило взять машину. Ведь в Сокольники в те годы можно было добираться только на трамвае. А как в трамвай с этажеркой? Кстати, в тот раз с папой был будущий маршал — А.М.Василевский, который и отправился домой на этом трамвае. Тем не менее радости эта покупка доставила папе много — можно было в надлежащем порядке расставить все нужные книги».

В Инспекции кавалерии Жуков быстро проявил себя с лучшей стороны. С.М.Буденный в своей книге «Пройденный путь» отмечал: «Г.К.Жуков быстро вошел в курс дела. И неслучайно на общем собрании коммунистов всех инспекций и управления боевой подготовки наркомата по военным и морским делам мы единодушно избрали Жукова секретарем партбюро... Жуков очень скоро завоевал авторитет среди командного состава. Мне нравилось в Георгии Константиновиче то, что он глубоко вникал в вопросы боевой подготовки кавалерийских частей, проявлял инициативу, всего себя отдавал делу укрепления могущества Красной

62 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 169.

Армии».

Более подробно деятельность Жукова в новой должности отражена в характеристике, подписанной Буденным 31 октября 1931 года. В ней отмечено, что Г.К.Жуков принимал деятельное участие в разработке указаний по подготовке конницы на летний период, им же составлен примерный план боевой подготовки кавалерийского полка, рекомендованный штабом боевой подготовки для всех частей РККА как образцовый. Он разрабатывал и организовывал учения на сборах высшего начальствующего состава конницы РККА, успешно руководил на Всесоюзных конно-спортивных состязаниях соревнованиями кавалерийских взводов по пятиборью. Проделал очень большую работу по составлению руководства по подготовке бойцов и мелких подразделений конницы РККА и заканчивает разработку руководства по подготовке полковых школ и младшего начальствующего состава конницы, а для разработки указанных руководств провел серьезную подготовительную работу с начальствующим составом строевых подразделений в 1-й кавалерийской дивизии (Меджибожский лагерь). Кроме того, участвовал в маневрах УВО (Украинский военный округ. — В.Д.) в качестве полкового посредника. «Все перечисленные работы, — указывается в характеристике, — выполнены тов. Жуковым Г.К. в ударном порядке, успешно и в назначенные сроки».

Основные выводы этой характеристики посвящены личным качествам Жукова. В частности, отмечено, что он является «командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдается излишняя жесткость и грубоватость»; «тактически и оперативно грамотным общевойсковым командиром»; «не имея академического образования, много работает над своим личным военным и политическим развитием»; «чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени (пример: разработка указанных выше руководств по боевой подготовке не только формально, но с постоянным исканием, уточнением новых, лучших форм и методов, большой инициативы и т. д.)».

Завершает характеристику общий вывод: «Тов. Г.К.Жуков — подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кавалерийской дивизии и начальника нормальной кавалерийской школы».[63]

В аттестации достаточно подробно изложено все, чем приходилось заниматься Жукову. Естественно, по роду своей деятельности ему доводилось контактировать или встречаться со многими известными в то время военными деятелями и теоретиками. Суждения Георгия Константиновича об этих людях позволяют лучше представить состояние дел в Красной Армии первой половины 30-х годов прошлого века.

«Огромную работу вел коллектив Инспекции артиллерии во главе с инспектором артиллерии Н.М.Роговским. Он хорошо знал артиллерийское дело и пользовался большим авторитетом в войсках. Командующие войсками округов, командиры соединений, инженеры артиллерийской службы считались с Н.М.Роговским, прислушивались к его мнению».[64]

---

63 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 22–23

64 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 177.

О наркоме по военным и морским делам К.Е.Ворошилове в мемуарах Жукова говорится следующее: *«Надо сказать, что Климент Ефремович пользовался авторитетом среди командно-политического состава армии и флота, как один из ближайших соратников Владимира Ильича Ленина, как один из старейших активных работников нашей большевистской партии, не один раз отбывавший тюремное заключение за активную борьбу с царизмом. Но, как знаток военного дела, он, конечно, был слаб, так как, кроме участия в гражданской войне, он никакой практической и теоретической базы в области военной науки и военного искусства не имел, поэтому в руководстве Наркоматом обороны, в деле строительства во-оружейных сия, в области военных наук он должен был прежде всего опираться на своих ближайших помощников, таких крупных военных деятелей, как М.Н.Тухачевский, А. И. Егоров,С.С.Каменев, В.К.Триандафиллов, И.Э.Якир, И. П. Уборевич, и других крупнейших знатоков военного дела»* .[65]

М.Н.Тухачевскому в мемуарах Жукова посвящены и такие строки: «Теперь на посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу, и все мы чувствовали, *что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он* . При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М.Н.Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме».[66]

К сожалению, все перечисленные талантливые военачальники не дожили до начала Великой Отечественной войны. Тухачевский, Егоров, Якир и Уборевич были по ложным обвинениям осуждены и расстреляны; Каменев умер во время учений, на которые его, несмотря на болезнь, вынудил поехать нарком Ворошилов; Триандафиллов погиб в 1931 году в авиационной катастрофе.

Весной 1933 года Г.К.Жуков вновь вернулся в Белоруссию. Приказом Реввоенсовета СССР от 25 марта он был назначен командиром и военкомом 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии имени К.Е.Ворошилова, которая располагалась в городе Слуцке. Раньше эта дивизия считалась лучшей в 1-й конной армии. Но потом ее перебросили в Ленинградский военный округ, оттуда в 1932 году — в Белоруссию, в такие места, где все приходилось строить заново. Для этого использовался личный состав дивизии, в результате боевая подготовка была запущена, а виновным признали командира дивизии Г.П.Клеткина. И.П.Уборевич, командовавший в то время Белорусским военным округом, попросил К.Е.Ворошилова назначить на должность комдива Г.К.Жукова. Напутствовал Жукова С.М.Буденный, напутствовал с волнением: «4-я дивизия всегда была лучшей в рядах конницы, и она должна быть лучшей!»[67]

---

65 Там же. С. 180.

66 Там же. С. 180–181.

67 Там же. С. 185.

В Слуцке семья Жуковых проживала на территории военного городка в небольшом деревянном доме без особых удобств, половину которого занимала семья заместителя командира дивизии. Но вскоре началось строительство кирпичных домов, и семья Жукова переехала в один из них. В этом доме у Жукова родилась вторая дочь — Элла. Из воспоминаний Эры Георгиевны: «…Помню, с каким нетерпением и волнением мы с папой ожидали ее рождения, как стояли под окнами двухэтажного деревянного родильного дома и старались разглядеть кого-то в белом сверточке, который нам показывала мама из окна. После рождения Эллы мама серьезно болела и долго лежала в больнице. Заботы о маленьком грудном ребенке и обо мне легли на папу, которому, правда, активно помогали мамины приятельницы…»

Новый дом окружал сад с высокой травой и фруктовыми деревьями. Здесь Георгий Константинович, увлекшийся в те годы фотографией, сделал немало снимков своей семьи, сам же их проявлял, печатал по ночам и очень этим гордился.

По прибытии в Слуцк Жуков сразу же отправился в штаб дивизии. Ее командира Г.П.Клеткина в штабе не было: он сообщил, что нездоров. С положением дел в частях дивизии нового командира подробно ознакомили заместитель командира по политической части Николай Альбертович Юнг и начальник штаба дивизии Александр Иванович Вертоградский. «Я был признателен им за то, что они сумели все быстро и обстоятельно изложить, — вспоминал Георгий Константинович. — Однако мне предстояло главное: самому досконально разобраться в обстановке непосредственно в частях и подразделениях, определить недостатки, найти их причины и вместе с командирами и политработниками наметить пути их ликвидации».[68]

Это качество — самому разобраться в любой обстановке — было свойственно Жукову на протяжении всей его военной карьеры. В сжатые сроки он ознакомился со всеми полками и подразделениями дивизии. Командовали ими в основном опытные люди, и впоследствии Жуков опирался на них в своей работе. Так, командиром 19-го Манычского кавалерийского полка был Ф.Я.Костенко. 21-й кавалерийский полк возглавлял И.Н.Музыченко, которого Жуков знал еще по 14-й отдельной кавалерийской бригаде. 23-м кавалерийским полком командовал Л.Н.Сакович, а 4-м механизированным полком — В. В. Новиков. В самом тяжелом положении оказался 20-й кавполк, стоявший в деревне Конюхи, в 20 километрах от города Слуцка. Полком командовал В.В.Крюков, с которым Жукова будет связывать долголетняя дружба.

Командующий Белорусским военным округом И.П.Уборевич был человеком требовательным. И это на первых порах сполна испытал на себе Георгий Константинович. Через полгода после вступления в должность он получил от командующего войсками округа выговор за обнаруженные во время инспекторской проверки недочеты в подготовке дивизии. Г.К.Жуков посчитал наказание несправедливым, по крайней мере преждевременным, вспылил и дал телеграмму:

«Командующему войсками округа Уборевичу.

Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не хочу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ.

---

68 Там же. С. 187–188.

Жуков».

Через два дня в штаб дивизии позвонил Уборевич и попросил Жукова не горячиться, а потерпеть недели две до очередной инспекторской проверки. В ходе этой проверки командующий округом встретился с Жуковым и сообщил ему, что лично проверил материалы, по которым комдиву был вынесен выговор. Он пришел к мнению, что наказание было несправедливым, предлагает считать вопрос исчерпанным. «Я чувствовал, что он работает надо мной, — рассказывал позже Жуков писателю Симонову. — Он присматривался ко мне, давал мне разные задания, вытаскивал меня на доклады. Потом поручил мне на сборе в штабе округа сделать доклад о действиях французской конницы во время сражения на реке По в Первую мировую войну. Этот доклад был для меня делом непривычным и трудным. Тем более что я, командир дивизии, должен был делать этот доклад в присутствии всех командующих родами войск округа и всех командиров корпусов. Но я подготовился к докладу и растерялся только в первый момент: развесил все карты, остановился около них; надо начинать, а я стою и молчу. Но Уборевич сумел помочь мне в этот момент, своим вопросом вызвал меня на разговор, дальше все пошло нормально, и впоследствии он оценил этот доклад как хороший. Повторяю, я чувствовал, как он терпеливо работает надо мной».[69]

Выводя дивизию из прорыва, главные усилия Жуков сосредоточил на поднятии уровня подготовки среднего и старшего командного состава на тактических занятиях и учениях. При этом он исходил из того, что командиры должны на практике овладевать навыками ведения современного боя и управления войсками, учить личный состав в условиях, приближенным к боевым. Поэтому большую часть времени дивизия находилась в поле. Особое внимание уделялось действиям в условиях встречного боя. Это требовало отказа от привычных способов управления с помощью письменных приказов, телефонов и всего, что связано с прокладкой линий связи. Уже в то время Жуков считал, что надо решительно переходить на управление по радио, на систему коротких боевых распоряжений — «управления с седла», как тогда любили говорить конники.

«…Сам он как командир дивизии работал очень много, — вспоминал бывший начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии генерал Л.Ф.Минюк. — Ни одного мероприятия не проводил с кондачка, всегда все продумывал. Будучи человеком энергичным, организованным и в высшей степени дисциплинированным, Жуков терпеть не мог ленивых, неповоротливых, бездумных и пустозвонов. Совершенно по-другому он относился к тем, кто трудился в полную силу, творчески и с огоньком. Я внимательно присматривался к стилю работы и характеру командира дивизии, да это и вполне понятно, иначе штаб как орган управления не смог бы выполнять свою роль. Сразу было видно, в дивизии установлен строгий порядок. Утвержденные командованием планы работы штаба дивизии, боевой подготовки частей, партийно-политической работы, а также спортивно-массовых мероприятий выполнялись точно и в срок. Сам командир работал строго по плану. Занятия с командным составом, штабные и войсковые учения в поле тщательно готовились, проводились на интересном и остром оперативно-тактическом фоне и всегда были

69 Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 43.

целеустремленными».

Жуков не только детально рассматривал разработки для занятий с командным составом и с частями дивизии в поле, но очень дотошно разбирал весь ход предстоящих занятий, интересовался в подробностях динамикой действий условного «противника» и тщательно анализировал и обсуждал возможные варианты решений командиров в ходе занятий. Часто между командиром и начальником штаба дивизии возникали споры по оперативно-тактическим вопросам. Жуков в этих спорах всегда требовал обоснованных доказательств, но, как правило, споры заканчивались решением командира дивизии, и после этого проводилось занятие или учение с войсками.

К занятиям Георгий Константинович готовился основательно: знакомился и с историческими материалами, и с новинками. Обладая прекрасной памятью, при объяснении материала никогда не пользовался своими записями, а использовал лишь рабочую карту. Особенно интересны были его разборы — Жуков не просто рассматривал решения командиров и их ошибки, но умело заглядывал в будущее и мог ярко нарисовать картину боя и его последствия.

Л.Ф.Минюк отмечал еще одну важную особенность в подготовке комсостава: «...Памятуя о том, что дивизия дислоцировалась в пограничной зоне и ей вместе с погранотрядом предстояло отражать первый удар врага в случае войны, Г.К.Жуков... держал тесную связь с пограничниками. Отыскивая наиболее выгодные и эффективные тактические приемы действий дивизии, периодически выезжал в пограничный отряд для уточнения и улучшения плана взаимодействий частей дивизии с заставами погранотряда. Весной 1936 года Жуков познакомил меня с командирами пограничников, показал участок границы, входивший в полосу возможных в случае войны действий дивизии, и проиграл со мной несколько вариантов решений на развертывание дивизии и динамику действий...»

Часто, когда его меньше всего ждали, в дивизию наезжал И.П.Уборевич, и каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге, а завершался тактическими учениями или командирской учебой. Побывал Уборевич в 4-й кавалерийской дивизии и в 1934 году. Выслушав рапорт Жукова, командующий дал ему четыре часа, для того чтобы вывести 21-й кавалерийский полк под командованием Музыченко в поле. Учения продолжались пять часов. За это время командующий округом в сопровождении Жукова сумел объехать все подразделения полка, действовавшего в качестве передового отряда дивизии. Он проскакал более 80 километров и лишь после этого дал отбой учениям. После разбора, который сделал Жуков прямо с седла перед строем полка, Уборевич поблагодарил всех за учение и обещал присутствовать на предстоящих маневрах.

Данное слово Уборевич сдержал и приехал на одно из предманевренных учений, проводившееся по теме: «Встречный бой стрелковой дивизии с кавалерийской дивизией». Дивизия произвела на него хорошее впечатление. Последний раз Уборевич проверял дивизию Жукова в 1936 году и вновь нашел ее в прекрасном состоянии. Дисциплина, общая организованность, постоянная боевая готовность оценивались только на «хорошо» и «отлично». Всегда скупой на похвалу Уборевич тепло поблагодарил личный состав, многих наградил ценными подарками.

Этот визит командующего запомнился и Эре Георгиевне: «Сохранилось в памяти и пребывание в 1936 году И.П.Уборевича…Его принимали в нашем доме, в связи с чем маме и другим женщинам пришлось похлопотать и поволноваться. Присутствовали руководящие командиры и их жены. Отчетливо помню большой стол, видимо, составленный из нескольких, так как большого стола у нас тогда не было, во главе которого сидели И.П.Уборевич и папа. По-моему, им было весело. Отец очень ценил и уважал этого человека…»

Очередной качественный этап в боевой подготовке войск округа предопределило появление новых средств ведения войны. «Даешь танк!», «Даешь самолет!», «Даешь мотор!», «Овладеем новой мошной техникой, которую народ дает Красной Армии!» — этими лозунгами буквально жили командиры и бойцы округа, увлеченные общим патриотическим порывом, общим стремлением подняться к вершинам технического прогресса. В приказе РВС СССР от 1 декабря 1933 года «Об итогах боевой подготовки РККА за 1933 год и задачах на 1934 год» основной целью подготовки войск на новый учебный год определялось: «Овладение подвижными формами операции и боя стрелковых (кавалерийских) соединений в сочетании с глубоким, надежно обеспеченным маневром в тыл противника мотомеханизированных войск и авиации». На занятиях и учениях с высшим и старшим начальствующим составом, штабами, органами тыла и войсками требовалось отрабатывать:

«1. Глубокий наступательный бой стрелкового (кавалерийского) корпуса, усиленного мотомеханизированными войсками и боевой авиацией против укрепившегося или временно остановившегося противника с одновременным поражением боевого порядка его обороны на всю глубину.

2. Встречный бой стрелковых (кавалерийских) соединений, усиленных мотомеханизированными войсками и боевой авиацией на основе быстрых и решительных действий сильных авангардов и одновременности удара по всей глубине группировки сил противника.

3. Оборонительный бой стрелковых (кавалерийских) соединений при содействии танков и боевой авиации и с полным использованием инженерных и химических заграждений против массовых танковых и воздушных атак противника.

4. Самостоятельные действия в оперативном тылу противника мотомеханизированных соединений совместно с боевой авиацией и во взаимодействии с кавалерийскими (стрелковыми) соединениями».[70]

«Обоснование теории глубокой наступательной операции было серьезным достижением нашего военного искусства, — отмечал Жуков. — В целом операция характеризовалась массированным применением танков, авиации, артиллерии и воздушных десантов, так как была рассчитана на ведение боевых действий современными, технически оснащенными армиями. Существо же глубокой операции состояло в следующем. Первая задача — взлом фронта противника одновременным ударом на всю его тактическую глубину, вторая — немедленный ввод в прорыв механизированных войск, которые во взаимодействии с авиацией должны наступать на всю глубину оперативной обороны противника до поражения всей его группировки.

---

70 РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 15. Л. 12.

При этом учитывалось, что в целом война будет вестись многомиллионными армиями на огромных пространствах, а успех глубокой операции обеспечит поражение авиацией и артиллерией всей глубины обороны противника плюс решительные действия на флангах и в тылу группировок врага с целью их окружения и уничтожения».[71]

Духом новых требований были проникнуты все занятия по тактической подготовке, проводившиеся в частях и подразделениях 4-й кавалерийской дивизии, ее учения и маневры. Вот как описывал Г.К.Жуков подобные учения: «Обучаемый полк поднимался по тревоге, и ему указывался район, где надлежало сосредоточиться. В этом районе командованию вручалась тактическая обстановка и боевой приказ, требовавший совершить марш-маневр через труднопроходимые, заболоченные или лесные районы. Маршрут избирался такой, который требовал больших работ по расчистке и прокладке дорог, постройке из подручного материала гатей и переправ. При этом никаких инженерных средств усиления обычно не давалось, с тем чтобы научить командование всех степеней находить выход из тяжелого положения своими силами и местными средствами.

Такие учения в физическом отношении были чрезвычайно тяжелыми. Иногда люди буквально валились с ног, часто оставаясь без сна и нормального питания несколько суток подряд. Но какая радость охватывала бойцов и командиров, когда их часть, выполнив труднейшую задачу, достигала поставленной цели!.. Командование, штабы и весь личный состав приобретали практические навыки с честью выходить из любого трудного положения».[72]

В августе-сентябре 1934 года под руководством командующего войсками Белорусского военного округа И.П.Уборевича были проведены окружные общевойсковые учения на тему «Пограничное боевое столкновение в начальный период войны». На учениях присутствовал нарком обороны СССР К.Е.Ворошилов. Дивизия, которой командовал Жуков, действовала на стороне «синих». Учение по оценке Ворошилова прошло удовлетворительно, а тактическая подготовка войск была хорошей. Однако войска и штабы не сумели к началу учения овладеть «искусством организации и ведения разведки». Нарком обороны в своем приказе № 0019 от 16 сентября 1934 года потребовал до конца учебного года: «Отработать вопросы управления, организации связи, взаимодействия в подвижных видах боя (встречное столкновение. окружение, выход из окружения, сложные перегруппировки, боевые действия с резким изменением обстановки). Занятия должны охватывать вопросы общевойскового боя с участием родов войск, возможно чаще тренировать штабы с ограниченными средствами связи».[73]

Требования, изложенные в приказе наркома обороны, показывают, что в первой половине 30-х годов уделялось серьезное внимание отработке вопросов, связанных с начальным периодом войны. Это было именно то, что нужно войскам в случае возникновения войны. Это было именно то, чего так не хватило им в тот момент, когда нацистская

71 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 183–184.

72 Там же. С. 198.

73 РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 11. Л. 105.

Германия совершила нападение на Советский Союз.

В 1935 году Г.К.Жукову было присвоено только что введенное звание «комбриг». В том же году части 4-й кавалерийской дивизии получили высокие оценки по результатам инспекторской проверки, в том числе и по самому трудному виду боевой подготовки конницы — огневой. Дивизия была награждена орденом Ленина.

«Все это взволновало меня до глубины души, — вспоминал Жуков. — Я крепко задумался над тем, что мы должны сделать, чтобы еще выше поднять боевую подготовку и общее состояние дивизии... Для вручения ордена Ленина дивизия была собрана в конном строю на одном из плацев города. Весь личный состав в приподнятом настроении, на флангах каждой части развевались знамена, под которыми ветераны дивизии ходили в бой с белогвардейцами и бело-поляками. В торжественной тишине после встречного марша и рапорта С.М.Буденный поднялся на трибуну. По его знаку подъезжаю с ассистентами, держа боевое знамя дивизии. С.М.Буденный прикрепляет к нему орден Ленина, и мы со знаменем скачем полевым галопом перед строем».[74]

Постановлением ЦИК СССР от 16 августа 1936 года орденами и медалями был награжден ряд командиров и красноармейцев. Среди награжденных был и Г.К.Жуков, получивший орден Ленина.

Весной 1936 года в Красной Армии началось формирование казачьих войск. В связи с этим осуществлялся ряд организационных мероприятий, в том числе и переименование кавалерийских соединений в казачьи. 4-я кавалерийская дивизия стала именоваться 4-й Донской казачьей Краснознаменной дивизией имени К.Е.Ворошилова. Вводилась и новая форма одежды для казаков, которая, следуя традициям и подчеркивая национальный характер казачества, предусматривапа ношение черкески, бурки, бешмета, башлыка, лампасов на шароварах.

Отличилась 4-я Донская казачья дивизия в сентябре 1936 года на маневрах войск Белорусского военного округа, которыми руководил командарм первого ранга И.П.Уборевич. На маневрах присутствовали народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, его первый заместитель Маршал Советского Союза М.Н.Тухачевский, начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза А.И.Егоров, члены правительства Белоруссии, военные делегации Англии, Франции и Чехословакии.

Маневры проводились в целях практической проверки новых взглядов на подготовку и ведение операции (боя), качества оружия и военной техники, степени обученности войск. На них отрабатывались такие вопросы, как встречное сражение на фоне армейской операции, атака и прорыв оборонительной полосы с последующим вводом эшелона развития успеха, воздушная операция по уничтожению авиации «противника» на аэродромах, высадка воздушного десанта, контрудар армейской ударной группы по прорвавшемуся «противнику» в целях его окружения и уничтожения. В маневрах участвовали стрелковые, кавалерийские, механизированные, воздушно-десантные и авиационные соединения — всего более 1300 танков, 632 самолета, 2276 различных машин. Войсками «красных» командовал комкор И.Р.Апанасенко, «синих» — комкор Е.И.Ковтюх.

---

74 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 199

В ходе маневров разыгрывались боевые действия механизированных и кавалерийских соединений на большую глубину, форсирование с ходу реки Березина, в том числе танками под водой. Перед началом форсирования авиация поставила дымовую завесу, что позволило первому десантному эшелону быстро захватить плацдарм и впервые в практике обеспечить преодоление реки механизированными частями, не ожидая подхода стрелковых войск. На одном из этапов был применен комбинированный воздушный десант. Вначале десантировалась 47-я авиационная бригада особого назначения (1800 парашютистов), затем посадочным способом был высажен десант (5700 бойцов) с танками, орудиями, боевой и транспортной техникой.

Поучительно прошло форсирование Березины частями 4-й Донской казачьей дивизии. После 30-минутной артиллерийской подготовки передовые отряды частей дивизии на широком фронте подошли к реке. Низко пролетевшее вдоль русла звено самолетов поставило дымовую завесу, удачно прикрыв их от «противника». Когда дым начал рассеиваться казачьи подразделения уже зацепились за противоположный берег, а вскоре и вся дивизия форсировала Березину и. опрокинув «противника», стала успешно продвигаться вперед.

Г.К.Жуков, вспоминая о маневрах 1936 года, писал: «…Нам было известно, что на маневры прибыли нарком обороны К.Е.Ворошилов и другие военачальники. Естественно, что каждая часть, каждое соединение ожидали приезда К.Е.Ворошилова. Ну а мы, командиры 4-й казачьей дивизии, считали в порядке вещей, что нарком обязательно будет у нас…Не успели еще развернуть карты, как к командному пункту подъехала вереница машин. Из первой машины вышли К.Е.Ворошилов, А.И.Егоров и И.П.Уборевич… Мы поняли, что нарком будет лично наблюдать форсирование реки… На разборе маневров нарком дал высокую оценку нашей дивизии, похвалив за хорошую организацию форсирования реки и новаторство танкистов, рискнувших своим ходом преодолеть такую глубокую реку, как Березина…»[75]

По свидетельству начальника штаба дивизии Л.Ф.Минюка, в сложных и напряженных условиях учений выявилась одна примечательная особенность Жукова. Георгий Константинович умел спать, слушать и думать одновременно. Шли вторые сутки маневров. Задачу на «боевые действия» дивизия получила с запозданием. Жуков только что вернулся из полка, который находился на «передовой» и «вел ночной бой». В палатке начальника штаба дивизии они вдвоем за маленьким походным столиком изучали приказ командира корпуса. Жуков, приняв решение, поручил начальнику штаба набросать приказ. Не успел тот взяться за перо, как командир дивизии тут же сидя уснул. Закончив работу, начальник штаба разбудил Жукова и начал читать проект приказа, но не успел прочесть и пару строк, как услышал громкое сопение и увидел, что Жуков снова спит. Только он прекратил чтение, как Жуков тут же потребовал продолжать. Закончив чтение, Минюк стал решать, что же дальше делать: будить или пусть спит, а приказ подписать самому? И вдруг спящий Жуков попросил повторить четвертый пункт, после чего предложил изменить формулировку задачи одному из полков.

Эта удивительная способность пригодилась Жукову и позже. Во

75 Там же. С. 202–204

время Великой Отечественной войны он спящим слушал донесения И.В.Сталину и вносил в них свои коррективы, а затем снова слушал и подписывал. Когда его спрашивали, как это ему удается одновременно спать, слушать и думать, он отвечал, что «война научит всему, а она уже четвертая за моей спиной».

Маневры войск Белорусского военного округа подтвердили высокий уровень развития военного искусства и показали хорошую обученность личного состава. Командиры и штабы умело управляли боем, обеспечивали взаимодействие всех родов войск в быстро меняющейся обстановке. Войска продемонстрировали умение смело десантироваться, быстро вступать в бой и решительно вести боевые действия. Подтвердилась правильность основных положений теорий глубокой операции и глубокого боя. Опыт маневров был использован при доработке проекта Временного Полевого устава РККА, введенного в действие приказом наркома обороны СССР от 30 декабря 1936 года.

Радость в дивизии от достигнутого успеха на маневрах была омрачена тяжелой болезнью ее командира. «…Летом Георгий мою семью пригласил в Слуцк во время отпуска, — рассказывал позже М.М.Пилихин. — В 1936 году там стали проводить полевые учения. День был солнечный, было душно. Жукова и начальника штаба угостили холодным молоком. На другой день они почувствовали себя плохо — заболели бруцеллезом. Их отправили в Минск, а потом в Москву в Центральный военный госпиталь, где они и находились на лечении 7–8 месяцев. В это время мы с Клавдией Ильиничной (жена М.М.Пилихина. — В.Д.) навещали Георгия. Приехала Александра Диевна с дочкой Эрочкой. Жили они у нас в Брюсовом переулке. Брат поправился, его из госпиталя направили с семьей на юг в дом отдыха, он там хорошо отдохнул и вернулся в Москву…»

О болезни отца пишет и Эра Георгиевна: «…В 1936 году он тяжело заболел бруцеллезом, от которого едва не умер. Серьезные осложнения заставили его долго пролежать и лечиться, однако он полностью преодолел недуг, как считали врачи, только благодаря крепкому здоровью и силе воли. Скрупулезно выполняя указания врачей, он навсегда бросил курить, хотя до этого курил много лет».

К сожалению, маневры, проведенные в Белорусском военном округе в 1936 году, стали последними учениями столь крупного масштаба в предвоенные годы. С лета 1937 года на армию и флот обрушилась волна репрессий. Направлена она была на мнимых участников «военного заговора в Красной Армии». С.П.Урицкий в своем письме К.Е.Ворошилову от 27 сентября 1937 года отмечал: «…1 мая 1937 г. после парада у Вас на квартире вождь (речь идет о И.В.Сталине. — В.Д.) сказал, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину».[76] Вскоре были арестованы многие видные военные деятели, в том числе и М.Н.Тухачевский, считавшийся «главой заговора». 11 июня 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, рассмотрев дело об «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии, приговорило к расстрелу М.Н.Тухачевского, И.П.Уборевича, А.И.Корка, И.Э.Якира, Р.П.Эйдемана, В.К.Путну, В.М.Примакова, Б.М.Фельдмана. Затем последовали новые

76 Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 47.

аресты и расстрелы. К.Е.Ворошилов на заседании Военного совета при НКО СССР 29 ноября 1938 года с гордостью говорил: «Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили… Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав».[77]

После расстрела М.Н.Тухачевского и других военачальников и военных теоретиков Ворошилов приказал залить на топографических картах «тушью названия с именами врагов народа и только после этого производить выдачу карт для использования». 21 мая 1938 года он подписал приказ об отмене «Инструкции по глубокому бою» 1935 года,[78] которая была разработана под непосредственным руководством Тухачевского и в концентрированном виде содержала наивысшие достижения советской военно-теоретической мысли того времени. Уничтожение наиболее подготовленных командиров и начальников, запрет на использование в боевой учебе документов, разработанных с их участием, отрицательно сказались на подготовке войск, штабов и командиров в конце 30-х годов.

К 1938 году репрессии приобрели такие гигантские размеры, что в январе того же года Пленум ЦК ВКП(б) вынужден был рассмотреть вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из партии и о мерах по устранению этих недостатков». Постановление Пленума, с одной стороны, требовало прекратить огульные репрессии и тщательно разбирать каждое отдельное обвинение, выдвинутое против члена партии, а с другой — давало установку «до конца истребить замаскированных врагов». Этим решением Сталин и его ближайшее окружение вводили в заблуждение рядовых коммунистов и народ, внушая, что репрессии — дело рук партийных функционеров на местах, еще не раскрытых «врагов». Во исполнение решения Пленума в Наркомате обороны создается комиссия для работы с письмами и жалобами. Работа этой комиссии вскрыла ужасающую картину состояния командных кадров в Красной Армии. Сталин и его окружение сочли, что добивать армию окончательно нельзя, и размах репрессий пошел на убыль.

Как же относился Г.К.Жуков к репрессиям в Красной Армии? В своих мемуарах он пишет: *«Как известно, советский народ беспощадно разгромил белогвардейскую контрреволюцию и изгнал за пределы нашей Родины иностранных интервентов и своей борьбой, своей кровью доказал непоколебимую преданность делу нашей ленинской партии. Однако советскому народу и партии пришлось тяжело поплатиться за беспринципную подозрительность политического руководства страны, во главе которого стоял И. В. Сталин.*

В вооруженных силах было арестовано большинство командующих

77 РГВА. Ф. 31 983. Оп. 3. Д. 152. Л. 151–152.

78 РГВА. Ф. 25 871. Оп. 2. Д. 1275. Л. 192, 324.

войсками округов и флотов, членов Военных советов, командиров корпусов, командиров и комиссаров соединений и частей. Шли большие аресты и среди честных работников органов государственной безопасности.

В стране создалась жуткая обстановка. Никто никому не доверял, люди стали бояться друг друга, избегали встреч и каких-либо разговоров, а если нужно было — старались говорить в присутствии третьих лиц — свидетелей. Развернулась небывалая клеветническая эпидемия. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха не быть заподозренным в нелояльности. И эта жуткая обстановка продолжала накаляться» .[79] Далее он отмечает: *«На смену арестованным выдвигались все новые и новые лица, имевшие значительно меньше знаний, меньше опыта, и им предстояла большая работа над собой, чтобы быть достойными военачальниками оперативно-стратегического масштаба, умелыми воспитателями войск округа.*

В Белорусском военном округе было арестовано почти 100 процентов командиров корпусов. Вместо них были выдвинуты на корпуса командиры дивизий, уцелевшие от арестов» .[80]

Болезнь, которая настигла Жукова после учений, не только надолго вывела его из строя, но и, возможно, спасла от репрессий. Тем временем был арестован бывший командир 7-й Самарской кавалерийской дивизии К.К.Рокоссовский, который в свое время давал Г.К.Жукову аттестацию. А тут недалеко было и до связи Жукова с «врагом народа». На душе у Георгия Константиновича было неспокойно. Всех этих людей он хорошо знал, высоко ценил и не скрывал своего отношения к ним и после их ареста.

В конце июня 1937 года как «враг народа» был арестован и командир 3-го конного корпуса Д.Сердич. Недели через две Г.К.Жукова вызвали в Минск в вагон командующего войсками округа, обязанности которого в то время исполнял комкор В.М.Мулин (через два месяца его тоже арестовали). О том, что произошло в вагоне командующего, Жуков подробно рассказывает в «Воспоминаниях и размышлениях».

В вагоне Жукова принял только что назначенный член Военного совета округа Ф.И.Голиков (будущий Маршал Советского Союза). Задав ряд вопросов биографического порядка, Голиков спросил, нет ли у Жукова кого-либо арестованных из числа родственников или друзей. Георгий Константинович ответил, что не знает, так как не поддерживает связи со своими многочисленными родственниками. Что касается близких родственников — матери и сестры, то они живут в настоящее время в деревне Стрелковка и работают в колхозе. Из знакомых и друзей — много арестованных, в том числе И.П.Уборевич, комкоры Д. Сердич, Л.Я.Вайнер, Е.И.Ковтюх, И.С.Кутяков, И.Д.Косогов, К.К.Рокоссовский, комдив Б. К. Верховский. На вопрос Голикова, с кем из арестованных Жуков дружил, последовал ответ: «Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем. С Рокоссовским учился в одной группе на курсах усовершенствования командного состава кавалерии в городе Ленинграде и совместно работал в 7-й Самарской кавдивизии. Дружил с комкором

79 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 220.

80 Там же. С. 229–230.

Косоговым и комдивом Верховским при совместной работе в Инспекции кавалерии. Я считал этих людей большими патриотами нашей Родины и честнейшими коммунистами». Голиков задал новый вопрос: «А вы сейчас о них такого же мнения?» Жуков ответил: «Да, и сейчас».

На вопрос: «А не опасно ли будущему комкору восхвалять врагов народа?» — Жуков ответил, что не знает, за что их арестовали, и думает, что произошла какая-то ошибка. Не преминул Голиков воспользоваться и донесением комиссара 3-го конного корпуса Юнга о резкости и грубости Жукова в обращении с подчиненными командирами и недооценке им роли и значения политических работников, о том, что якобы с согласия Георгия Константиновича его жена крестила в церкви дочь Эллу.

«Я бываю резок не со всеми, а только с теми, кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твердость и настойчивость», — ответил Жуков. Историю с крещением он назвал неумной выдумкой и чушью.[81]

Дальнейший разговор был прерван приходом в вагон исполнявшего должность командующего войсками округа В.М.Мулина, который сообщил, что Военный совет округа предлагает назначить Георгия Константиновича на должность командира 3-го конного корпуса.

Решения пришлось ждать около месяца. 22 июля 1937 года приказом наркома обороны Жуков был назначен командиром 3-го конного корпуса. Подводя итоги своей деятельности на посту командира дивизии, он отмечал:

«Я проработал командиром дивизии более четырех лет, и все эти годы жил одной мыслью: сделать вверенную мне дивизию лучшей в рядах Красной Армии, самой передовой. В подготовку дивизии было вложено много сил, энергии и труда, чтобы вытянуть ее из прорыва, научить командирские кадры и штабы искусству современной тактики, организации и методам управления подразделениями, частями и дивизией.

Не берусь утверждать, что тогда нами было сделано все. Были ошибки, промахи и просчеты с нашей стороны, но со спокойной совестью могу сказать, что в подготовке дивизии командиры и политработники тогда большего дать не могли, а все, что имели, отдали сполна».[82] Добавим, что многие командиры полков 4-й кавалерийской Донской казачьей дивизии, которую называли «жуковской», стали впоследствии видными военачальниками.

Части 3-го конного корпуса дислоцировались в Минске и его окрестностях. В то время государственная граница с Польшей проходила неподалеку от города, и корпус всегда должен был находиться в полной боевой готовности. Жуков с головой окунулся в новую работу. Он, по уже установившейся традиции, начал знакомиться с состоянием дел во всех частях корпуса на местах. Сразу стало ясно, что в связи с арестами резко упала подготовка командно-политических кадров, у командиров

81 Там же. С. 222–223.

82 Там же. С. 209–210

понизилась требовательность к себе и подчиненным и, как следствие, ослабла дисциплина и служба всего личного состава. *«В ряде случаев демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки „вражеского подхода“ к воспитанию личного состава,* — писал Жуков. — *Особенно резко упала боевая и политическая подготовка в частях 24-й кавалерийской дивизии. Дивизия стояла в районе города Лепель, и ее жилищно-бытовая и учебная базы были еще далеки от завершения. На этой основе возникало много нездоровых настроений, а ко всему этому прибавились настроения, связанные с арестами командиров. Находились и такие, которые занимались злостной клеветой на честных командиров с целью подрыва доверия к ним со стороны солдат и начальствующего состава. Пришлось резко вмешаться в положение дел, кое-кого решительно одернуть и поставить вопрос так, как этого требовали интересы дела. Правда, при этом лично мною быт в ряде случаев допущена повышенная резкость, чем немедленно воспользовались некоторые беспринципные работники дивизии. На другой же день на меня посыпались донесения в округ с жалобой к Ф.И.Голикову, письма в органы госбезопасности „о вражеском воспитании кадров“ со стороны командира 3-го конного корпуса Жукова»* .[83]

Вскоре Жукову поступил доклад от командира 27-й кавалерийской дивизии В.Е.Белокоскова о том, что в дивизии резко упали дисциплина и вся служба. На вопрос Жукова, что делает лично командир дивизии, тот сообщил, что его сегодня вечером разбирают в парторганизации, а завтра наверняка посадят в тюрьму. Жуков решил немедленно выехать в дивизию и разобраться в сложившейся обстановке. В.Е.Белокосков поразил Жукова своим внешним видом: он был чрезмерно бледен, под глазами залегли темные впадины, губы нервно подергивались после каждой фразы. На вопрос, что с ним случилось, Василий Евлампиевич ответил, что сейчас на партийном собрании его будут исключать из партии, и он приготовил узелок с бельем.

Информацию на собрании делал секретарь дивизионной партийной комиссии, который поведал, что Белокосков был в близких отношениях с «врагами народа» Д.Сердичем, Н.А.Юнгом, И.П.Уборевичем и другими, а потому не может пользоваться доверием партии. Кроме того, Белокосков недостаточно чутко относится к командирам, политработникам, слишком требователен по службе. Обсуждение заняло около трех часов. Никто в защиту Белокоскова не сказал ни одного слова, и дело шло явно к исключению его из рядов партии. Исполняющий должность комиссара корпуса Новиков по существу поддержал выступавших и сделал вывод, что Белокосков не оправдал звания члена партии. Г.К.Жуков, внимательно выслушав выступающих, попросил слова и довольно резко сказал: *«Я давно знаю Белокоскова как честного коммуниста, чуткого товарища, прекрасного командира. Что касается его служебной связи с Уборевичем, Сердичем, Рокоссовским и другими, то эта связь была чисто служебной, а, кроме того, еще неизвестно, за что арестованы Уборевич, Сердич, Рокоссовский, так как никому из нас неизвестна причина ареста, так зачем же мы будем забегать вперед соответствующих органов, которые по долгу своему должны объективно разобраться в степени*

83 Там же. С. 224–225

виновности арестованных и сообщить нам, за что их привлекли к ответственности. Что касается других вопросов, то это мелочи и не имеют принципиального значения, а товарищ Белокосков сделает для себя выводы из критики» .[84]

После выступления командира корпуса никто больше не стал брать слова, и на партийном собрании было принято решение «предложить В.Е.Белококскову учесть в своей работе выступления коммунистов». *«Когда мы шли с партсобрания, я видел, как Василий Евлампиевич украдкой вытер слезы,* — отмечал позднее Жуков. — *Я считал, что он плакал от сознания того, что остался в партии и может продолжать в ее рядах работу на благо народа, на благо нашей Родины. Я не подошел к нему, считая, что пусть он наедине переживет минувшую тяжелую тревогу за свою судьбу и радость душевную за справедливость решения партийной организации»* .[85]

Вмешательство Георгия Константиновича спасло жизнь добросовестному и умному командиру Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны он стал одним из главных организаторов автомобильной службы и снабжения войск. После войны Василий Евлампиевич был заместителем начальника Тыла Вооруженных Сил, заместителем министра Вооруженных Сил (военного министра, министра обороны) по строительству и расквартированию войск.

За семь месяцев пребывания в должности командира 3-го конного корпуса Жуков смог возродить его репутацию как одного из лучших соединений Белорусского военного округа. Части корпуса успешно действовали на окружных маневрах, которые были проведены осенью 1937 года под руководством нового командующего войсками Белорусского военного округа командарма 1-го ранга И.П.Белова (вскоре его постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих, — он был арестован как «враг народа»). Кстати, вместе с наркомом обороны К.Е.Ворошиловым и начальником Генерального штаба Б.М.Шапошниковым на маневрах в качестве гостей присутствовали генералы и офицеры немецкого Генерального штаба.

25 февраля 1938 года Г.К.Жуков, недавно получивший «досрочно и вне очереди» воинское звание комдива, был назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса. До этого корпусом командовал активный участник Гражданской войны Е.И.Горячев, назначенный на должность заместителя командующего войсками Киевского Особого военного округа. Однако вскоре на одном из партсобраний ему предъявили обвинение в связях с «врагами народа». Не желая подвергаться репрессиям со стороны органов госбезопасности, Горячев покончил жизнь самоубийством.

Положение в корпусе в связи с арестами опытных командиров было не лучше, чем в других соединениях округа. В частях царила атмосфера доносительства и подозрительности, которую создал Л.З.Мехлис, назначенный в 1937 году начальником Главного управления пропаганды и агитации Красной Армии. Многие из избежавших репрессий превращались в доносчиков, и к Мехлису, по установленному им порядку, лавиной шли доклады, содержавшие клевету на командиров разных

---

84 Там же. С. 226.

85 Там же.

степеней. Жукову приходилось неоднократно вмешиваться в работу политорганов, чтобы пресекать травлю своих подчиненных.

Вступив в командование 6-м кавалерийским корпусом, Жуков сосредоточил внимание на оперативной подготовке. Этого требовал приказ наркома обороны от 14 декабря 1937 года № 0109 «Об итогах боевой подготовки РККА за 1937 год и задачах на 1938 год», который отмечал необходимость «продолжать подготовку Сухопутных войск и Военно-Воздушных Сил в тесном взаимодействии по овладению сложным боем в маневренных условиях и при борьбе за укрепленные позиции, опираясь на современные технические средства борьбы (авиация, артиллерия, танки), отводя должное место и учитывая значение и роль пехоты в общевойсковом бою».[86]

В войсках в первую очередь отрабатывались вопросы боевого применения конницы в составе конно-механизированной армии. В то время это были крупные, проблемные вопросы. В военной теории того времени предполагалось, что конно-механизированная армия, состоявшая из 3–4 кавалерийских дивизий, 2–3 танковых бригад и моторизованной стрелковой дивизии, в тесном взаимодействии с бомбардировочной и истребительной авиацией, а в последующем и с авиадесантными частями, будет в состоянии решать крупные оперативные задачи в составе фронта, способствуя успешному осуществлению стратегических замыслов. Жуков, учитывая, что будущее в значительной степени принадлежит танкам и механизированным соединениям, требовал от командиров и штабов детальной отработки вопросов взаимодействия с танковыми войсками и организации противотанковой обороны. На полевых учениях и маневрах Жукову пришлось действовать с 21-й отдельной танковой бригадой (комбриг М.И.Потапов) и с 3-й отдельной танковой бригадой (комбриг В.В.Новиков). Оба эти командира в прошлом были сослуживцами Жукова, и они понимали друг друга с полуслова.

Темные тучи репрессий продолжали висеть над головами военачальников, и Жуков не составлял исключения. От комиссара корпуса Фомина он неожиданно узнает, что на активе коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов его будут разбирать в партийном порядке. Причину Фомин пояснять не стал, но предположить тему собрания труда не составляло.

На другой день собралось человек 80 коммунистов. Собрание началось с чтения заявлений, поступивших из 4, 24 и 7-й дивизий. В них указывалось, что Жуков многих командиров и политработников незаслуженно наказывал, грубо ругал и не выдвигал на высшие должности, что он умышленно замораживал опытные кадры, чем сознательно наносил вред Вооруженным Силам. Суть всех выступлений сводилась к одному: в воспитании кадров Жуков применял «вражеские методы». Жукову припомнили также его хорошее отношение к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим «врагам народа» и то, что Уборевич при проверке дивизии обедал лично у Жукова.

Как и полагалось, в прениях выступили в первую очередь те, кто подал заявления. Взял слово и начальник политотдела 4-й кавалерийской дивизии С.П.Тихомиров, с которым Жуков проработал вместе несколько лет. Все ожидали от Тихомирова принципиальной политической оценки

86 РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 82. Л. 234 об.

деятельности командира-единоначальника Жукова. *«Но, к сожалению, его речь была ярким примером приспособленца,* — отмечал впоследствии Георгий Константинович. — *Он лавировал между обвинителями, а в результате получилась беспринципная попытка уйти от прямого ответа на вопросы: в чем прав и в чем не прав Жуков? Тихомиров уклонился от прямого ответа. Я сказал коммунистам, что ожидал от Тихомирова объективной оценки моей деятельности, но этого не получилось. Поэтому скажу, в чем я был не прав, а в чем прав, чтобы отвергнуть надуманные претензии ко мне»* .[87]

Жуков в своем выступлении признал, что у него были срывы, и он был не прав в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь на него жаловались, что, как коммунист, он «обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность». Относительно того, что у него «обедал Уборевич — враг народа», Жуков отметил, что у него «обедал командующий войсками округа Уборевич» и тогда никто не знал, что он враг народа. Ответил он и на обвинение Тихомирова в недооценке политработников, подчеркнув, что действительно не любит и не ценит *«таких политработников, как, например, Тихомиров, который плохо помогал мне в работе в 4-й кавдивизии и всегда уходил от решения сложных вопросов, проявляя беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб делу. Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать, засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он не прав, где допустил ошибку, чтобы командир учел в своей работе и не допускал бы промахов»* .[88]

После столь обстоятельного выступления Жукова коммунисты решили «ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова Г.К.».

После партийного собрания Жуков не утерпел и спросил Тихомирова, почему он сегодня говорил не то, что всегда, когда они работали вместе в дивизии. Жукова интересовало, что соответствует истине — прежние суждения Тихомирова о нем или та характеристика, которая была дана им сегодня. Тихомиров ответил: «Безусловно, та, что всегда говорил. Но то, что сегодня сказал, — надо было сказать». Как вспоминал Георгий Константинович, он не удержался и резко сказал: «Я очень жалею, что когда-то считал тебя принципиальным товарищем, а ты просто приспособленец».

Позднее, будучи уже министром обороны, Жуков получил от Тихомирова три письма. Письма эти остались без ответа.

Дата разбора дела Жукова видна из автобиографии, написанной 13 июня 1938 года: «Партвзыскание имею — „выговор“ от 28.1.38 г. за грубость, за зажим самокритики, недооценку политработы, за недостаточную борьбу с очковтирательством. Связи с врагами ни у меня, ни у моей жены не было и нет».

---

87 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 231–232.

88 Там же. С. 232–233.

Георгий Константинович, чрезвычайно занятый служебными делами, всегда старался выкроить время для работы над оперативно-стратегическими вопросами, чтения исторических материалов о прошлых войнах, классических трудов по военному искусству и различной мемуарной литературы. Особенно много ему дала личная разработка оперативно-тактических заданий на проведение дивизионных и корпусных командных игр, командно-штабных учений, учений с войсками. «После каждого такого учения я чувствовал, — вспоминал он, — что все больше набираюсь знаний и опыта, а это было совершенно необходимо не только для моего собственного роста, но и для молодых кадров, которые мне были вверены. Приятно было, когда занятие или учение с частью, штабом или группой офицеров приносило ощутимую пользу его участникам. Я считал это самой большой наградой за труд. Если на занятии никто не получил ничего нового и не почерпнул знаний из личного багажа старшего начальника, то такое занятие, на мой взгляд, является прямым укором совести командира и подчеркивает его неполноценность. А что греха таить, командиров, стоявших по знаниям не выше своих подчиненных, у нас тогда было немало».[89]

В июне 1938 года его назначают заместителем командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии. «Переехали в Смоленск, где тогда находился штаб округа, — вспоминала Эра Георгиевна. — Квартиру получили во флигеле большого красивого дома, глядевшего на сквер, в котором жили семьи командования округа… Папа, как всегда, был занят на работе. Мама „крутилась“ с нами… Мне уже было десять лет, и я помогала маме, чем могла.

Напротив, через сквер, находилась школа № 7, в 3-м классе „Б“ которой я проучилась неполный учебный год… Там же я была принята в пионеры. Это событие в моей жизни было отмечено нашим семейным „походом“ в фотоателье… Мы с сестрой одеты в традиционные по тому времени матроски. На мне пионерский галстук со значком. Отец, немного пополневший, в серой коверкотовой гимнастерке, с двумя орденами и медалью (орден Красного Знамени, орден Ленина и медаль „XX лет РККА“, последней награжден в феврале 1938 года. — В.Д.) на груди, с двумя ромбами. Виски немного поседевшие, но глаза по-прежнему молодые».

В конце мая 1939 года Г.К.Жуков проводил в Минске, в штабе 3-го кавалерийского корпуса, разбор командно-штабного учения. На стенах и стойках развешано множество карт и схем, на которых наглядно видны принятые командирами корпуса и дивизий решения. Вглядываясь в эти карты, Жуков с трудом сдерживает раздражение: все решения однотипны, в большинстве из них отсутствует творческая мысль, чувствуется недостаток образования, опыта, военного кругозора. Да и что взять с этих мальчишек? Вчерашние командиры батальонов и даже рот стали командирами дивизий, полков взамен репрессированных, уволенных из армии опытных командиров.

Неожиданно дверь зала распахнулась, вошел член Военного совета округа дивизионный комиссар И.З.Сусайков. Он быстро подошел почти вплотную к Жукову и сообщил, что его срочно вызывают в Москву. Через полчаса Жуков уже был в штабе округа. Там ему не сказали ничего

---

89 Там же. С. 234.

нового. Времени ехать домой уже не было, да и чемодан с самым необходимым находился здесь же, в кабинете. Оставалось только позвонить жене. Ее тревожные вопросы, вперемешку с рыданиями, выслушал довольно спокойно, прекрасно понимая ее состояние, и, как мог, постарался успокоить. Но у самого на душе было неспокойно — ведь на дворе стоял 1939 год.

Глава IV. Прообраз будущих побед

«21.30. 24.5.39. Из Москвы в Смоленск.

Милый Шурик!

Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжаться надо примерно на 3 месяца. К тебе у меня просьба такая: во-первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку. Учти, родная, что мне предстоит очень тяжелая работа, и я, как член партии, командир РККА, должен ее выполнить с честью и образцово. Ты же меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать себя моим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко, крепко. Целую моих милых дочурок.

Ваш Жорж».

О слезах он написал не случайно — терпеть их не мог. А подписался «Жорж» потому, что так его называла жена, и это имя ему нравилось в молодости. Закончив письмо, Георгий Константинович мысленно вновь вернулся к событиям минувшего дня.

Утром он прибыл в Москву и сразу же направился в Наркомат обороны, где его встретил состоявший по особым поручениям при наркоме обороны Р.П.Хмельницкий. Выяснилось, что К.Е.Ворошилов уже ждет. Об этой встрече рассказывает сам Жуков:

«Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К.Е.Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

— Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол. — Думаю, — продолжал нарком, — что затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится… Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?»[90]

---

90 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 240.

Жуков ответил утвердительно. В тот же день по указанию наркома обороны он был принят исполняющим обязанности заместителя начальника Генерального штаба комкором И.В.Смородиновым. В Генштабе Жукова ознакомили с обстановкой, сложившейся в Монголии, попросили по прибытии на место разобраться, что там происходит, и откровенно доложить свое мнение.

Из Генерального штаба Жуков направился в Брюсов переулок, где вместе с семьей, женой Клавдией Ильиничной и дочкой Ритой, жил его двоюродный брат М.М.Пилихин. Здесь гостя накормили и напоили. Беседовали допоздна. Рассказывали друг другу, как жили, чем занимались. А рано утром Георгий Константинович уехал в аэропорт. Прощаясь, сказал: «Или вернусь с подарками, или… не поминайте меня лихом».

«Скоро наш самолет был уже в воздухе и взял курс на Монголию, — вспоминает Жуков. — Последнюю остановку перед тем, как покинуть пределы страны, сделали в Чите. Нас пригласил к себе Военный совет округа (имеется в виду Военный совет Забайкальского военного округа. — В.Д.) для информации. В штабе встретили командующий округом В.Ф.Яковлев и член Военсовета Д.А.Гапанович. Они сообщили о последних событиях. Новым было то, что японская авиация проникает глубоко на территорию МНР и гоняется за нашими машинами, расстреливая их с воздуха».

К утру 5 июня, по свидетельству Жукова, он прибыл в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого стрелкового корпуса, который был дислоцирован на территории Монгольской Народной Республики в соответствии с протоколом о взаимопомощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 года. Корпус к началу июня 1939 года насчитывал около 5,6 тысячи человек,[91] командовал им комдив Н.В.Фекленко.

О Фекленко Георгий Константинович в своих мемуарах упоминает мало и нелестно. В будущем генерал-лейтенант танковых войск, Фекленко в первой половине 30-х годов командовал механизированным полком, с 1936 года — 7-й мотоброневой бригадой, а с сентября 1938 года — 57-м особым стрелковым корпусом. После того как в июне 1939 года Жуков сменил его на этом посту, Фекленко был направлен в Советский Союз и в 1940 году назначен командиром 15-й танковой дивизии, а в январе следующего года — командиром 19-го механизированного корпуса. В этой должности он вступил в Великую Отечественную войну, участвовал в приграничных сражениях, затем командовал 38-й армией, Сталинградским военным округом, был помощником командующего войсками Южного фронта по формированиям, заместителем начальника Главного автобронетанкового управления, в июне-июле 1942 года командовал 17-м танковым корпусом. В последующем Фекленко возглавлял Тульский и Сталинградский автобронетанковые центры, управление формирований бронетанковых и механизированных войск РККА, Харьковский военный округ.

Жуков, прибыв в Тамцак-Булак, обсудил положение дел с Фекленко, комиссаром корпуса ЧМ.С.Никишевым и начальником штаба А.М.Кущевым. Кущев сразу же оговорился, что обстановка еще недостаточно изучена. Это дало Георгию Константиновичу повод

---

91 Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 176.

заключить, что командование корпуса ситуацией не владеет. Он спросил Фекленко, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками. Командир корпуса ответил: «Сидим мы здесь, конечно, далековато, но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении. Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок». На вопрос Жукова, что делается для того, чтобы все это было, Фекленко ответил: «Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП».

«Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М.С.Никишева, в районе событий не был, — пишет Жуков. — Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М.С.Никишеву».[92]

Здесь мы на время прервем нить нашего повествования. Очевидно, внимательный читатель уже усмотрел противоречие в хронологии описываемых событий и задался вопросом: как Ворошилов мог показать Жукову карту с обстановкой на 30 мая, если их встреча состоялась раньше? Реконструированные на основе архивных материалов даты и факты говорят о том, что в воспоминаниях Г.К.Жуковым допущен, по разным причинам и без всякого умысла, ряд неточностей, которые перекочевали и в другие книги, посвященные полководцу. Но перед тем как восстановим истинную картину событий, напомним причины возникновения конфликта в районе реки Халхин-Гол.

В сентябре 1931 года японские войска начали оккупацию Маньчжурии и приблизились к государственной границе СССР. Генеральный штаб Японии в это время принял «Основные положения плана войны против СССР», предусматривавшие выдвижение войск к востоку от Большого Хингана и быстрый разгром главных сил Красной Армии. Учитывая, что СССР к середине 30-х годов усилил свою обороноспособность на Дальнем Востоке, военно-политическое руководство Японии пошло на заключение союза с Германией. Позже к нему присоединилась Италия. Все это воодушевило Японию на расширение военной агрессии в Азии, прежде всего против Китая. В январе 1935 года японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики и захватили часть восточного выступа территории МНР. Позднее некоторые японские историки пытались снять обвинения с правительства Японии за конфликт в районе Халхин-Гола. Так, в июне 1989 года на международной научной конференции в Улан-Баторе, участником которой был автор этой книги, японский исследователь доктор Ушижима в своем выступлении возложил ответственность за конфликт на командование Квантунской армии, действия «которого не всегда поддерживались Генштабом Японии и ее правительством».

5 июня 1935 года на станции Маньчжурия начались переговоры между маньчжурской и монгольской делегациями с целью мирного урегулирования спорных пограничных вопросов. Однако достигнуть соглашения не удалось. Не увенчалась успехом и работа созданной в августе постоянно действующей смешанной комиссии. Поэтому в январе 1936 года, когда обстановка была напряжена до предела, правительство

92 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 241–242.

МНР обратилось к советскому руководству с просьбой об оказании военной помощи. В феврале того же года СССР заявил о своей готовности оказать помощь МНР ввиду японской агрессии. 12 марта в Улан-Баторе был подписан Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР сроком на 10 лет.

К моменту подписания советско-монгольского протокола военные столкновения между японо-маньчжурскими и монгольскими войсками продолжались. «Правительство МНР не раз выступало с заявлениями по поводу участившихся нападений на нашу территорию со стороны японо-маньчжурских войск, — говорилось в ноте правительства Монгольской Народной Республики, направленной 30 марта 1936 года правительству Маньчжоу-Го. — Однако, на словах выступая за мир, ваша сторона не прекращает провокационные действия на нашей границе, еще более накаляет и без того напряженную обстановку».

Но правительство Японии продолжало наращивать агрессивные действия в регионе. В июле 1937 года, спровоцировав инцидент у моста Лугоуцяо близ Пекина, Япония начала крупномасштабную агрессию против Китая. В июле-августе 1938 года в районе озера Хасан произошло столкновение между японскими и советскими войсками, закончившееся поражением японских частей. Осенью того же года Генеральный штаб японской армии приступил к разработке плана войны против СССР, получившего кодовое название «План операции № 8». Этот план имел два варианта: «А» («Ко») — нанесение главного удара на восточном направлении против войск СССР в Приморье, и «Б» («Оцу») — нападение на СССР там, где он не ожидает, — на западном направлении, через Монголию (Японские слова «Ко» и «Оцу» означают соответственно «первый» и «второй». — В.Д.). Для этого на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии спешно строились железные и шоссейные дороги, аэродромы. 25 апреля 1939 года Генштаб японской армии, оценив военно-политическое положение в Европе, где Германия готовилась к началу Второй мировой войны, направил в войска так называемые «Принципы разрешения приграничных конфликтов между Маньчжоу-Го и СССР». В четвертом параграфе этого документа было записано: «В случае, если граница не ясна, военному командованию необходимо определять границу по своему усмотрению и избегать ненужных конфликтов».[93]

15 мая 1939 года правительство Маньчжоу-Го направило ноту правительству МНР, в которой отмечалось: «Начиная с 11 мая 1939 года солдаты Внешней Монголии (Монгольская Народная Республика. — В.Д.) неоднократно вторгались в район Номон-Хан (речь идет о районе реки Халхин-Гол. — В.Д.). Наши пограничники вынуждены были открыть огонь и отогнать их обратно, однако солдаты Внешней Монголии все еще, видимо, продолжают находиться в указанном районе. Правительство Маньчжоу-Го выражает при этом правительству МНР самый строгий протест против этих незаконных действий и одновременно требует отозвать свои войска, чтобы установить нормальные условия границы».[94]

Правительство Монгольской Народной Республики, в свою очередь, считало виновными в нарушении границы японские и маньчжурские

93 Цит. по: Халхин-Гол: Пятьдесят лет спустя. (Материалы "круглого стола" историков Советского Союза, Монголии и Японии, август 1939 г.) М., 1990. С. 30.

94 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

войска. Оно представило ряд документов Н.В.Фекленко, который после их изучения сообщал в середине мая в Наркомат обороны СССР: «Документы найдены, где указывается в точности граница, по картам и живыми людьми, которые в свое время отмечали границу. Найдена карта от 5 июля 1887 года, составленная в результате разрешения пограничных споров между баргутами (монгольское племя. — В.Д.) и халхасцами (монголы). Этот спор продолжался около 5 лет и в результате проведена граница. На карту наклеена легенда на маньчжурском языке, заверена начальником маньчжурской династии… Таким образом, все события происходили не на маньчжурской территории, а на территории МНР».[95]

К этому времени командование Квантунской армии сосредоточило в спорном районе 23-ю пехотную дивизию и несколько полков баргутской конницы, а в районе Хайлара — 2-ю сборную авиационную группу. Общее командование этими войсками было возложено на генерал-лейтенанта М.Камацубару, общепризнанного специалиста по Советскому Союзу. Он хорошо говорил по-русски, с 1919 по 1921 год служил заместителем военного атташе в Москве, а в 1927–1930 годах — военным атташе. Начальником штаба 23-й дивизии был другой эксперт по Советскому Союзу, кадровый разведчик Ц.Оути. В 1933–1935 годах он был военным атташе в Латвии, затем на протяжении двух лет возглавлял штаб кавалерийской бригады в Маньчжурии. Личный состав дивизии не имел боевого опыта и воинской выучки, но командование японской армии считало, что ее руководство, которое хорошо знало военную доктрину СССР, в кратчайшее время сможет организовать необходимые обучение и тренировки и успешно справится с поставленными задачами.

Кроме того, японцы не без оснований полагали, что они удачно выбрали район боевых действий. В военно-географической справке, подготовленной в октябре 1939 года работниками штаба 1-й армейской группы, отмечено, что «удаленность района на территории МНР создавала исключительную трудность в сосредоточении и питании всем необходимым наших войск, выступное положение района в сторону территории Маньчжурии создавало благоприятные условия в решении военных задач японским командованием… Захват района обеспечивал надежное прикрытие для будущей железной дороги Халун-Аршан — Ганьчжур».[96]

13 мая генерал-лейтенант Камацубара направил к Халхин-Голу сводный отряд во главе с командиром 64-го пехотного полка полковником Ямагата «для выполнения задачи по уничтожению войск Внешней Монголии». Утром 14 мая до 300 японских солдат и баргут перешли границу, вышли на рубеж реки Халхин-Гол и заняли Дунгур-Обо. В тот же день и 15 мая японские самолеты, нарушив воздушное пространство МНР, обстреляли пограничников и подвергли бомбардировке одну из пограничных застав. В ночь на 16 мая на восточный берег Халхин-Гола, где находились японцы и баргуты, прибыли 14 автомашин с пехотой. Войска Монгольской народно-революционной армии (далее — МНРА), обессиленные массовыми репрессиями, развернутыми маршалом Х.Чойбалсаном, оказались не в состоянии дать надлежащий отпор противнику. Бывший комиссар 24-го халхингольского пограничного

95 Там же. Л. 55.

96 РГВА. Ф. 32 113. Оп. 1. Д. 232. Л. 471–472

отряда подполковник в отставке Б.Цэвэгзав вспоминал: «По сути, наши войска оказались обезглавленными и неподготовленными к битве с таким противником, как Квантунская армия. Основную тяжесть этой необъявленной войны взяла на себя армия верного союзника — Советского Союза».[97]

Н.В.Фекленко, получив сведения о сосредоточении японских и маньчжурских частей на восточном берегу реки Халхин-Гол, решил силами 6-й кавалерийской дивизии МНРА при поддержке авиации корпуса уничтожить противника. О своем решении он 16 мая доложил в Москву Ворошилову. На следующий день поступил ответ из Генерального штаба за подписью Смородинова: «В случае продолжения активных действий японо-баргут и дальнейшего нарушения ими границы, донести немедленно народному комиссару и активных действий без его разрешения не начинать, подготавливая в то же время силы для разгрома… Прошу учесть, что указание народного комиссара — не начинать активных действий без его особого распоряжения — относится и к 6-й кавалерийской дивизии. Прошу это передать тов. Чойбалсану».[98]

К.Е.Ворошилов в своих действиях не был последователен: с одной стороны, запрещал вести активные боевые действия, а с другой — постоянно упрекал командира 57-го особого стрелкового корпуса в нерешительности. Так, вечером 21 мая нарком в разговоре с Фекленко обрушился на него с упреками и спросил: «Долго ли намерены терпеть те безобразия, которые разыгрываются на участке, за который Вы несете всю ответственность?» В ответ Фекленко просил «разрешить действовать решительно и по-настоящему. Дальнейшее нахальство допускать нельзя». Однако Ворошилов потребовал лишь усилить разведку противника и сказал: «Никаких действий пока, к сожалению, разрешить Вам не могу, так как Вы, сидя в Улан-Баторе, знаете меньше нашего о противнике, а размахивать кулаками в воздухе разумным и серьезным людям не пристало». Одновременно он приказал: «Штабу корпуса, Вам и Никишеву пока никуда из Улан-Батора не переезжать». В то же время нарком дал указание направить в Тамцак-Булак начальника штаба комбрига Кущева и подготовить к переброске для усиления 57-го особого стрелкового корпуса один полк бомбардировщиков СБ и один истребительный авиационный полк. 31 мая было принято решение направить в Монголию 35 летчиков-истребителей во главе с заместителем начальника авиации Красной Армии Героем Советского Союза комкором Я.В.Смушкевичем.

В соответствии с полученными указаниями штаб корпуса 23 мая разработал план действий по ведению наземной и воздушной разведки. Она возлагалась на сводный отряд корпуса, которому предстояло действовать совместно с 6-й кавалерийской дивизией МНРА, на эти цели выделялись 6 эскадрилий истребителей.

Упрекая Фекленко в том, что тот знает «меньше нашего о противнике», Ворошилов понимал, что из Москвы тем более нельзя понять истинное положение дел. Поэтому 24 мая он подписывает удостоверение о командировании в Монголию комдива Жукова, комбрига Денисова и полкового комиссара Чернышева. На них возлагались «тщательное изучение и установление причин неудовлетворительной

97 Цит. по: Комсомольская правда. 1989. 11 мая

98 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 38. Л. 14–18.

работы командования и штаба 57-го отдельного корпуса во время конфликта с японо-баргутами с 11 по 23 мая 1939 г. и оказание на месте непосредственной помощи командиру и комиссару 57-го отдельного корпуса». При этом Жукову поручалось изучить работу по руководству боевой подготовкой сухопутных частей корпуса, Денисову — проверить деятельность командующего ВВС корпуса, Чернышеву — состояние партийно-политической работы. Одновременно с этим на них возлагалась «всесторонняя проверка деятельности военных советников при частях МНРА».[99]

Итак, 24 мая Жукову было поручено выехать в Монголию с чисто инспекционной целью. Позднее, в беседе с писателем Константином Симоновым, предыстория этой поездки излагалась им несколько по-иному:

«На Халхин-Гол я поехал так… Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко (командующий войсками Белорусского военного округа. — В.Д.) и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: „Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?“ — „Комбриг Фекленко“. — „Ну, а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?“ — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко и не знает, что тот из себя представляет. Сталин недовольно сказал: „Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы мог не только исправить положение, но и при случае надавать японцам“. Тимошенко сказал: „У меня есть одна кандидатура — командир кавалерийского корпуса Жуков“. — „Жуков… Жуков, — сказал Сталин. — Что-то я не помню эту фамилию“. Тогда Ворошилов напомнил ему: „Это тот самый Жуков, который в 37-м прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности“. — „Ну, и чем дело кончилось?“ — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что ничем, выяснилось, что для привлечения к партийной ответственности оснований не было».[100]

Как видим, события здесь представлены с чужих слов, и Жукова явно кто-то ввел в заблуждение. Как мы уже выяснили, в удостоверении от 24 мая не было и намека на замену Фекленко Жуковым. Вызывает недоумение утверждение Ворошилова о том, что он лично не знает Фекленко. Архивные документы свидетельствуют, что 27 мая во время разговора по прямому проводу с Фекленко нарком сказал: «Почему вы и Кущев, так хорошо выглядевшие в Москве, сейчас опустили крылья и вас приходится тянуть за язык всякий раз, когда нужно выяснить, что у вас делается?»[101] Непонятно также, почему Георгий Константинович запамятовал о том, что он к этому времени занимал другую должность — заместителя командующего Белорусским округом.

---

99 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 98–99.

100 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 52.

101 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 38. Л. 102.

Еще более запутывает эту историю Маршал Советского Союза М.В.Захаров. В книге «Генеральный штаб в предвоенные годы» он пишет, что 1 июня 1939 года во время доклада у наркома обороны возник вопрос о необходимости замены Н.В.Фекленко, причем нужен «хороший кавалерийский начальник, тем более что в состав войск, действовавших против японцев, входили монгольская конница, механизированные бригады и одна стрелковая дивизия».[102] Далее Захаров, присутствовавший при докладе, пишет: «Начальник Генерального штаба Б.М.Шапошников согласился с предложением К.Е.Ворошилова, и мы стали искать подходящего командира. Я предложил назначить на эту должность Г.К.Жукова, который в то время служил в Белорусском военном округе инспектором конно-механизированной группы (в случае войны этой группой должен был командовать Г.К.Жуков)». Предложение, теперь уже якобы Захарова, было принято.

Нет смысла приводить пространные доказательства того, что Жуков, Денисов и Чернышев прибыли в штаб 57-го особого корпуса не утром 5 июня, а значительно раньше. По архивным документам, они уже 30 мая направили в Москву донесение об обстановке и действиях корпуса.

…Рано утром 27 мая после авиационной подготовки сводный отряд полковника Ямагата перешел в наступление и прорвал оборону частей 57-го корпуса. В донесении от 30 мая отмечалось: «…В течение 28 мая шел исключительно неорганизованный бой, управляемый только командирами подразделений…В течение 29 мая противник занимал высоту 2–3 км восточнее Халхин-Гола. Части группы, усиленные двумя батальонами 9-й мотобригады, наступая в лоб, пытались овладеть высотами; к исходу 29 мая части закрепились на реке, имея главную группировку западнее реки Халхин-Гол. В результате исключительно неорганизованного боя части в течение 28 и 29 мая понесли ориентировочно потери: убитыми — 71, ранеными — 80, пропавшими — 33».

Среди причин потерь и неудовлетворительного боя отмечались «тактически неграмотное решение и легкомысленное отношение командования и штаба 57-го стрелкового корпуса к организации боя, отсутствие учета маневренной возможности и тактики противника», отсутствие взаимодействия самолетов И-15 и И-16, которые выпускались в бой «малыми группами и с интервалом, в результате чего японская авиация уничтожала нашу авиацию» (с 21 по 28 мая противник сбил в воздушных боях 17 советских самолетов. — В.Д.). «…Партийно-политическая работа не конкретна, руководство недостаточно, незнание настроений и нужд личного состава…»[103]

Любопытно, что, вспоминая о своей первой поездке непосредственно в район боевых действий вместе с комиссаром корпуса, Жуков пишет: «В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М.С. Никишев произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал свое дело, знал людей, их недостатки и достоинства».[104] Возможно, Георгий Константинович не хотел в своих воспоминаниях

---

102 См.: Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.,1989. С. 153

103 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 100–101.

104 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 242.

обижать политических работников, а возможно, его поправили свыше, как это не раз делалось, когда он работал над своей книгой. О том, что партполитработа в корпусе была неудовлетворительной, неоднократно сообщалось в различного рода донесениях. Так, Чернышев в своем докладе начальнику Политуправления РККА от 15 июня действия комиссара оценивал отнюдь не радужно и подчеркивал, что донесение Никишева от 13 июня «по части анализа событий и выводов — необъективно, в нем не показана действительная картина частей во время событий».

Обострение обстановки на государственной границе Монгольской Народной Республики встревожило советское правительство не на шутку. Нарком иностранных дел В.М.Молотов в выступлении 31 мая на третьей сессии Верховного Совета СССР заявил: «Кажется, уже пора понять кому следует, что Советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах». Наиболее важным в речи наркома было предупреждение, что границу МНР в силу заключенного договора Советский Союз будет защищать так же решительно, как и свою собственную.

Япония пыталась представить дело таким образом, что причиной боевых действий стала агрессия со стороны МНР. Японское телеграфное агентство в начале июня сообщало: «…Объединенные внешнемонгольские и советские войска пытались окружить Номон-Хан, к востоку от озера Буир-Нур. Однако их попытки оказались безуспешными в результате удачного флангового обхода, предпринятого японскими войсками и закончившегося вытеснением советских и внешнемонгольских войск из пункта переправы через пограничную реку Халха. Действия японо-маньчжурских войск с 25.5 по 31.5 успешно закончились изгнанием всех вторгшихся за границу войск».

Тем временем неудачи наших войск продолжались, и вся ответственность за них возлагалась на командование 57-го корпуса. «В штабе корпуса, — говорилось в очередном донесении Ворошилову инспекторской группы во главе с Жуковым от 3 июня, — сейчас хорошо работает только начальник штаба корпуса тов. Кущев и один отдел АБТ (автобронетанковый. — В.Д.). Остальные отделы работают плохо. Индивидуальная подготовка штабных командиров и сколоченность штаба в целом неудовлетворительная, особенно плохо налажено взаимодействие отделов штаба. Прямым виновником неподготовленности штаба является командование корпуса — не выполнило ваш приказ № 113 по подготовке штаба… Фекленко, как большевик и человек хороший, и, безусловно, предан делу партии, много старается, но в основном мало организован и недостаточно целеустремлен. К проведению этой операции он заранее подготовлен не был, не был готов и его штаб. Более полную оценку Фекленко можем дать только после тщательного его изучения».[105]

Серьезные провалы в боевых действиях вынудили Ворошилова 5 июня принять решение о переходе к обороне по восточному берегу реки Халхин-Гол. При этом снова было подчеркнуто: «Никаких активных действий самим не начинать без специального указания Москвы».[106] Над головой Н.В.Фекленко окончательно сгустились тучи. Комкор

---

105 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 101–102

106 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 46. Л. 94.

Я.В.Смушкевич сообщал в Москву: «Пришел к убеждению, что командование корпуса и лично Фекленко распустили части, совершенно не наладили тыл и очень низкая дисциплина. Бесспорно, что к войне командование корпуса не готовилось, или плохо готовилось. Поэтому при незначительных событиях командование растерялось, и это прямо сказалось и на авиации. Теперь тут наводит порядок Жуков. По-моему, целесообразно его хотя бы на время оставить командующим корпусом». В тот же день, 8 июня, Ворошилов сообщал Смушкевичу: «Неподготовленность частей корпуса, в том числе авиации, недопустимую растерянность командования всех степеней, начиная с Фекленко, мы ежедневно чувствовали. Еще хуже выглядят авианачальники ЗабВО с Изотовым во главе. Обоих этих командиров на днях заменим».

Таким образом, решение о замене командования корпуса вызрело у Ворошилова 8 июня. Масло в огонь подлил и нарком внутренних дел Л.П.Берия, который 9 июня направил К.Е.Ворошилову выдержку из донесения начальника особого отдела корпуса Панина: «Приказ наркома обороны об уничтожении противника не выполнен. Действия частей разъединены, мощный кулак уничтожения противника не создан. Части бросаются в бой разрозненно без взаимодействия и поддержки друг друга, несут большие потери…

В результате неверной информации командира бригады Яковлева со стороны инструктора I отдела штаба МНРА Афонина, 11-я танковая бригада была брошена в атаку на мощную противотанковую оборону противника, вследствие чего около половины танков БТ выведено из строя, 25 % уничтожено, сожжено 9, мотомехбригада понесла большие потери своего состава и боевой техники, что в значительной степени объясняется отсутствием поддержки пехоты. Части корпуса в настоящее время преследовать противника не в состоянии и только медленно оттесняют его на линию границы».[107]

После поездки в район боевых действий, вспоминает Жуков, «мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса».[108]

Одновременно тучи сгустились и над головой начальника штаба корпуса Кущева, который попал под пристальное око особых органов еще до приезда Жукова. Во время одной из бомбежек японской авиацией командного пункта оборвалась связь с соединениями. Кущев, несмотря на продолжающиеся бомбовые удары, выскочил из укрытия, чтобы

107 РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1181. Л. 126–127.

108 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 242.

посмотреть, что же произошло с линиями связи. Вскоре на него поступил донос, что он выбегал из укрытия для того, чтобы перерезать телефонные провода и оставить корпус без связи. Жуков вначале попытался защитить его, но, почувствовав обострение отношений с особым отделом, не стал упорствовать, надеясь после окончания боев переговорить об этом с Ворошиловым.

Позднее в штабе корпуса пропала оперативная карта. Ответственность за это происшествие также возложили на Кущева. В результате его приговорили к 20 годам лишения свободы. Не обошлось, естественно, и без характерных для того времени политических подозрений. В лагере бывшего комбрига еще раз наказали за «потерю бдительности»: во время его дежурства по бане уголовники-рецидивисты похитили несколько комплектов белья. На новом судебном заседании Александру Михайловичу добавили еще пять лет.

Вернули его в армию в конце сорок третьего в звании полковника. Войну он заканчивал в звании Героя Советского Союза снова под командованием Жукова и при взятии Берлина находился в должности начальника штаба 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Впоследствии генерал-полковник Кущев работал представителем объединенного командования Вооруженных Сил государств — участников Организации Варшавского договора в Чехословакии.

Смена командования 57-го корпуса произошла 12 июня. В тот же день нарком потребовал от Жукова осуществить ряд оперативных мер по уничтожению истребительной и бомбардировочной авиации противника.[109]

16 июня новый командир корпуса докладывал Ворошилову: «В своих действиях мы руководствуемся только вашими указаниями, и без вашего утверждения ни одно важное решение в жизнь не проводится». Подобное заверение говорит о том, что в этот период Жуков, как и его предшественник, был лишен инициативы и возможности самостоятельно принимать неотложные меры в соответствии со складывающейся обстановкой. Кроме того, в оперативные распоряжения часто вмешивался находящийся в Монголии заместитель наркома обороны Г.И.Кулик.

Приняв корпус, Жуков сразу же сосредоточил внимание на сборе разведданных. Значение разведки он оценил еще на заре командирской деятельности, ставил во главу угла при проведении и учебных, и боевых операций, всегда открыто благоволил к тем, кто служил в разведке. В препроводительной записке к разработанному плану разведывательных мероприятий в районе Халхин-Гола Георгий Константинович сообщает наркому: «…До сих пор все виды и средства разведки не были увязаны в единую систему, работали без взаимодействия, а такие виды, как подслушивание через землю, совершенно не применялись. Из-за неорганизованности в разведке командование корпуса не имело и не имеет полной ясности о противнике. Вследствие плохой разведки сосредоточение и действия противника являлись почти всегда неожиданностью, чего мы в дальнейшем допустить не можем.

…Доложенный на Ваше утверждение план разведки имеет целью определить основную цель, объекты и задачи разведки. Все это определено в пределах лежащих на нас задач и без глубокого наземного

---

109 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 46. Л. 122–123.

вклинения на территорию противника… не далее 10–15 км от линии наших застав. Все это направлялось на то, чтобы лучше знать о противнике и лучше подготовить уничтожение всей самурайской гадости…

Если мы не будем вести хорошо организованную разведку, особенно агентурную, авиационную, и захватывать пленных, мы не сможем заранее раскрыть замысел действий и сосредоточение сил противника.

В случае внезапного удара противника по нашей обороне мы можем опоздать с выводом главной группировки из района Тамцак-Булак».[110]

Анализируя причины первых крупных потерь и поражений, Жуков первым делом распорядился использовать временное затишье на фронте для выучки командного состава и бойцов ведению ближнего боя. «хорошему владению гранатой, штыком, умению скрытно переползать и при малейшей остановке зарываться в землю», во-вторых, категорически запретил любые атакующие действия без серьезной артподготовки.[111]

Но поначалу заметных изменений в обстановке не происходило. 20 июня Ворошилов выговаривает Жукову: «По Вашим донесениям видно, что Вы вместо поисков и разгрома авиации ближайших к границе аэродромов производите никому ненужные и бесполезные штурмовые налеты по неизвестным объектам, отдельным машинам и военным городкам. Такие налеты по пустому месту с большим количеством авиации приводят к напрасному сжиганию моторов и могут дать совершенно обратные ожидаемым результаты… Предлагаю прекратить ненужные штурмовые налеты по неизвестным объектам и ограничить деятельность авиации постоянным наблюдением в полосе до 5–10 км от границы исключительно с разведывательными целями».[112]

24 июня в районе Депден-Суме произошел неудачный бой между 149-м стрелковым полком и японцами. «Бой, по моему мнению, — сообщал 26 июня начальнику политуправления РККА руководитель бригады работников этого управления Абрамов, — бессмысленный и явившийся следствием распущенности командира полка майора Ремизова и бездеятельности военкома Кабанова, бой, повлекший за собой 10 человек убитыми, из коих 4 человека оставлены на территории противника, 87 человек ранеными и потерю одного танка БТ-5, 4 бронемашин и 1 грузовой машины, из которых танк, 3 бронемашины и грузовая машина оставлены на территории противника».[113] Правда, позднее И.М.Ремизов полностью реабилитировал себя, проявив недюжинную командирскую смекалку и героизм, за что посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Примеры, когда командиры и бойцы проявляли недисциплинированность и неумелые действия, были не единичны. Меры воздействия и наказания — самые суровые. Так, 27 июня военный трибунал приговорил к расстрелу командира отряда капитана М.П.Агафонова, командира взвода лейтенанта С.Н.Дронова и

---

110 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 103–104.

111 Там же. С. 104–105.

112 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 46. Л. 112.

113 Там же. Д. 51. Л. 129.

красноармейца Д.Я.Лагуткина. Двигаясь ночью, они сбились с пути и наткнулись на японскую заставу. Все трое после обстрела противником «в панике бежали в тыл». Осужденные имели право обратиться в вышестоящие судебные органы для смягчения приговора. Однако Жуков и Никишев были иного мнения. В своем обращении в Президиум Верховного Совета СССР, к наркому обороны и начальнику Генерального штаба они писали: «В связи с боевой обстановкой и особой опасностью этого преступления, в порядке статьи 408 УПК РСФСР, ходатайствуем о непропуске кассационных жалоб Агафонова, Дронова и Лагуткина и немедленном приведении приговора в исполнение».[114] Скорее всего, такой шаг был предпринят в целях наведения порядка и усиления дисциплины по принципу «чтоб другим неповадно было».

Японское командование, находясь под впечатлением первых успехов, пришло к мнению, что необходимо поставить последнюю точку в споре за Халхин-Гол. Командующий Квантунской армией генерал Уэда утвердил 20 июня новый план наступления, который предусматривал подготовку и проведение «тыловой операции» с целью «уничтожить армию Внешней Монголии, перешедшую границу». Замысел противника состоял в том, чтобы главными силами 23-й пехотной дивизии обойти левый фланг советско-монгольских войск, переправиться через Халхин-Гол, отрезать пути отхода на запад и ликвидировать попавшие в окружение части. В район Хайлара были дополнительно переброшены пехотный полк и отряд полевой зенитной артиллерии. В районе Халун-Аршан сосредоточивалась 1-я танковая группа (танковый полк, танковый полевой отряд, отдельный полк боевой артиллерии, подразделения обеспечения и обслуживания) под командованием Ясуока, который назначался командиром сводного отряда. Всего противник сосредоточил для удара более 10 тысяч штыков, около 100 орудий и До 60 противотанковых орудий.

Японское командование настолько уверовало в успех операции, что пригласило в район боевых действий иностранных корреспондентов и военных атташе наблюдать предстоящие победные действия.

Первоначально все шло так, как и планировал противник. Перед рассветом 3 июля части японских войск, сумевшие ночью скрытно переправиться через Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавдивизии МНР, захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности. При этом противостоящие врагу немногочисленные силы — чуть более тысячи штыков и порядка 50 орудий — были явно не способны преградить ему путь для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск.

В сложившейся, поистине критической, ситуации требовалось принять неординарное решение, которое позволило бы не допустить прорыва основных сил противника на противоположный берег Халхин-Гола. В этой обстановке командир корпуса мог только рассчитывать на свой резерв: 11-ю танковую и 7-ю мотоброневую бригады, которые насчитывали до 150 танков и свыше 150 бронемашин. Кроме того, в его распоряжении находился бронедивизион 8-й монгольской кавалерийской дивизии, оснащенный сорокапятимиллиметровыми пушками.

По приказу Жукова резерв был немедленно поднят по боевой тревоге и начал выдвижение к горе Баин-Цаган. 11-я танковая бригада (комбриг

---

114 Там же. Л. 122.

М.П.Яковлев) получила задачу во взаимодействии с 24-м мотострелковым полком (полковник И.И.Федюнинский), усиленным артиллерийским дивизионом, с ходу атаковать противника и уничтожить его. 7-й мотоброневой бригаде (полковник А.Л.Лесовой) предстояло нанести удар по врагу с юга.

Жуков в беседе с Симоновым так объяснял свое решение о нанесении контрудара силами подвижного резерва: «На Баин-Цагане у нас создалось такое положение, что пехота отстала. Полк Ремизова отстал. Ему оставался еще один переход. А японцы свою 107-ю дивизию уже высадили на этом, на нашем, берегу. Начали переправу в 6 вечера, а в 9 часов утра закончили. Перетащили 21 тысячу. Только кое-что из вторых эшелонов еще осталось на том берегу. Перетащили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону — пассивную и активную. Во-первых, как только их пехотинцы выходили на этот берег, так сейчас же зарывались в свои круглые противотанковые ямы. Вы их помните. А во-вторых, перетащили с собой всю свою противотанковую артиллерию, свыше ста орудий. Создавалась угроза, что они сомнут наши части на этом берегу и принудят нас оставить плацдарм там, за Халхин-Голом. А на него, на этот плацдарм, у нас была вся надежда. Думая о будущем, нельзя было этого допустить. Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это».[115]

Впоследствии генерал армии И.И.Федюнинский писал: «Оценивая сейчас смелое по замыслу решение Г.К.Жукова, нельзя не заметить, сколь точно и правильно определил Георгий Константинович, что главным нашим козырем были бронетанковые соединения и что, только активно используя их, можно разгромить переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону».[116]

Жуков шел на огромный риск, не только принимая решение о вводе в сражение 11-й танковой бригады, но и оставив на восточном берегу реки артиллерию, которая поддерживала часть сил второго эшелона. Это вызвало неудовольствие у заместителя наркома обороны Кулика, который потребовал отвести артиллерию с восточного берега, чтобы она не досталась врагу. Однако Жуков твердо заявил, что он не оставит пехоту без артиллерии, и сумел отстоять свою точку зрения перед Ворошиловым.

Поставив задачи резервам, Георгий Константинович с оперативной группой немедленно выехал на командный пункт, находившийся в районе горы Баин-Цаган. Адъютант командира корпуса М.Ф.Воротников вспоминал: «Свой командно-наблюдательный пункт Г.К.Жуков разместил вблизи самой горы, в районе которой уже шел жаркий бой. Он занял небольшой малонадежный блиндаж в три наката бревен. В нем до начала сражения находился командир 36-й мотострелковой дивизии. Сюда был подведен телефон для связи с частями, ведущими бой на правом берегу Халхин-Гола. Из этого блиндажа Г.К.Жуков управлял сражением, четко и решительно реагировал на все изменения в боевой обстановке, проявляя удивительную работоспособность».

---

115 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 49.

116 Федюнинский И.И. На Востоке. М., 1985. С. 84.

Сразу же по прибытии на командно-наблюдательный пункт Жуков приказал тяжелому артиллерийскому дивизиону 185-го артиллерийского полка выбросить разведку к горе Баин-Цаган и открыть огонь по противнику. Мощный удар по горе нанесла артиллерия, расположенная за рекой. Одновременно по тревоге была поднята в воздух вся авиация корпуса.

Решительность, суворовские быстрота и натиск. События по военным меркам развивались молниеносно. В 7 часов утра 3 июля первые группы бомбардировочной и истребительной авиации нанесли удары с воздуха по наземным частям противника и переправе через Халхин-Гол. Артиллерия также держала вражескую переправу под непрерывным обстрелом. Около 9 часов начали подходить передовые подразделения авангардного батальона 11-й танковой бригады.

Вместе с комбригом Яковлевым было решено вызвать всю авиацию, ускорить движение танков и артиллерии и не позже 10 часов 45 минут атаковать противника.

«В 10 часов 45 минут, — вспоминал Георгий Константинович, — главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японские войска… Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали поспешно отступать к переправе. Но переправа была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении прямо в воду и тут же тонули, буквально на глазах у наших танкистов.

Остатки японских войск, захвативших гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных скатах горы в районе спада реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилали гору Баин-Ца-ган».[117]

Приведем свидетельство и со стороны противника. «Через р. Халху переправились приблизительно в 5 часов, — отмечал в своем дневнике один из участников тех событий Накамура из 1-го батальона 71-го полка 23-й пехотной дивизии. — Благодаря хорошим переправам, наведенным нашими саперами, мы быстро форсировали р. Халху, не вступив в бой с противником… Наши резервные части, двигавшиеся рассыпным строем и прикрывавшие наступление главных частей, столкнулись более чем с десятью танками противника, из них почти все уничтожены. Во второй раз резервные части были атакованы десятью танками противника, из которых 6–7 танков было уничтожено. Третье нападение произошло как раз во время большого привала. Несколько десятков танков противника внезапно напали на наши части. У нас произошло странное замешательство — лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий, автомашины помчались во все стороны. Однако и в этот раз было уничтожено около 20 танков противника… Во время этого боя в воздухе было сбито два наших самолета. Как только закончился бой с танками, снова начался интенсивный обстрел артиллерии противника. Весь личный состав упал духом. Снаряды ложились очень густо и уничтожали все на своем пути…»[118]

---

117 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 246–247.

118 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 109.

В ходе сражения, получившего название «Баин-Цаганское побоище», японцы потеряли все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов и около 10 тысяч человек.

Велики были и потери 11-й танковой бригады: убита и ранена почти половина личного состава. Жертвы на алтарь победы. Сколько их еще придется принести в предстоящих сражениях…

Противник явно не хотел смириться с поражением. 7–8 июля он предпринял попытку взять реванш, но, потеряв более пяти тысяч человек, отказался от своей затеи. Генерал-лейтенант Камацубара был вынужден признать: «… Несмотря на то, что противнику по всему берегу реки Халхин-Гол был дан отпор, все же, исходя из обшей обстановки, мы были вынуждены вторично отступить в свое прежнее положение».

Отход японских войск вдохновил Жукова на более решительные действия. «Действующие части корпуса от бессонных ночей и непрерывных боев со 2 по 8 июля чувствуют усталость, — сообщал он 8 июля Ворошилову, — но полны решимости и готовности уничтожать самурайскую сволочь…»[119]

Для уничтожения «самурайской сволочи» была сформирована ударная оперативная группа в составе двух танковых, трех мотоброневых бригад и стрелковой дивизии. Она получила задачу нанести «короткий удар по противнику с целью разгрома», «занять главными силами свои прежние оборонительные позиции и выйти передовыми частями на государственную границу». Одному из полков 82-й стрелковой дивизии предстояло «нанести решительный удар в направлении: северный берег реки Хайластын-Гол и далее на северо-запад и выйти на прежние оборонительные позиции, выставив на государственной границе передовой отряд». Левее в том же направлении должен был наступать 149-й стрелковый полк. Остальным частям корпуса предписывалось активными действиями сковать противника и тем самым обеспечить наступление ударной группы. Частям 11-й танковой бригады предстояло занять исходное положение на песчаных буфах в 6 километрах восточнее реки Халхин-Гол и разгромить противника, его огневую систему и ближайшие резервы. Наступлению должна была предшествовать артиллерийская и авиационная подготовка.

Однако наступление 57-го особого стрелкового корпуса, предпринятое 9 июля, как и последующие его действия, успеха не имело — Жуков после «Баин-Цаганского побоища» явно переоценил состояние и настроение своих частей. Японцы вновь овладели инициативой, нанося чувствительные удары по советским войскам, которые с 8 по 12 июля потеряли около 3 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Тяжелые потери отрицательно сказались на моральном духе красноармейцев. Дело порой доходило и до прямого неповиновения командирам. Так, в ночь с 11 на 12 июля два батальона 603-го полка 82-й стрелковой дивизии без приказа дважды уходили с позиций. Полк пытался даже бунтовать. Не лучше обстояли дела и в других частях дивизии. Поэтому Жуков был вынужден заменить в этой дивизии командиров полков, батальонов, рот и даже взводов, призванных недавно из запаса, на командиров из состава хорошо зарекомендовавшей себя в предыдущих боях 36-й мотострелковой дивизии.

119 Там же. С. 110–111.

Командир корпуса не ограничился только заменой командиров, но и предпринял более жесткие меры по наведению порядка в войсках. 11 июля он подписал приказ, в котором говорилось:

«§ 1. За проявленную бездеятельность при организации переправы, за бездеятельность при организации управления для боя — командиру полка т. Степанову, военному комиссару т. Мусину, начальнику штаба т. Нерот — объявляю выговор и предупреждаю, что если полк не будет организован, если командование и штаб будут бездействовать, буду ставить вопрос перед народным комиссаром обороны о предании суду военного трибунала.

§ 2. Несмотря на ряд предупреждений о бережном израсходовании огнеприпасов, по-прежнему продолжается преступное расстреливание огнеприпасов, особенно в этом отличается артиллерия, которая бесцельно и по маловажным целям расстреливает тысячи снарядов, забыв свою обязанность экономно вести войну и накапливать снаряды для решительного удара.

Под личную ответственность командиров, комиссаров, политработников — прекратить вести бесцельный и неорганизованный огонь, расстреливая маловажные и мелкие цели ружейно-пулеметным огнем и малокалиберной артиллерией, подпуская противника на ближние дистанции, на верный выстрел. В случае появления перед фронтом крупных частей противника организовать сосредоточенный огонь всех видов оружия, чтобы противник был наверняка уничтожен системой огня».[120]

Некоторые бойцы были преданы суду военного трибунала. Среди них красноармейцы Никитин и Мальцев, которые 9 июля «в силу трусости, умышленно, с целью уклониться от военных обязанностей военной службы в боевой обстановке, выстрелом из винтовки легко ранили себя в левую руку. Причем Никитин, направившись после саморанения в тыл, перед переправой через реку бросил винтовку, 120 штук боевых патронов и все свое обмундирование». 13 июля оба красноармейца были приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им личного имущества.

«Тов. красноармейцы, командиры и политработники соединений и частей корпуса! — отмечалось в приказе Жукова по корпусу от 13 июля. — На нас, сынов славного 170-миллионного народа, выпала высокая честь защиты трудовых масс МНР от презренных захватчиков, на нас возложена почетная задача разгрома самураев, попирающих мирный труд свободного народа МНР. Призываю вас к отваге, мужеству, смелости, храбрости и геройству.

Смерть презренным трусам и изменникам!

Суровая рука революционного закона и впредь будет беспощадно сметать с лица земли трусов и изменников. Честь и слава храбрым и смелым воинам нашей славной РККА!

Приказ довести до каждого бойца».[121]

О том, что в частях 57-го особого стрелкового корпуса не все обстоит благополучно, неоднократно сообщал наркому обороны командарм первого ранга Кулик. Особо тяжелая обстановка сложилась 12 июля,

120 Там же. С. 112.

121 Там же. С. 113–114.

когда при организации разгрома прорвавшейся группы противника погиб командир 11-й танковой бригады комбриг М.П.Яковлев. «...36-я стрелковая дивизия понесла значительные потери, — писал Кулик, — 11-я танковая бригада осталась только в составе одного батальона, бронебригады имеют по одной стрелковой роте, 30–40 бронемашин, 3-й (правильно 603-й. — В.Д.) стрелковый полк и 5-я бригада малоустойчивы и абсолютно не сколочены и не обучены. Кроме того, от ведения 12-дневных боев кадровые части были сильно потрепаны и требовали пополнения». В донесении также подчеркивалось: «Управление в бою штабами батальонов и полков слабое, в ротах еще хуже. Организовать взаимодействие в масштабе батальона и полка комсостав и штабы не умеют. Части совершенно не подготовлены к ночным действиям». Кулик считал, что «12 июля являлось критическим днем и могло кончиться для нас потерей техники, артиллерии, а также значительной части людского состава, если бы противник повторил контратаку, потому что мы занимали кольцеобразный фронт, уцепившись за западные скаты бугров, и наступление противника на переправу грозило полным пленением и разгромом наших сил, так как никаких резервов Для парирования удара не было».[122]

Недовольны действиями корпуса были и в Москве. Ворошилов 12 июля телеграфировал Жукову:

«Ваше мнение о положении противника на фронте считаю правильным. Из этого нужно сделать правильный вывод для себя. Вывод заключается в следующем:

Первое. Японцы в бою действуют организованнее и тактически грамотнее, чем вы. Будучи потрепанными, понеся значительные потери, они, прикрывшись сильными заслонами, окопавшимися на удобных позициях, главные силы оттянули к границе для отдыха и приведения в порядок.

Второе. Противник выставляет вперед стрелков-снайперов и снайперские орудия, которые наносят нам большой вред.

Третье. Японцы своими непрерывными мелкими наскоками днем и ночью изматывают наши войска.

Четвертое. Японцы держат инициативу в своих руках, пользуются ею умело.

Действия корпуса за последние дни были неправильными...

Об отдыхе людей вы не заботитесь, а это один из главнейших факторов успешных действий на фронте. Отдохнувший противник в ночь с 7 на 8 июля вновь атаковал, и вам нужно было отбить противника на основном рубеже обороны. Вместо этого 9 июля вы перешли в общее наступление, невзирая на мое предупреждение этого не делать. Я предупреждал вас также не вводить в бой головной полк 82-й стрелковой дивизии прямо с марша; вы и этого не выполнили, хотя и согласились с моими указаниями. Я понимаю ваше желание вырвать инициативу у противника, но одним стремлением „перейти в атаку и уничтожить противника“, как об этом часто пишете, дело не решается.

Считаю недопустимо легкомысленным использование наших танков. Танки — могучее средство при правильном их использовании и легкая добыча, если их бросать ротами и батальонами на закрепившегося

122 Там же. С. 111.

противника, что вы делали неоднократно.

Сочетать оборону и короткие удары по слабым местам противника мы не умеем. Совершенно неизвестно, что делает наша противотанковая артиллерия, которая способна не только губительно поражать танки, бронемашины, но и снайперские гнезда противника.

Вы жалуетесь на неподготовленность 5-й мотомехбригады и головного полка 82-й стрелковой дивизии, но ведь вы ничего не сделали, чтобы исподволь ввести их в бой, „обстрелять“, дать комначсоставу и бойцам „принюхаться“ к бою, обстановке. Вы эти части бросили наряду с другими в атаку, на них сделали ставку и хотели с их помощью „уничтожить“ противника.

Вы жалуетесь, что не спите седьмые сутки. Это тоже один из элементов дезорганизации и непонимания обстановки. Вы обязаны спать столько и тогда, сколько и когда это нужно и возможно, иначе вы оставите войска без командования.

Мы несем огромные потери в людях и матчасти не столько от превосходства сил противника и его „доблестей“, сколько оттого, что вы все, командиры и комиссары, полагаете достаточным только желание и порыв, чтобы противник был разбит. Этого далеко не достаточно, хотя и важно. Необходима выдержка, организованность, продуманность действий.

Мы слабо используем нашу артиллерию. Снарядов расходуем много, а боевого эффекта от этого мало.

Взаимодействие родов войск почти отсутствует, особенно слабо увязана работа авиации с наземными войсками. О мероприятиях и ближайших тактических задачах договоритесь с т. Куликом… Предупреждаю еще раз, что всякая часть, и кадровая тоже, требует некоторого времени, чтобы освоиться с боевой обстановкой. Командование должно уметь ввести новую часть в бой, дать ей почувствовать, что она может бить противника.

…Японцы из кожи лезут, чтобы показать свою силу. Мы должны быть умнее их и спокойнее. Поменьше нервничайте, не торопитесь „одним ударом“ уничтожить врага, и мы разобьем противника с меньшей затратой своей крови».[123]

О том, что взаимодействие родов войск было организовано плохо, наркому обороны было известно и от тех, кто своей кровью расплачивался за ошибки командиров. В подтверждение приведем выдержку из письма К.Е.Ворошилову красноармейцев 175-го артиллерийского полка Костерина, Первухина, Глекина: «Фронт нашей авиацией не прикрыт, благодаря чему авиация противника самым настоящим образом задерживает всю деятельность наших войск, тем самым вызываются большие потери нашей стороны. Из-за недостатка авиации очень много погибло танков, еще не успевших вступить в бой… С первых дней открывшихся боев и до настоящего времени очень большие потери несет наша пехота и за последние дни ухудшается положение с доставкой боеприпасов и горючего».[124]

Тем временем Главный военный совет РККА, пытаясь улучшить управление войсками дальневосточного региона, принимает решение об

123 Там же. С. 114–118.

124 РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1181. Л. 176.

образовании в Чите нового руководящего военного органа — фронтовой группы. Возглавил ее командарм 2-го ранга Г.М.Штерн, на которого возлагалась задача по объединению и направлению «действий 1 и 2 краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57 особого корпуса».[125]

Штерн, вступив в командование фронтовой группой, немедленно выехал в район боевых действий, чтобы на месте ознакомиться со сложившейся обстановкой. Обнаружив крупные сосредоточения вражеских сил, он 13 июля докладывал в Наркомат обороны: «По-видимому, противник, заслонившись охранением и прощупывая разведкой наши слабые места, готовит в ближайшие дни сильный удар с целью отбросить наши части в реку». Одновременно Штерн предложил Кулику: «…пока подойдут новые части и подтянутся слабые, уменьшить число наших частей на восточном берегу, но прочно занять два небольших плацдарма, обеспечивающие переправы, которые использовать в последующем для перехода в наступление». Следовало оценить сложившуюся обстановку и донести наркому обороны или самому принять решение.

Кулик, не дожидаясь указаний свыше, приказал Жукову ночью 13 июля вывести главные силы, технику, артиллерию на западный берег реки Халхин-Гол для приведения в порядок, оставив на противоположной стороне по одному усиленному батальону для обороны переправ. В создавшейся обстановке такое решение представлялось наиболее правильным, и Жуков сразу же отдал соответствующий приказ по корпусу.

Но в Москве думали иначе. Днем 14 июля Шапошников срочно вызвал Жукова к прямому проводу и в жесткой форме потребовал восстановить положение частей. Вслед за этим Жуков получил и распоряжение наркома:

«Ваш приказ об отводе главных сил с восточного берега Халхин-Гола на западный, как неправильный, отменяю. Приказываю немедленно восстановить прежнее положение, то есть снова занять главными силами пункты, которые были ослаблены отводом большей части войск.

Приведение в порядок и отдых войск организуйте на восточном берегу, поскольку противник не активен. Восточный берег должен быть удержан за нами при всех обстоятельствах. Подготовку ведите с учетом этого непременного условия».[126]

Не помогло и заступничество Кулика, которому был объявлен «выговор за самоуправство, выразившееся в отдаче без ведома и санкции Наркомата обороны директивы командованию 57-го стрелкового корпуса об отводе главных сил с восточного берега реки Халхин-Гол». Ворошилов считал, что только ничем не оправданный отход наших войск спровоцировал японцев на новые, хотя и слабые, активные действия. Поэтому он от имени Главного военного совета обязал Кулика «впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса и тов. Штерну…».

Была ли в отводе частей 57-го особого стрелкового корпуса с восточного берега реки Халхин-Гол на ее правый берег острая

---

125 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 28. Л. 17–21.

126 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 119.

необходимость? Сейчас судить об этом трудно. Например, исследователь В.Г.Краснов считает, что «скорее всего, нет: в результате 12-дневных боев японцы потеряли свыше 15 тысяч человек и не были готовы к немедленным эффективным ответным действиям. А вот оставленный на восточном берегу Халхин-Гола для охраны переправы деморализованный 603-й полк 82-й стрелковой дивизии, достаточно японцам было обозначить наступление силами лишь одной роты, в панике стал отступать к переправе, не приняв даже боя. Противник использовал это и попытался на плечах бегущего полка захватить переправу. Несмотря на противодействие охраны, бойцы полка прорвались через мост, часть их бросила оружие и переправилась через реку вплавь. Жукову удалось остановить бегущих, отбить противника и восстановить положение восточнее реки Халхин-Гол. В результате паники в полку осталось 856 человек, 4 станковых и 3 ручных пулемета. 15 июля было собрано две машины брошенного вооружения».[127] А ведь этого, как считает Краснов, могло и не случиться, не отведи Жуков по приказу Кулика основные силы корпуса на западный берег Халхин-Гола.

Здесь надо отметить одно очевидное обстоятельство: Жукову приходилось очень трудно, в этом сомнения нет. Сложность его положения являлась не только следствием масштабов военного конфликта и далеко не идеального состояния частей, но и результатом крайне громоздкой схемы управления войсками в районе боевых действий. Командиру корпуса приходилось одновременно выполнять приказы и указания наркома обороны Ворошилова, его заместителя Кулика и командующего фронтовой группой Штерна, постоянно всем им слать донесения. Во многих случаях сложившееся положение сковывало инициативу Жукова, но иногда предотвращало и возможные ошибки.

При этом отдадим должное и Кулику, и Штерну, да и Другим командирам. Изучение архивных документов показывает, что заместитель наркома обороны Г.И.Кулик, прибывший на Халхин-Гол в основном с инспекторскими функциями, со знанием дела анализировал боевую деятельность стрелковых, танковых и броневых соединений и частей, давал объективную оценку действиям авиации и органов управления войсками, выдвигал конкретные и аргументированные предложения по улучшению боевой подготовки войск и их материально-техническому обеспечению, сам активно участвовал в практическом осуществлении этих мероприятий.

Исключительно ответственно подходил к решению сложных задач Г.М.Штерн. Ему к тому времени не исполнилось еще и 39 лет, из которых двадцать он отдал службе в Красной Армии, воевал под Перекопом и с басмачами в Средней Азии. В 1926 году Штерн окончил курсы высшего комсостава, через три года — Военную академию им. М.В.Фрунзе, служил в Наркомате обороны, воевал в Испании под псевдонимом «генерал Григорович», где был главным военным советником командования республиканской армии. В мае 1938 года он назначается начальником штаба Дальневосточного фронта. В этой должности вместе с В. К. Блюхером руководил разгромом японских войск у озера Хасан.

19 июля Главный военный совет РККА решил «в целях укрепления руководства войсками, расположенными на территории МНР,

127 Там же. С. 120–121.

переформировать управление 57 особого корпуса в управление армейской группы с подчинением командующему фронтовой группы». Это новое формирование получило наименование «1-я армейская группа», командующим которой стал Г.К.Жуков.[128]

Все же еще раз обратим внимание на то, что 1-я армейская группа подчинялась командующему фронтовой группой. Это очень важный момент, так как авторы многих трудов о Жукове не принимают этот факт во внимание и порой пренебрежительно высказываются о Штерне и Кулике, словно они только тем и занимались, что вредили ему.

Сам Жуков из опыта тяжелых июльских боев сделал соответствующие выводы. Приводились в порядок войска, улучшалось их материально-техническое и тыловое обеспечение, укреплялась воинская дисциплина, налаживалась учеба командиров и красноармейцев. Характерен один из его приказов тех дней:

«Весь младший командный состав, проявивший трусость в бою, неумение командовать своими бойцами, поддающимися на панику и провокацию, командирам частей и соединений разжаловать в рядовые, заменив их лучшими, отличившимися, храбрыми, решительными бойцами… Всем выведенным в резерв частям немедленно приступить к учебным занятиям. Прежде всего использовать опыт боевых действий на фронте. Все тактические занятия построить с учетом боевого опыта. Техника перебежек и переползаний, накапливание для атаки, знание и умение применять ручные гранаты и быстрая и решительная атака с мощным красноармейским „ура“. Просмотреть и отладить оружие, проверить наличие принадлежностей для чистки. Занятия вести, начиная их до рассвета, кончая 7–8 часами утра и вечером с 20.00 до 22.00. Днем спать, не болтаться зря по полям и не демаскировать расположение своих частей. Особенно тщательный разбор боевых действий провести командирам соединений и частей со средним и старшим комсоставом, подчеркнув наши слабые стороны, неорганизованность, суетливость, нераспорядительность, недостаточные стойкость и мужество. В то же время показать комначсоставу, что противник имеет много слабых сторон, что он очень боится короткого ближнего боя с ручной гранатой и штыком, штыкового удара, как правило, не выдерживает. Научить комначсостав ориентированию на местности с картой, компасом и без таковых…»[129]

Все вопросы приходилось решать в непростых условиях, так как противник не прекращал своих попыток восстановить утраченное положение. Так, утром 23 июля части 23-й пехотной дивизии и три кавалерийских полка при поддержке огня артиллерии и ударов авиации нанесли удар по левому флангу 1-й армейской группы. Противнику удалось вклиниться в расположение 149-го мотострелкового полка и стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады. Однако Жуков ввел в бой резервы 36-й мотострелковой и 82-й стрелковой дивизий и ликвидировал прорыв.

Высоко оценивая действия личного состава по срыву очередного наступления японских войск, в приказе от 30 июля Жуков вновь проявляет озабоченность морально-политической обстановкой в ряде

---

128 См.: Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 49.

129 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 124.

частей и подразделений:

«…К сожалению, среди нас нашлись отдельные бойцы, командиры и даже политработники, которые не оценили всей обстановки, пасуют перед отдельными боевыми трудностями и вместо мобилизации всего личного состава на большевистское упорство сами проявили малодушие и подчас сами явились носителями разной болтовни и неверия в свои могущественные силы.

Куда годится такая болтовня комиссара 8-й мотобронебригады — полкового комиссара Козлова, который среди начсостава говорил: „Командование группы пополнение нам не дает, люди на фронте устали, уже больше 10 дней находятся без сна. Сколько времени продлится такая обстановка, никто из командования группы не говорит. Это не война, а какая-то неразбериха. Хотя бы нас сменили отсюда“.

Не лучше настроение у командира 8-й мотобронебригады полковника Мишулина.

Или другой, еще худший пример болтовни комиссара 5-й стрелково-пулеметной бригады Жукова, который в первые дни боев не обеспечил упорной обороны участка, его командир Федорков позорно оставил бригаду и бежал с поля боя, и вот он сейчас заявляет: „У меня как коммуниста не вмещается в голову, чтобы наша Красная Армия так безобразно вела войну. В нашей артиллерии полная неразбериха, путаница с огнем. Пополнение нам не дают“.

Ему вторит комиссар ПТД (противотанковый дивизион. — В.Д.) 5-й стрелково-пулеметной бригады старший политрук Кайдаш…»[130]

В приказе определены конкретные мероприятия по усилению партийно-политической работы. В то же время из него видно, какого труда стоило преодоление деморализующего воздействия на людей специфики военного конфликта в условиях удаленности района боевых действий.

Японское командование, убедившись в бесплодности своих наступательных усилий, приняло в конце июля решение перейти к обороне на занимаемых рубежах, привести в порядок личный состав и материальную часть, чтобы подготовиться к намеченному на конец августа «генеральному наступлению». К 10 августа из числа прибывших на усиление частей и соединений была сформирована 6-я армия, насчитывавшая 55 тысяч человек, 500 орудий, 182 танка, около 1300 пулеметов и свыше 300 самолетов. Обращаясь к личному составу, ее командующий О.Риппо призывал: «…Офицеры и солдаты нашей армии в эту небывало трудную для нас минуту должны понять и хорошо усвоить всю важность возложенных на них обязанностей и, не щадя своих сил, денно и нощно выполнять императорский указ, закаляя свой дух, преодолевая неисчислимые трудности, обеспечить единство нашей армии и ее обучение, смело идти вперед к разрешению данного конфликта, быть всесторонне готовыми к будущим операциям».

К решительной схватке готовились обе стороны. 25 июля нарком обороны Ворошилов потребовал от Штерна «…усилить наши войска на правом берегу новыми частями, достаточными для преодоления сил противника и продвижения к границе.

…Не ограничиваться лобовыми атаками, а систематически идти в

---

130 Там же. С. 129–130.

обход правого и левого флангов противника, для чего иметь достаточным кулаки на флангах с бронетанковыми частями.

…Немедля передвинуть к левому берегу Халхин-Гола полевые аэродромы и установить засады истребителей непосредственно у левого берега Халхин-Гола…»[131]

В соответствии с этим Штерн 27 июля отдает распоряжение Жукову: организовать разведывательные поиски, чтобы уточнить силы противника против 1-й армейской группы, провести аэрофотосъемку обороны японцев к востоку от Халхин-Гола и сделать подробную схему позиций противника и расположения его огневых средств, закончить к 30 июля рекогносцировку местности, а к 31 июля подготовить конкретные соображения по разгрому японской группировки в районе реки Халхин-Гол. На подготовку к операции отводилось 20 дней. На ближайшие дни ставились следующие задачи: прочно оборонять занимаемый рубеж на восточном берегу Халхин-Гола; хорошо подготовленными ночными ударами или короткими атаками после огневого налета артиллерии улучшить положение на участке 603-го стрелкового полка и против центральной переправы; изматывать противника налетами небольших групп бомбардировщиков и истребителей; разместить на ложных площадках 50 макетов самолетов; особое внимание уделить обучению вновь прибывающих войск и пополнения.

Одним из пунктов приказа предписывалось иметь к 28 июля готовыми для базирования истребителей передовые аэродромы. Он интересен тем, что не подтверждает высказанную В.Г.Красновым в книге «Неизвестный Жуков» версию: Жуков вместе со Смушкевичем решил сделать то, что «не было предусмотрено военной теорией, не встречалось в боевой практике, — выделить от каждого авиационного полка группу самолетов и держать ее наготове вблизи фронта на полевых аэродромах (их тогда называли „аэродромами подскока“). Такие аэродромы быстро построили, и воздушная обстановка в районе Халхин-Гола сразу изменилась к лучшему, а потери японской авиации возросли. Потом, в Великую Отечественную войну, такое базирование истребительной авиации стало правилом, а аэродромы получили название „передовых“». Приказы Ворошилова и Штерна ставят под сомнение категоричность, с которой называются имена первооткрывателей в этой области.

Личность Жукова настолько уникальна, а его полководческий талант и заслуги столь велики, что не нуждаются ни в искусственном возвеличении, ни в ретушировании. Тем более неуклюжими выглядят попытки сотворить из него идола, затмившего заслуги соратников.

М.А.Гареев в своей книге «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» пишет: «Командующий 1-й армейской группой в этих условиях уже не собирается обороняться и ждать, когда противник снова перейдет в наступление. Он всячески форсирует подготовку своих войск, чтобы упредить противника в переходе в наступление. Японцы планировали перейти в наступление 24 августа, Жуков начал свое наступление 20 августа. Он решил сковать противника с фронта стрелковыми соединениями и ударами фланговых, в основном подвижных бронетанковых войск, окружить и уничтожить японскую группировку на восточном берегу р. Халхин-Гол».

131 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 28. Л. 14–15.

Отсюда можно сделать один вывод: вся подготовка и планирование августовской операции велись только Жуковым. А как же тогда быть с указанием Ворошилова, которые он дал 1 августа Штерну: «…По всей видимости, дело идет к тому, что мы вынуждены будем начать атаку на врага на всех участках маньчжурской границы». И дальше нарком требует привести в полную боеготовность все посты ВНОС и всю авиацию армии (округа), перебазировать истребительные части на оперативные аэродромы; занять в укрепленных районах гарнизонами все передовые боевые сооружения и привести их в боевую готовность; всем войскам «быть готовыми по приказу главного командования перейти в наступление на всех участках маньчжурской границы».

Уже к 10 августа у Штерна был конкретный замысел по разгрому противника. Он предусматривал нанести главный удар правым флангом 1-й армейской группы и вспомогательный — ее левым флангом. Это предложение было поддержано наркомом обороны. В то же время Ворошилов ограничил глубину удара, приказав не переходить границу, а закрепиться на командных высотах, не доходя до нее 4–5 километров. Перед началом операции предписывалось провести предварительное уничтожение артиллерийским огнем и авиацией огневых точек и живой силы противника во избежание лишних потерь при атаке. Штерну было запрещено подтягивать к границе войска 1-й и 2-й армий и проводить групповые налеты авиации этих армий в районе границы.[132]

Успех предстоящей операции во многом зависел от пополнения войск, их тылового и материально-технического обеспечения. Потери 1-й армейской группы (до этого — 57-го особого стрелкового корпуса) за период с 16 мая по 25 июля составили 5010 человек. За это время были израсходованы почти все боеприпасы, запасы продовольствия, горючего. Трудность, как уже отмечалось, состояла в том, что подвоз подкреплений и всего необходимого осуществлялся в условиях бездорожья и большой удаленности района боевых действий от железной дороги. И при этом в течение месяца на расстояние около 750 километров на автомобилях было доставлено около 50 тысяч тонн различных грузов и до 18 тысяч человек. Для усиления 1-й армейской группы были переброшены 6-я танковая бригада, части 57-й и 65-й стрелковых дивизий, зенитный полк, авиадесантная бригада, другие соединения, части и подразделения различного назначения.

Здесь необходимо отметить, что в различных публикациях данные о силах и средствах сторон значительно отличаются. Не будем утомлять себя примерами — важнее, как оценивал боевой и численный состав противника и своих войск штаб 1-й армейской группы, так как эти данные принимались им в расчет при подготовке и планировании операции. По его сведениям, японские и маньчжурские войска насчитывали 49,6 тысячи человек (по данным противника — 58 тысяч только японских солдат и офицеров), 186 орудий и 20 мортир, 110 противотанковых орудий, 130 танков, 30 бронеавтомобилей и 448 самолетов. Эти силы занимали господствующие бугры по линии 15 километров юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо, Нурен-Обо, песчаные бугры до горы Баин-Цаган. Всего протяженность фронта обороны, которая была хорошо подготовлена в инженерном отношении, особенно в центре боевого построения,

132 Там же. Л. 25.

составляла 40 километров. Здесь были оборудованы блиндажи, ходы сообщения, лисьи норы, убежища для машин и щели для лошадей, проволочные заграждения. Перед линией обороны находились части прикрытия, а в глубине — сильный резерв (танковая бригада). На флангах располагалось до 5 полков баргутской конницы. Кроме того, в ходе боевых действий японское командование перебросило к Халхин-Голу караульный батальон из Хайлара, охранный отряд из Чанчуня и пехотный отряд.

Состав и численность 1-й армейской группы ее штаб определял следующим образом: 36-я мотострелковая (два полка), 82-я и 57-я стрелковые дивизии, 11-я и 6-я танковые бригады, 7, 8 и 9-я мотобронебригады, 4 дивизиона артиллерии РГК. В обороне в 1,5–3 километрах восточнее реки Халхин-Гол находились 36-я мотострелковая и 82-я стрелковая дивизии и 9-я мотобронебригада. В общей сложности советско-монгольские войска насчитывали 59 тысяч человек, 373 артиллерийских орудия, 194 противотанковых орудия, 396 танков, 300 бронеавтомобилей, 594 самолета (из них 100 с мелкими поломками).[133] Наши части превосходили противника по танкам в 3 раза, по самолетам — в 1,3 раза, артиллерийским орудиям — в 2 раза.

…В записках писателя Константина Симонова о халхингольских событиях есть такие строки: «Как-то во время одного из моих заездов на Хамар-Дабу мне пришлось впервые столкнуться в военной среде с теми же самыми спорами о талантах и способностях и притом почти в той же непримиримой форме, в какой они происходят у братьев-писателей… Я сидел в одной из штабных палаток и разговаривал с командирами-кавалеристами. Один из них — полковник, служивший с Жуковым чуть ли не с конармии, убежденно и резко говорил, что весь план окружения японцев — это план Жукова, что Жуков его сам составил и предложил, а Штерн не имел к этому плану никакого отношения, что Жуков талант, а Штерн ничего особенного из себя не представляет и что это именно так, потому что — он это точно знает — никто, кроме Жукова, не имел отношения к этому плану.

Разговор не носил личного характера. Если бы это было так, о нем не стоило бы и вспоминать. В словах полковника была та же уверенность и безапелляционность, которые нередко бывали в наших собственных разговорах, когда мы, молодые питомцы Литературного института, категорически настаивая на талантах своих любимых поэтов и учителей, попутно развенчивали всех остальных».[134]

В передовице «Мужество и героизм», опубликованной 30 августа 1939 года в газете «Красная Звезда», отмечалось: «В списке Героев Советского Союза заслуженно красуется имя командарма 2-го ранга Г.М.Штерна. Выдающийся военачальник, талантливый ученик тов. Ворошилова, руководитель боев у озера Хасан, Григорий Михайлович Штерн блестяще выполнил боевое задание. Один из замечательных военных деятелей нашей партии, член ее Центрального Комитета — он являет собой образец мужественного большевика, боевого руководителя войск».

Без суда и следствия Штерн в октябре 1941 года был расстрелян

---

133 См.: Халхин-Гол: Пятьдесят лет спустя. С. 71.

134 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 47.

вместе с другими военачальниками, в том числе и участниками халхингольских событий. Прошло время, и о Штерне забыли. Забыли, хотя его вклад в достижение победы неоспорим.

Во многих книгах, посвященных Халхин-Голу, забыта роль начальника штаба 1-й армейской группы комбрига М.А.Богданова. А жаль. Ведь именно на него опирался Жуков во время подготовки операции, под его руководством штаб разработал важные документы, которые во многом способствовали успешному проведению наступления. Например, «План подготовительных мероприятий» включал детальное изложение порядка сосредоточения войск, их переправы, действий в исходном положении, последовательность проведения артиллерийской подготовки и атаки, мероприятия по противовоздушной обороне, маскировке операции и введению противника в заблуждение, порядок тылового, материально-технического и санитарного обеспечения войск, организации и поддержания устойчивого управления. По указанию штаба группы в частях и соединениях готовились таблицы сосредоточения войск и тыловых учреждений, плановые таблицы переправы, планы взаимодействия войск в бою, разведки, дезинформации и дезориентирования противника, боевые приказы и распоряжения, указания по связи и скрытому управлению войсками, памятки бойцам в обороне и наступлении. Кроме того, штаб ВВС 1-й армейской группы разработал «План боевых действий ВВС в подготовительный период» и «Плановую таблицу боевых действий частей ВВС 1 армгруппы на 20 августа 1939 г.», а политический отдел 1-й армейской группы — «План по политическому обеспечению наступления». Штаб группы составил «Памятку бойцу РККА по действиям в наступлении», которая нацеливала бойцов «на полное и беспощадное уничтожение наглых японских захватчиков».

Все эти документы весьма интересны по содержанию и характерны творческим подходом к решению столь сложной задачи, как подготовка и проведение наступательной операции в тех сложных условиях, о которых мы уже не раз говорили.

По замыслу Жукова, отраженному в «Плане подготовительных мероприятий», сосредоточение частей в исходное положение для переправы предусматривалось поэшелонно ночью 16–17 августа. С занятием исходного положения войска должны были окопаться и замаскироваться. К 22 часам 17 августа предстояло подготовить мостовые переправы. Начало переправы танков через броды определялось на 21 час, а пехоты по мостам — на 22 часа. Начало артиллерийской подготовки планировалось на 4 часа 30 минут 20 августа продолжительностью 3 часа, после чего пехота должна была перейти в атаку. Авиации предстояло с 5 часов 45 минут до 6 часов 15 минут нанести первый удар по вражеским позициям и огневым точкам, с 8 часов 45 минут до 9 часов 15 минут — повторный налет, а с 9 часов 30 минут находиться в готовности к действиям по резервам врага.

Для проведения операции были созданы три группы войск: Южная (командующий — полковник М.И.Потапов), Северная (командующий — полковник И. В. Шевников) и Центральная (командующий — полковник Д.Е.Петров). В резерве командующего 1-й армейской группой находились 212-я авиадесантная и 9-й мотоброневая бригады, танковый батальон 6-й танковой бригады и бронебригада МНРА.

Предусматривалось нанесение силами Южной и Северной групп

войск двух охватывающих ударов с флангов с целью окружения и уничтожения японских войск и предотвращения их отхода в Маньчжурию. Центральной группе предстояло сковать противника с фронта и содействовать своим главным силам в его разгроме.

Южной группе предстояло нанести удар своим правым флангом в направлении на Номон-Хан-Бурд-Обо, окружить и разгромить южную группу противника и в дальнейшем овладеть высотами на южном берегу реки Хайластын-Гол. Центральная группа имела задачу оказать содействие Южной группе и выйти на южный берег реки Хайластын-Гол. Северная группа должна была нанести удар своим левым флангом в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо и совместно с Южной группой окружить и уничтожить северную группировку противника. На две не полные по численности, но удовлетворительные по боеспособности монгольские кавалерийские дивизии возлагалась задача активно прикрывать фланги 1-й армейской группы. Резерв группы располагался в 8 километрах юго-западнее горы Хамар-Даба и готовился развить успех Южной или Северной групп.

«Решающим фактором успеха предстоящей операции, — свидетельствует Г.К.Жуков, — мы считали оперативно-тактическую внезапность, которая должна будет поставить противника в такое положение, чтобы он не смог противостоять нашему уничтожающему удару и предпринять контрманевр. Особенно учитывалось то, что японская сторона, не имея хороших танковых соединений и мотомех-войск, не сможет быстро перебросить свои части с второстепенных участков и из глубины против наших ударных группировок, действующих на флангах обороны противника с целью окружения 6-й японской армии».[135]

Особое внимание Жуков уделил проведению широкомасштабной дезинформации противника. С вечера 12 августа началось строительство окопов и позиций на участках частей и соединений первого эшелона, причем было издано распоряжение «каждую ночь вести работы по укреплению и постановке проволочных заграждений, создавая полное звуковое впечатление забивки кольев и других оборонительных работ». Всем бойцам 13 августа были розданы памятки в обороне, а из района 36-й мотострелковой дивизии была дана ложная телеграмма, содержавшая сведения о подготовке оборонительных работ. Одновременно предписывалось с 2 часов ночи до 2 часов 45 минут с 14 по 17 августа передавать ложные сводки о проделанной работе по инженерному оборудованию местности. До 15 августа запрещалось проводить какие-либо сосредоточения на флангах. Выдвижение войск требовалось осуществлять только в ночное время под шум моторов. С целью приучить противника «к шуму моторов и гусеничному шуму, продолжать в центре, южнее горы Хамар-Даба, район центральной переправы демонстративные передвижения танков и тракторов до 16.8 включительно». Одновременно на участках 36-й и 82-й дивизий строились ложные мосты.

В плане операции содержались исчерпывающие указания по тыловому и материально-техническому обеспечению войск. К началу операции в районе боевых действий были созданы необходимые запасы: для наземных войск — до 6 боекомплектов и до 6 заправок горючего; для

135 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 250

авиации — не менее 5 заправок для бомбардировщиков и 12–15 заправок — для истребителей. В Тамцак-Булаке для приема раненых развертывались дополнительные места на 1000 коек, а также еще один эвакуационный госпиталь.

В целях обеспечения устойчивого управления войсками связь командного пункта 1-й армейской группы с командирами соединений осуществлялась двойной системой проводов.

Политотделом группы было издано около 5 миллионов листовок-обращений к войскам противника на японском, монгольском и китайском языках. «Разбрасывались листовки с самолетов, преимущественно ночью, так как листовки, сбрасываемые днем, быстро изымались офицерством».[136]

«…Был воскресный день, — вспоминал Жуков. — Стояла теплая, тихая погода. Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск: кто в Хайларе, кто в Ханчжуре, кто в Джанджин-Сумэ. Мы учли это немаловажное обстоятельство, принимая решение о начале операции именно в воскресенье».

20 августа в 5 часов 45 минут по позициям японских войск был нанесен массированный бомбовый удар, в котором участвовало свыше 200 бомбардировщиков под прикрытием свыше 300 истребителей. Затем в течение 2 часов 45 минут из более чем 200 орудий велась артиллерийская подготовка. За 15 минут до перехода в атаку пехоты и танков 45 бомбардировщиков нанесли повторный удар по противнику, а артиллерия сосредоточила огонь по его переднему краю обороны. В 9 часов советские войска совместно с монгольскими частями перешли в наступление. «Этот мощный налет авиации и огонь артиллерии, — отмечалось в отчете штаба 1-й армейской группы, — сразу подавил значительную часть артиллерийских и зенитных средств и уничтожил часть боеприпасов противника. Такая мощь удара, как и само наступление, оказались для японцев совершенно неожиданными. В результате упорного боя в течение 20 августа к исходу дня Южная группа овладела большими песчаными буграми 10 километрами юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо. 82-я и 36-я сд продвинулись на отдельных участках на 0,5–1 километр. Северная группа на правом фланге захватила пески в 4 километрах восточнее горы Баин-Цаган, левым флангом вышла к государственной границе. Продвижение в центре (против главной линии сопротивления японцев) было незначительным».[137] В центре не удалось добиться значительного успеха из-за сильно укрепленной обороны противника. В течение трех дней Центральная группа безуспешно штурмовала оборонительные позиции врага, и только 23 августа после тщательной подготовки удалось преодолеть его сопротивление.

Поначалу японцы не придали серьезного значения начавшейся операции советско-монгольских войск. «Противник, по-видимому, утром 20 сего дня перешел к наступательным действиям по всей линии, — отмечал в своем приказе командир 23-й пехотной дивизии Камацубара,

---

136 РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 26. Л. 172–173.

137 Там же. Л. 172–190.

отданном в 20 часов 20 августа, — и наступает наземными частями, взаимодействуя с бомбардировщиками и истребителями». Странным выглядит и его приказ от 22 августа, в котором он указывает, что «противник по-прежнему продолжает назойливое наступление в направлении обоих флангов» и требует, «громя на передних позициях противника», вести подготовку к последующему наступлению.

О каком наступлении могла идти речь, если японское командование было вынуждено латать дыры то в одном, то в другом месте? Войска 1-й армейской группы, пользуясь растерянностью противника, продолжали наращивать натиск и к исходу 23 августа окружили 4 вражеских полка. «Несмотря на то, что еще ранее был отдан приказ о переформировании 6-й армии, приходится со скорбью констатировать, что, вследствие невыполнения этого приказа, осуществиться великой миссии по защите северо-западного района не удалось», — отмечал в своем обращении к личному составу командующий армией О. Риппо.

Кольцо окружения неуклонно сжималось. Для уничтожения очагов сопротивления врага выдвигались на прямую наводку противотанковые орудия, использовалась часть полковой и дивизионной артиллерии. Огнеметные танки выжигали пулеметные расчеты противника. К концу дня 24 августа противник оказался в полном оперативном и тактическом окружении, имея лишь выход на северо-восток шириной 6–7 км, простреливаемый артогнем, танками и бронемашинами. В ночь на 25 августа Жуков ввел в сражение из своего резерва 9-ю мотобронебригаду, которая нанесла удар в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо и овладела северным берегом реки Хайластын-Гол, превратив тем самым оперативное окружение в тактическое. В 14 часов 30 минут того же дня войска 1-й армейской группы перешли в общее наступление и, встречая лишь незначительное сопротивление противника, в течение двух дней завершили его разгром. В последующем, до 31 августа, продолжалось уничтожение уцелевших мелких подразделений.

В приказе от 27 августа Жуков отмечал:

«1. Вторгшаяся на территорию МНР в районе р. Халхин-Гол японская группировка окружена и полностью уничтожена.

2. Войска 1-й армгруппы переходят к охране и обороне государственной границы МНР на участке высота Эрис-Улайн-Обо, высота 625 (севернее развалин 14), имея основную группировку сил в центре…Не допускать проникновения противника на территорию МНР и, в случае проникновения в ее пределы, уничтожить…»[138]

Высоко оценивая действия командиров и бойцов 1-й армейской группы, Георгий Константинович в то же время требовал от них не забывать о бдительности. «Всему личному составу соединений и частей следует иметь в виду, что враг, наголову разбитый в успешно нами проведенной операции, может вновь попытаться нарушить границу и организовать наступление против наших войск, — отмечал он в приказе от 31 августа. — Мы должны поэтому организовать себя так, чтобы быть в постоянной готовности дать сокрушительный отпор врагу. Успех предстоящей обороны гос-границы нашими войсками будет зависеть исключительно от нашей организованности, дисциплинированности и всесторонней боевой готовности. Наша армгруппа имеет достаточные

138 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 137.

силы и хорошую технику. Надо их, не теряя ни минуты, привести в отличное состояние, разумно расположить, подготовить к бою для решения любых задач и обязательно малой кровью».[139]

Халхингольский «котел» до основания потряс Квантунскую армию: ее командование в полном составе было вынуждено подать в отставку. Как известно, попав в безвыходное положение, японское правительство запросило перемирие. В результате переговоров, проходивших в Москве между наркомом иностранных дел В.М.Молотовым и японским послом С.Того, обе стороны пришли к соглашению о том, что японо-маньчжурские и советско-монгольские войска 16 сентября в 14 часов по московскому времени прекращают всякие военные действия, оставаясь на занимаемых ими рубежах.

Как же оценивали в Японии итоги операции? В передовой статье газеты «Асахи» от 4 октября 1939 года отмечалось: «Народ должен воздать должное военным властям, которые откровенно признались в том, что они сделали все, что только смогли. Это заявление военных, до сих пор хранившееся в строгом секрете, рассеяло все подозрения. Такое объяснение принесло большую пользу. В то же время мы выражаем соболезнование жертвам, число которых неожиданно оказалось велико. Происшедшие события по размеру и серьезности настолько велики, что в один день всего не рассказать. Удивительно, как наши незначительные японские силы справились с крупными силами врага. Поэтому степь оказалась усыпанной трупами наших храбрецов». Далее в газете говорилось: «Наши военные власти из этих событий вынесли поучительный урок о том, что в будущем военные приготовления нужно довести до совершенства. Военные власти достаточно глубоко продумали этот урок. Нужно до предела насытить армию моторизованными частями. В этом кроется глубочайший смысл сражений последнего времени. До сих пор народ не знал, до какой высокой степени оснащены моторизованные части войск Советского Союза. Теперь найдется немало людей, пораженных такой неожиданностью». В передовой газеты указывалось, что в течение четырех месяцев Япония потеряла 15 тысяч человек. По мнению газеты, это обстоятельство требует детального расследования. В заключение «Асахи» пишет: «Нам нужно твердо усвоить урок, полученный в районе Номон-Хана. Нужно подготовиться, подтянуться и всеми силами стремиться к завершению обороны страны не только морально, но и материально. Мы почувствовали эту острую потребность. Это единственный путь, который воздаст долг императору и успокоит храбрые души павших у Номон-Хана жертв».

Отметим, что урок действительно оказался весьма поучительным: Япония так и не осмелилась больше напасть на СССР — ни в 1941 году, ни позже.

В исторической литературе приводятся различные сведения о потерях японских и советских войск. Так, В.Н.Вартанов отмечает, что 6-я японская армия потеряла 61 тысячу убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, а общие потери советско-монгольских войск составили свыше 18,5 тысячи человек.[140] Те же данные приводит М.А.Гареев. В

139 Там же. С. 140.

140 См.: Вартанов В.Н. Там, вдали у реки... (К 50-летию разгрома японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол.) // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 69.

капитальном труде, подготовленном сотрудниками Генерального штаба и Военно-мемориального центра Вооруженных Сил Российской Федерации на основе архивных документов, отмечается, что японцы потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными, в том числе только убитыми около 25 тысяч человек. Потери советских войск составили: безвозвратные — 6472 человека убитыми и умершими от ран на этапах санитарной эвакуации, 1160 умершими от ран в госпиталях и от болезней, 2028 пропавшими без вести и 43 погибшими в катастрофах и в результате происшествий; всего 9703 человека, или 14 процентов от общей численности войск; санитарные потери— 15 251 раненых, контуженных и обожженных и 701 заболевших; всего 15 952 человека, или 23,1 процента от общей численности.[141]

Американский историк Элвин Кукс в своей книге «Номонган», вышедшей в 1985 году, приходит к выводу, что японцы потеряли: в сухопутных войсках — 8629 человек убитыми, 9087 ранеными и 2350 больными; в авиации — по одним данным, 141 убитого и 89 раненых, по другим — 116 убитых, 65 пропавших без вести и 19 раненых.

Отставной японский генерал Г. Мишима, командовавший во время халхингольских событий 1-м полком тяжелой артиллерии, после окончания Второй мировой войны изложил Элвину Куксу суть своих соображений о поражении японских войск. Он, в частности, отметил, что «роковое значение для Номонганского дела в целом и проведенной военной операции имело то обстоятельство, что офицеры и солдаты японской императорской армии не знали, ради чего они умирают в пустыне, где неясно обозначена граница. В то время как армия оказалась в тупике на Юге Китая после многих лет борьбы, форменным издевательством над здравым смыслом было „гнать волну“ и жертвовать жизнью хотя бы одного солдата на монгольской границе».

Для Мишима «очевиден провал военного руководства, причем на самом высшем, а не на низшем уровне. Высшие начальники витали в облаках. Они планировали операции со слишком большим размахом, не учитывая ограниченных возможностей японских войск. Штаб Квантунской армии, вынашивая агрессивные замыслы, чувствовал себя не зависимым от высшего командования, а то, в свою очередь, не смогло контролировать руководство Квантунской армии». Бывший генерал особо подчеркнул, что с командованием сыграл злую шутку опыт войны в Китае: «Стало привычным ожидать, что враг будет повержен всегда, когда силы японской императорской армии решат атаковать его. Однако в Номонгане японцы натолкнулись на „кирпичную стену“. К русским попытались подойти так же, как к китайцам. Конечно, здесь надо учитывать и моральный фактор, но еще большее значение имела материальная мощь Красной Армии».[142]

Что же нового дала операция советских войск в районе реки Халхин-Гол для развития военного искусства?

Практически все авторы, в той или иной мере затрагивающие эту тему, единодушно отмечают, что она обогатила Красную Армию опытом ведения современных операций с массированным применением авиации и

141 Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 177, 179.

142 Цит. по: Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 143–144.

мотобронетанковых войск. Последние, по существу, были впервые применены для самостоятельных действий, в том числе для развития успеха, окружения и уничтожения противника. Исходя из этого, были сделаны важные выводы, в частности, принято решение о формировании танковых и механизированных дивизий, объединенных в механизированные корпуса. Бронетанковые войска применялись в тесном взаимодействии с общевойсковыми соединениями. Танки преимущественно использовались для обхода открытых флангов противника, нанесения ударов по тылам противника и его ближайшим резервам.

На Халхин-Голе приобретен первый опыт борьбы за завоевание господства в воздухе. В ВВС начали создаваться бомбардировочные, истребительные и смешанные авиационные дивизии. Характерной чертой операции было использование авиации на основе специально разработанной плановой таблицы. Опыт боевых действий показал неэффективность применения отдельных самолетов и небольших групп авиации. Массированное использование авиации позволило достичь господства в воздухе и способствовало быстрейшему разгрому противника наземными войсками. Новым явлением было участие крупных масс авиации в артиллерийско-авиационной подготовке. Передовые наблюдательные пункты артиллерии располагались как можно ближе к пехоте, в ее передовых частях находились отдельные орудия и батареи, что позволяло своевременно уничтожать огневые точки, мешавшие продвижению стрелковых подразделений. В то же время плотность артиллерии на 1 километр фронта (3–5 орудий) оказывалась явно недостаточной для прорыва заблаговременно подготовленной обороны.

Во время боевых действий взаимодействие обеспечивалось совместным расположением командных пунктов общевойсковых командиров и командиров других родов войск, совместными рекогносцировками местности и обороны, разработкой детальных планов взаимодействия, обеспечением бесперебойной связью между командными пунктами всех степеней. Для управления войсками широко использовались радио, телефонная связь, служба делегатов связи. Все управление было централизовано в руках Жукова, что обеспечило эффективное использование всех сил и средств.

Вполне обоснованно считается, что операция по окружению и уничтожению 6-й японской армии с одновременным созданием внешнего и внутреннего фронтов окружения явилась прообразом Сталинградской, Корсунь-Шевченковской, Бобруйской и других операций, которые с большим размахом и внушительными результатами были осуществлены в период Великой Отечественной войны под руководством или при активном участии Жукова.

Боевой опыт, полученный в Халхингольской операции, был обобщен непосредственно сразу же после окончания боевых действий. Он нашел отражение в докладах командующего фронтовой группой Штерна и военного совета 1-й армейской группы, представленных наркому обороны СССР в сентябре 1939 года. В докладах отмечались как положительные, так и отрицательные моменты в действиях советских войск. Основными недостатками являлись: слабая одиночная выучка бойцов, отсутствие твердых навыков в ведении ближнего боя, недостаточная подготовка к ведению ночных действий, слабая обученность стрелковых подразделений атаке укрепившегося противника и переходу в атаку с хода и ряд других.

На основе полученного опыта были выработаны рекомендации, которые легли в основу обучения войск. Выделим наиболее принципиальные из них: командиры всех степеней должны наблюдать за ходом боевых действий на направлении главного удара; авиационные командиры должны находиться на командных пунктах общевойсковых командиров; все усилия родов войск и авиации следует сосредоточивать для обеспечения действий пехоты; для непосредственного сопровождения танков необходимо выделять орудия, пулеметы и саперные подразделения; передовые наблюдательные артиллерийские пункты целесообразно располагать на командных пунктах командиров стрелковых батальонов; в составе стрелковых полков необходимо иметь минометные батареи.

…В военной биографии Георгия Константиновича Жукова Халхин-Гол сыграл поистине переломную роль. «…После завершения операции испытал большое удовлетворение. Не только потому, что была удачно проведена операция, которую я до сих пор люблю, но и потому, что я своими действиями там как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался. Я был рад всему: нашему успеху, новому воинскому званию, получению звания Героя Советского Союза. Все это подтверждало, что я сделал то, чего от меня ожидали, а то, в чем меня раньше пытались обвинить, стало наглядной неправдой».[143]

За доблесть и мужество, проявленные в боях на Халхин-Голе, орденами и медалями было награждено почти 17,5 тысячи бойцов, командиров и политработников, а 70 человек удостоились звания Героя Советского Союза, в том числе Г.М.Штерн, М.П.Яковлев (посмертно). Летчики Я.В.Смушкевич, С.И.Грицевец, Г.П.Кравченко стали первыми в нашей стране дважды Героями Советского Союза. «За образцовое выполнение боевых заданий и геройство, проявленное при выполнении боевых заданий», высокое звание Героя Советского Союза было присвоено 29 августа 1939 года и комкору Жукову. Он также удостоился многих высоких наград МНР: в 1939 году — ордена Боевого Красного Знамени, в 1968 году — ордена Сухэ-Батора, в 1969 году— медали «Золотая звезда» Героя МНР и второго ордена Сухэ-Батора, в 1971 году — третьего ордена Сухэ-Батора.

«Любовь и восхищение вызывает имя заслуженного командира Героя Советского Союза комкора Г.К.Жукова, — писала в те памятные дни „Красная Звезда“. — Прекрасный организатор, человек несгибаемой воли и безмерной отваги, он сумел спаять воедино людей, призванных выполнять боевые задания правительства».

В связи с завершением боевых действий 1-я армейская группа по распоряжению наркома обороны была реорганизована, сокращена и передислоцирована. Командование и штаб группы в конце октября возвратились в Улан-Батор. Сюда к Жукову приехала и семья. В середине сентября, перед самым отъездом, Александра Диевна получила от Георгия Константиновича следующее письмо: «Я жив, здоров. Ты, наверно, из газет уже знаешь сообщения ТАСС о боях на монгольско-маньчжурской границе. Ты, теперь, очевидно, понимаешь, почему так

143 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 54.

срочно мне пришлось выехать из Смоленска. Тебе также должно быть известно из сообщения ТАСС, что японские самураи разбиты как на земле, так и в воздухе. Но враг очень хитер, и от него приходится ждать всякой каверзы. Это мы хорошо учитываем и всегда готовы на его действия ответить двойным ударом… Как будут развиваться события в дальнейшем — сказать трудно. Мы готовы к полному уничтожению всей этой гадости. Вот Эрочка хотела, чтобы папочка подрался, — это удовольствие сейчас испытываю. Чувствую себя в действиях очень хорошо. Короче, так, как это было в нашу гражданскую войну…»

Эра, вспоминая поездку в Монголию, писала: «Семь дней мы ехали поездом до Улан-Удэ, а оттуда машиной до Улан-Батора. Мне все было интересно, тем более что мы впервые имели отдельное купе, все в красном дереве и бархате, а вот маленькой Леке было невмоготу, и по ночам она просилась домой. Помню, как, проезжая ночью озеро Байкал, о котором писал папа, мы с мамой не могли оторваться от вагонного окна, наблюдая, как белая и пенистая волна озера почти подступает к железнодорожному полотну. Затем очень долго — 600 километров по пыльной дороге — до места назначения добирались на эмке. Папа нас не встретил, хотя, судя по письмам, такое намерение у него было. Добравшись до Улан-Батора, свой быт в новом доме мы устраивали сами с помощью порученца и соседей, которые встретили нас очень радушно».

В Улан-Баторе семья Жукова жила в светлом доме на пригорке. Тут же рядом стояло еще несколько домов, где разместились семьи сослуживцев командующего. Его старшая дочь пошла здесь в четвертый класс, младшей же шел всего третий год. В Монголии Жукова уважали и любили. В 1946 году постановлением президиума Улан-Баторского городского самоуправления он был избран почетным гражданином города. Дом, в котором когда-то он жил с семьей, сейчас стоит на широком проспекте, носящем его имя. Здесь в 1979 году бы создан музей маршала Г.К.Жукова. Собранные в нем экспонаты отражают события, происшедшие на реке Халхин-Гол в те далекие тревожные годы.

В то время, когда на Халхин-Голе еще не стихли бои, в Европе разворачивались события, круто менявшие жизнь и судьбы целых народов и государств. 1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу. Начиналась Вторая мировая война.

Глава V. Игры без иллюзий

Мечталось увидеть Москву, пройтись по Красной площади, по старым, памятным с детства переулкам.

«Миша, шлю тебе привет, очевидно, я буду через месяц-полтора в Москве, тогда обо всем поговорим, а сейчас скажу пару слов. Провел войну, кажется, неплохо. Сам здоров, сейчас налаживаю дела, так как за войну кое-что подразболталось. Посылаю тебе подарок, который я получил от наркома: костюм… если будет тебе коротковат, попробуй его переделать. Жму руку, Георгий. Поцелуй за меня Клавдию Ильиничну и Риточку».

Подарок, о котором говорилось в письме Жукова М.М.Пилихину, был вскоре выслан в Москву. «В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, Георгий Константинович командировал меня в Москву с наградными материалами, — вспоминал его адъютант М.Ф.Воротников. —

… Провожая, Жуков наказал: „Зайдите сразу к моему двоюродному брату, Михаилу Пилихину, передайте вот этот чемодан и письмо. Живет он недалеко от Центрального телеграфа, в Брюсовском переулке, 21. Скажите, что непременно приеду с подарками, как обещал. А вот эту записку отдайте директору Центрального Военторга“. Последняя просьба могла показаться курьезной. Герой халхингольских событий, грозный укротитель самурайской орды… просил продать несколько метров ситца для дочек и соленой кильки в банках. Что делать? Время было тяжелое. Материального изобилия в стране не было. Не от хорошей жизни он обращался с такой просьбой к работникам торговли».

Жуков еще находился в Монголии, где по окончании боевых действий части 1-й армейской группы занимались обычной учебой мирного времени. Времени, которое неумолимо сходило на нет.

Когда Гитлер начал активную подготовку к переделу мира, Великобритания и Франция, считая Германию противовесом коммунизму, пытались направить ее устремления на Восток. Политика «умиротворения агрессора» развязывала нацистам руки. В ноябре заключается Антикоминтерновский пакт 1936 года между Германией и Японией, к нему через год присоединяется Италия. В том же году Германия вводит свои войска в ремилитаризованную Рейнскую зону, а осенью совместно с Италией принимает участие в гражданской войне в Испании на стороне генерала Б.Франко. В марте 1938 года Германия осуществляет аншлюс Австрии, а в сентябре добивается от глав правительств Италии, Франции и Великобритании заключения Мюнхенского соглашения о передаче ей Судетской области. Через год Германия уже полностью захватила Чехословакию и литовский порт Клайпеду (Мемель).

Активизация на международной арене Германии и Италии вынудила советское руководство предпринять ряд мер политического, дипломатического и военного характера. В 1936 году СССР начал оказывать поддержку республиканскому правительству Испании, а в следующем году пришел на помощь Китаю, ставшему жертвой агрессии Японии. Эти акции, а также усиление деятельности Коминтерна, за которым стоял Советский Союз, привели к ухудшению отношений со странами Запада. В результате СССР оказался в международной изоляции. Но уже в апреле 1939 года Великобритания и Франция откликнулись на предложение советского правительства начать переговоры, которые состоялись летом того же года. Однако они не привели к успеху, так как стороны придерживались противоположных точек зрения по большинству вопросов. Кроме того, английское руководство вступило в тайные контакты с представителями Германии, надеясь вернуть ее к мюнхенской политике или заключить двустороннее соглашение. Об этом стало известно Москве.

7 августа И. В. Сталину доложили о возможности скорого нападения Германии на Польшу. Учитывая сложившиеся обстоятельства, советское руководство пошло на сближение с Германией, заключив с ней 23 августа договор о ненападении и секретный дополнительный протокол. При этом в Москве надеялись сохранить свой нейтралитет и улучшить собственное стратегическое положение за счет восточных земель Польши (Западная Украина и Западная Белоруссия). Нарком иностранных дел В.М.Молотов, выступая 31 августа на заседании Верховного Совета СССР, заявил, что советско-германский договор о ненападении не только дает Устранение угрозы войны с Германией, но и «суживает поле возможных военных

столкновений в Европе и служит делу всеобщего мира».

В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков отмечал: *«Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году, в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии, — нет никаких оснований утверждать, что И.В.Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта. Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И.В.Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении»* .[144]

Руководство нацистской Германии, заключив договор о ненападении с СССР, приступило к реализации своих планов по установлению мирового господства. На рассвете 1 сентября 1939 года немецкие войска в соответствии с планом «Вейс» внезапно напали на Польшу и быстро добились крупных оперативных успехов. Несмотря на то, что Франция, Великобритания и страны Британского содружества объявили войну Германии, они так и не оказали Польше реальной помощи.

Тем временем руководство Советского Союза проводило в жизнь мероприятия, направленные на повышение боеготовности своих Вооруженных Сил. 19 августа 1939 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о развертывании новых войск, а 22 августа нарком обороны К.Е.Ворошилов обратился в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой разрешить произвести обеспечение войск вооружением и боевой техникой «из неприкосновенных запасов».

2 сентября СНК утвердил план реорганизации Красной Армии на 1939–1940 годы. Согласно ему намечалось иметь в составе Красной Армии 173 стрелковые дивизии, а общая численность армии мирного времени определялась в 2 миллиона 265 тысяч человек.

После вторжения германских войск в Польшу началась подготовка похода Красной Армии в западные области этого государства. 17 сентября 1939 года советские войска перешли восточную границу Польши и в соответствии с советско-германским секретным протоколом вышли на рубеж рек Нарев, Западный Буг, Сан. Западные области Белоруссии и Украины были присоединены к СССР. 28 сентября между Германией и СССР был подписан «Договор о дружбе и границе», после чего советское руководство фактически свернуло антифашистскую пропаганду в стране и во внешнем мире, что, естественно, играло на руку агрессору. Официальную позицию Молотов сформулировал в докладе на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября: Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны. «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, — отмечал Молотов, — как война „за уничтожение гитлеризма“, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за „демократию“».

В день подписания советско-германского «Договора о дружбе и границе» правительство СССР заключило договор о взаимной помощи с Эстонией, а позднее подобные договоры были подписаны с Латвией и

---

144 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 358.

Литвой. Советский Союз получал право размещать в республиках Прибалтики свои войска и создавать на их территории военно-морские и военно-воздушные базы, что было оговорено в специальных военных конвенциях.

В конце ноября 1939 года началась советско-финляндская война. Войска Ленинградского округа ввязались в тяжелые бои, принявшие затяжной характер. 11 февраля 1940 года красноармейские части предприняли очередное наступление на Карельском перешейке и прорвали «линию Маннергейма», вынудив Финляндию подписать в марте 1940 года мирный договор. В ходе этой войны выявились крупные недостатки в организации, подготовке и управлении частями и соединениями Красной Армии. Поэтому Ворошилов в мае был смещен с должности наркома обороны, а на его место назначен командующий Киевским Особым военным округом С.К.Тимошенко, сразу ставший Маршалом Советского Союза.

В это время немецкие войска успешно осуществляли свой «блицкриг» на западноевропейском театре военных действий. 9 апреля 1940 года они совершили нападение на Данию и Норвегию, 10 мая нанесли удар по Франции через Люксембург, Бельгию и Нидерланды. 10 июня в войну против Франции и Англии вступила Италия, а 22 июня в лесу под Компьеном был подписан акт о капитуляции Франции. Таков был итог политики «умиротворителей».

7 мая 1940 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении в Красной Армии генеральских воинских званий. 4 июня Г.К.Жукову было присвоено звание генерала армии. На следующий день в «Красной Звезде» появилась передовица «Велики их заслуги перед Родиной», в которой говорилось следующее: «Звания генерала армии удостоены три славных командира: Герой Советского Союза Г.К.Жуков, Герой Советского Союза К.А.Мерецков и И.В.Тюленев. Генерал армии Г.К.Жуков — участник гражданской войны, кадровый командир, последовательно прошедший ряд старших и высших должностей, обладающий широким оперативным кругозором. Когда 23-я японская дивизия генерала Камацубары переправилась через реку к горе Баин-Цаган, пытаясь углубиться на территорию дружественной нам Монгольской Народной Республики, она была разгромлена советскими танковыми частями. Здесь по замыслу тов. Жукова впервые самостоятельно действовали на поле боя крупные танковые массы. „Баин-Цаганское побоище“ — под этим именем вошел в историю разгром японской дивизии. Генерал армии Жуков разработал и блестяще провел операцию полного окружения и окончательного уничтожения 6-й японской армии, вторгнувшейся в пределы МНР».

По воспоминаниям Жукова, в начале мая он получил приказ из Москвы явиться в Наркомат обороны для назначения на новую должность. В составленных в 1957 году «Кратких биографических сведениях» о Жукове указано, что службу в Монголии он завершил в апреле 1940 года, с апреля по июнь находился в распоряжении наркома обороны, а в июне был назначен командующим Киевским Особым военным округом. В «Личном листке по учету кадров», заполненном Георгием Константиновичем в 1948 году, окончание службы в Монголии также датировано апрелем, а вот вступление в командование войсками КОВО — маем 1940 года. М.М.Пилихин утверждал: «В мае 1940 года Георгий телеграфировал нам в Москву: „Будем 15 в Москве. Встречайте.

Жуков“. На автобазе (автобаза НКВД. — В.Д.), где я работал, стоял „опель-кадет“ Марины Расковой. Я попросил у нее машину — встретить Г.К.Жукова с семьей из Монголии. Разрешение получил, и мы с Клавдией Ильиничной и дочкой Ритой поехали встречать Георгия с семьей на Ярославский вокзал. Пришла машина и из Наркомата обороны. Подошел поезд, и мы пошли к вагону, в котором прибыл Жуков с семьей. Но он уже шел нам навстречу, с первой Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди и орденами Монгольской Народной Республики. Он с большой радостью обнял нас и сказал: „Вот мы опять все вместе!“».

Есть разные сведения о том, каким образом семья Жукова прибыла в Москву. Пилихин говорит, что встречал родственников на вокзале, а Эра Георгиевна вспоминает, что из Монголии в Москву они летели уже самолетом вместе с папой. «Для нас всех это было первое воздушное путешествие, и мы очень волновались. В Москве нас разместили в знаменитой в те годы гостинице „Москва“, где мы прожили более месяца, вплоть до получения папой нового назначения в Киев и отъезда туда».

Все эти разночтения в воспоминаниях разных людей, конечно, в этом случае не имеют никакого принципиального значения. Важно иметь в виду другое: почти всегда мемуары содержат те или иные неточности, порой и принципиальные, являющиеся следствием отнюдь не сознательных искажений, а естественных заблуждений человеческой памяти.

Неизгладимое впечатление на Жукова произвела встреча с И.В.Сталиным. Когда Георгий Константинович шел на нее, то испытывал некоторый трепет в душе, но увидел перед собой человека на первый взгляд самого обыкновенного, небольшого роста, чуть ниже себя, спокойного, приветливого, очень внимательного. В кабинете находились также Калинин, Молотов и другие члены Политбюро. На вопрос о том, как Жуков оценивает японскую армию, тот ответил: «Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнителен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед „харакири“. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону».

Сталин и Калинин долго и обстоятельно расспрашивали Жукова о действиях советских войск и трудностях, с которыми им пришлось столкнуться, о целях вторжения японцев в Монголию, о помощи, которую оказывали Жукову высшие военачальники, о его выводах по этим и другим проблемам вооруженного столкновения в районе Халхин-Гола.

Жуков, в свою очередь, задал вопрос о том, как следует понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться там военные действия. На это Сталин ответил, что французское правительство во главе с Даладье и английское с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Германией. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с нами. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недальновидную политику.

После обстоятельной беседы Сталин сообщил о решении назначить

Жукова командующим войсками Киевского Особого военного округа.

Возвратившись в гостиницу, Георгий Константинович, переполненный впечатлениями от беседы, долго не мог заснуть. Позже он признавался: «Внешность Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление. Если он всегда и со всеми такой, непонятно, почему ходит упорная молва о нем, как о страшном человеке? Тогда не хотелось верить плохому».[145]

Была и еще одна причина бессонницы. Жуков перешагнул сразу через несколько ступеней служебной лестницы, а ведь ему предстояло принять самый большой военный округ в стране. Да, до этого он получил солидный опыт управления частями и соединениями в тактическом звене, приобрел определенный опыт и на оперативном уровне, будучи заместителем командующего войсками Белорусского военного округа и командующим армейской группой. Но хватит ли всего этого для работы оперативно-стратегического масштаба?

Конечно, удивляться такому повороту в военной карьере не следует, так как репрессии в Красной Армии привели к катастрофической нехватке квалифицированных командных и штабных работников всех звеньев. Поэтому армии и военные округа в предвоенные годы возглавляли командиры, в большинстве случаев занимавшие до этого тактическую ступень. Ну а послужной список Жукова, его военный талант, столь ярко проявившийся на Халхин-Голе, выглядели более чем солидно.

Настал час отъезда в Киев. Воспоминания о проводах сохранил Г.М.Михайлов, удостоенный за Халхин-Гол звания Героя Советского Союза: «Г.К.Жуков благодарил всех, кто пришел проводить его к новому месту службы. В разговоре был сдержан. Иногда шутил и говорил: „Мы еще встретимся“.

— Нам, провожавшим, показалось, что Жуков расстроен, а некоторые говорили, что он даже прослезился».

Позднее о причине этих слез решился спросить у Жукова М.Ф.Воротников:

«Маршал ответил не сразу…

— Меня назначили на ответственный пост — командовать одним из важнейших приграничных округов. В беседах со Сталиным, Калининым и другими членами Политбюро я окончательно укрепился в мысли, что война близка, она неотвратима. Да и новый для меня пост командующего таким ответственным приграничным округом является тому свидетельством. Но какая она будет, эта война? Готовы ли мы к ней? Успеем ли мы все сделать? И вот с ощущением надвигающейся трагедии я смотрел на беззаботно провожающих меня родных и товарищей, на Москву, на радостные лица москвичей и думал: что же будет с нами? Многие этого не понимали. Мне как-то стало не по себе, и я не мог сдержаться. Я полагал, что для меня война уже началась. Но, зайдя в вагон, тут же отбросил сентиментальные чувства. С той поры моя личная жизнь была подчинена предстоящей войне, хотя на земле нашей еще был мир…»

В Киевском Особом военном округе на командных и штабных

---

145 Там же. С. 273.

должностях находились в большинстве своем опытные кадры, избежавшие репрессий. Начальником штаба был генерал-лейтенант М.А.Пуркаев, всесторонне знавший свое дело военный, человек высокой культуры. С ним Жуков работал вместе в Белорусском военном округе. Артиллерией округа командовал генерал Н.Д.Яковлев, крупный специалист в области техники и боевого ее применения. С двумя командующими армиями — генералами И. Н. Музыченко и Ф.Я.Костенко — Жукову довелось длительное время служить в 4-й Донской казачьей дивизии. Начальником оперативного отдела штаба округа был полковник П.Н.Рубцов, которого Жуков знал по центральному аппарату Наркомата обороны. Его, правда, в скором времени заменил полковник И.Х.Баграмян, оперативно грамотный, вдумчивый, спокойный, трудолюбивый. Ну а начальником снабжения округа оказался бывший сослуживец Жукова, которого Георгий Константинович в разгар репрессий отстоял от наветов, — В.Е.Белокосков.

В первые же дни новой службы Жуков встретился с секретарями ЦК КП Украины. «Рассказав о действиях наших войск по разгрому 6-й японской армии на Халхин-Голе и поделившись своими первыми впечатлениями, — вспоминал он, — я просил помочь в материально-бытовом обеспечении округа. Встретил самое доброжелательное отношение и был рад, что все так хорошо складывается».[146]

Фундамент армии — дисциплина. В условиях нависшей военной опасности малейшие поблажки приведут не только к снижению боеспособности, но и к трагическим последствиям. Здесь надо сказать, за годы репрессий дисциплина и исполнительность в Красной Армии резко упали, во многих частях и соединениях царил полный развал порядка. Твердую руку в округе ощутили сразу же. В этом отношении красноречив приказ Жукова от 21 июня:

«Проведенным обследованием работниками ПУОКРа (политическое управление округа. — В.Д.) состояния партийно-политической работы и хода боевой и политической учебы в 28-м дорожно-эксплуатационном полку были вскрыты вопиющие безобразия, ведущие полк к разложению. Массовые самовольные отлучки бойцов из части, коллективные пьянки красноармейцев и командиров, сопровождающиеся дебошем, хулиганством, коллективные неисполнения приказаний стали распространенным явлением в полку.

Самовольные отлучки красноармейцев из полка в отдельные дни доходили до 170 человек. Только с 12 мая по 8 июня 1940 года, за время пребывания полка в Гусятине, свыше 30 групповых пьянок и массовые случаи (не поддающиеся учету) индивидуальных пьянок.

Дело дошло до того, что пьянки совершались буквально каждый день. Бесконтрольность, беспечность и безответственность командного состава привели к тому, что ежедневно свыше сотни бойцов без дела шатаются по городу, вечерами уходят в села в поисках водки, меняют продукты на водку.

Больше того, многие командиры вместо борьбы с таким безобразием сами, на глазах бойцов, пьянствуют и дебоширят.

...Все это стало возможным потому, что в полку налицо исключительно терпимое отношение к этим безобразиям, отсутствует

---

146 Там же. С. 275.

требовательность, наличие разложения среди отдельных командиров, полное отсутствие учебы, заботы о людях и исключительно низкий уровень партийно-политической работы.

Командир полка — полковник Егоров, безответственно и безразлично относится к своим обязанностям. Не насаждает твердой рукой советскую воинскую дисциплину в части.

Комиссар полка — старший политрук Кирилкин, не руководит партийно-политической работой, не занимается политическим воспитанием, в подразделениях бывает редко, с бойцами не связан, на докладные и жалобы бойцов не отвечает и не реагирует месяцами…»

Последовали, как всегда, жесткие решения: командира полка полковника Егорова, военкома полка старшего политрука Кирилкина, командира 2-го батальона старшего лейтенанта Шостеля от должностей отстранить и ходатайствовать перед наркомом о предании суду Военного трибунала; командира технической роты младшего воентехника Панченко за систематические пьянки от должности отстранить и отсрочить присвоение очередного воинского звания; злостных нарушителей дисциплины, красноармейцев Кравченко, Зинченко и других лиц предать суду Военного трибунала.[147]

Крайне напряженная работа, полная самоотдача. В течение июня Жукова трудно было застать в штабе округа. За это время он побывал почти во всех частях и соединениях, провел крупные командно-штабные учения округа, затем — командно-штабную полевую поездку со средствами связи в район Тернополя, Львова, Владимира-Волынского, Дубно. Именно туда, где в 1941 году немцы по плану «Барбаросса» нанесли на Украине свой главный удар.

И вновь приходится руководить войсками в боевых условиях.

В июне 1940 года руководство СССР сделало Литве, Латвии и Эстонии представления, содержащие требования немедленно сформировать новые правительства, способные честно выполнять договор о взаимной помощи, обеспечить свободный доступ на территории этих стран дополнительных контингентов Красной Армии. На выполнение этих предписаний ультимативного характера отводилось всего 10 часов. В установленное время все требования были приняты, но, несмотря на это, войска Красной Армии (10 стрелковых дивизий и 7 танковых бригад) пересекли 17 июня границы трех государств. Под контролем чрезвычайных уполномоченных правительства СССР А.А.Жданова, А.Я.Вышинского и В.Г.Деканозова в Литве, Латвии и Эстонии произошла немедленная смена правительств, а затем состоялись выборы в сеймы, провозгласившие установление советской власти и вхождение прибалтийских республик в состав СССР.

Вслед за Прибалтикой пришел черед Бессарабии и Северной Буковины. 26 июня советское правительство передало румынскому представителю ноту, в которой предлагалось «приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу».[148] Однако правительство Румынии заняло уклончивую позицию, вызвав тем самым более жесткое требование: вывести все войска с «территории Бессарабии и Северной Буковины в

---

147 См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 147–149.

148 Цит. по: Правда. 1940. 29 июня.

течение четырех дней, начиная с 14 часов по московскому времени 28 июня».

Задача по освобождению «Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии» была возложена на войска Южного фронта, созданного из трех армий: 12-й — под командованием генерал-майора Ф.А.Парусинова, 5-й — под командованием генерал-лейтенанта В.Ф.Герасименко (Киевский Особый военный округ) и сформированной из войск Одесского военного округа армии под командованием генерал-лейтенанта И.В.Болдина. Командование фронтом возлагалось на Жукова. После долгих переговоров румынское правительство все же согласилось вывести свои войска из Северной Буковины и Бессарабии, и дело обошлось мирным путем.

По воспоминаниям Жукова, чтобы избежать нежелательных инцидентов при отводе румынских войск, стороны договорились о следующем: Румыния будет отводить свои войска на 20 километров в сутки, а Красная Армия соответственно такими же темпами будет продвигаться вперед на освобождаемую территорию. При этом румынская сторона обязывалась оставить в неприкосновенности железнодорожный транспорт, оборудование заводов, материальные запасы.

Однако вскоре командованию Южного фронта стало известно, что румыны, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить с освобождаемой территории все, что только можно. *«Чтобы пресечь эти нарушения договорных условий, мы решили выбросить две воздушно-десантные бригады на реку Прут и захватить все мосты через реку. Двум танковым бригадам была поставлена задача: обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут. Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности»* .[149]

На другой день после этого Жукова по ВЧ вызвал Сталин, который сообщил о поступившей от посла Румынии жалобы на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Посол утверждал, что советское командование высадило «с самолетов танковые части и разогнало румынские войска». Жуков доложил Сталину о принятых им мерах и сказал, что танки по воздуху не перебрасывал, так как для этого нет специальных самолетов. По-видимому, добавил, он, «отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха». Сталин рассмеялся и сказал: «Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта — берегите его. Я сейчас дам указание наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству».

На VIII сессии Верховного Совета СССР в начале августа 1940 года были приняты законы, юридически оформившие включение в состав Советского Союза трех республик Прибалтики и образование Молдавской

---

149 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 276.

ССР.

Несмотря на изящность операции, проведенной Жуковым, поход войск Южного фронта в Бессарабию и Северную Буковину выявил значительные недостатки в их подготовке и обучении. В своей директиве от 17 июля 1940 года командующий Киевским Особым военным округом выделил плохую организацию штабами марша и службы регулирования, отсутствие в наземных войсках средств связи с авиацией, неумение осуществлять маскировку при расположении на отдых и вести наблюдение за воздухом, невысокую степень подготовки красноармейцев и конного состава к совершению длительных и особенно ночных маршей, слабую организацию артиллерийской разведки, недостаточную отработку взаимодействия танков с пехотой и артиллерией, неудовлетворительную подготовку понтонных и саперных батальонов к организации переправ и наведению мостов. И снова отмечается отсутствие должной воинской дисциплины, что привело к большому количеству нарушений порядка и чрезвычайных происшествий.

Проанализировав итоги похода, Жуков коренным образом изменяет план боевой подготовки войск округа. Разработанный им комплекс мер затрагивает вопросы боеготовности всех подразделений, частей и соединений, всего личного состава — от бойца до командира высшего звена. В целях выработки скорости и оперативности в выполнении боевых задач предписываются систематические тренировки подъемов по тревоге. Отныне только по тревоге поднимаются войска на полевые учения. В тактической подготовке начсостава и войск упор делается на отработку наступательного боя с преодолением полосы заграждения и крупных водных преград, оборонительного боя с устройством полосы заграждения, разведки. Марши и боевые действия мехсоединений и частей отрабатываются в трудных условиях местности: лесисто-гористой, болотистой и песчаной. В подготовке штабов и совершенствовании управления войсками за основу берется управление по радио и с помощью самолетов. В план боевой подготовки входят также стрелковые, спортивные и конно-спортивные соревнования.

Жуков, внимательно следивший за развитием событий на Западе, где германская армия добилась существенных успехов, широко используя танковые и механизированные части, развернул в войсках обучение противотанковой обороне. 21 июля он подписал приказ, в котором подчеркивалось, что противотанковая оборона должна быть постоянным и повседневным видом боевых действий. Противотанковые орудия, крупнокалиберные пулеметы, связки ручных гранат, горючая жидкость, противотанковые мины, фугасы в сочетании с естественными и искусственными преградами должны создать непреодолимые препятствия в полосе действий танков противника. Обращалось внимание и на моральную подготовку, устойчивость бойцов в борьбе с танками.[150]

Не меньшая роль отводилась и противовоздушной обороне. В приказе от 8 августа говорилось: «Авиация в современных войнах является мощным средством борьбы. Поэтому тщательная организация сильной ПВО во всех случаях боевой деятельности войск является повседневной и важной задачей командиров всех степеней и их штабов».[151]

---

150 См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 154–155.

151 РГВА. Ф. 25 880. Оп. 4. Д. 354. Л. 756.

В сентябре 1940 года в округ с инспекторской проверкой прибыл нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко. Состоялся смотр тактической подготовки 41-й стрелковой дивизии в районе Рава-Русская. В двустороннем полевом учении принимала участие авиация округа, очень хорошо показала себя артиллерия. Затем прошли смотровые учения в 99-й дивизии, полевые учения штабов. За отличную выучку штаб 37-го стрелкового корпуса был награжден переходящим Красным знаменем Генерального штаба Красной Армии, а комкор С.М.Кондрусев — золотыми часами.

«Надо сказать, что смотровые учения в присутствии высших военных руководителей были весьма поучительными и мобилизующими, — отмечал Жуков. — С.К.Тимошенко боевую подготовку бойца, частей и подразделений знал хорошо и любил это дело. С назначением его наркомом обороны в боевой подготовке войск был взят, как того требовала партия, правильный курс — учить тому, что потребуется на войне. Особенно много мы стали заниматься разведкой, боевым использованием местности, как в целях наступления, так и обороны. Мы неустанно внушали бойцам, сержантам и командирам, что подразделение и часть только тогда становятся грозной силой для противника, когда весь их состав отлично подготовлен».[152]

Пожалуй, в предвоенный период наиболее важной вехой в формировании полководческих воззрений Жукова стало совещание высшего командного состава Красной Армии, которое состоялось в декабре 1940 года. Скорее, даже не само совещание, а доклад на тему «Характер современной наступательной операции», который поручил ему подготовить Генштаб. Задание было весьма ответственным, а времени у командующего войсками округа для теоретического анализа и обоснования своих идей, убеждений и военного опыта было явно недостаточно. Помог начальник оперативного отдела штаба 12-й армии И.Х.Баграмян, однокашник Жукова по высшей кавалерийской школе. Иван Христофорович прибыл в Киевский округ с должности старшего преподавателя Военной академии Генштаба, что было весьма кстати. Баграмян вспоминал, что, попросив его помочь подготовить доклад, Георгий Константинович с увлечением стал излагать свою точку зрения: «Все должно строиться на учете реальных возможностей. Успехи немцев на Западе, основанные на массированном применении танковых и моторизованных войск и авиации, заставляют о многом задуматься. У нас, к сожалению, пока нет таких крупных оперативных механизированных соединений. Наши механизированные корпуса находятся еще только в стадии формирования. А война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня».[153]

В воспоминаниях Жуков высоко оценил помощь Баграмяна. Кроме него к разработке доклада был привлечен прибывший в округ на стажировку выпускник Академии Генерального штаба подполковник Г.В.Иванов. Из текста доклада видно, что при его подготовке использовались серьезные теоретические труды. Заметно, например,

152 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 288.

153 Цит. по: Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 2000. С. 16.

влияние книги известного военного теоретика В.К.Триандафиллова «Характер операций современных армий», других научных работ. Однако в ходе репрессий был уничтожен цвет советской военно-теоретической мысли, что сказалось на качестве и количестве исследований проблем военной теории. Ими стали заниматься молодые командиры, окончившие военные академии того времени. Военный историк И.А.Коротков, издавший в 1980 году содержательную аналитическую работу «История советской военной мысли. (Краткий очерк. 1921—июнь 1941)», писал: «Отмечая широкий характер исследований вопросов оперативного искусства и тактики, необходимо сказать и о тех вопросах, разработка которых не была завершена или только намечалась военными теоретиками 20-х — начала 30-х годов. Так, теория оперативного искусства рассматривала в основном масштаб армейской операции, почти не затрагивая теории фронтовой операции…»[154]

Необходимо учитывать, что военно-теоретическая мысль в предвоенные годы развивалась в условиях культа личности Сталина. Это оказало существенное влияние на тематику исследований, в которой преобладающими стали статьи, посвященные его взглядам на войну и различные проблемы военного дела. Оценивая стратегический характер будущей войны, большинство исследователей выделяли ее наступательную направленность. Во Временном Полевом уставе РККА (1936), действовавшем до начала и в начале Великой Отечественной войны, отмечалось: «Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью вооруженных сил Советского Союза, с перенесением военных действий на территорию врага. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение».[155] Еще рельефнее наступательный характер стратегии отражен в проекте Полевого устава Красной Армии 1939 года: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории».[156]

То же было и на практике: на учениях и маневрах возобладал вариант, по которому Красная Армия с первых дней войны наносила поражение противнику, отбрасывала его от границы и вела наступление на вражеской территории.

На совещании высшего командного состава РККА были собраны руководящие сотрудники Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники Центральных управлений, командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий — всего более 270 человек.

Первым с докладом на тему «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава» выступил начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А.

---

154 Коротков И.А. История советской военной мысли. (Краткий очерк. 1921—июнь 1941.) М., 1980. С. 161.

155 Временный Полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36). М., 1937. С. 9.

156 Полевой устав Красной Армии. 1939. Проект. М., 1939. Ст. 2.

Мерецков. Он охватил все существенные аспекты состояния Красной Армии, ее родов войск и на основе этого подчеркнул необходимость глубокой перестройки Вооруженных Сил. Особую озабоченность вызывали способы использования механизированных и авиационных соединений, неудовлетворительная подготовка высшего командного состава, недостатки в комплектовании РККА командными кадрами и в техническом оснащении отдельных родов войск.

После обсуждения доклада Мерецкова предоставили слово Жукову.

Красной нитью через его доклад проходил анализ опыта последних войн и современных военных действий на Западе. Было подчеркнуто, что развитие передовых армий осуществляется по линии наращивания наступательных средств ведения войны, то есть развитие нацелено, как в количественном, так и особенно в качественном отношении, на создание крупных военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, совершенствование механизированной артиллерии и, наконец, моторизацию армии. В результате широкого внедрения в армии современных технических средств оперативное искусство получило такие могучие факторы, как скорость и сила удара. Быстрота развития операций, как показали последние опыты сражений, достигается главным образом благодаря внезапному, смелому и массовому применению авиации, авиадесантов, танковых и моторизованных соединений.

Особую роль имела оценка военных действий Германии. Это опять-таки смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника, решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их самостоятельно прорываться в тыл оперативной группировке противника, массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника и при этом частое использование формы противника. Жуков отметил, что при прорыве укрепленных районов немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танков, саперов и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной укрепрайон, в тылу проводили усиленную подготовку к атаке на учебных полях и макетах. «В общем, немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила».

Немецкое командование добилось небывало высоких темпов проведения наступательных операций. Польша разгромлена за 18 дней (в среднем суточное продвижение равно 30 километрам), Голландия, Бельгия и Северная Франция — за 20 дней, что равно темпу наступления 20 километров в сутки. Разгром Франции осуществлен за 18 дней, что составляет по темпу наступления 16 километров в сутки, при этом продвижение мотомеханизированных сил доходило до 100–120 километров. Наступательным операциям, как правило, предшествовала заблаговременная выработка мощной сети шпионской агентуры и диверсионных групп. Эта агентура, как правило, подсаживалась ближе к аэродромам, укрепрайонам, складам, железнодорожным мостам и другим важнейшим объектам. Пользуясь данными этой агентуры, немцы действовали наверняка. Диверсионные группы в тылу терроризировали население, уничтожали связь, убивали важных лиц командного состава и захватывали важнейшие документы.

В докладе обращено внимание на непрерывность немецких операций,

что обеспечивалось их предварительной, тщательной подготовкой, наличием плана последующей операции, использованием мощного автомобильного транспорта и широко развитой сети железных дорог для масштабной перегруппировки войск и устройства тыла, наличием эшелонированных резервов.

Отметим, что все то новое в действиях германской армии, о чем говорил Жуков, она впоследствии с успехом использует при нападении на Советский Союз. К сожалению, далеко не все было учтено при подготовке Красной Армии к войне, что самым трагическим образом сказалось на исходе приграничных сражений летом 1941 года.

Несмотря на то, что тема доклада была посвящена наступательным операциям, Жуков затронул принципиальные вопросы современной обороны. Во-первых, ее особенностью является то, что еще в мирное время на всех важнейших участках государственной границы строятся укрепленные районы и глубокие позиции полевой обороны с противотанковыми, противопехотными и иными препятствиями. Во-вторых, современная оборона строится на всю оперативно-стратегическую глубину, при этом она организуется с целью не только отразить удары авиации противника, не только измотать наступающего на подступах к обороне, но и для того, чтобы, расколов, измотав, ослабив наступающего, маневрируя своими резервами, стремиться нанести ему поражение.

В качестве главной особенности современной наступательной операции Жуков выдвинул необходимость удара в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения, с выброской крупных подвижных сил на фланг и в тыл основной группировки противника. Наиболее эффективным является наступление с обходом одного или обоих флангов неприятеля, что приводит к непосредственному удару по наиболее слабым и уязвимым местам противника. Самая решительная форма наступательной операции — одновременные сильные удары по обоим флангам обороны, позволяющие взять расположение противника в сильные «клещи» и разгромить его путем окружения на поле сражения. Вполне естественно, что примером такой операции стали для Жукова действия частей Красной Армии на Халхин-Голе.

Докладчик обратил особое внимание участников совещания на организацию управления войсками, которое должно быть жестким и централизованным. В целях достижения полного взаимодействия между корпусами, целеустремленности в их действиях командарм нередко будет указывать им направление главного и вспомогательного ударов, боевое построение корпусов, порядок и способы действий. Однако, предостерегал Жуков, к таким указаниям нужно подходить осторожно и без нужды к ним не прибегать. В условиях маневренной войны с подвижным и искусным противником потребуются командиры, воспитанные на проявлении разумной инициативы и большой самостоятельности, иначе командиров, приученных все делать по расписанию, активный и инициативный противник разобьет в первом же сражении.

Подводя итог своему выступлению, Жуков отметил, что Красной Армии, где бы ее части в настоящее время ни дислоцировались, нужно быть готовой драться с искусным и технически оснащенным противником. Современное развитие средств борьбы создает широкую базу для ведения наступательной операции, дает возможность проводить ее высокими

темпами и с большой дальнобойностью. При равных силах и средствах победу обеспечит за собой та сторона, которая более искусна в управлении и создании условий внезапности в использовании этих сил и средств. Внезапность современной операции является одним из решающих факторов победы. Придавая исключительное значение внезапности, необходимо широко внедрить в войска все способы маскировки и обмана противника. Маскировка и обман должны стать важнейшей темой в обучении войск, командиров и штабов. Красная Армия в будущих сражениях должна показать высокий класс оперативной и тактической внезапности.

Доклад Жукова был встречен с большим интересом и вызвал оживленную дискуссию. С заключительной речью на совещании выступил нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Вполне понятно, что некоторые его суждения, особенно с вершины наших современных военно-исторических знаний, выглядят далеко небезупречными. Однако вывод о том, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового», вызывает недоумение. Ведь к тому времени уже для многих было ясно, что эта война с ее военно-политическими замыслами, методами развязывания, масштабностью, глубиной и скоротечностью операций, комплексным использованием видов вооруженных сил и родов войск для достижения политических и стратегических целей знаменовала качественно новый этап развития военного искусства.

Несомненно, что на совещании были сделаны в основном правильные выводы о характере и особенностях возможной войны, определены принципиальные взгляды на наступательную операцию, массированное использование новейших средств вооруженной борьбы. В то же время к началу 1941 года Красная Армия по своей структуре, техническому оснащению, уровню оперативной подготовки командного состава и штабов, многим другим параметрам была еще не готова вести войну. Сам Жуков отмечал: «В целом работа совещания показала, что советская военно-теоретическая мысль в основном правильно определяла главные направления в развитии современного военного искусства. Нужно было скорее претворить все это в боевую практику войск».[157]

Сразу же после совещания были проведены две двусторонние оперативно-стратегические игры на картах. Надо сказать, что и совещание, и ход игр находились под пристальным вниманием Сталина. Пожалуй, их можно сравнить с генеральным смотром высшего командного состава Красной Армии в преддверии неизбежной войны. Вряд ли кто питал иллюзии и по поводу ее неотвратимости, и по поводу главного противника в предстоящем столкновении.

Еще в начале осени, 18 сентября 1940 года нарком обороны С.К.Тимошенко и начальник Генерального штаба К.А.Мерецков представили в ЦК ВКП(б), И.В.Сталину и В.М.Молотову доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы, в котором отмечалась высокая вероятность вооруженного столкновения на западных границах и не исключалась вероятность атаки со стороны Японии. В качестве наиболее вероятного противника рассматривалась Германия, предусматривалось вовлечение в

---

157 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 291.

войну против СССР Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии, Турции. Однако подробно охарактеризовав силы, которые могут быть выставлены против наших границ, авторы доклада отметили, что «Генеральный штаб не располагает документальными данными об оперативных планах вероятных противников, как по Западу, так и по Востоку». Поэтому высказывались предположения, что Германия развернет свои основные силы к северу от устья реки Сан с тем, чтобы нанести главный удар из Восточной Пруссии через Прибалтику по направлению на Минск, и вспомогательные удары со стороны Ломжы и Бреста в направлении Барановичи — Минск. Если Финляндия выступит на стороне Германии, то не исключалась поддержка ее армии немецкими дивизиями для удара по Ленинграду с северо-запада. На юге допускалась возможность наступления румынской армии из районов Северной Румынии.

В зависимости от обстановки предлагались два варианта развертывания наших главных сил на Западе. Первый вариант (основной) — к югу от Брест-Литовска, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) на первом этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны «в вопросах участия их в войне». Второй вариант — к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

5 октября план стратегического развертывания рассмотрел Сталин, который внес в него существенные коррективы. Он считал, что Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центр того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-запад, с тем чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении.[158] В доработанном, «южном» варианте плана главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау.[159] Одновременно было решено разработать и Другой — «северный» — вариант. По нему основная группировка советских войск должна была развертываться в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Излишне говорить, что во всех вариантах планами Генштаба в случае агрессии предусматривались быстрый ответный удар, переход в контрнаступление и разгром противника.

Замыслы Гитлера разгадать не удалось. Заметим, что заговорил он об организации «восточного похода» в июне 1940 года, во время посещения штаба группы армий «А», а 21 июля фюрер сообщил командующим видами вооруженных сил о своем намерении «разрешить русскую проблему наступлением» и потребовал представить ему соображения о предстоящей операции. Первые наброски плана «восточного похода» штаб главного командования Сухопутных войск подготовил к концу июля. Основной идеей замысла являлся разгром Советского Союза одним

158 Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 100.

159 См.: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. М., 1995. С. 63.

сокрушительным ударом. В качестве важнейшего фактора маскировки намечаемого похода должен был стать план «Зеелеве» — десантная операция на Британских островах. В июле германское руководство приступило к осуществлению программы «Отто», предусматривавшей расширение пропускной способности железных и шоссейных дорог, идущих из Германии к западной границе СССР. 9 августа была утверждена директива Верховного главнокомандования о переброске на территорию Польши и Восточной Пруссии более 30 дивизий, ряда корпусных управлений и штаба 18-й армии.

С августа немецкие ВВС начали систематические массированные бомбардировки Лондона и других английских городов, продолжавшиеся в течение 10 месяцев (так называемая «битва за Англию»), Одновременно разворачивалась и война на море («битва за Атлантику») в целях нарушить снабжение Британских островов и принудить Великобританию просить мира.

С сентября 1940 года германские войска стали сосредоточиваться в Румынии, в том же месяце они появились и в Финляндии. 27 сентября в Берлине Германия, Италия и Япония подписали тройственный пакт. 13 октября министр иностранных дел Германии Риббентроп предложил Сталину принять участие в разделе сфер влияния. Совещание по этому вопросу с участием Молотова состоялось в ноябре в Берлине, но из-за выдвижения взаимонеприемлемых условий успеха оно не имело. После провала переговоров руководство нацистской Германии ускорило подготовку к «восточному походу», начало которого было первоначально намечено на 1 мая 1941 года.

18 декабря 1940 года А. Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием «Вариант „Барбаросса“» («Barbarossa Fall») на развертывание военных действий против Советского Союза. Цели ставились недвусмысленные: «уничтожить жизненную силу России», ликвидировать социалистическое государство, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов рейха. Поражение Советскому Союзу предполагалось нанести в ходе молниеносной войны — «блицкриг» — еще до того, как будет закончена война против Англии. Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки советских войск. При этом основные силы Красной Армии намечалось уничтожить западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода в глубь страны. В дальнейшем планировалось овладеть главными стратегическими объектами — Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом, Донбассом и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань. «Конечная цель кампании — создание заградительного барьера против азиатской России по линии Волга, Астрахань».

Увы, данными о планах вероятных противников Генштаб не располагал ни в сентябре 1940 года, когда готовился доклад о стратегическом развертывании Вооруженных Сил СССР, ни позднее, когда проводились совещание высшего командного состава РККА и крупнейшие оперативно-стратегические игры на картах. Наиболее серьезной реальной информацией о нависшей угрозе было телеграфное донесение из Берлина, полученное Главным разведывательным

управлением Генштаба 29 декабря:

«Источник... сообщил, что от высокоинформированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений. Военный атташе».[160]

Таким образом, основой заданий оперативно-стратегических игр, проведенных под руководством наркома обороны С.К.Тимошенко, стали соображения, изложенные в докладе от 18 сентября, в то время как истинные намерения будущих противников предполагали иной сценарий военных действий. В то же время Жуков, исполнявший во время игр руководящие роли, отмечает серьезную и вдумчивую подготовку Генштаба к этому мероприятию: во всех материалах игр были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

В ходе первой игры в течение 2–6 января «восточными» (Северо-Западный фронт) командовал генерал Д.Г.Павлов (в то время — командующий войсками Западного Особого военного округа), а «западными» (Северо-Восточный фронт вероятного противника в войне) — Г.К.Жуков. По условиям игры «западные» в союзе с «северо-западными», «северными» и «юго-западными» выступили против «восточных». Они упредили «восточных» в развертывании и 15 июля 1941 года начали наступление. Почему наступление условного противника началось именно 15 июля? Этот срок советское руководство считало наиболее вероятным началом нападения Германии на СССР.

Главный удар «западные», имея значительное преимущество в силах и средствах, нанесли южнее Бреста в направлении Владимир-Волынский, Тарнополь. К северу от Демблина до Балтийского моря «западные», объединенные в Восточный и Северо-Восточный фронты, в интересах главного удара перешли в наступление с задачей разгромить беостокско-волковысскую и каунасскую группировки «восточных» и к исходу условной даты, 15 августа, выйти на линию Барановичи, Двинск, Рига.

Войска Северо-Восточного фронта «западных», перейдя государственную границу, продвинулись вглубь на 70–120 километров, но под контрударами «восточных» начали отход на заранее подготовленный к обороне рубеж, имея задачей до подхода резервов сдержать наступление «восточных». В свою очередь Северо-Западный фронт «восточных», отразив наступление «западных», вышел к линии государственной границы и получил задачу: разгромить «западных» в Восточной Пруссии. Справа от него Северный фронт должен был перейти в наступление с целью разгрома войск, безуспешно наступавших на Ленинград. Слева Западный фронт, обеспечивая операцию Северо-Западного фронта наступлением на Варшаву, должен был выйти на реку Висла.

Оценив обстановку, Жуков, прочно опираясь на укрепленные районы и рубежи Восточной Пруссии и не допуская вторжения противника на территорию «западных», решил продолжать сосредоточение подходящих резервов и одновременно наносить короткие удары с целью истощения противника, а затем перейти в общее наступление и выйти на линию Минск, Двинск, Рига.

---

160 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 36.

Учитывая, что фронт «восточных» приобрел общее превосходство над «западными», Павлов принял решение разгромить их до подхода резервов противника. Поначалу атакующие удары «восточных» возымели успех, но затем ситуация изменилась. Подтянув резервы, Жуков сформировал крупную группировку войск и мощным ударом прорвал фронт «восточных». Одновременно контрударом были разгромлены силы «восточных», переправившиеся через Западный Буг, а затем была окружена и уничтожена еще одна крупная группировка противника. Еще около 20 стрелковых дивизий и четыре танковые бригады «восточных» к моменту окончания первой игры оказались под угрозой полного окружения и разгрома.

В ходе второй игры роль Жукова изменилась — теперь он командовал Юго-Западным фронтом «восточных». По условиям второй игры на стороне «западных» действовали теперь два фронта — Южный и Юго-Восточный. Войска Южного фронта возглавлял Ф.И.Кузнецов (командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа), Юго-Восточного — Д.Г.Павлов. По легенде игры «западные» в союзе с «юго-западными» и «южными» начали войну против «восточных», перейдя в наступление двумя упомянутыми фронтами.

И вновь Жуков продемонстрировал недюжинный оперативный талант, стремясь прежде всего бить противника по частям, не допуская соединения его ударных группировок. Умело концентрируя собственные силы, нанося удары в стыки противостоящих соединений, используя ложные маневры, он в конце концов разъединил армии «западных» на отдельные оперативные группы и подготовил внушительный удар стратегического значения.

Игры принесли несомненную пользу его участникам. Военный историк П.Н.Бобылев, детально исследовавший ход этих учений на картах, пишет, что «высший командный состав получил хорошую практику в оценке обстановки и принятии решений в сложных условиях, в планировании и материально-техническом обеспечении фронтовых и армейских операций, в вождении крупных подвижных соединений во взаимодействии с авиацией».[161]

Но начало Великой Отечественной войны показало, что в январе 1941 года оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными «западными», то есть Германией, не намечался. Большинство участников игр руководили в них соединениями безотносительно к тому, какие должности они фактически занимали в начале 1941 года.

Любопытно, что с 29 ноября по 7 декабря 1940 года была проведена военная игра в Генеральном штабе Сухопутных войск Германии под руководством первого оберквартирмейстера генерал-майора Ф. Паулюса. На этой игре проверялись уже конкретные наработки к плану войны с Советским Союзом. На первом этапе разыгрывалось вторжение немецких войск в приграничную полосу СССР, проводилось «обсуждение оперативных возможностей после достижения первой оперативной цели».[162] На втором этапе отрабатывались действия германских войск при

161 Там же. 1993. № 8. С. 33.

162 Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! Frankfurt am Main, 1960. S. 199.

их наступлении до рубежа Минск, Киев, а на третьем — за этим рубежом.[163] Результаты игры были обсуждены 13 декабря с высшим командным составом и учтены в окончательном варианте плана «Барбаросса».

Но… как говорят в народе, не все ли мы сильны «задним» умом, сравнивания стратегические просчеты советского руководства с целеустремленным движением набравшей обороты германской военной машины? Не будем забывать, что в то время военно-политическая и стратегическая инициатива безоговорочно принадлежала Германии, которая чувствовала себя в окружении европейских стран словно кошка среди мышей.

И вполне возможно, что совещание и последовавшие за ним оперативно-стратегические игры высшего командного состава Красной Армии имели более значимые итоги, чем те, о которых толкуют историки. Они дали нам Жукова. Они дали нам полководца, опередившего других в военном мышлении, уловившего и воспринявшего быстрее других необратимые изменения в современной стратегии и оперативном искусстве.

Разбор игр проводил Сталин. На этот раз он был явно не в духе и произнес две-три резкие реплики в адрес докладчика — начальника Генштаба Мерецкова. Тот явно стушевался и начал сбиваться. Сталин был раздосадован неудачей «восточных» в первой игре и объяснением Мерецкова, что «западные» в начале игры имели большое преимущество, особенно в танках и авиации. По воспоминаниям Жукова, Сталин остановил его: «Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск».

Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт. Сделав еще несколько резких замечаний, Сталин спросил: «Кто хочет высказаться?»

Выступил нарком обороны Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры. Затем слово попросил генерал-полковник Д.Г.Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но Сталин прервал его и спросил: «В чем кроются причины неудачных действий войск „красной“ (речь идет о „восточных“. — В.Д.) стороны?» Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка Сталину явно не понравилась, и он заметил: «Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось». Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Павлова, он спросил: «Кто еще хочет высказаться?»

Слово попросил Жуков. Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, он предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов

---

163 См.: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1962. Т. 2. С. 267, 271, 287.

округов и армий Георгий Константинович считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба. Затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии. «По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа, — сказал он. — Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем».[164]

Молотов спросил, что конкретно предлагает Жуков. Он ответил, что нужно было бы строить укрепрайоны где-то глубже, дальше от государственной границы. На это резко возразил Ворошилов, который сказал, что укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны Шапошников. Поскольку началась полемика, Жуков прекратил выступление и сел на место.

Сталин, подводя итоги, отметил: «Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова». После этого Сталин сказал, что все военные свободны. *«Мы вышли в приемную* , — вспоминал Георгий Константинович. — *К.А.Мерецков молчал. Молчал парком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И.В.Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков незаслуженно был обижен. С К.А.Мерецковым я длительное время работы в Белорусском особом военном округе, где он был начальником штаба округа, когда во главе округа стоял командарм 1 ранга И.П.Уборевич. Тот ценил К.А.Мерецкова как трудолюбивого, знающего и опытного работника»* .[165]

Вспоминает сам Мерецков: «Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего командного состава и январской оперативной игры. На все отвели 15–20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н.Ф.Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И.В.Сталин обратился к народному комиссару обороны. С.К.Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал: „Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!“».

Жуков пишет, что о решении назначить его начальником Генштаба

164 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 294.

165 Там же. С. 296.

он узнал от Сталина на следующий день после подведения итогов стратегической игры. Не зная, что ответить, Жуков молчал. По выражению лица Сталина понял, что возражать бесполезно, и, тяжело переведя дух, сказал: «Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй».

По итогам декабрьского совещания высшего комсостава Красной Армии и январских оперативно-стратегических игр был издан приказ наркома обороны СССР «О боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год». Может быть, впервые так просто и четко в нем разъяснялось, что значит обеспечить приближение повседневной учебы к боевой действительности: учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне.[166]

Не сразу приступил Георгий Константинович к исполнению обязанностей начальника Генерального штаба. Ему предстояло сдать дела, передать командование округом. Кроме того, он еще раньше запланировал провести в Киеве сборы командующих армиями, командиров корпусов и дивизий.

Выступая перед участниками сборов, Жуков отметил, что главным потенциальным противником Советского Союза является фашистская Германия, военные успехи которой ошеломили весь мир. Несмотря на то, что немецкая армия на Западе почти не встречала сопротивления, необходимо внимательно изучить ее опыт и сделать соответствующие выводы. «Главную роль в победах фашистской армии сыграли авиация, бронетанковые и моторизованные соединения в их тесном взаимодействии. Это они своими мощными ударами обеспечили стремительность наступления немецких войск. Немецкая армия хорошо оснащена, приобрела солидный боевой опыт. Сражаться с таким противником будет нелегко. Раньше мы считали, что, если придется прорывать вражескую оборону, достаточно будет полуторного, в крайнем случае, двойного превосходства над противником на участке главного удара. На московском совещании одержало верх другое мнение: надо обеспечивать такое превосходство в силах не только на участке главного удара, но и во всей полосе наступления войск фронта».[167]

Георгий Константинович отмечал, что многие командиры продолжают рассматривать современную войну сквозь призму Гражданской войны, цепляются за старые оперативно-тактические нормы, не понимают значения массированного применения новых родов войск — авиации и танков. В то же время он предостерегал от желания затеять полный переворот в военном деле. «Эти товарищи забывают, что любые, даже самые смелые планы должны опираться на реальные возможности. Планируя мероприятия на случай войны, мы не можем исходить из того, чем будет располагать наша армия в будущем. А если война начнется сейчас? Мы должны быть реалистами и строить планы, исходя из тех сил и средств, которыми располагаем сегодня».[168]

После завершения сборов Жуков уехал. «На вокзале его провожали сослуживцы по управлению округа, представители партийных и советских

166 ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920. Д. 1. Л. 42.

167 Цит. по: Баграмян И.Х. Так начиналась война. С. 44.

168 Там же. С. 44–45.

организаций города, — вспоминал Баграмян. — Чувствовалось, что Жуков успел снискать в Киеве глубокое уважение. Он был заметно растроган. С его обычно сурового лица не сходила легкая улыбка».[169]

До войны оставалось меньше пяти месяцев.

Глава VI. Чему подобно промедление

Не случайно говорят: Генштаб — мозг армии. Только приняв 1 февраля 1941 года дела от Мерецкова, Жуков в полной мере осознал, насколько велик круг его новых обязанностей. Что ж, работать напролет дни и ночи ему не привыкать, помогали в этом и природное здоровье, и жесткий режим, и выработанная годами твердая самодисциплина. Но важно не увязнуть в неизбежной повседневной текучке, сохранить главные силы и время на решение принципиальных вопросов, жизненно важных для армии, для страны. Ведь все если не понимали, то чувствовали: война у порога.

Быстро вникал в основные задачи, возложенные на Генштаб: стратегическое и оперативное планирование, материально-техническое обеспечение, разработка заказов промышленности на производство оружия и военной техники, координация деятельности всех управлений Наркомата обороны, руководство разведкой, оперативная подготовка высшего комсостава, организация противовоздушной обороны, военно-топографическая служба, скрытое управление войсками…

Начальнику Генштаба давалось право самостоятельно входить в правительство для решения оборонных задач, и Жукову в новой должности приходилось не раз докладывать Сталину по тем или иным вопросам, связанным с укреплением Вооруженных Сил. Какие же впечатления от этих встреч вынес Георгий Константинович? *«Ни мои предшественники, ни я не имели случая с исчерпывающей полнотой доложить И.В.Сталину о состоянии обороны страны, о наших военных возможностях и о возможностях нашего потенциального врага. И.В.Сталин лишь изредка и кратко выслушивал наркома или начальника Генерального штаба. Не скрою, нам тогда казалось, что в делах войны, обороны И.В.Сталин знает не меньше, а больше нас, разбирается глубже и видит дальше. Когда же пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли. что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств И.В.Сталина было ошибочным* ».[170]

Вот такая, мягко говоря, непонятная реакция вождя на доклады высшего командования. А ведь при этом Сталин и его окружение проявляли недопустимую медлительность по переработке действующего и явно устаревшего плана войны, который совершенно перестал отвечать обстановке. *«Гитлер принимал все меры, чтобы внушить И. В. Сталину мысль о его вполне лояльном отношении к Советскому Союзу, и неоднократно заверял, что Германия никогда не нарушит своих обязательств. И как это ни странно, И. В. Сталин, — считал Жуков, — поверил этим фальшивым заверениям Гитлера. Он полагал, что если мы будем вести крайне осторожную политику и не давать повода немцам к развязыванию войны, будем выполнять взятые на себя торговые и иные*

169 Там же. С. 47.

170 Жуков Г. К Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 329.

обязательства, войны можно избежать или, в крайнем случае, оттянуть ее. Так думало и все сталинское руководство страны» .[171] Во внешнеполитических заявлениях Молотов постоянно подчеркивал дружественный характер отношений с Германией в соответствии с советско-германскими соглашениями. Впрочем, за Пакт о ненападении всерьез никто не цеплялся: обе стороны уже полностью использовали его потенциал в своих интересах.

По указанию Гитлера начальник Генерального штаба Верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал Кейтель подписал 15 февраля специальную «Директиву по дезинформации противника». Чтобы скрыть подготовку к операции по плану «Барбаросса», отделом разведки и контрразведки штаба были разработаны и осуществлены многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Были напечатаны в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики английского языка. Подготавливалось «оцепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии. Распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках распространялись сведения в двух вариантах: в первом — что они идут на отдых перед вторжением в Англию, во втором — что немецкие соединения будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны специальные операции под кодовыми названиями «Акула» и «Гарпун». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза. Как всегда, в работу включились дипломаты.

В связи с решением Гитлера расширить масштабы операции «Марита» (нападение на Грецию) в план операции «Барбаросса» 7 апреля были внесены изменения, предусматривавшие перенесение ее начала на более поздний срок и завершение всех подготовительных мероприятий приблизительно к 22 июня 1941 года.

Советская разведка в феврале 1941 года располагала данными о сосредоточении германских войск у границ СССР. Поступали Сталину и другие сведения. Однако, как заверяет Жуков, до начальника Генерального штаба они не доводились. «*Как начальник Генерального штаба, — пишет он, — принявший этот пост 1 февраля 1941 года, я ни разу не был информирован И. В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично»* .[172] Что это — привычка все анализировать и принимать решения в одиночку, недоверие к окружению, стремление через осведомленность и компетентность выглядеть значимее других? Остается только гадать. Как бы то ни было, Генштаб испытывал информационный голод, а как известно, отсутствие информации при определенных обстоятельствах хуже, чем дезинформация.

В марте 1941 года советский военный атташе в Белграде сообщал, что Германия отказалась от атаки английских островов и ближайшей

171 Там же. С. 343.

172 Там же. С. 362.

задачей поставлен «захват Украины и Баку, которая должна осуществиться в апреле-мае текущего года».[173] О намерении немцев захватить Украину говорилось и в сообщении из Берлина от агента «Корсиканец». 20 марта начальник Главного разведывательного управления генерал Ф.И.Голиков представил руководству доклад, содержавший сведения исключительной важности. В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они отражали наметки действий по плану «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана:

«Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант № 3, по данным… на февраль 1941 года:…для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда;2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая».

По сообщению нашего военного атташе от 14 марта, указывалось далее в докладе, немецкий майор заявил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой…» Наконец, в этом документе со ссылкой на сообщение военного атташе из Берлина указывается, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».[174]

Однако выводы, сделанные Голиковым из приведенных в докладе сведений, по существу обесценивали все их значение и вводили И.В.Сталина в заблуждение:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

Однако об этом докладе руководство Генштаба тоже ничего не знало — он, как и многие другие разведывательные сведения, поступил к Сталину напрямую, минуя наркома обороны и начальника Генштаба. «*И.В.Сталин знал значительно больше, чем военное руководство. Но даже из того, что докладываюсь ему по линии военной разведки,* — как справедливо считает Жуков, — *он мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было, и он, переоценив свои возможности, шел дальше по ложному пути* . Это, естественно, не могло не отражаться на полном анализе обстановки. На 4 апреля 1941 года

173 См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 37.

174 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 364.

общее увеличение немецких войск от Балтийского моря до Словакии, по данным генерала Ф.И.Голикова, составляло 5 пехотных и 6 танковых дивизий. Всего против СССР находилось 72–73 дивизии. К этому количеству следует добавить немецкие войска, расположенные в Румынии, в количестве 9 пехотных и одной моторизованной дивизии».[175]

10 апреля Сталину были доложены агентурные данные о предполагаемом начале военных действий Германии против СССР в конце июня. Г.К.Жуков в 1956 году, готовясь к выступлению на Пленуме ЦК КПСС, отмечал, что И.В.Сталин и председатель Совнаркома В.М.Молотов знали о концентрации немецких войск у советских границ. В качестве примера Георгий Константинович сослался на свое донесение, направленное Молотову:

> «Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолетами за период с 1 по 10.4.1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений границы.
>
> Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся:
>
> а) на границе с Прибалтийским особым военным округом и особенно в районах Либава, Мемель и Ковно;
>
> б) на Львовском направлении на участке госграницы Сокаль, Перемышль.
>
> Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлениях на Гродно, Белосток, Ковель и Луцк, а также на госгранице с Румынией.
>
> Полеты немецких самолетов производились на глубину 90–200 км от госграницы как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование.
>
> Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия.
>
> Начальник Генерального штаба Красной Армии
>
> ***Генерал армии Жуков***
> ***11 апреля 1941 г.***
>
> № 503 727».[176]

Георгий Константинович отмечал, что никаких реальных мер ни по этому донесению, ни по ряду других не последовало. Несмотря на данные разведки о сосредоточении у советских границ около 160 полностью боеготовых дивизий вермахта, о возможном нападении противника 15, 22 или 25 июня 1941 года, советское руководство полагало, что в обстановке, близкой к победоносному завершению войны с Англией, Гитлер не пойдет на гибельную для Германии войну на два фронта. Кроме того, Сталин считал, что английское правительство крайне заинтересовано в том, чтобы спровоцировать войну Германии против СССР. Поэтому он оценил как провокационные меморандум правительства Великобритании от 18 апреля 1941 года (в нем говорилось, что в случае затягивания войны Великобритания может прийти к мысли о ее окончании на германских

175 Там же. С. 341.

176 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 564.

условиях) и доставленное ему 19 апреля письмо У. Черчилля, содержавшее предупреждение об интенсивной подготовке Германии к нападению на СССР.

В феврале 1941 года Генеральный штаб разработал последний вариант мобилизационного плана, получивший наименование МП-41. По нему в случае войны намечалось развернуть 8 фронтов, 29 армий, 15 округов, 62 стрелковых и 29 механизированных корпусов, 196 стрелковых и горнострелковых и 13 кавалерийских дивизий, 8 авиационных и 5 воздушно-десантных корпусов, 94 корпусных артиллерийских полка, 74 артиллерийских полка резерва Главного командования. После утверждения плана Жуков в марте направил в округа директивы с разъяснением порядка разработки и обеспечения плана мобилизации. Срок отработки планов на местах он установил до 1 мая, а затем перенес на 20 июля. К сожалению, округа и войска до начала войны так и не сумели детально отработать весь комплекс стоявших перед ними задач.

К 11 марта 1941 года был подготовлен уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке.[177] По оценке Генштаба, Германия имела развернутыми 225 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий, 20 тысяч полевых орудий, 10 тысяч танков и до 15 тысяч самолетов. Из этого числа у границ СССР были сосредоточены 76 дивизий, в том числе 6 танковых и 7 моторизованных, а в Румынии и Болгарии — около 35 дивизий. При условии окончания войны с Англией предполагалось, что Германия направит против СССР до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных. Всего с учетом войск Финляндии, Румынии и Венгрии могло быть развернуто на западных границах 268 дивизий, 20 050 орудий, 10 810 танков и 11 600 самолетов. На Востоке Япония вместе с Маньчжоу-Го может выставить до 60 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую дивизию, 27 смешанных и 6 кавалерийских бригад, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий, 3000 самолетов.

Но опять-таки, как и ранее в плане стратегического развертывания от 18 сентября 1940 года, отмечалось, что Генштаб не имеет документальных данных об оперативных планах вероятных противников. Поэтому были высказаны во многом уже устоявшиеся предположения: «Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск — Барановичи. Не исключалась возможность выступления Финляндии на северо-западе, румынской армии — на юге. Ожидалось, что Германия развернет: к северу от нижнего течения реки Западный Буг до Балтийского моря — 30–40 пехотных, 3–5 танковых, 2–4 моторизованные дивизии, до 3570 орудий и до 2000 танков; к югу от реки Западный Буг до границы с Венгрией — до 110 пехотных, 14 танковых, 10 моторизованных дивизий, до 11,5 тысячи орудий, 7,5 тысячи танков и большую часть своей авиации. Одновременно допускалась вероятность сосредоточения главных сил германской армии в Восточной Пруссии и на варшавском направлении, чтобы через Литву нанести и развернуть главный удар в

177 См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18–22.

направлении на Ригу или на Ковно, Двинск. Кроме того, предусматривались вспомогательные концентрические удары со стороны Ломжа и Брест с последующим их развитием в направлении Барановичи, Минск.

Стратегическое развертывание Вооруженных Сил предлагалось проводить с учетом вероятности ведения военных действий на два фронта. Основные силы предусматривалось развернуть на Западе и финском фронте: 171 стрелковую, 27 мотострелковых, 54 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады, 253 авиационных полка. Отмечалось, что „развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям“.

Нужно было обладать особым упорством, чтобы убедить Сталина призвать в строй приписной состав стрелковых дивизий, которые необходимо было доукомплектовать по нормам военного времени. С просьбой разрешить призыв Тимошенко и Жуков обратились к Сталину в середине марта. „Сначала наша просьба была отклонена, — вспоминал Жуков. — Нам было сказано, что призыв приписного состава запаса в таких размерах может дать повод немцам спровоцировать войну. Однако в конце марта было решено призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем чтобы довести численность стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек“.[178] Несколькими днями позже Сталин разрешил призвать из приписного состава еще 300 тысяч человек — специалистов для укрепрайонов, артиллерии, инженерных войск, войск связи, противовоздушной обороны и службы тыла военно-воздушных сил.

В марте 1941 года Генеральный штаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны. Жуков вместе со своим заместителем В.Д.Соколовским представил его председателю Комитета обороны при СНК СССР К.Е.Ворошилову. Время шло, а решения не принимались, и тогда Жуков был вынужден доложить лично Сталину об отсутствии промышленного мобилизационного плана. Проект плана было поручено рассмотреть Н.А.Вознесенскому, группе руководителей наркоматов и Госплана, но время все равно оказалось упущенным.

Еще в феврале командующий Западным Особым военным округом генерал армии Павлов направил донесение Сталину, Молотову и Тимошенко, в котором просил выделить значительные средства на проведение работ по шоссейно-грунтовому строительству. Проблема эта имела исключительно важное стратегическое значение. „Считаю, что западный театр военных действий должен быть обязательно подготовлен в течение 1941 года, — писал Павлов, — а поэтому растягивать строительство на несколько лет считаю совершенно невозможным“. Однако к предложениям Павлова отнеслись сдержанно. В конце февраля Тимошенко и Жуков провели совещание сотрудников Генштаба по вопросу состояния железных, шоссейных и фунтовых дорог. Выводы в основном сводились к следующему: сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины находится в плохом состоянии. Многие

---

178 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 307.

мосты не выдерживают веса средних танков и артиллерии, а проселочные дороги требуют капитального ремонта. „Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск, — докладывал генерал Н.Ф.Ватутин. — Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железные дороги немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести". Здесь нарком обороны заметил, что в 1940 году по заданию ЦК ВКП(б) наркомат путей сообщения разработал семилетний план технической реконструкции западных железных Дорог. Однако пока ничего серьезного не сделано, кроме перешивки колеи и элементарных работ по приспособлению железнодорожных сооружений под погрузку и выгрузку войск и вооружения.

Что-то сделать удалось. Но поздно. Совсем скоро то, что собирались строить и восстанавливать в западной части страны, пришлось своими руками взрывать и уничтожать.

В течение весны 1941 года Жуков организовал большую работу по увеличению неприкосновенных запасов всех западных приграничных округов за счет государственных резервов по горючему, продовольствию и вещевому снабжению. Нарком обороны и Генеральный штаб считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Решение правильное. Но никто не ожидал, чем обернется начальный период войны. После быстрого прорыва фронта врагу удалось в короткий срок захватить значительные материально-технические запасы.

Несмотря на огромную занятость, а работать приходилось по 15–16 часов в сутки, Георгий Константинович постоянно обращался к военно-теоретическим вопросам, настойчиво пытался понять, что же ему не дает покоя в тех стратегических идеях, которые укрепились среди высшего командного состава. „Военная стратегия в предвоенный период строилась равным образом на утверждении, — писал он позднее, — что только наступательными действиями можно разгромить агрессора *и что оборона будет играть сугубо вспомогательную роль, обеспечивая наступательным группировкам достижение поставленных целей. Не соответствовал требованием современной войны в ряде случаев и метод обучения войск. Принимая участие во многих полевых учениях, на маневрах и оперативно-стратегических играх, я не помню случая, чтобы наступающая сторона ставилась в тяжелые условия и не достигала бы поставленной цели. Когда же по ходу действия наступление не выполняло своей задачи, руководство учением обычно прибегало к искусственным мерам, облегчающим выполнение задачи наступающей стороны. Короче говоря, наши войска не всегда обучались тому, с чем им пришлось встретиться в тяжелые первые дни войны. Что касается других способов и форм ведения вооруженной борьбы, то ими просто пренебрегали, особенно в оперативно-стратегических масштабах* ".[179]

179 Там же. С. 323.

Столь же мало внимания, как и обороне, уделялось встречным сражениям, отступательным действиям и сражениям в условиях окружения. А между тем именно эти виды боевых действий в начальном периоде войны развернулись очень широко и приняли самый ожесточенный характер.

„Иначе говоря, наши войска должным образом не обучались ведению войны в тяжелых условиях, а если и обучались, то только в тактических масштабах , — отмечал Жуков. — *Это была серьезная ошибка в обучении и воспитании войск, за которую пришлось расплачиваться большими жертвами. Ибо опыт ряда войн показывает, что та армия, которая недостаточно обучается ведению операций в тяжелых и сложных условиях, неизбежно будет нести большие потери и вынуждена переучиваться в ходе самой войны. Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода Второй мировой войны на Западе. А опыт этот был уже налицо, и он даже обсуждался на совещании высшего командного состава в декабре 1940 года “*.[180]

Очевидно, установка наркома обороны по итогам декабрьского совещания — „учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне“ — осталась лишь благим намерением.

В обороноспособности, боеготовности армии зияли бреши. И все же дело было не только, а порой и не столько в медлительности Сталина, доходящей до непростительного консерватизма. Пытался ли кто из высшего государственного и военного руководства в чем-то переубедить его, чтобы изменить ситуацию, переломить ход событий? Думается, что нет. И здесь опять уместно вернуться к мыслям Жукова: *„Теперь, после всего пережитого, критически осмысливая минувшее, можно сказать, что руководство страной ошибочно пренебрегло нашими требованиями неотложных мероприятий, которые следовало провести сразу после войны с Финляндией, а военные руководители в предвоенный период были недостаточно настойчивы перед И. В. Статным в этих вопросах. Кстати сказать, как я убедился во время войны, И.В.Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было бы спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-либо утверждает обратное, прямо скажу — их утверждения не верны“* .[181]

И еще об одном надо сказать. Все причины трагических неудач в начальный период Великой Отечественной войны в последние полтора десятилетия принято связывать с конкретными персоналиями: Сталин, лица (естественно, одиозные) из его окружения, военачальники старой закалки, способные командовать только кавалерией.

В связи с этим хочется воспроизвести эпизод из воспоминаний Жукова, который уже не раз упоминался в изданиях, посвященных маршалу. Имеется в виду известный случай, когда Сталин, в скором времени после вступления Жукова в должность начальника Генштаба, пригласил его с докладом к себе на дачу. Когда Георгий Константинович приехал, там уже были маршалы С.К.Тимошенко, Г.И.Кулик, члены Политбюро М.И.Калинин, В.М.Молотов, Г.М.Маленков. Поздоровавшись,

---

180 Там же. С. 323–324.

181 Там же. С. 329.

Сталин спросил, знаком ли Жуков с реактивными минометами („катюши“). Жуков ответил, что только слышал о них, но не видел. Сталин сказал, что Жукову надо с Тимошенко, Куликом и Аборенковым в ближайшие дни поехать на полигон и посмотреть их стрельбу. А затем спросил, в каком состоянии находятся дела Генерального штаба. Жуков, коротко повторив то, что уже докладывал наркому, сказал, что ввиду сложности военно-политической обстановки необходимо принять срочные меры и вовремя устранить имеющиеся недостатки в обороне западных границ и в Вооруженных Силах.

Выслушав доклад, Сталин пригласил всех обедать и возобновил прерванный разговор. На вопрос, как Жуков оценивает немецкую авиацию, тот ответил: „У немцев неплохая авиация, их летный состав получил хорошую боевую практику взаимодействия с сухопутными войсками, что же касается материальной части, то наши новые истребители и бомбардировщики ничуть не хуже немецких, а пожалуй, и лучше. Жаль только, что их очень мало“. Тимошенко добавил, что особенно не хватает истребительной авиации. На это Маленков бросил реплику: „Семен Константинович больше об оборонительной авиации думает“. Нарком промолчал.

В заключение Сталин сказал, что надо продумать и подработать первоочередные вопросы и внести в правительство для решения. Но при этом следует исходить из реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что пока материально обеспечить невозможно. Вернувшись ночью в Генштаб, Жуков записал все, что говорил Сталин, и наметил вопросы, которые нужно будет решать в первую очередь. Эти предложения были внесены в правительство.

На последние слова Сталина в этой беседе и хочется обратить внимание. Не слишком ли много мы фантазируем по поводу имевшихся в те годы материальных и экономических возможностей страны, оценивая просчеты руководителей?

В начале апреля 1941 года Георгию Константиновичу пришлось сыграть и дипломатическую роль. Накануне Советскому правительству стало известно о секретных переговорах в Берлине министра иностранных дел Японии Иосуке Мацуоки с Риббентропом и представителями высших военных кругов Германии. Через несколько дней Сталин сообщил Жукову, что Мацуока прибудет в Москву и его следует „любезно“ принять, так как тот изъявил желание познакомиться с Жуковым лично. О причинах такого желания догадаться нетрудно: высокопоставленному японскому чиновнику не терпелось увидеть человека, сумевшего на Халхин-Голе нанести сокрушительный удар по отборным частям хваленой Квантунской армии. А если учесть, что бывший командующий русскими в печально памятных для японцев сражениях теперь является одним из руководителей Красной Армии, то тем более стоит посмотреть на него. Встреча состоялась. А вслед за ней японское правительство дало согласие на подписание договора о нейтралитете.

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был подписан 13 апреля 1941 года. Срок его действия определялся на 5 лет. Он предусматривал, что обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой стороны. В специальном пункте оговаривалось, что в случае, если одна из договаривающихся

сторон окажется объектом военных действий со стороны третьих держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет. Советское правительство понимало, что советско-японское соглашение о нейтралитете уменьшает опасность военного нападения Японии на нашу страну и ведения войны на два фронта. Конечно, оно не давало полной гарантии сохранения покоя на Дальнем Востоке, поэтому в ходе Великой Отечественной войны там были сосредоточены значительные силы Красной Армии и Флота.

Решая ежедневно и ежечасно массу вопросов, от которых зависела степень подготовки Вооруженных Сил к возможной войне, Жуков чувствовал, как стремительно летит время, как катастрофически его не хватает. Целая масса проблем возникала со строительством укрепленных районов на новой, отодвинутой к западу границе, с использованием старых УРов. Не хватало УРовской артиллерии — новые долговременные огневые точки оборудовали устаревшими орудиями, перетаскивая их из прежних приграничных укреплений. Латали одни дыры, обнажались другие. Много сил и нервов пришлось отдать тому, чтобы отстоять в спорах на самых верхах сохранность и оборудование дотов и Дзотов, оставшихся в глубине территории. Сказались твердость и верность Жукова выстраданным оперативно-стратегическим принципам построения обороны. А ее глубине и насыщенности, как мы помним, он придавал первоочередное значение.

8 апреля 1941 года Генеральный штаб направил командующим Западным и Киевским Особыми военными округами распоряжение, в котором обязывал провести ряд мероприятий по созданию новых и использованию старых укрепленных районов, в том числе сформировать кадры управлений укрепрайонами. А через несколько дней в приграничные округа была направлена еще одна директива:

„Несмотря на ряд указаний Генерального штаба Красной Армии, монтаж казематного вооружения в долговременные боевые сооружения и приведение сооружений в боевую готовность производится недопустимо медленными темпами . Народный комиссар обороны приказал:

1. Все имеющееся в округе вооружение для укрепленных районов срочно смонтировать в боевые сооружения и последние привести в боевую готовность.
2. При отсутствии специального вооружения установить временно (с простой заделкой) в амбразурные проемы и короба пулеметы на полевых станках и, где возможно, орудия.
3. Приведение сооружений в боевую готовность производить, несмотря на отсутствие остального табельного оборудования сооружений, но при обязательной установке броневых, металлических и решетчатых дверей.
4. Организовать надлежащий уход и сохранность вооружения, установленного в сооружениях.
5. Начальнику Управления оборонительного строительства Красной Армии немедленно отправить в округа технические указания по установке временного вооружения в железобетонные сооружения.

О принятых мерах донести к 25.4.41 в Генеральный штаб Красной Армии.

Начальник Генштаба Красной Армии генерал армии — Г. Жуков верно: Начальник отдела укрепрайонов Генштаба Красной Армии

генерал-майор — С. Ширяев“.[182]

По указанию Жукова в соответствии с уточненным планом стратегического развертывания А.М.Василевский подготовил 10 апреля директиву по оперативному развертыванию войск приграничных военных округов. В частности, для Западного Особого военного округа указывалось: „Основные задачи: с переходом в наступление ЮЗФ (Юго-Западный фронт. — В.Д.) — ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец — Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла. Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий“.[183] Таким образом, по-прежнему исходили из устоявшейся стратегической аксиомы: а) главная угроза — на юго-западном направлении; б) наносим противнику встречный удар, немедленно переходим в контрнаступление и громим вражеские группировки.

Во второй половине апреля с целью усиления состава западных приграничных военных округов началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования и 4 воздушно-десантных корпусов.26 апреля военные советы Забайкальского и Дальневосточного военных округов получили указание подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса, две воздушно-десантные дивизии — сыграло свою роль заключение Пакта о нейтралитете с Японией. С весны большой размах получили работы по строительству полевых аэродромов и бетонных взлетно-посадочных полос на постоянных аэродромах. Однако из-за нехватки сил и средств завершить намеченное к началу войны не удалось. В результате авиация в отдельных районах базировалась недалеко от границы.

5 мая 1941 года в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное собрание, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии и военные факультеты гражданских вузов. Перед его участниками выступил Сталин. Поздравив выпускников с окончанием учебы, он отметил, что за последние три-четыре года был создана новая армия, вооруженная современной военной техникой, охарактеризовал изменения по отдельным родам и видам войск. Затем Сталин положительно оценил военную мысль германской армии, которая вооружилась новейшей техникой, обучилась новым приемам ведения войны, приобрела большой опыт. Факт, что у Германии лучшая армия и по технике, и по организации. Но немцы напрасно считают, что их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь успеха под лозунгами захватнических, завоевательных войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

На банкете, устроенном после приема выпускников, Сталин в ответ на тост одного из присутствовавших за мирную сталинскую внешнюю политику, сделал поправку: „Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу

182 Там же. С. 335–336.

183 Анфилов В. А. Грозное лето 41-го года. С. 64.

армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная“.

Сталинская речь и тосты на майском приеме (полные их тексты были опубликованы сравнительно недавно[184]) впоследствии породили много суждений. Не будем всерьез воспринимать версию о том, что СССР намеревался напасть на Германию — мы уже хорошо представляем себе и степень боеготовности советских Вооруженных Сил, и решаемые ими на тот момент оперативно-стратегические задачи, и экономический потенциал, и военно-политическое положение страны, чтобы оценить нелепость подобных утверждений.

Наиболее взвешенной выглядит точка зрения британского журналиста А. Верта. Она сводится к тому, что Сталин якобы предупреждал военных „академиков“: Германия „в недалеком будущем“ сможет напасть на СССР. Однако Красная Армия еще недостаточно готова, чтобы справиться с германской армией, а потому необходимо всеми средствами оттягивать ее нападение на Советский Союз.[185]

Другие, например, профессор Рурского университета Б. Бонвеч, считают, что Сталин хотел подготовить страну и армию к тому, чтобы перехватить у вермахта военную инициативу. Это могло выразиться „в виде ограниченного превентивного удара, как это предусматривалось планом развертывания войск от 15 мая 1941 г.“, но речь могла идти и о других альтернативах.[186]

В тот день, когда Сталин выступал на приеме в честь выпускников военных академий, начальник Главного разведывательного управления генерал Голиков подписал следующее сообщение:

„Общее количество немецких войск против СССР на 5 мая достигает 103–107 дивизий, включая шесть дивизий, находящихся в районе Данциг и Познань. Из этого количества дивизий в Восточной Пруссии — 23–24 дивизии; против ЗапОВО — 29 дивизий; против КОВО — 31–34 дивизии; в Прикарпатской Украине — 4 дивизии; в Молдавии и Северной Добрудже — 10–11 дивизий. (Ряд поступивших сведений о наличии в одной лишь Молдавии 18 немецких дивизий не имеет должного подтверждения и требует проверки.)

В самом составе сосредоточенных против СССР сил обращает на себя внимание усиление танковых войск с 9 дивизий на 25 апреля до 12 дивизий на 5 мая; моторизованных, включая и мотокавдивизию, с 7 дивизий на 25 апреля до 8 дивизий на 5 мая; горных — с 2 дивизий на 25

184 См.: Сталин И. В. "Современная армия — армия наступательная". Выступления И.В.Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. А. А. Печенкин // Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31

185 См.: Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: 1965. Вып. I: Прелюдия войны: От начала вторжения до битвы за Москву. Ленинградская эпопея. С. 138–139.

186 См.: Невежин В. А. Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 261.

апреля до 5 дивизий на 5 мая.

В подготовке театра военных действий усиленно осуществляется строительство всех видов. Строятся вторые железнодорожные линии стратегических путей в Словакии, Протекторате, Румынии, особенно ведущие с востока на запад.

Ведется усиленное строительство складов огнеприпасов, горючего и других видов военного обеспечения.

Расширяется сеть аэродромов и посадочных площадок.

Кроме того, по всей границе, начиная от Балтийского моря до Венгрии, идет выселение с приграничной зоны населения.

Румынское правительство отдало секретное распоряжение об эвакуации из Молдавии учреждений и ценностей, что фактически уже осуществляется. Нефтепромышленные компании получили приказ о сооружении бетонных стен вокруг резервуаров с горючим.

Проводятся усиленно учения по ПВО городов, строительство бомбоубежищ и опытные мобилизации.

Производятся усиленные рекогносцировки немецкими офицерами нашей границы.

Из Вены донесено о призыве запасных офицеров, знающих Галицию и Польшу.

За счет освобождающихся сил из Югославии создается резервная группа главного командования на территории Чехии и Моравии, тем самым восстанавливается группировка, находившаяся там до начала войны с Югославией, общей численностью до 10 дивизий.

Выводы:

1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 До 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 Дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий.

2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе Протектората и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северонорвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем.

4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке“.[187]

6 мая 1941 года И.В.Сталин получает докладную записку наркома ВМФ адмирала Н.Г.Кузнецова:

„Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:

Советско-подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах.

---

187 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 39.

Попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т. к. Бозер от этого уклонился. Работа с ним и проверка сведений продолжаются.

Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР“.[188]

По мнению Жукова, не вполне достоверную информацию представлял в Москву посол СССР в Германии Деканозов. Он не только направлял Сталину сведения об отсутствии угрозы нападения, но накануне войны разрешил приехать в Берлин семьям многих сотрудников полпредства и торгпредства, которые в ночь на 22 июня были арестованы и отправлены в гестапо. Трудно судить, справедливо или нет в этом случае утверждение Георгия Константиновича, но вот нарком внутренних дел Берия писал Сталину накануне войны следующее: „…Я вновь настаиваю на отзыве нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня „дезой“ о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это „нападение“ начнется завтра… Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет“.

8 мая 1941 года ТАСС опровергло слухи о сосредоточении советских войск на западных границах. На следующий день СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии, а 12 мая признал прогерманский режим в Ираке.

В эти дни на вопрос Жукова о том, можно ли верить официальной пропаганде Германии, тому, что такая масса войск готовится под нашим носом для нападения на Англию, Голиков не совсем уверенно ответил: „Трудно в это поверить… Но товарищ Сталин так считает“. Отпустив Голикова, Жуков вызвал к себе Ватутина и Василевского. Когда генералы вошли в кабинет, он подвел их к карте, лежавшей на огромном столе, и сказал: „Вот последние данные о концентрации немецких войск. Становится очевидным, что эти силы сосредоточиваются у границ для ведения боевых действий против нас. Исходя из этого, необходимо ускорить реализацию нашего плана стратегического развертывания, подготовить новые предложения правительству для принятия решительных контрмер“.

Георгий Константинович, исходя из требований уставов атаковать противника, где бы он ни находился, намеревался вместе с наркомом обороны выйти в ЦК ВКП(б) и СНК с предложением о нанесении упреждающего удара. А.М.Василевскому было поручено разработать проект „Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками“.

13 мая Генеральный штаб направил директиву округам о начале выдвижения войск на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21-я армия; из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви — 19-я армия; из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины — 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки — 16-я армия. Всего в мае перебрасывалось из

---

188 Там же.

внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. Однако дивизии насчитывали в своем составе по 8–9 тысяч человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

14 мая нарком обороны распорядился осуществить досрочный выпуск курсантов военных училищ и немедленно отправить их в войска. Командующим войсками приграничных военных округов были направлены директивы, в которых требовалось „с целью прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск“ разработать детальные планы обороны государственной границы, противодесантной и противовоздушной обороны.[189] Западный Особый военный округ должен был разработать эти планы к 20 мая, Ленинградский и Киевский Особый — к 25 мая, Прибалтийский Особый — к 30 мая. В качестве задач обороны ставилось: не допустить вторжения наземного и воздушного противника, высадки его воздушных и морских десантов; прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание своих войск. Никаких задач наступательного порядка войскам западных приграничных военных округов не предписывалось. Вместо них предусматривалась оборона на всю оперативную глубину, в стратегическом масштабе — вплоть до дальних подступов к Москве. В директивах содержались указания по эвакуации, минированию и подрыву некоторых важных объектов.

Нельзя не согласиться с теми историками, которые считают, что предписанные директивами наркома обороны меры опровергают утверждения о том, что „Советский Союз настойчиво готовился к вооруженной агрессии против Германии“.[190] Это подтверждает и анализ оперативных планов прикрытия западных приграничных военных округов, которыми категорически запрещался не только упреждающий удар, но даже переход государственной границы без разрешения Главного командования.

15 мая Василевский завершил порученную ему Жуковым разработку уточненного варианта „Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза“. Документ был написан от руки, адресован Сталину и не подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. Несмотря на это, в научно-исторической печати есть мнение, что его следует „именовать планом Жукова, ибо именно в функции Жукова входило военное планирование“.[191] Главное и новое в этих соображениях — идея упреждающего удара. В документе указывалось, что Германия держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами и имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. „Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии

---

189 См.: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 5. С. 2–15; № 6. С. 2–7.

190 См.: Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 4.

191 Безыменский Л.А. О "плане Жукова" от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 60.

развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск".

Сталин не только отклонил предложение об упреждающем ударе, но и ответил категорическим отказом на просьбы Тимошенко и Жукова разрешить привести в боевую готовность войска приграничных округов, обвинив их в стремлении спровоцировать Германию на нападение, дать Гитлеру повод для агрессии.

Позже Тимошенко рассказал об этом эпизоде генералу армии Н.Г.Лященко: Сталин „подошел к Жукову и начал на него орать: „Вы что, нас пугать пришли войной или хотите войны, вам мало наград или званий?" Жуков потерял самообладание и его отвели в другую комнату. Сталин вернулся к столу и грубо сказал: „Это все Тимошенко, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку еще с гражданской войны". Тимошенко ответил: „Вы же сказали всем, что война неизбежна, на встрече с выпускниками академий". Сталин, обращаясь к членам Политбюро, отреагировал следующим образом: „Вот видите, Тимошенко здоровый и голова большая. А мозги, видимо, маленькие... Это я сказал для народа, надо их бдительность поднять, а вам надо понимать, что Германия никогда не пойдет одна воевать с Россией. Это вы должны понимать". Он ушел, но вскоре вернулся и произнес: „Если Вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду"".[192]

16 мая Сталин приказал своему секретарю А.Н.Поскребышеву вызвать Г.К.Жукова. „Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил передать мне, — вспоминал Георгий Константинович, — чтобы я впредь такие записки „для прокурора" больше не писал: что председатель Совнаркома более осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени, чтобы подготовиться к решающей схватке с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти".[193]

Проект плана от 15 мая 1941 года некоторые исследователи склонны оценивать как „агрессивный". Большинство же, например М.А.Гареев, отрицают это, тем более что план не был утвержден и отсутствовало политическое решение относительно превентивной войны против Германии.[194] Существует и такая точка зрения: возьми тогда верх идея упреждающего удара, может и удалось бы избежать столько жертв в начале войны. Вряд ли в этом случае стоит рассуждать о возможном политическом ущербе, как делают некоторые авторы, — он при всех вероятных обстоятельствах был бы несопоставим с теми утратами, которые мы понесли. Впрочем, не будем забывать золотое правило: история не терпит сослагательного наклонения.

Точку в этой истории ставит сам Жуков. В беседе с военным историком В.А.Анфиловым он заметил: „Хорошо, что Сталин не согласился с нами. Иначе мы получили бы нечто, подобное Харькову в

192 Там же. С. 61–62.

193 Цит. по: Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск, 1992. С. 57–58.

194 См.: Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 274.

1942 году“. Из этого самокритичного высказывания можно сделать вывод, что, выдвигая в целом здравую идею упреждающего удара, Жуков, во-первых, не представлял в полной мере высочайшую степень готовности германских войск к войне против СССР, а во-вторых, не ожидал, что война будет развернута столь внезапно.

В конце мая состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было обсуждено состояние подготовки страны к обороне. Доклад по этому вопросу было поручено сделать Жукову. Его выступление позволяет представить полную картину состояния дел в Вооруженных Силах за три с небольшим недели до начала войны.

Прежде всего он подчеркнул неотложность проведения в стране всеобщей мобилизации, обосновав это тревожными цифрами: из 170 дивизий и 2 бригад в приграничных округах 19 дивизий имеют численность 5–6 тысяч человек (штат военного времени — 14,5 тысячи), 7 кавалерийских дивизий — в среднем по 6 тысяч, 144 дивизии насчитывают по 8–9 тысяч человек. Во внутренних округах большинство дивизий содержится по сокращенным штатам, многие же стрелковые дивизии только начали формироваться.

Крайне медленными темпами идет вооружение войск танками „КВ“ и Т-34 — они стали поступать только со второй половины 1940 года в основном в бронетанковые училища и в войска приграничных округов. При этом некоторыми танковыми заводами не выполняются планы.

Прекрасно понимая, какие силы в современной войне выполняют главную ударную роль, Жуков заострил внимание на проблеме механизированных соединений: из 20 намеченных к формированию корпусов пока создано всего 9. Для полного укомплектования новых механизированных корпусов требуется 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего — около 32 тысяч танков. Однако пришлось констатировать: такого количества машин в течение одного года просто неоткуда взять. Существенно отстает и подготовка кадров для механизированных соединений.

Укомплектована, в основном до штатных норм, войсковая артиллерия приграничных округов, одновременно ведется формирование 27 артиллерийских полков и 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования. В то же время „Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 („Катюши“). Необходимо, товарищ Сталин, немедленно принять решение об их срочном серийном производстве. Нужно сделать все возможное, чтобы войска как можно скорее получили это грозное оружие. В существенном ускорении нуждается производство 82-мм и 120-мм минометов. Пока что они поступают в части явно в недостаточном количестве“. В докладе подчеркивалось, что наиболее остро стоит вопрос об обеспечении воинских частей артиллерийскими снарядами и минами, в первую очередь для новейших артиллерийских систем.

В войсках наблюдалась огромная нехватка современных средств связи, фактически отсутствовали мобилизационные и неприкосновенные запасы имущества связи. К примеру, войска Западного Особого военного округа были обеспечены радиостанциями только на 27 процентов, Киевского Особого — на 30, Прибалтийского Особого — на 52. „Необходимы срочные меры, — подчеркивал Георгий Константинович, — чтобы, пока еще не поздно, привести телефонно-телеграфную сеть, радио- и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок. Без хорошо

налаженной связи вооруженные силы успешно воевать не смогут".

Важнейшая проблема — строительство укрепленных рубежей вдоль государственной границы, состояние шоссейных и грунтовых дорог, железнодорожных линий. К концу мая 1941 года на западной границе построено 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 вооружены УРовской артиллерией, а остальные 1500 — только пулеметами. „Строительство укрепленных районов не завершено, и с этой стороны новая граница крайне уязвима, — заявил Жуков. — В связи с этим считаю своим долгом заявить, что предпринятое по предложениям товарищей Кулика, Шапошникова и Жданова разоружение укрепленных районов на старой нашей границе явно ошибочно. Они еще могут пригодиться".

Здесь Сталин прервал Жукова: „Вы что же, считаете, что мы будем отступать до старой границы?" А Ворошилов добавил: „Товарищ Жуков здесь явно переоценивает будущего противника и недооценивает наши силы". На что Жуков ответил: „На войне все бывает, товарищ Сталин. Я же привык всегда готовиться к худшему. Тогда не бывает неожиданностей. Что же касается замечания товарища Ворошилова, то его недооценка противника уже однажды дорого обошлась нашим вооруженным силам во время финской кампании".

Сталин обещал подумать над тем, стоит ли разоружать старые укрепленные районы, чтобы снятым с них вооружением оснастить укрепленные районы на новой границе. Вспоминая об этом уже после войны, Жуков писал: „Но тут случился казус, разоружить-то до начала войны часть УРов успели, а вот поставить это вооружение на новых УРах уже не хватило времени".

Особую озабоченность вызывала боеготовность Военно-Воздушных Сил. С 1 января 1939 года по конец мая 1941 года авиационная промышленность выпустила 17 745 боевых самолетов, из них 3719 — новых типов. Однако примерно 75–80 процентов общего числа машин по своим летно-техническим данным уступают однотипным немецким самолетам. Новыми самолетами оснащено всего около 21 процента авиационных частей. Одновременно начато формирование 25 новых авиационных дивизий, а также 5 воздушно-десантных корпусов, для которых не хватает боевой техники. „В целом, наши военно-воздушные силы находятся в стадии реорганизации, перехода на новую материальную часть и переучивания летно-технического состава. Через год-полтора наша авиация может предстать в совершенно обновленном, мощном, боевом виде".

Отметив недостаточную оснащенность войск противовоздушной обороны, Жуков охарактеризовал состояние Военно-Морского Флота: в его составе к концу мая 1941 года имелось более 600 боевых кораблей, в том числе 3 линкора, 7 крейсеров, 49 эсминцев, 218 подводных лодок, а также 2529 самолетов. Личный состав подготовлен хорошо, командующие флотами, флотилиями и их штабы готовы к боевым операциям. Среди недостатков главным является отсутствие должного внимания к береговой и противовоздушной обороне, минно-торпедному вооружению.

Здесь следует заметить, что взаимоотношения Жукова и руководства Военно-Морского Флота не складывались. „Наши отношения с первых встреч нельзя было назвать плохими (к этому не было оснований), — вспоминал Адмирал Флота Советского Союза Н.Г.Кузнецов, — но в то же время они не стали такими служебно-дружескими, какими мне хотелось бы иметь для пользы более тесного взаимодействия двух военачальников.

Не берусь утверждать, откуда и кем были навеяны Жукову прохладные отношения к флоту и нежелание вникнуть более глубоко в наши морские дела. Ведь он, бесспорно, считал ГШ (Генеральный штаб. — В.Д.) высшим оперативным органом всех Вооруженных Сил, что понимали моряки. Мне думается, в то время сравнительно еще малочисленный по составу флот (пока не реализована большая программа) не вызывал особого интереса у Сталина на случай скорой войны, и это, видимо, слышал и знал Жуков… Однако главное, что формировало мнение Жукова о флоте, мне думается, было его незнание кораблей и специфики флота. Мои попытки ближе познакомить Жукова с флотскими делами и тем самым вызвать у него интерес к этому виду Вооруженных Сил не увенчались успехом. Не получилось это и у И.С.Исакова (начальник Главного морского штаба. — В.Д.)“. А вот что по этому поводу говорил сам Жуков: „Я уже не помню, то ли у названных товарищей со мной „ничего не вышло“, то ли у меня с ними „ничего не получилось“, — это не имеет ровным счетом никакого значения. Но в целях исторической достоверности я должен сказать, что вообще на обсуждение флотских вопросов у И.В.Сталина ни нарком обороны С. К. Тимошенко, ни начальник Генерального штаба не приглашались“.

Возвращаясь к докладу Жукова, приведем еще несколько принципиальных сведений, характеризующих боеготовность Вооруженных Сил. На 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО насчитывалось более 4,2 миллиона человек. Для подготовки квалифицированных командных и политических кадров действовало 19 академий, 10 факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища. „Однако вопрос о командных кадрах вооруженных сил в 1941 году продолжает оставаться острым, — подчеркнул Жуков. — Массовое выдвижение на высшие командные должности молодых командиров снижает на какое-то время боеспособность армии. В связи со значительным увеличением численности наших вооруженных сил ощущается недостаток квалифицированного командного состава, специалистов-танкистов, артиллеристов и летно-технического состава“.

В качестве позитивного момента было отмечено, что „созданы стратегические запасы горюче-смазочных материалов, продовольствия, обмундирования, которых, в случае войны, хватит на несколько лет“.

В завершение начальник Генштаба подчеркнул, что „современный период в развитии наших вооруженных сил — это период коренных военных реформ, поиск новых способов наиболее эффективного использования боевой техники, улучшения всей системы боевой подготовки войск, выработки советской военной доктрины“. Учащимся военных академий прививается мысль, что войны в нынешнюю эпоху не объявляются, что агрессор стремится иметь на своей стороне все преимущества внезапного нападения, поэтому каждая воинская часть должна быть готова в любую минуту к отражению нападения. „Военная стратегия строится главным образом на правильном утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора. К сожалению, другие варианты борьбы — встречные сражения, вынужденные отступательные действия, бои в условиях окружения (если брать, конечно, не отдельные работы, а направление в преподавании военных дисциплин) — рассматриваются недостаточно основательно“.

После того как Жуков закончил свое выступление, нарком

иностранных дел Молотов спросил: „Непонятно, почему Генеральный штаб долго мирился с такими большими недостатками в подготовке к обороне страны, о которых нам сегодня доложил Жуков?“ Сталин реагировал на это быстро и справедливо: „Жуков — начальник Генерального штаба всего несколько месяцев. Он не может отвечать за оставленное ему наследство. Этот вопрос, пожалуй, следует прежде всего задать нам с тобой“. Жуков, получив неожиданную поддержку со стороны Сталина, сказал: „За пять последних лет сменились четыре начальника Генерального штаба. Столь частая смена руководства Генштаба не давала возможности во всей полноте освоить вопросы обороны страны и глубоко обдумать все аспекты предстоящей войны“.

Желающих задавать вопросы Жукову больше не оказалось, а в заключительном слове Сталин поддержал практически все его принципиальные выводы:

„…Товарищ Жуков прав: часть наших беззаветно преданных Родине командных кадров — люди молодые, недавно выдвинутые на командные должности, не имеющие достаточного военного опыта…

Товарищ Жуков прав: нельзя полностью разоружать укрепленные районы на старой границе. Думаю, что там целесообразно сохранить на разоружаемых участках не только пулеметы, но и часть артиллерийского вооружения.

Отвечающим за авиацию всемерно ускорить поступление в авиационные части новой техники. Докладывать мне об этом еженедельно. Я понимаю объективные трудности в этом деле. Но положение, когда мы успели перевооружить новыми самолетами не более 21 процента авиационных частей, далее терпимо быть не может.

Что касается войск противовоздушной обороны, то здесь первоочередная задача — организовать надежное прикрытие наших промышленных центров, не дать противнику, в случае войны, уничтожить наш экономический потенциал.

О том, как ведется работа в этом направлении, наркому обороны с начальником Генерального штаба докладывать мне еженедельно…

Товарищ Кузнецов, скорейшее усиление береговой и противовоздушной обороны, устранение недостатков в минно-торпедном вооружении — под Вашу личную ответственность…

Товарищ Малышев (нарком среднего машиностроения. — В.Д.), следует обратить особое внимание на создание (условий) для более быстрого развития промышленности на Урале и на Востоке. Надо скорее завершать там строительство машиностроительных, нефтеперерабатывающих и химических заводов-дублеров и наладить бесперебойную работу металлургических заводов в Забайкалье и на Амуре, предприятий цветной металлургии в Средней Азии. Не забывайте, что здесь сооружается три четверти всех новых доменных печей, а между Волгой и Уралом — наша вторая нефтяная база. Особое внимание обратите в созданных новых промышленных районах на работу гидростанций, автосборочных заводов, трубопрокатных предприятий и алюминиевых комбинатов…

Надо продумать и подработать первоочередные конкретные предложения по устранению недостатков в подготовке страны к обороне и внести их в правительство для решения. Письменные предложения по этим вопросам представить мне через три дня. Только прошу исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы

пока материально обеспечить не можем.

Товарищи, командующие транспортом, руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов, электропромышленности и других отраслей народного хозяйства, имеющих оборонное значение, должны извлечь уроки из сегодняшней критики и коренным образом улучшить свою работу. В противном случае они будут сняты с занимаемых постов. Все свободны“.[195]

Доклад Жукова на Политбюро показал, что всего лишь за четыре месяца он в полной мере освоил общегосударственные масштабы мышления, необходимые истинному полководцу. Последовательность и упорство, с какими Георгий Константинович отстаивал свои убеждения, позволили в конечном счете форсировать решение многих первостепенных проблем обороны страны. В их числе: проведение мобилизаций, повышение боеготовности оборонительных сооружений укрепрайонов, формирование механизированных корпусов и целый ряд других. Жукова совершенно не смущает жесткая постановка вопросов перед людьми, одни имена которых приводили в трепет окружающих. Он не дипломат, он — солдат. И как для солдата, защищающего Родину, для него не существует проблемы критики, невзирая на лица. Он отметает, словно шелуху, все хитросплетения и условности отношений в высших кругах — солдату в бою не до этого.

Вспоминая о майском совещании в Политбюро, Жуков отмечал, что не все указания Сталина были своевременно выполнены. „Н.А.Вознесенский и другие товарищи нашли наши требования слишком завышенными и доложили И. В. Сталину, что заявку на 1941 год следует удовлетворить максимум на 20 процентов. Эти предложения были утверждены. Однако после повторных докладов И.В.Сталин распорядился издать специальное постановление о производстве значительно большего количества боеприпасов во второй половине 1941-го — начале 1942 года“.[196] Кроме того, в конце мая Генеральный штаб дал указание командующим войсками военных округов срочно приступить к подготовке командных пунктов. 4 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить численность Красной Армии по мирному времени на 120 695 человек и по военному времени на 239 566 человек.

Тем временем по линии разведки тревожных сообщений поступало все больше. 29 мая Главное разведывательное управление РККА получило телеграфное донесение военного атташе из Бухареста, в котором он характеризует господствующие настроения: „...Война против СССР вообще не представляет проблемы с военной точки зрения. В два-три месяца немецкие войска будут стоять на Урале. Механизированная русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита наголову в кратчайший срок, так как Красная Армия со своим устаревшим броневым оружием и устаревшей авиацией не будет в состоянии устоять перед наступающим и превосходящим количественно немецким оружием, которое далеко ее превосходит. В немецких посвященных кругах нет ни одного человека, который имел хотя бы малейшее сомнение в немедленной победе над

195 Цит по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 549–550.

196 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 337.

СССР“.[197]

Руководство вермахта, не опасаясь серьезных действий со стороны западных противников и не сомневаясь в своей быстрой победе над Советским Союзом, сосредоточило свои главные силы на всем протяжении от Балтийского до Черного моря. По оценкам Жукова, „к июню 1941 года Германия довела общую численность войск до 8 миллионов 500 тысяч человек, увеличив ее с 1940 года на 3 миллиона 550 тысяч человек, то есть до 214 дивизий. У нас к июню с учетом призыва дополнительных контингентов в вооруженных силах было свыше 5 миллионов человек. Наиболее массовые перевозки войск на восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 года. К этому времени железные дороги немцами были переведены на график максимального движения. Всего с 25 мая до середины июня было переброшено ближе к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных. Гитлер считал, что настал выгодный момент для нападения на Советский Союз“.[198]

А оборонная инициатива советского военного руководства по-прежнему сковывалась позицией Сталина. Так, в начале июня Военный совет Киевского Особого военного округа по предложению М.П.Кирпоноса принял очень нужное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там дерево-земляных огневых точек. Об этом приказе начальник пограничных войск НКВД Украины Строкач донес Берии, который немедленно передал полученную информацию Сталину. Жукову и Тимошенко был учинен настоящий разнос. Предупредив их об ответственности за последствия, Сталин категорически запретил производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи без его личного указания. Жуков вынужден телеграфировать Кирпоносу: „Донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение“.[199] На следующий день Жуков предписал всем командующим западными приграничными военными округами „полосу предполья без особого на то приказания полевыми и УРовскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья организовать службой часовых и патрулированием“.[200] Командующие войсками приграничных округов М.П.Кирпонос, Д.Г.Павлов и Ф.И.Кузнецов по указанию Сталина были вызваны в Москву, где получили от Тимошенко и Жукова строжайшие указания о бдительности и недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с советскими войсками.

Отнюдь не на все донесения разведки Сталин реагировал

---

197 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 40.

198 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 342.

199 Цит. по: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 97.

200 Там же.

скептически. Так, полученные 12 июня сведения из Берлина настолько встревожили его, что Жуков получил возможность в тот же день направить директиву командующим войсками приграничных военных округов с указанием с 12 по 15 июня вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе. Командующий Киевским Особым военным округом генерал Кирпонос приказал стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, начать выдвижение в полном составе, но без мобилизационных запасов в 20 часов 18 июня. В Западном Особом военном округе командиры стрелковых корпусов и дивизий получили устные распоряжения на выдвижение из глубины ближе к границе. 13 июня Жуков и Тимошенко попросили разрешения у Сталина привести войска приграничных округов в полную боевую готовность и развернуть первые эшелоны по плану прикрытия. Сталин обещал подумать.

С середины июня в некоторых соединениях были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, началось строительство командных пунктов. В войсках велась отработка „Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге“. Командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Ф.И.Кузнецов 15 июня потребовал максимально повысить боеготовность частей и рассредоточить авиацию. Согласно этому приказу командиры стрелковых дивизий должны были разработать планы обороны своей полосы, а заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем производить с таким расчетом, чтобы минное поле по особому приказу в случае необходимости могло быть установлено в течение трех часов. Одновременно приказывалось тщательно проработать план противовоздушной обороны, замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Все эти мероприятия предписывалось выполнить к 25 июня. Позднее, 18 июня, были подняты по тревоге и приведены в полную боевую готовность штабы армий и соединений, а дивизии, расположенные в глубине территории округа и в приграничной зоне в ночь на 19 июня начали выдвижение к границе. При этом все самолеты оставались на постоянных аэродромах, причем свыше 40 процентов авиаполков базировалось по два на одном аэродроме, а меры по их маскировке не были приняты.

14 июня в „Правде“ публикуется сообщение ТАСС, в котором объявлялось, что все слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении и совершить нападение на Советский Союз лишены основания. К великому сожалению, оно только дезориентировало командиров Красной Армии и притупляло их бдительность. Все эти просчеты в оценке международной обстановки и заигрывание с нацистской Германией роковым образом обернулись против Советского Союза.

Едва ли не ежедневно Жуков и Тимошенко атаковали Сталина просьбами о необходимости приведения войск в полную боевую готовность. 15 июня при очередном их докладе Сталин ответил: „С Германией у нас договор о ненападении. Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взятые“.

С. К. Тимошенко попробовал возразить: „Ну а если это все-таки

случится? В случае нападения мы не имеем на границах достаточных сил даже для прикрытия. Мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких войск, ведь вам известно, что переброска войск к нашим западным границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена“.

„Вы что же, — возмутился Сталин, — предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?“

Когда Жуков доложил о количестве войск, расположенных в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах, Сталин сказал: „Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск“. Жуков доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Советские же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких. Но Сталин опять вспылил: „Не во всем можно верить разведке…“

17 июня нарком государственной безопасности СССР В.Н.Меркулов направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР сообщение, в котором, в частности, писал:

„Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС… воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция „Свирь-3“, московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах…

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений „будущих округов“ оккупированной территории СССР…“

В приграничных военных округах командующие, не дожидаясь указаний из Москвы, на свой страх и риск проводили мероприятия по стратегическому развертыванию. В Прибалтийском Особом военном округе генерал-полковник Кузнецов приказал 18 июня привести в боевую готовность театр военных действий и определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Приказом предписывалось заготовить подручные материалы для устройства переправ через реки Вилия, Невяжа, Дубисса, подготовить понтонные полки для наводки мостов через Неман, а также провести рекогносцировку наиболее важных мостов с целью их последующего разрушения. Кроме того, приказывалось привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону, все средства связи,

подготовить к работе в боевой обстановке железнодорожное сообщение.[201] Одновременно военные советы армий и командиры механизированных корпусов получили приказ начать выдвижение войск в предназначенные им по плану прикрытия полосы и районы, взяв с собой „только необходимое для жизни и боя“.

19 июня Жуков направил командующим войсками приграничных военных округов телеграммы о выводе фронтовых и армейских управлений на полевые пункты. „Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное вам управление округа, — говорилось в телеграмме командующему войсками Киевского Особого военного округа. — Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа“.[202] Фронтовое управление Северо-Западного фронта во главе с командующим Прибалтийского Особого военного округа должно было прибыть 22–23 июня в Паневежис, а Западного — в Обуз-Лесна.

Одновременно приграничные военные округа получили указание в двухнедельный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия. В целях маскировки аэродромов нарком обороны требовал к 1 июля „засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону“. Категорически запрещалось линейное, скученное расположение самолетов, приказывалось обеспечить их рассредоточение, провести к 1 июля маскировку складов, мастерских и парков, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных аэродромов с макетами самолетов. К 15 июля предписывалось завершить все работы по маскировке артиллерийских и мотомеханизированных частей.[203] Флоты и флотилии получили предписание о переходе в оперативную готовность № 2.

После того как Сталин узнал о мероприятиях в Прибалтийском округе, он вновь устроил очередной разнос Тимошенко и Жукову. В результате начальник Генштаба 20 июня направил Кузнецову телеграмму с требованием отменить приказ о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как оно вызывает различные толки и нервирует общественность.

Тем временем у западных границ СССР заканчивали развертывание германские группы армий „Север“, „Центр“, „Юг“, отдельная немецкая армия „Норвегия“, финская и две румынские армии, венгерская корпусная группа. Всего к 22 июня в первом стратегическом эшелоне врага находились 153 дивизии и 19 бригад (из них немецких — 125 дивизий и 2 бригады), свыше 4 тысяч танков и штурмовых орудий, около 4,4 тысячи боевых самолетов, почти 39 тысяч орудий и минометов. Общая численность группировки вместе с германскими ВВС и ВМС (192 корабля основных классов) составляла почти 4,4 миллиона человек. В

---

201 См.: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 102; Дни войны в документах // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 46.

202 Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 98.

203 См.: Дни войны в документах // Военно-исторический журнал.1989. № 5. С. 43.

стратегическом резерве немецкого главного командования имелось 28 дивизий и бригад, около 500 тысяч человек, 8 тысяч орудий и минометов, 350 танков.

Западные приграничные военные округа Красной Армии насчитывали к этому времени 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. Эти силы были относительно равномерно распределены вдоль всей границы и рассредоточены на большую глубину (третий эшелон прикрытия располагался на расстоянии 100–400 километров от границы). Всего группировка советских войск на Западном театре военных действий насчитывала 3 миллиона человек, около 39,4 тысячи орудий и минометов, 11 тысяч танков и более 9,1 тысячи боевых самолетов.[204]

Противник имел превосходство в живой силе в 1,3 раза, равное соотношение по орудиям и минометам, но уступал советским войскам в 2,1 раза по количеству боевых самолетов и в 2,7 раза — по танкам. Но по качеству боевой техники безусловное преимущество было на стороне Германии. Кроме того, ее войска были полностью укомплектованы и развернуты, оснащены современным транспортом и находились в полной боевой готовности.

Оценивая состояние советских войск, выдвинутых к западной границе, большинство исследователей сходятся во мнении, что они не были подготовлены ни к обороне, ни, тем более, к наступлению. Жуков отмечал, что война застала страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил, создания мобилизационных запасов и государственных резервов: *„Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М.Шапошников, К.А.Мерецков, ни руководящий состав Генштаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день компактными группировками на всех стратегических направлениях. Этого не учитывали и не были к этому готовы наши командующие и войска приграничных военных округов. Правда, нельзя сказать, что все это вообще свалилось нам как снег на голову. Мы, конечно, изучали боевую практику гитлеровских войск в Польше, Франции и других европейских странах и даже обсуждали методы и способы их действий. Но по-настоящему все это прочувствовали только тогда, когда враг напал на нашу страну, бросив против войск приграничных военных округов свои компактные бронетанковые и авиационные группировки. Советское правительство делало все возможное, чтобы не давать какого-либо повода Германии к развязыванию войны. Этим определялось все.* В целом военная теория тех лет была, как говорится, на уровне времени. Однако практика в известной степени отставала от теории…“[205]

Но в любом случае можно было успеть привести все вооруженные силы в полную боевую готовность, провести в стране мобилизацию и развернуть войска до штатов военного времени, сосредоточить и развернуть их в районах западных границ. Однако стремление любой ценой выиграть время, избежать войны превратилось у Сталина в

---

204 См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1995. Кн. I. Суровые испытания. С. 94.

205 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 324

убежденность, что ему удастся все решить мирным путем. Надеясь на свою „мудрость“, отмечал Жуков, Сталин перемудрил себя и не разобрался в коварной тактике и планах гитлеровского правительства. Он требовал вести осторожную политику и проводить мероприятия оперативно-мобилизационного порядка так, чтобы не спровоцировать войну с Германией. Сталин считал необходимым убедить гитлеровское руководство в желании советского правительства и в дальнейшем поддерживать добрососедские отношения и с этой целью до последнего дня требовал от наркомата внешней торговли точно в установленные сроки осуществлять все товарные поставки, в том числе уголь, хлеб, нефтепродукты и другие стратегические материалы. Как известно, эти поставки в Германию осуществлялись по 21 июня 1941 года включительно.

„В период назревания опасной военной обстановки , — подчеркивает Жуков, — *мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И.В.Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом.*

Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери. Это подтверждают успешные оборонительные действия частей и соединений в районах Владимира-Волынского, Равы-Русской, Перемышля и на других участках юго-западного направления“ .[206]

…Среди тех, кто в последние дни и часы перед войной находился непосредственно у границы, но с западной ее стороны, был немецкий генерал Г.Гудериан. „Тщательное наблюдение за русскими, — вспоминал он, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий Русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени“.[207]

21 июня Г. Димитров связался по телефону с Молотовым и передал ему предупреждение Чжоу Эньлая, полученное тем от Чан Кайши, о начале 22 июня войны Германии против СССР.

На исходе 21 июня Жукову позвонил начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А.Пуркаев, который сообщил о перебежчике, заявившем, что немецкие „войска выходят в исходные

206 Там же. С. 361–362.

207 Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 208.

районы для наступления, которое начнется утром 22 июня“. Жуков немедленно доложил об этом Сталину, который вызвал его к себе вместе с Тимошенко.

На этот раз Тимошенко и Жуков поехали в Кремль, взяв с собой проект директивы войскам и твердо договорившись любой ценой добиться разрешения о приведении войск в полную боевую готовность. Когда они, а вместе с ними Буденный, в 20 часов 50 минут вошли в кабинет Сталина, там находились Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков. Сталин, выслушав генералов, подозрительно спросил: „А не подбросили ли нам этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?“ Тимошенко уверенно ответил, что сведения, полученные от перебежчика, совпадают с другими многочисленными данными. На вопрос Сталина, что предлагается в сложившейся ситуации, Тимошенко сказал: „Необходимо немедленно дать директиву о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность и занятии ими оборонительных рубежей“.

Жуков начал читать текст заранее подготовленного проекта директивы, но Сталин неожиданно перебил: „Такую директиву сейчас давать преждевременно. Может, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение немецких частей может начаться с провокационных действий. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений“.

Жуков вышел в другую комнату и вместе с генералом Ватутиным быстро составил новую директиву войскам. Ознакомившись с ней, Сталин сделал несколько поправок и передал наркому обороны для подписи. Директива № 1 направлялась военным советам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов, копия — наркому Военно-Морского Флота. В ней говорилось, что в течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев, которое может начаться с провокационных действий. „Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников“. Приказывалось:

„а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить“.[208]

Передача этого документа в округа закончилась только в 00 часов 30 минут 22 июня».

208 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 370–371.

Глава VII. Во мгле июньского рассвета

На рассвете 22 июня Сталина разбудил Жуков. Тот подошел к трубке довольно быстро, но после короткого доклада начальника Генштаба ответил не сразу, словно не мог поверить в то, что услышал. Наконец приказал Жукову вместе с Тимошенко ехать в Кремль.

…В штабах военных округов директиву № 1 о возможных провокациях со стороны немецких войск получили примерно через час, а в штабах армий — только в третьем часу ночи. Требовалось время и для ее расшифровки. Например, штаб Западного Особого военного округа получил директиву в 1 час 45 минут, а отправил ее в штабы армий в 2 часа 35 минут. По сигналу «Гроза» должен был вводиться в действие «Красный пакет», в котором находился план прикрытия государственной границы. Однако шифровки из округа были получены слишком поздно. Штабы 3-й и 4-й армий еще успели сделать кое-какие распоряжения, а в штабе 10-й армии расшифровали приказ уже после начала боевых действий. До многих соединений и частей указания так и не успели довести.

Более благополучно обстояло дело в Военно-Морском Флоте, так как Тимошенко напрямую предупредил наркома ВМФ Кузнецова о необходимости приведения флота в боевую готовность № 1. После звонка наркома обороны Кузнецов установленным паролем быстро передал соответствующие распоряжения. В результате флот был приведен в боевую готовность за 3–4 часа до начала войны.

Всю ночь Жуков и Тимошенко вели непрерывные переговоры с командующими войсками военных округов и начальниками штабов. В час ночи командующий Западным Особым военным округом Д.Г.Павлов доложил наркому, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, в течение последних полутора суток в сувалкский выступ беспрерывно идут немецкие мотомехколонны. Тимошенко посоветовал командующему округом не паниковать, на всякий случай утром собрать штаб, а если будут отдельные провокации — позвонить. Сразу же после разговора с наркомом Павлов приказал командующим и начальникам штабов армий привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недостроенные железобетонные укрепления. Командующие 3, 10 и 4-й армиями и командующий ВВС округа доложили Павлову, что войска и авиация готовы к бою. В журнале боевых действий войск Западного фронта отмечалось: «…Около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2–2.30 аналогичное приказание было сделано шифром: армиям, частям УР… По сигналу „Гроза“ вводился в действие „Красный пакет“, содержавший в себе план прикрытия госграницы». Однако приказы и распоряжения о приведении войск в боевую готовность в большинстве случаев были получены слишком поздно. Командир 75-й стрелковой дивизии генерал-майор С.И.Недвигин докладывал через несколько дней командующему 4-й армией: «„Красный пакет“ опоздал, а отсюда и вся трагедия».[209]

В 3 часа 7 минут в кабинете наркома обороны раздался телефонный

---

209 Цит. по: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 128.

звонок: командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский доложил о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов и просил указаний. Согласились с предложением Октябрьского: встретить самолеты огнем зенитных средств флота. В 4 часа утра командующий Черноморским флотом доложил, что вражеский налет отражен.

В 3 часа 10 минут разведывательный отдел штаба Западного Особого военного округа сообщал начальнику Главного разведывательного управления Ф.И.Голикову:

«1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение.

2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе».[210]

В 3 часа 30 минут Жуков получил доклад о налете немецкой авиации на города Белоруссии от начальника штаба Западного Особого военного округа генерала В.Е.Климовских. А минуты через три начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А.Пуркаев доложил, что бомбардировке подверглись города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И.Кузнецов, который сообщил о воздушных налетах на Каунас и другие города.

Генерал Г.Гудериан, командовавший 2-й танковой группой немецких войск, воспроизводит хронологию событий таким образом: «В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку».[211] В журнале боевых действий группы армий «Север» записано: «Сопротивление на границе было очень незначительным. Противник был застигнут врасплох».[212] В отчете немецкого штаба 1-й танковой группы отмечалось: «В 3 часа 15 минут 22 июня пехота начала наступление. Противник ошеломлен внезапностью. Вначале он не оказывал никакого сопротивления. Важнейший мост у Сокаль захвачен неповрежденным. Переправа через Буг проходила спокойно. Пехота забралась на высоты восточнее Буга и достигла сильно укрепленной позиции, не встретив при этом никакого сопротивления. Противник, кажется, захвачен врасплох».[213] При чтении сводок надо иметь в виду, что советское командование давало сведения по московскому времени, а германское — по европейскому, с разницей в один час.

В половине пятого утра Тимошенко и Жуков прибыли в Кремль. В кабинете Сталина собрались В.М.Молотов, Л.П.Берия, Л.З.Мехлис. Жукову бросилось в глаза, что Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках пустую трубку. Даже после сообщения Тимошенко о том, что немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, он еще допускал вероятность провокационного характера их действий.

210 Там же. С. 115

211 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 208–209.

212 Цит. по: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 118.

213 Там же. С. 119

Молотов позвонил в германское посольство. Там ответили, что посол граф фон Ф. Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф.Ватутин передал, что сухопутные войска противника после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление. Вскоре, приняв Шуленбурга, вернулся Молотов и сообщил, что германское правительство объявило нам войну. Быстро подготовили директиву:

> «Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.
>
> 22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.
>
> Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.
>
> В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:
>
> 1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.
>
> Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.
>
> 2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.
>
> Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.
>
> Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.
>
> Разбомбить Кенигсберг и Мемель.
>
> На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.
>
> ***Тимошенко Маленков Жуков***
>
> № 2
> 22.6.41 г. 7.15».[214]

Утром 22 июня берлинское радио оповестило весь мир о начале войны Германии против СССР. В тот же день ТАСС направило руководству Советского Союза секретный служебный выпуск, содержащий опубликованную в Германии «Декларацию Гитлера». В ней цинично заявлялось:

«…Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только

214 Цит. по: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 135.

грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра.

Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. На берегах Прута, на нижнем течении Дуная до берегов Черного моря находятся германские и румынские солдаты под командованием генерала Антонеску, главы румынского государства: в задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента. Таким образом, я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!»[215]

К полудню 22 июня в Москве был подготовлен текст заявления правительства СССР, с которым в 12 часов 15 минут выступил по радио В.М.Молотов.

Вернувшись утром от Сталина, Георгий Константинович немедленно вызвал к себе Ватутина, Василевского, всех начальников управлений. Перед ними были поставлены две срочные задачи: подготовить указ о всеобщей мобилизации и любыми средствами выяснить обстановку на границе.

Где конкретно идут бои? Где находится противник? Каков характер действий войск? Вразумительных ответов на эти вопросы не было — немецкие войска нарушили, а на Западном фронте почти полностью парализовали управление войсками и связь. Многомесячные, практически безнаказанные полеты немецких самолетов-разведчиков, агентурные данные позволили германскому командованию с высокой точностью выявить пункты управления, линии связи, аэродромы, склады, места расположения войск. Первые удары противника — воздушные, артиллерийские, танковые — были ошеломляющими, сеяли нервозность, растерянность, несогласованность. В части и соединения поступали противоречивые указания вышестоящих штабов и командиров.

Положение приграничных соединений Красной Армии осложнялось неопределенностью задач, поставленных директивой № 1. При этом даже

---

215 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 185.

сформулированные в ней полумеры носили совершенно невыполнимый характер. Нереально выглядела и задача «обрушиться на вражеские силы и уничтожить их», поставленная в директиве № 2. Подняв по тревоге войска, командующие медлили с приказами о решительных действиях (не дай Бог поддаться на провокацию!), и войска вступали в бой по обстановке: с ходу, частями, разрозненными силами. Многие стрелковые дивизии первого стратегического эшелона в первые же часы после нападения были расчленены, некоторые оказались в окружении. Механизированные корпуса, способные нанести ощутимые встречные удары, только начинали выдвижение к границе и находились в большой удаленности от участков прорыва.

Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал Ф.Гальдер 22 июня сделал в своем дневнике запись: «Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне; его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального „столбняка“, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке [штаб 10-й армии], полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние „столбняка“, едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10–12 км! Таким образом, путь подвижным соединениям открыт».[216]

Неопределенность действовала на Сталина угнетающе, но растерянности в его решениях не было. Отредактировал проект Указа Президиума Верховного Совета СССР: с 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения на территории почти всех военных округов. Утвердил преобразование Прибалтийского,

---

216 Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. М., 2004. С. 23.

Западного и Киевского Особых военных корпусов соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Срочно направил на Западный фронт Б.М.Шапошникова и Г.И.Кулика, а около 13 часов позвонил Жукову и сообщил о решении Политбюро послать его на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования. Жукову предстояло немедленно вылететь в Киев, а оттуда вместе с Н. С. Хрущевым выехать в Тернополь, где располагался штаб фронта.

Одновременно Сталин поручил Ватутину, оставшемуся за Жукова, подготовить еще одну директиву войскам: «Военным Советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов

22.6.41 № 3 карта 1 000 000

1. Противник, нанося главные удары из Сувалкского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей границе с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А (армий. — В.Д.) окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. Приказываю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы…

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки…

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки…

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать рр. Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на 23.6 сосредоточиться в районе Кишинев и

лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

5. Авиации Главного Командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го авиационного корп[уса] ДД (дальнего действия. — В.Д.) и Западный фронт одним вылетом 3-го ав. корп. ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкской группировки противника;

б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиадивизию ДД и поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав. корпуса ДД на период выполнения им задачи по разгрому люблинской группировки противника;

в) 4-й ав. корпус ДД оставить в моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР

Маршал Советского Союза Тимошенко

Член Главного Военного Совета Маленков

Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков

Отправлена в 21.15 22.6.1941 г.».[217]

Несмотря на то, что Жуков уже улетел в Киев, Сталин счел уместным поставить под директивой и его подпись.

Генерал Ватутин, естественно, не знал истинной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Поэтому, определяя стратегический рубеж ответных действий Красной Армии, он руководствовался планом стратегического развертывания от 15 мая 1941 года. Впоследствии Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян (в то время — начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта), оценивая эту директиву, писал: «Когда я зачитал генералу Пуркаеву телеграмму, он с явным недоверием взглянул на меня, выхватил бланк и перечитал текст несколько раз. Быстро обмениваемся мнениями. Они у нас сходятся: к наступлению мы не готовы.[218]

В Тернополь, в штаб Юго-Западного фронта, Г.К.Жуков и Н.С.Хрущев прибыли поздно вечером 22 июня. Их встретил командующий фронтом генерал М.П.Кирпонос. Собрали Военный совет фронта. Никакой растерянности, обстановка анализируется ясно, предложения высказываются собранно и конкретно.

Командующий фронтом доложил, что войска немецкой группы армий „Юг“ под командованием генерал-фельдмаршала К. Рундштедта перешли государственную границу на фронте Владава, Перемышль, Липканы на Луцком направлении силами 4–5 пехотных и танковых дивизий, на рава-русском — 3–4 пехотных дивизий с танками, на перемышль-львовском направлении — 2–3 пехотных дивизий. Кирпонос считал, что 23 июня противник предпримет более активные действия и осуществит ввод более крупных сил. Начальник штаба фронта генерал М.А.Пуркаев сообщил, что когда в 2 часа 30 минут в штаб округа поступила телеграмма из

217 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 189–191.

218 Баграмян И.Х. Так начиналась война. С. 113.

Генерального штаба, требовавшая принятия немедленных мер по приведению войск в боевую готовность, командование фронтом находилось в движении и на командный пункт прибыло только в 8 часов утра. Сразу же войска были подняты по тревоге и начали выполнять планы прикрытия.

Кирпонос высказал мнение: привлечь 31, 36 и 37-й стрелковые и 9, 19 и 15-й механизированные корпуса из своего резерва, а также 22-й механизированный корпус из 5-й армии, 4-й — из 6-й армии и 8-й — из 26-й армии для уничтожения группировки противника, продвигающейся к Луцку и Дубно. На вопрос Жукова о том, где сейчас находятся механизированные корпуса, командующий фронтом ответил, что 8-й механизированный корпус на марше в район Броды, а 9-й и 19-й механизированные корпуса получили приказание выдвинуться в район Луцка и Ровно с целью нанести контрудар по прорвавшемуся противнику с севера. В данное время 15-й механизированный корпус находится в районе Топорова, а остальные выйдут на исходное положение к утру 24 июня. Следовательно, приказ наркома обороны о занятии указанных в нем рубежей к исходу 24 июня был явно невыполним. Поэтому генерал Пуркаев предложил создать на рубеже укрепленных районов вдоль старой государственной границы прочную оборону из резервных стрелковых корпусов, а механизированные корпуса отвести за этот рубеж, то есть сначала остановить врага, а уж затем, подготовив контрнаступление, попытаться разгромить его. Генерал Кирпонос согласился с доводами начальника штаба, но сказал, что „приказ есть приказ, и его надо выполнять, во что бы то ни стало“.

Кирпоноса поддержал Жуков, который считал, что в сложившейся обстановке единственно правильным будет контрудар механизированных корпусов против танковых дивизий противника. Но корпуса не успевают вовремя сосредоточиться в единый кулак, а медлить нельзя: немцы, введя в сражение подвижные соединения, продолжали развивать наступление на Луцк, Дубно, Броды. Поэтому Жуков решил, не ожидая подхода стрелковых и механизированных корпусов из резерва фронта, нанести контрудар теми корпусами, которые были под рукой. Различное удаление корпусов от района их ввода в сражение (от 200 до 400 километров) означало и разные сроки подхода и вступления в бой, что не обеспечивало необходимой силы удара по противнику. Но обстановка вынуждала к этому.

23 июня 15-й механизированный корпус нанес удар из района Топорова в северном направлении на Радзехов, по правому флангу группировки противника, но сильно заболоченная местность и массированные налеты немецкой авиации затрудняли маневр боевых машин. Несмотря на это. Военный совет вечером 23 июня принял решение „не ожидая сосредоточения всех мехкорпусов, нанести завтра, 24 июня, контрудар по прорвавшимся танковым и моторизованным дивизиям противника лишь теми силами, которые уже подошли к району сражения“.[219] Войскам 5-й армии предстояло нанести контрудар в общем направлении на Владимир-Волынский, разгромить части противника, вклинившиеся на Луцком направлении, и соединиться с окруженными полками 87-й стрелковой дивизии. 15-й механизированный корпус,

219 Там же. С. 125.

отрядив часть сил на оборону у Радзехова и на подступах к Бродам, должен был наступать в направлении на Берестечко, чтобы разгромить танковые и моторизованные войска противника, прорвавшиеся из района Сокаля, а затем соединиться с окруженными частями 124-й стрелковой дивизии. На 6-ю армию возлагалась задача удерживать во что бы то ни стало занимаемый фронт, немедленно вывести 4-й механизированный корпус из боя и повернуть его на Радзехов, на поддержку 15-го механизированного корпуса. Частям 8-го механизированного корпуса предстояло к утру 24 июня выйти в район Броды и быть готовыми поддержать 15-й механизированный корпус ударом на Берестечко. Для остальных армий задача оставалась прежней — прочной обороной удерживать занимаемые рубежи.

Эти планы Кирпонос обсудил с Жуковым сразу по его возвращении из 8-го механизированного корпуса, где знакомился с состоянием частей корпуса и тем, как осуществляется выдвижение их из района Львова на Броды. Георгий Константинович оставался верен принципу: понять обстановку можно только на месте.

Баграмян, присутствовавший на докладе командующего фронтом, вспоминал: „Начальник Генерального штаба был хмур. Он молча кивнул в ответ на мое приветствие. Из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной угрозой являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны. Поэтому основные силы фронта при поддержке всей авиации должны быть брошены именно на эти направления. Только так можно добиться перелома в ходе пограничного сражения. Жуков считал ошибкой, что Кирпонос позволил командующему 6-й армией оттянуть 4-й механизированный корпус с правого фланга армии, где враг наносит главный удар, на левый и ввести его в бой на этом второстепенном направлении“.[220]

На следующий день 22-й механизированный корпус совместно со 135-й стрелковой дивизией нанес контрудар по левому флангу вклинившейся группировки противника, стремясь оказать помощь 87-й и 124-й стрелковым дивизиям, окруженным восточнее Владимира-Волынского. Однако несогласованность в действиях соединений, большие потери в боях и превосходство противника в танках вынудили командование корпуса отступить 25 июня за реку Стырь севернее Луцка. По согласованию с Жуковым решили перенести контрудар на утро 26 июня, так как 8, 9 и 19-й механизированные, 31, 36, 37-й стрелковые корпуса еще не вышли в назначенные им районы.

Но последующие события развивались уже без него. Утром 26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта позвонил Сталин и предложил Жукову немедленно вылететь в Москву: на Западном фронте сложилась тяжелая обстановка — противник подходит к Минску. В то же время непонятно, что происходит с Павловым и где находится Кулик, а Шапошников заболел.

---

220 Там же. С. 126.

Было трудно поверить, что шел еще только пятый день войны — так стремительно развивались события и так плотно под их тяжестью спрессовывалось время. Еще нельзя было оценить все масштабы нагрянувшей беды, но становилось ясно: размах и мощь внезапного удара противника опрокидывали все расчеты и прогнозы командования Красной Армии. Тем не менее за несколько бессонных суток на фронте Жуков, даже не задумываясь над этим, успел уверовать, что с напавшим противником можно воевать и можно бить его, как и любого другого. Последнее он скорее почувствовал — ведь больших оснований для подобного вывода не было. Однако Жуков видел, что командиры не паникуют, приказы и распоряжения выполняются, а бойцы готовы воевать, и в этом он лично убедился, находясь в 8-м механизированном корпусе генерал-лейтенанта Рябышева. Мелькнула мысль, что не зря прошли месяцы службы в Киевском округе. Но ведь и Сталин послал его сюда не случайно, полагаясь на его особое знание положения дел в округе, командиров, наконец, специфики местности в приграничных районах.

Сам Жуков, оценивая итоги контрударов на юго-западном направлении, писал: *„…В результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови“* .[221] При этом Георгий Константинович весьма критически оценивает действия на других фронтах, возлагая основную вину за неудачи на Ставку Главного командования: *„Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы“* .[222]

Заметим, что постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня о создании Ставки Главного командования в ее состав включались нарком обороны маршал Тимошенко (председатель), начальник Генштаба Жуков, Сталин, Молотов, маршал Ворошилов, маршал Буденный и нарком Военно-Морского Флота адмирал Кузнецов.[223] На деле получилось как бы два командующих: юридически — Тимошенко, а фактически — Сталин, так как без ведома последнего никто не мог отдавать приказы действующей армии. Это порой усложняло управление войсками и приводило к запоздалым решениям в стремительно меняющейся обстановке на фронте. Положение было исправлено 10 июля, когда Ставка Главного командования была переименована в Ставку Верховного командования (с 8 августа — Ставка Верховного главнокомандования) под председательством И. В. Сталина.

Между тем события на фронтах стали приобретать катастрофический

---

221 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 24.

222 Там же. С. 30–31.

223 См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 188.

характер. Сведения, поступавшие из штабов фронтов, а также данные авиационной разведки повергли Сталина в состояние глубокой растерянности. Северо-Западный и Западный фронты пытались нанести контрудары, но слабое авиационное прикрытие, несогласованность действий, плохое артиллерийское обеспечение не дали желаемого результата. Войска понесли огромные потери и продолжали отступать, часто — беспорядочно. Войска 3-й и 10-й армий Западного фронта практически окружены. Танковые колонны немцев приближаются к Минску.

Поздно вечером 26 июня прямо с аэродрома Жуков направился в Кремль. В кабинете Сталина находились члены Политбюро. Для того чтобы оценить обстановку, Жуков попросил сорок минут на совещание с Тимошенко и Ватутиным. Последние данные Генштаба сводились к следующему.

23–25 июня Северо-Западный и Западный фронты предприняли попытки контрнаступления, но Западному фронту удалось лишь на некоторое время задержать наступление противника на гродненском направлении, а контрудар Северо-Западного фронта по флангу 4-й танковой группы противника из района северо-западнее Каунаса закончился полной неудачей. В результате соединения противника, наступавшие на Даугавпилс и Минск, к исходу 25 июня продвинулись соответственно на 125 и 250 километров.

В это время на брестско-барановичевском направлении войска 4-й армии оказывали беспорядочное сопротивление 2-й танковой группе и 4-й полевой армии противника, которым удалось продвинуться в глубь страны на 200 километров. Создалась реальная угроза выхода врага к реке Западная Двина и Минску. В тяжелом положении оказались 3-я и 10-я армии Западного фронта, фланги которых были глубоко охвачены противником. Для их выхода на Минск остался лишь узкий коридор шириной до 60 километров между городами Скидаль и Волковыск. 25 июня генералу армии Павлову было приказано отвести эти армии на рубеж Лида, Слоним, Пинск.

По предложению Генштаба 25 июня Ставка приняла решение о создании группы армий резерва Главного командования, а соответствующая директива была уже отдана заместителю наркома обороны маршалу Буденному. В состав резерва включены 19, 20, 21 и 22-я армии, и перед ними поставлена задача подготовить оборонительный рубеж по линии Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов и далее по реке Днепр до Кременчуга.

Посоветовавшись, Тимошенко, Жуков и Ватутин высказали Сталину следующие предложения. Группе резервных армий под командованием Буденного срочно перейти к обороне на рубеже Невель, Могилев и далее по реке Днепр до Кременчуга с задачей быть готовой по указанию Ставки к переходу в контрнаступление. Командующим Северо-Западным и Западным фронтами силами отходящих армий и фронтовыми резервами занять оборону на рубеже река Западная Двина от Риги до Краслава, Минского и Слуцкого укрепленных районов, а также немедленно организовать работы по приведению в боевую готовность укрепленных районов на старой государственной границе. Кроме того, необходимо срочно приступить к подготовке тылового оборонительного рубежа силами двух армий из резерва Ставки по линии Селижарово, Смоленск, Рославль, Гомель.

В сложившейся ситуации Сталину ничего не оставалось, как согласиться с этими соображениями, которые означали для него очень болезненное изменение в стратегии: переход к обороне. „В своих предложениях, — писал Жуков, — мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и, главным образом, новых формирований. Где будет остановлен противник, что взять за выгодный исходный рубеж для контрнаступления, какие будут собраны для этого силы, мы тогда еще не знали. Пока это был всего лишь замысел“.[224]

На этом совещании Жуков еще раз проявил свой характер. В ответ на вопрос Сталина, что еще можно сделать для улучшения ведения боевых действий, он предложил освободить незаконно арестованных генералов и офицеров. Реакция Берии, Ворошилова и Кагановича — „разве у нас есть незаконно арестованные?“ — не удивляет. Но совершенно неожиданно Жукова поддержал Тимошенко, заявивший, что эти командиры ни в каких заговорах не участвовали, являются честными патриотами, преданно любящими свою Родину, и могут принести большую пользу нашей армии.

Сталин обещал подумать.

Когда Жуков вернулся в Генеральный штаб, дежурный офицер связи доложил, что ему звонит командующий Юго-Западным фронтом. Сквозь шум помех он услышал голос Кирпоноса, который доложил о своем решении резервными стрелковыми корпусами перейти к обороне на рубеже Луцк, Кременец, Гологуры. Механизированным корпусам отдано распоряжение прекратить контрудары, выйти из боя и отойти за этот рубеж.

Целесообразность нанесения контрудара по флангам наступавшей танковой группы генерала Клейста для Жукова была совершенно очевидна. Группировка немцев прикрывалась не везде, а ее войска были разбросаны по дорогам. Наши же механизированные корпуса занимали выгодное положение на флангах и в тылу вражеских дивизий. Наносить контрудар следовало со всей решительностью, не проявляя колебаний, не выводя сражавшиеся дивизии из боя в момент, когда у них обозначился успех. Развивая его, механизированные корпуса вынудили бы противника временно перейти к обороне. А это в конечном счете дало бы возможность фронту перегруппировать силы, подтянуть новые соединения из тыла и занять выгодные оборонительные рубежи. Командование Юго-Западного фронта, по мнению Жукова, явно поторопилось переходить к обороне, поэтому он в жесткой форме потребовал от Кирпоноса с утра 27 июня перейти в наступление и разгромить противника, прорвавшегося к Луцку и Дубно.

Жуков отлично понимал замысел штаба Юго-Западного фронта: приостановить ответные действия, чтобы собрать все силы в ударный кулак, но считал, что пассивная оборона приведет к плачевным результатам. Одно не давало покоя в докладе Кирпоноса: информация о больших потерях в танках. И это — при отличном командовании, хорошей технической оснащенности механизированных частей и надлежащей выучке личного состава. Что же тогда делается на других фронтах?

---

224 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 35.

Сведения, поступающие с других фронтов, к утру 27 июня сложились в картину, на которой положение Юго-Западно-го фронта выглядело совершенно по-иному. Жуков понял ошибочность своего решения о продолжении контрударов в этом направлении. Обсудив еще раз ситуацию с Ватутиным и Василевским, начальник Генштаба приказал подготовить директиву об отводе войск Юго-Западного фронта на рубеж укрепрайонов старой государственной границы.

Было приказано собрать данные о потерях на фронтах.

Трагедию первых неудачных дней войны Георгий Константинович переживал тяжело и болезненно. По три-четыре раза в день он приходил на узел связи для переговоров с командующими фронтами и армиями, начальниками штабов, пытаясь понять: где войска? где противник? что предпринимается? каковы результаты?

Вывод пришел быстро: помимо прочих заблуждений, сделали ошибку, определяя направление главного удара противника. Как оказалось, он был нацелен на Москву. Это во многом объясняет, почему за считаные дни практически полностью рассыпался Западный фронт, войска которого уже 28 июня оставили Минск.

Теперь этот фронт требовалось воссоздать практически заново.

27 июня Ставка отдала директиву командующему группой армий резерва Главного командования маршалу Буденному срочно занять и оборонять рубеж по рекам Западная Двина и Днепр, от Краслава до Лоева, и не допустить прорыва немцев на Москву. Штаб группы переводился из Брянска в Смоленск. В районы Смоленска и Витебска с Украины перебрасывалась 16-я, а через несколько дней — и 19-я армия. На московском направлении создавалась глубоко эшелонированная оборона.

Несмотря на то, что контрудары советских войск не достигали целей, Ставка Главного командования по-прежнему требовала от них ведения активных наступательных действий.

Не получилось. Противник двигался на восток.

29 июня в Кремле Сталин с членами Политбюро нагрянул в Наркомат обороны, чтобы подробнее разобраться с обстановкой в Белоруссии. В наркомате их встретили Тимошенко, Жуков и Ватутин. Короткий доклад: связь с войсками Западного фронта потеряна, меры по ее восстановлению приняты, но на это потребуется много времени. Через некоторое время Сталин взорвался и обрушился на Жукова: раз нет связи, штаб бессилен руководить.

Жуков, оскорбленный грубым окриком, выбежал в другую комнату. За ним пошел Молотов. Все были в удрученном состоянии. Через несколько минут Жуков, внешне спокойный, вернулся. Договорились (по предложению Сталина), что на связь с Западным фронтом пойдет Кулик.

Решение Ставки Главного командования о переходе к стратегической обороне явилось первым шагом на пути из плена беспочвенных иллюзий. Но провал военно-стратегических идей Сталина оказался слишком глубоким — огромные жертвы и катастрофические неудачи начального периода войны требовали объяснений. 30 июня Сталин позвонил Жукову и приказал вызвать в Москву командующего Западным фронтом генерала армии Павлова.

Когда на следующий день Жуков увидел Павлова, то едва узнал его — так изменился Дмитрий Григорьевич за несколько дней войны. В тот же день Павлов был отстранен от командования фронтом и вскоре предан

суду военного трибунала. Вместе с ним за „преступную деятельность“ осудили начальника штаба генерала В.Е.Климовских, начальника связи генерала А.Т.Григорьева, начальника артиллерии генерала Н.А.Клича, командующего 4-й армией генерал-майора А.А.Коробкова и других генералов Западного фронта. Все они были расстреляны. Много лет спустя после тщательного и всестороннего расследования, проведенного работниками Генерального штаба, все „виновники“ белорусской трагедии были реабилитированы „за отсутствием состава преступления“.

И над другими честными и способными командирами нависла угроза необоснованных наказаний. Как только командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф.И.Кузнецов отдал войскам приказ отойти с рубежа реки Западная Двина и занять Островский, Псковский и Себежский укрепленные районы, Сталин немедленно снял его с должности. А новому командующему фронтом генералу П. П. Собенникову приказал восстановить прежнее положение на рубеже реки Западная Двина. Войска, получив новый приказ, оказались не в состоянии ни наступать, ни обороняться. Почувствовав неразбериху, немецкие войска нанесли удар в стык 8-й и 27-й армий и прорвали фронт.

Положение на фронтах требовало чрезвычайных мобилизационных мер. С этой целью 30 июня постановлением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО), который возглавил Сталин. В руках ГКО концентрировалась вся полнота власти в стране. Для организации отпора врагу Ставка включила в состав Западного фронта всю группу резерва Главного командования — 19, 20, 21 и 22-ю армии — и назначила командующим фронтом наркома обороны Тимошенко. В тылу фронта, в районе Смоленска, сосредоточивалась 16-я армия.

С отъездом наркома на фронт вся тяжесть ответственности за боевые действия войск легла на Генеральный штаб и его начальника. А с постоянным ухудшением обстановки на фронтах все более неровным и крайне нервозным становилось поведение Сталина. Объем работы Генерального штаба необычайно возрос, в сферу его деятельности входили и такие важнейшие вопросы, как проведение мобилизации, работа тыла, железных дорог. Георгий Константинович и его сотрудники буквально задыхались. По настоянию Жукова Генеральный штаб в начале июля был перестроен и стал нацелен исключительно на решение задач по руководству вооруженной борьбой. Из его состава были выведены Организационное и Мобилизационное управления.

В эти дни Жуков работал с огромным напряжением физических и умственных сил. Рядом с кабинетом имелась небольшая комната, где он и спал, как правило, с пяти до девяти часов утра. Но нередко и в это время он вызывал подчиненных, давал поручения. Квартира Жукова находилась тогда на Берсеневской набережной, но домой он заглядывал редко.

К концу июня резко ухудшилась обстановка и на Юго-Западном фронте. Прорыв немецких войск сначала к Острогу, а затем к Ровно грозил армиям фронта тяжелыми последствиями. Танковые части генерала Клейста, поддерживаемые пехотными дивизиями 6-й немецкой армии, неумолимо ползли вперед. Острие мощного клина противника, скованного пока атаками механизированных корпусов с флангов, было по-прежнему нацелено на небольшую по численности группу генерала М.Ф.Лукина. За ней на всем пути до Киева советских войск не было. „Было ясно, что если не выдержит группа Лукина, то враг выйдет в

глубокий тыл главным силам нашего фронта, — вспоминал И.Х.Баграмян. — Эта угроза тревожила каждого из нас. Во всех разговорах сквозила мысль: приграничное сражение проиграно, нужно отводить войска на линию старых укрепленных районов. Но прямо это никто не решался высказать. Все понимали, что укрепленные районы, расположенные на линии старой государственной границы, еще не готовы принять войска и обеспечить надежную оборону. А времени и сил на приведение их в боевую готовность было слишком мало“.[225]

Понимал это и Жуков, но выбора не было. 30 июня в штаб Юго-Западного фронта была направлена телеграмма, в которой указывалось, что войскам Юго-Западного фронта до 9 июля надлежит отойти на рубеж Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов. В связи с этим и примыкавшая к левому крылу Юго-Западного фронта 18-я армия Южного фронта должна была отвести свои правофланговые войска в Каменец-Подольский укрепленный район (по реке Збруч). С целью постепенного выравнивания линии отходящих войск Юго-Западный фронт должен был до 6 июля удерживать промежуточный рубеж: Сарны, река Случь, Острог, Скалат, Чортков, Коломыя, Берхомет.

В соответствии с полученной задачей войска Юго-Западного фронта начали отход на линию укрепленных районов на старой государственной границе. Жуков внимательно следил за тем, как развиваются события в полосе фронта. Утром 1 июля он связался по прямому проводу с начальником штаба фронта генералом Пуркаевым и сказал: „Учитывая стремление противника отрезать 6, 26 и 12-ю армии, необходимо проявить исключительную активность и изобретательность в руководстве отходом войск“. Иначе, предупредил Георгий Константинович, не миновать катастрофы. Он рекомендовал выводить войска форсированным маршем, прикрывая их авиацией, все противотанковые артиллерийские средства держать ближе к наиболее опасным участкам.

Опасение, что противник попытается отсечь войска Юго-Западного фронта от линии укрепленных районов, начало оправдываться. Усиливавшийся нажим со стороны ударной группировки немцев, наступавшей вдоль шоссе Ровно — Шепетовка, вынуждал войска 5-й и 6-й армий двигаться в расходящихся направлениях. Разрыв между их флангами увеличивался, а группа, сражавшаяся на стыке этих армий, держалась из последних сил. Противник обтекал ее с обоих флангов. Назревало полное окружение.

Жуков — Пуркаеву, ночь на 3 июля: „…Учитывая стремление противника отрезать части 6, 26 и 12-й (армий), вам необходимо проявить исключительную активность, изобретательность и смелость в руководстве выводом частей. Если этого не сделаете, армии будут отрезаны и для них это пахнет катастрофой…“

Жуков — Кирпоносу, ночь на 6 июля: „…Примите меры, чтобы противник не оказался у вас в Бердичеве и не отрезал бы 26-ю и 12-ю армии. Спешите с отводом за УР…“

В 16 часов 7 июля немецкие войска ворвались в Бердичев. „Ни в штабе 6-й армии, ни в штабе фронта об этом пока не знали“, — отмечал впоследствии И.Х.Баграмян.[226] Узнали примерно через 10–12 часов после

225 Баграмян И.Х. Так начиналась война. С. 165.

226 Там же. С. 179.

захвата города врагом. Хотя противнику не удалось окружить эти армии, он прошел через укрепленный район. Г.К.Жукову оставалось только в переговорах со штабом фронта задать риторический вопрос: „Не понимаю, как вы могли пропустить противника через Шепетовский укрепленный район?“

Основные силы германских войск тем временем выходили на дальние подступы к Москве. Ожесточенные сражения одновременно развернулись на великолукском, смоленском и рославльском направлениях. 2-я танковая группа противника форсировала Днепр, а 3-я танковая группа прорвала оборону Западного фронта в районе Витебска. Затем обе танковые группы нанесли удары по сходящимся направлениям на Смоленск, стремясь окружить и уничтожить войска Западного фронта. Решить эту задачу и открыть для себя прямую дорогу на Москву немецкое командование планировало без особых трудностей, так как считалось, что против группы армий „Центр“ действует не более одиннадцати советских дивизий. Но, как оказалось, не все удалось учесть.

Под энергичным руководством Жукова против врага были развернуты соединения 22, 19, 20, 16, 13 и 21-й армий Западного фронта. Основное внимание уделялось удержанию Смоленских ворот — междуречья Западной Двины и Днепра в районе Витебск — Орша, куда направили войска 16, 19 и 20-й армий. Ожидаемый удар на могилевском направлении прикрывала 13-я армия, южнее которой занимали позиции войска 21-й армии. На правом крыле Западного фронта расположилась 22-я армия. В тыл на переформирование отводились остатки 4-й армии. Перед командующим Западным фронтом ставилась задача организовать мощный контрудар и ликвидировать прорыв врага из Витебска, всеми силами удержать рубеж Орша — Могилев и нанести контрудар на бобруйском направлении во фланг наступавшей на Могилев группировки противника.

13 июля в направлении на Бобруйск нанесла удар 21-я армия. Она форсировала Днепр, освободила Рогачев и Жлобин и с боями двинулась в северо-западном направлении. Командующий группой армий „Центр“ генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок вынужден был перебросить сюда крупные силы 2-й полевой армии. Но по ее тылам прорвалась и вышла в район Бобруйска кавалерийская группа генерала О.И.Городовикова. Для борьбы с ней немецкое командование было вынуждено привлечь из своего резерва еще три пехотные дивизии. Упорная оборона 13-й армии в районе Могилева, действия 21-й армии под Бобруйском затормозили продвижение немцев на рославльском направлении.

Но в центре Западного фронта немецкие войска продолжали наступать. Во второй половине июля они вышли в район Ярцево, Ельня, Смоленск, Кричев, Пропойск и глубоко вклинились в нашу оборону. Но в это время оба фланга группы армий „Центр“ оказались под угрозой контрударов советских войск — создались благоприятные условия для окружения и уничтожения смоленской группировки противника.

14 июля по поручению Ставки Жуков отдает приказ о создании Фронта резервных армий, войска которого развертывались на рубеже Старая Русса — Осташков — Белый — Ельня — Брянск. „Перед фронтом армий и внутриоборонительных районов, — указывалось в приказе, — создать полосу заграждений с противотанковыми препятствиями и

сплошной полосой мощного противотанкового огня. При организации обороны особое внимание уделить строительству различных противотанковых препятствий, минных полей и фугасов, щелей для пехоты и оборудованию артиллерийских позиций, особенно противотанковой артиллерии“.

Очень своевременное решение, как раз в это время разгорелось ожесточенное сражение за Смоленск, шли бои уже и восточнее города. Новое продвижение врага в направлении на Москву, писал Жуков, „было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно И. В. Сталиным. Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали всю тяжесть сталинского гнева“.

Не случайно ведь Жуков отличился в начале года в оперативно-стратегических играх высшего командного состава на картах. Сейчас он видел зияющий разрыв между ударными силами групп армий „Центр“ и „Юг“ и понимал, что немцы тоже хорошо осознают угрозу, нависшую над флангами центральной группировки. Нельзя дальше развивать наступление на Москву, необходимо сначала ликвидировать разрыв. При этом просматривалось два варианта: или повернуть часть войск группы армий „Центр“ на юг, или ускорить разгром Юго-Западного фронта группой армий „Юг“. Так как сил у немцев для решения второй задачи сейчас явно недостаточно, то наиболее вероятен первый вариант. Противник должен повернуть часть сил с московского направления!

Жуков не знал, что 19 июля немецкое Верховное командование уже отдало приказ о повороте значительной части сил группы армий „Центр“ для действий в южном направлении с целью ликвидации угрозы своему правому флангу и содействия группе армий „Юг“ в разгроме войск Юго-Западного фронта под Киевом. Однако выполнению этого решения помешали наступательные действия советских войск на смоленском направлении.

20 июля Жуков подписал директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска. С этой целью из дивизий Фронта резервных армий Главного командования было создано пять оперативных групп, которым предстояло нанести одновременные удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск. К сожалению, их наступление началось разрозненно, на слишком широких участках фронта и не увенчалось успехом. Но оно лишило войска группы армий „Центр“ свободы маневра в сторону флангов — на Украину и на север. В результате враг не добился решительного перелома в действиях против Юго-Западного фронта, а группа армий „Север“ под командованием генерал-фельдмаршала В. Лееба не смогла развить наступление на Ленинград.

Германский Генеральный штаб так оценивал сложившуюся обстановку: „Таким образом, противник получает один месяц времени, чтобы западнее Москвы организованно укрепиться для обороны, при одновременном отражении наступления, проводимого в августе недостаточными силами. Этим самым он, в конце концов, достиг того, что для него очень важно. Постоянной угрозой нашим флангам он расколол единство сил. Одновременно ему удалось на несколько недель исключить непосредственную угрозу Москве и этим самым добиться большого политического успеха“.

Внимательно следя за развитием событий на фронтах, Жуков сделал вывод о том, что немецкое командование, видимо, не решится оставить

без внимания опасный для группы армий „Центр“ участок — правое крыло фронта — и будет стремиться в ближайшее время разгромить наш Центральный фронт. Если это произойдет, то вражеские войска получат возможность выйти во фланг и тыл нашему Юго-Западному фронту, разгромят его и, захватив Киев, обретут свободу действий на Левобережной Украине. Поэтому только после того, как будет ликвидирована угроза флангу центральной группировки со стороны юго-западного направления, противник сможет начать наступление на Москву. Что касается северо-западного направления, то Жуков полагал, что противник попытается усилить войска группы армий „Север“, с тем чтобы в кратчайшее время овладеть Ленинградом, соединиться с финской армией, а затем также повернуть свои силы на Москву, обходя ее с северо-востока. Этой операцией немецкое командование будет стремиться снять угрозу левому флангу своей ударной группировки на московском направлении.

О своих предположениях Жуков доложил 29 июля Сталину. Главный его вывод заключался в том, что на московском направлении противник в ближайшее время не сможет вести крупные наступательные операции, так как от контрударов советских войск он понес здесь слишком большие потери и не располагает крупными стратегическими резервами для обеспечения флангов группы армий „Центр“. На прибалтийском направлении без дополнительных сил немецкие войска не в состоянии начать операцию по захвату Ленинграда. На Украине наиболее слабым участком обороны советских войск является Конотоп — Гомель. Сюда противник сможет повернуть часть сил группы армий „Центр“ и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

Мы имеем возможность сравнить предположения Жукова с намерениями немецкого командования, которые были изложены в директиве № 34 Генерального штаба, подписанной 30 июля Гитлером. Она требовала от войск группы армий „Север“ продолжать наступление на Ленинград, окружить его и установить связь с финской армией. Группе армий „Центр“ предстояло перейти к обороне, на правом фланге провести наступление с ограниченной целью — занять более выгодные исходные позиции. На группу армий „Юг“ возлагалась задача продолжать операции против советских войск западнее Днепра, захватить плацдармы в районе Киева и южнее, уничтожить 5-ю армию Юго-Западного фронта.[227] Впервые с начала Второй мировой войны немецкие армии вынуждены были перейти к обороне на главном стратегическом направлении. Гитлер считал, что в условиях, когда сопротивление советских войск значительно возросло, а потери немецких войск увеличились, особенно в танковых группах, невозможно одновременное наступление на Ленинград, Москву и в сторону Донбасса. Наступление на Москву было остановлено.

Таким образом, Жуков в целом правильно предугадал замысел противника. Он считал необходимым немедленно организовать на западном направлении мощный контрудар, пока противник там ослаблен, и ликвидировать ельнинский выступ. Но его предложение отвести Юго-Западный фронт за Днепр, а Киев сдать, чтобы спасти войска фронта, вызывало у Сталина ярость. Как можно додуматься сдать Киев!

---

227 См.: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. С. 197

И вновь Жукова, как уже не раз случалось на подобных совещаниях, подвело самообладание: вспылив, он попросил освободить его от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт.

И все же сейчас трудно судить, что повлияло на решение Сталина в отношении Жукова: то ли вспыльчивость и резкость Георгия Константиновича, то ли его неприемлемое для Сталина предложение сдать Киев. Вероятнее всего, так, в частности, считает А.М.Василевский, Сталин предпочел использовать командный опыт Жукова непосредственно в войсках.[228] Так или иначе, от обязанностей начальника Генштаба его освободили. Жуков назначался командующим Резервным фронтом с сохранением обязанностей заместителя наркома обороны и члена Ставки.

31 июля Жуков, сдав дела назначенному вместо него Б.М.Шапошникову, выехал в Гжатск, в штаб Резервного фронта. В тот же день он доложил Шапошникову о критическом положении, в которое попала группа войск генерала В.Я.Качалова: после взятия немцами Рославля ей грозило окружение. Шапошников согласился с предложением Жукова немедленно оттянуть на восток левый фланг и центр группы. Однако слабая выучка личного состава, недостаточно тесное взаимодействие между родами войск, нехватка авиации для их поддержки с воздуха не позволили полностью выполнить поставленную задачу. Против группы Качалова были брошены девять вражеских дивизий, которым удалось 3 августа окружить советские войска в районе Рославля. На следующий день Владимир Яковлевич погиб в бою. Это подтверждает и обзор штаба 9-го немецкого армейского корпуса, захваченный впоследствии советскими войсками: „К этому моменту пал командующий 28-й армией Качалов, который со своим штабом, вместе с особо мощной танковой группой пытался прорваться через Старинку, но, в конце концов, был задержан и не прошел“. Жуков в своих „Воспоминаниях и размышлениях“ пишет, что генерал В.Я.Качалов пал смертью героя.

Перед угрозой всеобщего развала фронта Сталин идет на применение крайних мер с целью укрепления дисциплины и стойкости войск. Особо показателен в этом отношении (да он и был показательным!) приказ Ставки Верховного главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года „О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий“. В нем говорилось:

„Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения…

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней

228 См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 119.

дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта…

11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8-го механизированного корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова — Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2-го ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробились из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив, таким образом, преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают

красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя…

Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев“.[229]

Приказ подписали Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков.

Приказ от 16 августа неукоснительно проводился в жизнь. Упомянутый в нем генерал Качалов был приговорен к расстрелу после смерти. Было принято решение о привлечении к ответственности членов его семьи. Жена Качалова Елена Николаевна Ханчин-Качалова и его теща Елена Ивановна Ханчин были приговорены к восьми годам лишения свободы. В декабре 1953 года Главная военная прокуратура пришла к выводу, что генерал-лейтенант В.Я.Качалов „за измену Родине осужден необоснованно“ и „должен быть полностью реабилитирован“.

…Обстановка на фронтах тем временем продолжала ухудшаться. Особенно тяжелое положение складывалось на киевском направлении. Войска немецких 2-й армии и 2-й танковой группы, повернув на юг, вышли 18 августа к Стародубу, а на следующий день к Гомелю и продолжили стремительное наступление, создавая реальную угрозу правому флангу и тылу Юго-Западного фронта. Контрдействия Брянского фронта, на который так надеялся И. В. Сталин, успеха не принесли. События развивались так, как и предполагал Жуков.

19 августа он телеграфирует Сталину:

„Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск

229 Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 421–422.

на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс…

Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на р. Десна…“[230]

В тот же день из Ставки пришла ответная телеграмма:

„Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаем правильными. Продвижение немцев… будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й (правильно 13-й. — В.Д.) и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт (16 августа. — В.Д.) во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых сообщим особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин. Шапошников“.[231]

И вновь выводы Жукова позволили предвосхитить действия противника. 21 августа А. Гитлер подписал директиву, которая, по мнению Ф.Гальдера, имела „решающее значение для всей Восточной кампании“. В директиве отмечалось, что „важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

…На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель, Почеп, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий „Юг“ и „Центр“ по сходящимся направлениям. Целью этой операции должно являться не только вытеснение за Днепр

5-й русской армии частным наступлением 6-й армии, но и полное уничтожение противника, прежде чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна, Конотоп, Сула. Тем самым войскам группы армий „Юг“ будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков.

…От группы армий „Центр“ требуется, чтобы она, не считаясь с планами последующих операций, бросила на проведение вышеупомянутой операции такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи по уничтожению 5-й русской армии и в то же время позволяло группе армий отражать атаки противника на центральном

230 Цит. по: Баграмян И.Х. Так начиналась война. С. 298–299.

231 Там же. С. 299.

направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил…“.[232]

Немцы явно переоценили свои позиции на центральном направлении, особенно в районе Ельни. Захватив город еще 19 июля, они создали здесь сильный плацдарм, глубоко вдававшийся в оборону советских войск. Удержать этот плацдарм немецкое командование стремилось во что бы то ни стало, так как он представлял выгодную исходную позицию для удара в целях дальнейшего продвижения на Москву.

Верный своей привычке оценивать обстановку не только по картам, но прежде всего на местах, Жуков еще в начале августа несколько раз посетил штаб и расположение частей 24-й армии. Побывав на переднем крае обороны, он пришел к выводу, что для уничтожения противника необходимо с юга и с севера ударить под основание ельнинского выступа и окружить его. Войска 24-й армии генерала К.И.Ракутина несколько раз пытались срезать выступ, но недостаток сил, отсутствие опыта ведения наступательных действий не позволили выполнить эту задачу. Да и противник, как выяснилось, сумел значительно лучше, чем предполагалось, подготовиться к ведению обороны.

21 августа Жуков приказал командующему 24-й армией прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и лучше организованного удара. Группировку для наступления Георгий Константинович усилил тремя дивизиями и артиллерией. Вскоре была получена и директива Ставки, в которой, в частности, указывалось: „Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами оборонительную полосу на рубеже Осташков — Селижарово — Оленино — река Днепр (западнее Вязьмы) — Спас-Деменск — Киров, 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: разгромить ельнинскую группировку противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починок и Рославль, к 8 сентября 1941 года выйти на фронт Долгие Нивы — Хиславичи — Петровичи“.[233]

Указания Ставки полностью соответствовали замыслам Жукова. К этому сражению он готовился тщательно и осмотрительно — ведь это была его первая самостоятельная операция в Великой Отечественной войне. Дни и ночи мотался на своем вездеходе „ГАЗ-61“ по частям, много времени проводил непосредственно в частях, организуя разведку противника и местности, отрабатывая вопросы взаимодействия пехоты и артиллерии.

Шофер Жукова А. Н. Бучин так вспоминает эти дни: „Намотались в то время до упаду, все в дороге, часто под огнем. Покрытый пылью, Г.К.Жуков выглядел как негр, мы того хуже… Наверное, никогда больше за всю войну Георгий Константинович не бывал чуть ли не все время на передовой и вблизи нее, как под Ельней. Оно и понятно — мы только начинали учиться воевать…“

Особенно запомнился Бучину прохладный день в конце лета, когда они вместе с Жуковым стали свидетелями трагичного воздушного боя: два „мессершмитта“ расстреливали наши истребители И-15 и И-16, израсходовавшие на задании боезапас. Из одного сбитого самолета успел

232 Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. С. 271–272.

233 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 209.

выпрыгнуть летчик. „Георгий Константинович и мы, свидетели происходившего, с облегчением вздохнули: хоть этот спасется. Но в ту же секунду мелькнул „мессер“, влепил в упор очередь в беспомощно качавшегося на стропах парня и ушел. Парашют как-то бережно опустил тело летчика на землю недалеко от нас. Подошли. Он был совсем мальчиком, в синем комбинезоне, кожаном шлеме, весь залитый кровью. Жуков отрывисто приказал — предать земле с почестями, повернулся и пошел прочь. Редко когда я видел такой гнев на лице генерала, глаза сузились и буквально побелели“.

В Ельнинском сражении девяти дивизиям армии Ракутина (60 тысяч человек, до 800 орудий и минометов, 35 танков) противостояли части немецкого 20-го армейского корпуса 4-й армии (около 70 тысяч человек, 500 орудий и минометов, до 40 танков). Для выполнения замысла операции были созданы две ударные группы — Северная и Южная, наносившие встречные удары на Леонов, а третья — Центральная — атаковала Ельню с востока. 30 августа войска 24-й армии перешли в наступление, и за четыре дня ожесточенных боев ее ударные группировки вклинились во вражескую оборону на 2 километра. Отразив сильные контратаки, к 3 сентября они охватили фланги противника, оборонявшегося в ельнинском выступе, сузив его горловину до 6–8 километров.

4 сентября Жукова вызвал по прямому проводу Сталин, которому доложили, что тот планирует после ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленска, оставив в трудном положении Рославль. Сталину представлялось, что боевые действия в районе Смоленска следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. Далее разговор развивался следующим образом:

„Жуков . Тов. Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 (речь идет о стрелковых дивизиях. — В.Д.) я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома Ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7–8 дивизий для выхода в район Починок, и, заслонившись в районе Починок в стороне Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, то есть в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3–4 дивизии — приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на Рославльском направлении, это дело я могу организовать, но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей Ельнинской группировки занята Софиевка. У противника горловина осталась всего 6 км. Я думаю, на завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение. Все.

Сталин . Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у Вас застрянут там.

Жуков . Докладываю. Удар намечается через Погуляевку южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторено-Васьково, 30 км северо-западнее Рославля, км 10 южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23 пехотная дивизия сменена 267 пехотной дивизией, и тут же он

наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий. Все.

Сталин . Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра за 10 километров южнее Починок. Можете действовать, особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС (реактивные снаряды. — В.Д.). Когда Вы думаете начать?

Жуков . Перегруппировки произведу к 7-му. 7 подготовка, 8 на рассвете удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС-76, да и 152 мм 1930 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно, один полк Илов и один полк Пе-2 и танков штук 10 КВ и штук 15 Т-34. Вот все мои просьбы. Все.

Сталин . К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут — дадим. РСы получите, жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

Жуков . Нечем, нечем, тов. Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете 8, постараюсь, может быть, выйдет на рассвете 7 Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, тов. Сталин, что удар 7 или 8 — это будет не поздний удар…“[234]

Под угрозой окружения противник вынужден был начать отвод своих войск из района Ельни, и к утру 6 сентября советские войска освободили город. Соединения 24-й армии продвинулась на запад на 25 километров, ликвидировали ельнинский выступ и 8 сентября вышли к подготовленному противником оборонительному рубежу по рекам Устрой и Стряна, где встретили организованное сопротивление.

В тот же день Жуков направил в Москву донесение: „Товарищу Сталину.

Копия: Товарищу Сапожникову

Докладываю кратко итоги Ельнинской операции:

В районе Ельня в период с 30 августа по 6 сентября действовали следующие части противника: 137 австрийская пд (пехотная дивизия. — В.Д.), 178, 292, 268 пд, один полк 7 пд и один полк 293 пд, два мотоциклетных батальона; орудий 200–240. В австрийской дивизии весь командный состав — немцы. Эти части противника прибыли с разных направлений в период 20.8–30.8 и заменили дивизию СС, 15 пд, 17 мд (моторизованная дивизия. — В.Д.), 10 тд (танковая дивизия. — В.Д.); 5, 31, 41 инженерные батальоны. По показаниям всех пленных, дивизия СС, 15 пд, 17 мд выведены в тыл в связи с очень большими потерями, которые эти дивизии понесли в боях за Ельню. Всего за период боев в районе Ельни противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулеметов, минометов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178 пд минометов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние

3–5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все

234 Цит. по: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 214–216.

братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность.

Для укрытия от огня нашей артиллерии и от авиации во всех районах расположения войск, как в тылу, так и на передовых позициях, противник оборудовал большое количество убежищ от 152-мм снарядов и 100-кгр бомб. Убежища, как правило, устроены за обратными скатами высот, глубоко врыты под насыпи железной дороги и под строения домов. Вдоль дорог для укрытия проходящих транспортов имеются отрытые щели.

Во исполнение Вашего приказа части 24 армии к 4.9 закончили оперативное окружение, а оставшаяся горловина простреливается артиллерийским огнем. Замкнуть полностью окружение противника и взять в плен всю Ельнинскую группировку нам не удалось, так как для этого оказалось явно недостаточно сил и в первую очередь танков на нашем правом и левом флангах.

Противник, видя невозможность и безнадежность сопротивления нашему наступлению, в ночь на 5.9 вывел через горловину основную массу артиллерии в тылы. С утра 5.9 начал отвод главных сил, а в 12–13 часов начал отводить 1-е эшелоны своей обороны.

Для обеспечения провода войск через горловину противник организовал по нашим фланговым ударным группам заградительный артиллерийский и минометный огонь с применением частых контратак. Сюда противником была брошена и авиация. Минирование противник применял только на отдельных важнейших участках и частично — перед уходом минировал брошенные окопы.

Танки и авиацию за последнее время противник применял отдельными группами и только дтя отражения наших атак на важнейших направлениях, видимо, эти средства он перебросил на другие направления.

Из состава наших войск очень хорошо действовали: 107 сд (стрелковая дивизия. — В.Д.), 19 сд. Неплохо действовали: 100 сд и 102 тд. Слабо и безынициативно действовали: 303 и 309 сд. Все части действовали в большом некомплекте.

Очень хорошо действовала вся артиллерия даже молодых дивизий. РС своими действиями производят сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел РС, и лично видел полное уничтожение и разрушение целых оборонительных районов. Ушаково — главный узел обороны противника — в результате залпов РС полностью разрушен, а убежища завалены и разбиты.

Преследуя противника, 7.9 наши части вышли на р. Стряна, захватили ее и с утра 8.9 имеют задачу развивать наступление, взаимодействуя с группой Собенникова (командующий группой войск Западного фронта. — В.Д.).

Наши потери: с 30.8 по 6.9 убито — около 3000, ранено — 13 030, пропало без вести — 1116 человек. Всего потери за последний этап операции — около 17 000…

В результате этой операции во всех войсках поднялось настроение и уверенность в победе. Сейчас части увереннее встречают контратаки противника, бьют его огнем и дружно, в свою очередь, переходят в контратаки.

С утра 8.9 части 24 и 43 армий перешли в наступление в целях уничтожения противника в районе Болтутино, р. Хмара и дальнейшего удара на Рославльском направлении.

Жуков.

Круглов (С.Н.Круглов — комиссар госбезопасности 3-го ранга, член Военного совета Резервного фронта. — В.Д.)“[235]

15 сентября ряду иностранных журналистов впервые с начала войны разрешили поездку на наш фронт, посмотреть Ельню. Английский журналист А.Верт признался, что не мог поверить своим глазам — все было разрушено: деревни, города. В самой Ельне, где до войны жило 15 тысяч человек, „уцелела только каменная церковь“. Дело было не только в разрушениях, вызванных военными действиями. Перед бегством „немцы обходили дома, забирали все, что можно было найти в них ценного, а потом поджигали дом за домом“.

Разбитые снарядами леса, выжженная земля. Везде немецкие трупы и горы уничтоженной гитлеровской техники — танки, орудия, минометы. „Эта неделя, проведенная на Смоленщине, — записал Верт, — подействовала на меня в известной мере ободряюще, но в то же время оставила впечатление трагедии. Исторически то была одна из стариннейших русских земель, чуть не самое сердце Древней Руси... Трагичной была вся полностью разрушенная территория ельнинского выступа, где все города и деревни были уничтожены, а немногие уцелевшие жители ютились в погребах и землянках... И все же это была не просто первая победа Красной Армии над немцами, но и первый кусок земли во всей Европе — каких-нибудь 150–200 квадратных километров, быть может, — отвоеванный у гитлеровского вермахта“.

Ельнинское сражение стало одной из первых успешных наступательных операций советских войск в Великой Отечественной войне. За стойкость в обороне и решительность в наступлении, высокую дисциплину и массовый героизм, проявленные личным составом, 100, 127, 107 и 120-я стрелковые дивизии 24-й армии в числе первых получили почетное наименование гвардейских и соответственно новые названия: 1, 2, 5 и 6-я гвардейские стрелковые дивизии.

Талант полностью раскрывается только тогда, когда в основе его лежит тяжелый, порой каторжный труд. Совершенно не имея времени хотя бы раз нормально выспаться, Георгий Константинович находит в себе силы для тщательного анализа только что проведенной операции, характера действий противника. В начале сентября он вносит обстоятельные заметки в свою записную книжку:

„Организация и успешное проведение наступательной операции по ликвидации ельнинского выступа, всесторонне сложная работа в должности начальника Генерального штаба в первые пять недель войны дали мне много полезного для командной деятельности оперативно-стратегического масштаба и понимания различных способов проведения операций.

Теперь я гораздо лучше осмыслил все то, чем должен владеть командующий для успешного выполнения возлагаемых на него задач. Глубоко убедился в том, что в борьбе побеждает тот, кто лучше подготовил вверенные ему войска в политико-моральном отношении, кто сумел более четко довести до сознания войск цель войны и предстоящей операции и поднять боевой дух войск, кто стремится к боевой доблести, кто не боится драться в неблагоприятных условиях, кто верит в своих подчиненных.

---

235 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 210–212.

Пожалуй, одно из самых важных условий успеха проведения боя или операции — своевременное выявление слабых сторон войск и командования противника. Из опроса пленных стало очевидным, что немецкое командование и войска действуют сугубо по шаблону, без творческой инициативы, лишь слепо выполняя приказ. Поэтому, как только менялась обстановка, немцы терялись, проявляли себя крайне пассивно, ожидая приказа высшего начальника, который в создавшейся боевой обстановке не всегда мог быть своевременно получен.

Лично наблюдая за ходом боя и действиями войск, убедился, что там, где наши войска не просто оборонялись, а при первой возможности днем и ночью контратаковали противника, они почти всегда имели успех, особенно ночью. В ночных условиях немцы действовали крайне неуверенно и, я бы сказал, плохо.

Из практики проведения первых операций сделал вывод, что чаще всего неудачи постигали тех командующих, которые лично не бывали на местности, где предстояло действовать войскам, а ограничивались изучением ее по карте и отдачей письменных приказов. Командиры, которым предстоит выполнение боевых задач, должны непременно хорошо знать местность и боевые порядки противника, с тем чтобы использовать слабые стороны в его дислокации и направлять туда главный удар.

Особенно отрицательно сказывается на ходе операции или боя поспешность принятия военачальниками решений без детальной перепроверки полученных сведений и учета личных качеств тех, кто докладывает обстановку, — военных знаний, опыта, выдержки и хладнокровия.

Большое значение для одержания победы в любом масштабе имеют хорошо отработанные на местности (или, в крайнем случае, на ящике с песком) взаимодействия всех видов и родов войск, как в оперативных объединениях, так и в тактических соединениях…“

После завершения Ельнинской операции Жуков был вызван в Москву и 9 сентября прибыл в Кремль. Сталин похвалил: неплохо получилось под Ельней. Признался, что прав был Жуков в конце июля — плохо идут сейчас дела под Киевом. Поинтересовался, кем бы можно заменить там Буденного, который не справляется. После этих слов Жуков почти не сомневался, что его планируют назначить командующим Юго-Западным направлением. Оказалось, нет. Его ждал Ленинград, находившийся в очень тяжелом положении.

Оценивая по просьбе Сталина общую ситуацию на фронтах, Жуков вновь высказал убеждение, что самым опасным участком по-прежнему является Юго-Западный фронт. Войска группы армий „Центр“, прорвавшиеся в район Чернигова, могут смять 21-ю армию и выйти в тыл Кирпоносу. Уверен, что Клейст с кременчугского плацдарма будет оперативно взаимодействовать с Гудерианом. Выход один: немедленно отвести киевскую группировку на восточный берег Днепра, сдать Киев и укрепить фланги фронта.

На этот раз Сталин отреагировал спокойно, но ничего конкретного не сказал. Наверное, любой бы на месте Георгия Константиновича посчитал безумием с такой настойчивостью предлагать оставить без боя Киев и довольно большую территорию — за такие советы можно и поплатиться. Любой бы, но не Жуков. Но время показало, как он был прав. Спустя полтора месяца потеряли и Киев, и в придачу к нему четыре армии.

Впоследствии твердость и смелость в отстаивании своей позиции перед политическим руководством страны сделали свое дело: Верховный главнокомандующий стал с большим вниманием прислушиваться к его обоснованным выводам и предложениям при выработке планов кампаний и стратегических решений.

В то время как Жуков готовил и проводил первую успешную операцию наших войск под Ельней, противник, сосредоточив в районе Чудова девять дивизий 4-й танковой группы, возобновил наступление на Ленинград. 25 августа немецкие войска захватили Любань, 28 августа — Тосно. До города на Неве оставалось менее 50 километров.

26 августа в Ленинград была направлена целая группа уполномоченных ГКО: В.М.Молотов, Г.М.Маленков, Н.Г.Кузнецов, А.Н.Косыгин, П.Ф.Жигарев, Н.Н.Воронов, — но ее работа ощутимых результатов не приносила. Сталин был крайне недоволен действиями командования Ленинградского фронта. В распоряжении, направленном 28 августа командующему фронтом Попову, указывалось: „Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всяческими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда через несколько дней сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предложениям“.[236]

На следующий день Сталин послал секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) Кузнецову телеграмму для Молотова и Маленкова: „Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления, в этом они видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе?.. *Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке?“* (курсив мой. — В.Д.).[237] Как видим, опять разносы, недоверие, подозрения.

А противник продолжал упорно рваться к Ленинграду, 30 августа вышел к Неве, 8 сентября занял Шлиссельбург, выйдя к Ладожскому озеру и блокировав город с суши. Отныне сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Новый командующий Ленинградским фронтом маршал Ворошилов отдал приказ о подготовке к уничтожению важнейших объектов города. Впрочем, в должности этой Климент Ефремович находился всего несколько дней: прибывшая в Ленинград во главе с Молотовым комиссия пришла к однозначному выводу: оставлять Ворошилова в качестве руководителя обороны Ленинграда нельзя.

В Ленинград Жуков вез с собой записку Сталина, адресованную Ворошилову: „Передайте командование фронтом Жукову, а сами

---

236 Там же. С. 212–213.

237 Там же. С. 213.

немедленно вылетайте в Москву“.

Сталин не был уверен в том, удастся ли отстоять Ленинград. По словам Жукова, он считал, что, „видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным“. Не случайно Иосиф Виссарионович подписал 13 сентября приказ, который содержал „план мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда по кораблям и судам“. Первым пунктом этого плана значилось, что „в случае вынужденного отхода из Ленинграда все корабли военного флота, торговые, промысловые и технические суда подлежат уничтожению“.[238]

Рано утром 10 сентября с аэродрома Сарожа, что в 20 километрах севернее Тихвина, поднялись в воздух три звена 160-го истребительного авиационного полка. Вскоре они приземлились на соседнем аэродроме Кайвакса, где получили приказ на сопровождение военно-транспортного „Дугласа“. На его борту находился Жуков. Поначалу полет проходил спокойно. Однако при выходе на побережье Ладожского озера в районе Шуряги, между устьями Волхова и Свири, неожиданно впереди появились „мессершмитты“. Советские истребители вступили в бой с противником, „дуглас“ резко ушел на малую высоту и увеличил скорость, продолжая лететь своим курсом. Немецкие истребители предпринимали одну попытку за другой, чтобы прорваться к „дугласу“, но группа прикрытия, умело маневрируя в непосредственной близости от него, отразила все вражеские атаки. Противник оставил в покое советские самолеты только вблизи Ленинграда. Так, благодаря мужеству и самоотверженности летчиков 160-го истребительного авиационного полка, успешно закончился перелет Жукова в город на Неве.

Приехав в Смольный, Жуков прошел в кабинет Ворошилова. Здесь за покрытым красным сукном столом сидело человек десять — проходил расширенный Военный совет Ленинградского фронта, решавший вопрос об уничтожении важнейших объектов города и кораблей Балтийского флота. Характер разговора буквально взбесил Жукова. Здесь думают не о сопротивлении, а о сдаче города. Он подал записку Сталина Ворошилову. Тот молча прочитал ее и грузно опустился на стул.

Георгий Константинович объявил присутствующим, что он назначен командующим фронтом, а начальником штаба будет генерал М.С.Хозин. Приказ Ставки о назначении Жукова командующим войсками Ленинградского фронта был подписан 11 сентября.

Обстановка в городе была критическая. До войны никто и не думал, что Ленинград придется оборонять с юга. А теперь город был блокирован со всех сторон. На улицах, в жилых кварталах рвались бомбы и снаряды. Немецкое командование беспрерывными обстрелами и бомбежками пыталось сломить у войск и населения волю к борьбе. В этой тяжелой ситуации требовалось не только переломить упаднические настроения командования и руководства города, но и в короткие сроки организовать имеющимися в наличии силами прочную оборону. Помощи в ближайшее время ждать не приходилось. Жуков приказал генералу И.И.Федюнинскому, прибывшему с ним из Москвы, отправиться в 42-ю армию, где сложилась наиболее напряженная обстановка, на месте во всем разобраться и принять необходимые меры по предотвращению прорыва противника к Ленинграду через Пулковские высоты.

---

238 Там же. С. 216.

Командующему Балтийским флотом вице-адмиралу В.Ф.Трибуцу было приказано немедленно разминировать корабли, подтянуть их ближе к южному берегу Финского залива, установить взаимодействие с командующими армиями и огнем корабельных орудий поддержать войска. Основные усилия артиллерии сосредоточить на Урицке и Пулковских высотах.

Для отражения ударов немецких танков Жуков приказал использовать зенитную артиллерию, на наиболее опасных направлениях, особенно в районе Пулковских высот, немедленно организовал инженерные работы. Для этого было мобилизовано и население города. Началось формирование отдельных стрелковых бригад на базе флота и учебных заведений Ленинграда.

Враг продолжал рваться к городу. 13 сентября 42-я армия отошла на пулковский оборонительный рубеж, строительство которого так и не успели завершить. Линия фронта вплотную приблизилась к Ленинграду.

В Ставке царила тревога: положение и на юго-западном направлении стало еще хуже. 12 сентября из района Кременчуга перешла в наступление, нанося удары в северном направлении, 1-я танковая группа генерала Э.Клейста, а навстречу ей двигались дивизии 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана. Через три дня ловушка захлопнулась в районе небольшого украинского села Лохвицы. В киевском котле оказались управление Юго-Западного фронта и свыше 450 тысяч человек. 20 сентября погиб командующий фронтом генерал-полковник М.П.Кирпонос.

Верховное главнокомандование считало одной из причин неудач то, что многие бойцы и командиры не проявляли необходимой стойкости. Требовались неординарные, более жесткие меры для наведения порядка на фронте.

12 сентября Ставка разослала военным советам фронтов директиву № 001 919, написанную начальником Генштаба Шапошниковым под диктовку Сталина. В директиве отмечалось, что „в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме бросают оружие, начинают кричать: Нас окружили! — и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть. Подобные явления имеют место на всех фронтах“. Далее говорилось, что „твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много“, и требовалось „в каждой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов. На каждый дивизионный заградительный отряд (до стрелкового батальона) выделять автомобили, несколько танков и бронемашин. Заградительные отряды должны были обеспечивать помощь „командному составу в поддержании твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники…“.

14 сентября Жуков по прямому проводу докладывал обстановку Шапошникову. Крайне сложной она была в южном секторе Ленинградского фронта, где немцы организовали прорыв и приблизились к окраинам города с юга. Так как прежнее командование фронта не удосужилось создать в районе Ленинграда резервы, Жукову приходилось сдерживать наступление с помощью случайных отрядов, отдельных полков и вновь формируемых рабочих дивизий. На путях движения

противника он организовал систему плотного заградительного огня, включая морскую, зенитную и прочую артиллерию, минометы. К защите южных рубежей города была привлечена вся авиация фронта и Балтийского флота. На этом направлении удалось собрать до сотни танков, а непосредственно на окраине города развернулась дивизия НКВД, усиленная сотней орудий.

Но сил, особенно современных средств вооружения, явно не хватало. На всем Ленинградском фронте из 268 самолетов в исправном состоянии находились только 163. Особенно плохо обстояло дело с бомбардировщиками и штурмовиками. Жуков мог рассчитывать всего лишь на 6 самолетов Пе-2, 2 самолета Ил-2, 2 самолета Ар-12, 11 самолетов СБ. Поэтому командующий фронтом просил у Ставки по существу одного: усилить бомбардировочную авиацию.

Из телефонного разговора с Шапошниковым видно, что Жуков был недоволен состоянием моральной атмосферы и дисциплины в войсках: „Сейчас приходится принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях… Если придется, не остановимся ни перед какими мерами“.[239]

Организуя в эти дни оборону Ленинграда, особую надежду Георгий Константинович возлагал на 54-ю отдельную армию Г. И. Кулика, которая по приказу Сталина должна была деблокировать город с востока. В ночь на 15 сентября он связывается с Куликом и настойчиво просит его немедля развернуть наступление. Но у командующего 54-й армией свои проблемы: немцы сосредоточили напротив его правого фланга крупную группировку и перешли в наступление. Поэтому ему понадобится время, чтобы отбить его и сконцентрировать свои силы. После этого разговор приобрел нелицеприятный характер. Жуков — Кулику: „Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего!“

Впоследствии Георгий Константинович отмечал, что Кулик ошибался: действия противника были не более чем попыткой боем разведать оборону советских войск. Он явно не представлял себе или не хотел понять крайнего напряжения обстановки под Ленинградом.

16 сентября на Кулика попытались воздействовать Сталин и Шапошников, распорядившиеся „не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым. В своем разговоре с вами 15 сентября Жуков обрисовал вам его положение, и поэтому вашу операцию затягивать нельзя“. Несмотря на это, войска 54-й армии перешли в наступление только через несколько дней.

А пока велись эти уговоры, обстановка вокруг Ленинграда вновь резко обострилась. Противник прорвался к Финскому заливу, отрезав

---

239 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 170–172.

войска 8-й армии от основных сил фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм. На следующий день немецкие войска захватили Павловск и ворвались в Пушкин. Жуков вынужден был пойти на крайние меры и 17 сентября издал приказ военным советам 42-й и 55-й армий: „Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа: Лигово, Кискино, Верх, Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу“.[240]

Одновременно Жуков и Жданов докладывают Сталину:

„В течение 17.9.41 шли упорные бои на всем фронте, южнее Ленинграда. Особенно ожесточенные бои шли в районе Разбегай, Стрельна, Урицк. Здесь противник в дополнение к пяти ранее наступавшим дивизиям ввел в бой еще одну пехотную дивизию (58 пд). В результате левый фланг 8 А был оттеснен противником к Стрельне. Правофланговые части 42 А оставили было Урицк, но потом контратакой вновь овладели этим пунктом. Продолжается очистка от мелких групп противника района Иваново, Сосновая Поляна.

Противник также вел настойчивые атаки в направлении Пушкин, где дополнительно к ранее наступавшим четырем пехотным и одной танковой дивизиям ввел в бой еще одну танковую дивизию.

В результате ожесточенных боев части 55-й армии были потеснены и к концу дня вели бои в северо-восточной части Пушкина и вдоль шоссе на Путролово.

Авиация противника действовала главным образом на поле боя, особенно активно на фронте 55-й армии, где участвовало до 200 самолетов. Произведены также три авианалета на правый берег р. Нева в районе Пороги. Наша авиация штурмовала и бомбила скопления войск противника и подходящие его колонны.

Войскам фронта на 18.9.1 поставлены задачи: 8-й армии — силами не менее пяти дивизий нанести удар с рубежа Хавони, Павкуля на Красное Село; 42-й армии — упорно оборонять занимаемый рубеж; 55-й армии — восстановить утраченное положение“.[241]

С выходом противника к поселку Володарского и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался растянутым. Учитывая это, Жуков решил силами 8-й армии нанести контрудар во вражеский фланг. Однако, осуществив перегруппировку, противник 20 сентября силами до четырех дивизий начал ответное наступление. Немцам удалось не только остановить продвижение войск 8-й армии, но и оттеснить ее.

В штаб 8-й армии полетела „молния“:

„Если 8-я армия допустит захват немцами Петергофа, немцы нам разгромят Кронштадт.

8-я армия своими действиями не только подводит Ленинградский фронт, но играет предательскую роль. В то время как 23, 42, 55 А блестяще отражают все атаки немцев, нанося им громаднейшие потери,

240 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 222.

241 Там же. С. 223

8-я армия, имея против себя 3–4 тысячи немцев с 10–20 танками, позорно разбегается при первом выстреле. Военный совет бездействует, настроен больше на эвакуацию, а не на упорный бой. Такой военный совет вполне заслужил суровой кары, вплоть до расстрела.

Я требую: Щербакову, Чухнову, Королеву выехать в 2 дно (дивизия народного ополчения. — В.Д.), 11 сд, 10 сд и лично вести их в бой. Шевалдину и Королеву предупредить командиров всех степеней, что они за самовольное оставление Петергофа будут расстреляны, как трусы и изменники. Всем объявить — ни одного шага назад.

Командующий фронтом Жуков

Член военного совета Жданов“.[242]

Командующий 8-й армией В.И.Щербаков и член Военного совета И.Ф.Чухнов были отстранены от должности, а на их место назначены Т.И.Шевалдин и А.Д.Окороков.

Война порождает явления, которые часто стоят вне сферы человеческого осмысления. Жестокость — одно из них.

Ленинград

Жукову, Жданову, Кузнецову, Меркулову

Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск делегатов от занятых ими районов — стариков, старух, женщин и детей — с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир.

Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов.

Мой ответ: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда.

Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, костите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были.

Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до военного совета Балтфлота и командиров и комиссаров кораблей.

И. Сталин 21 сентября 1941 г.

Продиктовано по телефону т. Сталиным в 4 часа 21 сентября.

Б. Шапошников“.[243]

Твердость и целеустремленность нового командующего Ленинградским фронтом, использование самых решительных, а порой и жестоких мер воздействия на укрепление порядка, организованности, дисциплины возымели свое действие. Жуков сумел в самые сжатые сроки мобилизовать для защиты Ленинграда все ресурсы, использовать все, даже малейшие возможности, которыми он располагал. В войсках стала

242 Там же. С. 224.

243 Там же. С. 229–230.

появляться уверенность в успехе, и они с все возрастающим упорством дрались на занимаемых позициях, переходя в контратаки при любом удобном случае. Как того требовал Жуков. В конце концов противник выдохся, фронт стабилизировался. Командующий группой армий „Север“ генерал-фельдмаршал В.Лееб доложил главнокомандующему Сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршалу В.Браухичу, что оставшимися силами продолжать наступление на Ленинград он не может».

Немецкие войска от стратегического наступления перешли к длительной позиционной осаде, пытаясь задушить Ленинград в тисках полной блокады. Отрезанным от Большой земли войскам и населению города предстояла долгая борьба за выживание.

Глава VIII. Не отдали Москвы

Вторые сутки командующий разъезжал в районе боевых действий и искал свои войска — такого случая не было, может быть, во всей истории войн. «В ту памятную поездку, — вспоминал находившийся тогда за рулем А. Н. Бучин, — мы объезжали штаб за штабом на западном направлении. Жуков каким-то неведомым чутьем отыскивал очередной штаб, они были замаскированы от врага, а в данном случае и от своих. Чем дальше мы ехали по прифронтовой полосе, тем более Георгий Константинович мрачнел».

Было от чего помрачнеть. Утром 8 октября с большим трудом разыскали, наконец, штаб Резервного фронта. Выяснили, что связь с войсками и Генштабом практически отсутствует, сведения о противнике самые скудные и, что самое любопытное, начальник штаба генерал Анисимов не знает, где находится командующий фронтом С.М.Буденный. Предположительно в Малоярославце. Жуков приказал наладить связь, добыть сведения о противнике, перекрыть артиллерией все дороги, ведущие к Москве, западнее Вереи, Боровска, Медыни, Калуги.

В Малоярославце пустынно, ни одной живой души. Буденного нашли в здании райисполкома. Оказалось, что он не знает, где его, Буденного, штаб и уже более двух суток не имеет связи с командующим Западным фронтом Коневым. По словам Семена Михайловича, 24-я и 32-я армии разбиты, а фронта обороны не существует. Не известно, в чьих руках Юхнов.

Такой беспомощности и такого беспорядка Жуков не видел давно. Да что там беспорядок — развал полный. На обратном пути проехали знакомые с детства, милые сердцу места. Протва, разъезд Обнинское. Отсюда и до Стрелковки рукой подать, какой-то десяток километров, а там ведь мать и сестра с детьми. Но на счету каждая минута — враг рвется к Москве. Через две недели немцы будут топтать сапогами и родной край Жукова. К счастью, он вовремя успеет вывезти своих близких.

…Директиву № 35 о большом осеннем наступлении на Восточном фронте Гитлер подписал 6 сентября 1941 года. «Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий „Юг“ и „Центр“, в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий

Тимошенко, которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий „Центр“. Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении. С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены».[244]

Директивой предусматривалось:

«…В полосе группы армий „Центр“ подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах.

…После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий „Центр“ должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Ока, а левым — к верхнему течению Волги…

…При дальнейшем проведении операций предусмотреть, чтобы наступление группы армий „Центр“ на московском направлении было прикрыто с юга посредством выдвижения из полосы группы армий „Юг“ в общем направлении на северо-восток группировки прикрытия фланга, созданной из высвобождающихся подвижных соединений, и чтобы силы группы армий „Север“ были нацелены на прикрытие северного фланга группы армий „Центр“».[245]

Разработкой операции по захвату Москвы под кодовым наименованием «Тайфун» руководил командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. 24 сентября в штабе группы армий «Центр» состоялось совещание с участием главнокомандующего Сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршала В. Браухича и начальника Генерального штаба генерал-полковника Ф. Гальдера, посвященное подготовке нового наступления. Войска группы армий «Центр» должны были перейти в наступление 2 октября, а 2-я танковая группа — 30 сентября. «Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, — вспоминал Гудериан, — ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел — Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения».[246]

26 сентября войска группы армий «Центр» получили приказ о возобновлении наступления.

Предполагалось нанести три мощных удара из районов Духовщины

---

244 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2 кн. М.,2002. Кн. I. С. 165.

245 Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 14–73.

246 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 303

(3-я танковая группа), Рославля (4-я танковая группа) и Шостки (2-я танковая группа) в восточном и северо-восточном направлениях, прорвать оборону советских войск, а затем окружить и уничтожить их в районах Вязьмы и Брянска. Пехотным соединениям 9, 4 и 2-й армий предстояло сковать противостоящие советские войска и не допустить их преждевременного отхода на восток, а при благоприятном ходе операции перейти в наступление и ликвидировать окруженную группировку.

Немецкое командование, принимая решение о проведении операции «Тайфун», опиралось на разведывательные данные, которые, по оперативной сводке Главного командования Сухопутных войск вермахта от 15 сентября, свидетельствовали о следующем: «На центральном участке войска западного направления под командованием Тимошенко с 13.9 не предпринимают сильных атак. Действия авиации и артиллерии заметно ослабели. Пленные офицеры говорят о переходе к обороне. Дальнейшие планы русского командования пока не ясны. Оно может по совету своих союзников, которые считают положение Красной Армии более угрожаемым, чем сами русские, наконец, дать передышку своим войскам. Побудить русских прекратить атаки могли и такие причины, как истощение войск, большие потери и нехватка боеприпасов. Следует учитывать возможность, что в ближайшие дни русские произведут перегруппировку к обороне и, возможно, снимут часть сил с фронта перед ГА „Центр"…»[247]

Генеральный штаб Красной Армии в двадцатых числах сентября получил разведданные о подготовке противником крупного наступления. Обстановка требовала принятия незамедлительных мер по его срыву, но сил для этого было недостаточно. Поэтому Сталин и Шапошников направили 27 сентября командующему Западным фронтом директиву, которая предписывала: «В связи с тем, что, как выявилось в ходе боев с противником, войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, на всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций». Было приказано «мобилизовать все саперные силы фронта, армий и дивизий с целью закопаться в землю и устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями.

Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами…».[248]

Из этого распоряжения видно, что Ставка сумела правильно предугадать основные направления наступления противника и пыталась принять превентивные меры. Однако времени на подготовку устойчивой обороны катастрофически не хватало.

30 сентября противник перешел в наступление на орловском направлении, а 2 октября — на вяземском. 3 октября немецкие войска прорвали оборону советских войск на Западном фронте на глубину 50 километров, на Резервном — на 80. В полосе Брянского фронта они

247 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1. С. 197.

248 Там же. С. 183.

преодолели 200 километров и захватили Орел. Брянский фронт, будучи рассеченным ударами на нескольких направлениях, потерял свою боеспособность и, неся потери, разрозненными группами отходил на восток. Над его войсками нависла угроза окружения. Сгущались тучи над Западным и Резервным фронтами, оборона которых была также разбита. Обстановка с каждым часом накалялась, а приказа на отход все не было. Лишь в 19 часов 45 минут 3 октября начальник Генерального штаба приказал войскам Западного фронта начать отступление. Одновременно Ставка приняла решение об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов.

В этой обстановке Сталин, встревоженный последними событиями, 5 октября приказал Жукову оставить Ленинградский фронт и срочно прибыть в Москву.

На этот раз Сталин был болен и принял Жукова в своей кремлевской квартире. Выглядел он плохо и общался сухо.

Да и обстановка на театре боевых действий не располагала к задушевным беседам. От Западного и Резервного фронтов уже несколько дней не было ясных докладов об истинном положении дел. Поэтому Жукову поручалось незамедлительно выехать в их расположение, чтобы разобраться, что же там происходит. Затем Сталин поинтересовался мнением Жукова относительно намерений противника под Ленинградом. Георгий Константинович ответил, что в ближайшее время нового наступления там не ожидается, так как враг понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные дивизии из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Эти соединения, вероятно, будут применены для наступления на Москву.

Встретившись затем с Шапошниковым и получив от него необходимые документы, Жуков сразу же выехал в штаб Западного фронта. До Красновидова, где располагался штаб, он добрался поздней ночью. Застал на месте командующего фронтом генерала И.С.Конева, начальника штаба генерала В.Д.Соколовского, члена Военного совета Н.А.Булганина.

Главное, что мучило всех, — судьба войск, окруженных западнее и северо-западнее Вязьмы. Конев отдал приказ командующему 16-й армией генералу К.К.Рокоссовскому об их отводе и сосредоточении в лесах восточнее города. Однако части армии уже были отрезаны противником и остались в окружении. Сам Рокоссовский со штабом армии сумел проскочить через горловину и находился в лесу восточнее города. Не было связи с командующими 19-й и 20-й армиями — генералами М.Ф.Лукиным и Ф.А.Ершаковым, с соседними фронтами. Армиям правого крыла фронта — 22, 29 и 30-й, которые меньше пострадали, послан приказ отходить на линию Волги, Ржев, Сычевка. Для прикрытия центрального направления на Москву у фронта сил не осталось.

На следующий день, 7 октября, немецкие дивизии замкнули кольцо вокруг значительной части войск 19, 20, 24 и 32-й армий Западного и Резервного фронтов западнее Вязьмы, а через два дня окружили 3-ю и 13-ю армии в районе Брянска, который был захвачен накануне.

Противник сумел пробить 500-километровую брешь в обороне советских войск. Ситуация складывалась драматическая. 2-я танковая группа нацелилась на Тулу, чтобы овладеть дорогами для дальнейшего наступления на Коломну, Каширу и Серпухов. 3-я и 9-я армии намеревались уничтожить советские войска, окруженные в районе

Дорогобуж, Вязьма. 4-я армия должна была наступать с рубежа Калуга — Медынь в северо-восточном направлении, захватить переправы через реку Протва у Малоярославца и Боровска. На 3-ю танковую группу возлагался захват линии Гжатск — южнее Сычевска. 2-й армии было приказано во взаимодействии со 2-й танковой группой подавить сопротивление в районе Трубчевск, Жиздра и овладеть дорогой Рославль — Брянск.

Надо было предотвратить хаос, который мог возникнуть при массовом отступлении войск и который уже назревал, немедленно прикрыть наиболее опасные бреши, чтобы не дать противнику развивать успех. Иначе немецкие бронетанковые войска могут в любой день и час объявиться под Москвой. Следовало выделить главный и самый опасный участок. Собрав все сведения, имевшиеся в штабе Западного фронта, Жуков пришел к выводу: это можайская линия. Об этом он и доложил 8 октября Сталину, попросив быстрее стягивать войска, откуда только можно, на можайскую линию обороны.

Проехав десятки километров вдоль прифронтовой полосы в поисках штаба Резервного фронта и его командующего Буденного, Жуков убедился, что не ошибся. Но каким образом собрать и сконцентрировать силы на смертельно опасном для Москвы участке?

Владея стратегической инициативой, немецкое командование в полной мере представляло возможности противостоящей стороны. 8 октября генерал Ф. Гальдер записывает в своем дневнике: «Противник пытается подтянуть к Москве еще кое-какие силы, в первую очередь — с севера. Однако этих наспех собранных войск вряд ли будет достаточно для предотвращения сильной угрозы Москве, созданной нашими войсками, так что при более или менее правильном руководстве и сравнительно благоприятной погоде окружение Москвы должно удаться».[249] Но, видно, немцы чего-то не учли.

Разбираться в причинах катастрофы Западного фронта приехала комиссия Государственного Комитета Обороны. Собравшись в Красновидове на командном пункте фронта, Молотов, Ворошилов, Василевский (члены комиссии), а вместе с ними Конев и Булганин единодушно пришли к выводу, что без объединения сил Западного и Резервного фронтов под единым командованием положение спасти не удастся и что объединение фронтов нужно провести немедленно. «Москва, товарищу Сталину Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский…15.45 10.10.41 г.».[250]

---

249 Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. С. 377.

250 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 237–238.

Вечером того же дня эта просьба была удовлетворена соответствующей директивой Ставки ВГК. Впрочем, в течение двух суток Жуков находился в должности командующего Резервным фронтом, на которую он был назначен 8 октября вместо Буденного.

Жуков, как всегда, остался верен себе и в этой сумасшедшей круговерти событий нашел время, чтобы проанализировать причины провалов, свидетелем которых он стал: командование всех трех фронтов, будучи предупреждено Ставкой и заранее зная о сосредоточении крупных группировок немецких войск на их стратегическом направлении, не сумело проследить своей разведкой, в какие исходные районы и на какие направления выдвигаются главные группировки немецких войск, вследствие чего командование не сумело определить силу и направление подготовляемых противником ударов;

точно не определив силу и направление подготовляемых ударов, командование фронтами своевременно не сосредоточило на угрожаемых направлениях необходимых сил и средств для построения там более глубокой обороны, особенно ее костяка — противотанковой обороны;

командование фронтами не организовало мощной авиационной и артиллерийско-минометной подготовки, с тем чтобы нанести максимальное поражение войскам противника перед наступлением и ослабить силу его удара;

сила удара немецких войск, сгруппированная на главнейших направлениях, значительно превосходила силу обороны войск фронтов, особенно в танках, авиации и механизированных войсках;

когда произошел прорыв обороны фронтов, командование не сумело своевременно отвести из-под угрозы окружения 16, 19, 20, 24, 32-ю армии. В результате чего большая часть сил Западного фронта и часть сил Резервного фронта оказались в окружении и не имели возможности прорваться из окружения.

Несмотря на то, что велась постоянная переброска на Западный фронт из резерва Ставки и с других фронтов стрелковых дивизий, танковых бригад, артиллерийских полков, для создания сплошной линии обороны сил явно не хватало. Жуков принимает решение в первую очередь прикрыть наиболее опасные направления: волоколамское, истринское, можайское, малоярославецкое и калужско-подольское, — на которых противник проявлял наибольшую активность. На волоколамское направление выдвигались штаб и управление 16-й армии генерала К.К.Рокоссовского с задачей объединить под своим руководством прибывающие туда войска. 5-я армия генерала Л.А.Говорова сосредоточивалась на можайском направлении, а 33-я армия генерала М.Г.Ефремова — на наро-фоминском. Под Малоярославцем развертывалась 43-я армия генерала К.Д.Голубева. На Калугу выдвигалась 49-я армия генерала И.Г.Захаркина. И.С.Конев с группой офицеров и необходимыми средствами связи должен был организовать управление войсками на калининском направлении.

Слегка приутихшие было бои 13 октября вспыхнули с новой силой на всех направлениях Западного фронта. Противник, воспользовавшись отсутствием у советских войск сплошной линии обороны, обходил соединения и части, атакуя их с флангов или тыла, а затем упорно продолжал двигаться вперед. Обстановка менялась ежедневно и

ежечасно. В такой ситуации от каждого полка и батальона зависел исход боя, операции, а в конечном счете — судьба Москвы. Однако против хорошо оснащенных и обученных немецких войск Жуков мог использовать в основном наскоро сколоченные формирования. Не имея должной выучки и сплоченности, они часто лишались мужества и отходили при малейшем нажиме противника, оставляли один рубеж за другим.

Продуманный и хорошо организованный отход на новые позиции в первые месяцы войны был редкостью. Ведь отход — один из самых сложных видов боевых действий — до войны считался в Красной Армии признаком слабости и почти не изучался. Теперь за это, как и за другие просчеты заскорузлой военной доктрины, приходилось расплачиваться.

В это тяжелое, критическое для страны время Жуков, как и в период пребывания на Ленинградском фронте, идет на ряд крайних мер, чтобы решительным образом развернуть все соединения и части лицом к врагу. 13 октября он вместе с членом Военного совета фронта Булганиным подписывает приказ: «Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте».

Тем временем командование группы армий «Центр» уже уверовало в то, что советские войска разбиты и деморализованы. 14 октября перед своей 4-й армией и подчиненной ей 4-й танковой группой оно ставит задачу без промедления нанести «удар в направлении Москвы, имеющий целью разбить находящиеся перед Москвой силы противника и прочно захватить окружающую Москву местность, а также плотно окружить город.

2-я танковая группа с этой целью должна выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы она, прикрываясь с востока, охватила Москву с юго-востока, а в дальнейшем также и с востока. Имеющие важное значение для снабжения Москвы промышленные районы Сталиногорска, Тулы и Каширы должны быть захвачены как можно быстрее и прочно прикрыты.

4-я армия с подчиненной ей 4-й танковой группой, с эшелонированием на своем правом фланге моторизованных частей должна выполнить окружение или охват Москвы с юга, запада и севера, прикрываясь с севера и с северо-востока. Возможно, что в дальнейшем возникнет необходимость удара моторизованных частей в направлении на Ярославль и Рыбинск…».[251]

Противник был настолько уверен в скорейшем захвате Москвы, что 14 октября командующий 4-й армией напомнил своим войскам о порядке действий в городе: «Согласно категорическому приказу фюрера и главнокомандующего вооруженными силами войска не должны вступать в центр города Москвы. Границей для наступления и разведки является окружная железная дорога…»

Гитлер был уверен в том, что в ближайшие дни удастся овладеть Москвой, Сталин не был уверен, что ее удастся удержать. Еще 8 октября он подписал постановление ГКО о проведении специальных мероприятий по уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской области в случае захвата столицы немецкими войсками. Эта задача возлагалась на «пятерку» под руководством заместителя наркома

---

251 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1. С. 323–324.

внутренних дел Серова. 15 октября ГКО принимает постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»:

«Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)».[252]

Слухи об эвакуации породили панику среди населения Москвы. На вокзалах спешно грузились эшелоны заводов и учреждений. Многие чиновники на персональных и частных машинах удирали из города, немало людей уходило пешком на восток. В городе начались грабежи и беспорядки. На большинстве дорог возникли пробки, что создавало реальную угрозу срыва переброски и снабжения войск.

Не будем гадать, верил ли Жуков в эти дни, что Москву удастся отстоять. Ясно одно: для него дороги на Куйбышев не было. Подписывая приказы «Ни шагу назад!» со всеми вытекающими из них последствиями, он соизмерял их со своими представлениями о воинском долге, зная, что сам в критическую минуту не дрогнет и не побежит. Он никогда и ничего не доказывал окружающим — просто всегда делал то, что считал нужным, поступал так, как велела совесть. Обладая незаурядным мужеством и смелостью, он терпеть не мог кичливости и показного бесстрашия, был всегда спокоен под бомбежками и артобстрелами, на передовых и в различных передрягах, нередко случавшихся на дорогах войны. Очевидцы утверждают, что он никогда не носил при себе оружия, лишь иногда прихватывал в поездки табельный пистолет, который держал в «бардачке» служебной машины. Война для него, как для настоящего солдата, была работой, которую он выполнял с полной отдачей сил, чаще — на пределе человеческих возможностей.

Жуков делал свою работу и тогда, когда враг захватил Боровск, а немного позднее — Малоярославец и Можайск. Сложности в этой работе усугублялись тем, что линия Западного фронта оказалась чрезмерно растянутой, а это сильно затрудняло управление войсками. Поэтому 17 октября по решению Ставки ВГК из состава Западного фронта были выведены три правофланговые армии — 22, 29 и 30-я, которые вошли в состав созданного Калининского фронта под командованием генерала И. С. Конева. После этого Жукову можно было сосредоточить все внимание на решении проблем, связанных непосредственно с обороной Москвы.

На тыловых рубежах 5, 16, 33, 43 и 49-й армий, на дорогах, ведущих в

---

252 Цит по: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 217

Москву, были выставлены противотанковые отряды. Приказом Жукова от 19 октября в их составе предписывалось иметь 1–2 противотанковых орудия, взвод истребителей с гранатами и бутылками «КС», взвод саперов с минами, стрелковую роту.

Одновременно командующий Западным фронтом представил в Ставку ВГК план отхода армий Западного фронта с Можайского оборонительного рубежа:

«1. В случае невозможности сдержать наступление противника на Можайском оборонительном рубеже армии фронта, оказывая арьергардами сопротивление наступающему противнику, отходят главными силами, в первую очередь основной массой артиллерии, на подготавливаемый рубеж обороны по линии Новозавидовский — Клин — Истринское водохранилище — Истра — Жаворонки — Красная Пахра — Серпухов — Алексин. Отход прикрывается всей авиацией.

2. До устройства частей армии на основном оборонительном рубеже организовать и вести бой сильными арьергардами, насыщенными средствами ПВО, с наличием в каждой армии подвижных частей для нанесения контрударов накоротке, задержать противника возможно продолжительное время на промежуточном рубеже Козлово — Гологузово — Елгозино — Новопетровское — Колюбакино — Наро-Фоминск — Тарутино, Черная Грязь — р. Протва».[253]

Сталин этот план утвердил, согласившись, что Жуков трезво оценивает обстановку, но отвод войск допускал только с особого разрешения Ставки ВГК.

С целью стабилизировать обстановку в Москве 20 октября «Правда» публикует постановление Государственного Комитета Обороны:

«…19 октября 1941 г.

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–200 километров западнее Москвы, поручена Командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение, как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правил, утвержденных московской противовоздушной обороной и опубликованных в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

---

253 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1. С. 364–365.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин».

В духе этого постановления командование Западного фронта стало еще тверже наводить порядок в войсках и в первую очередь в тыловых учреждениях центрального подчинения. К ответственности привлекались допустившие срыв снабжения войск и разворовывание материальных средств начальники баз и складов, находившихся в полосе фронта. На дорогах был установлен жесткий порядок. Любые нарушения дисциплины пресекались самым решительным образом.

Суровое предупреждение направляется Военному совету 43-й армии:

«...В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 сд (стрелковых дивизий. — В.Д.) приказываю:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав в него надежных бойцов за счет вдк (воздушно-десантный корпус. — В.Д.).

Заставить 17 и 53 сд упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех, бросающих поле боя.

О сформировании отряда донести.

Жуков

Булганин

21. X.41 г.».[254]

На следующий день командующий 43-й армией генерал-майор К.Д.Голубев получает приказ немедленно арестовать командира 17-й стрелковой дивизии за самовольный отход с обороняемых рубежей. А в целях искупления вины «17 дивизию, 53 дивизию заставить вернуть утром 22.10.41 Тарутино, во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования.

...Вы докладываете о малом количестве бойцов в соединениях и больших потерях, ищите немедленно в тылах, найдете и бойцов, и вооружение.

...В обороне в полной мере применить РСы (реактивные системы. — В.Д.), не жалея снарядов. Самому находиться на КП в р-не боевых действий.

Для обороны района Горки, Каменка подчиняю Вам еще одну воздушно-десантную бригаду и танковую бригаду, которую из Кресты можете пододвинуть ближе к Горкам, но учтите, если Вы так же не будете жалеть танки, как не жалели их сегодня, бросая в лоб на ПТО, и от этой бригады ничего не останется, как не осталось от хорошей 9-й бригады.

Жуков

Булганин

Передано 4.45 22.10.41.».[255]

---

254 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 245.

255 Там же. С. 246.

Несмотря на принятые меры, противник продолжал продвижение. Однако в оперативной сводке Главного командования Сухопутных войск Германии от 22 октября тональность выглядит уже более сдержанной: «…Русскому командованию удалось лишь остановить передовые немецкие отряды с помощью всех имевшихся под рукой резервов, в том числе отдельных батальонов, отрядов народного ополчения и милиции. Единые мероприятия крупного масштаба не установлены. Боевая мощь русских была весьма различной. В то время, как силы, действовавшие по обе стороны Вязьмы, казались измотанными в ходе многонедельных атак в направлениях Смоленска, войска противника под Брянском и южнее оказали упорное сопротивление и после окружения предпринимали сильные попытки прорыва на восток».[256]

В двадцатых числах октября немецкие войска овладели Наро-Фоминском, Рузой и Волоколамском. Рузу сдали практически без боя, несмотря на приказ командования 5-й армии упорно оборонять занимаемые рубежи. В приказе войскам Западного фронта, подписанном Жуковым и Булганиным, говорилось:

«Бывший и. д. (исполняющий должность. — В.Д.) командира дивизии подполковник Герасимов А.Г. и бывший комиссар дивизии бригадный комиссар Шабалов Г.Ф. предательски нарушили боевой приказ и вместо упорной обороны района Руза отдали свой приказ об отходе дивизии.

Предательский приказ командования дивизии дал возможность противнику без всякого сопротивления занять город Руза и занять подступы к Ново-Петровское.

За невыполнение приказа фронта по обороне Руза и за сдачу г. Руза без боя Герасимов и Шабалов расстреляны перед строем.

Объявляя об этом для сведения командиров и политработников, Военный совет фронта требует от всех командиров частей и соединений непримиримой борьбы со всеми проявлениями трусости, особенно со стороны командного состава, и предупреждает о неуклонном выполнении приказа Военного совета фронта, воспрещающего самовольный отход без письменного приказа командования армии и фронта…»[257]

И все же командование группы армий «Центр» не смогло развить обозначившийся успех, не сумело реализовать планы глубоких оперативных прорывов и создания «котлов». Повернув левое крыло группы армий «Центр» на север, а правое — на юго-восток, оно тем самым в какой-то степени помогло Жукову выдержать натиск и задержать наступление, подготовить новые оборонительные рубежи, дождаться подхода резервов. Без преувеличения можно сказать, что первый бой с генерал-фельдмаршалом фон Боком генерал армии Жуков выиграл. План захватить Москву к середине октября провалился. К концу октября 4-я танковая группа и 4-я армия группы армий «Центр» были остановлены на рубежах, расположенных в 70–110 километрах к западу от Москвы. Операция «Тайфун» захлебнулась. В немецких штабах все чаще стала упоминаться фамилия Жуков.

Генерал Г.Блюментрит, вспоминая о битве за Москву, писал: «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось… Командование русскими войсками,

256 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1.С. 391.

257 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 246–247.

прикрывавшими Москву, теперь принял маршал Жуков (тогда еще генерал армии. — В.Д.). За несколько недель его войска создали глубоко эшелонированную оборону, которая проходила через лес, примыкавший к реке Нара, от Серпухова на юге до Наро-Фоминска и далее на север. Тщательно замаскированные опорные пункты, проволочные заграждения и большие минные поля теперь заполняли огромный лесной массив, прикрывавший западные подступы к столице».[258]

Не будем рассуждать о роли личности в истории. Обратим только внимание на то, что в самом начале операции немцев по захвату Москвы командование трех оборонявшихся советских фронтов имело сил и средств в пять (!) раз больше, чем оказалось в распоряжении Жукова ко второй половине октября. И потерпело полный крах. О том, какое «наследство» он принял, Жуков упоминает в письме от 2 ноября 1941 года члену Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданову: «…Как тебе известно, сейчас действуем на западе — на подступах к Москве. Основное это то, что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы, принял от них одно воспоминание. От Буденного штаб и 90 человек, от Конева штаб и 2 зап. (запасных. — В.Д.) полка. К настоящему времени сколотил приличную организацию и в основном остановил наступление пр-ка, а в дальнейшем мой метод тебе известен: буду истощать, а затем бить».[259]

В эти тяжелые дни Жуков сумел сделать главное — он выиграл время, получил передышку для усиления обороны Москвы. Фактор времени приобретал особую роль с приближением зимы. Немецкое командование, рассчитывавшее завершить войну в быстротечной кампании, не готовило свои войска к боевым действиям в условиях снегов и морозов. Но ради объективности приведем здесь слова американского журналиста Генри Кэссиди, наблюдавшего за битвой под Москвой: «Генерал Зима не был генералом Красной Армии. Если бы он им был, его следовало бы расстрелять за измену, ибо он сражался против русских точно так же, как и против немцев».

Время тогда было нужно и для всей нашей страны, которая перестраивала промышленность на военный лад и начинала ковать победу в тылу. Время — это новые танки, самолеты, артиллерийские орудия и реактивные снаряды, без которых нельзя было рассчитывать на успех в дальнейших сражениях с грозным врагом.

На подступах к Москве закипела работа по созданию глубоко эшелонированной противотанковой обороны. Войска Западного фронта пополнялись личным составом, вооружением, боеприпасами. Идя навстречу настойчивым требованиям Жукова, Ставка передала фронту из своих резервов дополнительные стрелковые и танковые соединения. Основные силы этих войск Георгий Константинович группировал на волоколамском и истринском направлениях, а также в районе Серпухова. Он полагал, что именно здесь фон Бок нанесет главные удары и попытается продолжить движение в обход Москвы.

Насколько тщательно готовились оборонительные рубежи, свидетельствует приказ Военного совета фронта, отданный в конце октября. Согласно ему предполагалось провести следующие

---

258 Цит. по: Блюментрит Г. Роковые решения вермахта. Ростов н/Д., 1999. С. 99.

259 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., 1994. С. 38.

мероприятия:

«а) по созданию заграждений — разрушить все шоссе, прилегающее к нашему переднему краю обороны, и шоссе, которым противник пользуется для своего маневра, на глубину до 100 км. Разрушение поддерживать непрерывно. Обязательно уничтожить все мосты. Все танкоопасные направления заминировать противотанковыми минами и бутылками КС.

На возможных направлениях пехотных атак немедленно поставить проволочные заграждения, завалы, баррикады, противопехотные минные поля и подготовить огневые заграждения. Баррикады строить во всех населенных пунктах, используя все подручные средства, до жилых домов включительно. Для создания огневых заграждений подвезти нефть, керосин, мазут, бензин и подготовить их к быстрому зажиганию. На всех направлениях построить ловушки, установить возможно большее количество ежей, подготовить больше неожиданных сюрпризов и при наличии возможности произвести затопление.

Особое внимание обратить на создание противотанковых районов… В противотанковых районах иметь все средства ПТО, противоартиллерийскую, противовоздушную и противопехотную оборону, используя ружья ПТО, гранаты ПТО, артиллерию всех систем до трофейной включительно;

б) для сбережения личного состава от артиллерийского и минометного огня немедленно всю оборону зарыть глубже в землю, отрыв больше убежищ, различных нор, щелей и ходов сообщения. Боевые порядки эшелонировать в глубину, создать обязательно от командира полка и выше резервы, оттянуть подальше все тылы и рассредоточить их…»[260]

Одним из пунктов предписывалось тщательнее отработать вопросы взаимодействия с авиацией, танками и артиллерией, а представителей от этих войск иметь на КП командиров частей. Здесь явно просматривается боевой опыт, приобретенный Жуковым еще на Халхин-Голе.

Но основные уроки Жуков вынес из бездарных просчетов своих предшественников, допустивших развал Западного, Резервного и Брянского фронтов. И одной из главных причин этого развала он считал потерю управления войсками в результате преступного состояния связи. Поэтому накануне решающих сражений под Москвой организации связи Георгий Константинович уделял, пожалуй, не меньше внимания, чем подготовке противотанковых рубежей. В начале ноября он приказал командующим армиями и командирам дивизий лично проверить всю систему связи с подчиненными частями, иметь на случай боя дублирующие средства связи и с завязкой боя приводить в действие все ее виды. Командиры соединений обязывались «проверить весь личный состав подразделений и частей связи и негодных немедленно удалить».

Главным препятствием на пути врага Жуков всегда считал солдата. Он постоянно подчеркивал важность политической работы в армии, огромное значение, которое имеет моральное состояние войск. И это не было пустыми словами, «дежурными» фразами. Да, война есть война. На ней приходится не только учить, но иногда и заставлять воевать. Необходимы и методы принуждения, жесткого воздействия, иногда самые

260 Там же. С. 33.

крайние и жестокие меры, которые следует применять против трусов, паникеров и предателей. Они всегда были и будут на войне. Но нужно уметь поднять в войсках моральный и боевой дух, достучаться до души и сердца солдата, сражающегося за правое дело.

1 ноября 1941 года Военный совет Западного фронта издает приказ по действующей армии, который по существу стал боевым манифестом Жукова перед предстоящей битвой.

«Прошел месяц, как немецко-фашистские захватчики ведут наступление. Гитлеровские орды напрягают все усилия и бешено рвутся к Москве. Войска Западного фронта, на долю которых выпала историческая задача — защищать Москву, оказывают вражескому натиску героическое сопротивление.

В тяжелых кровавых боях, защищая каждую пядь своей родной земли, свои семьи, своих детей, отцов и матерей, защищая свою свободу и независимость, наши войска отбивают этот натиск врага. Каждый шаг продвижения вперед достается немцам ценой огромнейших потерь.

…Несмотря на потери, гитлеровская банда фашистских мерзавцев, подгоняемых страхом перед холодной русской зимой, продолжает наступать и стремится завершить свою кампанию на Востоке до морозов и снегов.

Людоед Гитлер, этот кровавый черносотенец, заливший народной кровью свои временные успехи, 2 октября с. г. заявил своим солдатам и германскому народу, что наступление на Москву есть одновременно завершение войны. Этой приманкой мира и окончания войны он нагло и хвастливо обманул свою фашистскую банду злодеев. Обманул германский народ. Получилось иное. Наступление и молниеносное взятие Москвы оказалось делом не из легких. И теперь Гитлеру, этому людоеду-правителю, приходится все ставить на карту, чтобы добиться хвастливого обещанного „решающего успеха“.

Фашистские мерзавцы идут в бой в расчете на зимний отдых, в расчете на „решающий успех“.

Ценой любых усилий мы должны сорвать эти планы гитлеровцев.

Дорогие товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Земля и леса, где вы сейчас грудью защищаете нашу родную Москву, обагрены священной кровью наших предков, борьба которых вошла в историю разгрома наполеоновских полчищ.

Наша святая обязанность — не дать фашистским собакам топтать эту священную землю.

Силы врага подорваны и истощаются, но все же враг еще силен и продолжает наступать.

Фашисты, понесшие от вашего огня и штыка большие потери, в последние дни вновь подвезли людские резервы. Подвозят боеприпасы, горючее и готовятся перейти в наступление на Москву.

Будем же готовыми встретить по-большевистски врага, разбить его силы и раз [и] навсегда отучить от посягательства на нашу родную столицу.

Сорвав планы врага и отразив очередное его наступление, мы не только не допустим его к Москве, но и предрешим этим над Гитлером победу. Мы скуем его танки и авиацию, мы заставим его живую силу дрожать и гибнуть в сугробах суровой русской зимы. Уничтожим ее так, как наши предки уничтожили армию Наполеона.

Боевые красноармейцы, командиры и политработники!

В эти суровые дни Родина, наш народ и наш великий Сталин нам с вами вручили защиту родной и любимой Москвы. Родина-мать доверила нам ответственную и почетную задачу: стать нерушимой стеной и преградить путь немецким ордам к нашей столице…

Ни шагу назад — таков боевой приказ Родины нам, защитникам Москвы.

…Товарищи, друзья, братья!

…Отомстим немецко-фашистским мерзавцам за разграбление и разорение наших городов и сел, за насилие над женщинами и детьми!

Кровь за кровь! Смерть за смерть! Полностью уничтожим врага!

За нашу честь и свободу, за нашу Родину, за нашу святыню Москву!..»[261]

1 ноября Жуков по вызову прибыл к Сталину. Услышанное ошеломляло. В Москве помимо торжественного заседания по случаю годовщины Октября будет проведен и парад войск. Верховный главнокомандующий поинтересовался у Жукова: позволит ли осуществить это обстановка на фронте?

Георгий Константинович считал, что в ближайшие дни немцы не начнут большого наступления, так как понесли в предыдущих боях серьезные потери и вынуждены сейчас пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить противовоздушную оборону, подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов. Сталин остался доволен, настроение у него заметно приподнялось.

Подготовка войск к параду осуществлялась в условиях строжайшей секретности. Только поздно вечером, около 23 часов 6 ноября после торжественного собрания на станции метро «Маяковская» командующий парадом сообщил командирам частей о их участии в торжественном марше по Красной площади. Парад принимал заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза С.М.Буденный, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П.А.Артемьев. Это событие показало всему миру, что Россия жива, сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, всего народа.

Тем временем разведданные, поступавшие в штаб Западного фронта, указывали на то, что командование группой армий «Центр» интенсивно подтягивает к фронту свежие войска. Жуков прекрасно понимал: враг заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление. Не стоило особого труда предположить, что главный удар ожидается из района Волоколамска, а 2-я танковая группа Гудериана, очевидно, ударит в обход Тулы на Каширу. О своих предположениях доложил Сталину.

Выслушав по телефону доклад, Сталин сказал, что вместе с Шапошниковым считает необходимым нанести упреждающие контрудары с целью сорвать готовящееся наступление противника. При этом один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й немецкой армии.

Жукова охватило недоумение. Ведь командование фронта не планировало проведение упреждающих контрударов — в сложившихся

261 Там же. С. 34–36.

условиях было бы безумием осуществлять их против более сильного и маневренного противника. Где сейчас взять время и силы, чтобы создать эти контрударные группировки, увязать их действия с авиацией, артиллерией? Жуков понимал, что Сталин, памятуя о горьких уроках начала войны, боится, что опять оборона советских войск будет прорвана и вражеские танки ворвутся в Москву. Но не трудно предугадать, чем могут закончиться попытки разгромить мощные ударные группировки врага в открытом лобовом сражении.

Георгий Константинович ответил, что для нанесения контрударов Западный фронт свободных сил не имеет, а есть силы только для обороны. Если же использовать сейчас последние резервы фронта, то нечем будет подкрепить оборону, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками. Кроме того, линия обороны Западного фронта сильно растянулась, и с изгибами ее протяженность превышает 600 километров. При этом мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

Сталин, считавший Жукова сторонником активных действий и мастером контрударов, не ожидал, что тот не поддержит его идею. Но обсуждать, тем более отменять свое решение не собирался. Напомнив, что Западный фронт имеет шесть армий, распорядился контрудары провести, используя в районе Волоколамска правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавалерийский корпус Доватора, а в районе Серпухова — кавалерийский корпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

«Тяжелое впечатление осталось у меня от этого разговора с Верховным , — вспоминал Жуков. — *Конечно, не потому, что он не посчитался с моим мнением, а потому, что Москва, которую бойцы поклялись защищать до последней капли крови, находилась в смертельной опасности, а нам безоговорочно приказывалось бросить на контрудары последние резервы. Израсходовав их, мы не смогли бы в дальнейшем укреплять слабые участки нашей обороны* ».[262]

Параллельно Сталин по телефону устроил головомойку и Булганину, заявив, что в штабе Западного фронта все зазнались, но он найдет на всех управу.

Приказ Верховного надо было выполнять.

Командир кавалерийского корпуса генерал П.А.Белов описал, как 10 ноября Жуков привел его в Ставку к Сталину утверждать план проведения контрударов (Белову надлежало действовать в районе Серпухова). «В глазах его (Сталина) не было прежней твердости, — отмечал Белов, — в голосе не чувствовалось уверенности. Но еще больше удивило меня поведение Жукова. Он говорил резко, в повелительном тоне. Впечатление было такое, будто старший начальник здесь Жуков. И Сталин воспринимал это как должное».

Жуков отдал распоряжения Рокоссовскому и Захаркину (командующим 16-й и 49-й армиями) нанести контрудары силами кавалерийских корпусов. Для обеспечения наступления сосредоточили значительное количество артиллерии и авиации. Кроме того, Жуков настоял на привлечении 81-й авиадивизии дальних бомбардировщиков и авиасоединения Московской зоны обороны. Они наносили удары по

---

262 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 230.

аэродромам и поддерживали контратакующие части.

Однако контрудары, как и предполагал Жуков, не имели успеха. Конные корпуса генералов Л.М.Доватора и П.А.Белова понесли значительные потери и отошли на исходные позиции. О том, как нещадно уничтожались красные конники, свидетельствует запись в документах немецкой 4-й танковой группы: «Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов… Но вот… три шеренги всадников двинулись на нас… По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей… Первые снаряды разорвались в гуще атакующих… Вскоре сплошное черное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади… Трудно разобрать, где всадники, где кони… В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов… И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь… Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее, чем первой…»

Как и следовало ожидать, неудачная попытка наступления Западного фронта не повлияла на планы немецких войск. 13 ноября в Орше под руководством начальника Генерального штаба Сухопутных войск генерала Ф. Гальдера состоялось совещание, рассмотревшее обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, и планы предстоящих операций. Несмотря на то, что некоторые генералы высказывали опасения по поводу происходившего на фронте, Гальдер считал необходимым выполнить директиву Гитлера: до наступления зимы расправиться с СССР.

15 ноября войска группы армий «Центр» возобновили наступление на Москву, нанося главные удары севернее и южнее столицы. Для наступления севернее Москвы (операция «Волжское водохранилище») на фронте Калинин, Волоколамск, Руза противник сосредоточил 14 танковых, моторизованных и пехотных дивизий 3-й и 4-й танковых групп. Перед ними оборонялись (с севера на юг) 30-я армия Калининского фронта (17 ноября передана в состав Западного фронта) и 16-я армия Западного фронта. Противник имел здесь значительное превосходство в артиллерии и танках. 15 ноября 3-я танковая группа нанесла удар по 30-й армии, а на следующий день в наступление против 16-й армии перешла 4-я танковая группа. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом. В ноябре морозы сковали землю. Танковые и моторизованные части противника теперь рвались к Москве не только по шоссейным дорогам.

Обстановка на правом крыле Западного фронта резко обострилась. Нервозность Ставки передалась командованию фронта. Жуков, сам страдавший всегда от вмешательства Сталина в его дела, теперь иногда вел себя точно так же по отношению к своим подчиненным. Возникший в результате этого конфликт с Рокоссовским имел принципиальные последствия.

Рокоссовский вспоминал: «В ходе трехдневных боев немецкое командование, видимо, убедилось, что на волоколамском направлении ему не прорвать оборону. Поэтому, продолжая здесь наносить удар за ударом и медленно по два-три километра за сутки, тесня наши части, оно начало готовить прорыв южнее Волжского водохранилища. Такое

решение противной стороны, вероятно, обусловливалось еще и тем, что немцы, наступавшие вдоль северного берега водохранилища на участке Калининского фронта, сумели захватить железнодорожный мост и выйти на автостраду Москва — Ленинград.

На клинском направлении быстро сосредоточивались вражеские войска. Угроза с севера все усиливалась. Нажим на наше левое крыло, где пущены в дело все наши резервы, не прекращается… Все это заставило меня подумать о мерах, которые бы улучшили положение вверенной мне армии и позволили затормозить продвижение противника.

К этому времени бои в центре и на левом крыле шли в 10–12 километрах западнее Истринского водохранилища. Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами.

…Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не ожидая, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище… Командующий фронтом не принял во внимание мою просьбу и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

…Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М.Шапошникову. В телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует.

…Мы немедленно подготовили распоряжение войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. На прежних позициях оставлялись усиленные отряды, которые должны были отходить только под давлением противника… Не успели еще все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова. Приведу ее дословно:

„Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков“.

Что поделаешь — приказ есть приказ, и мы, как солдаты, ему подчинились. В результате же произошли неприятности. Как мы предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдарм. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв… Одновременно был нанесен удар из района Теряевой Слободы, и танки с пехотой двинулись к Солнечногорску, обходя Истринское водохранилище с севера…»[263] В беседе со слушателями Военной академии им. М.В.Фрунзе в 1962 году Рокоссовский также отмечал: «Жуков был не прав (когда

---

263 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 83–85.

запретил 16-й армии отходить за Истринское водохранилище. — В.Д.). Допущенная им в этот день при разговоре по телефону ВЧ грубость переходила всякие границы. Я заявил, что если он не изменит тона, то прерву разговор».

Сталин всячески пытался найти средства, чтобы сковать инициативу наступающего противника. Наконец решил лишить немецкие войска возможности использовать для отдыха захваченные ими населенные пункты. Приказ Ставки ВГК от 17 ноября № 0428[264] требовал: «Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». С этой целью необходимо «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог». Для решения этой задачи предусматривалось использовать авиацию, артиллерию и минометы, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы. В каждом полку предписывалось создавать команды охотников по 20–30 человек для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника.

Приказ Ставки ВГК выполнялся командованием Западного фронта неукоснительно.

«Товарищу Сталину

Товарищу Шапошникову

Во исполнение приказа Ставки № 0428 от 17 ноября о поджогах населенных пунктов Военным советом немедленно были приняты следующие меры:

1. В дивизиях и полках приступили к формированию команд охотников, которые в большинстве уже ведут активную работу.

2. На территорию, занятую противником, разведорганами особого отдела направлены диверсионные группы, общим числом до 500 человек.

3. Армиям выделены по эскадрилье самолетов Р-5 и У-2, всего 45 самолетов.

4. Изготовлено и выделено частям индивидуальных зажигательных средств — термитные запалы, шары, цилиндры, шашки — общим числом 4300 единиц.

5. Выдано свыше 100 ООО бутылок с зажигательными смесями и приспособления для их использования.

6. Для помощи в создании команд охотников в дивизии направлены из резерва фронта 38 командиров.

7. Утверждены по каждой армии пункты, подлежащие сожжению и разрушению, и установлены задания, в связи с этим, родам войск (авиация, артиллерия, команды охотников, диверсионные и партизанские отряды).

За истекшее время сожжено и разрушено 398 населенных пунктов, из них: в 30 армии — 105, 16–113, 5–55, 33–17, 43–24, 29–52, 50–32 пункта.

Большинство пунктов сожжено и разрушено командами охотников и диверсионными группами, артиллерия из-за отсутствия зажигательных снарядов, а авиация из-за плохой погоды активной работы по выполнению

264 См.: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 47–48.

задания не вели…

Работа по выполнению приказа Ставки № 0428 продолжается во всех частях фронта.

Жуков

Булганин.

29 ноября 1941 года».[265]

Враг настойчиво прорывался на ближние подступы к Москве, усиливая нажим на войска Западного фронта. 20 ноября 1941 года в штаб группы армий «Центр» поступила директива Верховного главнокомандования вермахта:

«Целью операции на северном фланге ГА (группа армий. — В.Д.) „Центр“ должно быть уничтожение противника в районе г. Клин путем двойного охвата. Для этого северный фланг действующих здесь моторизованных войск по достижении дороги Клин — изгиб р. Волга восточнее ст. Редкино должен быть повернут на восток, в то время как силы, наступающие южнее, продвигаясь сначала к востоку, через район Истра в направлении район Солнечногорский, содействовали успеху наступления северной группы.

Обеспечение этой операции с востока должны взять на себя другие моторизованные соединения (например, смененные под г. Калинин).

По завершении этой операции планируется путем взаимодействия сил, участвующих в наступлении на обоих флангах, прорвать фронт пояса обороны Москвы по обеим сторонам автострады.

Наступление в направлении Ярославля предусматривается в том случае, если после завершения этой наступательной операции по прорыву пояса обороны Москвы в распоряжении будет иметься достаточное количество сил».[266]

Немецким соединениям удалось оттеснить части 30-й армии к Волге, а южнее Волжского водохранилища — на рубеж восточнее Завидова, Ямуга. Это позволило врагу развить успех на клинском направлении. 23 ноября части 56-го армейского корпуса 3-й танковой группы захватили г. Клин, вынудив отойти войска 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского. В результате между 30-й и 16-й армиями образовался разрыв и создалась реальная угроза прорыва обороны Западного фронта и обхода противником его правого фланга.

Немцам удалось захватить важную оперативную карту штаба Западного фронта и сделать вывод, что советское командование «планирует оставить район к западу от канала им. Москвы и вновь занять оборону на линии Яхрома — Солнечногорск — Истринское водохранилище. Сильные минные заграждения и преграды различного рода, встречаемые войсками 3-й танковой группы, подтверждают данные этой карты».[267]

Жуков, в условиях отсутствия резервов и возможности перебросить сюда какие-либо части с других участков фронта, где тоже велись напряженные бои, решил для устранения разрыва создать из левофланговых соединений 30-й армии и правофланговых соединений 16-

265 Там же. С. 59–60.

266 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1.С. 695.

267 Там же. С. 745–746.

й армии временную оперативную группу под командованием генерала Ф.Д.Захарова. Ей была поставлена задача во что бы то ни стало задержать противника, не допустить его прорыва на Дмитров и Яхрому.

Не лучше складывалась обстановка и на левом фланге Западного фронта. 21 ноября части 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана прорвались к Сталиногорску (Новомосковск), обойдя Тулу с востока. В этих условиях Жуков усилил 50-ю армию 239-й стрелковой дивизией, переданной из резерва Ставки, и 112-й танковой дивизией.

Одновременно Жуковым и Булганиным издается приказ военным советам армий:

«…Борьба за подступы к Москве за последние шесть дней приняла решающий характер.

Противник шесть дней напрягает последние усилия, собрав резервы, ведет наступление на фронте 30, 16, 5 и 50 армий. Опыт борьбы шести дней показывает, что войска понимают решающее значение происходящих ожесточенных сражений. Об этом говорит героическое сопротивление, переходящее в ожесточенные контратаки доблестно дерущихся 50, 53 кавалерийских дивизий, 8 гвардейской, 413 стрелковых дивизий и первой гвардейской, 27, 28-й танковых бригад и других частей и соединений. Однако имели место факты нарушения отдельными командирами известного приказа о категорическом, под страхом немедленного расстрела, запрещении самовольного отхода с занимаемых позиций. Такой позорный факт допустили командиры и комиссары 17-й и 24-й кавалерийских дивизий.

Теперь, когда борьба за Москву вступила в решающую стадию, самовольное оставление позиций равносильно измене Родине.

Приказываю:

1. Командиров и комиссаров 17, 24 кавалерийских дивизий арестовать и предать суду. Командарму 30 провести это в жизнь.

2. Предупредить всех командиров частей, соединений и всех подразделений о том, что в настоящих решающих сражениях они несут особо строгую ответственность за выполнение всех боевых приказов и боевых задач.

3. Всякое нарушение приказа о запрещении самовольного отхода и оставлении позиций будет беспощадно караться.

Этого требует от нас обстановка и важность исхода происходящих сражений.

Настоящий приказ немедленно довести до сведения командиров и комиссаров всех подразделений, частей и соединений…»[268]

Пожалуй, это были самые тяжелые для Жукова дни за все военное время. Сплошные бессонные ночи. Быстро меняющаяся обстановка требовала не менее быстрых решений. Сотрудники штаба Западного фронта буквально валились с ног, но четкая, хорошо налаженная работа позволяла в короткие сроки собирать информацию о положении войск, о противнике и почти мгновенно реагировать на любые изменения. Штаб фронта и лично командующий твердо держали нити управления огромным механизмом в своих руках и не допускали сбоев в его работе.

В одну из таких бессонных ночей Жукову позвонил Сталин: удержим ли мы Москву? Такой вопрос можно задать, только дойдя до предела

268 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 49–60.

собственных сил.

Жуков: Москва, безусловно, будет удержана, но для этого нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков. Сталин был явно успокоен и распорядился, чтобы Жуков позвонил в Генштаб и договорился о месте сосредоточения двух резервных армий, которые он просит. Танки постараются дать позже.

Вместе с начальником штаба фронта В.Д.Соколовским прикинули, какими резервами располагает командующий группой армий «Центр». По данным разведки, у противника имеются в тылу еще несколько дивизий. Однако и войска Западного фронта находятся на пределе возможностей, резервов нет, тем более что для отражения удара в полосе

33-й армии в районе Кубинки пришлось снять части с других направлений. Соколовский предложил расположить две резервные армии за Рокоссовским и Болдиным в районах Яхромы и Рязани, а при обострении обстановки использовать их для укрепления обороны.

Жуков надеялся сдержать немцев собственными силами, а когда они полностью выдохнутся, нанести внезапные мощные контрудары этими свежими армиями. Важно только, чтобы их сосредоточение провести в глубокой тайне — пусть фон Бок считает, что у нас нет больше резервов. Основания для таких рассуждений у Жукова были: фронт наступления группы армий «Центр» растянулся, ее силы все больше рассасываются, танковые части отрываются от пехотных, их коммуникации растягиваются, снабжение затруднено, фланги ударных группировок обнажены. К тому же Конев своими войсками нависает с севера.

Разработку секретного плана контрударов Георгий Константинович поручил Соколовскому.

Чувствовалось, что обстановка на фронте накалилась до предела. 22 ноября части 24-го танкового корпуса 2-й танковой группы заняли Сталиногорск, и возникла опасность их прорыва на Каширу. Однако к этому времени немецкие войска действовали уже на пределе возможного. Начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Ф.Гальдер в этот же день отмечал: «Войска совершенно измотаны и не способны к наступлению… Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой в сражении на Марне (сражение между французскими и немецкими войсками на реке Марна в июле-августе 1918 года в ходе Первой мировой войны. — В.Д.), указывая, что создалось такое положение, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения».[269]

Генерал-фельдмаршал фон Бок, подгоняемый приказами А. Гитлера и боязнью наступавших холодов, предпринял 27 ноября еще одну отчаянную попытку прорваться к Москве, на этот раз по Дмитровскому шоссе. Под напором превосходящих сил противника левофланговые соединения 30-й армии отошли на восточный берег канала Москва — Волга. В ночь на 28 ноября передовой отряд 7-й немецкой танковой дивизии захватил Яхрому и мост через канал. В то же время 4-я танковая группа усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее. 30 ноября немцы заняли Красную Поляну, подойдя к Москве на пушечный выстрел.

В те дни, когда на подступах к Москве шли ожесточенные сражения, когда с крыш домов подмосковных деревень немецкие солдаты пытались

---

269 Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. С. 411.

разглядеть в бинокли жизнь на улицах города, командование Западного фронта ни на минуту не прекращало работу, цель которой было перехватить стратегическую инициативу и ликвидировать угрозу, нависшую над столицей. По характеру действий и силе ударов противника Жуков чувствовал, что тот подошел к кризисному состоянию, когда решающее слово должен сказать «последний брошенный в бой батальон».

29 ноября Георгий Константинович доложил обстановку Сталину и обратился к нему с просьбой отдать приказ о начале контрнаступления. На этот раз Сталин был застигнут врасплох предложением командующего Западным фронтом перейти к активным действиям. Внимательно выслушав все его доводы, он обещал посоветоваться с Генштабом.

Решение не заставило себя ждать. Поздно вечером 29 ноября Ставка ВГК согласилась с предложением Жукова о начале контрнаступления, довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи и потребовала от них конкретных предложений по их реализации.

Весь следующий день Жуков и сотрудники штаба фронта работали над планом, который был направлен в Ставку ВГК с коротенькой запиской Василевскому:

> «Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Зап. фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой.
>
> ***Жуков***
> ***30.11.41 г.».***

Сам план контрнаступления армий Западного фронта состоял из пяти лаконичных пунктов в виде пояснений к приложенной карте. Предполагалось начать наступление, «исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1 ударной, 20 и 16 армий и армии Голикова с утра 3–4 декабря, 30 армии 5–6 декабря…

Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

…Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск, 5, 33, 43, 49 и 50 армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

…Главная группировка авиации… будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой — армией генерал-лейтенанта Голикова».[270]

Под документом — подписи Жукова, Булганина, Соколовского и дата: 30.11.41 г.

План контрнаступления войск Западного фронта был утвержден без каких-либо изменений. В левом верхнем углу карты появилась резолюция: «Согласен. И. Сталин».

Было решено привлечь к планируемой операции, кроме Западного и Юго-Западного фронтов, еще и Калининский фронт. Для поддержки контрнаступления с воздуха, кроме ВВС фронтов, предусматривалось использовать авиацию Московской зоны обороны, Московского военного

---

270 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 63.

округа, ПВО Москвы, дальнебомбардировочную и две резервные авиагруппы.

Главная роль в предстоящем контрнаступлении отводилась войскам Западного фронта. Основной замысел состоял в том, чтобы ударами правого и левого крыльев Западного фронта, отстоявших друг от друга на 200 километров, во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Активными действиями в центре фронта предстояло сковать силы противника, чтобы лишить его возможности перебрасывать войска для усиления важнейших направлений.

Войска Калининского фронта Конева должны были нанести удар силами своего левого крыла, выйти в тыл клинской группировки врага, а затем во взаимодействии с войсками правого крыла Западного фронта уничтожить ее. Войскам Юго-Западного фронта Тимошенко предстояло окружить и уничтожить елецко-ливенскую группировку противника, поставив под угрозу тылы 2-й танковой армии врага, что содействовало бы ее разгрому войсками левого крыла Западного фронта.

Нанесенные на плане-карте красным карандашом стрелы направлений ударов показывают, что их глубина ограничивалась расстоянием в 60 километров к северу от столицы и около 100 — к югу от нее. «Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, — вспоминал Жуков, — у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери».[271]

Подготовку к ответному удару Жукову приходилось проводить в условиях продолжавшегося наступления немецких войск. Напряжение колоссальное. Приходилось одновременно сдерживать то там, то здесь смертельно опасные выпады немцев («штопать тришкин кафтан», как шутил Жуков) и под носом у них вести перегруппировку войск для концентрации сил на решающих направлениях готовящегося контрудара.

В самый напряженный момент неожиданно позвонил Сталин и устроил Жукову очередной разнос. Верховному доложили, что немцы взяли Дедовск, а командующий фронтом об этом ни сном ни духом. Распалившись, Сталин приказал Жукову немедленно выехать на место, лично организовать контратаку и Дедовск вернуть.

Связавшись с Рокоссовским, Георгий Константинович выяснил, что произошла ошибка, Дедовск в наших руках, а захвачена деревенька Дедово. Перезвонил Сталину и доложил об этом. Но тот своих приказов не отменял: поезжай и освобождай Дедово. На следующий день пришлось докладывать об исполнении приказа: силами стрелковой роты при поддержке двух танков выбили взвод немцев из деревни Дедово.

Пока Жуков выполнял свою «освободительную миссию» у затерянной деревушки, противник перешел в наступление на участке 33-й армии, где до этого было относительное затишье. Следом неожиданно был прорван фронт в центре, в районе Наро-Фоминска, и немецкие части устремились на север, на Кубинку, и на восток, в направлении Апрелевки. Командующий Западным фронтом ввел в бой танковые и стрелковые части, ряд других подразделений из резерва, сам выехал в войска для руководства боем. К Кубинке враг не смог пробиться, а в районе

---

271 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 247.

Апрелевки по нему был нанесен внушительный контрудар. Вскоре положение восстановили и в районе Наро-Фоминска, прорыв на этом участке фронта был ликвидирован.

К 5 декабря войскам Западного фронта удалось остановить немецкие войска на правом и левом крыльях. Недосягаемой для него оказалась не только Москва, но и Тула. За двадцать дней противник продвинулся на 80–110 километров, но для дальнейшего наступления сил у него не было. Войскам Западного фронта под руководством Жукова удалось окончательно остановить мощнейшую группировку врага, что означало провал его последней попытки захватить столицу.

«Наступление на Москву провалилось, — писал Гудериан. — Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства Верховного командования привело в ближайшие недели к роковым последствиям. Главное командование Сухопутных войск, находясь в далекой от фронта Восточной Пруссии, не имело никакого представления о действительном положении своих войск в условиях зимы, хотя и получало об этом многочисленные доклады. Это незнание обстановки все время вело к новым невыполнимым требованиям».[272]

В ходе подготовки к контрнаступлению Западному фронту в конце ноября и в начале декабря были переданы 9 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, 10 отдельных танковых батальонов, 1-я ударная, 20-я и 10-я армии из резерва Ставки ВГК.[273] К началу контрнаступления войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов насчитывали около 1,1 миллиона человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий «Центр» имела 1,7 миллиона человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов.[274] Противник превосходил советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,8 раза, в танках — в 1,5 раза и уступал им только в авиации — в 1,6 раза. Это соотношение сил и средств показывает, что Жуков шел, причем прекрасно сознавая это, на большой риск, тем более что качество подготовки поступивших на фронт войск было весьма невысоким вследствие их недостаточной обученности, сколоченности и оснащения.

Но это был продуманный риск. Жуков учитывал отсутствие у противника оперативных резервов, усталость немецких солдат, проблемы материального обеспечения германских войск в условиях суровой зимы, а также то обстоятельство, что ударные силы противника находились на рубежах, не подготовленных для отражения встречных ударов. Учитывалась и благоприятная конфигурация линии фронта, позволявшая нанести удары по флангам немецких группировок.

Георгий Константинович в эти дни даже предположить не мог, насколько прав он оказался в своих прогнозах. Как оказалось, немцы выдохлись настолько, что сами уже собирались предпринять отход. 5 декабря штаб группы армий «Центр» направил боевое распоряжение

---

272 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 351.

273 См.: Калуцкий Н.В. Московская битва // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 26.

274 См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 283–284.

командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковым группам:

«На случай, если последует приказ на частичный отрыв от противника и на занятие обороны, группа армий устанавливает следующий общий рубеж: Нарвские пруды — течение р. Москва до Каринское — Истринское водохранилище — Сенежское озеро — район восточнее Клин — левый фланг 36-й моторизованной дивизии в районе Волжского водохранилища… Начало отхода, для которого, по расчетам группы армий, потребуется две ночи, возможно, будет намечено на вечер 6 декабря, о чем будет сообщено в особом приказе… Пока речь идет только о подготовке к предполагаемой операции, поскольку решение фюрера по этому вопросу еще неизвестно».[275]

На следующий день это распоряжение было подтверждено:

«Предполагавшийся отход на рубеж, намеченный в приказе штаба группы армий… от 5 декабря 1941 г., будет проведен в жизнь. О времени начала отхода и промежуточных рубежах будет сообщено дополнительно.

…Немедленно начать подготовку к отступлению, а также разрушению всех объектов на территории, оставляемой противнику».[276]

Впоследствии Жуков свое мнение по поводу решения немецкого командования высказал Константину Симонову: «Сейчас в истории Великой Отечественной войны давно стал общеизвестным тот факт, что к началу нашего контрудара под Москвой немецкие войска уже получили приказ на отступление…Говорить об этом было не принято. Хотя, казалось бы, то обстоятельство, что немцы еще до наших контрударов были поставлены упорством нашей обороны в критическое положение, вынуждавшее их к отходу, ничуть не приуменьшало заслуг нашей армии, скорей наоборот. Но, видимо, такое изложение подлинных исторических событий казалось тогда менее героическим, и было принято говорить, что мы нанесли свой контрудар по немцам, еще продолжавшим рваться к Москве. Как выяснилось потом из документов, в ту ночь, когда мы начали свое наступление, Браухич уже отдал приказ об отступлении на реку Нара, то есть он уже понимал, что им придется отступить, что у них нет другого выхода».[277]

Памятуя опыт боев на Халхин-Голе, все передвижения войск перед наступлением Жуков осуществлял, как правило, ночью, а если днем, то только в сложных погодных условиях — снегопады и разыгравшиеся вьюги благоприятствовали этому. Кроме скрытности нужно было использовать элемент внезапности и быстроты — промедление пошло бы на пользу лишь противнику. Поэтому пауза для перехода от обороны к контрудару абсолютно исключалась. Замыслы удались, фон Бок оставался в неведении.

2–4 декабря каждой армии были определены конкретные задачи.

1-й ударной армии Кузнецова предстояло сначала освободить из окружения группу войск генерала Захарова, а затем наступать в направлении Клина и во взаимодействии с 30-й армией справа и 20-й армией слева разбить клинско-солнечногорскую группу противника.

---

275 Цит. по: Первая катастрофа // Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 45.

276 Там же.

277 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 7. С. 48–49.

Командарму 30-й армии Лелюшенко было приказано нанести главный удар в обход Клина с севера, а вспомогательный — в направлении Ново-Завидовского и Рогачева.

20-я армия Власова должна была овладеть Солнечногорском, обойдя его с юго-запада и севера.

Предполагалось, что действующая слева от нее 16-я армия Рокоссовского правым крылом наносит удары на Верესково и Жилино, а левым флангом выходит на линию Крюково, Бакеево, Ефремово, Истра и в дальнейшем продвигается на Истринское водохранилище и реку Истра.

Взаимодействуя правым крылом с 16-й армией, 5-я армия Говорова нацеливалась выйти на линию Котерево, Лукино, Ивашково, Рыбушкино.

На южном крыле фронта 10-й резервной армии Голикова предписывалось нанести главный удар в направлении Михайлов, Сталиногорск, вспомогательный — через Серебряные Пруды — в направлении Венев, Жураково.

В приказе от 4 декабря Жуков обращал «особое внимание командармов на боевое обеспечение своих действий, а именно:

а) тщательно организованную и непрерывно работающую разведку и наблюдение за полем боя;

б) постоянную противотанковую оборону днем и ночью, особенно флангов и тыла войск;

в) хорошо организованное управление частями в звене рота, батальон, полк, дивизия;

г) постоянную заботу о людях, их отдыхе, подъеме духа, обеспечение теплой одеждой, питанием и боеприпасами».

4 декабря у Жукова произошла очередная серьезная стычка со Сталиным. Верховный позвонил в штаб Западного фронта, когда там проходило совещание командующих армиями. «Жуков находился в напряжении, — вспоминал Н.Казьмин, офицер для поручений при Жукове. — Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало ссору. Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: „Передо мной 4 армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там, в Кремле, можете расставлять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне некогда этим заниматься“. Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной брани, а затем бросил трубку на рычаг. Сталин после этого не звонил сутки. Позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил:

— Товарищ Жуков, как с Москвой?

— Москву я не сдам.

— Тогда я пойду отдохну пару часов».[278]

Георгий Константинович тоже упоминает о телефонном разговоре со Сталиным поздним вечером 4 декабря, но о ссоре речи не ведет. Однако, судя и по другим свидетельствам, конфликт все же был, хотя вряд ли в такой грубой и недопустимой форме.

На рассвете 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта, а в 14 часов — и правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли удары по противнику. На следующий день на врага обрушились 30-я, 1-я

278 Цит. по: Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 325.

ударная, 20-я армии правого крыла и 10-я и 13-я армии левого крыла Западного фронта.

Переход советских войск в контрнаступление породил у германского руководства противоречивые чувства. Гитлер не доверял сообщениям командования Сухопутных войск и считал их преувеличенными. На совещании с руководителями вермахта, состоявшемся 6 декабря, он высказал сомнение в успехе русских: «Даже если вооруженные силы потеряли 25 % своего боевого состава, все равно русские, несмотря на свое трехкратное преимущество в новых формированиях, понесли значительно большие потери в боевом составе. И если наши дивизии удерживают участки в 30 километров по фронту, это свидетельствует о недостаточной силе противника». Опытный генштабист генерал Ф. Гальдер был более реалистичен в своих оценках состояния группы армий «Центр». Он 7 декабря записал в своем дневнике: «Самым ужасным является, однако, то, что ОКВ (Верховное командование вермахта. — В.Д.) не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий „Центр“ на рубеж Руза, Осташков».[279]

Обрушенный на врага атакующий вал нарастал, в контрнаступление вовлекались все новые силы. 7–8 декабря к активным действиям перешли 16-я армия, оперативные группы генералов Ф.Я.Костенко и П.А.Белова, 3-я и 50-я армии. На калининском, клинском, солнечногорском, истринском, тульском и елецком направлениях бои развернулись не на жизнь, а на смерть. 8 декабря враг был выбит из Крюкова.

А Гитлер все еще не верит, что началось что-то серьезное, представляющее реальную большую угрозу. 8 декабря он отдает приказ, в котором оценивает успехи советских войск как временные, достигнутые благодаря большей их приспособленности к суровым климатическим условиям. Вместе с тем в словах фюрера зазвучали и иные нотки: «Бои такого рода русские ведут частями и подразделениями, которые нельзя назвать первоклассными, напротив, это, как правило, самые худшие и неподготовленные силы, которые, как показал опыт, нередко уступают нашим войскам по численности вопреки предварительным данным первых донесений о ходе боя. Отсюда следует, что бои такого рода выигрываются в первую очередь крепостью нервов, и это касается главным образом командования. Русские в данном случае доказали крепость нервов». Что ж, серьезное признание, и отнести его следует прежде всего на счет Жукова.

В заключительной части приказа немецким войскам предписывалось «не допускать превосходства противника». Единственный способ надежно покончить с ним — это ожесточенное сопротивление, «которое будет стоить атакующему больших потерь в живой силе». Немецким войскам разрешалось отходить лишь в том случае, если «на прежних позициях они не смогут из-за отсутствия боеприпасов или продовольствия причинить ущерб противнику». Командованию группы армий «Центр» надлежало принимать решительные меры и против гражданского населения. При отступлении населенные пункты должны были сжигаться, чтобы советские войска лишались нормального размещения на отдых. Иначе как

279 Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. С. 445.

варварским не назовешь требование забирать зимнюю одежду у военнопленных и гражданских лиц для удовлетворения нужд немецких войск.

По оценке генерал-фельдмаршала фон Бока, в создавшейся обстановке было «бессмысленно требовать от войск не делать ни шагу назад. Фактически для группы армий „Центр“ оказалось невозможным как отступление, так и ведение сдерживающих боев, так как и то и другое вело к большим людским потерям».

Из-за значительных потерь в боевой технике фон Бок объединил 3-ю и 4-ю танковые группы под командованием генерала Э.Хепнера, сосредоточивая силы для удержания Клина, через который осуществлялся отход значительного количества войск. Использовались все возможности для сдерживания натиска 20-й и особенно 16-й армий, так как прорыв обороны их соединениями грозил основным частям группы окружением в районе Клина, Солнечногорска и Истринского водохранилища. Главным рубежом, на котором предполагалось остановить наступление войск Западного и Калининского фронтов, должны были стать реки Лама, Руза и Нара. Удобные для обороны естественные рубежи дополнялись здесь многочисленными инженерными сооружениями, строительство которых развернулось еще в начале декабря. При отходе взрывались мосты, сжигались населенные пункты, минировались дороги.

И все же наступать как следует мы еще не научились. Войскам не хватало опыта, командирам — умения грамотно организовать атакующие действия. Не хватало решительности, чтобы в полной мере использовать тяжелое положение, в котором оказался противник. Сказался синдром первых недель и месяцев войны — страх попасть в окружение. Поэтому многочисленные бреши, образовывавшиеся в линии обороны отступавшего противника, использовались вяло, части и соединения в прорывы вводились неохотно. Вновь отдадим должное Жукову: он очень быстро и точно прочувствовал эти недостатки. Уже 9 декабря командованием Западного фронта издается приказ, который вносит серьезные коррективы в тактику наступательных действий:

«Всем армиям и группе Белова

Копия: товарищу Шапошникову

1. Противник под ударами войск Западного фронта на своих флангах начал поспешный отход. Местами противник бросает транспорт, технику и вооружение.

Противник, отводя свои фланги назад, видимо, стремится выровнять свой фронт, привести себя в порядок, пополниться и подготовиться к новой операции.

2. Основная задача войск Западного фронта заключается в том, чтобы как можно быстрее разбить фланговые группировки противника, захватить его технические средства, транспорт, вооружение и, стремительно продвигаясь вперед в обхват его фланговых группировок, окончательно окружить и уничтожить все армии противника, противостоящие нашему Западному фронту.

3. Практика наступления и преследования противника показывает, что некоторые наши части совершенно неправильно ведут бой, и вместо стремительного продвижения вперед путем обходов арьергардов противника ведут фронтальный затяжной бой с ним. Вместо обходов и окружения противника выталкивают с фронта лобовым наступлением,

вместо просачивания между укреплениями противника топчутся на месте перед этими укреплениями, жалуясь на трудности ведения боя и большие потери.

Все эти отрицательные способы ведения боя играют на руку врагу, давая ему возможность с малыми потерями планомерно отходить на новые рубежи, приводить себя в порядок и вновь организовывать сопротивление нашим войскам.

Приказываю:

1. Категорически запретить вести фронтальные бои с прикрывающими частями противника, запретить вести фронтальные бои против укрепленных позиций. Против арьергардов и укрепленных позиций оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника.

2. Сформировать из состава армии несколько ударных групп в составе танков, автоматчиков, конницы и под водительством храбрых командиров бросить их в тыл противника для уничтожения горючего и артиллерийской тяги.

3. Гнать противника днем и ночью. В случае переутомления частей выделять отряды преследования.

4. Действия наших войск обеспечить противотанковой обороной, разведкой и постоянным охранением, имея в виду, что противник при отходе будет искать случая контратаковать наши части.

5. Что вами сделано, немедленно донести.

Жуков Булганин Соколовский

9.12.41 г. 15.45».[280]

11 декабря советские войска заняли Истру, 12-го — Солнечногорск, а на левом крыле Западного фронта вынудили к отходу от Тулы соединения 2-й танковой армии генерала Гудериана.

Продвижение советских войск северо-западнее Москвы вызывало сильное беспокойство и разногласия среди немецкого командования. Пытаясь успокоить отступающих, главнокомандующий Сухопутными войсками Браухич направил в войска группы армий «Центр» телеграмму, в которой сообщал, что все трудности, испытываемые германскими солдатами, известны высшему руководству, и принимаются меры для улучшения их положения. 13 декабря он вылетел в Смоленск. Фон Бок, обрисовав тяжелое положение немецких войск и нависшую над ними угрозу разгрома, попросил Браухича подумать о его замене «по причине упадка физических сил».

Объективный анализ обстановки требовал отхода группы армий «Центр». Однако без ведома Гитлера Браухич не решался на этот шаг. Он обратился к адъютанту Гитлера полковнику Шмундту, находившемуся в штабе группы армий «Центр», с просьбой посодействовать в том, чтобы фюрер дал разрешение на отступление. 15 декабря было дано согласие на отвод войск 3-й и 4-й танковых групп и правого крыла 9-й армии на рубеж Руза, Волоколамск, Старица, но уже во второй половине дня это распоряжение неожиданно было отменено. Гитлер еще надеялся на скорое изменение обстановки под Москвой. Ночью 15 декабря он вызвал к себе командующего армией резерва генерала Ф. Франка с докладом о

280 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 283–284.

готовности соединений к отправке в районы боевых действий. Генерал Р.Герке и рейхсмаршал Г.Геринг получили приказ о подготовке всего транспорта вермахта для немедленной переброски резервных дивизий и частей по воздуху на Восточный фронт.

Отправляя пополнение под Москву, Гитлер не скрывал раздражения: «Я не могу всех отправить на зимнюю стужу только потому, что на фронте группы армий имеется несколько прорывов». 16 декабря в ставке Гитлера проводилось срочное совещание руководства вермахта, на котором фюрер отдал приказ «удерживать фронт до последнего солдата… Командующим, командирам и офицерам, лично воздействуя на войска, сделать все возможное, чтобы заставить их удерживать свои позиции и оказывать упорное сопротивление противнику, прорвавшемуся на флангах и в тыл. Только подобного рода тактикой можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкреплений из Германии… Только когда резервы прибудут на отсечные позиции, можно будет подумать об отходе на эти рубежи». Генерал Г.Блюмментрит, бывший начальник штаба 4-й армии группы «Центр», впоследствии отмечал: «Его фанатичный приказ, обязывающий войска стойко драться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона. Дивизии не разрешалось отступать больше чем на 5–10 километров за одну ночь. Большего нельзя было и требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступать приходилось по открытой местности. После нескольких ночей такого отступления солдаты настолько изнемогали, что, останавливаясь, просто ложились на снег и замерзали. В тылу не было заранее подготовленных позиций, куда войска могли бы отойти… Таким образом, в течение многих недель поле боя медленно отодвигалось на запад».

Одновременно Гитлер пришел к убеждению, что Браухич, как и фон Бок, не способен руководить войсками в кризисной ситуации. Руководство спасением Восточного фронта фюрер взял на себя, решив лично стать во главе Сухопутных войск. Нашлась причина и для замены генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока — обострение язвы желудка. Гитлер предложил ему взять продолжительный отпуск для поправки здоровья.[281] Командующим группой армий «Центр» 18 декабря был назначен генерал-фельдмаршал Х.Г.Клюге, который до этого возглавлял войска 4-й армии.

Тем временем Ставка ВГК торопила Западный фронт развить и закрепить успех. Чтобы не допустить отхода немецких 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск, Руза, приказом от 13 декабря командующим 30-й и 1-й ударной армиями Лелюшенко и Кузнецову предписывалось ускорить темп наступления и окружить врага в районе Клина.

В тот же день Жуков направил приказ армиям правого крыла Западного фронта, в которых определил новые рубежи наступления и возложил персональную ответственность за выход на них на командующих армиями. Приказом категорически запрещались «лобовые атаки укрепленных узлов сопротивления противника. Головным

281 См.: Митчем С., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха// Пер. с англ. Смоленск, 1997. С. 74–75.

эшелонам, не задерживаясь, обходить их, возлагая уничтожение этих узлов на последующие эшелоны».[282]

30-я и 1-я ударная армии, несмотря на упорное сопротивление противника, со своими задачами справились. К 2 часам 15 декабря освобождение Клина было завершено. Через несколько дней в город прибыл министр иностранных дел Великобритании А.Иден с группой дипломатов и корреспондентов. «Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов поистине великолепных», — заявил он газете «Правда».

Впервые войска вермахта терпели столь внушительное поражение и вынуждены были отступать, неся значительные потери. За 11 дней наступления соединения и части правого крыла Западного фронта смогли преодолеть от 30 до 65 километров.

Успешно развивалось наступление и на левом крыле фронта, в полосе 50-й и 10-й армий. Здесь 11 декабря после упорных боев группа войск генерала П.А.Белова освободила Сталиногорск (Новомосковск). Жуков тут же принимает решение совместными усилиями войск группы Белова и 50-й армии окружить и уничтожить немецкую группировку, действовавшую на северных и восточных подступах к Туле. Но генерал Гудериан оказался проворнее и сумел вывести войска из мешка восточнее Тулы. Делается попытка окружить противника более глубоким охватом южнее Тулы. Но и здесь Гудериану удалось вывернуться. И все же наступление левого крыла Западного фронта хотя и медленно, но продолжало развиваться.

Непреодолимое желание как можно скорее разгромить дрогнувшего врага сыграло с Жуковым злую шутку. В его действиях стали заметны малообоснованный оптимизм, переоценка возможностей своих войск. В то же время боеспособность и организованность противника явно недооценивались. Например, Ставка установила армиям правого крыла Западного фронта темп наступления в пределах 10–15 километров в сутки, а Жуков увеличил его до 20–25 километров, то есть почти вдвое. Достичь этого практически было невозможно: на правом крыле войска преодолевали до шести километров в сутки, на левом — до десяти.

Излишняя горячность порождала просчеты.

Войска 3-й и 4-й танковых групп противника после поражения на истринском рубеже поспешно отходили на новые позиции на реках Лама и Руза. Жуков полагал, что имеет дело только с арьергардами противника. Поэтому 20 декабря он потребовал от армий правого крыла фронта (1-я ударная, 20, 5 и 16-я армии) продолжать безостановочное движение и 27 декабря выйти на линию Зубцов, Гжатск (ныне — Гагарин) западнее рек Лама и Руза. Но планового безостановочного наступления не получилось — наши войска неожиданно наткнулись на прочные оборонительные рубежи и мощные огневые заслоны.

К чести Жукова, выводы из ошибок в наступательных действиях он делал своевременно. Командующий фронтом настойчиво требовал выводить войска на фланги и в тылы отступавшего противника, ставить подразделения на лыжи, проникать в глубокие тылы врага и дерзкими налетами вносить панику в его войска. Он постоянно предупреждал командармов и командиров соединений о недопустимости фронтальных атак и попыток действовать напролом, что, кроме неоправданных потерь,

282 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 285–286.

не приносило никаких результатов. В одной из своих директив Жуков указывал на примеры, «когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаке на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподавленные опорные пункты, при плохой организации наступления». Интересно, что подобные оценки давал действиям наступавших и противник. «Бюллетень немецкой армии» от 14 января 1942 года отмечал, что у русских «артиллерийская подготовка атаки применяется редко… Атаки русских проходят, как правило, по раз и навсегда данной схеме — большими людскими массами и повторяются несколько раз… не щадя сил и ничего не меняя… Наше прекрасное стрелковое оружие в состоянии противостоять массовому наступлению русских».

В специальной директиве военным советам армий Западного фронта от 22 декабря Жуков дал установку: «В случае сопротивления врага на всем фронте и невозможности обойти его оборону собрать на узком фронте массу артиллерии, РС, минометов и дать такой уничтожающий огонь, от которого наверняка будет подавлена оборона противника. После такой мощной подготовки смело бросать на узком фронте пехоту со всей массой танков, сопровождая их все время артогнем и боевыми действиями авиации.

…Командиров, проявляющих нерешительность в разгроме врага, снимать как неспособных вести части вперед и преодолевать трудности».[283]

23 декабря Жуков подписывает директиву, которая вскрывает серьезные недостатки в действиях войск 20-й армии:

«Вопреки указаниям Военсовета фронта — прорывать оборону на узком участке, 20 армия ведет наступление на всем фронте армии и, как следствие, не имеет никакого успеха.

…Разъяснить и потребовать от командиров частей прорыва, во что бы то ни стало, иначе противник в ближайшее время может усилиться.

…Прорывом руководить лично Военсовету».

Однако, несмотря на настойчивые требования Жукова, войска правого крыла Западного фронта так и не смогли прорвать оборону противника на рубежах рек Лама и Руза. Лишь 20-й армии после 18-дневных ожесточенных боев удалось захватить небольшой плацдарм на западном берегу Ламы. Противник в период с 20 декабря 1941 года по 7 января 1942 года прочно удерживал оборону, ликвидируя все попытки войск 1-й ударной, 16-й и 5-й армий вклиниться в нее.

На левом крыле Западного фронта 30 декабря удалось выбить немцев из Калуги. В начале января 1942 года советские войска вышли в район железной дороги Калуга — Малоярославец (49-я армия) и продвинулись на 15–25 километров в сторону Юхнова (50-я армия), а 10-я армия подошла к железной дороге Вязьма — Брянск западнее и юго-западнее Калуги. На этом наступление войск левого крыла остановилось.

В центре Западного фронта контрнаступление началось позднее, 18 декабря. Перед этим армиям центрального участка ставилась задача только сковать 4-ю полевую армию немцев, чтобы лишить их возможности перебрасывать войска на другие участки фронта. Однако немецкое командование, воспользовавшись нерасторопностью советских войск,

283 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 86.

сумело перебросить часть сил на ржевское и тульское направления. В результате сопротивление фланговых группировок противника севернее и южнее Москвы снова возросло. Это вынудило Жукова поздно ночью 16 декабря потребовать от армий центра продолжать «безостановочное преследование противника» и 19 декабря овладеть рубежом западнее реки Нара. Но из этого ничего не получилось, и затяжные бои продолжали идти на прежних позициях. Лишь после занятия советскими войсками Калуги и возникшей угрозы их выхода в тыл 4-й немецкой полевой армии противник 24 декабря начал отвод своих войск на новую линию обороны.

В ходе контрнаступления Г.К.Жуков руководил боевыми действиями с командного пункта в Перхушкове. События развивались стремительно и непрерывно, поэтому в войска он выезжал только в случаях крайней необходимости. Успел побывать в этот период в армиях Рокоссовского, Говорова, Голубева, Захарова, главным образом для того, чтобы помочь командующим согласовать свои действия с соседями.

На участке Наро-Фоминск, Каменка войска 43-й армии Голубева долго не могли опрокинуть противника с занимаемых позиций. Жуков дважды, 21 и 24 декабря, выезжал на передовую, на месте знакомился с обстановкой, беседовал с командирами полков. Вместе с командующим армией выходил на передний край, в окопы. Подтянув резервы и проведя перегруппировку войск, он в конце концов смог прорвать линию фронта противника. 26 декабря Наро-Фоминск был освобожден.

В тот же день 33-я и 43-я армии получили приказ начать преследование противника на можайском и малоярославецком направлениях. В результате советские войска к концу декабря вышли к рекам Протва и Лужа, 2 января 1942 года освободили Малоярославец, а 4 января — Боровск. Но дальнейшее их продвижение противник остановил.

В январе 1942 года на Западный фронт приехала монгольская делегация с подарками для советских воинов во главе с Х. Чойбалсаном. Жуков тепло встретил своих друзей по Халхин-Голу. Несколько дней делегация провела на Западном фронте, а вернувшись в Москву, Чойбалсан пригласил к себе Жукова и вручил ему монгольский орден Красного Знамени.

Контрнаступление советских войск на западном стратегическом направлении имело огромное значение не только в военном отношении, но получило и большой политический резонанс. Впервые во Второй мировой войне удалось сначала остановить считавшую себя непобедимой германскую армию, а затем нанести ей чувствительное поражение. Красная армия отбросила врага на 100–250 километров от Москвы и ликвидировала угрозу советской столице. Немецкие войска утратили стратегическую инициативу, замысел молниеносного разгрома СССР оказался чересчур самонадеянным. Впереди замаячила перспектива затяжной войны.

Но все же положение немецких войск в декабре 1941 года было отнюдь не таким плачевным, как об этом было принято у нас говорить, особенно в советское время. Военная германская машина дала сбой, но мощь свою не потеряла.

В конце концов наступательные возможности армий Западного фронта иссякли, фактор внезапности себя исчерпал, и противник успел организовать на новых рубежах довольно сильную оборону. Не будем забывать, что советские войска перешли в контрнаступление, не имея

общего превосходства над врагом.

Г.К.Жуков считал, что следующий этап наступления на западном направлении «должен был состоять в том, чтобы, получив усиление соответствующими силами и средствами, продолжить его вплоть до полного завершения». Он считал возможным восстановить то положение, которое Калининский, Западный и Брянский фронты занимали до начала наступательной операции немецко-фашистских войск. По его мнению, если бы Ставка дала «хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), мы получили бы реальную возможность нанести врагу более сильный удар и еще дальше отбросить его от Москвы, а возможно, даже выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск».[284]

Без дополнительных крупных резервов дальнейшее продвижение на запад невозможно. С этим и приехал Жуков вечером 5 января 1942 года в Кремль на расширенное заседание Ставки, где планировалось обсудить план предстоящих военных действий. Кроме И.В.Сталинаи Г.К.Жукова на совещании присутствовали Б.М.Шапошников, К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков, Н.А.Вознесенский.

Сталин предложил развернуть решительное наступление на трех стратегических направлениях — северо-западном, западном и юго-западном — с целью нанести поражение основным группировкам войск противника и, не давая им передышки, продолжать натиск и заставить их израсходовать резервы еще до весны. Предполагалось, что к этому времени советские войска будут располагать новыми большими резервами, которые позволят завершить полный разгром гитлеровских войск в 1942 году.

Главный удар намечалось нанести на западном направлении, по наиболее сильной группировке врага — группе армий «Центр». Эта задача должна быть возложена на левое крыло Северо-Западного фронта, Калининский, Западный и Брянский фронты, которые путем двустороннего охвата главных сил неприятеля окружают и уничтожают их в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта и Балтийским флотом ставилась задача разгромить группу армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда. Войска Юго-Западного и Южного фронтов наносят поражение группе армий «Юг» и освобождают Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот — Крым. Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки.

Свою точку зрения на планы Ставки высказал Жуков. Он считал, что на западном направлении, где создались наиболее благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, необходимо продолжать наступление. Но для его успешного исхода следует усилить фронты западного направления, пополнить их войска личным составом и боевой техникой, в первую очередь танковыми частями, создать сильные резервы. Что касается наступления советских войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там им придется иметь дело с серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери.

---

284 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 252.

С мнением Жукова не торопиться с наступлением под Ленинградом и на юге не согласились Ворошилов и Маленков. Однако Георгия Константиновича поддержал заместитель председателя СНК СССР Н.А.Вознесенский, заявивший, что в настоящее время мы еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов. Сталин был явно недоволен таким поворотом дел.

Но спорил Жуков напрасно — вопрос был уже предрешен. После совещания он узнал от Шапошникова, что соответствующие директивы почти всем фронтам уже отданы, и они в ближайшие дни начнут наступление.

Приказ о наступлении Жуков получил поздно вечером 7 января 1942 года. Его суть заключалась в том, чтобы, во-первых, все дальнейшие усилия войск направить на окружение ржевско-вяземской группировки противника, а во-вторых, приступить к операции немедленно. С этой целью Ставка приказала: Калининскому фронту нанести удар в направлении Ржева и Вязьмы, Западному — в направлении Юхнова и Вязьмы. Совместными усилиями они должны были «окружить, а затем пленить или уничтожить» всю ржевско-вяземскую группировку противника. Кроме того, Западному фронту силами 20-й армии предстояло прорвать оборону врага на реке Лама.

Пожалуй, то, что планы эти не были обеспечены ни силами, ни средствами, понимали не только Жуков с Вознесенским, но вся Ставка во главе с Верховным. Надеялись, что фронтам удастся сокрушить оборону противника, если их командование будет строго руководствоваться принципом массированного сосредоточения сил и сможет умело использовать артиллерию. Но ведь опыта для этого еще не было — вспомним, даже немцы под Москвой недоумевали, почему русские перед наступлением так слабо применяют артиллерию. К тому же войска не были обеспечены должным количеством боеприпасов.

Жуков докладывал Сталину: «Недостаток снарядов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате система огня противника не уничтожается и наши части, атакуя слабо подавленную оборону противника, несут очень большие потери». Но Верховный главнокомандующий, находясь под впечатлением поражения немцев под Москвой и успехов, достигнутых в ходе контрнаступления, был настроен уверенно. Слишком оптимистично, чтобы задуматься над тем, какой ценой в этих условиях достанутся нам новые победы.

Первыми в наступление 8 января 1942 года перешли войска Калининского фронта, левого крыла и центра Западного фронта, а 10 января — армии правого крыла Западного фронта. В результате ожесточенных боев с 8 по 15 января 39-я армия Калининского фронта вышла в районы западнее и юго-западнее Ржева, а левофланговые армии Западного фронта (43, 49 и 50-я армии) — в район Юхнова. Здесь они были вынуждены перейти к обороне на рубежах, удаленных на 70–75 километров к северу и юго-востоку от Вязьмы. Использовать создавшиеся благоприятные условия для окружения ржевско-вяземской группировки противника им не удалось. Пополнения не дождались, и мощь ударных группировок оказалась утраченной.

На правом крыле Западного фронта Жуков смог в полной мере использовать выгодное оперативное положение 20-й армии, которая имела плацдарм на западном берегу Ламы и должна была наступать вдоль

Волоколамского шоссе, что позволяло успешно решать в ходе наступления вопросы маневра и подвоза материальных средств — ведь зима стояла снежная. Здесь командующий фронтом создал ударную группу, усилив ее кавалерийскими, стрелковыми и лыжными соединениями, частями и подразделениями, артиллерией и танками из состава 1-й ударной и 16-й армий. Пожалуй, впервые за всю войну на участке прорыва обороны противника удалось создать высокую плотность войск и в несколько раз превзойти неприятеля в силах и средствах. И все это было сделано без резервов, за счет привлечения сил с других направлений Западного фронта.

Несмотря на сильную метель, после полуторачасовой артиллерийской подготовки войска ударной группы Западного фронта 10 января перешли в наступление. Попытки противника контрударами восстановить утраченное положение не достигли цели. Прорыв в обороне противника на Ламе удалось значительно расширить и углубить. У войск правого крыла Западного фронта появилась возможность развить успех в направлении Гжатска и выйти во фланг 4-й танковой армии противника. Но планы Жукова спутала Ставка.

19 января в штаб Западного фронта поступил приказ вывести из сражения 1-ю ударную армию, которая перебрасывалась на усиление Северо-Западного фронта. Жуков пытался объяснить Сталину, что такое решение недопустимо до завершения наступления.

Но Сталин, как мы знаем, своих приказов не отменял.

А тут еще, как назло, противник нанес сильный контрудар по войскам левого крыла Западного фронта в районе Сухиничей, и Жуков был вынужден направить туда 16-ю армию. В результате части 20-й армии рассредоточились на широком фронте, и ударная сила ее войск значительно ослабла. Для перегруппировки войск требовалось время, а его-то у командования Западного фронта как раз и не было.

19 января 33-я армия овладела Вереей. На следующий день в центре фронта войска 5-й армии освободили Можайск и вышли на западную границу Московской области. Южнее быстро продвигались на запад правофланговые дивизии 43-й армии. В результате на стыке флангов 33-й и 43-й армий образовался слабо обороняемый противником коридор шириной около 35–40 километров. Жуков решил немедленно воспользоваться этим обстоятельством и выдвинуть вперед через образовавшуюся брешь войска 33-й армии с задачей главными силами нанести удар «на Вязьму или в обход ее с юго-запада». Одновременно 18–22 января по распоряжению Жукова южнее Вязьмы был выброшен воздушный десант для оказания помощи 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу генерала П. А. Белова, который действовал на левом крыле Западного фронта, пытаясь также прорвать оборону противника в направлении Вязьмы.

20 января Жуков шлет Белову распоряжение: «Строжайше запрещаю переходить где-либо к обороне. Если есть щель, гоните все в эту щель и развертывайте эту щель ударом к флангам… Противник бежит по всему фронту. Давайте скорее к Вязьме».[285]

Командующему 33-й армией генералу Ефремову он наказывает «не ввязываться в бой, стремительно выходить в назначенный район; с

---

285 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 100–101.

выходом в назначенный район связаться с десантом в районе Знаменка, Желание и быть готовым, не останавливаясь, к выходу в район западнее Вязьмы. Для обеспечения действий сейчас подтягивайте армейские тылы, запасы, все материальное обеспечение и управление. Штабу армии от главной группировки не отрываться… Нажимайте. Можете отличиться на этом как никогда».[286]

26 января в районы западнее Вязьмы прорвались части 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, которым удалось перерезать Минское шоссе и железную дорогу на Смоленск. Для усиления группы генерала Белова и взаимодействия с 11-м кавалерийским корпусом с 27 января по 2 февраля в район юго-западнее Вязьмы был выброшен новый воздушный десант численностью более двух тысяч человек. 30 января кавалеристы генерала Белова соединились с десантниками и двинулись на Вязьму. Казалось, что вот-вот город будет взят. В тот же день Жуков потребовал от командующего 33-й армией быстрее выдвигаться вперед на запад.

Спешка порождала ошибку: фланги ударной группировки войск армии оказались необеспеченными. Соседи справа и слева получили задачу наступать по расходящимся направлениям: 5-я армия — на Гжатск, 43-я армия — на Юхнов. Фактически дивизии ударной группы 33-й армии были брошены в глубокий тыл противника на произвол судьбы, без прикрытия с воздуха, без организации снабжения продовольствием, боеприпасами, горючим. Генерал Ефремов неоднократно обращается в военный совет фронта с просьбой выделить пополнение для армии. 30 января он шлет очередную просьбу:

«Начальнику штаба Западного фронта.

1. Обещанное вами пополнение для 33-й армии до сего времени не прибыло.

2. Пополнение крайне необходимо.

3. Когда же 33-я армия получит пополнение? Прошу сообщить. Армия в боях с 18.12.1941 г. беспрерывно».[287]

Ефремов пытается организовать прикрытие флангов ударной группы армии своими силами и отправляется для этого в Износки. Но сразу же следует приказ:

«Тов. Ефремову. 30.1.1942 г.

Ваша задача под Вязьмой, а не в районе Износки. Оставьте Кондратьева (начальник штаба 33-й армии. — В.Д.) в Износках. Самому выехать сейчас же вперед.

Жуков».[288]

Жуков передает Ефремову из фронтового резерва 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая начала свое движение к Вязьме по пробитому ударной группой 33-й армии коридору. Численность дивизии составляла около 10 тысяч человек, больше всей ударной группы 33-й армии. Вскоре ее командиру генералу А.П.Белобородову «стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью „подрубить“ основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить

---

286 Там же. С. 101.

287 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 305.

288 Там же. С. 306.

ее».[289] Несмотря на это, дивизия Белобородова переводится в распоряжение 43-й армии. При этом сам командующий 43-й армией Голубев сообщал Жукову о нависшей угрозе тылу Ефремова, о том, что противник находится на подступах к Износкам с севера и северо-запада. Но Жуков приказал ему двигаться дальше, не оглядываясь на Ефремова.

Получив донесение о том, что группа генерала Белова атаковала Вязьму с запада, Жуков тут же приказал командующему 33-й армией генералу Ефремову атаковать с юга и юго-востока. Отсутствие сплошного фронта давало Жукову основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надежно оборонять город. Поэтому и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, с ходу захватить Вязьму.

Понимая стратегическое значение Вязьмы для всей группы армий «Центр», немцы оборонялись с ожесточением. Сначала они отбросили на север 11-й кавалерийский корпус Калининского фронта. Ударную группу 33-й армии и группу войск генерала Белова, начавших атаку города, противник встретил хорошо организованным огнем всех видов и частыми контратаками пехоты, поддержанными танками и авиацией. Занять Вязьму с ходу не удалось. Более того, ударив с севера и юга под основание прорыва, противник отсек часть войск 33-й армии и группу Белова от основных сил фронта и восстановил свою оборону по реке Угра. В итоге войска Западного фронта, пытавшиеся окружить вяземскую группировку противника, сами оказались отрезанными.

Не ожидавший такого поворота событий, Жуков весьма резко отреагировал на изменения в обстановке. От командующего 43-й армией Голубева он потребовал срочно восстановить положение. Батальон, который оборонял фланги и был смят противником, Жуков приказал «вернуть обратно, виновных в сдаче этого особо важного пункта (деревня Захарово. — В.Д.) арестовать, судить и расстрелять на месте независимо от количества». Генералам Ефремову и Белову приказывалось «ускорить взятие Вязьмы, используя время, пока противник еще слаб».

Очевидно, происходящее под Вязьмой Жуков еще не воспринял всерьез, посчитав за досадное недоразумение временную неудачу. Успокаивая Ефремова тем, что против него якобы действуют лишь тыловые подразделения врага, Жуков одновременно упрекал его, что «части ведут себя преступно плохо, поддаваясь панике и беспорядку», и потребовал от генерала «всех трусов, паникеров, провокаторов судить и расстреливать перед строем». Заботиться о материальных ресурсах Ефремову предстояло самому: «…продовольствие искать на месте, подавать его не будем, нет самолетов, искать снаряды также на месте».

Генерал Ефремов, получив 21 января указание Жукова «нажимать», старался выполнить его во что бы то ни стало. Однако противник, воспользовавшись тем, что 33-я армия и группа войск Белова продвигались без оглядки на свои фланги и тылы, быстро захлопнул ловушку. В сложившейся обстановке окруженным войскам Западного фронта пришлось волей-неволей перейти на полное самообеспечение и установить тесное взаимодействие с местными партизанами, обратив свои главные помыслы на склады противника. Положение было крайне тяжелым, войска несли большие боевые и санитарные потери. Например,

289 Белобородов А. П. Всегда в бою. М., 1979. С. 135.

к 7 февраля только численность группы Белова сократилась с 28 тысяч человек до 6 тысяч, из которых полторы тысячи составляли раненые.

Жуков быстро понял свою ошибку и организовал удар извне для прорыва обороны противника в районе Юхнова и установления непосредственной связи с окруженной вяземской группой войск. 14 февраля он настойчиво просит командарма 43-й армии Голубева «быстрее пробиться к Ефремову…очистить его тыловые пути, подать ему боеприпасы и вывести оттуда 1000 человек раненых». Голубев обещает немедленно сформировать и выслать на помощь Ефремову отряд во главе с лучшим командиром и военкомом. «До этого, имея Ваши указания, мы сформировали и выслали по трем разным маршрутам для определения и разведки пути, глубины обороны противника и связи с т. Ефремовым три отряда на лыжах, силою до роты каждый…»

Жуков: «Обещание вещь хорошая. Но я предпочитаю исполнение, а с исполнением мы очень много тянем. Поймите, что за это расплачиваются люди жизнью, которые, умирая, не могут сказать Вам спасибо. Ваше предложение мы обдумаем. Сейчас примите все меры к тому, чтобы… части вошли бы в связь с Ефремовым».[290]

Наряду с контрударами под Вязьмой противник внезапно атаковал главную группировку войск Калининского фронта и отрезал 29-ю и 39-ю армии (всего — четыре дивизии из семи) вместе с 11-м кавалерийским корпусом от основных сил фронта. В результате последующих активных действий немцев 5 февраля кольцо окружения вокруг 29-й армии замкнулось. Более двух недель ей пришлось сражаться в окружении, из которого вышло лишь около 3,5 тысячи человек — все, что осталось от армии.

Немецкое командование, умело маневрируя силами и средствами, постепенно сводило на нет январские успехи войск Западного фронта. Ликвидировав бреши под Юхновом и Ржевом, противник смог восстановить сплошную линию фронта. Все свидетельствовало о том, что наступательный потенциал войск Западного направления исчерпан. Однако Сталин думал иначе.

Упомянем, что в самый разгар событий под Вязьмой, 1 февраля 1942 года, Сталин и Шапошников подписали директиву, которой в целях тесного взаимодействия Западного и Калининского фронтов восстанавливалась должность главнокомандующего Западного направления. Главкомом (с сохранением должности командующего Западным фронтом) назначался Жуков, его заместителем — генерал-лейтенант Голиков.

16 февраля главнокомандующий западным направлением получает приказ Ставки:

«1. Войскам Западного фронта, при содействии 39, 29, 22, 30 и 31 армий и 11 кавалерийского корпуса Калининского фронта, разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже с готовыми противотанковыми рвами Оленино, Олецкое, Булашево и далее по р. Днепр через Благовещенское до г. Дорогобуж вкл., Усвятье, Ельня и далее по р. Десна до Снопоть.

2. К тому же 5 марта 42 г. войскам Западного фронта разгромить

---

290 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 123–124.

болховско-жиздринско-брянскую группировку противника и, уничтожив ее, занять Брянск и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже с готовыми противотанковыми рвами по р. Десна от Снопоть до Ядрово и далее по линии на Высокое, Красное, Сосновка.

3. Распоряжением Зам. Наркома обороны т. Щаденко в течение периода времени от 16 до 25 февраля подать на Западный фронт, кроме занаряженных находящихся в пути, 60 тыс. обученного пополнения в пункты по указанию Главкома Западного направления.

4. Распоряжением начальника ГАБТУ (главное автобронетанковое управление. — В.Д.) в течение времени от 16 до 25 февраля подать на Западный фронт 40 танков КВ, 80 танков Т-34 и 80 танков Т-60 в пункты по указанию Главкома Западного направления.

5. Командующему ВВС КА в двухдневный срок передать Западному фронту 20 самолетов „Ил-2“ и 20 самолетов „Як-1“ без экипажей. Экипажи для всех указанных самолетов выслать распоряжением Главкома Западного направления.

6. Командующему воздушно-десантными войсками с 17 февраля передать в распоряжение Главкома Западного направления для Юхновской операции 9 и 214 авиадесантные бригады. Зам. Командующего ВВС т. Новикову и Зам. Наркома обороны т. Громадину обеспечить выброску десанта по указанию Главкома Западного направления.

7. Для проведения операции по разгрому болховско-жиздинско-брянской группировки противника в распоряжение Главкома Западного направления передать 5 гвардейский стрелковый корпус 97, 116 и 149 стр. дивизии по прибытии их в пункты разгрузки не позднее 25 февраля.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Б. Шапошников».[291]

Но, как и следовало ожидать, несмотря на требования Ставки и предоставленные подкрепления, добиться дальнейших успехов войска Западного направления не смогли. Вместо продвижения на глубину 120–140 километров до 5 марта, как того желал Верховный главнокомандующий, войска, по существу, топтались на месте. Все их попытки разгромить врага или хотя бы соединиться с окруженными под Вязьмой 33-й армией и группой Белова с десантниками потерпели неудачу. Правда, после длительных и упорных боев частям 49-й армии удалось наконец занять Юхнов. Но на этом все и закончилось.

Не помогли и все последующие приказы, распоряжения, увещевания, угрозы. Сложившуюся нервозную атмосферу в командных кругах войск хорошо отражают записи переговоров Жукова с командующим 49-й армией генералом И. Г. Захаркиным.

6 марта 1942 года:

«…*Жуков* . Вы мне на тот вопрос не ответили, я у Вас спросил, — не считаете ли Вы для себя оскорбительным топтаться на месте перед арьергардами двух очень слабеньких дивизий; видимо, Вы считаете для себя нормальным, если пытаетесь меня убедить.

Захаркин . Я принимаю меры к тому, чтобы как можно лучше выполнить Вашу задачу, мне также хотелось бы ускорить наступление с

---

291 Там же. С. 125.

тем, чтобы скорее прорвать противника, выйти в указанный Вами район.

Жуков . Хотеть мало, надо требовать и действовать решительно; против любителей топтаться на месте использовать предоставленную Вам власть, наказывая виновных и поощряя на поле боя всех отличившихся. А этого Вы не делаете, хотя Вы на обещания вообще не скупитесь… Передайте Захарову, что если он с дивизией быстро опрокинет противника и погонит его за реку Угра, то его дивизию сделаем гвардейской; сможете ли Вы сейчас выехать вперед со всем свои активом для того, чтобы двинуть дивизию вперед, не забыв прокуратуру и особый отдел? Все.

Захаркин . Весь штаб вместе со мной, работники особого отдела, прокуратуры находятся на КП, в одном километре юго-западнее Денисово; начальники отделов, как правило, при дивизиях главного направления и при полках первого эшелона. Лично сам и начальник штаба поочередно выезжаем в дивизии ударной группы. Мой актив управления армии в дивизиях и полках; приму меры к усилению большим составом, в том числе из прокуратуры и особого отдела для того, чтобы принять все меры и прорваться 133 дивизией через реку Ресса по Вяземскому большаку. Все?

Жуков . Вы говорите, что вместе с Вами на КП находятся работники особого отдела и прокуратуры, а я требую спуститься в полки, а это разница, которая должна быть Вами понята сейчас же. Требую выезда вперед и в течение первой половины завтрашнего дня захватить обязательно Марьино, Поляки, Нижне-Андреевское и выйти на большак в район Климов Завод; исполнение донести мне, копию товарищу Сталину. Это личное требование товарища Сталина. Представьте список отличившихся в боях; награждение дадим по телеграфу; сможете ли выполнить указания товарища Сталина?

Захаркин . Я не имею права не выполнить и приму все меры, чтобы это указание было выполнено. Все…»[292]

7 марта:

«У аппарата Жуков. Здравствуйте, доложите, как Вы выполняете приказ Военного совета?

У аппарата Захаркин. Здравствуйте. Докладываю.

В течение вчерашней ночи и дня сегодня на всем фронте армии велся напряженный бой. Противник, упорно обороняясь на р. Угра и Ресса, на отдельных участках переходил в контратаки. Особенно упорно обороняется противником и применяются контратаки на р. Ресса; на Вяземском большаке в течение дня против 133 и 238 дивизий предпринимал четыре контратаки. К данному времени части армии занимают следующее положение…

Жуков . Где у Вас танки? Почему медленно продвигаетесь с армией, не выполняете приказ, кто за это наказан?

Захаркин . Танки еще не прибыли.

…*Жуков* . Где шесть танков, которые я Вам послал? А у Вас что, нет огня? Вам дано включительно до тяжелой артиллерии.

Захаркин . Артиллерия применяется очень широко, включительно до тяжелой, и противнику наносятся большие потери, но все же у противника силы огневые большие, что задерживает и замедляет наше

292 Там же. С. 135–136.

наступление. Кроме того, дивизии имеют весьма малочисленный состав. Вчера прибыло пополнение, которое сегодня вводится уже в строй.

Жуков . Напрасно Вы думаете, что успехи достигаются человеческим мясом, успехи достигаются искусством ведения боя, воюют умением, а не жизнями людей. Вы даете противнику все время возможности останавливаться и готовиться к бою, а затем, когда противник организуется, Вы начинаете наступать, а отсюда все качества Ваших действий…

Приказ Военного совета о немедленном выдвижении за реку Угра и занятия в течение 7 марта Климова Завода Вы не выполнили. Я вынужден Вас строжайше предупредить о том, что мы не можем терпеть таких дел, которые творятся, тем более не выполняются приказы. У меня создается впечатление, что до Вас не дошло мое требование, если Вы не уяснили до сих пор того, что нужно разбить противника во что бы то ни стало; неплохо было бы в этом случае Вам лично доложить Военному совету. К сожалению, мы не можем оторваться, может быть, Вы сможете приехать поговорить подробно или обойдемся без разговоров, как Ваше мнение?

Захаркин . Я просил бы сроку еще два дня. Я полагаю и надеюсь, что удар двумя правофланговыми дивизиями даст мне возможность разбить сопротивлявшуюся группу противника в районе Марьино. Кроме того, и на правом фланге есть надежда овладеть Русиново и Павлово, что позволит мне выйти на Вяземский большак. Докладываю, что дивизии ведут весьма напряженный бой и действуют весьма энергично, но противник еще крепко держится, главным образом применяя большое минирование и огонь минометных батарей, и на этом рубеже дивизиям приходится наступать целиной, по глубокому снегу, лесистой местности и тащить на руках артиллерию. Большие потери несем от минированных полей. На дорогах и вне дорог разбросаны сотни мин. Так, например, от Пречистого до Емельяновки, то есть на расстоянии двух километров на этой дороге изъято 360 мин. Вот это замедляет темп нашего наступления. Хотелось бы тоже прибыть к Вам и доложить лично, но сейчас прошу отсрочки, чтобы провести намеченные мной мероприятия на левом фланге, а также на правофланговой группе. Вопросов у меня много, чтобы доложить Вам и получить Ваши указания. Все.

…*Жуков* . Нажимайте быстрее вперед, завтра во что бы то ни стало выйти на дорогу Юхнов — Вязьма…»[293]

А из-под Вязьмы буквально умоляют о помощи:

«Тов. Жукову, Хохлову

10.03.1942 г.

Находясь под Вязьмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете; состав дивизий Вам был до выхода под Вязьму известен, известна и растяжка коммуникаций 33-й армии.

Поймите, мы каждые сутки ведем бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем…

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов.

Ефремов».[294]

---

293 Там же. С. 136–138.

294 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 320.

Сталин, несмотря на безуспешные действия войск Калининского и Западного фронтов, 20 марта снова потребовал разгромить ржевско-вяземско-гжатскую группировку противника и соединиться с окруженными войсками 33-й армии и группой генерала П. А. Белова.

И вновь Жукову в прямом смысле слова приходится гнать войска на операцию. Очередной приказ командармам издается 22 марта:

«Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что ликвидация ржевско-гжатско-вяземской группировки противника затянулась. 1-й гв. кавкорпус, западная группировка 33-й армии и 4 вдк (воздушно-десантный корпус. — В.Д.) продолжают оставаться изолированными от всех тылов и других армий фронта.

Ставкой **приказано** :

1. Разгромить ржевско-вяземско-гжатскую группировку противника и не позднее 20 апреля выйти и закрепиться на нашем оборонительном рубеже по линии Белый, Гуляшево (Булашево. — В.Д.), Дорогобуж, Ельня, Снопоть, Красное.

2. Ближайшая задача Западного фронта — общими усилиями 43, 49 и 50-й армий не позднее 27.3 очистить от противника пути подвоза 33-й армии и группы Белова, соединиться с ними и в дальнейшем уничтожать группировку противника в районе Раляки, Милятино, Вязьма.

Справа — 5-я армия завершает прорыв сев. — вост. Гжатск с задачей не позднее 1 апреля овладеть Гжатск, после чего ударом на Вязьма содействовать 33, 43, 49 и 50-й армиями в уничтожении противника под Вязьма. Слева — 10-я армия, активно обороняясь, обеспечивает фланг 50-й армии на рославльском направлении…»[295]

23 марта Жуков отдает соответствующие указания генералам Ефремову и Белову:

«…2. По приказу Ставки фронтом принимаются решительные меры к очищению от противника тыловых путей группы Ефремова, Корнева, Белова и 4 вдк. Действия начнутся 25.3.

3. До соединения 43-й армии с группой Ефремова и 50-й армии с Беловым Ефремову необходимо организовать оборонительные действия так, чтобы ни в коем случае не допустить сдачи занимаемой территории и не допустить сужения района действий группы. Для ускорения очистки тылов (от противника) т. Ефремову выделить часть сил группы в помощь 160 сд, которой поставить задачу захватить Абрамово и наступать в направлении Долженки, навстречу 43-й армии. Наступление начать с утра 25.3.

4. Тов. Белову за счет отряда Жабо и выделения одного кавполка, усиленного артиллерией и минометами, сформировать отряд под командованием заместителя командира 2 гв. кд для оказания помощи Ефремову. К исходу 24.3 отряд сосредоточить в районе западнее Знаменки, откуда в зависимости от обстановки нанести удар в общем направлении на Сизово, где соединиться с Ефремовым…»[296]

По ответному донесению генерала Ефремова Военному совету Западного фронта видно, насколько истощены силы у его людей, насколько драматично положение самого генерала:

«Тов. Жукову, Хохлову

---

295 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 143–145.

296 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 319–320.

25.03.1942 г.

1. Если бы Вами был дан нашей группе в ближайшие дни десант вооруженного пополнения, мы, безусловно, не только очистим коммуникации, но могли бы в первых числах апреля уже наступать на Вязьму.

2. Вся обстановка: наша, 43-й армии, Белова, Жабо. ВДК изменится. Будем бить врага, здорово бить!

3. В настоящее время группа обессилена, увеличивается смертность и заболеваемость от истощения людей.

4. Нам нужно усилить себя, пока еще не поздно.

5. Появление у врага танков, без наличия их у нас, дезорганизует нашу оборону, несмотря на храбрость наших людей. Танки противника прорывают нашу оборону с пехотой при большом количестве у них огневых средств.

6. Прошу пополнение группы десантом как можно скорее.

7. У войск уже промокают валенки. Нужна кожаная обувь.

Ефремов

Владимиров

Самсонов».[297]

Но что может ответить командование Западного фронта генералу Ефремову? В связи с возобновлением 25–26 марта наступления войск левого крыла Западного фронта Жуков требует от окруженных под Вязьмой войск активизировать действия на тыловых коммуникациях противника. Однако очередное наступление вновь оказалось безуспешным.

31 марта принимается решение сосредоточить усилия 49-й и 43-й армий на деблокаду окруженной группы войск генералов Ефремова и Белова:

«Ввиду полной безрезультативности атак в центре армии атаку прекратить. 2-ю, 217-ю, 238-ю стрелковые дивизии и 34-ю стрелковую бригаду перегруппировать на участок Павлово, Русиново и силами трех стрелковых дивизий, одной стрелковой бригады уничтожить противника в районе Русиново, Павлово, Стененки, после чего этой ударной группой развивать наступление в направлении Слободка, Добрая, взаимодействуя с 43-й армией, которая своей левофланговой ударной группировкой наносит удар в направлении Шумихина».[298]

Однако и эти попытки также не обеспечили выход из окружения соединений 33-й армии и группы генерала Белова с десантниками.

О положении группы войск генералов Ефремова и Белова Жуков так информировал Сталина 11 апреля: «…2. 33-я армия. Части группы Ефремова, организовав оборону в районе Кузнецовка, Высокое (по вост. берегу р. Угра), лес. вост. Жолобово, Федотково, вели тяжелый бой с наступающей пехотой и танками противника. В ночь на 12.4 частям группы сбрасываются боеприпасы и продовольствие. Положение частей восточной группировки без изменений… 7. Положение частей группы генерала Белова, 20 и 10 армий без изменений. Противник на этих

297 Там же. С. 320.

298 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 321–322.

участках фронтах активности не проявлял».[299]

Одновременно Георгий Константинович отдает последнюю директиву по обеспечению выхода из окружения группы войск Ефремова. Однако это распоряжение, как и все прочие, было явно нереальным и никто из командующих армиями его не выполнил.

С вечера 13 апреля связь с Ефремовым прекратилась. А чуть раньше, 9 апреля, с территории, занятой окруженными частями и дивизиями 33-й армии, улетел на Большую землю последний самолет. По свидетельству начальника штаба 33-й армии полковника С.И.Киносяна, Жуков потребовал от Ефремова на этом самолете перелететь линию фронта: «Командарм М.Г.Ефремов при всех вскрыл пакет и вслух прочитал доставленную летчиком записку. Посмотрев на осунувшиеся лица бойцов, он громко сказал: „Я с солдатами пришел и с ними вернусь назад!“» Вместо себя Ефремов отправил этим самолетом Киносяна.

Не выполнила свою задачу и левофланговая 50-я армия Западного фронта, которая должна была не позднее 27 марта соединиться с группой войск генерала Белова и 4-м воздушно-десантным корпусом. 15 апреля Жуков вызвал к прямому проводу командующего 50-й армией генерала И. В. Болдина и потребовал доложить, «почему получилась заминка». Болдин пытался объяснить, что противник ведет сильный артиллерийский и минометный огонь, непрерывно контратакует танками, подтягивает резервы, а войска армии испытывают недостаток в боеприпасах, горючем, продовольствии. Это было правдой, но командующего фронтом такие объяснения не устраивали:

«Из 15 соединений, которые Вы имеете, у вас на сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а 10 действовали пассивно, оборонялись. Из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали, что же это за тактика, не понимаю.

Противник Вас гонит с 7 танками, Вы имеете 100 танков, то есть в четырнадцать раз больше, что же это за тактика такая. Вы, видимо, читали доклад командира 10 мотодивизии, как он одним полком все время отбивал наступление Ваших семи дивизий, такое поведение только дискредитирует Красную Армию. Как же Вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную Армию? Вы все время жаловались на отсутствие танков, сейчас у Вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты все те же: дискредитация Красной Армии. Непонятно — почему Вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось. Значит, Вы не руководите боем, не организовано у Вас управление, нет у Вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и ветрил… Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против Ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он играет с Вами как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага? Имейте в виду, что это не зазорно, наши предки всегда учились у врагов, а затем били их, своих учителей… Короче говоря, Вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нем докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если еще случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования всем, кому следует, и организовывайте исполнение

299 Цит. по: Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. С. 149.

указаний...»[300]

А противник, сосредоточив крупные силы, приступил к ликвидации опасной «занозы» — окруженных под Вязьмой войск 33-й армии и группы генерала Белова. На предложение сдаться враг получил отказ, а в ночь на 14 апреля генерал Ефремов начал прорыв на соединение с войсками Западного фронта. Передвигающимся по весенней распутице и под непрерывными ударами неприятеля войскам пришлось рассредоточиться на отдельные группы и отряды, которые пробивались самостоятельно. Сам М.Г.Ефремов был тяжело ранен и, не желая попасть в плен, застрелился. Мало кому удалось вырваться из смертельного кольца.

Об этом Жуков еще не знал, когда докладывал Сталину

18 апреля:

«...33-я армия. Положение частей восточной группировки без изменений. В полосе 43-й армии вышли две группы численностью 77 человек бойцов и командиров из состава 113-й и 160-й стрелковых дивизий. По докладу начальника артснабжения 160-й стрелковой дивизии майора Третьякова, отряд в составе 2000 человек, возглавляемый генералом Ефремовым, 16.4 двигался с боями из района Пескова в направлении Мал. Виселово. По докладу командиров, вышедших на участке фронта 43-й армии, и данным авиаразведки, главные силы группы Ефремова в ночь на 18.4 предположительно находились в лесах северо-восточнее и восточнее Мал. Бославки. Данные проверяются воздушной разведкой.

...43-я армия. На фронте Городец, Красный Октябрь продолжается упорный бой. Противник продолжает оказывать сильное сопротивление. С целью завершения прорыва обороны противника и соединения с частями группы Ефремова, двигающимися в направлении Мал. Виселово, войска армии в 21.00 18.4 перешли в наступление...

...В положении частей группы генерала Белова за 18.4 существенных изменений не произошло.

Части 4-го воздушно-десантного корпуса к утру 18.4 овладели Будой (6 км северо-восточнее Милятино). В ночь на 19.4 части корпуса атакуют Аскерово...»[301]

Спустя много лет Г.К.Жуков оценивал события, происходившие под Вязьмой, следующим образом: «В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьезно осложнилась... По просьбе генералов П.А.Белова и М.Г.Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее.

Кавалерийский корпус генерала П.А.Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года... Генерал-лейтенант М.Г.Ефремов, считая, что путь на Киров слишком длинен для его утомленной группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Уфа. Мне тут же позвонил И.В.Сталин и спросил, согласен ли

---

300 Там же. С. 152–153.

301 Там же. С. 154.

я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. Ставка приказала организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией, однако действий со стороны группы генерала М.Г.Ефремова не последовало. Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угра и разбили его… Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. „Орешек“ там оказался более крепким, чем мы предполагали…»[302]

В 1988 году в журнале «Коммунист» (№ 14) была опубликована состоявшаяся ранее беседа Жукова с членами редколлегии «Военно-исторического журнала» и некоторыми военными историками о Московской битве. На реплику с места: «Расскажите о затухающих операциях Ефремова и Белова», — Жуков якобы ответил так: «Войска Ефремова и Белова фактически никакой специальной операции не проводили. Они прорвались через имевшиеся промежутки в обороне противника и затем действовали вместе с партизанами в его тылу. Попытки их наступать на Вязьму успеха не имели, потому что у них не было тяжелых артиллерийских средств и ощущался острый недостаток боеприпасов. Поэтому войска фронта, действовавшие в районе Вязьмы, перешли на положение партизанских отрядов… Так что о „затухании“ операции здесь не может быть и речи, они просто не имели возможности вести такую операцию.

Полоса действий войск фронта зимой 1942 года простиралась на 600 километров, и, конечно, очень трудно было уследить за действиями тактического порядка… Ефремов с частью сил армии прошел в свободную „дырку“. Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения флангов на Уфе оставил, а он, к вашему сведению, оставил отряд в составе 90 человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского Завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того чтобы у него тыл был бы обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапки были набекрень у всех тогда, — и я недооценил состояние вяземской группировки противника…»

К.К.Рокоссовский в 1962 году в беседе с преподавателями и слушателями Военной академии им. М.В.Фрунзе ход контрнаступления под Москвой оценил весьма критически: «20 декабря после освобождения Волоколамска стало ясно, что противник оправился, организовал оборону и что наличными силами продолжать наступление нельзя. Надо было серьезно готовиться к летней кампании. Но, к великому сожалению, Ставкой было приказано продолжать наступление и изматывать противника. Это была грубейшая ошибка. Мы изматывали себя. Неоднократные доклады о потерях Жуков не принимал во внимание. При наличных силах добиться решительных результатов было нельзя. Мы просто выталкивали противника. Не хватало орудий, танков, особенно

302 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 263–264.

боеприпасов. Пехота наступала по снегу под сильным огнем при слабой артиллерийской поддержке. Наступало пять фронтов, и, естественно, сил не хватало. Противник перешел к стратегической обороне, и нам надо было сделать то же самое. А мы наступали. В этом была грубейшая ошибка Сталина. Жуков и Конев не смогли его переубедить».

Чувствуется противоречие в оценках Константина Константиновича. С одной стороны, пеняет на Жукова, что тот не считался с потерями. А ведь в то же время прекрасно знал прославленный маршал, чьей ошибкой было развернутое широким фронтом и неподготовленное наступление. Напомним, что при этом Жуков оказался единственным среди военачальников, кто в начале января 1942 года пытался возразить Сталину, считая невозможным вести войска на запад без создания необходимых резервов. Возражал в тот момент, когда, как оказалось, все было уже решено. И предрешена была судьба тех, кто обильно поливал своей кровью каждую отвоеванную пядь земли, кто не смог вырваться из смертельных тисков под Вязьмой. Прекрасно понимал Рокоссовский и то, что Жуков, отдавая приказы подчиненным, вынужден был выполнять директивы Ставки так же, как Рокоссовский должен был выполнять его, Жукова, приказы. Выполнять даже в тех случаях, когда они приводили к непоправимым последствиям.

Не будем гадать, понимал ли эту простую логику полковник Генштаба К.В.Васильченко, когда по горячим следам в мае 1942 года составлял описание операции 33-й и 43-й армий на вяземском направлении. Но то, что полковник стремился тщательно вычистить мундиры Ставки и Генштаба, старательно выводя все пятна, сомнению не подлежит. Он писал: «Оперативный замысел операции по внезапному овладению г. Вязьмой, выходом на тылы гжатско-вяземской группировки противника, разъединение вяземской группировки от юхновской и одновременный их разгром по частям не соответствовал наличию сил и средств, выделенных для этой цели Западным фронтом.

Неправильная оценка противника о его боеспособности после нанесенных ему серьезных поражений в предшествующих боях, неверный расчет времени и игнорирование условий, в которых действовали наши войска, привели к неправильному принятию решения, вследствие чего задуманная операция не была выполнена. Если бы Западный фронт вначале всем своим левым крылом (33, 43, 49, 50 и гр. Белова) обрушился на юхновскую группировку, окружил бы ее и уничтожил, что по условиям обстановки предоставлялась полная возможность, а затем совместно с правым крылом при взаимодействии с Калининским фронтом мог бы ликвидировать сычевско-гжатско-вяземскую группировку противника (так в тексте. — В.Д.).

Но вместо этого Западный фронт погнался преждевременно за большими целями, хотел одновременно разгромить гжатско-вяземскую, юхновскую, спас-деменскую, мятлевскую группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами…

Армии, привыкшие действовать самостоятельно, без увязки своих действий с соседями, продолжали оставаться верными своим старым принципам. Получилось так: когда ударная группировка одной армии наступает, то другой — стояла на месте, потом они менялись ролями. А командование Западным фронтом продолжало наблюдать, как рядом ударные группировки двух армий дерутся вразнобой, и не вмешивалось в

их дела до тех пор, пока окончательно операция на этом направлении не была сорвана.

Западный фронт не создал кулака в виде крупной мощной группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха.

Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой ненужной бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой ценного оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западным фронтом, передавалась в войска и приносила большой вред делу…

Западная группировка 33 армии честно и доблестно дралась до конца своего существования. При недостатке в боеприпасах и продовольствии она 2,5 месяца дралась в полном отрыве от своих войск, нанося большой урон в живой силе противнику и сковывая его большие силы своими действиями.

Когда противник расколол западную группировку 33 армии на части и вышел на восточный берег р. Угры, с одной стороны, безрезультатность боев 43 и 49 армий по прорыву обороны, — с другой, то была ясна судьба западной группировки… Благодаря крупным недочетам, в первую очередь оперативного характера… в действиях 43 и 49 армий противник избежал разгрома по частям. Получился успех вместо оперативного масштаба — чисто тактический — вытеснение мятлевской группировки противника, взятие Юхнова и выход на рубеж рек Воря и Угра».[303]

Внешне вполне благопристойный и грамотный оперативный разбор событий вовсе умалчивает, а кто же погнал Западный фронт в наступление с «растопыренными пальцами», намереваясь в том же, 1942-м году разгромить Германию окончательно. Трудно спорить с утверждением, что операции, проводимые командованием фронта против гжатско-вяземской и юхновской группировок противника, не соответствовали «наличию сил и средств». Так же, как не соответствовали возможностям Западного фронта и другие задачи этого периода, исходящие из Ставки: окружение и пленение ржевско-сычевской группировки, разгром болховско-жиздринско-брянской группировки, освобождение Брянска…

И отнюдь не просчетами Жукова, а подобными же причинами были вызваны слабое взаимодействие армий и удары в расходящихся направлениях. Вспомним, какое внимание уделял Жуков взаимодействию соседей при обороне Москвы и контрударах в декабре 41-го. Не выдерживают критики и попытки поучений, как следует проводить наступательные операции. Ведь даже не имея резервов, Жуков смог создать мощный кулак из 1-й ударной и 16-й армий и нанести сокрушительный удар по оборонительным рубежам противника на Ламе. Но ведь забрали у него 1-ю ударную, не дали развить сулящий большие стратегические выгоды успех, не дали времени даже для элементарной перегруппировки сил.

С одним утверждением записки Генштаба мы согласны

303 Цит. по: Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 346–349.

безоговорочно: западная группировка 33-й армии честно и доблестно дралась до конца своего существования.

Да, в оценке обстановки в районе Вязьмы была допущена ошибка, и Жуков говорит об этом прямо. Можно добавить: ошибка трагическая. Но других ошибок на войне и не бывает. Очевидцы говорят, что Георгий Константинович любил повторять: «На войне расчет с просчетом по соседним тропинкам ходят». Наверное, хорошо понимал он, что эти тропинки неизбежно будут пересекаться в его судьбе. Жаль, что не понимали это те, кто позднее покрывал образ полководца сусалью, ревниво оберегая свою отделку от царапин и трещин. Настоящий Жуков на такие пустяки внимания не обращал.

Оценивая итоги самого тяжелого периода войны, Г.К.Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» отмечал: *«В битве под Москвой было положено начало крутому повороту в войне… Поражение немецких войск под Москвой возвестило всему миру о крахе планов Гитлера в отношении „молниеносной войны“ с Советским Союзом, о начале разгрома немецко-фашистских войск, о непреоборимости Советского государства* ».[304]

Официальная история Великой Отечественной войны считает, что общее наступление Красной Армии, с учетом и неблагоприятных факторов, завершилось «определенным успехом».

Если на полях сражений за Москву немецкие войска потеряли более 500 тысяч солдат и офицеров, потери советских войск составили: безвозвратные — почти 937 тысяч человек, санитарные — около 899 тысяч. В целом вполне понятна противоречивость в оценках итогов Московской битвы, которая повлекла такие страшные потери и закончилась трагедией под Вязьмой. Однако нельзя понять тех, кто забывает, в каком положении находились советские войска, когда в октябре 41-го Жуков возглавил оборону западных рубежей столицы. И если еще совсем недавно немцы рассматривали Москву в бинокли, то теперь они вынуждены были зарываться глубоко в землю на рубежах, отстоящих от нее на расстоянии, которое преодолеть им будет уже не суждено.

…Сталин, убедившись в том, что дальнейшее наступление не приведет к ожидаемому результату, был вынужден принять предложение командования войсками западного направления о переходе к обороне. 20 апреля Жуков направил в армии соответствующий приказ, потребовав «период весенней распутицы максимально использовать для приведения в полное оборонительное состояние занимаемых рубежей, укомплектования вооружением частей и соединений, их обучения и боевого сколачивания, выделения и приведения в полный порядок фронтовых и армейских резервов, устройства фронтовых и армейских тылов, ремонта вооружения и боевой техники и отдыха войск».

На западном направлении установилось относительное затишье.

Глава XI. Волга — река русская

Можно было хоть немного перевести дух. В мае штаб фронта переехал из Перхушкова в Обнинское, а здесь, в какой-нибудь сотне метров от двухэтажного здания, укрытого маскировочными сетками,

---

304 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 268–269.

протекала его родная Протва. По утрам Георгий Константинович спускался по узкой тропинке к берегу, чтобы несколько минут подышать прохладным и чистым воздухом, собраться с мыслями.

На Западном фронте шла позиционная война. Но с других направлений вести шли тревожные. Безрезультатно завершилась наступательная операция Северо-Западного фронта под Демянском. Сначала не сумели ликвидировать попавшую в окружение немецкую группировку, затем часть наших войск сама оказалась в «котле» под Любанью. Прорвать блокаду Ленинграда не удалось.

Буквально с каждым днем ухудшалась ситуация на юге. Разгромив советские войска в Крыму и под Харьковом, противник полностью взял в свои руки стратегическую инициативу и стремительно двигался к Волге и на Кавказ.

Воцарилась гнетущая атмосфера. В ближайшем окружении Жукова настроение резко ухудшилось: Георгий Константинович опять ходил чернее тучи, стал нервничать и порой «срывался» на подчиненных.

…Провал плана молниеносной войны, неудачи первой военной зимы не обескуражили Гитлера. 5 апреля 1942 года фюрер подписал директиву № 41, которая предусматривала «окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». С этой целью планировалось, «сохраняя положение на центральном участке», то есть на московском направлении, овладеть на севере Ленинградом и установить связь по суше с финской армией, а на южном крыле фронта осуществить прорыв на Кавказ. Основные усилия немецких войск сосредоточивались для проведения главной операции, предусматривающей разгром войск Красной Армии западнее Дона, захват нефтеносных районов Кавказа и переход через его хребет. И только по достижении этой цели намечалось, окончательно окружив Ленинград, захватить территории восточнее и западнее него.

11 апреля на совещании с командованием Сухопутных войск вермахта Гитлер дал указание подготовить документы, необходимые для осуществления операции «Блау» (кодовое наименование плана летнего наступления на южном участке Восточного фронта).

Для того чтобы скрыть направление главного удара в летней кампании, штаб группы армий «Центр» по указанию руководства вермахта разработал дезинформационную операцию под кодовым наименованием «Кремль». С этой целью был подготовлен, а 29 мая подписан приказ о наступлении на Москву: «Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района».[305] Приказ, являвшийся как бы совершенно секретным, был издан в 22 экземплярах, в то время как другие приказы составлялись в 10–16 экземплярах. Естественно, что его содержание стало известно советскому командованию — об этом позаботились. Для большей убедительности по плану операции «Кремль» осуществлялись мероприятия, имитирующие подготовку наступления в группе армий «Центр». Проводилась аэрофотосъемка московских оборонительных

---

305 Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. Т. 2. С. 312.

позиций, осуществлялась радиодезинформация, размножались планы столицы и крупных городов, проводились перегруппировки войск. Все это должно было способствовать тому, чтобы Генеральный штаб Красной Армии уверовал: основные события летом 1942 года развернутся на московском направлении.

Советская разведка тоже не дремала. В докладе Главного разведывательного управления Красной Армии от 18 марта 1942 года отмечалось, что «центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы… Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий… Наиболее вероятный срок наступления — середина апреля или начало мая».[306]

Этот же вывод подтверждала информация, поступившая через пять дней в Государственный Комитет Обороны от органов госбезопасности: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги…и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа».[307]

В конце марта состоялось совещание Государственного Комитета Обороны, на котором рассматривался план операции, представленный командованием юго-западного направления (главком маршал С.К.Тимошенко, член военного совета Н.С.Хрущев, начальник штаба генерал И.Х.Баграмян). Сталин считал необходимым нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Его точка зрения вдохновила маршала Тимошенко, который уверенно заявил, что войска Юго-Западного направления сейчас в состоянии и, безусловно, должны нанести упреждающий удар, чтобы расстроить наступательные планы немцев против Южного и Юго-Западного фронтов. Такого же мнения придерживался и Ворошилов, считавший, что войск на юге достаточно, чтобы смять врага. Сомнения Шапошникова в расчет не приняли.

Предложенную Военным советом юго-западного направления стратегическую операцию Верховный приказал перепланировать в частную. Однако то, что по поводу этой новой, разработанной уже согласно сталинским указаниям, операции доносит до нас И.Х.Баграмян, заставляет усомниться в ее частном характере. Вот как формулировалась цель Харьковской операции в плане на апрель-май, одобренном Ставкой 30 марта 1942 года: «Основная цель действий войск Юго-Западного направления в указанный период — овладеть г. Харьковом, а затем произвести перегруппировку войск, — ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково и лишить этим противника важнейшей переправы через р. Днепр и железнодорожного узла Синельниково». Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, командовавший в то время

306 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 336.

307 Там же. С. 336–337.

38-й армией, вспоминал, как в конце марта на совещании с командующими армиями Баграмян сказал, что «наши войска располагают большими преимуществами и поэтому должны упредить намерения противостоящего врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения реки Днепр». Таким образом, как по первоначальному, так и по окончательному плану Юго-Западному фронту предстояло не только овладеть Харьковом, но и выйти к среднему течению Днепра, разгромив при этом 6-ю армию группы армий «Юг». В директиве штаба Юго-Западного фронта Харьковская операция именовалась «операцией по полному и окончательному освобождению советской Украины от немецко-фашистских захватчиков».

План летней кампании предусматривал также ведение прочной и одновременно активной обороны на фронте от Мурманска до Ладожского озера. Намечалось ликвидировать демянскую группировку противника, а затем (одновременно с наступлением на Орел и Харьков) силами Калининского и Западного фронтов и части войск Северо-Западного фронта осуществить разгром ржевско-вяземско-гжатской группировки. После этого предполагалось провести операцию по разгрому любанско-чудовской группировки немцев и деблокаде Ленинграда (в то же время на юге — освободить Донбасс).

По основным силам противника в центре намечалось нанести мощный встречный (или даже упреждающий) удар с последующим переходом в наступление по всему фронту. При этом главные усилия предусматривалось сосредоточить на двух участках: Двинск, Минск и со стороны Днепропетровска — Киев, Жмеринка. Это позволяло создать условия для охвата и последующего разгрома всей центральной группировки неприятеля.

Таким образом, планировалось наступление почти на всем советско-германском фронте, то есть что-то подобное тому, что уже пыталась осуществить Красная Армия в январе — апреле. Сталин в очередной раз переоценил силы Красной Армии и недооценил противника. На этот раз протрезвление пришло быстро.

Характеризуя намерения Ставки и Генерального штаба, Жуков позднее писал: «В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но не мог согласиться с ним в отношении количества намечаемых частных наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к генеральному наступлению…»[308]

Настаивая на нанесении мощных ударов на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника силами Западного, Калининского и ближайших фронтов, Георгий Константинович полагал, что «разгром противника на западном направлении должен был серьезно ослабить немецкие силы и принудить их отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере, на ближайшее время». И далее он признает: «Конечно, теперь, при ретроспективной оценке событий, этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным, но в то время при отсутствии полных данных о противнике я был уверен в своей правоте».[309]

308 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 276.

309 Там же. С. 277.

В мае, практически в одно и то же время, развернулись ожесточенные сражения под Ленинградом и Демянском, в Крыму и под Харьковом. Войска Северо-Западного фронта не сумели добиться успеха, и в результате противник удерживал свои оборонительные позиции на этом направлении вплоть до весны 1943 года. На юге потерпел сокрушительное поражение Крымский фронт, в результате чего Крымский полуостров в начале июля 1942 года был сдан врагу.

17 мая немецкие войска, пытаясь сорвать наступление на Харьков, нанесли мощные контрудары по правому крылу Южного фронта и вынудили его начать отход на север и северо-восток. За двое суток противник продвинулся на 50 километров и вышел во фланг Юго-Западному фронту, угрожая его тылам. Генеральный штаб высказался за то, чтобы прекратить наступление на харьковском направлении и использовать главные силы фронта для ликвидации угрозы окружения. Несмотря на это, Сталин по-прежнему требовал от командования фронта выполнять первоначальную задачу. В результате в окружение попали войска 6-й и 57-й армий. Это была очередная катастрофа в Красной Армии: Южный и Юго-Западный фронты потеряли свыше 277 тысяч человек.

Весь замысел Верховного главнокомандования по развитию успеха зимней кампании провалился в короткие сроки. Войска потеряли ряд важных районов и плацдармов, а значительная часть резервов Ставки ВГК, предназначавшаяся для летнего наступления, была бездарно израсходована. Виноватыми, как всегда, оказались в основном те, кто выполнял приказы Ставки. За поражение Крымского фронта были смещены и понижены в должности и в звании командующий фронтом генерал Д.Т.Козлов, член военного совета дивизионный комиссар Ф.А.Шаманин, командующие 44-й и 47-й армиями генералы С.И.Черняков и К.С.Колганов, командующий авиацией фронта генерал Б.М.Николаенко. Был снят с должности и направлен в распоряжение Генерального штаба начальник штаба фронта генерал П.П.Вечный. На этот раз не избежал гнева своего главного покровителя и Л.З.Мехлис, который был смещен с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии и понижен в звании до корпусного комиссара. Будучи представителем Ставки, в Крыму он стремился решать многие вопросы единолично, подменяя собой командование Крымского фронта.

Поражение под Харьковом настолько ошеломило Сталина, что 26 июня он направляет довольно эмоциональное, не лишенное эпистолярных достоинств послание военному совету Юго-Западного фронта: «В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий… Эта катастрофа, которая по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампфом и Самсоновым в Восточной Пруссии (командующие 1-й и 2-й русскими армиями, потерпевшими поражение во время Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта в августе-сентябре 1914 года. — В.Д.)…»

Сталин обвинил в ошибках всех членов Военного совета, и прежде всего командующего фронтом маршала С.К.Тимошенко и секретаря ЦК КП(б) Украины Н.С.Хрущева. «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт и продолжает еще

переживать, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто…»

Можно представить, с каким трудом, используя все оставшиеся резервы. Ставке пришлось восстанавливать стратегический фронт на юге, развертывать в июле Воронежский и Сталинградский фронты.

Внушительные успехи германских войск в Крыму и под Харьковом создали смертельную угрозу для всей Красной Армии, для всей страны.

28 июля Сталин, в качестве народного комиссара обороны, подписал приказ № 227.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию. А многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.

…Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину…

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв…

Не хватает порядка, дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

…Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины…

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет

якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин».[310]

В исторической печати, особенно с конца восьмидесятых годов, когда этот документ был впервые опубликован полностью, в отношении приказа № 227 высказывалось много точек зрения, нередко прямо противоположных друг другу. Заметим, что в пятидесятых годах, после смерти Сталина, Жуков возмущался словами о том, что население «теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток». По его мнению, «это сделано с целью отвести от себя вину и гнев народа за неподготовленность и допущенные ошибки в руководстве войсками от Ставки до дивизии включительно».

Значительно позднее, и вплоть до наших дней, такая позиция среди

310 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.

историков и публицистов стала, пожалуй, наиболее распространенной. Если хотите, более удобной. Потому что очень удобно стало рассматривать войну через призму сплошных ошибок сталинского руководства и считать, что победа была одержана лишь вопреки действиям Верховного главнокомандующего, только благодаря брошенным на гибель огромным людским ресурсам. Такой подход не требует ни кропотливого изучения источников, ни мучительного анализа событий и явлений того исторического периода.

Обратим внимание, что через несколько лет, работая над «Воспоминаниями и размышлениями» и более тщательно осмысливая причины поражений и побед, Жуков оценивает сталинский приказ уже беспристрастно и объективно: «Этим приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались „отступательные“ настроения. В нем говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование „Ни шагу назад!“. Приказ был подкреплен усиленной партийно-политической работой».

Кстати, на оздоровление политработы в Красной Армии повлияло смещение Мехлиса и назначение на должность начальника Главного политического управления РККА А.С.Щербакова. Кроме того, летом 42-го года были проведены специальные мобилизации коммунистов и комсомольцев. Независимо от нашего отношения к этому, коммунисты играли в военное время важную цементирующую роль среди красноармейцев. Ведь приказ «Коммунисты, вперед!» — не художественная выдумка литераторов, а реальность, то, что действительно часто звучало на поле боя.

Через два дня после того, как Сталин подписал приказ № 227, Жуков приступил к проведению Ржевско-Сычевской наступательной операции. Очевидно, заслоненная масштабом событий, происходивших в то время на южных фронтах, эта операция как-то выпала из поля серьезного внимания военных историков. Возможно и потому, что не принято считать ее поучительной. А напрасно. И не зря Жуков уделяет ей большое место в своих мемуарах.

Идея нанести мощные удары силами Западного, Калининского и ближайших фронтов и разгромить вяземско-ржевскую группировку противника возникла у Георгия Константиновича еще весной, при обсуждении у Сталина стратегических задач летней кампании. Она и легла в основу плана Ржевско-Сычевской наступательной операции, проведенной 30 июля — 23 августа 1942 года. Главная цель состояла в том, чтобы ударами левого крыла Калининского фронта (29-я, 30-я армии, 3-я воздушная армия) и правого крыла Западного фронта (20-я, 31-я армии, 1-я воздушная армия) в общем направлении на Сычевск разгромить основные силы немецкой 9-й армии и ликвидировать ржевский выступ, с которого у немцев открывался один из кратчайших путей на Москву. Основную роль в операции предстояло сыграть Западному фронту под командованием Жукова.

30 июля в наступление перешли 30-я и 29-я армии Калининского фронта, которые, однако, не смогли прорвать оборону противника. Наступление войск Западного фронта началось 4 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки. Они форсировали реку Держа, прорвались через сильно укрепленные рубежи немецких войск и к исходу следующего дня расширили прорыв до 30 километров по фронту и

продвинулись до 25 километров в глубину. Успех советских войск вызвал тревогу у начальника Генерального штаба Сухопутных войск вермахта генерала Ф. Гальдера. 4 августа он отмечал в своем военном дневнике: «Противнику удалось добиться глубокого прорыва на фронте 9-й армии (кажется, наступают семь дивизий и одна танковая бригада при усиленной поддержке артиллерии) в направлении Зубцова. Против них брошены соединения 39-го корпуса в составе 5, 2, 1-й танковых и 102-й дивизий. На фронте 9-й армии у Ржева отбито несколько крупных атак».[311]

5 августа Ставка ВГК, стремясь развить успех войск Западного фронта, подчинила Жукову все войска, в том числе Калининского фронта, действующие в районе Ржева. На следующий день, усиливая удар в направлении Сычевска, Жуков ввел в действие фронтовую подвижную группу в составе 6-го и 8-го танковых и 2-го кавалерийского корпусов. Это был своевременный шаг, так как командование группой армий «Центр» укрепило 9-ю армию тремя танковыми и двумя пехотными дивизиями и предприняло контрудар в общем направлении на Погорелое Городище. Жуков, стремясь сорвать намерения противника, нанес по его резервам удар авиацией и нацелил на них основные силы подвижной группы. В результате 7 августа на подступах к рекам Вазуза и Гжать произошло крупное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1500 танков и самоходных орудий. 8 августа в сражение была введена 5-я армия Западного фронта с задачей прорвать оборону противника на всю тактическую глубину и соединиться с левофланговыми частями 20-й армии.

Добиться значительных территориальных успехов советским войскам не удалось. Однако они сорвали контрудар противника, нанесли ему поражение и вынудили перейти к обороне на рубеже рек Вазуза и Гжать, село Карманово. В дальнейшем войска правого крыла Западного фронта вели бои за расширение захваченных на левых берегах Вазузы и Гжати плацдармов и на подступах к Карманово и Быково. Используя успех Западного фронта, войска 30-й и 29-й армий Калининского фронта во второй половине августа вышли на подступы к Ржеву, но овладеть им не смогли. 23 августа 31-я армия при помощи войск 29-й армии освободила Зубцов, а войска 20-й армии — Карманово. На этом наступательные возможности наших войск были исчерпаны, и они перешли к обороне.

В результате Ржевско-Сычевской операции советские войска продвинулись на 30–45 километров, ликвидировали плацдарм противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковали крупные силы группы армий «Центр» и вынудили противника перебросить в район операции 12 дивизий с других участков советско-германского фронта. Немецкий генерал К.Типпельскирх отмечал: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара».[312]

В ходе ожесточенных боев 16 вражеских дивизий, по оценкам авторов энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945», потеряли 50–80 процентов личного состава, а в каждой из танковых дивизий из 150–

---

311 Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. С. 617.

312 Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 241.

160 боевых машин осталось не более 20–30.[313]

При этом Жуков был уверен: «Если бы в нашем распоряжении были одна — две армии, можно было бы во взаимодействии с Калининским фронтом не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность Верховным Главнокомандованием была упущена».[314] С этим мнением можно согласиться, так как сил для выполнения задач, поставленных войскам Западного и Калининского фронтов, действительно не хватало. Следует также учесть, что им пришлось прорывать заблаговременно созданную глубоко эшелонированную и сильно укрепленную оборону. Поэтому и потери советских войск были значительны. Из 345,1 тысячи человек, привлеченных к операции, в ходе боевых действий было потеряно 142,2 тысячи, в том числе почти 51,5 тысячи (14,9 процента) — безвозвратно.[315]

После того как войска Западного фронта перешли к обороне, Жуков выехал в район населенного пункта Погорелое Городище для проведения новой наступательной операции. Здесь 27 августа его застал звонок Сталина, который приказал возложить обязанности командующего Западным фронтом на начальника штаба и немедленно отправляться в Ставку. Как выяснилось, в этот день постановлением СНК СССР Г.К.Жуков был назначен первым заместителем народного комиссара обороны (от обязанностей первого заместителя наркома освобождался С.М.Буденный).

Поздно вечером в Кремле Сталин сообщил, что Государственный Комитет Обороны решил назначить Жукова заместителем Верховного главнокомандующего и послать в район Сталинграда. Главная задача — не допустить, чтобы немцы захватили город. Для этого Ставка срочно перебрасывала под Сталинград 1-ю гвардейскую армию генерала К.С.Москаленко. Она должна прибыть в район Лозное и с утра 2 сентября нанести контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника, а затем соединиться с 62-й армией. Туда же направлялись 66-я армия генерала Р.Я.Малиновского и 24-я армия генерала Д.Т.Козлова. Жукову предстояло принять необходимые меры, чтобы обеспечить удар армии Москаленко и под его прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии. Ввести эти армии в сражение следовало незамедлительно, иначе Сталинград будет потерян.

Георгий Константинович в своих воспоминаниях отмечает, что он 29 августа вылетел из Москвы и через четыре часа уже был на полевом аэродроме в районе Камышина. Если же верить «Хронике деятельности Маршала Советского Союза Г.К.Жукова в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», то он 29–31 августа работал в Генеральном штабе и Ставке ВГК, а руководил операциями Сталинградского (с 1 октября — Донского) фронта с 31 августа по 3 октября.[316]

---

313 Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1985. С. 613.

314 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 294.

315 См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 312.

316 См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 24.

Прибыв из Камышина в штаб Сталинградского фронта, который размещался в Малой Ивановке, Жуков пришел к мнению, что встретившие его начальник штаба генерал

Д.Н.Никишев и начальник оперативного отдела полковник И.Н.Рухле не совсем уверены в том, что в районе Сталинграда противника можно остановить. Несколько позднее, обсудив обстановку с командующим фронтом генералом В.Н.Гордовым и командующим армией Москаленко, Георгий Константинович пришел к выводу, что 1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не сможет — многие ее части еще находились в пути. 24-я и 66-я армии сосредоточатся, в лучшем случае, к 5–6 сентября.

Из донесения Жукова Сталину: «1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как ее части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенес наступление на 5 часов 3 сентября.

Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5–6 сентября. Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции…»[317]

Утром 3 сентября после артиллерийской подготовки войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление, но продвинулись к Сталинграду всего на несколько километров. Дальнейшее их наступление было остановлено непрерывными ударами авиации и контратаками танков и пехоты противника. В тот же день Жуков получил телеграмму за подписью Сталина:

«Положение под Сталинградом ухудшается. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».[318]

Георгий Константинович уже осознал всю сложность положения Сталинграда. Севернее города соединения немецкой 6-й армии прорвались к Волге, разъединив войска Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. С юга к Волге рвется немецкая 4-я танковая армия, повернутая с Кавказа еще в начале августа. Войска 62-й армии практически изолированы в самом Сталинграде, и дивизии Паулюса вот-вот войдут в город. Но наша 62-я, постоянно усиливаемая подходящими частями и соединениями, сутки продержаться еще сможет. А вот бросить 4 сентября в наступление три армии практически без боеприпасов (их должны были подвести на артиллерийские позиции только к вечеру 4 сентября) не получится.

Немедленно отдав приказ бомбить противника всеми силами, Жуков попросил у Сталина разрешения начать общее наступление 5 сентября.

317 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 297.

318 Там же. С. 298.

Согласие было получено.

На рассвете 5 сентября по всему фронту трех армий — 24, 66 и 1-й гвардейской — началась артиллерийская и авиационная подготовка. Но из-за недостатка снарядов плотность артиллерийского огня была небольшой, полностью подавить оборону противника не удалось, и поэтому продвижение частей было незначительным. Не имея времени, войска не успели хорошо подготовить наступление, провести артиллерийскую разведку и выявить систему огня противника, поэтому, естественно, подавить ее не смогли. Кроме того, вражеская авиация весь день господствовала в воздухе и бомбила советские части.

Сталин требовал продолжать атаки, имея главной задачей — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника. Безрезультатно закончились и атаки советских войск 6–7 сентября. «Для разгрома противника под Сталинградом, — докладывал Жуков в Ставку 7 сентября, — тех сил, которые имеются здесь, явно не хватит. Необходимо сосредоточить дополнительную группу войск с тем, чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику…»[319]

Однако решения о дополнительной переброске войск не последовало.

После неоднократных безуспешных попыток прорвать оборону противника 10 сентября Жуков вновь доложил Сталину, что теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе не удастся. Противник значительно укрепил свою оборону за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Поэтому дальнейшие атаки теми же силами будут бесцельны и неизбежно приведут к новым потерям. Нужны дополнительные подкрепления и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта.

Днем 12 сентября по приказу Сталина Жуков вылетел в Москву. Интересно, что в этот же день генерал Паулюс отправился из-под Сталинграда в Винницу. Туда же прилетел Гитлер, от которого Паулюс получил строжайший приказ взять Сталинград решительным штурмом.

На совещании у Сталина Жуков прежде всего отметил, что 24, 66 и 1-я гвардейская армии, участвовавшие в наступлении 5–11 сентября, показали себя с лучшей стороны. Но в их распоряжении мало гаубичной артиллерии и танков, необходимых для непосредственной поддержки стрелковых частей. Местность же на участке Сталинградского фронта крайне невыгодная для наступления: открытая, изрезанная глубокими оврагами, в которых противник хорошо укрывается от огня, а заняв ряд командных высот, имеет дальнее артиллерийское наблюдение и может во всех направлениях маневрировать огнем.

Ближайшие потребности Сталинградского фронта для того, чтобы создать прорыв и соединиться с Юго-Восточным фронтом, — это как минимум еще одна полнокровная общевойсковая армия, танковый корпус, три танковые бригады, одна воздушная армия, не менее 400 гаубиц. Тем более что, по информации начальника Генштаба Василевского, к Сталинграду подходят новые части противника из района Котельникова.

Впрочем, и Жуков, и присутствовавший на совещании Василевский сошлись во мнении, что это всего лишь полумера. У них начинало вызревать более кардинальное решение. Было видно, что наиболее

---

319 Там же. С. 300

боеспособные 6-я и 4-я танковая армии противника все больше втягивались в изнурительные, затяжные бои за Сталинград, а в оперативном резерве у немецкого командования, в районе Волги и Дона, находилось не более шести дивизий, разбросанных по широкому фронту. Положение противника усугублялось еще и тем, что Гитлер не имел возможности высвободить и бросить на юг какие-либо силы с других фронтов, а его ударные группировки на сталинградском направлении и на Кавказе вот-вот исчерпают свои резервы, выдохнутся и перейдут к обороне. Кроме того, конфигурация фронта позволяла подготовить и нанести охватывающие удары по флангам войск генерала Паулюса, которые прикрывали менее боеспособные румынские войска. В дальнейшем можно было развивать наступление на Ростов и отсечь всю кавказскую группировку врага.

Докладывая Сталину наметки плана будущей крупномасштабной операции, его авторы также предложили с целью нанесения мощного удара по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда, создать новый фронт в районе Серафимовича. Предполагалось, что для подготовки такой большой операции понадобится примерно полтора месяца.

Всю операцию Жуков и Василевский предлагали разделить на два этапа: сначала — прорыв обороны противника, окружение его сталинградской группировки и создание прочного внешнего фронта, затем — уничтожение окруженного противника и пресечение попыток немцев извне деблокировать кольцо окружения.

Сталин обещал над планом подумать и подсчитать имеющиеся ресурсы.

Изложенные Жуковым в «Воспоминаниях и размышлениях» обстоятельства зарождения плана окружения немецких войск под Сталинградом практически полностью подтверждает А.М.Василевский: «Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что, благодаря стойкости и упорству героев волжской твердыни, 6-я и 4-я танковая немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками. Было также известно, что огромные потери, которые продолжал нести враг в надежде все же овладеть городом, и особенно то, что он не имел здесь сколько-нибудь внушительных резервов, еще более ограничили его оборонительные возможности. Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между Сталиным, Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича северо-западнее Сталинграда и из дефиле озер Цаца и Беманцак южнее Сталинграда в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии».[320]

---

320 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 219.

Кстати, командующий Юго-Восточным (позднее Сталинградским) фронтом А.И.Еременко и член Военного совета фронта Н.С.Хрущев утверждали, что они также представляли в Ставку план будущего контрнаступления. «Как возникла мысль об окружении там противника? — вспоминал Хрущев. — Не говорю, что она возникла только у нас, то есть у меня и Еременко, нет, она, возможно, возникала и у других. Но, в целом, этот вопрос назрел. Чем это было вызвано? А вот чем. Бои на Сталинградском фронте затянулись. Противник сосредоточил усилия на довольно узком направлении. Это говорило о его слабости: на широком фронте он наступательных операций вести не мог и бросал живую силу в город, как в мясорубку… Как правило, разведка работала добросовестно и докладывала правильно. Она сообщала, что за Доном войск противника нет… В целом, наши войска прочно держали линию обороны, она была уже подоборудована. Это вновь нас подбодрило. Мы видели, что имеем возможность нанести удар на флангах противника и изменить положение дел под Сталинградом. Тогда мы с Еременко написали Сталину докладную, где высказали свое мнение. Это мнение сводилось примерно к следующему: по нашим данным, включая данные той разведки, которую мы забрасывали в тыл противника, и разведки боем, которой мы прощупывали устойчивость обороны противника, — у немцев за Доном пусто; сил, на которые они могли бы опереться, там нет. Мы не знаем, чем располагает Ставка, но если найти войска, которые можно было бы сосредоточить восточнее Дона и ударить отсюда к Калачу, а нам с юга ударить по южному крылу противника, то можно было бы окружить врага, который ворвался в город и ведет бои в самом Сталинграде. Чем располагала Ставка и были ли у нее такие возможности к тому времени, мы просто не знали. Знали только, что нам очень тяжело и что нам дают подкреплений очень мало. А если нам дают мало, значит, давать нечего. Так мы думали. И у нас возникла мысль — не ломимся ли мы в открытую дверь, потому что не знаем реального положения, которое сейчас сложилось в стране?..»[321]

Нет, в открытую дверь Никита Сергеевич не ломился — с планом его ознакомились. Но замысел Хрущева не вдохновил Ставку. Не поняли там, почему контрнаступление нужно начинать именно в то время, когда установится «полнолуние и ночь становится светлой». Но насторожила всех скромность запросов для ударной группировки: «…танков КВ — 10, Т-34–48, Т-70–40». Впрочем, для поддержки кавалерийского корпуса, который должен был в операции «сыграть решающую роль», и этого было бы достаточно.

О своем общении с Хрущевым и Еременко по поводу плана окружения немецких войск под Сталинградом Жуков вспоминает следующее: «В момент затишья с разрешения Верховного на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали Еременко и Хрущев… Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного (с 27 сентября — Сталинградского. — В.Д.) и Сталинградского фронтов. На вопрос Еременко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей

321 Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания.) Кн. I. С. 413–415.

силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств».[322]

Пока Ставка и Генеральный штаб вынашивали замысел по окружению и разгрому врага под Сталинградом, советские войска, оборонявшие город, продолжали упорно сражаться. Бойцы и командиры 62-й армии генерала В.И.Чуйкова отстаивали каждую улицу, каждый дом. Части 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А.И.Родимцева, переправившись через Волгу, тут же контратаковали противника, заняли вокзал и прилегавшую к нему площадь, овладели Мамаевым курганом. Несмотря на стойкость войск Юго-Восточного фронта, противнику все же удалось пробиться к Волге в районе Купоросное. Армия Чуйкова оказалась изолированной.

Необходимость подготовки мощного контрнаступления становилась все более очевидной. В конце сентября в ходе более детального обсуждения плана операции с участием Жукова и Василевского было решено создать новый Юго-Западный фронт под командованием генерала Н. Ф. Ватутина. Сталинградский фронт переименовывался в Донской фронт под командованием генерала К. К. Рокоссовского, а Юго-Восточный фронт — в Сталинградский под командованием генерала А.И.Еременко. На эти три фронта и возлагалось осуществление операции «Уран» по окружению и разгрому группировки противника под Сталинградом.

Сталин поручил Жукову вылететь обратно на фронт и принять все меры, чтобы в преддверии операции еще больше измотать и обессилить противника. Кроме того, ему и Василевскому предстояло еще раз на местах вникнуть в обстановку и осмотреть намеченные планом районы действий.

Все прекрасно понимали, что успех «Урана» в огромной степени зависит от сохранения ее в глубокой тайне. Поэтому даже командующие фронтами длительное время не были знакомы с планом операции в целом.

Весь октябрь Жукову с сотрудниками Генерального штаба пришлось тщательно продумать и решить сотни больших и малых вопросов. Учитывая данные разведки, предполагалось окружить вражескую группировку численностью 90–100 тысяч человек. Для ее быстрого уничтожения было решено на внутренний фронт окружения направить в основном подвижные соединения. Кроме того, при разработке плана операции исходили из того, что ликвидация войск противника в районе Сталинграда подсечет под корень всю вражескую группировку на Северном Кавказе и вынудит ее или поспешно отступать через узкую горловину в районе Ростова, или сражаться в условиях окружения.

При подготовке операции Жуков учел все недостатки контрнаступления под Москвой. На направлении главных ударов предусматривалось сосредоточить большое количество артиллерии — для надежного подавления танковых дивизий противника, для быстрого прорыва в глубину его обороны и завершения окружения.

Необходимо было в глубокой тайне провести перегруппировку больших масс войск и доставить для всех фронтов, в первую очередь для вновь создаваемого Юго-Западного, огромное количество материально-технических средств. На перевозку войск и грузов было привлечено около 30 тысяч автомобилей, 1300 вагонов железнодорожного транспорта. В результате к середине ноября удалось полностью завершить

322 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 307.

сосредоточение войск. Немецкая разведка проморгала эту подготовку. Командование вермахта считало, что «сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

Весь конец октября и начало ноября Жуков, как и многие другие представители Ставки, провел в войсках. Надо было помочь командованию и штабам полностью освоить детали предстоящего контрнаступления, своей роли в нем, способы выполнения тех или иных задач. Так, в штабе Юго-Западного фронта с участием Георгия Константиновича во всех деталях были увязаны действия 21-й общевойсковой и 5-й танковой армий. Приходилось много времени проводить на передовой и изучать характер обороны противника, его систему огня, места расположения противотанковых средств. Здесь же Жуков определял способ и план артиллерийской подготовки наступления, необходимую степень подавления обороны противника, составлял планы взаимодействия авиации и артиллерии, распределял цели между ними. Тут же он давал практические указания: что нужно дополнительно узнать о противнике, что нужно еще спланировать, какую работу провести непосредственно на местности и с войсками. Внимание командного состава нацеливалось на главную задачу — стремительно прорвать тактическую оборону вражеских войск, ошеломить их мощными ударами и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития тактического прорыва в оперативный.

Жуков принимал все меры к тому, чтобы не только как можно успешней и быстрей прорвать оборону противника, но и максимально сберечь людей при этом. После тщательной рекогносцировки были еще раз рассмотрены вопросы взаимодействия Юго-Западного и Сталин фале кого фронтов, оговорены встреча передовых частей в районе Калача, а также их действия после завершения окружения.

Вечером 11 ноября Жуков докладывал Сталину:

«В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по „Урану“. Проверка показала: лучше идет подготовка к „Урану“ у Толбухина (командующий 57-й армией. — В.Д.)…

Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма…

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для „Урана“ очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Еременко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г. Константинов (псевдоним Г.К.Жукова. — В.Д.)»[323]

---

323 Там же. С. 331.

Сталин немедленно принял меры для удовлетворения всех запросов. 12 ноября он обращал внимание Жукова на подготовку авиации:

«Товарищу Константинову

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое — сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение.

Васильев (псевдоним Сталина. — В.Д.).

12.11.42. 4 часа. № 170 686».[324]

Завершив отработку планов, Жуков и Василевский позвонили Сталину и попросили разрешения лично доложить о наиболее важных проблемах предстоящей операции. Встреча у Сталина состоялась утром 13 ноября. Василевский вспоминает следующее: «Коротко наши выводы состояли в следующем. Группировка немецких войск в основном остается прежней: главные силы 6-й и 4-й танковой армий по-прежнему вовлечены в затяжные бои в районе города. На флангах этих сил (то есть на направлениях наших главных ударов) остаются румынские части. Подхода на Сталинградское направление более или менее значительных резервов из глубины за последнее время не наблюдалось. Не отмечалось и каких-либо существенных перегруппировок в войсках противника, действовавших на этом направлении. В целом силы сторон на Сталинградском направлении, по имеющимся данным, к началу наступления равны. На направлениях же предстоящих ударов наших фронтов в результате поступления из Ставки резервов и ослабления второстепенных направлений удалось создать мощные ударные группировки с таким превосходством в силах над врагом, которое позволяет безусловно рассчитывать на успех… Основная роль в начале операции, как и предусматривалось, отводилась Юго-Западному фронту. Для этого он имел все необходимое. К исходу третьего или на четвертый день операции намечалась встреча танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача. Она должна замкнуть кольцо окружения главной группировки врага в районе Сталинграда. Начать наступление на Юго-Западном и Донском фронтах можно было 19–20, а на Сталинградском — 20 ноября».[325]

---

324 Там же. С. 332.

325 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 223–224.

Вернувшись на фронт, Жуков 14 ноября докладывает Сталину:

«1. За последние дни на участках Иванова (псевдоним командующего Сталинградским фронтом А.И.Еременко. — В.Д.) и Федорова (псевдоним командующего Юго-Западным фронтом Н.Ф.Ватутина. — В.Д.) подхода новых резервов противника не установлено, обнаружены лишь внутренние перегруппировки и подтягивание ближе к переднему краю армейских резервов, в частности, румынской танковой дивизии на участке Романенко (командующий 5-й танковой армией. — В.Д.). В 5–6 километрах от переднего края обороны установлены мелкие группы танков, видимо, этими группами танков противник усиливает оборону своего переднего края. Противником на переднем крае устанавливается проволока, создаются минные поля.

До сих пор не подвезен антифриз, все машины заправляются водкой. Зимних масел и смазки также нет. Многие части, особенно артиллерия усиления, не получили теплого обмундирования.

2. На сегодняшний день все части Федорова вышли в исходные районы и прорабатывают свои задачи. Сейчас все работают над устройством тыла, форсируют подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия.

В период с 9 по 12.11 авиация противника систематически наносила удары по районам сосредоточения частей Федорова. С 12.11 активность авиации резко ослабла. Из опроса пленных, захваченных на различных участках фронта Федорова, установлено, что разговоров в войсках противника о готовящемся нашем переселении (наступлении. — В.Д.) нет, видимо, противник не раскрыл нашей группировки и наших намерений.

3. По состоянию частей и ходу подготовки у Иванова и Федорова срок переселения можно назначить 18 или 19 ноября. Дальше откладывать считаю нецелесообразным. О вашем решении и сроке переселения прошу меня известить.

4. 14 и 15.11 буду у Чистякова (командующий 21-й армией. — В.Д.) и Батова (командующий 65-й армией. — В.Д.) проверять ход подготовки. Вечером 16 предполагаю быть в Москве. Михайлов (псевдоним начальника Генерального штаба А.М.Василевского. — В.Д.) от Иванова прибудет к Федорову 16.11 к 12 часам».[326]

15 ноября Жуков получает ответную телеграмму Верховного главнокомандующего:

«День переселения Федорова и Иванова можете назначить по вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у вас возникает мысль о том, чтобы кто-нибудь из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю вас решить и этот вопрос по вашему усмотрению».[327]

Жуков воспользовался этим правом и назначил начало наступления для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, а для Сталинградского фронта — 20 ноября. Сталин это решение утвердил.

Георгий Константинович полагал, что переход в наступление с разницей в один день введет противника в заблуждение относительно конечной цели операции советских войск. Кроме того, войска Юго-

326 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 359–360.

327 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 335.

Западного фронта Ватутина находились на большем удалении от района Калача (места соединения фронтов), чем войска Сталинградского фронта.

Войска начали выдвигаться в исходные районы. По данным разведки, противник, внимательно следивший за любым перемещением, не заметил нависшей над ним опасности. Соединения 6-й армии и основные силы 4-й танковой армии немцев продолжали бои в Сталинграде. На направлении начавшихся главных ударов по-прежнему оборонялись румынские войска.

Все было готово к началу контрнаступления. Но Жуков испытывал чувство досады: 17 ноября его вызвали в Ставку для разработки и проведения отвлекающей операции на московском направлении силами Калининского и Западного фронтов. Сколько душевных и физических сил вложено в подготовку такого важного наступления под Сталинградом — и на тебе, все главное развернется без тебя.

Не довелось наблюдать Жукову, как на рассвете 19 ноября артиллерия Юго-Западного фронта нанесла мощный огневой удар по позициям 3-й румынской армии. Оборона противника была подавлена на двух участках. Войска 5-й танковой армии генерала П.Л.Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-й армии генерала И.М.Чистякова с плацдарма у Клетской перешли в наступление, прорвали оборону румынских частей и вырвались на оперативный простор.

Командующий немецкой 6-й армией генерал Паулюс сразу почувствовал надвигающуюся угрозу, но своевременных контрмер не принял. Только в 22 часа последовал приказ командующего группой армий «Б» генерала М. фон Вейхса: «Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге Лихая — Чир. В связи с этим приказываю немедленно выделить из 6-й армии два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию, подчинив их штабу 14-го танкового корпуса с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении».[328] Генерал Вейхс, видимо, не до конца осознавал опасность, поскольку для парирования удара советских войск выделял весьма незначительное количество сил.

20 ноября нанес удар Сталинградский фронт. К середине дня его войска прорвали оборону противника, и только теперь генерал Паулюс понял, что происходит. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов еще не сомкнули кольца окружения, а Паулюс 22 ноября в 18 часов уже радировал: «Армия окружена... запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Прошу дать мне свободу в решении оставить Сталинград». В отличие от него в Берлине еще продолжали предаваться иллюзиям об отсутствии у советского командования значительных резервов. Гитлер потребовал от 6-й армии занять круговую оборону и выжидать деблокирующего наступления извне.

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калач-на-Дону, хутор Советский. После этого 64, 57, 21, 65, 24 и 66-я армии получили возможность развивать наступление на Сталинград, сжимая внутреннее кольцо окружения противника. В окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тысяч человек. Это было значительно больше, чем

---

328 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 361.

предполагалось, поэтому возникла проблема с ликвидацией окруженной группировки, так как выделенных сил явно не хватало. Кроме того, нельзя было допустить прорыва войск 6-й полевой и 4-й танковой армий из котла, а для этого следовало провести сложные перегруппировки, усилить внешний и внутренний фронты окружения…

Все это время Жуков получал подробную информацию о ходе контрнаступления под Сталинградом от Василевского, который был в районе боевых действий и координировал действия фронтов. Поздно вечером 28 ноября в штаб Калининского фронта, где находился Жуков, позвонил Сталин и попросил доложить соображения по ликвидации немецких войск, окруженных под Сталинградом.

Уже утром следующего дня на стол Сталину легла телеграмма следующего содержания:

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград — Вертячий — Мариновка — Карповка — совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская — Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка — Ляпичев — Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, — по линии Цыбенко — Зеты — Гниловская — Шебалин.

Чтобы не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить нижнечирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. В районе Нижне-Чирская — Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

— окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего… нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно… в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда.

Жуков.

№ 02 29.11.42 г.».[329]

Одновременно Жуков переговорил по телефону с Василевским, который согласился с его соображениями.

---

329 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 341–342.

По плану командующего группой армий «Дон» Э. Манштейна с целью деблокады 6-й армии предусматривалось провести операцию «Зимняя гроза». В соответствии с ним 4-я танковая армия должна была действовать точно так, как предвидел Жуков: «…начать наступление основными силами из района Котельниково восточнее реки Дон». Почему здесь? «…Противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона, — считал Манштейн, — так как при существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково для прикрытия внутреннего фронта окружения».[330]

Если же, полагал Манштейн, «количество войск противника перед Котельниково значительно возрастет», тогда «приказом был предусмотрен запасный вариант: танковые дивизии 4 танковой армии должны были быть срочно и скрытно для противника переброшены по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижне-Чирской и наносить главный удар отсюда».[331]

12 декабря разразилась «Зимняя гроза». В оперативной сводке Генерального штаба Красной Армии отмечалось: «Войска Сталинградского фронта в течение 12 декабря на левом крыле частью сил сдерживали наступление пехотных и танковых частей противника северо-восточнее Котельниково и под его давлением оставили несколько населенных пунктов».[332] По словам Василевского, под удар попали наши три «довольно слабые стрелковые дивизии, две кавалерийские дивизии и танковая бригада». На них навалилось свыше 500 фашистских танков, в том числе «тигры». Против этой махины удалось направить всего 77 танков. Оказалось, что предостережения Жукова не были должным образом учтены. Потребовались героические усилия, срочная переброска резервов, чтобы задержать продвижение войск генерала Манштейна на помощь 6-й армии.

Тем временем штабы Калининского и Западного фронтов под руководством Жукова спешно готовили новую операцию по ликвидации ржевско-вяземского выступа, получившую кодовое название «Марс». На Западном фронте к ней привлекались четыре армии, которые должны были наносить удары на Ржев и Сычевку. От Калининского фронта в операции участвовали также четыре армии с задачей нанести удары в южном направлении, на Белый и Оленино, и далее развивать наступление на Смоленск.

Еще при подготовке операции стало известно о появлении резервов противника в районах Смоленска и Витебска, что вынудило внести коррективы в первоначальный план операции «Марс». Было решено со стороны Калининского фронта нанести упреждающий удар на великолукском направлении силами 3-й ударной армии, дополнительно придав ей 5-й гвардейский стрелковый корпус, 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 2-й механизированный корпус, другие танковые и

---

330 Манштейн Э. Утерянные победы // Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 380.

331 Там же. С. 381.

332 Цит. по: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. М.,2002. Кн. 2. С. 202.

артиллерийские части.

После анализа возможных вариантов действий 3-й ударной армии ее командующий генерал К. Н. Галицкий решил окружить великолукскую группировку противника двойным охватом с последующим уничтожением по частям. Главный удар планировалось нанести южнее Великих Лук на Петрушино, а второй — севернее города. Вскоре выяснилось, что это решение не согласуется с намерениями Ставки ВГК.

Отклонил его Жуков, прибывший 19 ноября в штаб армии в сопровождении командующего Калининским фронтом генерала М.А.Пуркаева. Он отметил, что боевые действия армии органически связаны с операциями войск фронта и в целом всех вооруженных сил. Один план, даже глубоко продуманный, не в состоянии внезапно, коренным образом изменить обстановку. Поэтому главное в операции армии — ее роль и значение в оперативном и стратегическом масштабах. Все удары должны способствовать начавшемуся 19 ноября контрнаступлению под Сталинградом, сковывать резервы врага. Отсюда вытекает и задача 3-й ударной армии в предстоящих действиях на великолукском направлении — притянуть на себя силы противника. Задача будет считаться выполненной, независимо от того, будут заняты или нет Новосокольники, если противник не сможет снять с участка армии силы для переброски на юг.

Главный удар в операции предстояло нанести 5-му гвардейскому стрелковому корпусу генерала А.П.Белобородова. На участке прорыва протекала река Ловать. На противоположном ее берегу держали оборону незначительные силы противника, а далее в глубине, на высотах, была его главная оборонительная позиция с опорными пунктами. 24 ноября части корпуса начали наступление. Однако прорвать вражескую оборону не удалось, так как не были подавлены огневые точки противника.

Ценой огромных усилий и потерь части 3-й ударной армии сумели к утру 29 ноября завершить окружение Великих Лук. Противник стал выдвигать к району боев пехотную, танковую и моторизованную дивизии, чтобы охватывающими ударами с северо-запада и юго-запада разгромить прорвавшиеся войска Калининского фронта, деблокировать Великие Луки и восстановить положение.

В этот критический момент в 3-ю ударную армию вновь прибыл Жуков, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке и наметить район ввода в бой 2-го механизированного корпуса. Не задерживаясь в штабе армии, он сразу направился на передовую, в расположение 5-го гвардейского стрелкового корпуса.

Обстановка на участке корпуса была очень тяжелая, его части с трудом сдерживали контратаки противника. Особенно доставалось 357-й дивизии, против которой действовали четыре немецкие дивизии. Неожиданно выяснилось, что дивизией командует А.Л.Кроник, тот самый бывший старшина эскадрона, с которым Жуков вместе служил в Белоруссии. Встреча была неожиданной и сердечной. В те дни в дивизии гостили писатели, среди которых был и Александр Фадеев. За товарищеским ужином в блиндаже Жуков и Кроник вспомнили совместную службу в 7-й Самарской кавалерийской дивизии, далекие двадцатые годы.

На участке 357-й стрелковой дивизии, где предстояло ввести в сражение 2-й механизированный корпус, Жуков внимательно изучил местность: надо было выбрать рубеж для развертывания корпуса,

определить, как лучше обеспечить авиационное прикрытие и артиллерийскую поддержку. Рекогносцировка, проведенная Жуковым, показала, что данное направление для этого непригодно, поэтому он тут же распорядился использовать корпус южнее, в центре полосы наступления 5-го гвардейского стрелкового корпуса.

Если в целом, хотя и с огромным напряжением, войска Калининского фронта свою задачу выполняли, то группа войск Западного фронта, которая должна была прорвать оборону противника и двинуться им навстречу, продолжала топтаться на месте. «Верховный, — вспоминает Жуков, — потребовал от меня немедленно выехать к И.С.Коневу и разобраться в причинах неудачи и, если окажется возможным, выправить там положение. Прибыв на командный пункт Западного фронта, я пришел к выводу, что повторять операцию бесполезно. Противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть к району действия значительные силы с других участков».[333]

Тем временем в районе действия Калининского фронта противнику удалось отрезать и окружить механизированный корпус генерала М.Д.Соломатина. Ценой огромных усилий, с помощью резервных частей Ставки корпус из окружения все же вывели.

Интересно, что в 1999 году в США вышла в свет книга известного американского историка Дэвида Глантца под названием «Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции „Марс“, 1942». Автор утверждает, что в сентябре 1942 года Ставка ВГК разработала две стратегические наступательные операции: одну на западном направлении — «Марс», другую на Южном — «Уран». Главной, считает Глантц, должна была стать операция «Марс».

Координировать действия Западного и Калининского фронтов предстояло Жукову. Задачей операции «Марс» было разгромить 9-ю немецкую армию, составлявшую основу группы армий «Центр», в районе Ржев, Сычевка, Оленино, Белый. Советским войскам противостояли хорошо подготовленные немецкие дивизии, а на участке прорыва — танковая дивизия. В резерве у немецкого командования были четыре дивизии, а еще три танковые дивизии находились в готовности к действию. Кроме того, немецкая разведка располагала достоверными сведениями о планах, сроках наступления, силах и средствах Западного и Калининского фронтов. Все это и предопределило провал операции «Марс».

Таким образом, по Глантцу, два известных советских полководца, возглавляя войска на двух разных стратегических направлениях, добились различных результатов. Войска, возглавляемые Жуковым, задачу выполнить не смогли, а подчиненные ему фронты понесли большие потери.

Военный историк А. С. Орлов, анализируя книгу Глантца в журнале «Мир истории» (2000. № 4), считает, что концепция американского историка не соответствует реальности.

На деле главное заключалось в том, что операция «Марс» имела целью обеспечить успех операции «Уран». Ее сроки переносились в зависимости от состояния дел и развития событий на сталинградском направлении, но группировка войск, предназначенная для наступления,

333 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 345.

была создана заблаговременно и являлась объектом интенсивной разведки противника. Немцам многое было известно о полосе наступления, привлекаемых силах, их оперативном построении и примерных целях наступления. Более того, как пишет один из бывших руководителей разведки органов госбезопасности П.А.Судоплатов, советское командование для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с западного направления на южное, через агента-двойника Александра Демьянова («Гейне», известен немецкой разведке как «Макс») подбросило 4 ноября 1942 года «информацию» руководству вермахта о том, что «Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом».[334]

Таким образом, Ставка сознательно жертвовала оперативным успехом на Западе ради стратегического — на Юге. В результате столь масштабное стратегическое наступление советских войск под Сталинградом оказалось для вермахта совершенно неожиданным: эффект внезапности был достигнут. «Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе, — писал генерал Йодль. — Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имеющий решающее значение».[335]

В то же время немецкое командование, ожидая удара советских войск под Ржевом, без большого труда отразило его. Для Жукова, возможно и не подозревавшего об утечке информации, это стало неожиданностью, за которую советские войска заплатили слишком большую цену.

Операция «Марс» началась 25 ноября, то есть через два дня после того, как Юго-Западный и Сталинградский фронты замкнули кольцо окружения вокруг войск генерала Ф. Паулюса. Погода не благоприятствовала: был густой снегопад, авиация не могла действовать, артиллерия и танки не видели целей. Но она началась в таких условиях потому, что любой ценой надо было сковать основные силы группы армий «Центр», не позволить противнику перебросить резервы с западного на южное направление. Несмотря на трудное начало и большие потери, наши войска вели бои до 20 декабря, то есть делали все, чтобы лишить командующего группой армий «Дон» Манштейна, двинувшегося на выручку немецкой 6-й армии, возможности получить резервы.

В то же время А.С.Орлов признает, что оперативную задачу войска Западного и Калининского фронтов выполнили далеко не полностью. Войска Западного фронта вклинились в оборону противника на 8-километровом участке на глубину до 10 километров, 39-я армия Калининского фронта ликвидировала Урдомский оборонительный район ржевского выступа, а 22-я армия этого фронта продвинулась на 16 километров в глубь вражеской обороны в районе Карская. Войска обоих фронтов не смогли прорвать глубоко эшелонированную оборону противника, выйти на указанные Ставкой рубежи, окружить группировку противника и понесли значительные потери: около 215,7 тысячи человек, в том числе 70,4 тысячи безвозвратно (12,9 процента), а также 1366

334 См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1966. С. 188.

335 Военно-исторический журнал. 1971. № 9. С. 18.

танков.

Операция завершилась неудачей, но это не было поражением. Убедившись, что стратегическая задача — сковать до 30 немецких дивизий на ржевском направлении и заставить немецкое командование усилить Ржевско-Сычевский плацдарм резервами группы армий «Центр» и командования Сухопутных войск — решена, Жуков приказал прекратить ставшую уже ненужной операцию «Марс». Советские войска под Ржевом нанесли существенный урон противостоящей группировке вермахта. «Потери немцев на ржевском направлении были огромны», — констатирует немецкий историк Брент Викер.

14 декабря, в разгар тяжелых боев на Калининском и Западных фронтах, Жукову позвонил Василевский: противник рвется к Сталинграду.

Армейская группа «Гот», осуществляя операцию «Зимняя гроза», нанесла удар вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград на участке 51-й армии. Создалась угроза деблокирования 6-й немецкой армии.

Георгий Константинович хорошо понимал состояние Василевского. Сейчас следовало принимать радикальные меры, а значит — отказаться от удара на Ростов и повернуть ударную группировку правого крыла Юго-Западного фронта на юго-восток, в тыл тормосинской группе противника. А ведь они вместе задумали операцию «Большой Сатурн», предусматривавшую удар на Ростов и отсечение сталинградской и кавказской группировок немецких войск. Сейчас же Василевский вполне обоснованно опасался прорыва немецких танков (в наступлении группы «Гот» впервые на советско-германском фронте участвовал батальон танков «Тигр») к армии Паулюса и провала так хорошо начавшейся операции.

К этому времени положение 51-й армии стало крайне тяжелым. Все резервы фронта и армии оказались израсходованными, а противник продолжал наращивать силу удара и неумолимо продвигаться вперед. Но 16 декабря войска правого крыла Юго-Западного фронта начали наступление в районе Среднего Дона, пытаясь выйти в тыл тормосинской группировки войск группы армий «Дон» (операция «Малый Сатурн»). Танковые корпуса фронта при поддержке артиллерии и авиации мощными таранными ударами прорвали оборону 8-й итальянской армии и за восемь дней продвинулись на 100–200 километров, а 24 декабря овладели станцией Тацинская. Командующему группой армий «Дон» генералу Манштейну пришлось отказаться от дальнейших попыток деблокировать окруженные под Сталинградом войска и, чтобы самому не оказаться в окружении, бросить все, что оказалось под рукой, для парирования ударов Юго-Западного фронта.

Вместе с этим 51-я, 2-я гвардейская и 5-я ударная армии Сталинградского фронта остановили котельниковскую группировку противника и сами перешли в контрнаступление. Они опрокинули войска армейской группы «Гот» и 29 декабря освободили Котельниково. Противник в беспорядке отступал по всему фронту. Расстояние, отделявшее сталинградскую группировку противника от внешнего фронта окружения, увеличилось до 200–250 километров. Никаких надежд на спасение у генерала Паулюса, его солдат и офицеров уже не осталось. Наступала неотвратимая катастрофа.

Ставка ВГК принимала все меры к тому, чтобы скорее покончить с

окруженной группировкой противника и высвободить войска Донского и Сталинградского фронтов, необходимые для скорейшего разгрома немецких войск на юге страны. Но, памятуя о неудачной попытке ликвидировать «котел» окружения в начале декабря силами двух фронтов, на этот раз решили все войска в районе Сталинграда объединить под единым командованием.

В конце декабря в Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение плана дальнейших действий, и Сталин предложил руководство по разгрому окруженного противника передать в руки одного человека.

Жуков считал, что надо сосредоточить командование в руках Еременко: он выстрадал эту операцию и отстоял Сталинград, ему и добивать Паулюса. Однако возобладало мнение передать войска в подчинение Рокоссовского — командующего Донским фронтом. К тому же на долю Георгия Константиновича выпала неприятная миссия объявить Еременко о принятом решении — ведь он искренне уважал заслуги Андрея Ивановича и был уверен, что тот будет обижен. Так и произошло.

Сильно обиделся А.И.Еременко, а виновником несправедливого решения посчитал Жукова. Спустя несколько дней он сделал запись в своем дневнике, в которой поносил Георгия Константиновича на чем свет стоит. Незаслуженно.

30 декабря 1942 года Ставка ВГК издала приказ:

«1. В целях быстрейшего разгрома противника на ростовском направлении и лучшего управления армиями, действующими на этом направлении, образовать с 1 января 1943 года Южный фронт в составе 2 гвардейской, 51 и 28 армий. В дальнейшем иметь в виду усиление фронта еще 2–3 армиями.

2. Назначить командующим войсками Южного фронта генерал-полковника Еременко А. И., членами Военного совета Хрущева Н.С. и Чуянова А.С., начальником штаба фронта генерал-майора Варенникова И.С.

3. Штаб и фронтовые управления Сталинградского фронта преобразовать в штаб и управления Южного фронта…

4. С 1 января 1943 года 57, 64, 62 армии передать в состав Донского фронта, Сталинградский фронт с 1 января 1943 года ликвидировать. Средства, отпущенные Сталинградскому фронту для проведения операции „Кольцо“, 57, 64 и 62 армии передать Донскому фронту…

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Г. Жуков».[336]

На Донской фронт Ставка ВГК назначила своим представителем начальника артиллерии Красной Армии генерала Н. Н. Воронова, который вместе с Военным советом фронта разработал и 27 декабря 1942 года представил план разгрома сталинградской группировки противника (операция «Кольцо»), Однако Жукова этот план не удовлетворил, так как он не предусматривал решительных действий по рассечению и быстрому уничтожению войск генерала Паулюса. Об этом он доложил Сталину, который согласился с его доводами. Вот что говорилось в директиве Ставки ВГК от 28 декабря:

---

336 Цит. по: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. С. 319–320.

«Директива Ставки ВГК начальнику артиллерии Красной Армии — представителю Ставки ВГК генералу Н. Н. Воронову

…Главный недостаток представленного Вами плана по „Кольцу“ заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно состоять в отсечении и уничтожении западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов, Бабуркин, Мариновка, Карповка, с тем, чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка, совхоз № 1, Бабуркин повернуть на юг в район станция Карповская, а вспомогательный удар 57 армии из района Кравцов, Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станция Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселок Красный Октябрь, а навстречу этому удару — удар 62 армии, с тем, чтобы оба удара сомкнуть и отсечь, таким образом, Заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный Вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает. Операцию по первому этапу закончить в течение 5–6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представите через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин».[337]

Не было Жукова под Сталинградом в начале контрнаступления, не суждено ему было увидеть и завершения разгрома немецких войск у берегов великой русской реки. Ставка приступала к осуществлению Воронежско-Харьковской стратегической операции, важным звеном которой должен был стать разгром противника в районе Острогожска и Россоши. Решить эту задачу должны были войска Воронежского фронта (генерал Ф.И.Голиков) и 6-я армия Юго-Западного фронта (генерал Н.Ф.Ватутин), которым противостояла группа армий «Б» (генерал М.Вейхс). Противник имел превосходство в живой силе в 1,3 раза и в авиации в 1,5 раза, почти равное количество орудий и минометов, но в три раза меньше танков. По замыслу Острогожско-Россошанской операции предусматривалось нанести главный удар по сходящимся направлениям силами 40-й и 3-й танковой армий, к исходу четвертого — пятого дня окружить и в короткие сроки разгромить неприятеля.

При подготовке операции Жуков вместе с командованием Воронежского фронта провел работу по уточнению плана операции, большое внимание уделил созданию ударных группировок, которым предстояло взломать оборону противника и развить успех наступления. Тщательно были отработаны вопросы использования артиллерии при прорыве вражеской обороны, взаимодействия пехоты, танков и авиации. Одновременно была разработана и проведена в жизнь система мер по маскировке и сохранению в тайне всех перегруппировок войск, по дезинформации противника, организации управления войсками.

О том, какой объем работы приходилось выполнять представителям

337 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 371.

Ставки, свидетельствует телеграмма, направленная 6 января в Москву:

«1. Все вопросы оперативно-тактических решений по армии Москаленко (40-я армия. — В.Д.) отработаны лично с командующим армией, командирами дивизий и бригад. Сейчас находимся у Рыбалко (командующий 3-й танковой армией. — В.Д.). 6.1.43 г. провели совещание и инструктаж с командирами соединений. По армии Рыбалко и кавгруппе плохо обстоит дело с подходом по железной дороге транспортов с боеприпасами, горючим, а также и подходом войск. После выгрузки войскам нужно пройти походом от 4 до 6 суток. Боимся, что железная дорога может подвести. Лично о Рыбалко можно сказать следующее: человек он подготовленный и в обстановке разбирается неплохо.

2. Сейчас прорабатываем взаимодействие фронтов и армий на стыках лично с товарищами Харитоновым (командующий 6-й армией. — В.Д.), Рыбалко, Федоровым (псевдоним Ватутина. — В.Д.) и Филипповым (псевдоним Голикова. — В.Д.). Федоров находится у нас, через два часа выедет в штаб фронта. Сегодня с Филипповым выезжаем в центральную группу.

Константинов (псевдоним Жукова. — В.Д.)

Михайлов (псевдоним Василевского. — В.Д.)

6.1.43 20.00».[338]

12 января была проведена разведка боем силами передовых отрядов, а 14 января в наступление перешли основные силы Воронежского фронта. Через четыре дня они не только завершили окружение и рассечение острогожско-россошанской группировки, но и сумели создать внешний и внутренний фронты окружения. В результате Острогожско-Россошанской операции основная группировка противника (13 из 21 дивизии) была окружена и частично уничтожена. Противник потерял более 140 тысяч человек, из которых 86 тысяч — пленными.

Но и здесь Георгию Константиновичу не довелось поднять фронтовые сто граммов за победу — он уже находился на Волховском фронте, который вместе с войсками Ленинградского фронта готовился к операции «Искра» — прорыву блокады Ленинграда. В начале января в Ставку от находившегося в Ленинграде ее представителя маршала К.Е.Ворошилова шли донесения о том, что успешный исход операции не вызывает сомнений. Такое благодушное настроение насторожило Сталина, и он счел необходимым, чтобы Жуков на месте проверил, как готовится «Искра».

По пути Георгий Константинович заехал в Москву, чтобы еще раз переговорить со Сталиным. Домой заехать не довелось, оставил для жены короткое письмо:

«8 января 1943 года

Милый мой Шурик!

Какая неудача! Хотел я к тебе заскочить на 30–40 минут, но, увы, ты оказалась в театре. Ты, конечно, скажешь, что виноват я — не предупредил тебя о своем намерении. Так получилось, что задержался с передачей поезда с одной дороги на другую. Но что делать? Разделим вину пополам.

Как твое самочувствие? Я пока ничего. Здоров. Кроме проклятого сустава. Он все-таки меня угнетает. По возможности стараюсь лечить

---

338 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 271.

соляными ваннами и тепловыми лучами.

Ну, вот пока и все…

Твой Жорж».

На Волховском фронте Жуков ознакомился с положением дел во 2-й ударной и 8-й армиях. Утром 11 января из Великих Лук доложил Сталину о выявленных недостатках. Дивизии, которым предстояло наступать в обход синявинского узла обороны противника, имели мало танков и огневых средств. Слабо было отработано взаимодействие на стыках армий, дивизий и полков, дивизионные резервы слишком удалены от первого эшелона. У командующего Волховским фронтом генерала К. А. Мерецкова «очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно придать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков».

Но эти замечания и пожелания Жукова, как уже не раз случалось, не были учтены. В результате некоторые дивизии так и не смогли прорвать оборону противника. Сказалось то, что части не имели необходимого опыта ведения наступательных боев в условиях лесисто-болотистой местности, недостаточно эффективным оказался огонь артиллерии, было нарушено взаимодействие пехоты и танков.

«Основной недостаток в организации прорыва 2-й ударной армии, — доносил Жуков Сталину, — неправильно спланированная методика артиллерийской подготовки. Больше времени отводилось на всякого рода огневые налеты и меньше времени на прицельную методическую стрельбу по огневым точкам».[339] По приказу Сталина командование фронтов немедленно приступило к устранению выявленных Жуковым недостатков, еще раз детально проработало план предстоящей операции.

Утро 12 января выдалось морозным. Низкие облака нависали над землей. Временами шел густой снег. Войска ждали сигнала. Жукову не давала покоя мысль: не упредит ли противник, не накроет ли боевые порядки огнем своей артиллерии? «Не скрою, в то утро мы волновались, — признавался потом Георгий Константинович. — Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным».

В ходе операции Жуков отправил одного проштрафившегося командира дивизии командовать полком. Во время прорыва обороны противника этот полк сыграл главную роль на участке наступления, бывший командир дивизии лично повел один из батальонов в атаку. Вечером Жуков вызвал этого офицера, поблагодарил за службу, приказал вернуться к исполнению прежних обязанностей командира дивизии и представил за проявленную храбрость к боевой награде.

18 января войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Ленинград получил наконец-то сухопутную связь с Большой землей. «Я увидел, — вспоминает Жуков, — с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это

---

339 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 375.

была воистину выстраданная радость!»[340]

В этот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР Г.К.Жукову было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

Завершалась битва за Сталинград. 8 января 1943 года генералы Н.Н.Воронов и К.К.Рокоссовский направили командующему окруженной под Сталинградом 6-й германской армией генерал-полковнику Паулюсу и его заместителю текст ультиматума. Но, несмотря на очевидную неизбежность поражения, ультиматум был отвергнут. Через день после мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта перешли в наступление. Сначала враг сопротивлялся, но затем дрогнул и стал отходить. 31 января была окончательно разгромлена южная группа немецких войск. Ее остатки во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом сдались в плен. 2 февраля сдались и остатки северной группы.

За умелое руководство боевыми операциями по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом Георгий Константинович Жуков был награжден орденом Суворова первой степени № 1. Таким же орденом были награждены А.М.Василевский, Н.Н.Воронов, Н.Ф.Ватутин, А.И.Еременко, К.К.Рокоссовский.

Американский исследователь Г.Солсбери в своей книге «Великие битвы маршала Жукова» отмечал: «В час смертельной опасности Сталин снова обратился к Жукову. Сталинград висел на волоске. Его судьба и, возможно, России была вверена в руки Жукова. Битва под Москвой сделала Жукова национальным героем…После Сталинграда никто не оспаривал первенства Жукова. И после Сталинграда никто больше не сомневался — Россия, имея во главе своих армий Жукова, в конечном итоге разгромит Германию».

К этим словам добавить нечего.

Глава X. На огненной дуге

Не зря любил повторять Георгий Константинович, что на войне расчет с просчетом по соседним тропинкам ходят.

Видно, Ставка Верховного главнокомандования чрезмерно вдохновилась успехами под Сталинградом и опять недооценила противника. Неверно посчитав, что сил для активных наступательных действий у неприятеля не осталось и немцы намерены уйти за Днепр, она нацелила войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов на их преследование с тем, чтобы до начала весенней распутицы выйти к Днепру по всей полосе от Чернигова до Херсона.

Однако немецкое командование, стремясь предотвратить ухудшение обстановки на южном крыле своего фронта, собрало дополнительные силы и сумело концентрированным ударом прорвать оборону правого крыла Юго-Западного фронта. В начале марта части фронта отступили за Северский Донец, на его восточный берег. После этого противник, перегруппировав свои основные силы, перенес боевые действия в полосу Воронежского фронта. 16 марта немецкие войска вновь овладели Харьковом и начали развивать удар на белгородском направлении…

Все это время Жуков находился у Тимошенко на Северо-Западном фронте, войска которого в течение долгих месяцев, с прошлогодней

---

340 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 196.

весны, никак не могли ликвидировать демянский выступ, оборонявшийся соединениями 16-й немецкой армии. Ставка ВГК пришла к выводу, что надо действовать с привлечением значительных сил и наносить более глубокие охватывающие удары. По замыслу Ставки, изложенному в директиве от 6 февраля, 1-я ударная и 27-я армии должны были в ходе наступления замкнуть кольцо окружения противника с севера и юга, затем, двигаясь в восточном направлении, уничтожить немецкие части в рамушевском коридоре и, повернув на запад, разгромить неприятельские войска в районе Старой Руссы. После этого 27-я армия переходила в подчинение Особой группы войск генерала Хозина, перед которой была поставлена задача уничтожить окруженную демянскую группировку.

На Жукова возлагалась координация действий всех войск, участвовавших в операции. Однако наступление удалось начать 15 февраля силами только двух (11-й и 53-й) армий, так как 27-я и 1-я ударная оказались неготовыми. В то же время противник, опасаясь окружения и считая бесперспективным удержание демянского плацдарма, начал вывод с него 16-й полевой армии и одновременно усилил оборону рамушевского плацдарма. В этой связи Сталин 20 февраля направил Жукову следующую директиву.

«В районе Демянска противник начал поспешно отводить свои части на запад. Есть опасность, что ему удастся отвести свои дивизии за реку Ловать и намеченная нами операция „Полярная звезда“ может быть поставлена под угрозу срыва.

Считаю абсолютно необходимым начать операцию Трофименко (командующий 27-й армией. — В.Д.), Короткова (командующий 1-й ударной армией. — В.Д.) и Хозина раньше установленного срока на три-четыре дня. Жду вашего срочного сообщения.

Васильев (псевдоним Сталина. — В.Д.)».[341]

Но когда войска 27-й и 1-й ударной армий перешли в наступление, противник уже осуществил задуманные маневры и осел за рекой Ловать. За это время в связи с дождями и ранней оттепелью дороги стали непроходимыми, болота начали вскрываться, проваливаться и сплошь покрываться водой. После неоднократных попыток войска Северо-Западного фронта сумели прорвать оборону противника и выйти к рекам Полисть и Радья, приготовились форсировать Ловать. Но так как местность стала труднопроходимой и возникла реальная угроза завязнуть в болотах, Жукову пришлось прекратить дальнейшие наступательные действия. Сталин с ним согласился, тем более что главной головной болью становился юг, район Харькова. Жуков нужен был там.

В Москву, куда Жуков прибыл 16 марта, пришлось ехать на вездеходе по разбитым дорогам через Валдай, Бологое, Вышний Волочок, Торжок, Калинин. Отдохнуть не удалось, сразу вызвали в Кремль. Обстановку на Юго-Западном и Воронежском фронтах обсуждали за традиционным ночным обедом у Сталина.

После того как бронетанковые и моторизованные части противника, наступавшие со стороны Краматорска, оттеснили части Юго-Западного фронта за реку Северский Донец, перешли в наступление немецкие части из района Полтавы и Краснограда. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. Ф. Ватутин оттянул назад вырвавшиеся вперед части 3-й

341 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 76–77.

танковой и 69-й армий и организовал более плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Но Воронежский фронт, которым в то время командовал генерал Ф.И.Голиков, отвод войск не осуществил. Именно туда должен был утром отправиться Жуков, чтобы разобраться с обстановкой на месте. Судьба Голикова, как командующего фронтом, была уже предрешена.

Во второй половине дня 18 марта Жуков прибыл в Курск специальным поездом, в котором были бронированный штабной вагон и две платформы, оборудованные зенитными установками. Поезд этот передали в его распоряжение, видно, не случайно. Сталин, безусловно, знал, что в бесконечных воздушных перелетах жизнь заместителя Верховного главнокомандующего несколько раз оказывалась буквально на волоске: то вражеская авиация налетит, то технические неполадки заставят сделать вынужденную посадку. Да, наверное, и сам Георгий Константинович испытывал не очень приятные чувства, наблюдая как-то через бортовой иллюминатор воздушный бой истребителей своего сопровождения с почуявшими добычу «мессершмиттами».

В штабе Воронежского фронта, который располагался в деревне Стрелецкая Слобода под городом Обоянь, обстановку докладывал Ф.И.Голиков. Из сообщения Жукова Сталину следовало, что «она была хуже той, которую утром докладывал направленец Генштаба. После захвата Харькова части противника без особого сопротивления продвигались на белгородском направлении и заняли Казачью Ловать».[342]

Л.Ф.Минюк, генерал по особым поручениям при Г.К.Жукове, вспоминал: «Командующий Голиков и член Военного совета Хрущев не могли что-либо конкретно доложить.

„Эх, вы, магнаты!“ — только и бросил в сердцах Жуков свое привычное выражение и отвернулся.

За окном суетились, бегали, что-то грузили на машину штабисты. Прискакал на коне со вспененными боками связной, сунул кому-то пакет с донесением и умчался обратно. Творилась неразбериха — будто в предчувствии скорого нападения танков.

Жуков решительно вышел из помещения, узнал, где фронтовой узел связи, и оттуда позвонил по ВЧ Сталину, доложил обстановку и затребовал срочно двинуть из резерва Ставки все, что находится поблизости, чтобы предотвратить удар противника на курском направлении. Верховный не заставил себя ждать. Немного позже Жукову передали из Генштаба, что к району Белгорода, уже захваченному противником, стягивались войска 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии…»[343]

Однако время было упущено, и днем 18 марта в Белгород ворвались части танкового корпуса СС.

Генерал-фельдмаршал Э.Манштейн, оценивая итоги контрнаступления под Харьковом в феврале-марте 1943 года, писал: «Взятием Харькова и Белгорода закончился второй контрудар нашей группы; усиливающаяся распутица исключала дальнейшее ведение операций. Собственно, у группы „Юг“ была еще одна цель — в качестве

342 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 10.

343 Цит. по: Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 383–384.

заключительной фазы операции совместно с группой „Центр“ очистить от противника дугу в районе Курска, врезающуюся глубоко на запад в немецкий фронт, и создать здесь более короткий фронт. Но мы должны были отказаться от этого намерения, потому что группа „Центр“ заявила, что она не может участвовать в этой операции. Так эта дуга и осталась неприятным выступом на нашем фронте, который открывал противнику определенные оперативные возможности и в то же время ограничивал наши возможности».[344]

19 марта Жуков выехал в район Белгорода, чтобы организовать оборону севернее города и прикрыть тем самым направление на Курск. Здесь занимала оборону 21-я армия, а в районе южнее Обояни сосредоточивались войска 1-й танковой армии. В войсках он провел несколько дней: тщательно осмотрел позиции, дал рекомендации, где расположить боевое охранение, где создавать передний край обороны. Несколько раз выезжал на передний край, где вместе с командованием решал вопросы огневого взаимодействия на стыке армий, подготовки контрударов на тот случай, если противник попытается прорваться на Обоянь.

Неоднократные попытки противника прорвать оборону советских войск в районе Белгорода и на Северском Донце, где заняла позиции 64-я армия, не дали результатов. С этого времени положение на Воронежском фронте стабилизировалось до конца июля 1943 года. Обе стороны готовились к решающей схватке.

Сталин возложил всю ответственность за сдачу Харькова и Белгорода на командующего войсками Воронежского фронта Ф.И.Голикова, который 22 марта был освобожден от должности. На его место был назначен генерал армии Н.Ф.Ватутин. Жуков очень ценил Николая Федоровича, человека очень умного, расторопного и скромного. Невысокого роста и очень подвижный, внешне тот представлял полную противоположность Георгию Константиновичу. Кстати, в декабре 42-го года Жуков в обстановке строжайшей секретности совершил поездку к Ватутину на Юго-Западный фронт. Ее результаты ознаменовались разгромом 8-й итальянской армии и беспрецедентным маршем 24-го танкового корпуса в глубокий вражеский тыл, после чего Манштейн был вынужден отказаться от попытки деблокировать войска Паулюса.

Инициатором снятия Голикова с должности в официальной истории Великой Отечественной войны считается Сталин. Некоторый интерес могут представлять воспоминания по этому поводу Н.Х.Бедова, бывшего начальника охраны Г.К.Жукова. «В эти дни (19–20 марта. — В.Д.) в разговоре по телефону со Ставкой, — пишет Бедов, — Г.К.Жуков потребовал заменить командующего фронтом. Он сказал, что генерал Голиков не способен справиться в создавшейся обстановке. Помню, как маршал, по-видимому, на возражение твердо заявил по телефону, что Голиков повторяет старые ошибки. Под Сухиничами он плохо показал себя, командуя 10-й армией (имеется в виду декабрьское 1941 года контрнаступление войск Западного фронта, в котором 10-я армия принимала участие на левом крыле фронта. — В.Д.). А теперь допустил более серьезный просчет. Не можем мы губить войска. Ставка по настоянию Г.К.Жукова освободила генерала Ф. И. Голикова от

344 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 502.

командования фронтом». На всякий случай заметим, что у автора этого свидетельства с Жуковым отношения были сухие и натянутые, недолюбливали его и в ближайшем окружении Георгия Константиновича — уж слишком подчеркивал он исключительность своего положения как офицера НКВД.

Жуков вместе с новым командующим Воронежским фронтом Ватутиным 22 марта вновь побывал на передовых позициях 21-й армии, изучал обстановку, дважды лично допрашивал пленных. В штабе армии провел с командным составом разбор действий войск по выполнению главной задачи — не допустить продвижения противника к Курску. На следующий день те же вопросы он решал в 40-й армии.

Утром 24 марта Георгий Константинович с группой офицеров на двух вездеходах выехал на Центральный фронт, которым командовал К.К.Рокоссовский. В течение двух дней Жуков работал в штабе фронта, расположенном в населенном пункте Свобода, выезжал в войска. Он терпеливо выслушивал командиров, их мнения и предложения, даже если они расходились с его собственными. Зато уж если маршал принимал какое-нибудь решение, то требовал его беспрекословного выполнения. Часто общавшиеся с ним сослуживцы отмечали, что Жуков стал более сдержан и уравновешен, уже не срывался на окрики и резкие слова. Крайнее волнение можно было угадать только по ходившим желвакам. Видно, тяжелый военный опыт не проходил даром. Да и, несмотря на всю сложность, обстановка была не столь критической, как в период боев под Москвой или Сталинградом, когда приходилось испытывать нечеловеческое напряжение, действовать на пределе физических и душевных сил.

В штабе Жуков с Рокоссовским не засиживался, вместе с комфронтом основное время проводил на позициях, проехал практически по всей полосе обороны, посетил зоны действий 13, 70, 65, 48-й армий.

В Курск он вернулся, собрав солидную информацию о положении войск и намерениях немецкого командования. 8 апреля Сталину был представлен доклад «о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период»:

«…Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать свою задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против нашего Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

…Видимо, в первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой

в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии…

…Надо ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3–4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15–16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

…Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО (противотанковая оборона. — В.Д.) Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП (истребительно-противотанковые артиллерийские полки. — В.Д.); все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Старый Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника…

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

Константинов (псевдоним Жукова. — В.Д.)…»[345]

Сопоставление доклада Жукова с планами германского командования показывает, что в очередной раз Георгий Константинович проявил незаурядный дар стратегического предвидения. Но предвидение это, как в этом, так и во всех других случаях, было результатом не только полководческого таланта, но и огромного объема тяжелой и кропотливой работы, которую он постоянно проводил в войсках.

13 марта 1943 года командование Сухопутных войск отдало за подписью Гитлера оперативный приказ № 5, в котором излагались директивные указания по ведению военных действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы. В нем ставилась задача после весенней распутицы упредить советские войска в наступлении на отдельных участках фронта и навязать тем самым Красной Армии свою волю. В соответствии с приказом № 5 командующему группой армий «Юг» Манштейну предстояло к середине апреля сосредоточить сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр», которой командовал генерал-полковник Клюге, — создать ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречным ударом сторон в общем направлении на Курск окружить и уничтожить

345 Цит. по: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Т. 3, январь — декабрь 1943 г. М., 1969. С. 351–353.

советские войска внутри курского выступа.

Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель», были изложены в оперативном приказе фюрера № 6:

«…Я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию „Цитадель“.

Посему данному наступлению придается особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

В связи с этим все приготовления осуществлять с величайшей осмотрительностью и энергичностью. На всех главных направлениях использовать лучшие соединения, лучшее оружие, лучших командиров, большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой обязан проникнуться пониманием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна послужить факелом для всего мира.

…Цель наступления посредством массированного, беспощадно и быстро проведенного каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их. В ходе этого наступления следует выйти на укороченную и сберегающую наши силы линию фронта…»[346]

Сталин, получив доклад Жукова, дал указание Василевскому запросить мнение фронтов. Ватутину и Рокоссовскому Верховный позвонил сам и потребовал представить соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий. В своих донесениях, по свидетельству Василевского, «командующие сообщали, что в отношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Г.К.Жукова и Генерального штаба». И далее Василевский пишет: «Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать ее для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага».[347]

Сталин находился в тяжелом раздумье. Жуков предлагал обороняться, а командующие Центральным и, как выяснилось, Воронежским фронтами — наступать.

После детального обсуждения Ставка решила, укрепляя оборону на всех важнейших направлениях, сосредоточить основные усилия севернее и южнее Курска, где, как ожидалось, должны развернуться главные события. Здесь предполагалось создать сильную группировку войск, которая, отразив удары противника, должна была перейти в наступление, нанося главный удар на Харьков, Полтаву и Киев с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины. На Жукова возлагались общее

---

346 Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 410–413.

347 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 301.

руководство Центральным и Воронежским фронтами и контроль за выполнением указаний Ставки.

«…**Уже в середине апреля** , — свидетельствует Жуков, — **Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне** (здесь и далее выделено Жуковым. — В.Д.). Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года…

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчетам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его ».[348]

О том, что советские войска готовились встретить противника на Курской дуге упорной обороной, знал и противник. Например, в сообщении наркомата государственной безопасности, направленном 7 мая Сталину, говорилось о полученных резидентом НКГБ в Лондоне агентурных данных относительно плана операции «Цитадель» и оценки германским командованием боевой готовности советских войск на курско-белгородском направлении. Резидент передал в НКГБ добытый агентурным путем текст телеграммы командующего группой армий «Б» генерал-фельмаршала М. фон Вейхса, отправленной 25 апреля в адрес оперативного отдела Верховного главнокомандования вермахта:

«Исчерпывающая оценка готовности противника противодействовать проведению плана „Цитадель“ остается такой же…

Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были еще некоторое время тому назад на северном фланге армейской группы юга, может быть теперь ясно определена в основном районе будущих операций: Курск — Суджа — Волчанск — Острогожск…

Однако сейчас неизвестно, преследует ли эта концентрация сил наступательные или оборонительные цели. В настоящее время бронетанковые и механизированные соединения равномерно распределены по группам за линией фронта как стратегические резервы в предвидении немецкого наступления. Пока нет никаких указаний на слияние этих групп в более крупные соединения или на появление их на линии фронта…

Для противодействия осуществлению плана „Цитадель“ противник располагает сейчас приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород — Курск — Малоархангельск. Наступление частей

348 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 23.

армейской группы юга встретит упорное сопротивление противника в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной главной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в земле танками, с сильными артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе Белгород — Тамаровка…

В настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения с помощью отхода на восток, которая последует за прорывом основных участков на линии Курск — Белгород — Малоархангельск…

В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем наступательные намерения противника. Это является совершенно безошибочным в отношении сектора фронта, занимаемого 6-й армией и 1-й бронетанковой армией. Можно предполагать, что в случае переброски подкрепления в район севернее фронта армейской группировки юга и с началом продвижения стратегических резервов к линии фронта или их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии противнику не удастся даже предупредить выполнение нами плана „Цитадель“…»[349]

Наш резидент также указывал, что название «Цитадель» относится к готовящейся операции по прорыву обороны советских войск в районе Курск — Белгород, а не к городу Великие Луки, как это предполагалось ранее.

Сталин поручил Василевскому и Антонову разработать всю документацию по принятому плану, чтобы в начале мая еще раз обсудить его. А Жукову предстояло 18 апреля вылететь на Северо-Кавказский фронт, войска которого вели ожесточенные бои по ликвидации таманской группировки противника, его 17-й полевой армии.

На Северо-Кавказском фронте Жуков сразу же выехал в войска, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой в 18-й и 56-й армиях. По его указанию было нанесено несколько массированных ударов авиацией по боевым порядкам и аэродромам противника. В результате немецкие войска прекратили активные боевые действия на участке десантной группы 18-й армии. Из-за неудовлетворительной готовности 56-й армии к наступательным действиям Жуков на несколько дней перенес срок начала ее наступления. По его инициативе в 9-й и 37-й армиях началось формирование специальных отрядов из числа добровольцев для перехода через плавни и захвата плацдармов на берегах рек Курка и Кубань. Все эти мероприятия были 24 апреля утверждены Сталиным.

29 апреля войска Северо-Кавказского фронта возобновили наступление. Главный удар севернее и южнее станицы Крымской наносила 56-я армия. В результате ожесточенных боев 4 мая станица была освобождена, но для развития наступления сил уже не было. Не удалось добиться успеха и на других участках. В начале июля активные действия в полосе Северо-Кавказского фронта прекратились, и его войска повсеместно перешли к обороне.

В первой половине мая Жуков вернулся в Москву и вновь включился в подготовку плана летней кампании. Все виды разведки подтверждали его предположения о намерениях немецкого командования в ближайшее

349 Цит. по: Андроников Н.Г. Гитлеровский факел был погашен на огненной дуге // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 6–7.

время перейти в наступление в районе Курска. Сроки назывались самые скорые. Сначала штабы Центрального, Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов были предупреждены Ставкой о том, что удары на орловско-курском или белгородско-обоянском направлении следует ожидать 10–12 мая.[350] Затем в войска пошла директива с новыми сведениями, полученными от агентурной разведки: немцы намечают начать наступление на нашем фронте в период 19–26 мая.[351]

При этом некоторые командующие фронтами продолжали сомневаться в целесообразности преднамеренной обороны. Особую активность проявлял командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин, который, не отрицая оборонительных мероприятий, настойчиво пытался убедить Сталина и Василевского в необходимости нанесения упреждающего удара по белгородско-харьковской группировке противника. В этом его поддерживал член Военного совета фронта Н. С. Хрущев. Сталин приказал тщательно проработать и такой вариант. Но Жуков, твердо уверенный в своей правоте, отстаивал ранее разработанный план. Его точку зрения разделяли Василевский, Антонов и другие сотрудники Генерального штаба.

«*После многократных обсуждений* ,— свидетельствует Жуков,— *Верховный решил встретить наступление немцев огнем всех видов глубоко эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях* ».[352]

Узнав о вероятности наступлении противника 19–26 мая, Жуков выехал в штаб Центрального фронта, а затем в 13-ю армию. После детального изучения обстановки он направил следующее донесение Сталину:

«22.5.43. 4.48.

Товарищу Иванову (псевдоним И. В. Сталина. — В.Д.)

Докладываю обстановку на 21.5.43 г. на Центральном фронте.

…На 21.5. всеми видами разведки установлено: в первой линии обороны противник перед Центральным фронтом имеет 15 пехотных дивизий; во второй линии и резерве — 13 дивизий, из них три танковые.

Кроме того, есть сведения о сосредоточении южнее Орла 2-й танковой дивизии и 36-й мотодивизии. Сведения об этих двух дивизиях требуют проверки.

4-я танковая дивизия противника, ранее находившаяся западнее Севска, куда-то переброшена. Кроме того, в районе Брянска и Карачева находятся три дивизии, из которых две танковые.

Следовательно, на 21.5. противник против Центрального фронта может действовать тридцатью тремя дивизиями, из них шестью — танковыми.

Инструментальной и визуальной разведкой фронта выявлено 800

---

350 См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 148.

351 Там же. С. 153.

352 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 31.

орудий, главным образом 105- и 150-миллиметровых. Главную массу артиллерии противник имеет против 13-й армии, левого фланга 48-й армии и правого фланга 70-й армии, то есть на участке Троено — Первое Поздеево. За этой главной артиллерийской группировкой на линии Змиевка — Красная роща расположено до 600–700 танков. Причем главная масса сосредоточена восточнее реки Оки.

В районе Орла, Брянска, Смоленска противник сосредоточил 600–650 самолетов. Главную группировку авиации противник имеет в районе Орла.

В последние дни, как на земле, так и в воздухе, противник держит себя пассивно, ограничиваясь небольшой воздушной разведкой и редкими огневыми налетами…

Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 70-й и 13-й армий, с командующими Галаниным (командующий 70-й армией. — В.Д.), Пуховым (командующий 13-й армией. — В.Д.) и Романенко (командующий 48-й армией. — В.Д.) и пришел к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь, противник очень искусно маскирует свои приготовления, но, анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не может…

Юрьев (псевдоним Г.К.Жукова. — В.Д.)…»[353]

В воспоминаниях бывшего командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна упоминается, что 4 мая в Мюнхене под руководством А. Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий «Юг» и «Центр» (генерал-фельдмаршал Х.Г. фон Клюге), главного инспектора танковых войск генерал-полковника Г.Гудериана, начальника Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковника Цейтцлера, командующего 9-й армией генерал-полковника В.Моделя и других высших чинов. В своем докладе Модель отмечал чрезвычайное усиление противотанковой обороны советских войск, а также трудности, связанные с необходимостью прорыва сильно укрепленной обороны. Доклад Моделя, который пользовался особым доверием Гитлера, произвел на последнего сильное впечатление. Он стал опасаться, что наступление немецких войск не будет проведено быстро и успешно или, по крайней мере, так быстро, чтобы осуществить окружение крупных сил советских войск. Опасение Гитлера не разделяли ни фон Клюге, ни фон Манштейн, ни Цейтцлер. «В случае отсрочки группе („Юг“. — В.Д.), — считал Манштейн, — потребуется наряду с увеличением танков и увеличение количества пехотных дивизий для преодоления системы обороны противника».[354] Гитлер, подводя итоги совещания, заявил о необходимости еще раз обдумать вопрос о проведении операции «Цитадель» в срок или о ее отсрочке. 11 мая группа армий «Юг» получила приказ о переносе начала операции на середину июня.

Итак, прогнозы Жукова опять оказались верными. При этом, как

353 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 392–395.

354 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 528.

видно из его доклада Сталину, многие сведения он черпал, находясь в гуще войск, на переднем крае обороны. А ведь это всегда было связано с большим риском для жизни. Об одном таком эпизоде вспоминает Бедов:

«Как сейчас помню день 11 июля 1943 года на Курской дуге. Прежде чем отдать приказ Ставки о наступлении Брянскому фронту, Жуков приехал к месту намеченного удара. Машину оставили в леске, примерно в километре от передовой. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М.М.Поповым. Уже у самой передовой сказал:

— Теперь вы останьтесь, а я один…

Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я — за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел местность. Вдруг начали рваться мины — видно, немцы заметили нас. Одна — впереди, другая — сзади.

— Третья будет наша! — крикнул Жуков.

Я рванулся и накрыл маршала своим телом. Мина разорвалась в четырех метрах, к счастью, на взгорке — осколки верхом пошли. Но взрывом нас сильно тряхнуло — мы оба были контужены. Георгий Константинович потерял слух на одно ухо. Осмотревший его в Москве профессор сказал, что надо лечь в госпиталь.

— Какой госпиталь! Будем лечиться на месте, — ответил Жуков».

Понятно, что не всем нравилось присутствие на местах представителей Ставки, тем более — заместителя Верховного главнокомандующего. Так, Рокоссовский писал: «…Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов „направлений“, объединявших управление несколькими фронтами. Эти „направления“ вполне справедливо были ликвидированы. Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием — представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще всего, вмешиваясь в действия комфронтом, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, часто получающего разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки — одно, а от ее представителя — другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций.

Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего (имеется в виду Г.К.Жуков. — В.Д.), при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывало ком-фронта, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии к командующему фронтом со стороны Ставки ВГК».

С точкой зрения Константина Константиновича трудно согласиться. Похоже, что нахождение рядом старшего по должности просто задевало его самолюбие. Ведь трудно даже представить, что могло произойти, если бы не были объединены под руководством Жукова все силы на подступах к Москве, если бы не координировал он действия фронтов на других направлениях, в том числе под Сталинградом. Но Рокоссовский почему-то забывает, что в решающий час Сталинградского сражения Ставка

централизовала управление всеми войсками в его, Рокоссовского, руках.

Не понятно также, почему позднее, в 1967 году, Рокоссовский исказил факты, связанные с пребыванием Жукова на Центральном фронте в период начала Курской битвы, утверждая, что тот покинул командный пункт 5 июля, через несколько часов после того, как завязалось сражение. Ведь то, что Жуков пробыл у Рокоссовского до 9 июля, подтверждают многие источники, в том числе «Хроника деятельности Маршала Советского Союза Г.К.Жукова в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В ней четко зафиксировано: 5–9 июля Жуков находился на Центральном фронте, а затем по приказанию Сталина вылетел в штаб Брянского фронта.[355] Именно утром 9 июля Сталин звонил на командный пункт Центрального фронта и отдал Георгию Константиновичу распоряжение срочно вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это предусмотрено планом.

Сроки нахождения Жукова на Центральном фронте подтверждает и его водитель А. Н. Бучин:

«День за днем, неделя за неделей Жуков объезжал Курский выступ. Он вникал в мельчайшие детали строительства укреплений, установки заграждений. На моих глазах Георгий Константинович здорово озадачил саперов, предложив минировать местность шагах в пятидесяти от окопов и между ними. Я не специалист в этих делах, но так и не понятно, почему саперы сначала упирались. Потом, когда немцев отбили, Жуков снова объезжал некоторые из тех же районов, сильно изменившихся, обгоревшая земля, везде памятники прозорливости маршала: выгоревшие коробки немецких танков, прорвавших было наш передний край и нашедших гибель на минных полях в глубине обороны.

Когда заревели тысячи орудий и началось Курское побоище, Жуков как бы отошел от дел. Маршала было не узнать — он выглядел сторонним наблюдателем происходившего на Центральном фронте, где 5 июля его застигло начало немецкого наступления. Наверное, впечатление было обманчивым, Жуков, несомненно, вмешался бы, если бы его как представителя Ставки не устроило что-либо в действиях фронта Рокоссовского. Сражение, однако, развивалось как задумано, что было более чем достаточной компенсацией маршалу за многотрудные месяцы подготовки.

Поведение Жукова резко изменилось, когда после благополучного фронта Рокоссовского мы перебрались севернее, на сопредельный Брянский фронт. Два дня он объезжал войска, изготовившиеся к наступлению, а 11 июля лазил по-пластунски с биноклем по передовой, проверяя правильность выбора местности для наступления танкового корпуса». Кстати, именно в этот день он и попал под минометный обстрел, о котором, кроме начальника охраны Жукова, вспоминает и Бучин. А из приведенных выше слов Бучина, как и из целого ряда других источников, видно: полностью доверял Георгий Константинович Рокоссовскому, без надобности в его дела не лез и воевать не мешал.

Кстати, на страницах многих послевоенных мемуаров и воспоминаний между нашими полководцами развернулись, к огромному сожалению, настоящие «сражения». По-человечески можно понять: кого-то незаслуженно обидели, кого-то слава обошла. Но вот в

355 См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 27.

«Воспоминаниях и размышлениях» Жукова трудно найти упреки или незаслуженные обвинения в чей-либо адрес. Наверно, потому, что сам он с огромным уважением относился к ратному труду своих сослуживцев.

М. Кайден в книге «Тигры горят» отмечал: «При изучении подготовки русских к битве под Курском ясно одно — немцы давно имели репутацию готовившихся к сражению методически, эффективно, не упуская ничего. Теперь русские превзошли врага в детальной и основательной подготовке… Под твердым руководством Жукова русские трудились круглосуточно, наполняя людскими и материальными ресурсами Курский выступ.

Основной замысел, предложенный Жуковым в предстоящей операции, был развитием мер, которые он применял в яростных боях под Москвой и планировал в битве под Сталинградом. Сначала оборона. Затем, в классическом стиле жуковских операций, по мере того как немецкий натиск утрачивал свою силу, а вражеские войска уничтожались превосходящей русской огневой мощью, ход сражения изменится. Жуков, тщательно следящий за всеми перипетиями боя, определяет момент — немецкое наступление выдохлось. Именно в этот момент Жуков и бросит свои армии на орды вермахта».

А. Гитлер, принимая 11 мая решение на отсрочку начала операции «Цитадель», в последующем еще несколько раз откладывал ее. Окончательное решение созрело у Гитлера только к концу июня. В ставку фюрера в Восточной Пруссии 1 июля были вызваны все командующие объединениями и командиры корпусов сухопутных войск и воздушного флота, которым предстояло принять участие в операции. На этом совещании Гитлер сообщил, что начнется она 5 июля. «Свое решение начать операцию „Цитадель“ он обосновывал правильно тем, что мы не можем больше ждать, — вспоминал Э. Манштейн, — пока противник начнет свое наступление, возможно, лишь зимой или после открытия второго фронта. Быстрый и полный успех наступления желателен также в связи с тем влиянием, какое он окажет на наших союзников и на нашу родину».[356]

О готовности немецких войск к переходу в наступление было известно и органам советской разведки. 2 июля Ставка сообщила командующим войсками Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, что, по имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3–6 июля.

В ночь на 5 июля в штаб Центрального фронта позвонил командующий 13-й армией генерал Н.П.Пухов, который доложил, что захваченный пленный сообщил о начале немецкими войсками наступления около 3 часов утра. Рокоссовский впоследствии вспоминал: «До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боевого комплекта снарядов и мин.

Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Г.К.Жуков, который

356 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 532.

прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Я считаю, что он сделал правильно. Это позволило мне немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фронта об открытии огня».[357]

С этим свидетельством полностью совпадают и воспоминания Жукова:

«К.К.Рокоссовский спросил меня:

— Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

— Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Сталину и *доложу о принятом решении* .

Меня тут же соединили с Верховным. Он был в Ставке и только что кончил говорить с А.М.Василевским. Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку. И.В.Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать».[358]

В 2 часа 20 минут 5 июля был отдан приказ о начале 30-минутной артиллерийской контрподготовки, в которой участвовало 2460 орудий и минометов. Это задержало переход противника в наступление на 2,5–3 часа. В течение всего дня 5 июля он пытался прорвать оборону войск Центрального фронта, но не смог добиться существенных результатов.

Эффективность действий нашей артиллерии на рассвете 5 июля 1943 года оценивается по-разному. Жуков считал, что «артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30–40 минут позже».[359]

Столь же реально оценивает результаты артиллерийской контрподготовки и Маршал Советского Союза И.С.Конев. «Следует заметить, что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесен по главным средствам атаки. Однако сорвать наступление противника не удалось, хотя взаимодействие между основными силами и средствами первого эшелона врага было нарушено, а сила первоначального его удара значительно ослаблена… Конечно, эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля и если бы она была начата в тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем. К сожалению, удары нашей авиации по аэродромам противника были малоэффективными, так как противник с рассветом 5 июля поднял свою авиацию в воздух».[360]

Есть и более положительные оценки. Например, А.М.Василевский,

---

357 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 217.

358 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 44.

359 Там же. С. 46.

360 Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 2000. С. 108–109.

находившийся в начале Курской битвы на Воронежском фронте, отмечал: «…С 16 часов 4 июля противник предпринял на широком участке Воронежского фронта боевую разведку примерно четырьмя батальонами, поддержанными 20 танками, артиллерией и авиацией… Захваченный в бою пленный, немец из 168-й пехотной дивизии, показал, что войскам розданы на руки сухой паек, порции водки и что 5 июля они должны перейти в наступление. Из телефонного разговора с Жуковым я узнал, что то же самое подтверждают немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. Посоветовавшись с Ватутиным, мы решили в ночь на 5 июля провести предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку, которая, как выяснилось позднее, дала исключительный эффект. Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования тоже нарушилась… Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже».[361]

Маршал артиллерии К.П.Казаков, автор очерка «Всегда с пехотой, всегда с танками», утверждал, что «артиллерийская контрподготовка если и не сорвала наступления противника, то нанесла ему большие потери, нарушила управление и значительно ослабила и дезорганизовала первые удары вражеских войск, которые все же были очень сильны».

Немецкие военачальники Э.Манштейн в своей книге «Утерянные победы» и Г.Гудериан в «Воспоминаниях солдата» артиллерийскую контрподготовку, проведенную 5 июля советскими войсками, почему-то даже не упомянули.

В то время как на Центральном и Воронежском фронтах ожесточенные бои были уже в разгаре, Жуков, как уже отмечалось, находился в расположении Брянского фронта, который завершал подготовку к операции «Кутузов» по разгрому орловской группировки противника и ликвидации орловского выступа. В Орловской наступательной операции предстояло участвовать войскам Брянского, Центрального и левого крыла Западного фронтов, общей численностью около 1,3 миллиона человек, имевшим свыше 21 тысячи орудий и минометов, 2,4 тысячи танков и САУ, более 3 тысяч самолетов. Противостояли им войска 2-й танковой и 9-й армий группы «Центр» (около 600 тысяч человек, свыше 7 тысяч орудий и минометов, около 1200 танков и штурмовых орудий, более 1100 самолетов). Советские войска превосходили противника по всем показателям, что во многом и предопределило успешный исход операции.

11 июля Жуков доложил Сталину: «Подготовка по „Кутузову“ полностью закончена. Сегодня проводили силовую разведку с целью уточнения переднего края обороны противника. По докладам командармов и командиров соединений на всех этих направлениях считаю, что наши части находятся перед передним краем. На самом деле сегодняшние действия усиленных батальонов показали, что первые траншеи противником занимались небольшими подразделениями. Все действовавшие батальоны сегодня первую траншею захватили. В

361 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 309–310.

соответствии с уточненным передним краем противника сейчас вносятся поправки для артиллерии и авиации на период артподготовки».

Наступление Брянского фронта, поддержанное войсками левого крыла Западного фронта, началось 12 июля. Как и ожидалось, противник заметался на орловском плацдарме и стал перебрасывать сюда войска, действовавшие против Центрального фронта. Рокоссовский немедленно воспользовался этим и 15 июля тоже перешел в наступление.

Однако на Воронежском фронте противник еще продолжал наносить ощутимые удары. Особенно критическое положение сложилось 11–12 июля в районе Прохоровки, где разыгралось крупнейшее в истории войн танковое сражение с участием более полутора тысяч боевых машин. Сталин приказал Жукову немедленно вылететь туда и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного (создан 9 июля) фронтов.

13 июля Жуков прибыл в штаб Воронежского фронта. «На всех участках фронта шли ожесточенные, кровавые бои, — писал он впоследствии, — горели сотни танков и самоходных орудий. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Это был переломный момент в сражении на белгородском направлении».[362]

А в этот же день в ставке Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий Манштейна и Клюге. На совещании Гитлер заявил, что положение на Сицилии, где западные державы высадились 10 июля, стало серьезным. Он также отметил, что союзные войска, вероятно, осуществят высадку на Балканах или в Южной Италии. «Необходимо сформировать новые армии в Италии и на западных Балканах. Восточный фронт должен отдать часть сил, и потому операция „Цитадель“ не может дольше продолжаться».[363] Клюге доложил о больших потерях 9-й армии, вынудивших ее остановить продвижение на неопределенное время. «Так как фельдмаршал фон Клюге считал исключенным возобновление наступления 9 армии, — вспоминал Манштейн, — и более того, считал необходимым вернуть ее на исходные позиции, Гитлер решил, одновременно учитывая необходимость снятия сил для переброски их в район Средиземного моря, остановить осуществление операции „Цитадель“.[364]

Обсудив в штабе Воронежского фронта, где находился и командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев, сложившуюся обстановку, Жуков пришел к выводу о необходимости энергичнее продолжать начатый контрудар, чтобы на плечах отходящего противника захватить оборонительные рубежи в районе Белгорода. И лишь после этого, произведя перегруппировку, войска Воронежского и Степного фронтов должны были перейти в решительное контрнаступление.

Но контрудар Воронежского фронта не достиг своей цели и группировку врага, вклинившуюся в расположение наших войск на 30–35 километров, разбить не удалось. В пылу сражения удар был нанесен в лоб, а выгодная конфигурация фронта, позволявшая подрезать основание немецкой группировки и окружить ее, не использовалась. 15–16 июля

---

362 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 54.

363 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 539.

364 Там же. С. 540.

всем армиям фронта было приказано прекратить наступление и упорной обороной истощать силы наступавшего противника.

Существенное влияние на ход событий на белгородско-харьковском направлении оказало начавшееся 17 июля наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов. Командующий группой армий „Юг“ генерал-фельдмаршал фон Манштейн по требованию штаба Сухопутных войск был вынужден отдать приказ о выводе из боя на участке Воронежского фронта 2-го и 3-го танковых корпусов и переброске их на юг, на усиление 6-й полевой армии, действовавшей против Южного фронта. А в ночь на 19 июля начался общий отход немецких войск, действовавших против Воронежского фронта.

Замысел операции „Цитадель“ был окончательно похоронен. Это еще в апреле предвидел маршал Жуков, не только разгадав планы врага, но и достаточно точно определив место и время нанесения его ударов. Не поддавшись искушению перейти в наступление раньше противника, он убедил Ставку и Сталина придерживаться в районе Курска плана военных действий, суть которого заключалась в преднамеренной обороне с одновременной подготовкой контрнаступления. Такова примерно точка зрения большинства отечественных историков.

По вполне понятным причинам выводы, сделанные противоположной стороной, носят несколько иной характер. Вот что писал по этому поводу Манштейн: „Операция „Цитадель“ была прекращена немецким Главным командованием еще до исхода сражения по следующим причинам: во-первых, в связи со стратегическим влиянием других театров военных действий (Средиземное море) или других фронтов (2 танковая армия на Орловской дуге), и лишь, во-вторых — в связи с тактической неудачей, а именно, остановкой наступления 9 армии, которая поставила под вопрос по меньшей мере быстрое достижение исхода сражения“.[365]

Тем временем войска Воронежского и Степного фронтов 23 июля вышли к переднему краю обороны противника. Но для перехода в контрнаступление требовалось произвести перегруппировку войск, тщательную разведку противника, вновь организовать взаимодействие всех родов войск, особенно пехоты и танков. На все это могло уйти около восьми суток, о чем Жуков и доложил Сталину. „Скрепя сердце, после многократных переговоров, — свидетельствует Георгий Константинович, — Верховный утвердил наше решение, так как иного выхода тогда не было“.[366]

В процессе подготовки к операции войск Воронежского и Степного фронтов (кодовое название „Полководец Румянцев“) по разгрому белгородско-харьковской группировки противника Жуков по заданию Сталина с 28 июля находился на Брянском фронте, в 4-й танковой и 11-й армиях, затем прорабатывал взаимодействие войск Воронежского и Степного фронтов, побывав в 5-й гвардейской, 53-й, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армиях. Именно им предстояло нанести главный удар.

Замысел советского командования состоял в том, чтобы мощным фронтальным ударом смежных крыльев Воронежского и Степного фронтов прорвать оборону противника на 22-километровом участке

365 Там же. С. 542.

366 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 57.

северо-западнее Белгорода, затем рассечь вражескую группировку с последующим охватом и разгромом ее в районе Харькова. Одновременно предусматривалось нанести вспомогательный удар из района Готни на Ахтырку, чтобы обеспечить действия главных сил Воронежского фронта с запада, а наступлением правого крыла (57-я армия) Юго-Западного фронта из района Мартовой на Мерефу содействовать Степному фронту в освобождении Харькова.

Привлеченные к операции войска Воронежского и Степного фронтов насчитывали свыше 1,1 миллиона человек, более 12 тысяч орудий и минометов, 2,4 тысячи танков и САУ, 1300 боевых самолетов. Для поддержки войск фронтов были выделены 200 самолетов авиации дальнего действия, часть сил 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта и авиации Войск ПВО страны. Советским войскам противостояли немецкие 4-я танковая армия, оперативная группа „Кемпф“ (с 16 августа — 8-я армия) группы армий „Юг“ (генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн) и авиация 4-го воздушного флота, насчитывавшие в общей сложности около 300 тысяч человек, более 3 тысяч орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий и свыше 1000 самолетов. Как мы видим, и в этой операции советские войска имели абсолютное превосходство над противником.

Перед началом операции „Полководец Румянцев“ были проведены мероприятия по дезинформации, что позволило привлечь внимание противника к сумскому направлению и обеспечить внезапность ударов советских войск в районе Белгорода. 3 августа после мошной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки фронтов перешли в наступление. Одновременно партизаны приступили к проведению в тылу врага операции „Рельсовая война“. В тот же день Георгий Константинович докладывал Сталину:

„Сегодня, 3.8.43 войска Чистякова, Жадова, Манагарова, Крюченкина в 5.00 начали контрнаступление, которое проводилось с полным учетом опыта Западного и Брянского фронтов и было построено так: 5 минут огневой налет артиллерии, минометов, „катюш“ и огня пехоты по переднему краю и всей глубине обороны противника. 35 минут контроль прицела и пристрелки орудий тяжелого калибра. 1 час 20 минут методическое подавление, разрушение целей и залпы „катюш“. 20 минут нарастающий до предельного режима артиллерийский и минометный огонь. 45 минут заранее спланированный артогонь по узлам сопротивления в глубине обороны противника. Пехота с танками прорыва и орудиями самоходной артиллерии в атаку была поднята в 7.55, то есть в момент открытия артиллерией нарастающего до предельного режима огня, и, прижимаясь к огневому валу, пехота с танками и орудиями самоходной артиллерии через 20 минут прорвалась на передний край обороны противника. Авиация в течение дня действовала по следующему плану. Первый бомбовый удар был произведен по штабам, узлам и линиям связи для нарушения управления. Второй, третий и четвертый бомбардировочные удары последовательно производились по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и резервам противника. Первый удар штурмовиков произведен в 7.55, то есть в момент подъема пехоты в атаку, и продолжался беспрерывно в течение двух с половиной часов с огневой задачей подавления артиллерии, минометов противника и огневых точек на обратных скатах.

Танковые армии Катукова и Ротмистрова, построенные в боевые

порядки на выжидательных позициях, продвигали свои авангардные бригады непосредственно за пехотой, что обеспечило быстрый ввод главных сил танковых армий в прорыв после взлома тактической глубины обороны противника“.

5 августа советские войска освободили Белгород. В этот же день в ознаменование двух побед — освобождения Орла и Белгорода — в Москве прогремел первый за войну артиллерийский салют — 12 залпов из 124 орудий.

6 августа Жуков, командующий Степным фронтом Конев и начальник штаба фронта Захаров направили И. В. Сталину свои предложения по дальнейшему развитию операции „Полководец Румянцев“, которые предусматривали окружение и освобождение Харькова. Вечером того же дня пришла ответная директива:

„Директива Ставки ВГК № 30 160 представителям Ставки (Г.К.Жукову и А.М.Василевскому. — В.Д.) о задачах и координации действий фронтов в ходе Белгородско-Харьковской и Донбасской наступательных операций

6 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Представленный тов. Юрьевым (псевдоним Г.К.Жукова. — В.Д.) план операции „Румянцев“ Ставка Верховного Главнокомандования утверждает и одновременно указывает:

1. 57-ю армию Гагена с 24.00 8 августа передать из состава Юго-Западного фронта в состав войск Степного фронта с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении Харьковом. Разгранлинией между Степным и Юго-Западным фронтами установить левую границу 57-й армии.

2. Основная задача Юго-Западного фронта нанести главный удар на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить Донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино.

3. Основная задача Южного фронта нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино, где сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта.

Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов 13–14.8.1943 г. Тов. Александрову (псевдоним Василевского. — В.Д.) план действий ЮЗФ и ЮФ представить 10.8 на утверждение Ставки.

4. Координацию действий возложить: между Воронежским и Степным фронтами на тов. Юрьева, между Юго-Западным и Южным фронтами на тов. Александрова.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин А. Антонов“.

Быстрые ответы и распоряжения Сталина свидетельствовали о том, что он всегда владел обстановкой в мельчайших деталях и соответствующим образом реагировал на недостатки в оперативных действиях войск.

„Из положения войск 5-й гв. армии Жадова видно, что ударная группировка армии распылилась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях, — говорилось в директиве Генерального штаба от 7 августа 1943 года, направленной командующему Воронежским фронтом и Г.К.Жукову. — Товарищ Иванов (псевдоним И.В.Сталина. — В.Д.) приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это

относится и к 1-й танковой армии Катукова. О принятых мерах прошу сообщить“.[367]

К исходу 11 августа танковые соединения Воронежского и Степного фронтов продвинулись на 100 километров и овладели важными опорными пунктами противника — городами Богодухов и Грайворон. 11 августа 1-я танковая армия перерезала железную дорогу Харьков — Полтава и охватила вместе со стрелковыми соединениями харьковскую группировку противника. Войска Степного фронта к этому времени вышли к харьковскому оборонительному рубежу. Успешно развивались и события на вспомогательном направлении Воронежского фронта. Войска 40-й армии совместно со 2-м и 10-м танковыми корпусами к 11 августа овладели рубежом Боромля, Тростянец, а 27-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом вышла в район восточнее Ахтырки. Одновременно 5-й гвардейский танковый корпус вышел южнее Ахтырки в район Котельвы.

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, стремясь ликвидировать прорыв советских войск, подтянул к Харькову 3-й танковый корпус, который намеревался использовать совместно с оперативной группой „Кемпф“ для удара по восточному флангу вклинившихся советских войск. „Одновременно, — пишет Манштейн, — по западному флангу должна была нанести удар 4 танковая армия силами двух танковых дивизий, возвращенных группой „Центр“, и одной мотодивизии. Но было ясно, что этими силами и вообще силами группы нельзя было далее удерживать линию фронта“.[368]

11 августа противник нанес контрудар по наступающим частям советских войск. „Ослабленные части 1-й танковой армии и 6-й гвардейской армии, не выдержав удара, начали отход на более выгодные рубежи, — вспоминал Жуков. — Тогда на помощь им была брошена 5-я гвардейская танковая армия. Завязалось ожесточенное сражение, длившееся несколько дней. Общими усилиями враг к исходу 16 августа был остановлен. 18 августа противник нанес контрудар из района Ахтырки. Для его ликвидации в сражение была дополнительно введена 4-я гвардейская армия, прибывшая из резерва Ставки“.[369]

Несмотря на ввод дополнительных сил, противнику удалось остановить наступление войск Воронежского фронта и даже в отдельных местах потеснить их. Заминки вызвали раздражение Верховного. В 3 часа ночи 22 августа Сталин направляет директиву командующему Воронежским фронтом Ватутину, копию — Жукову:

„События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций.

Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность

---

367 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. Т. 23 (12–3). С. 243.

368 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 556.

369 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 68–69.

противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям.

При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка и, наконец, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток, по тылам 27-й армии, 4-го и 5-го гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные, ничем не оправданные потери. Было также утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника.

Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни.

Это Вы можете сделать, так как у Вас есть достаточно средств.

Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче — ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без этого серьезные успехи Воронежского фронта невозможны.

И. Сталин“.[370]

Вечером того же дня Жукову (в копии — представителю Ставки Василевскому, командующим Воронежским фронтом Ватутину и Степным фронтом Коневу) была направлена новая директива:

„План наступления Воронежского фронта с целью к 20.8 овладеть г. Ахтырка явным образом не удался. Операция по разгрому харьковской группировки противника затянулась. Ставке Верховного Главнокомандования не известно, по какому плану действуют сейчас Воронежский и Степной фронты.

Ставка требует, чтобы Вы представили план операции по ликвидации ахтырской группировки противника и овладению плацдармом Ахтырка — Котельва — Колонтаев — Пархомовка. Для этого недостаточно вовлечь в дело отдельные армии и корпуса. Для этого необходимо организовать прорыв фронта противника с привлечением основных сил артиллерии и авиации подобно тому, как это было организовано севернее Белгорода.

Эта операция по времени должна быть согласована с прорывом обороны противника на стыке Степного и Юго-Западного фронтов.

Руководство организацией прорыва на правом крыле Юго-Западного фронта и взаимодействия его со Степным фронтом возложено на тов. Александрова (псевдоним А.М.Василевского. — В.Д.), который должен поддерживать с тов. Юрьевым (псевдоним Г.К.Жукова. — В.Д.) прочную связь.

Правое крыло Юго-Западного фронта может начать наступление 26–27.8.

План операции представьте к исходу 22.8, с тем, чтобы начать

---

370 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 194–195.

переселение Воронежского и Степного фронтов не позже 27.8“.[371]

Жуков и Ватутин, выполняя требования Сталина, приняли меры к локализации прорыва ахтырской группировки противника: ввели в сражение 4-ю гвардейскую армию с 3-м гвардейским танковым корпусом и 47-ю армию с 3-м гвардейским механизированным корпусом.

23 августа соединения Степного фронта вошли в Харьков, завершив тем самым операцию „Полководец Румянцев“, а с ней и Курскую битву. Были созданы предпосылки для перехода в общее наступление, для освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру.

И все же цена за переход стратегической инициативы в руки советских войск опять оказалась слишком высокой. Противник потерял в Курской битве более 500 тысяч человек, 3 тысячи орудий и минометов, свыше 1,5 тысячи танков и штурмовых орудий, более 3,7 тысячи самолетов. Потери же советских войск составили: безвозвратные — 254,5 тысячи человек, санитарные — 608,8 тысячи человек, то есть примерно в полтора раза больше.

В отчете командования немецких 2-й танковой и 9-й армий о боях на Курской дуге отмечается, что якобы их наступление „нанесло тяжелые потери и ослабило вражеские армии, предназначенные для удара из района Курска на север, в такой степени, что они не имели больше сил успешно выполнить свою задачу прорыва с юга в направлении Хотынец — Карачев, данную им в общем масштабе концентрического наступления на Орел. Неоспоримо также то, что проводимое обеими армиями планомерное отступление на позицию „Хаген“ истощило большую часть русских наступающих частей и вследствие сокращения фронта освободило большое число наших дивизий и войсковых частей, дав возможность использовать их на других фронтах“.[372]

Генерал-полковник Г.Гудериан более объективен в своих оценках: „В результате провала наступления „Цитадель“ мы потерпели решительное поражение… Инициатива полностью перешла к противнику“.[373] Приведем еще одно мнение, генерала Ф.В. фон Меллентина: „Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились значительного вклинения… Операция „Цитадель“ закончилась полным провалом. Правда, потери русских были больше, чем немцев; надо также отметить, что с тактической точки зрения ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха… После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским“.[374]

Оценки бывших противников говорят о признании достигнутого за

---

371 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 196.

372 Цит. по: Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. С. 335.

373 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 431.

374 Меллентин Ф.В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.; СПб., 2003. С. 284–285.

два года войны превосходства командования Красной Армии в стратегическом и оперативном искусстве, которое олицетворял в себе маршал Жуков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1943 года за умелое и мужественное руководство операциями, за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками Георгий Константинович был награжден вторым орденом Суворова первой степени.

Не зря Жуков, еще командуя эскадроном в двадцатые годы, учился сам и других учил воевать по-суворовски».

Глава XI. У высоких круч

Война прошла уже полуденную отметку и стала клониться к западу. К концу лета 43-го года Жуков выглядел утомленным. С весны — бесконечные поездки по разбитым фронтовым дорогам, ночные бдения над штабными картами, совещания и вылазки на передовые. Сон урывками. Предельное напряжение нервов во время операций. Гнетущее воздействие случавшихся неудач, больших и малых потерь, страшных картин после боев на Курской дуге, жуткий вид оставленных врагом населенных пунктов. Мрачное впечатление произвел освобожденный Харьков, вернее, руины, которые от него остались. Вместе с Хрущевым проехали среди развалин, выступили на импровизированном митинге оставшихся в живых людей, голодных и измученных.

Устали и измучились войска, потерявшие в летних сражениях слишком много крови. Чувствовал Жуков и понимал, что немецкая тактика обескровить противника в бою постепенно стала перерастать в стратегическую задачу германских войск: любой ценой нанести Красной Армии невосполнимые потери. В течение лета Георгий Константинович не раз делился этими наблюдениями в Ставке.

25 августа 1943 года, буквально через день после освобождения Харькова, в кабинете И.В.Сталина состоялось обсуждение обстановки и дальнейших задач общего наступления всех фронтов. Жуков придерживался мнения, что немецкое командование располагает еще достаточными силами для продолжения войны, тем более что Англия и США не спешили с началом широких наступательных действий в Европе. Вместе с тем он считал, что на востоке Германия уже не в состоянии вести большое наступление, а, видимо, ограничится активными оборонительными действиями. Жуков был солидарен с Генштабом и Сталиным в их стремлении как можно скорее развернуть наступление на всех фронтах западного и юго-западного направлений, чтобы выйти в восточные районы Белоруссии и на Днепр. Однако он был против нанесения фронтальных, лобовых ударов в полосе от Великих Лук до Черного моря, так как предпочитал операции на отсечение и окружение противника с целью его полного уничтожения, что облегчало бы дальнейшее ведение войны. Именно такую операцию Жуков считал необходимым провести в Донбассе. Его поддержал заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов. Но Сталин не разделял точку зрения Жукова и Антонова, а нетерпеливо требовал скорее отбросить противника с территории страны фронтальными ударами. Он считал, что для реализации идеи Жукова понадобится слишком много времени и немцы успеют организовать оборону на

подступах к Днепру.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК на летне-осеннюю кампанию главный удар наносился на юго-западном направлении войсками Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов. На юге сухопутным войскам должна была содействовать Азовская военная флотилия. Одновременно войска Западного и левого крыла Калининского, а также Брянского фронтов получили задачу наступать на смоленском и брянско-гомельском направлениях и тем самым лишить противника возможности перебрасывать силы на юг. По плану Ставки предусматривалось нанести глубокие рассекающие удары в целях быстрейшего выхода войск к Днепру, провести форсирование его с ходу крупными силами на широком фронте и, упреждая противника в организации и восстановлении обороны на Правобережье, захватить несколько плацдармов.

К началу битвы за Днепр в составе пяти фронтов насчитывалось 2633 тысячи человек, свыше 51 200 орудий и минометов, более 2400 танков и САУ, 2850 боевых самолетов.

Советским войскам противостояли 2-я армия группы «Центр», 4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я армии группы «Юг», всего — 1240 тысяч человек, 12 600 орудий и минометов, 2100 танков и штурмовых орудий и 2100 боевых самолетов. Немецкое командование намеревалось упорной обороной остановить наступление Красной Армии и сохранить за собой важнейшие районы Левобережной Украины и Донбасс. Кроме того, с весны 1943 года в глубоком тылу велось строительство стратегического оборонительного рубежа «Восточный вал», основу которого составляли река Днепр в его среднем течении и река Молочная.

13 августа войска Юго-Западного и Южного фронтов приступили к проведению Донбасской наступательной операции. Через две недели в наступление перешли Центральный, Воронежский и Степной фронты — началась Черниговско-Полтавская стратегическая наступательная операция, в ходе которой предусматривалось выйти к Днепру. Сломив ожесточенное сопротивление противника, войска трех фронтов продвигались на черниговском, киевском и полтавско-кременчугском направлениях. 6 сентября Ставка уточнила задачи фронтам: Воронежскому фронту наступать на Ромны, Прилуки, Киев, а Степному — на полтавско-кременчугском направлении.

В последние дни августа Гитлер провел в Виннице совещание с командованием группы армий «Юг». Генерал-фельдмаршал Э.Манштейн, ссылаясь на большие потери, а также на то, что советское командование постоянно вводит в сражение новые боеспособные дивизии, доложил о том, что войска группы не в состоянии удержать Донбасс имеющимися у нее силами. Еще большая опасность для всего южного фланга Восточного фронта создалась на северном фланге группы, где 8-я и 4-я танковые армии не смогут долго сдерживать натиск советских войск в направлении Днепра. «Я поставил перед Гитлером ясную альтернативу, — отмечал впоследствии Манштейн, — или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также заменить наши ослабленные части частями с других спокойных участков фронта, или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы. Гитлер, который вел это совещание в очень деловом тоне, хотя и пытался углубиться, как всегда, в технические подробности, все же согласился с тем, что группа „Юг“ требует серьезной поддержки. Он обещал, что даст нам с фронтов групп

„Север“ и „Центр“ все соединения, какие можно только оттуда взять. Он обещал также выяснить в ближайшие дни возможность смены ослабленных в боях дивизий дивизиями с более спокойных участков фронта. Уже в ближайшие дни нам стало ясно, что дальше этих обещаний дело не пойдет».[375]

Сомневаясь в том, что получит обещанные подкрепления, Манштейн направил 7 сентября в штаб Сухопутных войск телеграмму с изложением обстановки, создавшейся в полосе группы армий «Юг». «Я указал на то, — вспоминал он, — что противник ввел в бой против нашей группы уже 55 дивизий и два танковых корпуса, взятые им не из резервов, а в значительной части с других участков Восточного фронта, кроме того, новые части были еще на подходе. Я еще раз потребовал срочных кардинальных мер от ОКХ (штаб Сухопутных войск. — В.Д.) для того, чтобы мы смогли удержать фронт на участке нашей группы».[376]

Беспокойство Манштейна наконец-то было воспринято Гитлером. 8 сентября он прибыл в штаб группы армий «Юг» в Запорожье, куда были вызваны командующий группой «А» генерал-фельдмаршала фон Клейст и генерал-полковник Руофф, 17-я армия которого все еще находилась на Кубани. На этом совещании Манштейн еще раз указал на серьезность положения: «Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряженной обстановки на северном фланге нашей группы. Чтобы получить необходимые силы для подкрепления этого фланга, я предложил немедленно отвести группу „Центр“ на рубеж Днепра. В результате этого ее фронт сократился бы на одну треть, и мы сэкономили бы силы, которые позволили бы нам сосредоточить, наконец, достаточно крупные соединения войск на решающем участке Восточного фронта. Теперь Гитлер в принципе соглашался с необходимостью отхода северного фланга группы на рубеж Мелитополь — Днепр, хотя он все еще надеялся избежать этого путем подтягивания сюда новых дивизионов штурмовых орудий (САУ). Как всегда, он думал, что использование технических средств будет достаточным для стабилизации обстановки, которая могла быть достигнута на самом деле только введением в бой большого числа новых дивизий. Относительно высвобождения сил из района группы „Центр“ путем отхода на верхний Днепр он заявил, однако, что быстрый отход на такое большое расстояние неосуществим. Такое большое передвижение частей затянется якобы вплоть до наступления распутицы. Кроме того, он считал, что будет потеряно много техники (как это произошло при отходе с Орловской дуги). Вообще отход на промежуточный рубеж дальше на восток был, по его мнению, возможен, но не дал бы нам необходимой компенсации в виде экономии сил».[377] В то же время Гитлер, не решаясь на такое большое мероприятие, каким было предложенное Манштейном сокращение линии фронта, занимаемого группой армий «Центр», все-таки признавал необходимость сильного укрепления группы армий «Юг». Поэтому он решил, что группа армий «Центр» немедленно выделит один корпус в составе двух танковых и двух

---

375 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 561.

376 Там же. С. 564.

377 Там же. С. 564–565.

пехотных дивизий на стык между нею и 4-й танковой армией. Этим намечалось предотвратить опасность охвата северного фланга группы армий «Юг». Кроме того, Гитлер согласился с требованием Манштейна подтянуть еще четыре дивизии для обеспечения переправ через Днепр, а также решил в целях высвобождения сил оставить кубанский плацдарм, потерявший уже давно всякую оперативную ценность.

Такова была позиция командования германских войск, противостоящих устремившимся к Днепру фронтам Красной Армии. Точка зрения Жукова была ясна и в то же время несколько противоречива: «*Для тщательной подготовки наступления к Днепру у нас не было возможностей. В войсках обоих фронтов* (Воронежского и Степного. — В.Д.) *чувствовалась большая усталость от непрерывных сражений. Ощущались перебои в материально-техническом обеспечении. Но все мы, от солдата до маршала, горели желанием скорее выбросить врага с нашей земли, освободить многострадальный украинский народ из-под тяжкого гнета оккупантов, которые свои неудачи вымещали на беззащитном населении».*

К сожалению, высокий моральный дух войск не всегда может компенсировать просчеты в планировании боевых действий. Изначально заявка Жукова на пополнение наступавших фронтов людскими ресурсами и боевой техникой была сокращена Сталиным на 30–40 процентов. Чрезмерно широкая полоса наступления, которое развернули одновременно пять фронтов, сжатые сроки выполнения поставленных задач с неизбежностью вынуждали использовать удары и натиски «в лоб». В этих условиях энтузиазм нередко разбивался о вал неприступной обороны противника, и тогда наступала суровая проза военной жизни. Директивы Ставки, торопившие двигаться на запад, должны были исполняться неукоснительно. И Жуков был вынужден обеспечивать продвижение подчиненных ему фронтов и соединений, отдавать приказы, заставлявшие двигаться вперед через «не могу» и напоминавшие своей необоснованной категоричностью и резкостью его распоряжения в период трагических боев под Вязьмой зимой и весной 42-го года. «Начавшееся наступление подопечных мне фронтов, — признавал Георгий Константинович, — развивалось крайне медленно».

Ставка ВГК, стремясь активизировать наступательный порыв солдат и офицеров, издала следующую директиву:

«…№ 30 187 от 9 сентября 1943 года

В ходе боевых операций войсками Красной Армии приходится и придется преодолевать много водных преград. Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных реке Десна и реке Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск.

В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандующего считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командиры названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как река Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования представлять к наградам:

1. Командующих армиями — к ордену Суворова 1-й степени.

2. Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова 2-й степени.

3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов — к ордену Суворова 3-й степени.

За форсирование такой реки, как река Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военным советам фронтов и армий в течение суток, с момента получения настоящей директивы, ознакомить с ней командиров соединений и частей, названных в настоящей директиве.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».[378]

Тем временем группа армий «Центр» получила распоряжение командования Сухопутных войск вермахта передать максимально быстрыми темпами четыре дивизии группе армий «Юг». Кроме того, группе армий «Юг» были обещаны с Западного фронта пехотные подразделения и пополнение для доукомплектования дивизий, всего 32 батальона. Вечером 15 сентября по группе армий «Юг» был отдан приказ об отводе всех армий на линию Мелитополь — Днепр (до района выше Киева) — Десна. «Противнику не удалось сорвать сосредоточения войск у немногих переправ через реку или отрезать их от этих переправ, — вспоминал Манштейн. — Несмотря на его численное превосходство, он не сумел использовать благоприятной обстановки, которую создавало для него стягивание наших войск к переправам, для того, чтобы форсировать Днепр крупными силами в стороне от этих переправ и тем самым не допустить создания намеченной оборонительной линии по ту сторону реки. То, что он захватил на нескольких участках плацдармы на противоположном берегу реки, при нехватке сил с нашей стороны нельзя было предотвратить».[379]

В ходе наступления советские войска достигли наибольшего успеха на киевском направлении. Левофланговые соединения Центрального фронта 15 сентября освободили Нежин и разорвали фронт противника. Войска Воронежского фронта также рассекли немецкие войска на отдельные изолированные группы, которые частью отходили к киевским переправам, а частью — к переправам у Канева (южнее Киева). В результате были созданы условия для окружения этих групп по частям восточнее Киева. Особенно удобное для этого положение занимала левофланговая 60-я армия Центрального фронта. Она не соприкасалась с противником и опережала правофланговые армии Воронежского фронта на 100–120 километров, что давало ей возможность нанести удар на юг во фланг и в тыл группировки противника, сдерживавшей наступление правофланговой 38-й армии Воронежского фронта.

Но эту возможность реализовать не удалось. Во второй половине сентября Ставка отодвинула разграничительную линию между Центральным и Воронежским фронтами к северу. В результате Киев, на

---

378 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 201.

379 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 578.

который была нацелена 60-я армия Центрального фронта, отошел в полосу Воронежского фронта. «Я счел своим долгом позвонить Сталину, — вспоминал командующий фронтом Рокоссовский. — Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее. Такой ответ никакой ясности не внес. Но уточнять не было ни времени, ни особой необходимости».[380]

Не будем и мы строить догадки, кто был действительным автором этого решения и какими соображениями (будем надеяться, что оперативными) оно было продиктовано. В «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович этой темы не касается.

В ходе наступления Жуков принял меры по заблаговременной подготовке к форсированию Днепра. Об этом он 20 сентября доложил Сталину: «Сегодня с Николаевым (псевдоним Н.Ф.Ватутина. — В.Д.) отработали мероприятия по быстрейшему захвату переправ на реке Днепр. Для этой цели сегодня от каждой армии сформированы передовые отряды в составе танковых частей, пехоты, посаженной на машины, артиллерии и минометов. Эти подвижные передовые отряды имеют задачу, не ввязываясь в бой с прикрывающими частями противника, обходя арьергарды, стремительно прорваться к переправам и стараться захватить мосты и переправы… Считаю, что эти передовые части подойдут к реке Днепр 22–23 сентября».

21 сентября войска Центрального фронта освободили Чернигов, а соединения 3-й гвардейской танковой армии Воронежского фронта вышли к Днепру южнее Киева. На следующий день к Днепру вышли и войска 13-й армии Центрального фронта. Они при поддержке авиации и артиллерии с ходу форсировали реку и овладели плацдармами в междуречье Днепра и Припяти. Одновременно передовой отряд 6-го танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии Воронежского фронта захватил плацдарм в районе Великого Букрина. Всего к концу сентября советские войска захватили на западном берегу 23 плацдарма.

Содействовать войскам Воронежского фронта в форсировании Днепра должна была Днепровская воздушно-десантная операция. Планом операции предусматривалось в течение двух ночей выбросить воздушный десант в Букринской излучине Днепра для захвата и удержания плацдарма на рубеже Липовый Рог, Македоны, Шандра, Степанцы, Костянец, Канев до выхода в этот район войск фронта. В состав десанта привлекались 1, 3 и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады (10 тысяч человек, 24 орудия, 180 минометов), объединенные в воздушно-десантный корпус под командованием генерал-майора И.И.Затевахина. Для десантирования выделялось 180 самолетов Ли-2, 10 самолетов буксировщиков По-2 и 35 планеров.

Спешка к добру не приводит. К моменту начала операции разведывательные данные о противнике не перепроверили, а они оказались устаревшими. Выброска первого эшелона 3-й и 5-й воздушно-десантных бригад осуществлялась в ночь на 25 сентября. Противник к этому времени сумел скрытно перебросить в район Букринской излучины Днепра две пехотные дивизии. Поэтому десантирование проводилось зачастую над боевыми порядками врага, под сильным зенитным огнем его

380 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 235.

ПВО. Многие экипажи самолетов потеряли ориентировку, произвели выброску с больших высот и в обширном районе площадью 30 на 90 километров. В результате часть десантных подразделений оказалась в расположении вражеских войск и понесла большие потери. Связь штаба фронта с бригадами была потеряна, и дальнейшее десантирование пришлось прекратить. Несколько суток десантники вели бои отдельными группами. Лишь 5 октября командиру 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады подполковнику П.М.Сидорчуку удалось объединить в Каневском лесу несколько отрядов и групп, а затем установить связь со штабом фронта. 26 октября бригада численностью около 1,2 тысячи человек прорвалась на юго-восток, в Черкасский лес, установила связь со штабом 52-й армии, действовавшей на этом направлении. 13 ноября десантники овладели сильно укрепленными опорными пунктами обороны противника и содействовали форсированию Днепра войсками 52-й армии 2-го Украинского фронта (до 20 октября — Степной фронт. — В.Д.). В ходе операции десант потерял более 40 процентов личного состава, не достигнув поставленной перед ним цели.

Сталин, узнав о неудачном применении десанта, подписал 3 октября директиву: «Констатирую, что первый воздушный десант, проведенный Воронежским фронтом 24 сентября, провалился, вызвав массовые ненужные жертвы. Произошло это не только по вине тов. Скрипко (заместитель командующего авиацией дальнего действия. — В.Д.), но и по вине тов. Юрьева (псевдоним Жукова. — В.Д.) и тов. Ватутина (командующий Воронежским фронтом. — В.Д.), которые должны были контролировать подготовку и организацию выброски десанта.

Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями».[381]

Оставшиеся части воздушно-десантного корпуса были изъяты из подчинения командующего Воронежским фронтом и переданы в резерв Ставки ВГК.

28 сентября решением Ставки на Жукова была возложена координация действий войск Центрального и Воронежского фронтов по овладению Киевом. Войска Воронежского фронта (с 20 октября 1943 года — 1-й Украинский фронт) дважды — с 12 по 15-е и с 21 по 23 октября — предпринимали отчаянные попытки прорвать вражескую оборону. При этом главные удары наносились с южного, букринского плацдарма, а вспомогательные — с северного, лютежского (район севернее Киева). Однако противник сумел сосредоточить против букринского плацдарма крупные силы и создать здесь прочную оборону.

Напряженность и сложность сложившейся ситуации на Днепре чувствуются в строках писем Жукова жене. 5 октября он пишет:

«Здравствуй, Шурик.

Шлю тебе привет и крепко тебя целую. Обними и крепко поцелуй Эрочку и Эллочку… Посылаю семечек. Делать вам все равно нечего, хоть будете их грызть. Посылаю обратно теплую кофточку, она очень кусачая и ее носить совершенно невозможно, она колет, как колючая проволока.

Пусть лучше получат мягкий свитер. Дела у нас по-прежнему

---

381 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 217.

неплохие. Сидим на Днепре. Немцы хотят во что бы то ни стало удержаться на Днепре. Но, видимо, это им не удастся. Я по-прежнему езжу по армиям, в вагоне не могу — характер, видимо, такой, больше тянет в поле, к войскам, там я как рыба в воде. Здоровье неплохое. Плохо слышу. Надо бы опять полечить ухо, да вот пока не могу организовать. Иногда немного побаливает голова и нога. Ну вот пока все, что хотел тебе написать. Желаю тебе и ребятам здоровья. Крепко, крепко всех вас целую».

Другое письмо Александре Диевне отправлено 23 октября: «Здравствуй, мой милый Шурик!

Шлю тебе свой привет и крепко целую. Шлю привет Эрочке и Эллочке, поцелуй их за меня. Письмо твое я получил, за которое шлю тебе дополнительно пару горячих поцелуев. Получил посылку с бельем. До упаду я смеялся на ночную рубаху. В этой рубахе я похож на Матрену или Акулину. Дела у нас на фронте сейчас идут хорошо. Правда, на некоторых участках происходит заминка, но это, пожалуй, неизбежно после такого продвижения. Хотелось скорее покончить с Киевом и тогда бы приехать в Москву, но вот пока досадная задержка. Здоровье по-прежнему то хорошее, то хуже. Сейчас что-то опять ноет нога. Хочу приехать в Москву подлечиться. Слышимость уха по-прежнему — шумы пока еще не прошли, — видимо, к старости все лезет наружу. Если дела пойдут, думаю, дней через 8 быть в Москве, если разрешит Хозяин (Сталин. — В.Д.). Ну вот, кажется, все. А ты говоришь, я не пишу. Видишь, сколько нацарапал. Еще раз крепко тебя и ребяток целую. Желаю всем вам всего хорошего».

24 октября Жуков и командование 1-го Украинского фронта докладывали Сталину причины неудач на букринском плацдарме:

«1. По плацдарму южнее Переяслав-Хмельницкого. Итоги боев на этом плацдарме показали следующее:

а) местность здесь весьма пересеченная, облегчает организацию и ведение оборонительного боя и затрудняет ведение наступательного боя, особенно применение танков в наступлении, так как им приходится двигаться только по дорогам, которые легко закрываются ПТО (противотанковая оборона. — В.Д.) и минами противника.

Резко пересеченный характер местности продолжается до рубежа Ржишев, Пик, Мижиричь. После этого рубежа начинается более удобная местность, позволяющая беспрепятственное движение и маневр крупных танковых соединений. До этого рубежа осталось пробиться еще 6–8 км;

б) противник, учитывая исключительную важность этого направления, создал группировку с плотностью 5 км на одну дивизию и подготовил глубокую, хорошо развитую оборону, состоящую из нескольких подготовленных рубежей.

На этих рубежах, как правило, сплошные траншеи, окопы полного профиля и блиндажи.

Противник стремится не допустить нашего прорыва и в глубине обороны для контрударов имеет до трехсот танков;

в) для прорыва такой обороны противника необходимо прежде всего требуемое количество боеприпасов. Прорыв обороны противника нашими войсками проводился дважды, и оба раза первая линия обороны противника была прорвана с продвижением каждый раз на 6–8 км вперед. Однако оба раза развить прорыв не удалось из-за недостатка боеприпасов, которые полностью расходовались на прорыв первой линии обороны.

Между тем в глубине обороны оба раза наши войска встречали вторую линию обороны и контратаки танков противника, для разгрома которых не оставалось боеприпасов. Особенно острый недостаток имеется по 120-мм минам, 122-мм гаубичным снарядам и 152-мм — 37 г., которые необходимы в условиях пересеченной местности и без которых прорвать оборону невозможно;

г) сейчас возникает вопрос, продолжать ли прорыв на плацдарме южнее Переяслав-Хмельницкого или же прекратить здесь наступление и перегруппировать войска на другой, более выгодный плацдарм?

Для перегруппировки войск на другой плацдарм потребуется большое количество времени. На это можно было бы пойти, если бы на других плацдармах прорыв был уже произведен, чего пока достичь не удалось.

Учитывая, что на глубине 5–6 км обороны противника мы выйдем на более доступную равнинную местность и получим возможность развития успеха и маневра, считаем целесообразным сейчас не отказываться от производства прорыва на этом направлении, а, наоборот, подготовить этот прорыв более тщательно, накопить требуемое количество боеприпасов, перегруппировать силы и заново произвести прорыв…

2. По плацдармам севернее г. Киев: имеется полная возможность получить здесь успех, но сил для этого мало, для этой цели необходимо фронту дать одну общевойсковую армию и одну танковую армию…»[382]

Объяснения Сталина не удовлетворили:

«Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии.

Ссылка на недостаток боеприпасов не основательна, так как Степин (псевдоним И.С.Конева. — В.Д.), имея не больше боеприпасов, чем Николаев (псевдоним Н.Ф.Ватутина. — В.Д.), но правильно используя свои войска и действуя на несколько более благоприятной местности, успешно выполняет свою задачу».[383]

Сталин распорядился произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта и усилить правое крыло фронта, прежде всего в районе лютежского плацдарма. Для этого на участок севернее Киева необходимо было перебросить 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко, артиллерийский корпус, три-четыре стрелковые дивизии и другие соединения. Переброску войск следовало провести скрытно, чтобы оставить противника в неведении относительно изменений в направлении главного удара.

Одновременно правое крыло 1-го Украинского фронта усиливалось двумя дивизиями из 30-й армии резерва Ставки и двумя дивизиями, передаваемыми из 61-й армии Белорусского фронта (бывший Центральный. — В.Д.).

25 октября под личным контролем Жукова началась переброска войск с букринского плацдарма на лютежский. Вдоль участка фронта длиной более 200 километров саперы навели временную дорогу, по рытвинам и ухабам которой в течение недели, не смыкая глаз, мотался

---

382 Там же. С. 321–322.

383 Там же. С. 227.

Георгий Константинович. Были приняты строжайшие меры маскировки и секретности. Все делалось для того, чтобы создать у противника впечатление: главный удар будет наноситься с букринского плацдарма. На лютежском плацдарме тем временем были сосредоточены 38-я армия под командованием генерала К.С.Москаленко, 3-я гвардейская танковая армия генерала П.С.Рыбалко, 5-й гвардейский танковый корпус генерала А.Г.Кравченко, 7-й артиллерийский корпус прорыва. Сконцентрированные здесь артиллерийские части в общей сложности имели около двух тысяч орудий и минометов, пятьсот ракетных установок «катюша».

Сталин требовал овладеть Киевом не позднее 5–6 ноября, ведь впереди была 26-я годовщина Великого Октября. «Решая эту задачу, — подчеркивалось в директиве Ставки, — пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придется затратить, если эта операция затянется».[384]

30 октября Жуков сообщил Сталину: «Еще раз проверил план операции армий Николаева (псевдоним Н.Ф.Ватутина. — В.Д.) и после внесенных мною поправок считаю его вполне законченным. Был у Москаленко, где на инструктивном совещании дал командармам дивизии и корпусов практические указания по подготовке и проведению предстоящей операции. Наступление с букринского плацдарма готовим на 1.11.43». В упомянутый день отсюда началось отвлекающее наступление 40-й и 27-й армий. Немецкое командование посчитало, что здесь наносится главный удар, и начало перебрасывать сюда дополнительные силы, в том числе танковую дивизию СС. Всего нашим войскам удалось сковать на этом участке фронта до десяти дивизий противника.

Утром 3 ноября после мощной артиллерийской подготовки с лютежского плацдарма нанесла удар главная группировка 1-го Украинского фронта. К исходу дня войска 38-й армии, наступавшие совместно с 5-м гвардейским танковым корпусом, и соединения 60-й армии продвинулись на 5–12 километров. 4–5 ноября в сражение были введены 3-я гвардейская танковая армия, перерезавшая шоссе Киев — Житомир, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, вторые эшелоны 38-й и 60-й армий. Противник, опасаясь окружения своих войск в Киеве, начал их отвод. К утру 6 ноября Киев был освобожден. 7 ноября советские войска заняли Фастов, 12 ноября — Житомир.

«После тяжелых боев, — сетовал Манштейн, — был оставлен Киев, так как действовавший здесь 7 ак (армейский корпус. — В.Д.) находился под угрозой окружения в городе. Корпус был отброшен из Киева на юг, и ему удалось задержать продвижение противника лишь в 50 километрах ниже города».[385]

«С величайшей радостью докладываем Вам о том, — сообщали Жуков и Ватутин Сталину, — что задача, поставленная Вами по овладению нашим прекрасным городом Киев — столицей Украины, — войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Киев полностью очищен от немецких оккупантов».[386] Москва в тот же день салютовала войскам 1-го

384 Там же. С. 230.

385 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 596.

386 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 412.

Украинского фронта.

Позже Жуков вспоминал: «В 9 часов утра вместе с военным советом фронта мы прибыли в Киев, куда уже стекались толпы измученных жителей города, прятавшихся в окрестностях от зверской расправы фашистов. Наши машины обступит со всех сторон… Многие плакали от радости, каждый хотел что-то рассказать о давно наболевшем, выстраданном… Проезжая по хорошо знакомому мне Крещатику, когда-то красивейшему проспекту города, я ничего не мог узнать: кругом были сплошные развалины. Так выглядел наш древний Киев после ухода гитлеровцев».[387]

К середине ноября 1943 года войска 1-го Украинского фронта глубоко вклинились в оборону противника на стыке групп армий «Центр» и «Юг», вышли на линию Чернобыль, Малин, Житомир, Фастов, Стайки и создали на правом берегу Днепра стратегический плацдарм до 230 километров по фронту и до 145 километров в глубину. В этих условиях немецкое командование решило вновь овладеть инициативой и восстановить оборону по Днепру, отказавшись от ранее планировавшегося удара в нижнем течении Днепра. В районах юго-западнее Фастова и южнее Житомира была сосредоточена группировка в составе 48-го танкового, 13-го армейского корпусов и оперативной группы «Матгенклот», имевшая задачу овладеть Киевом и ликвидировать плацдарм советских войск на правом берегу Днепра.

Ставка Верховного главнокомандования, установив сосредоточение танковой группировки противника к югу и юго-западу от Фастова, приостановила наступление 1-го Украинского фронта на казатинском направлении. 38-я (генерал-полковник К.С.Москаленко) и 3-я гвардейская танковая (генерал-лейтенант танковых войск П.С.Рыбалко) армии перешли к обороне. Продолжалось наступление на правом крыле фронта силами 13-й (генерал-лейтенант Н.П.Пухов) и 60-й (генерал-лейтенант И.Д.Черняховский) армий.

15 ноября ударная группировка противника перешла в контрнаступление. Главные удары были нанесены из района юго-западнее Фастова на Брусилов и из района южнее Черняхова на Радомышль. Войска 38-й армии, оборонявшейся на участке Житомир — Фастов, под ударами превосходящих сил противника вынуждены были отходить на север.

17 ноября немецкие части вышли на Житомирско-Киевское шоссе и развернули вдоль него наступление на Киев. На следующий день противнику ударами с севера, юга и востока удалось окружить в районе Житомира группу войск 60-й армии. После двухдневных ожесточенных боев большая их часть вырвалась из окружения, оставив город.

23 ноября немецкие войска захватили Брусилов. В район севернее и восточнее города была переброшена 3-я гвардейская танковая армия и выдвинут 94-й стрелковый корпус 1-й гвардейской армии. Силы 40-й и 27-й армий укрепили оборону на участке Фастов — Триполье. Против наступавших танков и пехоты противника действовала 2-я воздушная армия.

26 ноября командование 1-го Украинского фронта сумело нанести контрудар по северному флангу брусиловской группировки противника и

387 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 85–86.

стабилизировать обстановку. Упорная оборона и активные действия советских войск в районе Брусилова сыграли решающую роль в срыве контрнаступления противника на Киев. В декабре немецкая 4-я танковая армия дважды пыталась прорваться к Киеву в полосе 60-й армии, но обе ее попытки были отражены. В итоге почти полуторамесячных боев противник продвинулся на киевском направлении на 35–40 километров, но его ударная группировка была измотана и обескровлена.

Оценивая итоги Киевской оборонительной операции, Жуков писал: «Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватив Житомир, неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрассудных действий немецкие войска несли колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60–70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило наступление, перейдя к обороне, но все еще не отказалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр».[388]

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн докладывал командованию Сухопутных войск: «Момент для того, чтобы спасти положение на северном фланге группы армий путем частных мер, как, например, переброска отдельных дивизий, упущен».[389]

В ходе Киевской оборонительной операции Жуков почти все время работал в штабе и войсках 1-го Украинского фронта. По вызову Сталина с 4 по 12 декабря он находился в Москве, где принимал участие в расширенном совещании Государственного Комитета Обороны. На нем обсуждались вопросы международного характера и возможности открытия второго фронта в Европе, проблемы экономики и военной промышленности, итоги и опыт боевых действий на фронтах, перспективы войны. В зимнюю кампанию 1944 года было решено развернуть наступление от Ленинграда до Крыма. При этом главные операции планировалось провести на Юго-Западном театре военных действий.

Едва успел Георгий Константинович вернуться на фронт, как Сталин потребовал от Ватутина разъяснить причины потери войсками фронта радомышльского плацдарма на западном берегу реки Тетерев. Доклад командующего 1-м Украинским фронтом Верховного не удовлетворил. В директиве от 14 декабря Сталин отмечал: «Командование 1-го Украинского фронта, несмотря на наличие превосходящих сил в составе фронта, обрекло фронт на пассивность вследствие кабинетного метода руководства войсками фронта. Такое нетерпимое положение привело к тому, что противник получил возможность свободно маневрировать по всему фронту одной имеющейся у него группой танков. Ставка предупреждает, что, если еще будут допущены подобные ошибки в управлении войсками фронта, будут приняты против командования фронта строгие меры».[390] По решению Сталина командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник В.И.Кузнецов был снят с

---

388 Там же. С. 98.

389 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 608.

390 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 247.

должности, а вместо него назначен генерал-полковник А.А.Гречко. Директива не содержала каких-либо упреков в адрес представителя Ставки Жукова, но просматривались они со всей очевидностью.

В связи с тем, что немецкая 4-я танковая армия торчала занозой на пути войск 1-го Украинского фронта, Ставка потребовала провести операцию по ее разгрому. Жуков не только принимал участие в планировании и осуществлении Житомирско-Бердичевской наступательной операции, но и вместе с маршалом авиации А. А. Новиковым координировал взаимодействие 1-го и 2-го Украинских фронтов.

К началу этой операции войска 1-го Украинского фронта насчитывали 831 тысячу человек, около 11 400 орудий и минометов, 1125 танков и САУ, 529 самолетов. Им противостояла немецкая 4-я танковая армия группы армий «Юг», имевшая 574 тысячи человек, 6960 орудий и минометов, 1200 танков и штурмовых орудий. Их поддерживали 500 самолетов 4-го воздушного флота. По замыслу нашего командования главный удар наносился в центре полосы фронта на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку. Вспомогательные удары наносились войсками правого крыла на Коростень, Сарны, Новоград-Волынский, Любар, частью сил — в обход Житомира с запада. Войска левого крыла фронта должны были наступать на Белую Церковь, Христиновку и во взаимодействии с правым крылом 2-го Украинского фронта разгромить противника южнее Киева.

24 декабря 1943 года после артиллерийской подготовки войска ударной группировки фронта — 1-я гвардейская (генерал-полковник А.А.Гречко), 18-я (генерал-полковник К.Н.Леселидзе), 38-я (генерал-полковник К. С. Москаленко) армии при поддержке 2-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский) перешли в наступление и в тот же день прорвали тактическую зону обороны противника. Введенные в прорыв 3-я гвардейская (генерал-лейтенант, с 30 декабря 1943-го — генерал-полковник П.С.Рыбалко) и 1-я танковая (генерал-лейтенант танковых войск М.Е.Катуков) армии стали развивать успех общевойсковых соединений. 25–28 декабря перешли в наступление 13-я (генерал-лейтенант Н.П.Пухов), 60-я (генерал-лейтенант И.Д.Черняховский), 40-я (генерал-лейтенант Ф.Ф.Жмаченко) и 27-я (генерал-лейтенант С.Г.Трофименко) армии. К 30 декабря войска фронта расширили прорыв до 300 километров и продвинулись в глубину до 100 километров. 31 декабря они освободили Житомир, 3 января 1944 года — Новоград-Волынский, 4 января — Белую Церковь, 5 января — Бердичев.

Пытаясь ликвидировать прорыв, противник перебросил в полосу 1-го Украинского фронта 16 дивизий и крупные силы авиации. 11–12 января немецкие войска нанесли контрудары в районах Жмеринки и Христиновки, а затем и на других направлениях. 15 января по указанию Ставки ВГК войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне.

В результате Житомирско-Бердичевской операции советские войска разгромили шесть дивизий противника, продвинулись в полосе шириной 700 километров на глубину 80–200 километров к западу от Днепра, нависая с севера над всей немецко-фашистской группировкой, действовавшей на Правобережной Украине. Почти полностью были освобождены Киевская и Житомирская области и ряд районов Винницкой и Ровенской областей.

Тем временем 2-й Украинский фронт Конева завершал

Кировоградскую операцию, окончательной целью которой являлся выход на Южный Буг. В ходе операции предполагалось обойти Кировоград с северо-запада и юго-запада, окружить и уничтожить кировоградскую группировку противника. Одновременно наносился вспомогательный удар на правом крыле фронта.

5 января 1944 года войска фронта при поддержке 5-й воздушной армии перешли в наступление. Наибольшего успеха в первый день они достигли севернее Кировограда, продвинувшись на отдельных участках до 24 километров. К утру 7 января подвижные соединения фронта обошли Кировоград с северо-запада, перерезав основные пути отхода противника. На следующий день войска фронта освободили город и затем, преследуя разгромленные части противника, продвинулись на запад и юго-запад еще на 15–20 километров. На направлении вспомогательного удара войска 52-й и 4-й гвардейской армий к 10 января продвинулись до 40 километров, но затем были остановлены сильными контратаками противника, перебросившего на это направление три танковые дивизии.

В результате проведенной операции войска 2-го Украинского фронта, разгромив кировоградскую группировку немецких войск, продвинулись на запад до 40–50 километров. Появились условия для того, чтобы вместе с 1-м Украинским фронтом окружить и разгромить корсунь-шевченковскую группировку противника, которая представляла собой часть сил 1-й танковой армии и 8-ю армию группы «Юг».

Удержавшись и закрепившись в среднем течении Днепра в районе Канева, в так называемом корсунь-шевченковском выступе, немецкие войска давно уже нависали над смежными флангами 1-го и 2-го Украинских фронтов, сковывая свободу их маневра. Германское командование рассчитывало использовать этот район в качестве плацдарма для масштабного наступления с целью восстановить линию фронта по западному берегу Днепра. Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн писал: «Мы приняли решение сосредоточить вначале все имевшиеся в нашем распоряжении силы для нанесения удара по противнику, продвигавшемуся через брешь между 1-й и 4-й танковыми армиями на юг. Эта брешь была особенно опасна потому, что прорыв противника в направлении на Умань вынудил 1-ю танковую армию загнуть свой западный фланг в районе юго-западнее Киева на юг. Он соприкасался теперь своими тыловыми позициями с тыловыми позициями расположенной в Днепровской дуге 8-й армии. Так как внутренние фланги обеих армий удерживали еще Днепр по обе стороны от Канева, немецкие позиции образовали, так сказать, мешок, который был перевязан на севере у Днепра, в то время как его продольные стороны представляли собой обращенные на восток и на запад фронты обеих армий. Если бы противник добился успеха, используя брешь севернее Умани, ему было бы легко „затянуть“ этот мешок на юге! Разумнее всего было бы, конечно, уйти из него, так как на его оборону пришлось бы бессмысленно тратить много сил. Но и здесь Гитлер не хотел добровольно уступать побережье Днепра. Он все еще надеялся нанести удар из этого выступа фронта для того, чтобы когда-нибудь снова овладеть восточной частью дуги. Поэтому этот выступ остался. Через непродолжительное время этот „мешок“ превратился в черкасский котел».[391]

---

391 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 619.

С целью претворения своего замысла в жизнь Манштейн планировал нанести удар по советским войскам, продвигавшимся в глубь бреши между 4-й и 1-й танковыми армиями, с трех сторон — с востока, запада и юга.

11 января Жуков доложил Сталину план отсечения, окружения и разгрома всей корсунь-шевченковской группировки противника. На следующий день была подписана директива Ставки по разгрому противника в звенигородско-мироновском выступе:

«Группировка противника, продолжающаяся оставаться в районе Звенигородка, Мироновка, Смела, связывает действия смежных флангов 1-го и 2-го Украинских фронтов и задерживает выдвижение их к р. Южный Буг.

Наступление главных группировок обоих фронтов развивается по параллельным направлениям, решительных мер для ликвидации остающегося выступа противника не принимается.

Учитывая это обстоятельство, Ставка Верховного Главнокомандования ставит перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами ближайшую задачу: окружить и уничтожить группировку противника в звенигородско-мироновском выступе путем смыкания левофланговых частей 1-го Украинского фронта и правофланговых частей 2-го Украинского фронта где-нибудь в районе Шполы, ибо только такое соединение войск 1-го и 2-го Украинских фронтов даст им возможность развить удар для выхода на р. Южный Буг».[392]

К началу операции было создано превосходство над противником по пехоте в 1,7 раза, артиллерии — в 2,4, танкам и САУ — в 2,7 раза. По авиации силы сторон были примерно равными. На направлениях главных ударов в результате проведенных перегруппировок было достигнуто более значительное превосходство над противником: на 1-м Украинском фронте — почти двукратное по пехоте и трехкратное по танкам и артиллерии; на 2-м Украинском фронте — более чем трехкратное по пехоте, шестикратное по артиллерии и десятикратное по танкам.

Операция готовилась в сложной обстановке. Особенно трудно приходилось 1-му Украинскому фронту, войска которого в это время отражали ожесточенные удары противника в районе севернее Умани и восточнее Винницы. Рано начавшиеся оттепель и распутица затрудняли маневры войск, подвоз материальных средств и использование авиацией грунтовых аэродромов. 1-й Украинский фронт должен был начать наступление 26 января, 2-й Украинский — на день раньше. Это обусловливалось разницей расстояний, которые должны преодолеть ударные группировки фронтов до Звенигородки — пункта, где они должны были соединиться.

Фактически наступление 2-го Украинского фронта началось 24 января действиями передовых батальонов, которые к исходу дня вклинились в оборону противника на глубину до 6 километров. 25 января вслед за ними в сражение были введены главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий, а во второй половине дня — и 5-й гвардейской танковой армии. Они расширили прорыв до 25 километров по фронту и до 16 километров в глубину.

26 января в наступление перешла ударная группировка 1-го

---

392 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 31.

Украинского фронта, но продвигалась она медленно. Противник, стремясь ликвидировать прорыв, нанес несколько контрударов по флангам ударной группировки 2-го Украинского фронта (тремя танковыми дивизиями с юга, одной танковой и тремя пехотными дивизиями с севера) в общем направлении на Капитановку, однако они были отражены. 28 января войска обоих фронтов соединились в районе Звенигородки, завершив окружение корсунь-шевченковской группировки противника (до 50 тысяч человек). Немецкое командование было вынуждено прекратить контрудары против войск 1-го Украинского фронта восточнее Винницы и севернее Умани, а все танковые дивизии перебросить на спасение окруженных войск.

Жуков отлично понимал, что противник попытается организовать удар извне, поэтому он использовал для создания внешнего фронта окружения танковые армии обоих фронтов, усиленные стрелковыми соединениями, противотанковой артиллерией и инженерно-саперными частями. Одновременно общевойсковые армии (27-я, 4-я гвардейская) и 5-й гвардейский кавалерийский корпус образовали сплошной внутренний фронт окружения. Большую помощь наступавшим войскам оказала авиация, совершив с 29 января по 3 февраля 2800 боевых вылетов. После окружения противника 2-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации, с 4 февраля — генерал-полковник авиации С.А.Красовский) вместе с 10-м истребительным авиационным корпусом ПВО страны осуществляли воздушную блокаду группировки, а 5-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С.К.Горюнов) поддерживала войска, действовавшие на внешнем фронте окружения. Предпринятые противником многократные контрудары с целью прорваться к окруженной группировке были отражены. Этому во многом способствовали принятые советским командованием меры по усилению внешнего фронта окружения стрелковыми дивизиями, крупными силами артиллерии и 2-й танковой армии (генерал-лейтенант танковых войск С.И.Богданов), переброшенной из-под Винницы. Отражая контрудары противника на внешнем фронте, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов продолжали одновременно бои по ликвидации окруженной группировки.

9 февраля Жуков докладывал И.В.Сталину:

«…По показанию пленных, за период боев в окружении войска противника понесли большие потери. В настоящее время среди солдат и офицеров чувствуется растерянность, доходящая в некоторых случаях до паники.

По Корсунь-Шевченковский. Видимо, противник готовился к последней попытке прорваться навстречу танковой группе, наступавшей на М. Боярку. Для обеспечения этого направления к утру 9 февраля в район Лисянки выводим одну танковую бригаду от Ротмистрова (командующий 5-й гвардейской танковой армией. — В.Д.) и в район Красногородка — Мотаевка 340-ю стрелковую дивизию…

8 февраля в 15.50 наши парламентеры через командующего стеблевским боевым участком полковника Фукке вручили ультиматум окруженному противнику…»[393]

Ультиматум подписали заместитель Верховного главнокомандующего маршал Жуков, командующие фронтами генералы армии Ватутин и

---

393 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 414–415.

Конев. Противник ультиматум отклонил. Тотчас же на внутреннем фронте окружения и со стороны внешнего фронта немецкие войска начали ожесточенные атаки. Но все было тщетно.

В эти напряженные дни Георгий Константинович нашел несколько минут для того, чтобы написать письмо домой:

«Действующая армия.

10.2.44

Дорогая моя!

Шлю тебе свой привет. Крепко-крепко целую тебя одну и особенно вместе с ребятами. Спасибо за письмо, за капустку, бруснику и за все остальное. Дела наши идут, в общем, хорошо. Все намеченные дела армией выполняются хорошо. В общем, дела Гитлера идут явно к полному провалу, а наша страна идет к безусловной победе, к торжеству русского оружия. В общем, фронт справляется со своими задачами, дела сейчас за тылом, тыл должен очень много работать, чтобы обеспечить потребности фронта, тыл должен хорошо учиться, морально быть крепким, тогда победа наверняка будет за русскими.

Крепко, крепко тебя целую.

Твой Г. Жуков».

Но пока еще рано было говорить о том, что все намеченные дела армией выполняются успешно. 11 февраля командование группы армий «Юг» силами до восьми танковых дивизий предприняло крупное наступление на внешнем фронте окружения, нанося удар на Лисянку из районов западнее Ризино и Ерки. Навстречу им рвались части окруженной группировки. Ценой больших потерь противнику, наступавшему из района Ризино, удалось выйти в район Лисянки.

В ночь на 12 февраля Жуков послал донесение в Ставку:

«У Кравченко (6-я танковая армия. — В.Д.):

— противник силой до 160 танков с мотопехотой с фронта Ризино — Чемериское — Тарасовка ведет наступление в общем направлении на Лисянку и, прорвав первую линию 47-го стрелкового корпуса, вклинился в оборону до 10 км.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено на реке Гнилой Ткич частями 340-й стрелковой дивизии и 5-го механизированного корпуса, составляющими вторую линию обороны, и резервными полками СУ-85.

За отсутствием связи с командиром 47-го стрелкового корпуса положение на левом фланге армии в направлении Жабинка — Ризино — Дубровка уточняется.

Сил и средств у Кравченко было достаточно для отражения атак противника, но Кравченко при прорыве первой линии нашей обороны потерял управление частями армии.

Приказал Николаеву (псевдоним Н.Ф.Ватутина. — В.Д.) срочно развернуть в Джурженцы управление 27-й армией и подчинить в оперативном отношении Кравченко Трофименко (27-я армия. — В.Д.).

Армию Богданова (2-я танковая армия. — В.Д.) к утру 12 февраля главными силами сосредоточить в районе Ли-сянка — Дашуковка — Чесновка. 202-ю стрелковую дивизию развернуть на рубеже Хижинцы — Джурженцы, туда же подтянуть полностью укомплектованную бригаду Катукова (1-я гвардейская танковая армия. — В.Д.).

Степину (псевдоним И.С.Конева. — В.Д.) приказал в Лисянке к утру иметь от Ротмистрова две бригады и по реке Гнилой Ткич на участке

Лисянка — Мурзинды занять оборону, и в первую очередь противотанковую.

У Степина:

— армия Ротмистрова сегодня отразила атаки до 60 танков противника от Ерков в направлении Звенигородки. Разведкой установлено движение до 40 танков из Капустина на Ерки. Возможно, противник подтягивает на звенигородское направление танки с Лебединского направления.

Степин к утру 12 февраля 18-й танковый корпус передвигает в Михайловку (восточнее Звенигородки) и 29-й танковый корпус в район Княжье — Лозоватка.

Армия Смирнова (4-я гвардейская армия. — В.Д.) вела бой за Мирополье, Кошак, Глушки.

Для удобства управления с 12.00 12 февраля 180-я стрелковая дивизия Трофименко передается в состав 2-го Украинского фронта.

Приказал Степину 12.2.44 главными силами армий Коротеева (52-я армия. — В.Д.) и Смирнова удар нанести с востока на Стеблев и в тыл главной группировки окруженного противника, готовящейся для выхода навстречу наступающей танковой группе.

Вся ночная авиация фронтов действует в районе Стеблева.

Жуков».[394]

12 февраля ударами с внутренней стороны кольца противнику удалось потеснить советские войска и выйти в район Шендеровки. Возникла реальная угроза деблокады окруженных немецких войск.

В тот день Жуков заболел гриппом и с большой температурой слег в постель. Через некоторое время (Жуков пишет, что не знает, сколько проспал) позвонил Сталин. Он сказал, что звонил Конев и доложил: у Ватутина ночью прорвался противник из района Шендеровки в Килию и Новую Буду. Жуков ответил, что ничего не знает об этом. Сталин потребовал проверить.

Жуков немедленно связался с командующим 1-м Украинским фронтом Ватутиным. Действительно, противник пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и даже успел продвинуться на два-три километра, но был остановлен. Жуков вновь позвонил Верховному и доложил ему информацию, полученную от Ватутина. Но у Сталина уже созрели другие соображения. Он сказал, что Конев просит передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина. Жуков посчитал это нецелесообразным.

И. С. Конев, вспоминая об этом эпизоде, отмечал, что Георгий Константинович в «Воспоминаниях и размышлениях» осветил этот вопрос не совсем точно. «Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии еще и потому, — пишет Конев, — что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьезно усложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала ее силы… Каждый поймет, что в такой сложной обстановке напрашиваться самому на переподчинение войск, не зная досконально обстановки на участке соседа, вряд ли целесообразно. В действительности

394 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 110–111.

Сталин 12 февраля 1944 г. по ВЧ, возлагая на меня ответственность за ликвидацию окруженной группировки, сам настаивал на подчинении мне 27-й армии 1-го Украинского фронта. Я же, изложив свои мотивы, настойчиво отказывался от этого».[395]

После разговора с Коневым Сталин, недовольный прорывом противника, направил 12 февраля в 16 часов 45 минут Жукову весьма неприятную по содержанию директиву за № 220 021:

«Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблевка в направлении Шендеровки произошел потому, что:

во-первых, несмотря на мои личные указания, у Вас не было продуманного общего плана уничтожения корсуньской группировки немцев совместными усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов;

во-вторых, слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

в-третьих, не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь стеблевского выступа, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва.

Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачу координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам не известно о занятии противником Хилек и Ново-Буды; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк (кавалерийский корпус. — В.Д.) и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорывающегося на Шендеровку.

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить его корсуньскую группировку.

Требую от Вас, чтобы Вы уделили выполнению этой задачи главное внимание».[396]

Не прошло и трех часов, как последовала новая директива Ставки за № 220 022:

«Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом (Конев. — В.Д.) с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев…

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника…»[397]

---

395 Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 196.

396 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 41–42.

397 Там же. С. 42.

Получив директиву № 220 022, Ватутин позвонил Жукову, полагая, что Георгий Константинович является инициатором этого решения. Но ведь Жукову известно о том, что он, Ватутин, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. И ему непонятно: почему же сейчас его отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? *«Я не мог сказать Н.Ф.Ватутину* , — пишет Жуков, — *чье было это предложение, чтобы не сталкивать его с И.С.Коневым. Однако я считал, что в данном случае Н.Ф.Ватутин прав как командующий, заботясь о боевой, вполне заслуженной славе вверенных ему войск* ».[398] Поэтому Жуков ответил Ватутину, что это приказ Верховного, который следует безоговорочно выполнять. Ватутин обиженно отчеканил, что приказ будет выполнен.

Разрешая вопрос с Ватутиным, Жуков и сам себя чувствовал, наверное, не лучше Николая Федоровича. Ведь в последних двух директивах Сталина, как и в нескольких других предшествующих его приказах, просматривались не только недовольство (его и раньше Верховный не скрывал при всякой неудаче) действиями Георгия Константиновича, но и явное раздражение, граничившее с недоверием. Что было причиной этому? Возможно, действительно имели место какие-то интриги, проникавшие в Ставку извне. Возможно, отдельные и неизбежные на войне неудачи на подопечных Жукову фронтах таким образом повлияли на Верховного. А быть может, Сталин начал готовиться к перераспределению ролей в преддверии победного завершения войны… Не будем гадать, потому что любой ответ может оказаться лишь версией, слишком далекой от истины. Во всяком случае, Жуков в подобных ситуациях до выяснения отношений никогда не опускался, воспринимал все достойно и внешне спокойно, как и подобает солдату.

14 февраля войска 52-й армии 2-го Украинского фронта заняли Корсунь-Шевченковский. В ночь на 17 февраля противник предпринял отчаянную попытку прорыва из окружения в направлении Лисянки. Генерал-фельдмаршал Манштейн рассказывает об этом следующим образом: «По приказу командования группы армий оба окруженных корпуса (42-й и 11-й армейские корпуса. — В.Д.) должны были использовать для обеспечения выхода из окружения всю артиллерию и имеющиеся боеприпасы. Так как во время выхода из окружения войскам пришлось бы передвигаться по бездорожью и глубокой грязи, было приказано бросить орудия после того, как будут расстреляны все боеприпасы. Арьергарды с несколькими орудиями прикрывали выходящие из окружения войска от атак противника с севера, востока и юга… В 1 ч. 25 м. в ночь с 16 на 17 февраля пришло радостное известие о том, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3 тк (танковый корпус. — В.Д.) установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. 28 февраля мы узнали, что из котла вышло 30 ООО—32 ООО человек. Так как в нем находилось 6 дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков».[399]

Свидетельства Жукова с этой информацией расходятся: «Все утро 17

---

398 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 113.

399 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 628.

февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь нескольким танкам и бронетранспортерам с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки… Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки».[400]

И.С.Конев утверждал: «В течение всей этой схватки я несколько раз разговаривал с командирами 69-й, 7-й и 41-й дивизий, которые занимали позиции по берегу реки Горный Тикич на внешнем фронте окружения. Они докладывали, что ни один немецкий солдат не прошел через их позиции. Говорил и с командармами Смирновым, Трофименко, Ротмистровым, Галаниным, внимательно следил за их действиями, донесениями и докладами, и ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах».[401]

К.Типпельскирх в своей книге «История Второй мировой войны» об этих событиях писал следующее: «Когда к 15 февраля наступательная сила деблокирующих войск истощилась, окруженные корпуса получили приказ пробиваться в южном направлении, откуда навстречу им должен был наступать танковый корпус 1-й танковой армии. Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, так как продвижение последнего и без того медленное из-за плохого состояния фунта было остановлено противником… В конечном итоге эти бои вновь принесли тяжелые потери в живой силе и технике, что еще больше осложнило обстановку на слишком растянутых немецких фронтах».[402]

Очевидно, когда несколько мнений расходятся, истину нужно искать где-то посередине. В четвертом томе «Военной энциклопедии» (статья «Корсунь-Шевченковская операция») говорится, что около 20 тысяч человек, бросивших тяжелое вооружение и транспорт, просочились мелкими группами под покровом сильного снегопада. Задача надежной изоляции окруженной группировки и ее последующего уничтожения была решена лишь частично. Потери ее (вместе с потерями войск, действовавших на внешнем фронте окружения) достигли 70 тысяч человек.

В любом случае значение Корсунь-Шевченковской операции по окружению и уничтожению крупной группировки противника очень трудно переоценить. Она приковала к себе до половины всех танковых и более двух третей воздушных сил противника, действовавших на Правобережной Украине. Войска двух Украинских фронтов, разгромив значительные силы немецких войск, во многом облегчили своим соседям, действовавшим на левом фланге советско-германского фронта, проведение Никопольско-Криворожской операции.

---

400 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 114.

401 Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 210.

402 Типпельскирх К. История Второй мировой войны. С. 354–355.

18 февраля Москва салютовала войскам 2-го Украинского фронта. О 1-м Украинском фронте не было сказано ни слова. Жуков считал, что это была непростительная ошибка Сталина. Ведь известно, что окружение и уничтожение противника проводилось войсками обоих фронтов.

В тот день, когда в Москве был проведен салют, Ставка ВГК приказала командующему 1-м Украинским фронтом подготовить наступательную операцию, чтобы «разбить группировку немцев в районе Кременец, Староконстантинов, Тарнополь и овладеть рубежом Берестечко, Броды, Тарнополь, Проскуров, Хмельники». В дальнейшем требовалось, «прочно обеспечивая себя со стороны Львова, наступать в общем направлении на Чертков с целью отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр».[403] Начало наступления намечалось на 4–6 марта 1944 года, а план операции, получившей наименование Проскуровско-Черновицкой, необходимо было представить в Генштаб не позднее 25 февраля.

Все вопросы, связанные с проведением операции, Жуков в течение 18–20 февраля сначала проработал в Ставке и в Генштабе, а затем выехал на 1-й Украинский фронт. Вместе с Ватутиным уточнили детали плана на месте и уже 23 февраля соответствующий доклад направили Сталину. План операции 1-го Украинского фронта Верховный утвердил.

Одновременно с этим Георгий Константинович занимался подготовкой Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта. Доклад о плане этой операции Жуков и Конев представили в Ставку 26 февраля. В качестве главной была определена задача «разбить уманскую группировку немцев и овладеть рубежом Ладыжин, Гайворон, Ново-Украинка». На следующий день Сталин план утвердил, но внес в него поправку: 6-ю танковую армию на Ново-Украинку не направлять, а использовать ее для развития удара на правом фланге главной группировки противника в общем направлении на Харитоновку.

После этого Жуков снова выехал в штаб 1-го Украинского фронта. Ватутин доложил ему, что решил съездить в 60-ю и 13-ю армии, чтобы проверить, как решаются вопросы взаимодействия с авиацией и будет ли готово материально-техническое обеспечение к началу Проскуровско-Черновицкой операции. Георгий Константинович посоветовал ему послать своих заместителей, но Николай Федорович настоял на своем. А 29 февраля Жукову позвонили с полевого аэродрома и доложили, что привезли тяжелораненого командующего фронтом.

В тот злополучный день Ватутин вместе с членом военного совета фронта генерал-майором Крайнюковым выехал в Ровно, где находился штаб 13-й армии, а оттуда направился в 60-ю армию, штаб которой располагался в Славуте. О происшедшем Крайнюков докладывал так: «В 18.50 при въезде в северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов. При перестрелке тов. Ватутин был ранен. Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты. Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга Тринадцатой армии ранение относится к категории тяжелых, требующих лечения минимум два месяца». Однако врачам не удалось спасти Ватутина. В ночь на 15 апреля он скончался.

403 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 47.

Жуков, получив известие о ранении Н.Ф.Ватутина, командование фронтом принял на себя. 1 марта Ставка назначила Жукова командующим 1-м Украинским фронтом, взяв на себя управление 2-м Украинским фронтом.

4 марта 1944 года войска 1-го Украинского фронта приступили к проведению Проскуровско-Черновицкой наступательной операции. Вначале наступление развивалось успешно, однако распутица серьезно осложнила продвижение транспортных средств: отставала артиллерия, в грязи увязали танки. Бойцов и командиров выручал гужевой транспорт, на помощь приходили и местные жители, которые на своих плечах несли мины, снаряды, коробки с патронами. 9 марта 3-я гвардейская и 4-я танковая армии, преодолев в невероятно сложных условиях 70–80 километров, вышли к Тернополю. К этому времени танки израсходовали весь запас горючего и были вынуждены остановиться. Войска 1-й гвардейской армии сумели продвинуться всего на 24 километра.

Несмотря на низкие темпы наступления, выход танковых армий к Тернополю создал угрозу железнодорожной магистрали Львов — Одесса, которая являлась основной коммуникационной линией немецких войск на Украине. Командующий группой армий «Юг» Манштейн, стремясь не допустить захвата советскими войсками железной дороги, выдвинул на рубеж Тернополь — Проскуров девять танковых и пять пехотных дивизий. 7 марта эта группировка противника перешла в контрнаступление. В развернувшихся боях с обеих сторон участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. По словам Жукова, «здесь завязалось ожесточеннейшее сражение, такое, которое мы не видели со времен Курской дуги».

В это время войска 2-го Украинского фронта, перейдя 5 марта в наступление, сумели к исходу дня завершить прорыв обороны противника. Командующий фронтом Конев сразу же ввел в сражение 2-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии. На пятый день Уманско-Ботошанской операции войска фронта овладели Уманью, передовыми отрядами вышли к реке Южный Буг и с ходу форсировали ее на 100-километровом участке. Здесь же приступила к боевым действиям и 6-я танковая армия.

Жуков, отражая контрудар противника в районе Тернополя и Проскурова, внес коррективы в план дальнейших действий войск 1-го Украинского фронта. 10 марта начальник штаба фронта генерал-лейтенант А.Н.Боголюбов направил Сталину доклад о плане наступательной операции на черновицком и львовском направлениях:

«1. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тернополем, Проскуровом, считаю возможным после пяти-шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр.

2. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гв. и 60-й армий (23 сд), усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, нанести из района Тернополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольский.

Вспомогательный удар силами 18 и 38 А (19 сд) нанести с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский».[404]

404 Там же. С. 278.

Переход в наступление намечался на 20 марта, а всю операцию предполагалось провести в тесном взаимодействии со 2-м Украинским фронтом, «главный удар которого желательно направить на Сороки, и часть сил — на Могилев-Подольский».

Сталин, рассмотрев план Жукова, внес в него изменения и добавления, которые были оформлены директивой Ставки ВГК:

«1. Изменить направление наступления 18-й и 38-й армий, подняв их к северо-западу и нацелив на Каменец-Подольский…

2. Не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновцы с целью занятия этого пункта и выхода на нашу государственную границу.

3. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг, т. е. на нашу государственную границу, для чего перегруппировку произвести таким образом, чтобы усилить правое крыло фронта…»[405]

Одновременно Сталин приказал командующему 2-м Украинским фронтом Коневу форсировать Днестр, выйти на реку Прут — границу с Румынией. Причем главную группировку фронта, как и просил Жуков, требовалось вывести в район Могилев-Подольский, — Ямполь.[406]

Тяжелые бои в районе Тернополя и Проскурова истощили главные силы 1-го Украинского фронта, которые 12 марта были вынуждены перейти к обороне. Необходимо было подтянуть отставшие резервы и тылы и подготовить новый удар по противнику. Тем временем войска 2-го Украинского фронта, захватив плацдармы на правом берегу Днестра южнее Могилев-Подольского, начали освобождение Молдавии. Ударная группировка фронта рассекла войска группы армий «Юг», отрезав ее левофланговую 8-ю армию от 1 — й танковой армии.

Утром 21 марта войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление. Его 60-я и 1-я гвардейская армии, 1, 4 и 3-я гвардейская танковые армии нанесли главный удар на юг, а 18-я и 38-я армии — на юго-запад и запад. Это положило начало одному из крупнейших в истории Великой Отечественной войны маневру на окружение, блестяще организованному Жуковым. Войска 1 — й танковой армии генерала М.Е.Катукова прорвались на глубину 150 километров.

24 марта они с ходу форсировали Днестр и через пять дней, преодолев Прут, овладели городом Черновцы. 4-я танковая армия генерала Д.Д.Лелюшенко заняла 26 марта Каменец-Подольский. 3-я гвардейская танковая армия генерала П.С.Рыбалко, действуя совместно с 1-й гвардейской армией генерала А.А.Гречко, вышла к городу с севера. В результате до 18 дивизий противника оказались в котле.

26 марта газета «Красная Звезда» напечатала передовицу «Славные победы войск 1-го Украинского фронта». В ней говорилось: «За последние дни войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Жукова одержали ряд новых выдающихся побед над врагом. Они прорвали оборону немцев на участке Тернополь — Проскуров и вышли к Днестру… Не рискуя впасть в преувеличение, можно смело заявить, что

---

405 Там же. С. 59.

406 Там же. С. 57–58.

по старым, шаблонным меркам наступающие взялись здесь за решение непосильной задачи. Все — от сил, которыми располагал противник, до условий местности и погоды, — все затрудняло наступление и благоприятствовало обороне…

Искусство советских командиров, стойкость советских бойцов еще раз опрокинули планы немцев. Измотав в ожесточенных боях контратакующие танковые и пехотные дивизии врага, наши войска внезапно для немцев сами перешли в наступление и богатырскими ударами разорвали в клочья вражеский фронт. Но движение наших войск при всей его стремительности не было огульным движением только вперед, по прямой. Одна из значительных особенностей этих наступательных операций 1-го Украинского фронта состоит в том, что, овладевая территорией, разрубая фронт врага, они вместе с тем последовательно, методично уничтожали его живую силу и технику…

Победы войск 1-го Украинского фронта — это победы нашей доблести и мастерства… Грозные раскаты битв, развернувшихся на просторах юга… звучат над всем миром, ввергая в трепет немецко-фашистских захватчиков и их вассалов. В Лондоне считают, передает лондонское радио, что события на Украине являются катастрофой для нацистской Германии».

Однако почивать на лаврах было еще рано: фронт окружения, и это Жуков прекрасно сознавал, был непрочным. Его войска к этому времени понесли большие потери. Например, в 3-й гвардейской танковой армии оставалось всего 30 процентов первоначального количества боевых машин. Кроме того, между 1-й гвардейской и действовавшей правее 4-й танковой армиями образовался разрыв шириной около 30 километров, для прикрытия которого фронт не имел сил.

Командующий немецкой 1-й танковой армией генерал-полковник Хубе, сосредоточив к концу марта главные силы севернее Каменец-Подольского, предпринял дерзкий прорыв на северо-западном направлении. Сначала Хубе предлагал командующему группой армий «Юг» осуществить прорыв 1-й танковой армией на юг, за Днестр. Однако Манштейн настоял на западном направлении, считая, что «прорыв на запад увенчается успехом, так как обе вражеские танковые армии, видимо, распылят свои силы в направлении переправ через Днестр».[407] Для этого в районе Львова предусматривалось сосредоточить 1-ю и 4-ю танковые армии, чтобы встречным ударом нанести поражение советским войскам и предотвратить их прорыв в Галицию и Южную Польшу. Гитлер первоначально отрицательно отнесся к плану Манштейна и только после ожесточенного спора утвердил его, выделив для деблокирующего удара 2-й танковый корпус СС и две пехотные дивизии. Однако Гитлер, видно, не простил Манштейну его неуступчивость. «Вечером у фюрера, — записал 30 марта в своем дневнике Манштейн. — После вручения мечей (дополнительная награда к ордену „Рыцарский крест“. — В.Д.) он заявил мне, что решил передать командование группой армий другому генералу (Моделю). На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых я особенно подходил. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем и новым девизом. Отсюда — смена

407 Манштейн Э. Утерянные победы. С. 658.

командования группой армий, наименование которой он также намеревается изменить».[408] Одновременно с должности был снят и уволен в запас командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Клейст, которого сменил генерал Ф. Шернер.

Нанесение противником деблокирующего удара прогнозировалось Жуковым. «Мы имели тогда основательные данные, — отмечал Георгий Константинович после войны, — полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залешиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным».[409] Однако разведка фронта не сумела своевременно вскрыть детали подготовки операции немецкого командования. 4 апреля неприятель, сосредоточив усилия пяти дивизий на двух участках, где в 40-километровой полосе оборонялись только две ослабленные в предыдущих боях советские дивизии, перешел в наступление. В течение двух дней деблокирующая группа продвинулась на 40 с лишним километров, отбросив советские дивизии за Днестр. Окруженные войска нанесли встречный удар и 7 апреля соединились с деблокирующей группой в районе населенного пункта Бучач. На пути войск, пробивавшихся из окружения, оказалась 4-я танковая армия генерала Д.Д.Лелюшенко. Несколько раз противник врывался в местечко, где находился штаб армии. Дело доходило до рукопашной, в которой схватывались с противником офицеры штаба. Самому Лелюшенко пришлось даже прерывать доклад по радио Жукову, чтобы отбиваться от наседавших немцев. Георгий Константинович успел передать боевому генералу напутствие: «Иди, руководи отражением атаки, надеюсь, что в плен не попадешь, а потом доложишь».

Э. фон Манштейн в своих мемуарах отмечал, что к 9 апреля 1-я танковая армия была освобождена, не указав при этом, какой ценой обошелся прорыв на запад. По оценке Жукова, окруженная группировка понесла огромные потери, от некоторых соединений остались только штабы. «Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, — отмечал он, — ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, все же вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше».[410]

Немецкому командованию в результате прорыва 1-й танковой армии из окружения удалось уплотнить свои войска на львовском направлении. В результате войска 1-го Украинского фронта не смогли прорваться к Львову, как того требовал Сталин, так как ни фронт, ни Ставка не имели в своем распоряжении необходимых резервов. К тому же часть резервных сил фронта (танковый корпус, кавалерийская дивизия и ряд других соединений) была задействована в борьбе с отрядами украинских националистов. 17 апреля войска Жукова перешли к обороне.

Соединения и части 2-го Украинского фронта, проводившего Уманско-Ботошанскую операцию, 21 марта в полосе шириной 200 километров вышли к Днестру, с ходу форсировали реку и овладели плацдармом юго-восточнее Могилев-Подольского. Эти действия создали

---

408 Там же. С. 661.

409 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 120.

410 Там же. С. 120–121.

реальную угрозу как для 1-й танковой армии противника, так и для группы армий «А», остановившей войска 3-го Украинского фронта генерала Р. Я. Малиновского на реке Южный Буг. Сталин, ошибочно полагая, что для окружения 1-й танковой армии вполне хватит сил 1-го Украинского фронта, приказал 2-му Украинскому фронту оказать содействие войскам Малиновского. В соответствии с директивой Ставки ВГ'К от 22 марта армиям Конева предстояло наступать вдоль обоих берегов Днестра к Черному морю, не допустить отхода группы армий «А» за Днестр и вместе с 3-м Украинским фронтом окружить и разгромить противника. Войска правого крыла 2-го Украинского фронта должны были овладеть Кишиневом и выйти на реку Прут.[411]

Выйдя 25 марта на Прут, передовые отряды 27-й и 52-й армий на следующий день уже занимали 85-километровый участок вдоль советско-румынской границы. В ночь на 28 марта войска 2-го Украинского фронта форсировали Прут и заняли ближние подступы к Яссам и Кишиневу, где встретили ожесточенное сопротивление противника. Главным итогом Уманско-Ботошанской операции, завершившейся 7 апреля, явилось освобождение значительной части территории Правобережной Украины и Молдавии, вступление советских войск на территорию Румынии.

Несмотря на то, что войскам 1-го Украинского фронта не удалось полностью выполнить поставленные задачи, разработанная и осуществленная Жуковым Проскуровско-Черновицкая операция ознаменовалась существенными результатами: была освобождена значительная часть территории Правобережной Украины, нанесено поражение 1-й и 4-й танковым армиям противника. Советские войска вышли к предгорьям Карпат, разрезав стратегический фронт южной группировки противника на две части. Английский военный теоретик Б. Лиддел Гарт, оценивая действия Г.К.Жукова, отмечал: «… Левое крыло войск Жукова нанесло новый удар в южном направлении на Тарнополь (с 1944-го года — Тернополь. — В.Д.). Этот удар, хорошо рассчитанный по времени, был нанесен сразу же после отражения контратак немцев у Тарнополя. Организовав оборону, русские отбили контратаку и двинулись следом за отходившим противником. Удар имел целью соединиться с наступающими войсками Конева. После быстрого продвижения к Днестру войска Конева повернули на юг вдоль восточного берега реки, охватывая фланг противника и прижимая его к правому крылу войск Конева. Этот комбинированный удар не только обеспечивал безопасность флангов наступающих войск, но и открывал хорошие перспективы для развития успеха».[412]

Заслуги Жукова в боях за Днепр и Украину получили высокую оценку. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1944 года он был награжден орденом Победы № 1 — за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецких войск.

22 апреля Жуков прибыл в Москву, где до 28 апреля работал в Ставке ВГК и Генеральном штабе над планами летне-осенней кампании 1944

---

411 См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 60–61.

412 Лиддел Гарт Б. В. Вторая мировая война. С. 607–608.

года и Белорусской стратегической наступательной операции. Несмотря на успехи, достигнутые Красной Армией в зимне-весенней кампании, Георгий Константинович считал, что немецкое командование еще имеет все необходимое для упорной обороны на советско-германском фронте. Что же касается «стратегического искусства их Верховного командования и командования группами армий», то «оно после катастрофы в районе Сталинграда, и особенно после битвы под Курском, резко понизилось».

«В отличие от первого периода войны, — отмечал Жуков, — немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишенным изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оценок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения немецкое командование очень часто опаздывало, ставя этим свои войска в безвыходное положение ».[413]

Апрельским вечером на совещании у Сталина собрались Жуков, Антонов, командующий бронетанковыми войсками генерал Я.Н.Федоренко, командующий авиацией генерал А.А.Новиков, заместитель председателя СНК В.А.Малышев. После краткого доклада Антонова о положении на фронтах, сообщений Новикова и Федоренко о состоянии авиации и бронетанковых войск выступил Жуков. Он обратил внимание Сталина на группировку немецких войск в Белоруссии, с разгромом которой должна была рухнуть устойчивость обороны противника на всем его восточном направлении.

Позвонив во время совещания Василевскому, Сталин сообщил полученную от него информацию: что через восемь — десять дней будет покончено с крымской группировкой противника. В связи с этим, может быть, целесообразно летние операции начать 1-му Украинскому фронту, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы немцев с центрального направления. Антонов не согласился: лучше начать с севера, а затем провести операцию против группы армий «Центр». Такого же мнения придерживался и Жуков. В конечном счете ему вместе с Антоновым и было поручено разработать проект плана на летний период, который через несколько дней был представлен Сталину.

После обсуждения плана на предстоящий период основные задачи Красной Армии были сформулированы в первомайском приказе Верховного главнокомандующего. Их суть состояла в том, чтобы завершить изгнание оккупантов с советской территории, восстановить государственную границу СССР на всем протяжении, вывести из войны на стороне Германии европейских союзников и освободить из немецкой неволи поляков, чехов, словаков и другие народы Западной Европы.[414] В ходе летне-осенней кампании предстояло подготовить и последовательно провести серию стратегических наступательных операций на огромном пространстве от Заполярья до Черного моря. На первом этапе кампании (июнь — август) планировалось нанести три мощных удара и поочередно разгромить крупные группировки противника: вначале на Карельском перешейке и в Южной Карелии, затем на центральном участке фронта, в Белоруссии, и после этого — в западных областях Украины на львовско-

---

413 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 122.

414 См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145–146.

сандомирском направлении. На втором этапе наступательных действий (сентябрь — ноябрь) предусматривалось проведение операций на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

15 мая Сталин принял решение об изменениях в руководстве фронтами. Директивой Ставки предписывалось «с целью дать возможность маршалу Жукову руководить в будущем действиями нескольких фронтов освободить его от временного командования 1-м Украинским фронтом». Командующим этим фронтом по предложению Жукова был назначен И.С.Конев. Войска 2-го Украинского фронта возглавил генерал армии Р.Я.Малиновский, а 3-го Украинского — генерал армии Ф.И.Толбухин.[415]

Естественно, к летне-осенней кампании 1944 года готовилось и немецкое командование. Но оно при оценке возможных действий советских войск допустило серьезный просчет, полагая, что основные события развернутся не на центральном, а на юго-западном направлении. Этим промахом умело воспользовалось советское руководство.

В планах Ставки ВГК приоритет в будущей кампании отдавался центральному участку советско-германского фронта.

Освобождение Белоруссии было возможно только при условии уничтожения такой крупной группировки противника, как группа армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Э.Буш, с 28 июня — генерал-фельдмаршал В.Модель), которая вместе с правофланговыми соединениями 16-й армии группы армий «Север» и левофланговыми частями 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» насчитывала 1,2 миллиона человек, 9,5 тысячи орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Их поддерживали около 1350 самолетов 6-го и части сил 1-го и 4-го воздушных флотов.[416] Главные силы были сосредоточены в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Ковеля, на наиболее доступных для наступления направлениях. Заранее подготовленная эшелонированная оборона глубиной до 250–270 километров должна была способствовать выполнению основной задачи — прочно удерживать белорусский выступ, или, как его называл противник, «балкон», по которому проходили кратчайшие пути к границам Германии. Однако немецкое командование, введенное в заблуждение и не ожидавшее главного удара советских войск в Белоруссии, не имело здесь достаточных резервов, к тому же часть их была скована действиями партизан.

20 мая генерал Антонов представил Сталину план, предусматривавший одновременный прорыв обороны противника на шести участках, расчленение и разгром его войск по частям. Особое значение придавалось ликвидации наиболее мощных фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, стремительному продвижению на Минск, окружению и уничтожению основных сил врага восточнее Минска на глубине 200–300 километров. Советским войскам предстояло, наращивая удары и расширяя фронт наступления, неотступно преследовать противника, не позволяя ему закрепиться на промежуточных рубежах. В результате успешного выполнения плана

---

415 См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943–1945. Т. 16 (5–4). С. 86.

416 См.: История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 41, 47.

операции, получившей название «Багратион», предполагалось освободить всю Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь фронт противника, создать выгодные условия для ударов по нему в Прибалтике.

К операции привлекались 1-й Прибалтийский (генерал армии И.Х.Баграмян), 3-й Белорусский (генерал-полковник, с 26 июня — генерал армии И.Д.Черняховский), 2-й Белорусский (генерал-полковник, с 28 июля — генерал армии Г.Ф.Захаров), 1-й Белорусский (генерал армии, с 29 июня — Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский) фронты и Днепровская военная флотилия (капитан 1-го ранга В.В.Григорьев). Общая численность войск составляла более 2,4 миллиона человек, на их вооружении было 36 тысяч орудий и минометов, 5200 танков и САУ. Операцию «Багратион» поддерживали 5300 самолетов 1-й (генерал-полковник авиации Т.Т.Хрюкин), 3-й (генерал-полковник авиации Н.Ф.Папивин), 4-й (генерал-полковник авиации К.А.Вершинин), 6-й (генерал-полковник авиации Ф.П.Полынин) и 16-й (генерал-полковник авиации С.И.Руденко) воздушных армий. К ее проведению привлекалась также авиация дальнего действия (маршал, с 19 августа — главный маршал авиации А.Е.Голованов) — 1007 самолетов и авиация войск ПВО страны — 500 истребителей.[417] С войсками тесно взаимодействовали партизанские отряды и соединения.

30 мая И.В.Сталин окончательно утвердил план операции «Багратион», которую решено было начать 19–20 июня. На Жукова была возложена координация действий войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов, на Василевского — 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Таким образом, была создана единая стратегическая группировка, при этом полномочия Жукова и Василевского были расширены: они получили право непосредственно руководить боевыми действиями фронтов.

В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, Василевский и Антонов отработали в Ставке частные директивы и указания фронтам белорусского направления, конкретные задачи на первый этап ее проведения. Маршал Советского Союза А.М.Василевский, оценивая план операции «Багратион», писал: «Он был прост и в то же время смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в его основу было положено решение использовать выгодную для нас конфигурацию советско-германского фронта на белорусском театре военных действий, причем мы заведомо знали, что эти фланговые направления являются наиболее опасными для врага, следовательно, и наиболее защищенными. Смелость замысла вытекала из стремления, не боясь контрпланов противника, нанести решающий для всей летней кампании удар в одном стратегическом направлении. О грандиозности замысла свидетельствует его исключительно важное военнополитическое значение для дальнейшего хода Второй мировой войны, невиданный размах, а также количество одновременно или последовательно предусмотренных планом и, казалось бы, самостоятельных, но вместе с тем тесно связанных между собой фронтовых операций, направленных к достижению общих военно-стратегических задач и политических целей».[418]

---

417 См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. М., 1999. С. 58.

418 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 395.

5 июня в 8 часов утра Жуков прибыл на временный командный пункт 1-го Белорусского фронта в деревню Дуревичи и без промедления приступил к обсуждению с командующим фронтом Рокоссовским вопросов, связанных с подготовкой операции. Георгий Константинович до войны служил в Белоруссии, хорошо изучил ее, а потому со знанием дела давал советы. Затем было проведено совещание с участием командующих армиями, авиацией, бронетанковыми и механизированными войсками, артиллерией фронта, в ходе которого была тщательно обсуждена обстановка на правом крыле фронта, где намечалось нанести главный удар, и приняты меры по организации детального планирования предстоящей операции. Особое внимание Жуков обратил на подготовку войск, штабов и тылового обеспечения к началу наступления, на тщательную разведку обороны противника на всю ее тактическую глубину.

Решив все вопросы в штабе фронта, Жуков и Рокоссовский отправились в район Рогачева и Жлобина, в расположение 3-й и 48-й армий, а затем в 65-ю армию, где детально изучили местность и оборону противника. Здесь предстояло нанести главный удар в направлении на Бобруйск — Слуцк — Барановичи, а частью сил — через Осиповичи и Пуховичи на Минск.

8 июня Жуков направился на 2-й Белорусский фронт, чтобы обсудить действия 49-й армии, призванной наносить вспомогательный удар на могилевско-минском направлении. 33-й и 50-й армиям надлежало вести сковывающие противника действия и перейти в наступление позже. Ответственным за подготовку операции 2-м Белорусским фронтом был назначен представитель Генерального штаба генерал С.М.Штеменко.

Большое внимание при подготовке операции «Багратион» Ставка уделяла достижению внезапности. Для дезинформации противника фронтам было приказано создать не менее трех оборонительных рубежей на глубине до 40 километров. Населенные пункты приспосабливались к круговой обороне. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы по оборонительной тематике. В результате внимание противника в значительной степени было отвлечено от готовившегося наступления. В войсках строго соблюдался режим радиомолчания, а к разработке плана операции привлекался узкий круг лиц. В полном объеме ее план знали только шесть человек: Верховный главнокомандующий, его заместитель, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Перегруппировка войск проводилась с соблюдением всех мер маскировки. Все передвижения осуществлялись только в ночное время и небольшими группами.

Для формирования у немецкого командования впечатления, что главный удар будет нанесен летом на юге, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского фронта, севернее Кишинева, была создана ложная группировка в составе девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. В этом районе устанавливались макеты танков и орудий зенитной артиллерии, а в воздухе патрулировали истребители.

В итоге немецкому командованию не удалось ни вскрыть замысел советского Верховного главнокомандования, ни масштаб предстоящего наступления, ни направление главного удара. Поэтому Гитлер из 34 танковых и механизированных дивизий 24 дивизии держал южнее

Полесья.[419]

14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел занятия по розыгрышу предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях, на которых присутствовали Жуков и группа генералов от Ставки ВГК. К розыгрышу были привлечены командиры корпусов, командиры дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий. В ходе занятий были детально отработаны задачи стрелковых и танковых соединений, планы артиллерийского наступления и взаимодействия с авиацией. Основное внимание, по воспоминаниям Жукова, сосредоточивалось на тщательном изучении особенностей характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника и способов быстрейшего выхода на дорогу Слуцк — Бобруйск. Отсюда, с выходом к Бобруйску и захватом его, имелась возможность закрыть пути отхода жлобин-бобруйской группировке неприятеля. В последующие трое суток такие же занятия были проведены в других армиях.

22 июня оба фронта, 1-й и 2-й Белорусский, провели разведку боем. В результате удалось уточнить расположение огневой системы противника непосредственно на его переднем крае и расположение некоторых батарей, которые раньше не были известны.

Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» началась 23 июня. После более чем двухчасовой артиллерийской подготовки, которую довершили налет штурмовиков и залпы «катюш», в атаку пошла пехота. Впервые в Великой Отечественной войне она шла за двойным огневым валом глубиной в 1,5–2 километра. Противник, несмотря на ураганный огонь советской артиллерии, быстро пришел в себя, так как не все огневые точки были подавлены. Войска 6-й гвардейской и 43-й армий 1-го Прибалтийского фронта, преодолевая упорное сопротивление врага, в ночь на 24 июня вышли к Западной Двине, с ходу форсировали реку и захватили несколько плацдармов на ее левом берегу. Успех сопутствовал также 30-й и 5-й армиям 3-го Белорусского фронта, которые на рассвете 25 июня заняли Богушевск — важный узел сопротивления немецких войск. На оршанском направлении, где наступали 11-я гвардейская и 31-я армии, прорвать вражескую оборону не удалось.

Соединения 2-го Белорусского фронта сумели в первый день взломать оборону противника, форсировать реку Проня, а в последующем, преодолев реку Веста, продвинуться на 30 километров. На рогачевско-бобруйском направлении, где наступала 3-я армия 1-го Белорусского фронта, противник оказал яростное сопротивление. В результате войска армии сумели овладеть только первой и второй траншеями вражеской обороны. «В этой обстановке, — вспоминал маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, — командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вел себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твердая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития

419 См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. С. 47.

событий. Г.К.Жуков тоже ничем не выдал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рощице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа — в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно вел себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать».

А южнее, в том заболоченном лесистом районе, где наступала 65-я армия генерала П.И.Батова, обозначился успех. На фоне происходившего в полосе армии Горбатова донесение командующего 65-й армией представлялось Жукову неправдоподобным. Во второй половине дня, когда наблюдательный пункт 65-й армии уже свертывался, чтобы перейти вперед, Батова срочно позвали к телеграфному аппарату. Вот как Павел Иванович Батов описывает, что происходило дальше: «„Лично доложите действительную обстановку перед фронтом армии. Жуков“, — читала телеграфистка. Ответ: „Корпус Иванова прорвал оборону противника на фронте восемь километров. К 12.00 войска углубились на двенадцать километров. Корпус Панова введен. Ускоренный вариант первого дня наступления выполнен раньше намеченного срока“. Снова читаю на ленте: „Этого не может быть. У Романенко и Горбатова пройдено всего два километра. Доложите точное расположение войск“. Ответ: „Стрелковые дивизии корпуса Иванова вышли на рубеж Городец — Протасы. Танковый корпус ведет бой впереди в районе Брожа. Переношу свой командный пункт в Гомзу“. Аппарат молчал. Наконец отстукал короткую фразу: „Приеду смотреть сам“».[420]

В 15 часов на наблюдательный пункт в Гомзу приехали Жуков, Рокоссовский, Новиков. Только проскочили их машины, как артиллерия противника из Паричей накрыла участок дороги. Несмотря на это, Георгий Константинович потребовал от командующего армией доклада. Жуков убедился, что войска Батова шли с юго-востока в обход Бобруйска, а вот Горбатов пока так и не мог выйти туда же с северо-востока. Следовательно, план окружения противника у Бобруйска все еще не выполнялся.

Незначительный успех имели и войска 48-й армии. *«При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления,* — признавал впоследствии Жуков. — *В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва против южного участка. К тому же армии не имели достаточных средств прорыва. Будучи представителем Ставки, я вовремя не поправил командование фронта»* .[421] Жуков помнил, что генерал Горбатов предлагал нанести удар 9-м танковым корпусом Б. С. Бахарова несколько севернее — из лесисто-болотистого района, где, по его данным, у немцев была очень слабая оборона. При разработке плана действий предложение Горбатова не было принято во внимание, и теперь пришлось исправлять ошибку. Жуков разрешил нанести удар в месте, которое раньше присмотрел командующий 3-й армией. Это позволило опрокинуть противника и стремительно продвинуться к Бобруйску, отрезая немецким

420 Батов П.И. В походах и боях. М., 2000. С. 395.

421 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 141.

войскам единственный путь отхода через реку Березину.

Для развития успеха операции в сражение были введены подвижные группы: 1-й танковый корпус генерала В.В.Буткова — на 1-м Прибалтийском фронте, конно-механизированная группа генерала Н.С.Осликовского, а затем и 5-я гвардейская танковая армия маршала П.А.Ротмистрова — на 3-м Белорусском, конно-механизированная группа генерала И.А.Плиева — на 1-м Белорусском фронте. Утром

25 июня войска 43-й армии генерала А.П.Белобородова (1-й Прибалтийский фронт) и 39-й армии генерала И.И.Людникова (3-й Белорусский фронт) соединились в районе Гнездиловичей. В результате под Витебском в окружении оказались пять пехотных дивизий немецкой 3-й танковой армии общей численностью 35 тысяч человек.[422] Советские войска отразили все попытки противника осуществить прорыв из кольца окружения и 27 июня завершили его разгром. 26 июня штурмом был взят Витебск, на следующий день — Орша.

Не менее успешно развивалось наступление и на 1-м Белорусском фронте. Его войска 27 июня окружили юго-восточнее Бобруйска около шести дивизий 35-го армейского и 41-го танкового корпусов 9-й армии. К 17 часам воздушная разведка доложила, что враг готовится к прорыву из окружения. Представители Ставки ВГК Жуков и Новиков решили привлечь для уничтожения окруженных войск 16-ю воздушную армию генерала С.И.Руденко. В течение полутора часов 400 бомбардировщиков под прикрытием 126 истребителей наносили массированный удар по врагу. Окруженная группировка была полностью деморализована, до 6 тысяч солдат и офицеров во главе с командиром 35-го армейского корпуса генералом К. Лютцовом сдались в плен.[423]

29 июня Бобруйск был освобожден. А тремя днями раньше войска 2-го Белорусского фронта при активной поддержке соединений 4-й воздушной армии генерала К.А.Вершинина освободили Могилев.

В результате первых шести дней наступления советских войск группа армий «Центр» оказалась на грани катастрофы. Ее оборона была прорвана на всех направлениях 520-километрового фронта. К исходу 28 июня соединения 1-го и 3-го Белорусских фронтов обошли оба фланга группы армий, создав условия для нанесения концентрических ударов в направлении Минска с целью окружения немецкой 4-й армии.

Жуков, анализируя данные обстановки, ждал, что же предпримет немецкое командование. «Мы, откровенно говоря, несколько удивлялись их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход, — отмечал он позднее. — Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска».[424]

Получив сведения об успешном наступлении советских войск в Белоруссии, Гитлер снял с должности командующего группой армий

---

422 См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 63.

423 Там же. С. 64.

424 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 143.

«Центр» генерал-фельдмаршала Э.Буша.

Новым командующим стал генерал-фельдмаршал В.Модель, который организовал оборону восточнее Минска. Сюда из групп армий «Север» и «Северная Украина» перебрасывались охранные и специальные части.

После обсуждения с Жуковым и Василевским сложившейся обстановки, Сталин направил 28–29 июня частные директивы фронтам с уточнением задач по развитию наступления. 1-му и 3-му Белорусским фронтам предстояло двусторонним обходным маневром стремительно выйти к Минску и освободить его. Войска 1-го Прибалтийского фронта получили задачу преследовать врага в северо-западном и западном направлениях, овладеть Полоцком и обеспечить действия войск, осуществлявших под Минском окружение немецкой 4-й армии. На 2-й Белорусский фронт возлагалась задача по фронтальному преследованию противника, чтобы сковать его в центре белорусского выступа.

Сил на то, чтобы сдержать продвижение советских войск, у генерал-фельдмаршала В.Моделя явно не хватало. Советские танковые части и соединения, обходя узлы сопротивления, проходили до 50 километров в день, а среднесуточный темп продвижения общевойсковых соединений составлял 20 километров. Большую помощь наступавшим войскам оказывали белорусские партизаны, разрушавшие коммуникации врага, наносившие ему удары с тыла. 3 июля столица Белоруссии была освобождена. Восточнее Минска в окружение попала 100-тысячная группировка противника. К 11 июля она была уничтожена, в плен сдались около 35 тысяч солдат и офицеров.[425] Генерал К.Типпельскирх, вступивший 25 июня в командование 4-й армией, впоследствии отмечал: «…Результат длившегося теперь уже 10 дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены. Лишь немногие соединения, оборонявшиеся на южном фланге 2-й армии, оставались еще полноценными, избежавшие же уничтожения остатки практически полностью утратили свою боеспособность».[426]

Немецкое командование, стремясь стабилизировать свой фронт на востоке, произвело крупные перегруппировки войск и перебросило в Белоруссию 46 дивизий и четыре бригады из Германии, Польши, Венгрии, Норвегии, Италии и Нидерландов, а также с других участков фронта.[427]

7 июля Жуков по указанию Ставки прибыл в Москву. На даче Сталина, куда Жуков приехал вместе с Антоновым, были также Молотов и другие члены ГКО. Обсуждался вопрос о возможностях Германии вести войну на два фронта — против СССР и экспедиционных сил союзников, высадившихся 6 июня на северо-западе Франции. Сталин спросил Жукова, могут ли советские войска начать освобождение Польши и безостановочно дойти до Вислы и на каком участке можно будет ввести в дело 1-ю польскую армию. Жуков считал, что советские войска не только могут дойти до Вислы, но и должны захватить плацдармы за ней, чтобы обеспечить дальнейшее наступление на берлинском направлении. Что

425 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 69.

426 Типпельскирх. К. История Второй мировой войны. С. 447.

427 См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Вып. 4. С. 90–92, 106–110, 126–128.

касается польской армии, то ее надо нацелить на Варшаву. Жукова поддержал Антонов. Георгию Константиновичу было поручено взять на себя координацию действий и 1-го Украинского фронта, обратив внимание на его взаимодействие с 1-м Белорусским фронтом.

Перед группой фронтов Василевского была поставлена задача отсечь немецкую группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию. Жуков, считая, что в Восточной Пруссии враг окажет особенно ожесточенное сопротивление, предложил сначала освободить Львовскую область и восточную часть Польши.

Тем временем войска 1-го Украинского фронта готовились к проведению Львовско-Сандомирской стратегической наступательной операции. Цель ее состояла в том, чтобы окружить и уничтожить львовско-бродскую группировку противника, взять Львов, рассечь группу армий «Северная Украина», одну ее часть отбросить в район Полесья, другую — к Карпатам и главными силами 1-го Украинского фронта выйти на рубеж реки Висла.

Свой командный пункт на 1-м Украинском фронте Георгий Константинович развернул 11 июля в районе Луцка.

Утром 13 июля на рава-русском направлении перешли в атаку передовые части 3-й гвардейской и 13-й армий. Они прорвали главную полосу обороны противника и продвинулись на глубину 8–12 километров. Вслед за ними вступили в сражение главные силы, продвинувшиеся к исходу 15 июля на глубину 25–30 километров на фронте до 60 километров. Затем в прорыв были введены конно-механизированная группа генерала В.К.Баранова и 1-я гвардейская танковая армия генерала М.Е.Катукова, соединения которой 18 июля форсировали реку Западный Буг южнее Сокаля. Группа Баранова к этому времени захватила Деревляны, отрезав пути отхода на запад бродской группировке противника.

На львовском направлении соединения 38-й армии генерала К. С. Москаленко, преодолевая упорное сопротивление врага, медленно продвигались вперед. Войска 60-й армии генерала П.А.Курочкина совместно с передовыми отрядами 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С.Рыбалко к исходу 15 июля прорвали оборону противника в районе Колтова, образовав так называемый колтовский коридор шириной 4–6 километров и глубиной до 18 километров. Через него под фланговым огнем противника были последовательно введены в прорыв главные силы 3-й гвардейской танковой и 4-й танковой армий. К исходу 18 июля соединения 3-й гвардейской танковой армии совместно с конно-механизированной группой В.К.Баранова завершили окружение до восьми дивизий бродской группировки противника, а главные силы 4-й танковой армии генерала Д.Д.Лелюшенко вышли в район Ольшанцы и устремились к Львову.

19 июля Жуков направил в Ставку ВГК офицера с внеочередным донесением:

«Тов. Сталину.

Копия тов. Антонову.

В связи с близким подходом наших войск к госгранице, докладываю свои соображения по построению операции Белорусских фронтов на ближайший период:

1. Главной стратегической целью 1, 2, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться — выход на Вислу до Данцигской бухты

включительно и захват Восточной Пруссии или, в крайнем случае, одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии.

2. Восточная Пруссия по наличию укрепленных полос, инженерного оборудования и природным условиям является очень серьезным препятствием. Подступы к Кенигсбергу с юго-востока и юга прикрыты пятью укрепленными полосами, а с востока, кроме того, западнее Инстербурга подготовлен район затопления.

Наиболее выгодные направления для наступления в Восточную Пруссию:

1-е направление — из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц.

2-е направление — из района Каунас — Алитус через Гумбинен на Кенигсберг, обходя обязательно с юга район затопления и Летценский укрепленный район.

3-е направление — из района Млава через Хохенштайн — Алленштайн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточнее Вислы в общем направлении на Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района…

Г. Жуков

№ 316

19 июля 1944 г.».[428]

Однако Сталин не принял план Жукова и не согласился, как того просил Георгий Константинович, усилить фронты на восточно-прусском направлении. Жуков считал, что *«это была серьезная ошибка Верховного, в последующем повлекшая за собой необходимость проведения чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции* ».[429]

…Войска 1-го Украинского фронта продолжали наступление. 22 июля бродская группировка врага была разгромлена, 1-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с конно-механизированной группой Баранова форсировала с ходу реку Сан в районе Ярослава и захватила плацдарм на ее западном берегу. 27 июля в результате концентрических ударов 3-й гвардейской танковой армии с запада, 60-й армии с востока и 4-й танковой армии с юга Львов был освобожден. 1-я гвардейская армия генерала Гречко 24 июля заняла Галич, а 27 июля — Станислав. 18-я армия генерала Журавлева к этому времени вышла в район южнее Калуша. К концу июля группа армий «Северная Украина» была рассечена на две части: остатки ее 4-й танковой армии откатывались к Висле, а войска немецкой 1-й танковой армии и венгерской 1-й армии — на юго-запад, к Карпатам.

20 июля во время совещания в Ставке Гитлера была предпринята попытка покушения на фюрера. Однако Гитлер уцелел и жестоко расправился не только с заговорщиками, но и со всеми заподозренными в нелояльности режиму. Начальником Генерального штаба Главного командования Сухопутных войск был назначен генерал Г.Гудериан. Приняв дела, он пришел к выводу, что «положение группы армий „Центр“

---

428 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 152–153.

429 Там же. С. 154.

после 22 июля 1944 г. было просто катастрофическим; худшего ничего и не придумаешь… Русские, казалось, неудержимым потоком хлынули к р. Висла от Сандомира до Варшавы… Единственные имевшиеся в нашем распоряжении силы находились в Румынии, в тылу группы армий „Южная Украина“. Уже одного взгляда на карту железных дорог было достаточно, чтобы понять, что переброска этих резервов займет много времени».[430]

Гудериан, вступив в должность, принял энергичные меры для восстановления фронта обороны по западному берегу Вислы. Сюда спешно выдвигались резервы из глубины и с других участков фронта. В действиях войск противника стало проявляться еще больше упорства. Жуков отмечал, что «командование группы армий „Центр“ в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действия. В связи с тем, что сплошного фронта обороны у них не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта».[431]

Однако и Гудериану оказалось не под силу остановить продвижение советских войск. 29–31 июля войска 1-го Украинского фронта форсировали Вислу и захватили на ее западном берегу южнее и севернее Сандомира несколько плацдармов. Учитывая развитие наступления войск по двум расходящимся направлениям — сандомирскому и карпатскому, Сталин приказал образовать из войск его левого крыла (1-я гвардейская, 18-я и 8-я воздушная армии) 4-й Украинский фронт под командованием генерал-полковника И.Е.Петрова.

Противник, перебросив в начале августа в район Сандомира 16 дивизий, 6 бригад штурмовых орудий, несколько отдельных батальонов тяжелых танков (типа «Королевский тигр»), нанес ряд сильных контрударов. Но войска 1-го Украинского фронта надежно закрепились на плацдарме.

Войска 1-го Белорусского фронта с 18 июля по 2 августа успешно провели Люблин-Брестскую наступательную операцию. Опрокинув ожесточенно оборонявшиеся основные силы немецких 2-й и 9-й армий группы «Центр» и 4-й танковой армии группы «Северная Украина», преодолев 260 километров, они с ходу форсировали Вислу, захватили плацдармы на ее западном берегу, создали благоприятные условия для последующего наступления на варшавско-берлинском направлении.

К концу августа советские войска, участвовавшие в Белорусской стратегической наступательной операции, вышли на рубеж Елгава — Добеле — Августов — реки Нарев и Висла. В ходе операции они продвинулись на запад на 550–600 километров, разгромили группу армий «Центр», нанесли сокрушительное поражение группам армий «Север» и «Северная Украина».

Вклад Г.К.Жукова в изгнание врага с Украины и его умелое руководство войсками в Белорусской операции получили высокую оценку. 29 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

---

430 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 483–484.

431 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 154.

Известие о награждении застало Георгия Константиновича на фронте. Сослуживцы маршала быстро накрыли стол, а фельдшеру Лидии Захаровой, сопровождавшей Жукова, было поручено вручить ему огромный букет. «Лида в форменном платье, пунцовая от радости и сияющая счастьем вручила цветы. Жуков по-отечески чмокнул ее в щеку, что-то шепнул ей, от чего лицо Лиды залилось ярким румянцем, взял букет. Все, кто был в комнате, заметили, как потеплел обычно строгий и жесткий взгляд маршала».[432]

Слухи о взаимоотношениях маршала и лейтенанта медицинской службы дошли до Л.З.Мехлиса, который не упустил возможность сообщить такую весть Сталину. На вопрос Верховного, мешает ли «эта женщина» Жукову в работе, Мехлис ответил: «Мешать не мешает, но авторитет его подрывает». На это Сталин сказал: «Не надо, товарищ Мехлис, лезть в отношения Жукова с военфельдшером. Эта женщина помогает Жукову, лечит его. Она помогает ему быть здоровым, а значит, и оставаться в строю. Жуков нам очень нужен здоровым».

В своих мемуарах Жуков пишет, что по указанию Сталина вечером 23 августа он прибыл в Москву на совещание. Архивные материалы позволяют утверждать, что Георгий Константинович немного ошибся: в Ставке ВГК и Генштабе он работал с 26 августа по 2 сентября — готовился к выполнению особого задания ГКО. «Мне надлежало вылететь в штаб 3-го Украинского фронта, — вспоминал Георгий Константинович, — с тем, чтобы подготовить фронт к войне с Болгарией, царское правительство которой все еще продолжало сотрудничество с фашистской Германией».[433]

Болгарское правительство, стремясь не допустить вступления Красной Армии на территорию своей страны, всячески подчеркивало нейтралитет по отношению к СССР и одновременно вело переговоры в Каире с представителями Великобритании и США о путях выхода Болгарии из войны. В то же время правители Болгарии поставили перед Германией вопрос о выводе из страны немецких войск и военной миссии. Пока шли все эти переговоры, из Южной Добруджи, где располагалась большая часть немецких войск, на территорию Румынии было направлено 16 тысяч человек, которые приняли участие в боевых действиях против Красной Армии. В этот же период германские боевые корабли и транспортные суда перебазировались из Румынии в болгарские порты.

Советское правительство вручило 30 августа правительству Болгарии ноту с предложением прекратить пропуск немецких войск через свою территорию, рассматривая его «как прямую помощь немцам в войне против Советского Союза».[434]4 сентября Болгария выступила с декларацией, в которой сообщалось о денонсировании «антикоминтерновского» и «берлинского 1940 года» пактов, об эвакуации болгарского экспедиционного корпуса из Югославии и Греции, о соблюдении страной строгого нейтралитета и мерах по стабилизации

---

432 Цит. по: Сульянов А.К. Маршал Жуков. Слава, забвение, бессмертие. Минск: Харвест, 2002. С. 246.

433 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 164.

434 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М.. 1946. Т. 2. С. 198–199.

внутриполитического положения в стране.[435] Несмотря на это, советское правительство 5 сентября заявило, что отныне СССР «будет находиться в состоянии войны с Болгарией», которая «фактически ведет войну против Советского Союза уже с 1941 г.».[436] Это было вызвано тем, что советские войска уже закончили сосредоточение у румыно-болгарской границы, а Политбюро Болгарской рабочей партии утвердило план восстания в Болгарии, которое было намечено на 9 сентября. Сталин утвердил план Болгарской операции войск 3-го Украинского фронта, но претворению его в жизнь мешала неопределенность отношений между СССР и Болгарией. Поэтому Советский Союз и объявил ей войну.

3 сентября Жуков вылетел в штаб 3-го Украинского фронта в Черноводы (Румыния) для подготовки его войск к наступлению. Особый смысл предстоящей операции состоял в том, чтобы согласованными действиями советских войск и сил народного восстания вывести Болгарию из войны на стороне Германии. С этой целью намечалось нанести главный удар на город Шумен, выйти на рубеж Руссе (Рущук) — Бургас и здесь остановиться. Дальнейшие действия ставились в зависимость от хода вооруженного восстания.

6 сентября правительство Болгарии объявило о разрыве отношений с Германией и запросило условия перемирия с СССР. Затем болгарское правительство заявило, что Болгария с 18 часов 7 сентября находится в состоянии войны с Германией. Но все это не оказало никакого влияния на позицию руководства Советского Союза, которое рассчитывало привести к власти в Болгарии правительство во главе с Г.Димитровым.

8 сентября на рассвете в порту Варна высадился морской десант, а в 11 часов войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу. Продвижение советских войск осуществлялось без единого выстрела. 9 сентября в 19 часов Ставка ВГК направила Жукову, наркому ВМФ Кузнецову и командующему 3-м Украинским фронтом Толбухину директиву: «Ввиду того, что болгарское правительство порвало отношения с немцами, объявило войну Германии и просит советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка Верховного Главнокомандования, согласно указаниям Государственного Комитета Обороны, приказывает к 21.00 9 сентября закончить операции по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22.00 9 сентября с. г. прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той полосе Болгарии, которая занята нашими войсками».[437]

12 сентября Г.К.Жуков вернулся в Москву, но уже 15-го получил распоряжение И.В.Сталина вылететь на 1-й Белорусский фронт.

1 августа в Варшаве силами Армии Крайовой согласно заранее разработанному плану под условным названием «Буря» было поднято восстание против немецких войск. Цель восстания заключалась в том, чтобы овладеть Варшавой до ее освобождения Красной Армией и использовать это в качестве аргумента в политической борьбе с Польским

---

435 См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 103.

436 Там же.

437 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 141.

комитетом национального освобождения, созданным в июле 1944-го, и Крайовой Радой Народовой, а также в переговорах с союзниками, прежде всего с СССР, о послевоенном государственном устройстве Польши. Однако немецкий гарнизон, усиленный частями СС и полиции, сумел нанести поражение повстанцам и овладеть рядом районов Варшавы. Руководство СССР, пытаясь оказать помощь восставшим, поставило перед 1-м Белорусским фронтом (маршал К.К.Рокоссовский) задачу отразить контрудар немецких войск по 2-й танковой армии и перейти к широкому наступлению. 1-я армия Войска Польского должна была нанести удар с магнушевского плацдарма на Варшаву вдоль левого берега Вислы. Немецкое командование, введя в сражение танковую дивизию «Герман Геринг» и две пехотные дивизии, не позволило расширить плацдарм и развить наступление.

29 августа по решению Сталина наступление 1-го Белорусского фронта, за исключением войск правого крыла, было прекращено. Но вскоре войскам фронта, в том числе и 1-й армии Войска Польского, была поставлена задача выйти к Праге — предместью Варшавы, форсировать Вислу и соединиться с повстанцами. Выполнить эту задачу не удалось, так как шесть польских батальонов, переправившихся на плацдарм в районе Чернякува, понесли в боях тяжелые потери и 21 сентября по приказу командующего 1-м Белорусским фронтом были отведены за Вислу.

Жуков, ознакомившись с обстановкой и переговорив с Рокоссовским, позвонил Сталину и попросил разрешения прекратить наступление на участке 1-го Белорусского фронта — оно было явно бесперспективным из-за большой усталости войск и значительных потерь. Георгий Константинович просил также отдать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского и левого крыла 2-го Белорусского фронтов к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение. Сталина такой поворот событий не устраивал, и он приказал Жукову вместе с Рокоссовским прибыть в Ставку.

Из мемуаров Георгия Константиновича следует, что Сталин считал неразумным прекратить наступление тогда, когда разбитый противник уже не в состоянии сдерживать напор наших войск. Но Жуков и Рокоссовский возразили ему: противник уже успел создать оборону, подтянуть резервы и сейчас успешно отбивает все атаки советских войск, которые несут большие потери. Сталин, явно недовольный таким единодушием двух военачальников, вынужден был согласиться с их мнением.

К.К.Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг» излагает все это несколько проще. В конце сентября им было принято решение прекратить наступление из-за отсутствия достаточных сил и средств для его дальнейшего ведения. «Вернувшись на фронтовой КП, — пишет Константин Константинович, — связался с Москвой. Доложил о моем решении прекратить наступление. Сталин ответил не сразу, попросил немного подождать. Вскоре он снова вызвал меня к ВЧ. Сказал, что с предложением согласен. Приказал наступление прекратить, а войскам фронта перейти к прочной обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции».[438]

Жуков вспоминает, что на другой день после совещания Сталин

438 Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 295.

позвонил ему в наркомат обороны и спросил, как он смотрит на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки. «Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтов, и чувствовал, что эта идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора.

Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И.В.Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один».[439]

Жуков ответил утвердительно.

На следующий день Георгий Константинович узнал о своем назначении командующим 1-м Белорусский фронтом — фронтом, находившимся на берлинском направлении.

До Берлина оставалось около 600 километров.

Глава XII. И ради славы

Воевали не с ветряными мельницами, а с сильным противником.

Эту прописную истину И.С.Конев спустя двадцать лет после войны разъяснял… некоторым своим соратникам, маршалам и генералам, с которыми прошел тяжелый путь от Москвы до Берлина.

Но если даже кое-кто из маршалов забыл, какого врага победили, что уж говорить о горе-«специалистах» по истории Великой Отечественной войны, вдруг объявившихся в конце восьмидесятых — девяностых годах в неожиданно больших количествах. Целый сонм авторов, соревновавшихся друг с другом, начал доказывать, что в основе всех наших военных побед, начиная с битвы за Москву, ничего нет, кроме огромного числа жертв. Нет смысла предлагать им, преуспевшим совсем на других поприщах, примерить на себя полевые мундиры Жукова, Рокоссовского, Конева…

Матерый нацист Й.Геббельс в начале 1945 года сделал в своем дневнике любопытную запись: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. Я сообщаю фюреру о представленной мне для просмотра книге генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет мое мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя».

Можно в историю войны напустить мутной воды и перетасовать в ней второстепенные факты. Главное неоспоримо: Сталин переиграл Гитлера, а голубых кровей командование вермахта оказалось не в состоянии конкурировать с советскими маршалами и генералами, имевшими «хорошую народную закваску». Но вот эта самая закваска, которую с гордостью и не раз подмечал у своих соратников Г.К.Жуков, иногда играла с нашими военачальниками не очень хорошие шутки. Видно,

---

439 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 172–173.

именно из мужицкой глубинки вынесли некоторые из них свойство: сначала всем миром дружно навалимся, а потом не грех и поспорить, кто умнее, сильнее и расторопнее на деле был. Да и слава, привычная для аристократа, для мужика дело не второстепенное.

В 1965 году на совещании в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота Маршал Советского Союза К.С.Москаленко с горечью отмечал: «Вся беда в том, что у нас исторические документы и мемуары пишут под углом зрения сегодняшнего дня. А надо писать так, как было на самом деле, причем, не принижая других, не выпячивая себя. В немецких мемуарах ни один генерал не поносит других (кроме Гитлера). У нас стараются принижать роль соседних соединений и объединений». Причиной этого совещания и развернувшейся на нем дискуссии стали опубликованные на страницах журнала «Октябрь» воспоминания В.И.Чуйкова, командовавшего во время битвы за Берлин 8-й гвардейской армией. Прославленный маршал утверждал: «Участь Берлина, а вместе с ним и всей фашистской Германии могла быть решена еще в феврале…, взятие Берлина в феврале 1945 года означало бы конец войне». Далее следовал вывод: «И жертвы могли быть значительно меньше по сравнению с теми, что мы понесли в апреле».

Что же произошло в 45-м на деле?

К концу октября 1944 года Красная Армия завершила изгнание немецких войск с территории Советского Союза, почти полностью восстановила государственную границу СССР и частично перенесла боевые действия на территорию Германии и восточноевропейских стран. Линия советско-германского фронта сократилась примерно вдвое, но при этом и плотность группировки противника на берлинском направлении увеличилась в несколько раз. А это позволяло немецкому командованию вести серьезные оборонительные сражения, оказывать активное сопротивление.

Ставка Верховного главнокомандования готовилась к решающим наступательным операциям на всех участках советско-германского фронта. Главным являлось берлинское стратегическое направление, на котором предстояло действовать войскам 1-го Белорусского (маршал Г.К.Жуков), 2-го Белорусского (маршал К.К.Рокоссовский) и 1-го Украинского (маршал И. С. Конев) фронтов. В соответствии с замыслом Ставки в начале 1945 года войска 1-го Белорусского и 1 — го Украинского фронтов при содействии войск левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронтов должны были провести Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию. Ее основная цель: завершить освобождение Польши и создать условия для решающего наступления на Берлин. Составной частью намеченного стратегического плана являлись Варшавско-Познанская и Сандомирско-Силезская наступательные операции.

Почти всю первую половину ноября Жуков провел в Генеральном штабе, где занимался разработкой плана завершающей кампании войны и прежде всего операции на берлинском направлении. Предполагалось, что именно здесь противник окажет наибольшее сопротивление. Поэтому было решено начать наступление в направлении Вены, чтобы отвлечь часть сил вермахта на юг. При разработке наступательных мероприятий столкнулись с серьезной проблемой в Восточной Пруссии, где враг создал мощные рубежи с большим количеством долговременных оборонительных сооружений и сконцентрировал крупную группировку войск. Увы,

приходилось пожинать плоды промахов, допущенных Сталиным летом 44-го года, когда он посчитал, что оборона в Восточной Пруссии будет прорвана в ходе успешно развивавшейся Белорусской операции, а потому не согласился с предложением Жукова усилить фронты на этом направлении резервами Ставки. Теперь надо было готовить новую сложную операцию, и снова Сталин не соглашался с Жуковым, предлагавшим усилить 2-й Белорусский фронт, которому предстояло действовать против восточно-прусской группировки противника, хотя бы одной армией.

В середине ноября Жуков прибыл в Седлец, где располагался штаб 1-го Белорусского фронта. До конца месяца вместе с начальником штаба фронта М.С.Малининым дорабатывали план наступления, готовили заявки на пополнение войск и материально-технические средства. В конце ноября план Варшавско-Познанской операции с ориентировочным сроком начала ее 15–20 января 1945 года был утвержден.

О том, как воспринимали на фронте Георгия Константиновича, вспоминает член военного совета 1-го Белорусского фронта генерал К.Ф.Телегин: «С первых шагов своей работы на посту командующего войсками 1-го Белорусского фронта Г.К.Жуков всемерно поддерживал высокий дух творчества и сплоченности всего руководящего коллектива, умело направлял его усилия на решение задач. Операции готовились им со скрупулезной тщательностью. Он вникал во все их стороны, детально отрабатывал, рассчитывал, проверял с командующими родов войск, начальниками управлений и служб, с командованием армий, проигрывал на картах, рельефных планах. В ходе операции командующий внимательно следил за ее развитием, строго контролировал и жестко требовал выполнения плана, приказов, взыскивал за всякую неорганизованность, нераспорядительность. И это справедливо, хотя и не всем военачальникам нравилось. Ведь нельзя забывать, что успех операции теснейшим образом зависит от многих факторов и заминки на одном участке сразу же сказываются на других… В общем и целом наш фронтовой коллектив отдавал должное энергии, настойчивости и решительности Г.К.Жукова, его большим организаторским способностям, полководческому таланту, так полно развернувшимся в заключительных сражениях Великой Отечественной войны».[440]

Разрабатывая план предстоящего наступления, Жуков всесторонне учитывал состояние обороны и войск противника. Выступая на военно-научной конференции Группы советских войск в Германии, организованной еще по горячим следам событий в конце 1945 года, он вспоминал: «Войска 1-го Белорусского фронта не взяли с хода Познань — крупный оперативно-тактический узел с крепостью. Часть сил фронта вела затяжные бои в районе Шнайдемюль — это тоже крепость, усиленная полевыми сооружениями. Фронт имел перед собой Померанский вал и Одерский четырехугольник. В Померании начали появляться части из Прибалтики и появились серьезные признаки того, что противник здесь создает крупную группировку. Все это и явилось неблагоприятными условиями, характеризующими создавшуюся обстановку».[441]

---

440 Цит. по: Светлишин Н. От солдата до маршала. (К 70-летию Г.К.Жукова.) // Военно-исторический журнал. 1966. № 11. С. 39.

441 Выступление Маршала Советского Союза Г.К.Жукова на военнонаучной

Георгий Константинович принял решение, «учитывая слабые стороны противника, а именно, что он не имеет организованной обороны на Одерском четырехугольнике и на Померанском валу и что ему потребуется не менее десяти дней, чтобы подвезти войска… пойти на окружение шнайдемюльской и познанской группировок, высвободить остальные силы и стремительным ударом преодолеть не готовые к обороне укрепленные районы, выйти на р. Одер, захватить нужные плацдармы в интересах последующей операции», то есть «для быстрого и стремительного удара по последней главной стратегической цели — по Берлину, так как с падением Берлина ожидался конец войны».

Сам Жуков излагал свой план следующим образом:

«а) Прорвать фронт противника на нескольких участках с задачей разгромить противостоящие силы и средства и не дать противнику возможности оказать нам организованное сопротивление в глубине — такова была ближайшая цель Варшавско-Радомского этапа операции.

б) Главный удар наносился с магнушевского плацдарма, так называемого северного плацдарма…

Главный удар с этого плацдарма давал нам возможность быстрейшего маневра в тыл варшавской группировки, с ликвидацией которой мы получали кратчайшие коммуникации и свободу маневра всего правого фланга, мы получали возможность развивать удар, прикрываясь р. Висла. Взаимодействуя с войсками 2 БФ (Белорусский фронт. — В.Д.), мы по кратчайшему направлению выходили на линию Бромберг — Познань, откуда мог потребоваться маневр фронта с поворотом в северном направлении. Наконец, местность на этом направлении была наиболее благоприятна для действий крупных механизированных соединений.

в) Одновременно с ударом с северного плацдарма наносился удар, по характеру и силе подобный первому, с южного плацдарма, который занимался 69-й армией…Нам нужно было нанести удар такой силы, чтобы противник в первый и во второй день операции, т. е. до ввода нашего эшелона развития прорыва — танковых армий, не смог определить, где наносился главный удар и где надо ожидать развития успеха танковыми войсками. Это нам удалось благодаря наличию хорошо отработанного и хорошо осуществленного плана обмана противника, плана маскировки. Наконец, нам нужно было иметь здесь сильную группировку для того, чтобы с выходом в район Радом осуществить тактическое взаимодействие с 1 УФ (1-й Украинский фронт. — В.Д.) по захлестыванию шидловецкой группировки противника и ее ликвидации…

г) Удар севернее Варшавы наносился 47-й армией и частью сил 1 ПА (1-я польская армия. — В.Д.). Главная группировка 1 ПА взаимодействовала с 61-й армией. Удар севернее Варшавы был осуществлен в интересах двух фронтов. Во-первых, 47-я армия и 1 ПА имели задачу очистить и ликвидировать плацдарм противника на восточном берегу р. Висла. Во-вторых, они сковывали варшавскую группировку, так как этот удар приходился в непосредственной близости к Варшаве. В результате создания угрозы с этой стороны и сковывания сил противника последний был лишен возможности маневрировать своими силами навстречу войск нашего главного удара, противник не имел возможности бросить на р. Пилица хотя бы часть своих сил. В-

---

конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 года // Военная мысль. 1985. Спец. вып. С. 18–19.

третьих, этот удар помогал 2 БФ, сковывая силы противника, не давал ему фланкировать своим огнем против частей 70-й армии, которые по плану 2 БФ должны были скользить вдоль р. Висла».[442]

К изложенному самим Георгием Константиновичем плану операции добавим, что главный удар с магнушевского плацдарма в направлении Кутно — Познань наносился силами 61-й (генерал П.А.Белов), 5-й ударной (генерал Н.Э.Берзарин), 8-й гвардейской (генерал В.И.Чуйков), 1-й гвардейской танковой (генерал М.Е.Катуков), 2-й гвардейской танковой (генерал С.И.Богданов) армиями и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. С пулавского плацдарма удар в направлении Радом — Лодзь наносили 69-я (генерал В.Я.Колпакчи) и 33-я (генерал В.Д.Цветаев) армии. Кроме того, предусматривалось ударом частью сил на Шидловец во взаимодействии с войсками правого крыла 1-го Украинского фронта окружить и уничтожить группировку противника в районе Радом — Островец. Вспомогательный удар наносила 47-я армия (генерал Ф.И.Перхорович) севернее Варшавы. 1-я армия Войска Польского (генерал С.Г.Поплавский) имела задачу на четвертый день операции перейти в наступление и во взаимодействии с 47, 61 и 2-й гвардейской танковой армиями овладеть Варшавой. 3-я ударная армия (генерал Н.П.Симоняк) — второй эшелон фронта — получила задачу развивать успех на Познань, а 7-й гвардейский кавалерийский корпус — резерв фронта — предусматривалось использовать на лодзинском направлении.

К началу операции на участках прорыва, составляющих в общей сложности всего 13 процентов от общей ширины полосы наступления, Жуков сосредоточил 54 процента стрелковых дивизий, 53 процента артиллерии и минометов, свыше 90 процентов танков и самоходных орудий, почти всю авиацию.

Создав подавляющее преимущество на направлении главного удара, необходимо было обеспечить оперативную и тактическую внезапность. В целях дезинформации противника был проведен, как выразился Жуков, «план обмана». На левом крыле 1-го Белорусского фронта имитировалась подготовка прорыва. Для этого были выставлены макеты сотен танков, орудий и автомашин, сооружены ложные аэродромы, создавалась видимость усиленного железнодорожного движения. И противник поверил. Из-под Варшавы и Радома он перебросил сюда танковую и моторизованную дивизии, ослабив свою группировку на главном направлении.

Позднее начальник Генерального штаба Сухопутных войск вермахта генерал Г. Гудериан писал, что перед этим наступлением «превосходство русских выражалось соотношением: по пехоте 11:1, по танкам 7:1, по артиллерийским орудиям 20:1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и, по меньшей мере, о 20-кратном превосходстве в воздухе».[443] Гудериан сильно преувеличил — видно, страх перед Жуковым у немецких маршалов и генералов не проходил и после войны. Но ошибка Верховного главнокомандования вермахта в определении направления главного удара советских войск привела к тому, что на варшавско-берлинском направлении плотность сил и средств немецких войск

442 Там же. С. 20–21.

443 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 523.

оказалась в полтора-два раза меньше, чем на других участках советско-германского фронта.

Всего же войска 1-го Белорусского фронта насчитывали около 800 тысяч человек, свыше 14 тысяч орудий и минометов, более 3 тысяч танков и САУ, 2190 самолетов. Им противостояла немецкая 9-я армия группы армий «А» (с 26 января — «Центр». — В.Д.), в составе которой было около 143 тысяч человек, свыше 2 тысяч орудий и минометов, более 700 танков и штурмовых орудий. Противник заблаговременно создал глубокую, сильно укрепленную в инженерном отношении оборону, которая включала одерско-нейсенский рубеж глубиной 20–40 километров, имевший три полосы, и Берлинский оборонительный район, состоявший из трех кольцевых обводов — внешнего, внутреннего и городского.

Перед рассветом 14 января Жуков прибыл в расположение 5-й ударной армии, чтобы руководить операцией с наблюдательного пункта генерала Берзарина. В семь тридцать началась артиллерийская подготовка, а через двадцать пять минут двинулись вперед штурмовые батальоны. К исходу дня дивизии первого эшелона 5-й ударной сумели захватить небольшой плацдарм на реке Пилица в районе Пальчев. Наступавшие с пулавского плацдарма войска 69-й и 33-й армий преодолели главную полосу обороны противника уже к 13 часам. После ввода в действие 11-го танкового корпуса была прорвана и вторая полоса обороны.

На следующий день в полосе 33-й армии Жуков ввел в прорыв 9-й танковый корпус, а в полосе 8-й гвардейской армии В.И.Чуйкова — 1-ю гвардейскую танковую армию М.Е.Катукова, передовые отряды которой сразу же продвинулись в глубь немецкой обороны на 40–50 километров и захватили переправу через реку Пилица в районе Сокул (в 8–9 километрах восточнее Нове Място). В этот же день войска 69-й и 33-й армий освободили Радом.

16 января 47-я армия генерала Ф.И.Перхоровича, перейдя в наступление, с ходу форсировала Вислу севернее Варшавы. В полосе 5-й ударной армии были введены в прорыв 2-я гвардейская танковая армия генерала С.И.Богданова, 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Немецкая оборона трещала по швам.

17 января войска 47-й, 61-й и 2-й гвардейской танковой армий совместно с 1-й армией Войска Польского освободили Варшаву.

Войска 1-го Украинского фронта к этому времени нанесли поражение группировке противника в районе Кельце, форсировали реки Пилица и Варта, а 18 января, овладев городом Скаржинско-Каменна, соединились с войсками 1-го Белорусского фронта.

Основные силы группы армий «А» были разгромлены.

В этой катастрофе Гитлер обвинил командующего группой генерала Й.Гарпе, который был заменен личным другом фюрера генералом Ф.Шернером. С должности был снят и командующий 9-й армией генерал С.Люттвиц.

Сталин, получив от Жукова донесение о взятии Варшавы, приказал 1-му Белорусскому фронту «продолжать наступление в общем направлении на Познань и не позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Быдгощ (Бромберг), Познань».[444] Войскам 1-го Украинского фронта была

444 Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 191.

поставлена задача главными силами выйти на Одер и захватить плацдармы на его западном берегу, а левым крылом — овладеть Краковом и также продвинуться к Одеру в обход Домбровского угольного бассейна.

Немецкое командование было вынуждено в спешном порядке перебросить на восток пять пехотных дивизий, в том числе две — из числа действовавших против англо-американских войск.

Но, несмотря на упорное сопротивление врага, главные силы 1-го Украинского фронта все же вышли к Одеру, а соединения 59-й и 60-й армий овладели Краковом.

Войска 1-го Белорусского фронта 19 января заняли Лодзь, а 22 января танковые соединения фронта прорвались к познанскому оборонительному рубежу и глубоко в него вклинились.

21 января Жуков докладывал Сталину: «Задачей фронта до 30 января 1945 г. ставлю выйти на фронт Вальдау… Рунау, Грец. Танковыми армиями к этому времени овладеть районами — 2 гв. та (танковая армия. — В.Д.) Берлинхен, Ландсберг. 1 гв. та — Мезерец, Швибус. На этом рубеже развернуть войска (особенно артиллерию), подтянуть тылы, привести в порядок материальную часть боевых машин, развернуть 3-ю ударную и 1-ю польскую армии, с утра 1–2 февраля 45 г. продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада».

В результате успешного развития Варшавско-Познанской операции становится досягаемым Берлин. Главное — не медлить. От командующих 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями Катукова и Богданова Жуков требует любой ценой опередить противника и не дать ему закрепиться на мощных оборонительных рубежах — железобетонных сооружениях, возведенных вдоль границы Германии по северному берегу реки Нейсе и западному берегу Одера: «Упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться».[445] Однако 22 января из-за отсутствия горючего основные силы 2-й гвардейской танковой армии остановились в районе Шубина. У Познани с пустыми баками два дня простояла 1 — я гвардейская танковая армия.

25 января Жуков сообщал Сталину, что противник деморализован и не способен оказать серьезного сопротивления, поэтому следует продолжать наступление к Одеру. Основное направление — Кюстрин. Сталин высказал опасение: с выходом на Одер войска 1-го Белорусского фронта оторвутся от левого крыла Рокоссовского больше чем на 150 километров. То, что Жуков этот вариант предусмотрел и разворачивает свое правое крыло в северном и северо-западном направлениях против восточно-померанской группировки, Верховного не убедило. Во-первых, Рокоссовский должен закончить операцию в Восточной Пруссии и перегруппировать основные силы за Вислу; во-вторых, войска 1-го Украинского фронта еще не ликвидировали немецкую группировку в районе Оппельн — Катовице, а поэтому не смогут прикрыть левый фланг 1 — го Белорусского.

---

445 Цит. по: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 241.

Не дожидаясь, пока Сталин примет окончательное решение, Жуков продолжал развивать стремительное наступление. «Видя нашу слабость, маршал Жуков начал действовать еще решительнее, — отмечал генерал Гудериан. — Удар по одерским оборонительным рубежам был нанесен 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями, 8-й гвардейской, 5-й ударной и 61-й армиями. Кроме того, у противника оставались еще достаточные силы для наступления из района Накель (Накло), Бромберг (Быдгощ) в северном направлении, в тыл нашим частям, оборонявшимся на рубеже Вислы».[446]

29 января 1945 года Жуков направляет новое донесение Сталину: *«Ваш приказ — мощным ударом разгромить противостоящую войскам группировку противника и стремительно выйти к линии польско-германской границы — выполнен. За 17 дней наступательных боев войсками фронта пройдено до 400 км. Вся западная часть Польши в полосе 1-го Белорусского фронта очищена от противника, а польское население, пять с половиной лет угнетавшееся фашистами, — освобождено. Стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги, не дало им возможности уничтожить и истребить польское население…»*

Главные силы 1-го Белорусского фронта сломили сопротивление разрозненных частей врага на мезерицком укрепленном рубеже и к 1 февраля вышли на Одер, захватив под Кюстрином важный стратегический плацдарм.

До Берлина оставалось 60–80 километров. Один танковый бросок. Все с нетерпением ждали приказа: «На Берлин!» Военный совет 1-го Белорусского фронта спустил ориентировку командующим армиями: «Задача войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до 2 заправок горючего, до 2 боекомплектов и стремительным броском 15–16 февраля взять Берлин».[447]

Однако ударная группировка сформированной в Восточной Померании новой группы армий «Висла» под командованием рейхсфюрера СС Гиммлера уже готовилась устремиться в широкий коридор между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. Предотвратить контрудар с севера — в тыл вышедшим к Одеру войскам Жукова — помогли своевременно полученные разведданные. Георгий Константинович успел создать на опасном направлении мощный заслон, но сил для развития наступления на Берлин не оставалось.

31 января Г.К.Жуков направил Верховному главнокомандующему донесение:

«1. В связи с резким отставанием левого фланга 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К.К.Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу указать К.К.Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией

---

446 Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 561–562.

447 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 200.

в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И.С.Конева (командующий 1-м Украинским фронтом. — В.Д.) прошу обязать быстрее выйти на р. Одер».[448]

Ответа Жуков не получил. Войскам 1-го Белорусского фронта до конца февраля пришлось воевать за расширение и закрепление плацдармов на Одере.

В то же время войска 2-го Белорусского фронта при участии правого крыла 1-го Белорусского вели тяжелые наступательные бои в Восточной Померании. 16 февраля группа армий «Висла» предприняла обреченную попытку контрнаступления. М.Борман в письме своей жене от 20 февраля отмечал: «Наступление дяди Генриха (Гиммлер. — В.Д.) не увенчалось успехом, или, точнее, оно развивалось не так, как следовало. Теперь дивизии, которые он держал в резерве, придется использовать на других участках. Это значит, что вместо продуманного плана придется импровизировать на ходу».[449] В конечном счете армии Рокоссовского освободили Восточное Поморье и надежно прикрыли правое крыло советских войск, действовавших под руководством Жукова на берлинском направлении.

Несмотря на то, что наступление на Берлин было приостановлено, успехи советских войск вызвали широкий отклик за рубежом. 12 февраля 1945 года в американском журнале «Лайф» была напечатана статья «Жуков», в которой отмечалось: «Обходя узлы сопротивления и предоставляя их ликвидацию тыловым частям, Жуков промчал свои танковые авангарды и моторизованную пехоту за первые 18 дней кампании по болотистой и лесистой местности более чем за 300 миль — рекордная быстрота наступления, значительно превосходящая темпы наступления немцев в 1941 году». Военная мощь Советского Союза, равно как и обреченность нацистской Германии, не вызывали сомнений. Генерал вермахта Ф. Меллентин после войны писал: «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа еще не знала ничего подобного с времен гибели Римской империи».[450]

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1945 года за выполнение заданий Верховного главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба Г.К.Жуков был награжден вторым орденом Победы.

Указ этот вышел в дни, когда готовилась Берлинская стратегическая операция. К сожалению, на одном дыхании взять Берлин в феврале не удалось. Близость столицы Германии для многих оказалась обманчивой, что и дало повод для незаслуженных упреков в адрес Жукова. Сам Георгий Константинович взвешенно и аргументированно оценил сложившуюся тогда ситуацию на упомянутой военно-научной конференции в конце 45-го года, когда еще были свежи события в памяти

---

448 Там же. С. 197.

449 Цит. по: Мэнвелл Р., Френкель Г. Знаменосец "Черного ордена". Гиммлер / Пер. с англ. М., 2000. С. 342.

450 Меллентин Ф. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. С. 413.

участников Висло-Одерской операции:

«Конечно, Берлин не имел в этот период сильного прикрытия. На западном берегу р. Одер у противника были только отдельные роты, батальоны, отдельные танки, следовательно, настоящей обороны по Одеру еще не было. Это было известно. Можно было пустить танковые армии **Богданова** и **Катукова** напрямик в Берлин, они могли бы выйти к Берлину. Вопрос, конечно, смогли бы они его взять, это трудно сказать. Но надо было суметь устоять против соблазна — это дело нелегкое. Командир не должен терять голову, даже при успехе. Вы думаете, тов. **Чуйков** не хотел бы выскочить на Берлин или **Жуков** не хотел взять Берлин? Можно было пойти на Берлин, можно было бросить подвижные войска и подойти к Берлину. Но… назад вернуться было бы нельзя, так как противник легко мог закрыть пути отхода. Противник легко ударом с севера прорвал бы нашу пехоту, вышел на переправы р. Одер и поставил бы войска фронта в тяжелое положение. Еще раз подчеркиваю, нужно уметь держать себя в руках и не идти на соблазн, ни в коем случае не идти на авантюру. Командир в своих решениях никогда не должен терять здравого смысла».[451]

В полемике с В.И.Чуйковым в 1965 году И.С.Конев описал события следующим образом:

«Мы сами отказались в феврале 1945 года от наступления на Берлин, без указания сверху. После успешной Висло-Одерской операции в 1-м Украинском мы думали быстро дойти до Берлина. Когда форсировали Одер, планировали развитие операции на Берлин. Ставка нас поддержала и сообщила, что 1-й Белорусский фронт планирует то же. Это нас еще более обязывало к наступательным действиям. Но жизнь внесла коррективы. Мы сразу же почувствовали сильное сопротивление врага. Перед нами оказались немецкие дивизии, переброшенные с запада, с флангов, из резерва. А фашистские войска, разгромленные в районе Висла — Одер, были вновь переформированы. Возник новый фронт обороны с организованной системой огня, с соответствующими резервами. Попытки некоторых наших армий прорвать оборону противника не имели успеха. Левый фланг 1-го Украинского фронта вообще не сумел продвинуться. Пришлось раньше времени вводить в бой танковую армию Рыбалко. Получаю данные, что 1-й Белорусский фронт, выйдя на Одер, приостановил наступление в связи с действиями Померанской группировки противника. 2-й Украинский фронт задержался в Карпатах.

Наши войска физически устали, были значительные потери в людях, танках. Стрелковые дивизии состояли из 3–4 тысяч человек. Мы имели всего лишь 50–60 процентов боеготовых танков. Тыл растянут на 500 км. Подвоз ограничен. Боеприпасы остались на Сандомирском плацдарме. Бензина на наступление не было. Голодный паек во всем. А города перед нами укреплены, что крепости. Для взятия их нужно было много боеприпасов, особенно тяжелых снарядов. Но их не хватало. Я докладывал в Ставку (есть документ) и просил ограничить операцию выходом на рубеж Нейсе. Ставка дала „добро“. При всей нашей активности, и моей в том числе, нам нельзя было наступать. 1-й Белорусский фронт тоже отказался от наступления. Если бы мы

451 Выступление Маршала Советского Союза Г.К.Жукова на военнонаучной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 года//Военная мысль. 1985. Спец. вып. С. 33.

наступали, неизвестно, что было бы.

Да, могло бы создаться очень тяжелое положение. И его наверняка использовали бы немцы в своих интересах. Например, пропустили бы союзников в Берлин…»

Заслуживает уважения откровенность, а потому вызывает доверие точка зрения, высказанная на том же совещании К.К.Рокоссовским:

«У меня был крупный разговор со Сталиным, когда меня переводили с 1-го Белорусского фронта на 2-й Белорусский фронт, а командующим 1-м Белорусским фронтом назначали Жукова. Я выразил свое неудовольствие в связи с новым моим назначением. Сталин спросил: „А что, Жуков менее вас грамотен?“ „Нет, — говорю, — он ваш заместитель“. „Ну, то-то!“ — сказал Сталин.

Сталин далее пояснил: „Создается три фронта, на которые возложена задача закончить войну. Эта тройка должна действовать вместе. Если Жуков задержится, вы ему поможете с севера. Ваше направление тоже очень важное. 3-й Белорусский фронт нацелил свой удар вдоль моря, он связался с Восточно-Прусской группировкой и не может помочь наступлению на Берлин“. Но и я не помог Жукову. Ведя тяжелые бои, наш фронт слишком растянулся. Разрыв между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами достиг 70 км. Немцы имели возможность ударить в этот разрыв. Я сам поставил вопрос перед Ставкой о том, чтобы рассечь Померанскую группировку с помощью Жукова. Ставка согласилась усилить нас. Во взаимодействии с правым крылом 1-го Белорусского фронта мы рассекли и уничтожили Померанскую группировку противника. В той обстановке иного решения не могло быть.

Товарищ Чуйков в своем выступлении пытался доказать, что у немцев в феврале 1945 года не было достаточно войск. А почему же 1-й Белорусский фронт долго топтался на Берлинском направлении, если сил у противника не было? Нет, у немцев было много сил, потому-то они и оказали серьезное сопротивление. Если бы в феврале 1945 года повели наступление на Берлин, оно могло бы сорваться, и неизвестно еще, какие отношения сложились бы у нас с союзниками. Мы напрасно сейчас „деремся“».

Мнение маршала В.Д.Соколовского выглядит так же взвешенно и беспристрастно:

«Идея о продолжении наступления на Берлин исходила от командования 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Мы сами решили наступать, пока противник не подтянул резервы. 8 февраля мы начали эту операцию основными силами. Операция развивалась сравнительно успешно. За 3–4 дня продвинулись на 60 км, и подошли к р. Нейсе. Расширили прорыв до 200 км. Но на Нейсе мы выдохлись, не смогли захватить с ходу ни одного плацдарма. Операция была плохо обеспечена боеприпасами. Их у нас было 50–60 процентов. Особенно плохо обстояло дело у 3 ТА, которая к тому же перемещалась с юга на север. Не хватало продуктов, горючего. Люди устали. Мы прошли до Нейсе без передышки 700 км. Левый фланг фронта не продвинулся, его отвлекла Силезия. В этих условиях 1-й Украинский фронт идти на Нейсе не мог, а без них не мог наступать и 1-й Белорусский фронт. Таким образом, в феврале месяце не было условий для развития наступления на Берлин. Я поддерживаю Ивана Степановича Конева, что спор о возможности взятия Берлина в феврале 1945 года беспредметный».

…29 марта Г.К.Жуков по вызову Ставки В ГК самолетом вылетел в

Москву. В связи с плохой погодой самолет сделал вынужденную посадку в Минске, и оставшийся путь Георгий Константинович проделал на поезде. С 31 марта по

3 апреля он работал в Ставке и Генштабе над планом Берлинской операции.

Принимая Жукова, Сталин отметил, что немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, противник не хочет принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против советских войск он усиливает свои группировки.

К этому времени Сталин располагал личным посланием Верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе генерала Д.Эйзенхауэра. Тот сообщал, что в его планы входит окружение и разгром немецких войск, оборонявших Рур, а также изоляция данного района от основной части Германии. «Я рассчитываю, — отмечал Эйзенхауэр, — что эта фаза (операции) завершится в конце апреля, а может быть, и раньше, и моя следующая задача будет состоять в рассечении войск противника посредством соединения с Вашими армиями». Взятие Берлина Эйзенхауэр не планировал. Это видно и из его письма начальнику штаба армии США генералу Д.Маршаллу: «В любое время, когда мы сможем взять Берлин без больших потерь, мы, конечно, это сделаем. Но я полагаю, что неразумно, с военной точки зрения, в данных условиях делать Берлин главной целью... Если учесть тот факт, что война ведется в политических целях, и если Объединенный комитет начальников штабов решит, что взятие Берлина войсками западных союзников имеет значение большее, чем чисто военные соображения на этом театре, то я с готовностью внесу необходимые изменения в свои планы...»

1 апреля Сталин направил ответ Эйзенхауэру:

«Вашу телеграмму от 28 марта 1945 года получил.

1. Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом Советского Главнокомандования.

2. Согласен с Вами также и в том, что местом соединения Ваших и советских войск должен быть район Эрфурт, Лейпциг, Дрезден. Советское Главнокомандование думает, что главный удар советских войск должен быть нанесен в этом направлении.

3. Берлин потерял свое прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы.

4. План образования второго дополнительного кольца путем соединения советских и Ваших войск где-либо в районе Вена, Линц, Регенсбург также одобряется Советским Главнокомандованием.

5. Начало главного удара советских войск приблизительно — вторая половина мая. Что касается дополнительного удара в район Вена, Линц, то он уже осуществляется советскими войсками. Впрочем, этот план может подвергнуться изменениям в зависимости от изменения обстановки, например, в случае поспешного отхода немецких войск сроки могут быть сокращены. Многое зависит также от погоды.

6. Вопрос об усовершенствовании связи между нашими войсками изучается Генеральным штабом, и соответствующее решение будет сообщено дополнительно.

7. Что касается неприятельских войск на восточном фронте, то

установлено, что их количество постепенно увеличивается. Кроме 6 танковой армии СС на восточный фронт переброшено: три дивизии из Северной Италии и две дивизии из Норвегии».[452]

Ответ не содержал точных сведений о направлении главного удара и времени начала наступления советских войск — Сталин прекрасно сознавал, какое политическое значение будет иметь взятие Берлина, и не стремился подстегивать к этому союзников.

Ответ Сталина сыграл свою роль: Эйзенхауэр отклонил настойчивую просьбу Монтгомери о выделении ему десяти дивизий для наступления на Берлин, более того, передал из состава 21-й группы армий, которой командовал Монтгомери, 9-ю американскую армию в состав 12-й группы армий генерала Брэдли. Тот разделял точку зрения Эйзенхауэра, считал, что взятие Берлина будет стоить около 100 тысяч солдатских жизней, а это «слишком большая цена престижного объекта, особенно учитывая, что мы его должны будем передать другим». Комитет начальников штабов, а затем и президент Ф. Рузвельт решение Эйзенхауэра поддержали.

Иначе думал премьер-министр Великобритании У. Черчилль. 1 апреля он направил президенту США телеграмму следующего содержания:

«Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как нападение на Берлин. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдержать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».[453]

Но эта телеграмма У. Черчилля стала по существу последней попыткой добиться пересмотра решения Эйзенхауэра о наступлении войск западных союзников в направлении Лейпцига и Дрездена.

В это же время в Москве, в Ставке ВГК, обсуждались детали плана Берлинской операции. После докладов А.И.Антонова, Г.К.Жукова и И.С.Конева было решено наступление на Берлин начать 16 апреля, не дожидаясь поддержки 2-го Белорусского фронта, чьи основные силы решали задачу ликвидации группировок противника в районе Данцига и

---

452 Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 257.

453 Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 443.

Гдыни. Жукову предстояло наступать в первые дни с открытым правым флангом, но ждать было нельзя — к Сталину поступила информация, что германское руководство активизировалось в поисках сепаратных соглашений с английским и американским правительствами. Представлялось весьма вероятным, что немцы прекратят всякое сопротивление на западе и откроют англо-американским войскам дорогу на Берлин, лишь бы не сдать его русским.

Во время совещания у Сталина Конев заявил, что его войска тоже хотят участвовать в штурме Берлина, а разграничительная линия между ними и фронтом Жукова не позволяет сделать этого. Верховный, подойдя к карте, зачеркнул часть разграничительной линии, проходящей юго-западнее Берлина: пусть город штурмует тот, кто первым в него ворвется. У Жукова возникло опасение, что это потребует дополнительной увязки взаимодействия, иначе войска фронтов перемешаются и нарушится управление, как это уже было под Харьковом в 1943 году. Конев воспринял жест Сталина по-своему:

«Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен… Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом, но я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов. Для меня, во всяком случае, остановка разграничительной линии на Люббене означала, что стремительность прорыва, быстрота и маневренность действий на правом крыле фронта могут впоследствии создать обстановку, при которой окажется выгодным наш удар с юга на Берлин. Был ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность…»[454]

На следующий день после совещания в Ставке ВГК Сталин подписал директиву № 11 059 для 1-го Белорусского фронта:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин и не позднее двенадцатого — пятнадцатого дня операции выйти на р. Эльба.

2. Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырех общевойсковых и двух танковых армий.

На участок прорыва привлечь пять-шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76-мм и выше на один километр фронта прорыва.

3. Для обеспечения главной группировки фронта с севера и с юга нанести два вспомогательных удара силами двух армий каждый. Первый — из района северо-западнее Бервальде в общем направлении на Эберсвальде, Фербеллин; второй — с плацдармов на р. Одер севернее и южнее Франкфурта-на-Одере в общем направлении на Фюрстенвальде, Потсдам, Бранденбург, в обход Берлина с юга.

4. Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока.

---

454 Конев И. С. Записки командующего фронтом. С. 303–304.

5. Армию второго эшелона использовать для развития успеха на главном направлении.

6. Разграничительные линии:

— со 2-м Белорусским фронтом — согласно директиве Ставки № 11 053 от 1.04.1945 г.;

— с 1-м Украинским фронтом с 15.04.1945 г. до Унруштадта — прежняя, далее оз. Энсдорфер-Зее, Гросс-Гастрозе, Люббен (все пункты, кроме Люббена, для 1-го Белорусского фронта включительно).

7. Ответственность за обеспечение стыков со 2-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами — прежняя.

8. Начало операции — согласно полученным Вами лично указаниям.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».[455]

Командующему 1-м Украинским фронтом директивой Ставки № 11 060 предписывалось:

«..Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Котбус и южнее Берлина. Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

…Установить с 15.04.1945 г. следующую разграничительную линию с 1-м Белорусским фронтом: до Унруштадта прежняя и далее оз. Энсдорфер-Зее, Гросс-Гастрозе, Люббен (все пункты, кроме Люббена, для 1-го Белорусского фронта включительно)…»[456]

В то время, когда советские войска готовились к штурму Берлина, генерал Эйзенхауэр посетил штабы передовых американских армий. Командир дивизии, выходившей к Эльбе, браво доложил: «Мы идем вперед и войдем в Берлин. Ничто нас не остановит». Эйзенхауэр не возражал: «Давай! Желаю всяческих успехов, и пусть никто не остановит тебя». 12 апреля дивизия вышла к Эльбе, где была остановлена курсантами немецких военных училищ.

Питая в сердце надежду на заключение сепаратного мира с западными державами, Гитлер всячески подавлял пораженческие настроения в среде германского командования. Узнав, что в январе 1945 года Гудериан высказал Риббентропу недвусмысленное сомнение в благополучном исходе войны, он жестко заявил: *«Я самым категорическим образом запрещаю обобщения и выводы в отношении ситуации в целом. Это остается моей прерогативой. В будущем любой, кто скажет кому-нибудь еще, что война проиграна, будет считаться предателем, со всеми вытекающими последствиями для него и его семьи — невзирая на его ранг и положение* ».[457]

Теперь Гитлеру было нужно любой ценой остановить наступление Красной Армии. Все основные силы он бросил на оборону рубежей вдоль

---

455 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 223.

456 Там же. С. 225.

457 Цит. по: Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь великих диктаторов: В 2 т. Т. 2. Гл. 12–20 / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. С. 539.

Одера и Нейсе, создав наиболее мощные и глубокие оборонительные эшелоны против войск

1-го Белорусского фронта. Напомним, что за одерско-нейсенским рубежом был заблаговременно оборудован Берлинский оборонительный район, включавший три кольцевых обвода вокруг столицы Германии.

Державшие оборону на берлинском направлении войска групп армий «Висла» и «Центр» насчитывали около 1 миллиона человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил поддерживали с воздуха 3300 боевых самолетов 6-го воздушного флота и воздушного флота «Рейх».[458] В резерве Главного командования Сухопутных войск находилось восемь дивизий, а в самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма.

Общая численность участвовавших в Берлинской операции советских войск составляла 2,5 миллиона человек. На их вооружении находилось 41,6 тысячи орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов.[459]

До начала операции на кюстринском плацдарме (44 километра по фронту и около 10 километров глубиной), откуда наносился главный удар, Жуков за короткий срок сосредоточил 47, 3 и 5-ю ударные, 8-ю гвардейскую армии и 9-й танковый корпус. 14 и 15 апреля в полосе 1-го Белорусского и в ночь на 16 апреля на 1-м Украинском фронтах была проведена разведка боем. В ходе двухдневных боев подразделения и части 1-го Белорусского фронта местами вклинились в оборону врага на глубину до 5 километров. Однако полученные в результате разведки боем данные о мероприятиях, проводимых противником, в полной мере учесть и проанализировать не удалось.

Поздно ночью 16 апреля, за несколько часов до начала операции, Жуков приехал в расположение 8-й гвардейской армии на командный пункт В.И.Чуйкова. В 5 часов утра тишину разорвал рев тысяч снарядов и мин, грохот разрывов и гул бомбардировщиков. Казалось, на позициях противника, затопленных морем огня, металла и дыма, не должно остаться ничего живого. В довершение ко всему вражеских солдат ослепили 147 мощных прожекторов. Когда огонь артиллерии был доведен до наивысшего предела, за прикрытием двойного огненного вала в атаку двинулись пехота и танки.

Однако противник сражался с ожесточением. «К 13 часам я отчетливо понял, — вспоминал Георгий Константинович, — что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять. Для того чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно обе танковые армии генералов М.Е.Катукова и С.И.Богданова».[460]

В 3 часа дня 16 апреля Жуков доложил Сталину о своем решении. Последовало распоряжение поддержать удар танковых армий

---

458 См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 269.

459 Там же. С. 270.

460 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 242.

бомбардировочной авиацией, а вечером доложить, как сложатся дела.

Танковые армии, предназначенные для развития успеха, втянулись в затяжные бои и не смогли взять с ходу Зееловские высоты. Вечером, когда Жуков вновь связался со Ставкой, Сталин был крайне резок. Георгий Константинович пообещал прорвать оборону на зееловском рубеже к исходу следующего дня.

Возвращаясь позже к анализу Берлинской операции, Жуков отмечал: *«Ошибок не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня. При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием. Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя»* .[461]

Но это понимание пришло позже. А в разгар сражения вина ложилась на подчиненных Жукова. В половине девятого вечера 17 апреля он подписал следующий приказ:

«1. Хуже всего проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА (танковая армия. — В.Д.) под командованием генерал-полковника Катукова и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова.

Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй день действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.

Командарм Катуков и его командиры корпусов Ющук, Дремов, Бабаджанян за полем и за действиями своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10–12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлин.

Я требую:

а) Не медля развить стремительность наступления. 1-й и

2-й танковым армиям и 9 тк (танковый корпус. — В.Д.) прорваться при поддержке 3, 5 и 8-й гв. армий в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина.

Все крупные населенные пункты и узлы дорог обходить, имея в виду, что в этих местах противник будет иметь сильную ПТО (противотанковая оборона. — В.Д.). Танковым армиям не разбрасываться по фронту и действовать кулаком.

б) Всем командармам находиться на НП (наблюдательный пункт. — В.Д.) командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении, а командирам корпусов находиться в бригадах и дивизиях первого эшелона на главном направлении. Нахождение в тылу войск категорически запрещено.

---

461 Там же. С. 244–245.

в) Всю артиллерию, в том числе БМ (большая мощность. — В.Д.), подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2–3 км за эшелоном, ведущим бой. Действия артиллерии концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв.

3. Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш.

Жуков Телегин».[462]

Вечером того же дня командующий 1-м Украинским фронтом Конев доложил в Ставку, что его танковые армии, форсировавшие накануне Нейсе, начали отрываться от общевойсковых армий и выдвигаться глубоко вперед в северо-западном направлении. Сталин предложил через образовавшийся прорыв на участке 1-го Украинского фронта пустить и подвижные войска Жукова. Но Конев посчитал, что это займет много времени и создаст большое замешательство, а поэтому будет лучше повернуть две танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин в направлении на Цоссен (в 25 километрах южнее Берлина). Сталин с этим предложением согласился. «Танковые армии могли понадобиться — и впоследствии понадобились — самому 1-му Белорусскому фронту после взлома вражеской обороны на другом направлении, — писал Конев. — Танковые же армии нашего фронта, войдя в прорыв, по существу, уже были готовы к удару на Берлин. Их оставалось только повернуть, или, как я уже говорил, „довернуть“, в нужном направлении. Теперь, когда они фактически уже выходили на оперативный простор, такой „доворот“ не составлял большого труда, тем более что командование танковых армий было готово к выполнению именно такой задачи».[463]

После разговора со Сталиным командующий 1-м Украинским фронтом сразу же приказал 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям повернуть на Берлин. Вечером 20 апреля Конев направил командующим этими армиями П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко следующий приказ:

«Войска Маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми.

Исполнение донести.

Конев Крайнюков».

Чуть позднее Жуков подписывает приказ № 10 624, направленный командующему 2-й гвардейской танковой армией:

«2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т. Сталину и объявление в прессе.

Жуков Телегин».

---

462 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 442–443.

463 Конев И. С. Записки командующего фронтом. С. 327.

Аналогичный приказ был отдан командующему 1-й танковой армией.

Соперничество между командующими фронтами стало выходить за пределы мудрости и взвешенности в принятии решений. Танковые соединения обоих фронтов с огромным трудом преодолевали массированную оборону на подступах к Берлину.

Свое суждение относительно использования танковых армий при штурме Берлина высказал после войны Маршал Советского Союза А.М.Василевский. «В тесном взаимодействии с общевойсковыми эти армии прорывали 3 оборонительные полосы одерско-нейсенского рубежа, — писал он, — действовали самостоятельно при осуществлении маневра на окружение берлинской группировки с севера и юга; участвовали в штурме Берлина, сохраняя собственные полосы действий. Опыт этой операции еще раз убедительно показал нецелесообразность применения крупных танковых соединений в сражении за большой населенный пункт; они теряют здесь свои главные преимущества — ударную силу и маневренность».[464]

21 апреля части 3-й ударной (генерал В.И.Кузнецов),

2-й гвардейской танковой (генерал С.И.Богданов) и 47-й (генерал Ф.И.Перхорович) армий 1-го Белорусского фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, прорвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе. К исходу того же дня 8-я гвардейская (генерал В.И.Чуйков) и 1-я гвардейская танковая армии (генерал М.Е.Катуков) также вклинились в городской оборонительный обвод. 3-я и 4-я гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта за 19 и 20 апреля продвинулись на 95 километров и вышли на подступы к Берлину с юга. 21 апреля

3-я гвардейская танковая армия ворвалась на южную окраину Берлина, а 4-я гвардейская танковая армия вышла на южные подступы к Потсдаму. Используя их успех, общевойсковые армии ударной группировки фронта быстро продвигались на запад.

Первая весть о прорыве советских войск на окраины германской столицы была отправлена из штаба 1-го Украинского фронта:

«Москва, тов. Сталину, лично.

1.3 гв. ТА Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17.30 ведет бой за Тельтов и в центре Ланквиц.

2. 4 гв. ТА Лелюшенко — 10 тк ведет бой в районе Зармут (10 км юго-вост. Потсдам).

22.00 22.4.45.

Конев».

Успешные действия 1-го Украинского фронта вынудили германское командование повернуть против войск Конева 12-ю армию, предназначавшуюся для сдерживания американских войск. Она должна была в районе Йютербога соединиться с пробивавшимися на запад немецкими войсками 9-й армии и частью сил 4-й танковой армии. Для нанесения удара по советским соединениям, обходившим Берлин с севера, намечалось использовать армейскую группу обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера.

С 20 по 26 апреля части 2-й армии Войска Польского и 52-й армии

---

464 Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 465.

(генерал К.А.Коротеев), наступавшие на дрезденском направлении, отразили сильный контрудар трех пехотных, двух танковых и одной моторизованной дивизий из района Герлица, чем обеспечили дальнейшее наступление главной группировки 1-го Украинского фронта.

Крупные соединения 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 26–30 апреля ударами по сходящимся направлениям окружили и ликвидировали двухсоттысячную франкфуртско-губенскую группировку противника.

Однако немецкие войска, оборонявшие Берлин, продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. 23 апреля берлинское радио передало заявление Геббельса о том, что руководство обороной города взял на себя сам фюрер, и это придает битве за столицу европейское значение. По словам Геббельса, на защиту Берлина выступило все население, а члены партии, вооруженные панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрестках улиц.[465]

В тот же день командование 1-го Белорусского фронта предложило гарнизону Берлина сдаться, но ответа не последовало.

Тем временем возник новый объект соперничества между Жуковым и Коневым — Бранденбург, в районе которого должны были соединиться войска 47-й армии 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Жуков, стремясь первым овладеть Бранденбургом, потребовал 25 апреля в 1 час ночи от командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса:

«6 мк 1-го Украинского фронта на подходе к г. Бранденбург с юго-востока.

Командующий фронтом приказал:

Одну кавалерийскую дивизию с одной танковой бригадой немедля повернуть для стремительного удара на юг с задачей занять г. Бранденбург до подхода 6 мк — к утру 25.4.45 г. Командующему 2 гв. ТА дано распоряжение о выдвижении одной тбр из г. Нацен в г. Шванебек в Ваше распоряжение. Главным силам корпуса продолжать наступление на г. Ратенов и выполнять ранее поставленную задачу. Малинин».

Несмотря на требование Жукова, первой — 24 апреля вечером — достигла Бранденбурга 4-я гвардейская танковая армия. На следующий день ее передовые части соединились в районе Кетцина, северо-восточнее Бранденбурга, с передовыми частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта и замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. Конев сразу направил донесение И. В. Сталину:

«Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза т. Сталину

4 гв. танковая армия Лелюшенко, развивая наступление

6 мк, овладела гор. Кетцин и в 23.30 24.4.45 г. в районе Бухов — Карпцов (6 км сев. вост. гор. Кетцин) соединилась с частями 1 — го Белорусского фронта, завершив тем самым окружение гор. Берлин с запада. 6 мк 4 гв ТА в 23.00 24.4 полностью овладел гор. Бранденбург Конев Крайнюков № исх. 205

25 апреля 1945 г. 01.00».

25 апреля войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с

465 См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 281.

войсками 1-й американской армии. В это время войска 2-го Белорусского фронта форсировали Вест-Одер и прорвали оборону на его западном берегу, сковав 3-ю танковую армию противника и лишив ее возможности нанести контрудар с севера по советским войскам, окружавшим Берлин.

Отказ берлинского гарнизона сложить оружие дорого обошелся жителям столицы Германии. Днем 25-го и в ночь на 26 апреля более двух тысяч бомбардировщиков 16-й и 18-й воздушных армий нанесли по Берлину три массированных удара.

Между тем соперничество Конева и Жукова продолжалось. 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко форсировала с ходу реку Шпрее и с ожесточенными боями продвигалась к центру Берлина. Так как разграничительная линия между войсками фронтов была изменена и проходила примерно по центру города, части Рыбалко оказались в тылу боевых порядков 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта.

Началась неразбериха, о возможности которой Жуков предупреждал Сталина во время обсуждения плана Берлинской операции. Прошло около двух суток, прежде чем Конев обратился к Жукову с просьбой принять меры по исправлению создавшегося положения:

«Войска армии т. Рыбалко и т. Лучинского сегодня, 28 апреля 1945 г. с боями вошли правыми флангами к Антальскому вокзалу (правая разграничительная линия фронта), уступом и левым флангом ведут бой за Вильмерсдорф, Холензее. По донесению т. Рыбалко, армии т. Чуйкова и т. Катукова 1-го Белорусского фронта получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Лантвер канала, таким образом, они режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север.

Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катукова.

О вашем решении прошу сообщить.

Конев Крайнюков Петров

№ 00222/оп

28 апреля 1945 г. 20.45».

В тот же вечер Жуков, оставив без внимания обращение Конева, направил Сталину телеграмму, в которой указывал: «Две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мсбр 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из ст. Пале-штрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельхоф) на север вдоль железной дороги, 28.4.45 г. вышли в тыл боевых порядков 8 гв. А и 1 гв. ТА. Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и к затруднению в управлении. Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части Украинского фронта в г. Берлине».

Кто прав, кто виноват? Конев жалуется, что соединения Жукова «режут боевые порядки» войск 1-го Украинского фронта. Жуков в возникшей путанице обвиняет Конева. Добился своего Сталин, зачеркнув разграничительную линию юго-западнее Берлина. Организовав никому не нужное соревнование фронтов, он умудрился «столкнуть лбами» двух полководцев в момент, когда исход войны был полностью предрешен.

При этом он не забывал 41-й, когда хотел отдать Конева под трибунал за развал Западного фронта. Жуков защитил. И Конева, и Москву.

Сталин смотрел в будущее, а там в ореоле Победителя он видел только себя. Чтобы властвовать, нужно уметь разделять.

Отдадим должное Иосифу Виссарионовичу: психологию он понимал тонко и хорошо представлял, что слава для полководцев, вышедших из народной глубинки, тоже не мало значит…

Лишь осознав, что путаница в управлении фронтами может привести к тяжелым последствиям, Сталин наконец-то определил разграничительную линию:

«Директива Ставки ВГК № 11 077 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении разграничительной линии

28 апреля 1945 г. 21.20

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24.00 28.04.1945 г. установить следующую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорфа прежняя, затем ст. Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, ст. Савиньи, далее по железной дороге на ст. Шарлоттенбург, ст. Весткройц, ст. Руле-бен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно).

2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин А. Антонов».[466]

К этому времени части 3-й гвардейской танковой армии достигли Тиргартена. Теперь их место должны были занять войска 1-го Белорусского фронта. В своих мемуарах Конев пишет: «Телефонный разговор, который имел по этому поводу с Павлом Семеновичем (Рыбалко. — В.Д.), был довольно неприятным. Он заявил, что ему непонятно, почему корпуса, уже нацеленные на центр города, по моему приказу отворачиваются западнее, меняют направление наступления. Я хорошо понимал переживания командарма, но мне оставалось только ответить, что наступление войск 1-го Белорусского фронта на Берлин проходит успешно, а центр Берлина по установленной разграничительной линии входит в полосу действий 1 — го Белорусского фронта».[467]

После войны И.С.Конев писал: «Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина… Жуков был крайне раздражен, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта».[468] Так ли все было на самом деле или нет, ясно одно: взаимоотношения между командующими двух фронтов во время

---

466 Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 232.

467 Конев И. С. Записки командующего фронтом. С. 408.

468 Там же. С. 503–504.

Берлинской операции оставляли желать лучшего и не шли на пользу дела.

30 апреля 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта начал бои за рейхстаг. В тот же день в 22 часа 30 минут по московскому времени артиллеристы-разведчики 136-й армейской пушечной артиллерийской бригады старшие сержанты Г.К.Загитов, А.Ф.Лисименко, А.П.Бобров и сержант М.П.Минин из состава штурмовой группы 79-го стрелкового корпуса, возглавляемой капитаном В.Н.Маковым, водрузили знамя на крыше рейхстага (на скульптурной фигуре «Богиня победы»).[469] Группа действовала совместно с батальоном капитана С.А.Неустроева. Через 2–3 часа также на крыше рейхстага (на скульптуре конного рыцаря — кайзера Вильгельма) по приказу командира 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии полковника Ф.М.Зинченко установили Красное знамя разведчики, сержант М.А.Егоров и младший сержант М.В.Кантария, которых сопровождали лейтенант А.П.Берест и автоматчики из роты старшего сержанта И.Я.Съянова. 2 мая этот стяг был перенесен на купол рейхстага в качестве Знамени Победы.

Несмотря на явную бессмысленность сопротивления, Гитлер упорно не хотел признавать своего поражения. 28 апреля он приказал открыть шлюзы на Шпрее, чтобы затопить метро, где укрывались тысячи жителей Берлина. Тогда же фюрер отклонил предложение коменданта Берлина генерала Вейдлинга о прорыве на запад, к англо-американским войскам. Он все еще надеялся на помощь извне, то и дело запрашивал, когда же войска деблокируют столицу. 30 апреля генерал-фельдмаршал Кейтель радировал, что 9-я армия не сумела вырваться из окружения, а 12-я армия наступать на столицу не может. Это означало конец. В этот же день Гитлер покончил с собой.

1 мая войска 3-й ударной армии, наступавшие с севера, встретились южнее рейхстага с частями 8-й гвардейской армии, наступавшими с юга. К 15 часам 2 мая сопротивление противника полностью прекратилось, остатки берлинского гарнизона сдались в плен. Борьба с отдельными группами, пытавшимися прорваться на запад, закончилась 5 мая.

2 мая Сталин подписал приказ по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту:

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлин более 70 ООО немецких солдат и офицеров…

…В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению

469 Правда. 1990. 30 апреля.

наименования „Берлинских“ и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует своим доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавших в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин

2 мая 1945 года. № 359».[470]

С 3 по 8 мая войска 1-го Белорусского фронта выходили к Эльбе, а 1-й Украинский фронт приступил к завершению освобождения Чехословакии. 2-й Белорусский фронт, преследуя остатки разбитой 3-й танковой армии, 2 мая вышел к Балтийскому морю, а 3–4 мая — на рубеж Эльбы, где установил связь с английской 2-й армией. Сопротивление немецких войск было окончательно сломлено.

В ходе Берлинской операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии, уничтожили большую часть авиации вермахта, взяли в плен около 480 тысяч человек, захватили около 11 тысяч орудий и минометов, более 1500 танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов.[471] Потери советских войск составили: безвозвратные — 78 291 человек (4,1 процента от общей численности), санитарные — 274 184 человека.[472]

Людские потери советских войск, о чем свидетельствуют и другие независимые исследования, были несоизмеримо меньше немецких. Но если задаться целью любыми средствами доказать жуковскую «бездарность», можно обойтись и без цифр. Как это делает, например, Б. В. Соколов, который совершенно безосновательно пишет: «Потери же Красной Армии в Берлинской операции, вопреки утверждению Жукова, были, как всегда, не меньше, а больше немецких».[473]

Потеряли много танков — около двух тысяч. Танки — не для лобовых ударов по железобетонным укреплениям и уличных боев. Вполне вероятно, что и это можно было предусмотреть, если бы не вынужденная спешка: Берлин в те дни стал целью не столько стратегической, сколько политической.

Цель эта была достигнута — немецкий фашизм прекратил свое существование.

Третья «Золотая Звезда» Героя Советского Союза — заслуженная

---

470 Цит. по: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М., 1975. С. 494–497.

471 История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 344.

472 См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 307.

473 Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 488.

оценка вклада Жукова в разгром немецко-фашистских войск в районе Берлина и победное завершение войны.

7 мая Георгий Константинович получил телеграмму за подписями И.В.Сталинаи А. И. Антонова:

«Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову Г.К.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил».[474]

Подписание акта о капитуляции происходило в ночь с 8 на 9 мая в здании бывшего военно-инженерного училища в юго-восточном райне Берлина Карлсхорст. С немецкой стороны К.Дениц, занявший по завещанию Гитлера пост рейхсканцлера, уполномочил на это начальника штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршала В.Кейтеля, главнокомандующего ВМС адмирала флота Х.Фридебурга и генерал-полковника авиации Г.Штумпфа. Вооруженные силы антигитлеровской коалиции кроме Г.К.Жукова представляли: от Верховного командования Союзных экспедиционных сил — главный маршал авиации А.Теддер (Великобритания), в качестве свидетелей — командующий стратегическими воздушными силами США генерал К.Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. де Латр де Тассиньи.

Этот исторический документ состоял из шести пунктов и содержал положения о безоговорочной капитуляции всех германских вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех других сил, находившихся в то время под немецким командованием. Германское Верховное командование обязывалось немедленно издать приказы всем своим войскам о прекращении военных действий с 23 часов 00 минут (по центрально-европейскому времени) 8 мая 1945 года, полном разоружении и передаче всего оружия и военного имущества местным союзным командующим или выделенным ими офицерам. Германской стороне запрещалось разрушать или повреждать любые суда, самолеты, их двигатели, корпуса и оборудование, а также машины, вооружение, аппараты и все военно-технические средства ведения войны.

Акт о капитуляции Германии был подписан 9 мая в 0 часов 43 минуты по московскому времени.

Глава XIII. На круги своя

Гулкой волной раскатилась по Красной площади дробь восьмидесяти барабанов. Влажные полотнища беспомощно волочились по мокрой брусчатке. Повисшие на опущенных к земле древках двести знамен разгромленных на полях сражений фашистских войск швырялись к подножию Мавзолея. Первым — штандарт Адольфа Гитлера.

Парад Победы, состоявшийся ненастным днем 24 июня, принимал Жуков. Выехав от Спасских ворот на белом коне, Георгий Константинович принял рапорт командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, а после исполнения гимна «Славься, русский народ» выступил с трибуны Мавзолея с приветственной речью.

474 Цит. по: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия / Политический портрет И.В.Сталина. В 2 кн. М., 1990. Кн. II. С. 337.

Торжественным маршем по Красной площади прошли сводные полки Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского, 2-го Белорусского, 1-го Белорусского, 1-го Украинского, 4-го Украинского, 2-го Украинского, 3-го Украинского фронтов и Военно-Морского Флота. Порядок прохождения фронтов определялся их положением на театре военных действий к концу войны — с севера на юг.

Кстати, идея провести в ознаменование победы над фашистской Германией в Москве Парад Победы была высказана Сталиным 19 мая 1945 года на совещании членов Государственного Комитета Обороны и Генерального штаба. Она была сразу же горячо поддержана, и тогда никто не сомневался, что парад должен принимать Верховный главнокомандующий.

Но позднее, по воспоминаниям Георгия Константиновича, числа 18–19 июня, его пригласил на дачу Сталин. Спросив, не разучился ли Жуков еще ездить на коне, Сталин и поручил ему принимать Парад Победы.

Почему же Сталин отказался сам принимать парад? В своих мемуарах Жуков поведал следующее: *«На другой день я поехал на Центральный аэродром посмотреть, как идет тренировка к параду. Там встретил сына Сталина Василия. Он отозвал меня в сторону и рассказал любопытную историю:*

— Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понес отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову, а когда встал — плюнул и сказал: „Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист“».[475]

Когда Георгий Константинович принимал Парад Победы, он находился уже в статусе командующего Группой советских оккупационных войск в Германии и представителя советского Верховного главнокомандования в Контрольном совете по оккупации Германии.

Первое официальное заседание Контрольного совета было намечено на 5 июня. Видно не все было гладко и спокойно, так как накануне Жуков потребовал от командующих армиями «отработать планы подъема подразделений, частей, соединений и армий по боевой тревоге… Оборонительные сооружения строить и развивать только в ночное время и, в крайнем случае, в процессе плановых занятий по обороне небольшими подразделениями. Все построенные и находящиеся в постройке окопы, ходы сообщения, НП, ОП (наблюдательные пункты и огневые позиции. — В.Д.) и прочие инженерные сооружения к рассвету должны быть тщательно замаскированы от местного населения и наблюдения Союзников. Минирования местности до особого распоряжения не производить».

Перед началом заседания Контрольного совета генерал армии Д.Эйзенхауэр вручил Жукову высшую воинскую награду — медаль «Легион почета», которой его удостоило американское правительство. Эйзенхауэр очень высоко ценил Георгия Константиновича и считал, что тот «имел самый большой опыт руководителя величайшими сражениями, чем кто-либо другой в наше время… Совершенно очевидно, что он был величайшим полководцем». В узком кругу Эйзенхауэр заверял У.

---

475 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 305.

Гарримана, что «мой друг Жуков будет преемником Сталина, и это откроет эру добрых отношений» между СССР и США. Вспоминая о встрече в штаб-квартире Жукова, он отметил, что тот произвел «впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой».[476]

О некоторых важных деталях той встречи Георгий Константинович рассказал в своих «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Д.Эйзенхауэр рассказал о больших трудностях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придется договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Д. Эйзенхауэру, — придется решить вопросы о порядке полетов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс (командующий американской стратегический авиацией. — В.Д.), откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации.

А затем, обратившись ко мне, заметил:

— Сейчас я приехал к вам, господин маршал, с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдем общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками.

— Я согласен с вами и буду на этом настаивать, — ответил Д. Эйзенхауэр…

Внешне Д.Эйзенхауэр произвел на меня хорошее впечатление. *Мне понравились его простота, непринужденность и чувство юмора»* .[477]

Дружеский характер отношений между Жуковым и Эйзенхауэром едва не сломала серьезная заминка с открытием заседания Контрольного совета. Георгий Константинович ждал важного указания из Москвы, и ожидание это стало выходить за рамки приличий. Генерал Эйзенхауэр, не

476 Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. С. 494.

477 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 314–315.

намеренный терять время, заявил, что покинет Берлин, если заседание не начнется в ближайшие полчаса.

Через десять минут заседание открылось. Его участники подписали Декларацию о поражении Германии и принятии верховной власти в стране правительствами СССР, США, Англии и Франции. В соответствии с этой Декларацией, а также решениями Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Англии (февраль 1945 года) было официально оформлено учреждение Контрольного совета для осуществления верховной власти в Германии в период ее оккупации и выполнения основных требований безоговорочной капитуляции. В совет вошли представители всех четырех стран — главнокомандующие оккупационными войсками в зонах оккупации этих стран. Верховную власть в советской зоне оккупации осуществляла Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Аппарат СВАГ возглавлялся Главноначальствующим (он же Главнокомандующий) Г.К.Жуковым.

После подписания Декларации Жуков пригласил присутствовавших на банкет.

«Я сказал Жукову, что мне придется этим же вечером возвращаться во Франкфурт, и довольно рано, чтобы произвести там посадку до наступления темноты, — вспоминал Эйзенхауэр. — Он попросил меня согласиться на компромисс и зайти в банкетный зал на пару тостов и прослушать две песни в исполнении ансамбля Красной Армии. Он обещал мне быстрый проезд через город к аэродрому, сказав, что сам поедет со мной на аэродром и проследит, чтобы не было никаких задержек.

Столь гостеприимный жест Маршала в отношении своих союзников вызвал у меня сожаление, что я не могу оставаться здесь дольше. Ансамбль Красной Армии замечательно исполнял песни, а банкетный стол был заставлен русскими деликатесами. Перед моим уходом Маршал Жуков объявил, что только что получил из Москвы указание, одобренное генералиссимусом Сталиным, вручить фельдмаршалу Монтгомери и мне русский орден Победы — награду, которую до этого еще не получил ни один иностранец. Маршал спросил, когда я хотел бы провести церемонию вручения этого ордена, и я пригласил его посетить мой штаб во Франкфурте. Он принял приглашение и был доволен, когда Монтгомери тактично заметил, что поскольку в течение всей кампании в Европе он находился под моим командованием, то он тоже хотел бы получить эту награду в моем штабе».[478]

Церемония вручения орденов Эйзенхауэру и Монтгомери состоялась 10 июня. О том, как происходил прием по этому случаю, в воспоминаниях Монтгомери чрезмерной доброжелательности не просматривается: «Поздним утром Жуков прибыл с большой свитой, состоящей в основном из фотокорреспондентов и репортеров. Церемония награждения происходила в офисе Эйзенхауэра. Затем на большом балконе Жуков наградил медалями 24 британских и американских офицера штаба верховного союзного командования. Это было совершенно неорганизованное и недостойное зрелище, с фотографами, все время скачущими в поисках подходящей позиции для съемки. Однако награды, в конце концов, были благополучно вручены, хотя мне казалось, что в той обстановке медали свободно могли бы получить те, кому они не были

---

478 Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 495.

предназначены.

Перед обедом около 1700 американских и британских самолетов пролетели строем над нами, чтобы продемонстрировать воздушную мощь Запада, которая не могла не произвести впечатления на русских. Во время обеда американцы показали красочное кабаре-шоу с плавной музыкой и сложным танцем, исполняемым негритянками, обнаженными выше пояса. Русские никогда не видели и не слышали ни о чем подобном, и у них глаза на лоб полезли. Тем не менее им это очень понравилось, и они все время вызывали артисток на „бис“. Весь распорядок дня был тщательно разработан, и русские испытали щедрое гостеприимство американцев. Это был день демонстрации американского богатства и мощи».

Эйзенхауэр об этом событии сохранил более теплые впечатления: «Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской перед завтраком, и в это время, как было запланировано, провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации, полагая, что Маршал Жуков воспримет это как проявление глубокого уважения к нему. С ближайших аэродромов мы подняли сотни истребителей, за которыми строем пронеслись бомбардировщики всех типов, какие только у нас имелись. В ясную, солнечную погоду получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление. В соответствии с русским обычаем, насколько мы его знали, во время завтрака провозглашались тосты. Маршал Жуков был мастером провозглашения тостов, или, по крайней мере, таким он нам тогда показался, и его высказывания через переводчика делали честь союзникам и рождали надежду на успех нашего сотрудничества в будущем. Все по очереди провозглашали свои тосты — англичане, американцы, русские и французы. Мы, должно быть, не меньше десяти раз вставали при провозглашении тостов».[479]

Английское правительство также решило не остаться в долгу. В конце июня фельдмаршал Монтгомери вручил Георгию Константиновичу орден «Бани» I степени и Большой крест.

В последующий период Жуков был всецело занят подготовкой Потсдамской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, которая проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года.

Сталин, возглавлявший советскую делегацию, прибыл в Потсдам в хорошем настроении и, не скрывая удовлетворения, заявил: «Чувствуется, наши войска со вкусом поработали над Берлином. Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов. Так будет и впредь со всеми любителями военных авантюр».

Американскую делегацию возглавлял президент США Г.Трумэн, английскую — премьер-министр Великобритании У. Черчилль, а с 28 июля — сменивший его на этом посту К. Эттли. В работе конференции участвовали министры иностранных дел, военные советники и эксперты.

Три державы подтвердили, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» с тем, чтобы угроза агрессии никогда больше не исходила с немецкой земли. Объявлялась полная демилитаризация и разоружение Германии — упразднение всех ее сухопутных, морских и

479 Там же. С. 496.

воздушных вооруженных сил, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, учебными заведениями, военными и полувоенными организациями. Все вооружение и амуниция должны быть уничтожены или переданы союзникам. В стране отменялись все нацистские законы, запрещалась нацистская и милитаристская пропаганда, а все, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских зверств, предавались суду. Утвержденные участниками конференции экономические принципы предусматривали ликвидацию всей военной промышленности, запрещение производства вооружения, военного снаряжения, военных самолетов и морских судов всех типов. Вводился строгий контроль над производством металлов, химических продуктов и других предметов, необходимых для военной экономики.

Считая недопустимым сохранение военно-экономического потенциала Германии, делегации США и Великобритании не согласились, однако, с предложениями делегации СССР об установлении совместного контроля четырех великих держав (включая Францию) над Рурской областью — военно-экономической базой германского милитаризма. Германия делилась на зоны оккупации войсками СССР, США, Великобритании и Франции. Специальные соглашения о репарациях подтверждали право народов, пострадавших от германской агрессии, на компенсацию и определяли источники получения репарационных платежей. Делегации решили, что все четыре державы получат репарации из своих зон оккупации и за счет германских вложений за границей, СССР дополнительно к этому — 25 процентов всего изымаемого из западных зон промышленного оборудования (из них 15 процентов в обмен на эквивалентные поставки угля, продовольствия и других товаров). Из своей доли репараций СССР удовлетворял репарационные претензии Польши. По предложению делегации СССР было принято решение о разделе поровну между СССР, США и Великобританией германского военно-морского и торгового флота не позднее 15 февраля 1946 года (большая часть подводных лодок по предложению английской делегации подлежала потоплению). Было принято решение о передаче СССР города Кенигсберга (с 1946 года — Калининград) и прилегающего к нему района. К Польше отходила часть Восточной Пруссии, а также город Данциг (Гданьск). Делегации США и Великобритании вынуждены были признать польское Временное правительство национального единства.

Конференция рассмотрела вопрос о главных военных преступниках и подтвердила намерение трех держав «предать этих преступников скорому и справедливому суду». На конференции была конкретизирована компетенция Контрольного совета в Германии, призванного осуществлять верховную власть четырех союзных держав — СССР, США, Великобритании и Франции — в период выполнения Германией основных требований Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, Декларации о поражении Германии, а также решений Потсдамской конференции. Советская делегация подтвердила готовность СССР выполнить свои обязательства, принятые на Крымской (Ялтинской) конференции относительно вступления СССР в войну против Японии.

На приеме, который устроил перед своим отъездом из Потсдама проигравший парламентские выборы Черчилль, произошел любопытный инцидент. Отставной британский премьер неожиданно провозгласил тост за здоровье Жукова. «Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост, — вспоминал Георгий Константинович. — Благодаря

У.Черчилля за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его „товарищем“. Тут же заметил недоуменные взгляды И.В.Сталина и В.М.Молотова и несколько смутился. Однако быстро оправился и, импровизируя, предложил тост за „товарищей по оружию“, наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии… На другой день, когда я был у И. В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел „товарища“ в лице У. Черчилля».[480]

После завершения Потсдамской конференции Г.К.Жукову пришлось заниматься подготовкой визита генерала Д.Эйзенхауэра в Советский Союз. Инициатором этого визита был И.В.Сталин. «Генералиссимус предложил, чтобы в рамки моего визита вошла дата 12 августа, — вспоминал Эйзенхауэр. — Это был день национального спортивного праздника в Москве. Я был рад предоставившейся мне возможности увидеть страну, в которой никогда до этого не бывал, но еще больше я был рад тому, что это означало, что Советское правительство было в такой же мере заинтересовано в развитии дружественных контактов, как и мы. Я быстро ответил согласием, и мне сообщили, что официально я буду гостем Маршала Жукова во время моего пребывания в Москве и что он будет сопровождать меня из Берлина в Москву».[481]

Жуков сопровождал Эйзенхауэра во время поездки в Москву и Ленинград. Эйзенхауэр запечатлел в своих мемуарах «Мандат для перемен» примечательный эпизод: «Сталин, босс, железной рукой правивший Советским Союзом, был начисто лишен чувства юмора… Вечером в кинозале мы смотрели советскую картину о взятии Берлина, где был показан и мой старый друг маршал Жуков со множеством орденов и медалей на парадном мундире. Во время демонстрации фильма Сталин сидел между мной и Жуковым. В какой-то момент я повернулся и сказал нашему переводчику, сидевшему позади Сталина: „Скажите маршалу Жукову, что, если он когда-либо потеряет свою работу в Советском Союзе, он сможет, как доказывает эта картина, наверняка найти работу в Голливуде“. Сталин молча выслушал переводчика. „Маршал Жуков, — сообщил он мне ровным тоном, — никогда не останется без работы в Советском Союзе“». Впрочем, у кого в этом случае юмор оказался тоньше, сказать трудно.

Постепенно выяснялось, что у русских и американцев было разным отношение не только к юмору. 14 августа, накануне отъезда Эйзенхауэра из Москвы, американский посол устроил прием в его честь. Глава военной миссии США в Москве генерал Джон Р. Дин вспоминал, что, выпив и закусив, Жуков и Эйзенхауэр пустились в дружеский спор о свободе прессы: «В результате выявилось фундаментальное различие их мышления. Эйзенхауэр очень хорошо изложил нашу позицию, но это не произвело на Жукова никакого впечатления. Он был продуктом поколения, которое никогда не знало никакого подобия индивидуальной свободы, и никакой аргумент не мог оправдать в его глазах безусловную свободу выражения своих чувств и мыслей устно или письменно, даже если они могут противоречить интересам государства».

480 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 336.

481 Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 514.

Разным было отношение у союзников и к проведению совместного военного парада в Берлине, который должен был продемонстрировать их единство. 7 сентября 1945 года в районе Бранденбургских ворот выстроились войска СССР, США, Англии и Франции. Атмосферу происходившего довольно точно уловил водитель Георгия Константиновича А.Н.Бучин.

«Маршал Жуков в парадном мундире объехал выстроившиеся войска, стоя в открытом „паккарде", который довелось вести мне, — вспоминал А. Н. Бучин. — Волнующее зрелище. Увы, западные правительства не захотели прислать своих высших командующих в оккупированной Германии. Что делать, Георгий Константинович занял место на трибуне, произнес приличествующую случаю речь, и перед ним прошли войска четырех держав. Технику западные державы не вывели, протопали части, несшие оккупационную службу в своих секторах в Берлине. Довольно комично выглядели шотландцы, здоровые ножищи с голыми коленками из-под клетчатых юбок.

Наши войска были великолепны, продемонстрировали безупречную строевую выучку. Трудно было поверить — перед трибуной, чеканя шаг, прошли ветераны Великой Отечественной, которые привыкли воевать, а не маршировать в парадном строю. Земля задрожала, когда пошла техника — тяжелые танки и самоходные орудия».

Это свидетельство советского солдата. А вот что писал американский исследователь У. Спар в своей книге о Г.К.Жукове:

«День парада приближался, и тут Жукову сообщили, что главнокомандующие трех остальных держав не смогут присутствовать и пришлют своих заместителей. Когда Жуков доложил об этом Сталину, диктатор отнес это на счет стремления союзников преуменьшить значение парада войск антигитлеровской коалиции. Он приказал Жукову самому принять парад. С точки зрения Жукова, парад оказался успешным и достиг своей цели.

Парадом достигли и другого. Советы смогли показать высокопоставленным союзным военачальникам новейшие образцы танков и самоходных орудий».

Д. Эйзенхауэр, с согласия правительства США, пригласил Жукова посетить Америку. «Согласие было сразу же получено, и мы думали, что Маршал в самое ближайшее время поедет в Соединенные Штаты, — пишет Эйзенхауэр в своей книге „Крестовый поход в Европу". — Он просил, чтобы генерал Клей или я поехал вместе с ним, чтобы у него был рядом друг во время визита в мою страну, точно так, как он меня сопровождал во время моей поездки в Россию. Я ответил ему, что в силу особых обстоятельств и проблем в данный момент я не могу поехать с ним, но договорился, что с ним поедет генерал Клей. Маршал Жуков спросил, не сможет ли мой сын Джон сопровождать его в качестве адъютанта. Я ему сказал, что для Джона это будет большой честью, более того, я буду рад отправить их на своем самолете С-54, которым сам постоянно пользуюсь. Это обрадовало Маршала. Он уже летал на этом самолете через Россию и верил в его надежность и мастерство экипажа. К сожалению, вскоре Маршал заболел. Поговаривали, что это якобы дипломатическая болезнь, но, когда я увидел его на следующем заседании Контрольного совета в Берлине, у него был вид человека,

перенесшего тяжелую болезнь».[482]

Маршал Жуков также ссылается на свою болезнь: «К сожалению, перед полетом я заболел. Пришлось еще раз звонить И. В. Сталину: „В таком состоянии лететь нельзя. Соединитесь с американским послом Смитом и скажите ему, что полет по состоянию здоровья не состоится“».[483]

И все же отмена визита в США имела, скорее всего, дипломатическую подоплеку. Например, в эти дни Эйзенхауэр получил послание от своего политического советника Р.Мэрфи, который сообщал, что сотрудники американского посольства в Москве видели Жукова в театре явно в хорошем самочувствии.

То, что «болезнь» Жукова была дипломатической, подтверждает и его дочь Элла: «Отец был глубоко огорчен, когда не смог по приглашению Эйзенхауэра посетить с ответным визитом США. Сталин сначала поддерживал идею визита, но потом по причинам, о которых можно только догадываться, изменил свое решение. „К сожалению, перед полетом я заболел“, — пишет отец в своих мемуарах… Но мы-то знали, что болезнь носила дипломатический характер. Мы поняли, что его, по сути дела, вынудили отказаться от желанной поездки. Не исключено, что таким образом ему указали на место».

Популярность маршала все больше и больше тревожила Сталина.

Наверняка знал он и о том, что для того, чтобы написать портрет Жукова, в Германию ездил известный художник П.Д.Корин. И ведь удалась работа: на ней Георгий Константинович, как и в жизни, выглядит волевым, по-военному подтянутым, ордена на груди — как сталь доспехов, металлом отливает синий маршальский мундир. И в лице, и в крепкой коренастой фигуре видится что-то железное, несгибаемое. По всему чувствуется: перед вами человек, который привык принимать ответственные решения, управлять огромными массами людей. Весь он — воплощение власти и военного приказа, которому подчинены миллионы жизней, миллионы судеб.

Во время пребывания в Германии на Корина тяжелое впечатление произвел один случай: увидел он, как наши солдаты выбрасывают из дома немецкого профессора ценнейшие книги. Жуков вмешался и безобразие прекратил.

Психология победителя на оккупированной земле — вещь сложная.

В то же время, когда Корин писал портрет Жукова, Е.В.Вучетич подарил Георгию Константиновичу его собственный бронзовый бюст в натуральную величину. На монументе были выгравированы слова:

«Тебе не смог в венец победный
Лавровой ветви я вплести,
Но постараюсь до столетий
Твой светлый образ донести.

Славному русскому полководцу XX века, Маршалу Г.К.Жукову в память о наших коротких встречах. Скульптор Вучетич. Ноябрь 1945 г. Берлин».

---

482 Там же. С. 522.

483 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 352.

Последняя встреча Г.К.Жукова и Д.Эйзенхауэра состоялась на приеме, который советская сторона давала в Берлине 7 ноября 1945 года. Эйзенхауэр, получивший приказ о возвращении в США, отмечал: «Когда я прибыл, Маршал Жуков со своей женой и несколькими старшими помощниками стояли в центре зала, принимая гостей. Он приветствовал меня и затем быстро покинул центр зала. Маршал взял свою жену под руку, и мы втроем уединились в уютной комнате, где был накрыт стол с самой изысканной закуской. В разговоре прошло два часа. Общий тон высказываний Маршала сводился к тому, что, по его мнению, мы в Берлине кое-чего добились для разрешения трудной проблемы установления взаимопонимания между двумя странами, столь разными по своим культурным и политическим взглядам, какими являлись Соединенные Штаты и Советский Союз. Маршал считал, что мы могли бы добиться еще большего. Он много говорил об Организации Объединенных Наций и заметил: „Если Соединенные Штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на нее запрет“».[484]

О своей работе на посту Главноначальствующего СВАГ и Главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии Жуков рассказывал военному историку Светлишину: «Забот было много. Понял я, сколь сложнейшее дело дипломатия. Требовалось без промедления разоружить оставшиеся германские войска, арестовать главарей фашизма, организовать управление государством, работу местных властей. Надо было накормить голодный, измученный войной немецкий народ».[485]

Вот лишь некоторые из тех вопросов, которые приходилось решать Георгию Константиновичу.

31 мая 1945 года он подписывает постановление военного совета 1-го Белорусского фронта «О снабжении молоком детей гор. Берлина». Оно содержит целый комплекс сложных вопросов, касающихся восстановления сельскохозяйственного производства, ветеринарной службы, организации работы молочных заводов, молочных пунктов, транспорта. В числе ответственных: заместитель командующего Серов, генералы Жижин и Антипенко, полковник Ткачев…

26 октября Жуков шлет, как особо важное, распоряжение военным советам армий: «Нами установлено, что некоторые передислоцирующиеся и уходящие части оставляют поля своих подсобных хозяйств необработанными, а сельскохозяйственный инвентарь берут с собой.

Между тем многие из этих подсобных хозяйств будут после ухода частей разделены между крестьянами в порядке земельной реформы или же переданы заводам.

Изъятие инвентаря может нанести ущерб севу и делу земельной реформы.

В связи с этим приказываю:

Вам обеспечить оставление передислоцирующимися или уходящими

---

484 Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 523.

485 Цит. по: Светлишин Н. Маршал Жуков: Крутые ступени судьбы // Советский воин. 1988. № 8. С. 15.

частями инвентарь бывших подсобных хозяйств и передачу этого инвентаря местным бургомистрам.

Если же подсобные хозяйства будут переданы новым воинским частям, то инвентарь передавать их представителям».[486]

Советской военной администрацией в Веймаре берутся под охрану объекты — архив, домик, дом-музей, связанные с жизнью и деятельностью Гёте, организуется безопасность кельи Мартина Лютера в Августинском монастыре города Эрфурта.[487]

В середине августа 1945 года в Карлсхорсте руководство Советской военной администрации в Германии провело совещание с начальниками управлений и отделов СВАТ. Как вспоминал бывший начальник управления СВА земли Тюрингия генерал Колесниченко, «в выступлении заместителя главноначальствующего СВАГ генерала армии В.Д.Соколовского был перечислен такой большой объем стоящих перед нами задач, что я еле поспевал записывать их, а записывать надо было, так как все они были очень важны и подлежали безусловному выполнению. В заключение главноначальствующий СВАГ Маршал Советского Союза Г.К.Жуков особо подчеркнул необходимость полной ликвидации нацистской идеологии, фашистских организаций, проявления в любом виде милитаризма, особенно в школах, университетах и спортивных организациях».[488]

Жуков стремился пресекать любые проявления недисциплинированности и грубого отношения к местному населению. В конце сентября 45-го года он направляет адресный приказ командирам и начальникам политотделов соединений:

«Поступил сигнал о возмутительных фактах мародерства, бесчинства, своевольства, допускаемых вашими подчиненными. На острове Рюген и в других местах районов дислокации отмечены факты изъятия у населения скота, лошадей и повозок, домашнего имущества, из квартир увозится мебель. В Штральзунде две баржи незаконно загружены домашним имуществом для отправки к новому месту.

Военные коменданты, препятствующие этим фактам произвола, подвергаются оскорблениям, угрозам расправы, и одного помощника коменданта связали и бросили в кювет.

Все это свидетельствует о том, что вы лично не хотите, видимо, поддерживать должный порядок в районе дислокации частей, не боритесь по-настоящему за честь и достоинство гвардейцев, лично потакаете этим бесчинствам и своевольствам.

Категорически предупреждаю лично вас, что, если не будут немедленно прекращены бесчинства и своевольства, вы будете отстранены от должности и сурово наказаны…»[489]

Через некоторое время военным советам армий и командующим родов войск направляется очередная секретная директива:

«Ваши меры борьбы с мародерством и самоуправством

---

486 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 450.

487 См.: Лагодский С. Василий Соколовский: полководец, стратег, дипломат. М., 1995. С. 237.

488 Цит. по: Колесниченко И. С. Битва после войны. М., 1987. С. 38.

489 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 448–449.

неудовлетворительны.

Бесчинства не прекращаются, порядку и дисциплине в войсках требуется более настойчивых и жестоких мер командования, особенно 2 УА, 47 А и 5 УА.

По дорогам передислоцирующиеся войска передвигаются вне строя, огромное количество рядовых, сержантов и офицеров на велосипедах, мотоциклах.

Командиры частей и соединений не желают, видимо, наводить должного порядка в своих частях, нарушают дисциплину строя на марше, не интересуются, откуда подчиненные приобретают велосипеды, мотоциклы и на какую надобность нарочные самовольно покидают строй…»[490]

В то время как Жуков занимался делами советской военной администрации, в Нюрнберге 20 ноября 1945 года начался судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников. Во время процесса защитник Генерального штаба и Верховного командования вермахта адвокат доктор Ганс Латернзер направил ходатайство в Международный военный трибунал «об истребовании письменного показания, данного под присягой» от Жукова. Защита считала, что «маршал Жуков, как эксперт по военным вопросам, должен ответить» на ряд вопросов. Поставленные вопросы носили альтернативный характер и занимали несколько страниц. Суть формулировок выражена в пункте 7: «Может ли высший военачальник в военное время отказаться от выполнения отданного ему приказа, против которого он безуспешно возражал?» Далее в документе говорилось:

«Если защита в состоянии будет получить доказательство того, что и в Советской Армии военачальники также не имели возможности оказывать влияние на окончательные решения своего правительства и что вопросы внешней политики и другие необходимые в политическом и военном отношении мероприятия были полностью исключены из круга вопросов, подлежащих их личному рассмотрению, то это, по мнению защиты, окажет огромное влияние на правильность решения, вынесенного по поводу аналогичных действий немецкого командования.

Если и в Советской Армии также имеет место тот принцип, что мероприятия, которые рассматриваются высшим руководством как необходимые, должны проводиться военачальниками вопреки их возможным высказываниям и личным возражениям и что безоговорочное воинское повиновение должно иметь место в интересах обеспечения и проведения операций, то это означает для членов организации если не окончательное снятие с них ответственности, то, по крайней мере, смягчение приговора в отношении их действий, которые производились на основании приказов. Почти одинаковое или, по меньшей мере, совершенно аналогичное толкование долга солдатского повиновения в обеих армиях окажет решающее влияние на истолкование положений устава, относящихся к выполнению приказов.

Что же касается самой организации как таковой, то в силу того, что действия ее членов могут повлечь и повлекут за собой в данном случае смягчение приговора Трибунала, она не может носить „преступный характер“».[491]

490 Там же. С. 451.

491 Цит. по: Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 94.

Надо сказать, что аналогичные вопросы, сформулированные высокопрофессиональным адвокатом, были поставлены генералу Б.Смиту и фельдмаршалу лорду Алленбруку. Ответить отрицательно на них было практически невозможно.

Члены Международного военного трибунала, рассмотрев ходатайства г. Латернзера, 27 апреля 1946 года приняли следующее решение:

«… 3. Ходатайство о направлении опросных листов генералу Беделу Смиту, фельдмаршалу лорду Алленбруку, маршалу Жукову.

Трибунал отклонил эти ходатайства как не относящиеся к делу».[492]

Тем не менее Международный военный трибунал, объявив преступными руководство национал-социалистской партии, гестапо, СД, СС и СА, не признал таковыми правительственный кабинет нацистской Германии, Генеральный штаб и Верховное командование вермахта.

…Ордена, изображенные художником Кориным на груди маршала Жукова, были лишь похожи на доспехи. Высоко ценятся заслуги на земле Русской, но не оберегают они от превратностей судьбы. Да к тому же, если учесть, что всегда грешен человек русский…

Нужда в непобедимых полководцах на некоторое время отпала.

В августе 1945 года бывший начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Группы советских оккупационных войск в Германии генерал А.А.Вадис сообщал своему руководству: «О Серове (заместитель Г.К.Жукова по гражданской администрации. — В.Д.) идут разговоры, что Героя Советского Союза он получил незаслуженно, это сделано Жуковым для того, чтобы приблизить Серова к себе…

Многие считают, что Жуков является первым кандидатом на пост наркома обороны. Жуков груб и высокомерен, выпячивает свои заслуги, на дорогах плакаты „Слава маршалу Жукову“. В одном из разговоров с армейским политработником, когда тот сослался на директиву Булганина о полит-органах, Жуков заявил: „Что Вы мне тычете Булганиным, я кто для Вас?“, желая подчеркнуть, что он не кто-нибудь, а заместитель наркома обороны».

В одну кучу спешно валилось все, что можно. После Парада Победы на своей даче Жуков произнес первый тост не за Сталина, а за «старейшего командарма Чуйкова». Певица Лидия Русланова на одном из приемов в Потсдаме назвала Жукова Георгием Победоносцем.

Тень заговора против Сталина, якобы замышленного Георгием Константиновичем с группой офицеров, — это уже серьезнее. В «дело Жукова» ложились обвинения в том, что он без серьезных оснований снимает с должностей высших начальников, утверждает «порочные» уставы, присваивает себе заслуги во многих победах и преуменьшает в них роль Сталина. В донесениях Сталину сообщалось, что некоторые известные генералы — командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков, командующий 1-й гвардейской танковой армией М.Е.Катуков, командующий артиллерией Группы советских оккупационных войск в Германии В. И. Казаков и другие — именуют себя «жуковцами», а не «сталинцами».

В апреле 1946 года Жуков отзывается в Москву и назначается главнокомандующим Сухопутными войсками. После должности первого заместителя он становится просто заместителем наркома обороны, к тому

492 Там же. С. 94.

же подчиняющимся Н.А.Булганину, дилетанту, не имевшему военного образования. Естественно, при властном характере Жукова между ними сразу же стали возникать трения.

В то время, когда Жуков еще только принимал дела на новой должности, начальник Главного управления контрразведки «Смерш» В.С.Абакумов фабриковал документы по так называемому «авиационному делу».

Все началось с письма, которое в августе 1945 года Василий Сталин отправил своему отцу. В письме содержалась жалоба на то, что «ВВС принимают от промышленности самолет Як-9 с дефектами, из-за которых бьется много летчиков». Тогда постановлением ГКО командующему ВВС Главному маршалу авиации А.А.Новикову был объявлен выговор «за невнимательное отношение к поступающим из строевых частей ВВС сигналам о серьезных дефектах самолета Як-9 с мотором 107А и отсутствие настойчивости в требованиях об устранении этих дефектов».[493] Новиков считал, что поводом для этого послужил его отказ представить Василия Сталина к присвоению звания генерала. Несмотря на это, под нажимом самого Иосифа Виссарионовича в начале марта 1946 года его сын все-таки стал генералом, а строптивый Новиков был отстранен от занимаемой должности. В середине марта для проверки Военно-Воздушных Сил создается государственная комиссия под председательством заместителя министра Вооруженных Сил Булганина. Члены комиссии, в состав которой входили видные военные деятели, в том числе маршалы Жуков и Василевский, нашли много недостатков в деятельности А. А. Новикова на посту командующего ВВС. Постановлением СНК СССР от 16 марта 1946 года Новиков был снят с занимаемой должности, а в апреле, несмотря на то, что он являлся депутатом Верховного Совета СССР, его арестовали.

30 апреля Новиков пишет пространное письмо Сталину, в котором заявляет о своей виновности «в еще более важных преступлениях», суть которых составляют… его связь с Жуковым и те «политически вредные» разговоры, которые велись с ним. Описание «пагубных» деяний Георгия Константиновича занимает несколько страниц. «Касаясь Жукова, я прежде всего хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаше бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет.

…Жуков ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является „добрым дядей“. Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов…

Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытался умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им.

Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних

---

493 Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993. С. 149.

полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены. То же говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой…»

Все же следователи Абакумова оказались плохими редакторами — пропустили они один абзац в тексте Новикова, где он говорит о себе: «Повторяю, что несмотря на высокое положение, которое я занимал, и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я все же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня еще с давних времен».

Тем не менее заявление «пришибленного» Новикова было зачитано на заседании Высшего Военного Совета, который состоялся 1 июня 1946 года под председательством Сталина. С точностью реконструировать ход этого заседания не представляется возможным, так как различные источники, прежде всего воспоминания участников, трактуют его с большой долей субъективности. Даже личные свидетельства, оставленные Георгием Константиновичем, весьма противоречивы. Совершенно точно, что «показания» Новикова были зачитаны полностью и что самую твердую позицию в защите Жукова занял маршал бронетанковых войск П.С.Рыбалко. Отдадим должное принципиальности и порядочности Павла Семеновича — уж у него-то были причины обижаться на Жукова, выслушал он от Георгия Константиновича кое-что незаслуженное в бытность командующим 3-й гвардейской танковой армией, во время штурма Берлина.

И.С.Конев, это подтверждается и другими свидетельствами, упоминает, что много грязи на голову Жукова, включая всякого рода бытовые подробности, вылил начальник Главного управления кадров генерал Ф.И.Голиков. Сам Конев на заседании отметил, что характер у Жукова неуживчивый, трудный, с ним работать очень трудно, не только находясь в его подчинении, но и будучи соседом по фронту. «Привел в качестве примера наши споры по Берлинской операции, — вспоминал Иван Степанович. — Но, однако, заявил, что категорически отвергаю предъявленные Жукову обвинения в политической нечестности, в неуважении к ЦК. Сказал, что считаю Жукова человеком, преданным партии, правительству и лично Сталину, честным коммунистом… Если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем более нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать».[494]

Генерал армии В.Д.Соколовский, по свидетельству Конева, «построил свое выступление в более обтекаемой форме, но принципиально подтвердил, что Жуков честный человек, честно выполнял приказы, и показал его роль в защите Москвы. Правда, и Соколовский заметил, что работать с Жуковым из-за неуживчивого характера действительно нелегко».

Опровергли большинство обвинений в адрес Жукова Маршал

---

494 Конев И. С. Записки командующего фронтом. С. 499.

Советского Союза К.К.Рокоссовский, генерал армии А.В.Хрулев.

При этом члены Политбюро Маленков, Молотов, Берия в один голос твердили, что Жуков зазнался, приписывает себе все победы Советских Вооруженных Сил, что он человек политически незрелый, непартийный и что суть характера Жукова не только в том, что он тяжелый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть бонапартистские замашки.

«Обвинения были тяжелые. Жуков сидел, повесив голову, и очень тяжело переживал: то бледнел, то заливался краской, — рассказывает Конев. — Наконец ему предоставили слово. Жуков сказал, что совершенно отвергает заявление А.А.Новикова, что характер у него не ангельский, это правильно, но он категорически не согласен с обвинениями в нечестности и непартийности, он коммунист, который ответственно выполнял все порученное ему партией; что он действительно признает себя виновным только в том, что преувеличил свою роль в организации победы над врагом…

После обсуждения и после выступления Г.К.Жукова Сталин, вновь обводя зал глазами, задал вопрос:

— Что же будем делать с Жуковым?..

Из зала со стороны нескольких членов Главного Военного Совета последовало предложение снять Жукова с должности Главнокомандующего сухопутными войсками. Мнение было единодушное. Жукова надо освободить от должности Главкома сухопутных войск…

Невольно у каждого сидящего возникало такое ощущение, что против Жукова готовятся чуть ли не репрессивные меры. Думается, что выступления военных, которые все дружно отметили недостатки Жукова, но в то же время защитили его, показали его деятельность на посту командующего фронтом, на посту координатора, сыграли свою роль. После этого у Сталина, по всей видимости, возникли соображения, что так решать вопрос с Жуковым — просто полностью отстранить, а тем более репрессировать — нельзя, это будет встречено неодобрительно не только руководящими кругами армии, но и в стране, потому что авторитет Г.К.Жукова среди широких слоев народа и армии был бесспорно высок. Поэтому кто-то из членов Политбюро и сам Сталин предложили назначить его командующим войсками небольшого военного округа. И тут же назвали — Одесский».[495]

Итоги заседания Высшего военного совета были подведены в приказе министра вооруженных сил И.В.Сталина№ 009 от 9 июня 1946 года:

«Совершенно секретно

Товарищу Сталину

Посылаем Вам исправленный, согласно Вашим указаниям, проект приказа Министра Вооруженных Сил Союза ССР о Маршале Жукове.

Булганин, Василевский.

8 июня 1946 года.

Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Министра Вооруженных Сил Союза ССР

9 июня 1946 г. № 009 г. Москва

Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г.

495 Там же. С. 500–501.

(подчеркнуто Сталиным. — В.Д.) утвердил предложение Высшего Военного Совета от 1 июня об освобождении Маршала Советского Союза Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными Войсками и этим же постановлением освободил Маршала Жукова от обязанностей Заместителя Министра Вооруженных Сил.

Обстоятельства дела сводятся к следующему.

Бывший Командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в Правительство заявление на Маршала Жукова, в котором сообщил о фактах недостойного и вредного поведения со стороны Маршала Жукова по отношению к Правительству и Верховному Главнокомандованию.

Высший Военный Совет на своем заседании 1 июня с. г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что Маршал Жуков, несмотря на созданное ему Правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями Правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц.

Маршал Жуков, утеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Более того, Маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым Правительству и Верховному Главнокомандованию.

Вопреки изложенным заявлениям Маршала Жукова (вставка Сталина. — В.Д.), на заседании Высшего Военного Совета было установлено, что все планы всех без исключения значительных операций Отечественной войны, равно как планы их обеспечения, обсуждались и принимались на совместных заседаниях Государственного Комитета Обороны и членов Ставки в присутствии соответствующих командующих фронтами и главных сотрудников Генштаба, причем нередко привлекались к делу начальники родов войск.

Было установлено, далее, что к плану ликвидации сталинградской группы немецких войск и к проведению этого плана, которые приписывает себе Маршал Жуков, он не имел отношения: как известно, план ликвидации немецких войск был выработан и сама ликвидация была начата зимой 1942 года, когда Маршал Жуков находился на Украинском (зачеркнуто Сталиным. — В.Д.) другом (написано Сталиным. — В.Д.) фронте, вдали от Сталинграда.

Было установлено дальше, что Маршал Жуков не имел также отношения к ликвидации крымской группы немецких войск, а равно как и проведению этого плана.

Было установлено, далее, что ликвидация Корсунь-Шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не Маршалом Жуковым, как он заявлял об этом (дополнение Сталина. — В.Д.), а Маршалом Коневым, а Киев был освобожден не ударом с юга, с Букринского плацдарма, как предлагал Маршал Жуков, а ударом с севера…

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги Маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя исключать (зачеркнуто Сталиным. —

В.Д.), отрицать, как это делает Маршал Жуков (написано Сталиным. — В.Д.), и того (зачеркнуто Сталиным. — В.Д.), что без удара с юга войск Маршала Конева и удара с севера войск Маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят.

Высший Военный Совет, рассмотрев вопрос о поведении Маршала Жукова, единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением и, исходя из этого, решил просить Совет Министров Союза ССР об освобождении Маршала Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными Войсками.

…Совет Министров Союза ССР на основании этого (зачеркнуто Сталиным. — В.Д.) изложенного (дописано Сталиным. — В.Д.) принял указанное выше решение об освобождении Маршала Жукова от занимаемых им постов и назначил его Командующим войсками Одесского военного округа.

Министр Вооруженных Сил Союза ССР
Генералиссимус Советского Союза
И. Сталин».[496]

После освобождения от должности главкома Сухопутными войсками Жуков не стал задерживаться в Москве. Уже 13 июня 1946 года он прибыл в Одессу, где располагался штаб военного округа. Спецпоезд маршала был принят не на главном пути, а на задворках станции. «Одинокая группа встречающих генералов, офицеров, — вспоминал А.Н.Бучин. — Растерянных, явно не в своей тарелке. Георгий Константинович не подал и виду, что заметил их состояние. Тепло, не по-уставному поздоровался, завязался разговор. Мы тем временем мигом выгрузили „мерседес“ и „бьюик“. Жуков и охрана заняли свои места, и две огромные, по масштабам одесских улиц, черные машины покатили к штабу округа, куда прежде всего направился новый командующий».

Не успел Жуков вступить в новую должность, как последовал вызов в Москву, на Пленум ЦК ВКП(б). Об этом Георгий Константинович рассказывал историку Светлишину: «Когда я увидел, что Сталин снова одет в довоенный френч, понял: быть „грозе“. И опять не ошибся. После рассмотрения общеполитических вопросов и назревших проблем по восстановлению народного хозяйства Пленум приступил к обсуждению персональных дел отдельных членов ЦК.

Семь человек, выведенных из состава ЦК, один за другим покинули зал заседаний. И тут я услышал свою фамилию. Каких-то новых фактов, доказывающих мою вину, не было приведено. Поэтому, когда мне было предложено выступить, я отказался от слова. Оправдываться мне было не в чем. Состоялось голосование, и меня вывели из состава ЦК. Как только руки голосовавших опустились, я поднялся со своего места и строевым шагом вышел из зала…»[497]

В Одесском военном округе все сразу почувствовали твердую руку маршала. В частях и соединениях резко повысился накал боевой учебы. Вот что пишет об этом офицер для особых поручений маршала

---

496 Цит. по: Данилов В. Донос. Секретные документы заговора против Маршала Советского Союза Георгия Жукова//Совершенно секретно. 1993. № 2.

497 Цит. по: Светлишин Н. Маршал Жуков: Крутые ступени судьбы // Советский воин. 1988. № 8. С. 17.

С.П.Марков: «В войска и на учения Георгий Константинович выезжал в любое время года и в любую погоду. Вспоминается, как в феврале 1947 года он поездом направился на штабные учения в Тирасполь. В пути нас настигла сильная пурга, снегом занесло железнодорожные пути. Движение было приостановлено.

Можно было отменить или перенести на день-два проведение учений. Но это было не в характере Жукова. Встал вопрос: как дальше следовать в Тирасполь? И тогда, как и в боевые времена Великой Отечественной войны, по указанию маршала были вызваны маленькие самолеты Ан-2. С примитивной маленькой площадки в пургу они поднялись в воздух и вскоре приземлились близ города. Штабные учения начались точно в срок, как и было предусмотрено планом. Жуков исколесил всю территорию округа, чаще всего бывал в Николаеве, Тирасполе, Кишиневе, Бельцах, Бендерах».

Вечно больной вопрос нашей армии — бытовые условия офицерского состава — без конфликтов с местным руководством не решишь. Первая проблема, с которой столкнулся Георгий Константинович, — офицеры и члены их семей часто страдают от нападений преступников. Офицеры получили право на круглосуточное ношение личного оружия. На первых порах эффект был обратным. Нападать на офицеров стали чаще — теперь уже с целью завладеть оружием. Тогда Жуков дал им право применять оружие в случаях опасности нападения со стороны преступников. По указанию маршала Одесса была разбита на сектора, в каждом из которых специально выделенная воинская часть проводила специальные мероприятия: тотальные проверки документов, налеты на притоны, засады. Всех задержанных, среди которых, естественно, было и много законопослушных граждан, случайно попавших в облавы, отправляли на ночь в комендатуру, а утром передавали милиции. В результате бандиты стали остерегаться нападать на военных. Местные же власти расценили действия командующего округом как самоуправство, о чем было сообщено в Москву.

Главный же конфликт Жукова с Одесским обкомом ВКП(б) произошел на почве квартирного вопроса. Многие офицеры округа, снимая жилье, были вынуждены тратить на его оплату до половины жалованья. Военные ведомства жилья в ту пору почти не строили, а одесские власти считали, что не обязаны предоставлять военным жилплощадь. Секретарю обкома А.И.Кириченко доложили, что военные в городе начали выявлять пустующие квартиры и вселяться в них, ссылаясь на приказ командующего войсками округа. Жуков подтвердил, что такой приказ отдал, но отменить его отказался, указав, что все делается по постановлению жилищной комиссии, куда включены и депутаты горсовета. Комиссия также стала принуждать горожан, имеющих излишки жилплощади, сдавать комнаты офицерам по твердым ценам, значительно ниже тех, что сложились на рынке. Популярность Жукова в войсках резко возросла, зато от жителей в обком и горком посыпались жалобы. Кириченко молил Москву: «Уберите от нас этого диктатора!»

В Одессе Георгий Константинович находил время и для отдыха, регулярно посещал театры, смотрел все новые фильмы. Страстно увлекался охотой. Охотничьи ружья, по воспоминанию Бучина, они всегда возили с собой. На охоту выезжали на «бьюике» охраны, машину так и прозвали «охотничьей».

Здесь же получил продолжение роман Жукова с Лидией Захаровой,

которую он вызвал к себе в округ. Об этом узнала Александра Диевна, но устраивать скандал не стала: вместе с детьми вернулась в Москву. Позднее, после назначения Жукова командующим войсками Уральского военного округа, Захарова поехала вместе с ним в Свердловск. Но здесь сердцем Георгия Константиновича завладела другая женщина — молодая выпускница Казанского медицинского института Галина Семенова…

Летом 1947 года из Москвы прибыла комиссия с целью проверки Одесского военного округа во главе с недавно назначенным министром Вооруженных Сил и произведенным в Маршалы Советского Союза Н.А.Булганиным. Жуков не явился встречать комиссию на вокзал, считая для себя унизительным быть в подчинении у «политического маршала». Этот инцидент увеличил неприязнь Булганина к Жукову.

Комиссия не сумела выявить каких-либо существенных недостатков в боевой подготовке войск округа, но получила большое количество жалоб офицеров о фактах грубого обращения Жукова с подчиненными. В одном полку, увидев грязные умывальники, он выставил командира за проходную и приказал больше в полк не пускать. Одного из своих заместителей, боевого генерала, выгнал с совещания за двухминутное опоздание.

Независимость Георгия Константиновича принимала демонстративный характер. Трудно сказать, шло ли это от наивной буйности русского характера, из-за неосознанного стремления всегда идти напролом, против течения, или было проявлением своеобразного протеста против унижения, пережитого на заседании Высшего Военного Совета.

А тем временем компетентные органы продолжали расследование, начатое еще в августе 1946 года. Еще тогда Сталин получил докладную записку от Булганина:

«В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что и. о. Начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: „Выдана Маршалу Советского Союза тов. Жукову Г.К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии ‘Альбин Май’, приобретена за личный расчет и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешен вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный Округ с сопровождающим капитаном тов. Ягельским. Транспорт № 152/8431“.

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается».[498]

Дальше — больше. Абакумов представляет Сталину объемный документ о проведении негласного обыска на квартире Жукова и его подмосковной даче. Обнаружено большое количество незаконно приобретенных и вывезенных из Германии ценностей.

Следуют невнятные объяснения Жукова, что и откуда появилось.

498 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 463.

Длительное и унизительное выяснение, кто, зачем и для кого брал, где хранил, куда вывозил. Все неубедительно. Объемы выявленных золотых вещей, сервизов, гобеленов, произведений искусства превышали размеры, в пределах которых можно было бы дать хоть какие-то вразумительные оправдания.

Акт о передаче Управлению Делами Совмина находящегося у Жукова трофейного имущества, составленный 3 февраля 1948 года, не оставляет сомнений: не устоял Георгий Константинович перед возможностью поправить личное материальное благополучие.

Чеканился на медалях гордый сталинский лозунг: «Наше дело правое — мы победили!» Но многие тогда восприняли его смысл иначе и действовали совсем по другому принципу: «Победили мы». Жуков — не исключение. Оказалось подзабытым суворовское правило российской армии: почетны только те трофеи, которые берутся на поле боя. И та взбучка, которую в 1789 году учинил Суворов своим офицерам во время дележа с австрийцами боевых трофеев после победного сражения с турецкими войсками: «Нам ли, русским, мелочиться!»

«Дело Жукова» пополнялось показаниями арестованных: бывшего адъютанта Георгия Константиновича подполковника А.С.Семочкина, бывшего члена Военного совета Группы советских войск в Германии генерала К.Ф.Телегина, бывшего начальника оперативного сектора МВД в Берлине генерала А.М.Сиднева…

Сиднев на допросе признал, что он «набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые… надлежало охранять, стал обогащаться. Как ни стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства».

Далее арестованный сказал, что над ним стоял генерал Серов, который был приближен к Жукову. «Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений все покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: „Лучшему боевому другу и товарищу на память“. Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене. Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги».

В свою очередь генерал И.А.Серов, чувствуя, что у него горит почва под ногами, направил 8 февраля 1948 года объяснительную записку И.В.Сталину, в которой обвинил Министерство госбезопасности во главе с В.С.Абакумовым в том, что оно стремится свести с ним личные счеты.[499]

«Сейчас для того, чтобы очернить меня, — писал Серов, — Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик. Приведу факты, товарищ Сталин.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов распространял слухи, что „Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все

499 Там же. С. 491–497.

дело повернул, теперь Ленинград не сдадут“».

Очерняя Жукова, Серов явно перестарался в доказательствах относительно тесной дружбы между министром государственной безопасности и Георгием Константиновичем. Ведь именно ведомство Абакумова по указанию И.В.Сталина продолжало активно раздувать «дело Жукова». Был арестован Герой Советского Союза генерал-лейтенант В.В.Крюков. Уже значительно позднее, в апреле 1953 года, Крюков описывал, как из него, в прямом смысле слова, выбивали показания о связях с Жуковым. «Были также составлены протоколы, что я везде и всюду восхвалял Жукова и, наконец, что я укрывал преступления Жукова, но какие преступления, я до сих пор не знаю. Вначале я категорически отказался подписать эти протоколы. Посыпались вновь различные репрессии, и я, надо прямо сказать, смалодушничал. Уж очень тяжелое состояние у меня было.

Избитый, голодный, приниженный, бессонные ночи давали тоже себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплится надежда, что придет время и я смогу сказать правду, почему я подписал».[500]

Копию своего письма в ЦК КПСС Крюков направил Жукову, и Георгий Константинович переслал ее Хрущеву с запиской: «Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков. Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание».[501] Вскоре В.В.Крюков был освобожден и вернулся в Москву. Вместе с ним вернулась и его жена — известная певица Лидия Русланова, которая была арестована в сентябре 1948 года и осуждена по стандартному обвинению в «антисоветской пропаганде».

После разбирательства по делу своего адъютанта Семочкина Жуков перенес сердечный приступ и в течение месяца лечился в Кремлевской больнице. 12 февраля 1948 года он выехал в Свердловск, чтобы вступить в должность командующего войсками Уральского военного округа.

Урал встретил сильными морозами — ниже 30 градусов. Георгий Константинович, по свидетельству очевидцев, был в хорошем настроении, шутил. По крайней мере, внешне не было заметно, что он подавлен или чем-то обижен.

Запомнилась встреча с Жуковым писателю В.В.Карпову, командированному в 1950 году в Уральский военный округ Генштабом. В приемной командующего Карпов (в то время подполковник. — В.Д.) попросил адъютанта доложить Жукову, что он как представитель Генштаба хотел бы доложить об итогах проверки разведывательных подразделений округа. Вместе с ним находился представитель управления горюче-смазочных материалов, также командированный из Москвы. «Мы вошли в кабинет, — вспоминал Карпов. — Жуков сидел за письменным столом, читал бумаги. Пополнел за последние годы, но, даже сидя, был величественно-монументальный. Он коротко взглянул на нас, из-за стола не вышел, не поздоровался, кивнул на кресла у столика, приставленного к его письменному столу:

— Прошу… Слушаю.

---

500 Там же. С. 502.

501 Цит. по: Сульянов А. К. Маршал Жуков. Слава, забвение, бессмертие. С. 315.

Мы представились. Полковник стал быстро докладывать о состоянии складов горючего, заправочных установках и, как мне показалось, желая блеснуть перед маршалом знанием тонкостей в своем деле, заговорил о мелочах, не на уровне командующего:

— Понимаете, товарищ Маршал Советского Союза, на многих заправочных горючее утекает. И даже здесь, на окружной заправочной, товарищ Маршал Советского Союза (он так несколько раз полностью повторял звание Жукова, и я заметил, как у Георгия Константиновича дернулась щека), присел я, гляжу, а из-под машины — кап-кап, течет бензин. Так ведь и до ЧП недалеко, товарищ Маршал Советского Союза. Вспыхнуть может, какой-нибудь разгильдяй с окурком или кто-то металлом клацнет, искра может получиться…

— Как ваша фамилия, вы сказали? — очень тихо и явно стараясь быть спокойным спросил Жуков.

— Пилипенко… Полковник Пилипенко, товарищ Маршал Советского Союза. (Точно фамилию полковника не помню, но она была вроде этой.)

Жуков снял трубку телефона в/ч и набрал номер (видимо, начальника управления, в котором работал полковник).

— Алексей Николаевич, здравствуй, Жуков говорит. У тебя работает полковник Пилипенко? Да? Так вот прошу тебя больше не присылать ко мне таких дураков… Да-да, отправлю. Будь здоров. (И полковнику: „Идите и уезжайте“.). Полковник побледнел и вышел, почему-то на цыпочках, стараясь ступать бесшумно».[502]

После такого финала, по признанию Карпова, у него сердце «взволнованно запрыгало». Однако его беседа с маршалом протекала в совершенно спокойном тоне. Жуков поинтересовался, за что Карпов получил звание Героя Советского Союза и где служил. Карпов ответил и доложил результаты своей проверки. «Жуков слушал внимательно, — отмечал впоследствии Владимир Васильевич. — Когда я закончил и встал, маршал тоже поднялся, вышел из-за стола, протянул мне крупную, но уже мягкую руку и сказал:

— Будь здоров, разведчик, — и очень хорошо, по-доброму, улыбнулся…

В коротком разговоре за несколько минут, мне кажется, очень ярко проявились особенности его характера: и грубоватость, и прямота, и нетерпимость к болтовне, и серьезное отношение к делу, и уважение к боевому офицеру, и, наконец, добрейшая улыбка, свидетельствующая о его человечности».

Отношение Сталина к Жукова постепенно смягчалось. В марте 1950 года Георгию Константиновичу разрешили баллотироваться на выборах в Верховный Совет СССР. Он старался везде демонстрировать, что доволен своим положением. В июле 1950 года Абакумов докладывал Сталину: в беседе с гастролировавшими в Свердловске артистами Большого театра Жуков говорил, что ему «везде хорошо», и радовался, что за него так здорово голосовали на выборах в Верховный Совет. В Свердловске было немало ссыльных и бывших заключенных, и этот контингент, полагал маршал, голосовал за него особенно активно: «Вот где у меня друзья!» И добавил с опаской: «Как бы меня к ним не приобщили».

Любил Георгий Константинович посещать театры и концерты,

502 Цит. по: Карпов В. Тайная расправа над маршалом Жуковым // Правда. 1991. 19 августа.

общаться с артистами. На одном из выпускных вечеров в Свердловской спецшколе ВВС он обратил внимание на выступление курсанта Штоколова, который прекрасно исполнил «Грустные ивы» М.Блантера и «Эх, дороги» О.Новикова. Жуков поблагодарил выпускника за пение и сказал: «Таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь». Эти слова оказались пророческими. По распределению Штоколов попал в Серпуховское училище ВВС, но вскоре туда пришло распоряжение Жукова: «Курсанта Штоколова Б.Т. направить на дневное отделение консерватории». Так начинался творческий путь будущего народного артиста.

О знакомстве, произошедшем в Свердловске, и отношениях Жукова с Г.А.Семеновой, которая была моложе его на тридцать лет, вспоминает их дочь Мария, родившаяся в июне 1957 года: «Отец писал в своем дневнике, что при первой встрече не обратил на маму никакого внимания (он болел, и мама лечила его на дому). Когда ему стало лучше, он заинтересовался ее жизнью, семьей, увлечениями. Ему понравилась ее скромность, но особенно, как он сам признавался, красивые, теплые, зеленые глаза. В них всегда таилась какая-то неповторимая грусть…

Мама была хороша собой, в ней все было гармонично: богатый внутренний мир, необыкновенная доброта, красивое лицо, стройная фигура, легкая походка, особая манера говорить. Отец тогда выглядел моложаво, лицо свежее, живое, блестящие глаза, статность. Поначалу маму смутило его внимание. Она, как могла, избегала встреч, но отец был настойчив. Галина стала его самой сильной в жизни любовью, хотя и поздней».

Георгий Константинович писал Галине Александровне из Гурзуфа в сентябре 1952 года: «До сих пор нахожусь под очарованием последней встречи с тобой, моя Галюсенька!.. Родная моя, как жаль, что нет здесь тебя. Мне не хватает тебя, без тебя я скучаю… Пусть тебя хранит моя любовь, моя мечта о тебе…»

В марте 1952 года следует новое снисхождение Сталина: Георгий Константинович избирается кандидатом в члены ЦК КПСС. В конце февраля 1953 года Сталин вызвал Жукова в Москву. Ходили слухи, что Иосиф Виссарионович собирался сделать Жукова то ли министром, то ли первым замом министра обороны, да не успел.

Каково было действительное намерение Сталина, мы, наверное, никогда уже не узнаем. С большой долей вероятности можем предположить: Жуков в эти дни был ему нужен. Потому что он был надежен.

Надежность Жукова — это надежность солдата.

Настоящий солдат востребован всегда. Не зря, не из-за отсутствия чувства юмора говорил Сталин Эйзенхауэру, что Жуков в Советском Союзе без работы никогда не останется.

Сталин уходил. Оказалось, Жуков был нужен и другим.

Глава XIV. Земля и власть

О том, как 26 июня 1953 года «брали Берию», осталось немало свидетельств. Как и все мемуары, они содержат те или иные противоречия. И все без исключения посвященные этому событию воспоминания насыщены драматическими подробностями. Не будем

вдаваться в споры, кто сыграл в осуществлении намерения Н.С.Хрущева главную роль: арест Берии — не взятие Берлина. После смерти Сталина его положение представляется сродни участи срезанного гриба с почерневшей ножкой. Лаврентий Павлович, наверное, и сам это прекрасно понимал, когда увидел наставленные на него дула пистолетов во время заседания Президиума ЦК КПСС.

Следствие по делу Берии велось в течение полугода, а суд над ним и его сообщниками проходил с 18 по 23 декабря. Дело рассматривало Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством Маршала Советского Союза И.С.Конева, которое приговорило Л.П.Берию к расстрелу. В день оглашения приговора генерал П.Ф.Батицкий привел его в исполнение.

Военный заговор начал вызревать значительно раньше. Сталин был еще жив, когда 5 марта 1953 года в 8 часов вечера в Кремле открылось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. В заседании, как кандидат в члены ЦК КПСС, принял участие и Жуков. Г.М.Маленков заявил: «Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве». «Соратники» Сталина стремились как можно быстрее поделить между собой руководящие посты. Было принято решение о назначении Маленкова Председателем Совета Министров СССР, Ворошилова — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Булганина — военным министром, Василевского и Жукова — его первыми заместителями.[503]

15 марта 1953 года Жуков вновь назначается и главнокомандующим Сухопутными войсками. Надежность Георгия Константиновича у нового руководства страны не вызывала сомнений.

Арест Берии, проведенный с участием Жукова, еще больше укрепил доверие к нему Хрущева. Позднее Адмирал Флота Советского Союза Н.Г.Кузнецов писал: «Хотя Жуков формально был заместителем министра обороны, но, опираясь на дружбу с Хрущевым, вел себя довольно независимо. Они оба, Хрущев и Жуков, открыто ругали Сталина и выдумывали всякие небылицы. Но это остается на их совести. В книге Жукова (имеются в виду „Воспоминания и размышления“. — В.Д.) я уже прочитал другое. Наши отношения с Г.К.Жуковым стали поистине драматическими, когда он в феврале 1955 года был назначен министром обороны и получил „карт-бланш“ от Н.С.Хрущева. Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, как распрямившаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу».[504]

В свою очередь Н.С.Хрущев вспоминал: «С огромным уважением и по-дружески я относился тогда (в середине 50-х годов. — В.Д.) к маршалу Жукову. Нас сблизила война. К тому же у меня с ним не происходило никогда никаких столкновений. Когда Сталин после войны распространил на него опалу, я Жукову сочувствовал. Он на меня производил сильное впечатление умом, военными знаниями и твердым характером».

---

503 См.: Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. СПб.; М., 2002. С. 446–451.

504 Кузнецов Н. Г. Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими…//Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 79.

7 ноября 1953 года Жуков был приглашен на дипломатический прием по случаю годовщины Октябрьской революции. Во время банкета посол США в Москве Чарльз Болен после очередного тоста за мир предложил выпить не только за мир, но и за справедливость, поскольку без справедливости в международных делах никогда не будет прочного мира. «Ссылка на справедливость вызвала раздражение у советских официальных лиц, — вспоминал Болен, — особенно у Кагановича, который ответил длинной речью. Ее суть сводилась к тому, что в мире существуют различные концепции справедливости, тогда как мир — это то, что все народы понимают одинаково. Тогда поднялся Жуков, занявший место Булганина, успевшего напиться мертвецки пьяным. К моему удивлению, он сказал, что хотел бы поддержать тост за мир, предложенный американским послом… С уверенностью можно сказать лишь то, что Жуков демонстрировал свою независимость от кремлевских политиков».

Болен, наверное, был прав, хотя Жуков и осознавал совершенно обратное: свою безусловную зависимость от интриг властных кругов. Интриг, не выходящих по своей сути за черту кухонных семейных сцен. Но черта между ним, плоть от плоти представлявшим глубинные народные слои — «землю», как говорили раньше, — и власть предержащими была очевидна. С ними Жукову было не по пути.

Отходил от них, пытался устроить свои личные дела. Слишком запутанные. Выхлопотал Г.А.Семеновой и ее матери квартиру на улице Горького, помог Галине устроиться на работу в госпиталь Бурденко. И в то же время зарегистрировал наконец-то свой брак с Александрой Диевной. Кто-то любил, кто-то терпел унижения и мучился. Постоянные выяснения между женщинами семейных отношений, сопровождавшиеся обращениями в ЦК, надоели даже Н.С.Хрущеву, который резко осудил совместную поездку Жукова с Семеновой в Болгарию.

В своей записной книжке Георгий Константинович отметил: «По прибытии в Москву мне позвонил Булганин и сказал, что Никита неодобрительно высказался на Президиуме ЦК о том, что я отдыхал в Варне с Галиной. Это меня возмутило, и в горячке я по адресу Никиты высказал ряд резких слов, которые Булганин тут же постарался передать Хрущеву, с которым у меня вскоре состоялся на эту тему примирительный разговор. Никита сказал: „Я не возражаю против Галины, но рекомендую не торопиться“. Тогда я не понял, что он своим „благожелательством“ хочет иметь в моем лице верного друга, который поддержит его в борьбе за власть».

Тем временем на оснащение Вооруженных Сил стало поступать ядерное оружие. Решение проверить на практике, как будут действовать войска в условиях его применения, было принято на правительственном уровне. Инициатором проведения войсковых учений с реальным ядерным взрывом выступило Министерство Вооруженных Сил СССР. Все подготовительные мероприятия согласовывались с Министерствами атомной энергии (в то время — Первым главным управлением при Совете Министров СССР), здравоохранения, химической и радиотехнической промышленности. Разработка конкретных предложений по подготовке учений, которой руководил заместитель министра обороны по вооружению маршал артиллерии Н.Д.Яковлев, была возложена на спецотдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

29 сентября 1953 года Советом Министров СССР было издано постановление, положившее начало подготовке Вооруженных Сил и всей

страны к действиям «в особых условиях». По представлению начальника спецотдела Генштаба В.А.Болятко Булганин утвердил к изданию перечень руководящих документов. В этот список, в частности, входили справочник по ядерному оружию и пособия для офицеров: «Боевые свойства ядерного оружия», «Наставление по ведению операций и боевых действий в условиях применения ядерного оружия», «Наставление по противоатомной защите», «Руководство по защите городов», «Руководство по медицинскому обеспечению», «Руководство по радиационной разведке», «Руководство по дезактивации и санитарной обработке», — а также «Памятка солдату, матросу и населению по защите от атомного оружия». Под личным контролем Булганина все эти документы в месячный срок были изданы Воениздатом и доставлены по назначению. Для руководящего состава армии и флота был организован показ специальных фильмов по испытаниям ядерного оружия.

Одновременно велись поиски полигона, на котором можно было бы провести общевойсковое учение с реальным ядерным взрывом. Рассмотренный вариант проведения такого учения на ракетном полигоне Капустин Яр был отклонен, как не отвечающий вопросам безопасности. Весной 1954 года рекогносцировочной группой под руководством генерал-лейтенанта И.С.Глебова была дана позитивная оценка Тоцкому полигону, расположенному между Самарой и Оренбургом.

Идентичная атомная бомба мощностью 40 тысяч тонн тротилового эквивалента была уже ранее испытана на Семипалатинском полигоне. Теперь проведение воздушного ядерного взрыва в условиях пересеченной и лесистой местности должно было помочь оценить влияние земного рельефа на ослабление либо усиление его поражающих факторов: ударной волны, светового излучения, проникающей радиации и радиоактивного заражения местности.

Руководителем учений был назначен Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. В их подготовке и проведении участвовали руководители Министерства среднего машиностроения СССР во главе с В.А.Малышевым, а также ведущие ученые, среди которых были создатели ядерного оружия И.В.Курчатов и К.И.Щелкин. Присутствовали военачальники всех родов войск, министры обороны дружественных стран.

Заметим, что Тоцкое общевойсковое учение с реальным ядерным взрывом, осуществленным 14 сентября 1954 года в 9 часов 33 минуты по московскому времени в полосе действующих на учении войск, было и остается единственным в истории советских Вооруженных Сил. Для сравнения укажем, что в США в 1951–1956 годах было проведено восемь аналогичных учений.

Трудно сказать, под воздействием личных ли впечатлений или под влиянием официальной пропаганды, Жуков вспоминал: «Когда я увидел атомный взрыв, осмотрел местность и технику после взрыва, посмотрел несколько раз киноленту, запечатлевшую до мельчайших подробностей все то, что произошло в результате взрыва атомной бомбы, я пришел к убеждению, что войну с применением атомного оружия ни при каких обстоятельствах вести не следует… Но мне было ясно и другое: навязанная нам гонка вооружений требовала от нас принять все меры к тому, чтобы срочно ликвидировать отставание наших Вооруженных Сил в оснащении ядерным оружием. В условиях постоянного атомного шантажа наша страна не могла чувствовать себя в безопасности».

Поскольку эта акция в эпоху гласности стала предметом всевозможных спекуляций, воспользуемся воспоминаниями о Тоцком учении генерала армии М.А.Гареева. По его авторитетному свидетельству, атомная бомба мощностью 20 килотонн была сброшена с самолета и взорвана на высоте 350 метров. Войска до начала взрыва располагались в укрытиях не ближе 5–7 километров, а руководящий состав Министерства обороны СССР, министры обороны ряда союзных стран, командующие войсками округов располагались для наблюдения открыто, имея лишь защитные очки, в 11 километрах от эпицентра взрыва. Передовые части наступающих войск выдвинулись к району взрыва через 2,5 часа. Атакующие подразделения в средствах зашиты прошли в 500–600 метрах от эпицентра, получив дозу облучения 0,02–0,03 рентгена, а в танках — меньше в несколько раз. «Но впоследствии выявились более тяжелые последствия радиационного облучения и радиоактивного заражения местности, — пишет Гареев, — от чего пострадало местное население».

Гареев отрицает нелепые выдумки о числе погибших и пострадавших. Например, И.Бунич в книге «Операция „Гроза“» приводит такие «сведения»: «Из 40 тыс. военнослужащих, брошенных на полигон, 30 тыс. быстро умерло от ожогов и радиации. 10 тыс. стали инвалидами». В.В.Карпов, который в годы войны добывал сведения от «языков», но отнюдь не из желтой прессы, писал: «Тридцатилетние, недавно могучие мужчины превращались в дряхлые развалины. Наверное, уже все участники этих учений вымерли… Это, наверное, самый черный день в жизни и службе маршала Жукова, как руководителя учения…»

Точка зрения Гареева: «Да, это учение имело более тяжелые последствия, чем вначале предполагалось. К сожалению, были и тяжело пострадавшие и умершие, и эту горькую правду надо обязательно говорить, в том числе и о Жукове, но не придумывать того, чего не было. Но в данном случае и правительство, и Министерство обороны полагались на ученых-физиков, которые должны были лучше предвидеть последствия испытания атомного оружия».

На всякий случай еще раз напомним: все высокопоставленные лица во главе с Жуковым находились без средств защиты в 11 километрах от эпицентра взрыва.

Нескладно выстраивались отношения (правильнее сказать, совсем не выстраивались) Георгия Константиновича с Военно-Морским Флотом, с его всенародно признанным командующим — адмиралом Н.Г.Кузнецовым. Наверное, не суждено природному крестьянину понять психологию моряка. Жалко. Тем более только Николай Герасимович вместе со своим командующим Черноморским флотом Ф.С.Октябрьским был одним из немногих, оказавшихся в июне 41 — го года в полной готовности дать отпор вероломному агрессору. С именем Кузнецова связаны героическая оборона Одессы, Севастополя, бессмертные подвиги морских десантов, «черных бушлатов»…

После назначения Жукова в феврале 1955 года на пост министра обороны, Кузнецов ощутил свое положение безысходным. Он вспоминал:

«Я перенес инфаркт. Доктора предписали ограниченную продолжительность работы. Обдумав и учтя все равно не клеящиеся (без просвета) отношения с Жуковым, я сам обратился (26 мая 1955 года. — В.Д.) с просьбой „освободить меня“ с поста заместителя министра обороны и использовать на меньшей работе. Это было расценено как мое

нежелание работать с Жуковым. Какая-то доля правды в этом есть. Руководствуясь не личными мотивами, я считал нежелательным и вредным для дела наше сотрудничество, после того как маршал [Жуков] без обиняков заявил мне, что он не оставит „без последствий“ мои сомнения по поводу его назначения на высокий пост. Но главное заключалось не в этом. Личное положение мое меня к тому времени уже не так интересовало. Излишним честолюбием я никогда не страдал, а пробыв довольно длительное время на посту наркома и министра ВМФ, готов был удовлетвориться более скромным участком работы. Важнее было то, что мои неприязненные отношения с министром обороны неизбежно сказывались на деле.

Ответа я не получил, а мне было разрешено подобрать такого заместителя, который мог бы полноценно исполнять обязанности министра в мое отсутствие. Я назвал фамилию С.Г.Горшкова, тогдашнего командующего Черноморским флотом. С предложением согласились».

29 октября 1955 года произошла катастрофа на Черноморском флоте с линкором «Новороссийск». Трагическую гибель корабля, о причинах которой и ныне спорят, поставили в вину главнокомандующему ВМФ. Не прошло и месяца после гибели «Новороссийска», как Жуков представил Хрущеву доклад, в котором, в частности, говорилось: «Руководство ВМФ находится в неудовлетворительном состоянии, Главком ВМФ Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов Н.Г. неудовлетворительно руководил флотом, неправильно оценивал роль флота в будущей войне. Допустил ошибки во взглядах и направлении строительства и развития флота и упустил подготовку руководящих кадров…»

Кузнецову было приказано явиться к министру обороны. «В грубой, присущей ему форме он объявил, — вспоминал Николай Герасимович, — что я снят с должности, понижен в звании до вице-адмирала. На мой вопрос, на основании чего и почему это сделано без моего вызова, он, усмехнувшись, ответил, что это, дескать, совсем не обязательно».

«На флоте министра больше побаивались, чем уважали, — писал корреспондент „Красной Звезды“ капитан 1-го ранга С. Быстров. — Последние инспекторские поездки Жукова на Северный флот и Балтику оставили тяжелые воспоминания о беспощадности, даже жестокости его в стремлении навести порядок. Жуков лично разжаловал и уволил в запас 273 офицера».[505]

Об антисталинской кампании, в которой Жуков сыграл одну из ведущих ролей, Георгий Константинович в «Воспоминаниях и размышлениях» высказывался сдержанно: «Конечно, ошибки у Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений».

Но в то время все же не в своей среде находился Георгий Константинович. Представил на утверждение Никите Сергеевичу проект доклада на Пленуме ЦК КПСС с осуждением культа личности Сталина, просил Хрущева «просмотреть и дать свои замечания».

Были или нет у Жукова помощники по текстам, но в каждой строке просматривается конъюнктурный характер исторических оценок. Опустим неизбежные в подобных «документах» идейно-политические обоснования взглядов. По существу высказывалось следующее:

505 Быстров С. В октябре 1957-го. Последние дни перед отставкой Г.К.Жукова // Красная Звезда. 1989. 19 мая.

«С первых минут возникновения войны в Верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую, противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях».

Жуков подверг критике утверждения о том, что Сталин, разгадав планы немецкого командования, решил активной обороной измотать и обескровить врага, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем, перейдя в контрнаступление, нанести сокрушительный удар и разгромить противника. В действительности такого решения не было, а «теория активной обороны» понадобилась для скрытия истинных причин наших неудач в начальном периоде войны (как же воспринимать тогда стратегию Жукова — «истощать, а затем бить», высказанную им не без гордости в письме к Жданову в ноябре 41-го года?).

Отсутствие полноценного Верховного командования явилось главной причиной неудач и поражений в войне. «Был Сталин, без которого, по существовавшим тогда порядкам, никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах. Ставка Верховного Главнокомандования была создана с опозданием и не была подготовлена к тому, чтобы практически взять в свои руки и осуществить квалифицированное управление Вооруженными Силами. Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия…»

Справедливо, конечно, Жуков уделил большое внимание судьбе бывших военнопленных, возвратившихся на родину из фашистского плена. Он отмечал, что советские воины, попавшие в плен, как правило, сохраняли верность своей родине, вели себя мужественно, стойко переносили лишения плена, издевательства гитлеровцев, нередко проявляли подлинный героизм. Многие советские военнослужащие с риском для жизни бежали из гитлеровских лагерей и продолжали сражаться с врагом в его тылу, в партизанских отрядах или пробивались через линию фронта к своим войскам. «Однако как во время войны, так и в послевоенный период в отношении бывших военнопленных были допущены грубейшие извращения советской законности, противоречащие ленинским принципам и самой природе советского строя. Эти извращения шли по линии создания по отношению к ним обстановки недоверия и подозрительности, а также ни на чем не основанных обвинений в тяжких преступлениях и массового применения репрессий.

При решении вопроса о судьбе бывших военнопленных не принимались во внимание ни обстоятельства пленения и поведение в тылу, ни факт бегства из плена, участие в партизанской борьбе и другое. Наши офицеры, попавшие в плен ранеными, мужественно державшиеся в плену, огульно лишались офицерского звания и без суда посылались в штрафные батальоны наравне с лицами, совершившими преступления.

Некоторые советские и партийные органы до сих пор продолжают проявлять неправильное отношение к бывшим военнопленным, ничем себя не запятнавшим, относятся к ним с недоверием, устанавливают незаконные ограничения в отношении продвижения по службе, использования на ответственной работе, избрания депутатами в Советы депутатов трудящихся, поступления в высшие учебные заведения и другие, ущемляя их права и достоинство советских граждан.

Наиболее грубые извращения нарушения законных прав военнопленных были связаны с необоснованным привлечением их к уголовной ответственности. Значительное количество военнопленных, возвратившихся на Родину, было подвергнуто различным наказаниям, начиная со ссылки на спецпоселение и кончая высшей мерой наказания».

Маршал бронетанковых войск О.А.Лосик в этой связи отмечал: «В должности министра обороны Жуков совершил еще один крупный политический и, справедливо будет сказать, нравственный поступок. Речь идет о возвращении честного имени миллионам советских людей, прошедших через Дантов ад плена. Жукову, как и всякому, кто участвовал в войне, особенно в первый ее период, было хорошо известно, что подавляющее большинство из почти 5 миллионов солдат и офицеров оказались в плену совсем не из-за трусости или предательства, а стали жертвами бездарного командования, неразберихи, царившей порой на фронте, отсутствия оружия и боеприпасов либо по другим, независящим от них причинам.

Маршал Жуков одним из первых в нашей стране поднял вопрос о коренном изменении отношения к бывшим военнопленным. Он неоднократно обращался в высшие партийные и государственные органы с настойчивыми предложениями об устранении грубых нарушений законности к лицам, оказавшимся в плену, выступал против огульного обвинения их в измене Родине и неоправданных репрессий к ним, требовал снять с бывших военнопленных моральный гнет недоверия, реабилитировать незаконно осужденных, ликвидировать ограничения в гражданских правах бывших военнопленных. Его настойчивость дала свои плоды: в 1957 году был подписан указ Президиума Верховного Совета, устранявший многие незаслуженные ограничения для бывших военнопленных. Неожиданная отставка помешала маршалу довести до конца эту работу, а бывшие военнопленные были восстановлены во всех правах лишь в 90-х годах».[506]

Все это верно, если забыть о том, что подпись Жукова стояла под приказом Ставки В ГК от 16 августа 1941 года № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». Именно этот приказ предопределил отношение к военнопленным и в годы войны, и после ее окончания.

Уместен штрих к портрету Жукова посла США в России Ч.Болена, присутствовавшего на последней встрече Георгия Константиновича с Эйзенхауэром в июле 1955 года на советско-американских переговорах в Женеве: «Советы захватили с собой старого солдата Жукова, очевидно, в качестве дружеского жеста по отношению к Эйзенхауэру. Жуков был большевик, неуклонно следующий партийной линии, но в первую очередь он был русским патриотом. Он верил в независимость армии, и одной из причин его конечного падения стала попытка упразднить систему политических комиссаров. Свойственная ему чистота помыслов резко контрастировала с неискренностью других большевистских вождей. Он проявлял толерантность и даже уважение по отношению к Соединенным Штатам, и я не сомневался, что его привязанность к генералу Эйзенхауэру искренняя, а не вызванная преходящими обстоятельствами».

Сам Эйзенхауэр не скрывал своего искреннего разочарования:

---

506 Цит. по: Кавалеры ордена Жукова о великом полководце. М., 1998. С. 25–26.

«Как только мы затронули серьезные вопросы, стало совершенно очевидно, что Жуков не тот, каким был в 45-м году. Во время наших встреч тогда он был независимым, уверенным в себе человеком, который, несомненно, принимал коммунистическую доктрину, но всегда был готов с радостью встретиться, чтобы обсудить любую текущую проблему и вместе искать ее разумное решение. Он делал это по своей собственной инициативе и однажды даже резко поставил на место своего политического советника Андрея Вышинского, приказав ему покинуть комнату, чтобы мы могли конфиденциально побеседовать вдвоем. По многим признакам было очевидно тогда, что Жуков был как раз тем, кем он хотел казаться, — в высшей степени важным человеком в советском правительстве, возможно вторым после самого Сталина. Во время моего визита в Москву в 45-м такая оценка его положения и влияния многократно подтверждалась. Теперь в Женеве, десять лет спустя, он выглядел встревоженным и явно подчиненным по своему положению. Он монотонно повторял мне аргументы главы советской делегации… Он был безжизненным, не шутил и не улыбался, как раньше. Мой старый друг выполнял приказ начальства. От этого личного разговора у меня не осталось ничего, кроме чувства горечи».

Старый вояка Эйзенхауэр смог сменить военный мундир на смокинг, Жуков в дипломаты не вышел.

Не был он дипломатом и когда переступил через историческую черту в 1956 году, организуя подавление восстания в Венгрии. Перед началом военной операции Георгий Константинович безуспешно пытался создать представление, прежде всего у американской стороны, что советские войска на Будапешт не пойдут. Приводил в пример Польшу, где народные волнения обошлись без военного вмешательства, хотя и предлагал Рокоссовский двинуть против демонстрантов танковый корпус. Но всем уже было очевидно: в Венгрии, где мятежники взяли власть во многих городах и имели сильное влияние в правительстве Имре Надя, Хрущев решится применить силу. 4 ноября в Закарпатье было сформировано альтернативное венгерское правительство во главе с Яношем Кадаром и по его «просьбе» советские войска под командованием маршала Конева двинулись на Будапешт. За неделю организованное вооруженное сопротивление восставших было подавлено.

После завершения венгерского похода Жуков был в четвертый раз удостоен звания Героя Советского Союза. В Указе Президиума Верховного Совета СССР официальной причиной награждения было объявлено 60-летие маршала.

Подводя итоги операции на совещании высшего комсостава в декабре 1956 года, Георгий Константинович отмечал: «Менее чем за полтора месяца в соединениях и частях, находившихся в Венгрии, имели место 144 случая чрезвычайных происшествий и грубых нарушений дисциплины, при этом более половины из них относятся к таким тяжелым преступлениям, как убийство, изнасилование, грабежи и избиения местного населения, а также ограбления складов и магазинов. Характерно, что некоторые офицеры, в том числе и старшие, вместо наведения строжайшего порядка, сами принимали участие во всех этих безобразиях. Особенно недостойно вел себя 114-й парашютно-десантный полк во главе с командиром полка. Факты аморального поведения советских военнослужащих в Венгрии были настолько нетерпимы, что ими был вынужден заниматься Центральный Комитет партии, который

вынес по этому вопросу специальное решение. Все виновные в мародерстве, грабежах, насилиях и других преступлениях привлечены к судебной ответственности, в том числе и командир 114 парашютно-десантного полка. Мы должны сделать вывод, что с воспитанием личного состава у нас дело обстоит неблагополучно».

Далее Жуков изложил свое видение советской военной доктрины: «Танками мы будем обеспечены на 90 процентов в 1960 году. Я сторонник тяжелых танков. Нужно иметь в виду, что главный театр военных действий — Европа. Здесь будет решена судьба мира. И мы должны выйти в такой организации, чтобы наверняка разгромить противника… Нужно быстрее создавать подвижную ракетную систему С-75. Эта система может сыграть свою роль и при отсутствии в известных условиях истребительной авиации… К 1960 году вооружить танковую армию подвижной ракетной системой С-75…»

В должности министра обороны Жуков выступил одним из отцов-основателей космического полигона Байконур. Вместе с другими военными руководителями 4 февраля 1955 года он подписал докладную записку, в соответствии с которой именно этот район был избран в качестве полигона для отработки первой межконтинентальной баллистической ракеты конструкции С.П.Королева Р-7 с дальностью полета 8 тысяч километров и крылатых ракет. При участии Жукова началось строительство боевых стартовых станций в районах Воркуты и Архангельска, объекта «Ангара», известного ныне как космодром Плесецк.

Пришлось Георгию Константиновичу иметь дело с новыми испытаниями ядерного оружия, более мощным, чем на Тоцком полигоне. В ноябре 1955 года в качестве министра обороны он принял участие в проведении взрыва водородной бомбы на Семипалатинском полигоне. Эпицентр взрыва находился всего в 25 километрах от наблюдателей, а повторный грохот напугал тех, кто поднялся рано с земли. Пасмурная погода, да и взрыв на высоте 1800 метров за облаками не позволили наблюдать водородный «гриб», но вспышка, а затем и густая черная туча, застилавшая полнеба, были видны хорошо. Ударная волна, хотя и не опасной разрушительной силы, дошла до Семипалатинска и других населенных пунктов Казахстана, удаленных на расстояние до трехсот километров.

В Советской Армии были разработаны специальные наставления по ведению боевых действий с применением ядерного оружия. Но, по утверждению некоторых специалистов, первые из них были наспех переписаны из американских наставлений и были встречены рядом военачальников и многими офицерами со скрытым, а кое-где и открытым противодействием. Например, командующий войсками Белорусского военного округа Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко вообще приказал эти наставления никому не показывать и отправил их в войска только после настоятельных требований министра обороны. Тимошенко не верил, что ядерное оружие можно применить, выражал уверенность в том, что его постигнет та же участь, что и химическое оружие во Второй мировой войне.

В январе-феврале 1957 года Г.К.Жуков совершил визит в Индию, где выступил с большим докладом в штабном колледже Вооруженных Сил Республики. Доклад затрагивал многие важные проблемы военной истории и актуальные военно-теоретические вопросы.

Говоря о действиях советского военного руководства накануне Великой Отечественной войны, Георгий Константинович отметил, что Генштаб и Верховное командование в основном знали о сосредоточении немецких войск у границ СССР. Но Сталин «слишком верил заверениям Гитлера о его благожелательности к Советскому Союзу, а потому особых мероприятий для отражения возможного удара противника не проводилось». Жуков подчеркнул главный вывод: «Подвиг советского народа и его армии во Второй мировой войне имеет большое международное значение. Советские люди вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией и ценой огромных потерь способствовали избавлению человечества от фашизма».

Относительно наиболее злободневных в то время проблем он отметил следующее: «У меня часто спрашивают о характере войны будущего: будет ли применено ядерное и термоядерное оружие, какую роль в будущих войнах будут играть сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы? Ни я, ни кто другой не может ответить сейчас с исчерпывающей полнотой на эти вопросы, так как всякие войны — большие и малые — возникают, ведутся и заканчиваются в конкретных политических, географических и экономических условиях. На их характер окажут свое влияние уровень и наличие вооружения и технических средств борьбы. Одно дело, когда войны возникают между коалициями великих держав, другое — когда они возникают между отдельными странами. Ясно, однако, что современные войны, если они будут организовываться вопреки воле миролюбивых народов, будут вестись в крайне напряженной обстановке как на суше, так и на море и в воздухе. Современная война охватит не только непосредственно театры военных действий, но и весь глубокий тыл воюющих сторон.

…С чего начнется, как будет развиваться и чем кончится война — это будет зависеть от обстоятельств. Будет ли она вестись определенными фазами, как это утверждает Монтгомери в своей лекции, которую он прочитал в технологическом институте в США? Всякое гадание в этом направлении не имеет под собой серьезной основы».

Георгий Константинович подчеркивал необходимость «прозорливо смотреть в будущее, не быть в плену у опыта минувшей войны, не исходить из данных, которые соответствовали условиям прошлой войны и которые, очень возможно, не будут соответствовать требованиям и обстановке новой войны». Он полагал, что в случае возникновения войны между коалициями великих держав будет применено ядерное и термоядерное оружие. «Но это оружие несет человечеству гибель и разрушение. Народы должны решительно обуздать тех, кто в безумном стремлении к господству пытается строить свои расчеты на использовании этого оружия. Что касается Советского Союза, то вам известно — мы стоим за полное уничтожение и запрещение этого смертоносного оружия, и не потому, что политиканы США пытаются доказать, что у них больше, чем у СССР, атомных средств. Нет, это еще вопрос — у кого больше? Гитлер тоже считал СССР слабым в политическом и экономическом отношениях государством, а получилось совсем по-иному. Германия жестоко расплатилась за авантюризм Гитлера и его правительства».

После визита в Индию Жуков развил свои взгляды по ряду военно-теоретических проблем на военно-научной конференции руководящего состава Вооруженных Сил, состоявшейся в мае 1957 года.

Воспользовавшись книгой М.А.Гареева «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства», остановимся на наиболее характерных.

«Для того чтобы вооруженные силы всегда были на высоте своих задач, — говорил Жуков, — мы, непосредственные руководители армии и флота, наши военно-научные кадры должны смотреть далеко вперед и хорошо учитывать тот динамический процесс в науке и технике, которые так характерны для послевоенного периода». Он с обеспокоенностью отмечал, что достижения науки и техники стали заметно опережать военно-теоретическую мысль.

Среди главных проблем, с учетом горького опыта 1941 года, он выделил в первую очередь проблему начального периода войны. В своей деятельности вооруженные силы должны быть всегда готовы сорвать готовящийся удар в самом его зародыше, лишив противника всякой возможности организованно развернуть военные действия. В то же время Жуков отверг предложения И.Х.Баграмяна, П.А.Ротмистрова и других о том, что следует декларировать наступательную направленность военной стратегии, предусматривающую систему внезапных упреждающих ударов с целью предотвращения возможного или готовящегося нападения противника. Жуков подчеркнул, что так ставить вопрос нельзя и что в военно-политическом плане советская военная доктрина остается оборонительной (курсив мой. — В.Д.).

В условиях, когда противник может нанести мощный внезапный удар с воздуха авиацией и ракетами с применением атомного оружия, решающее значение приобретают вопросы борьбы за господство в воздухе. В связи с этим особо были выделены задачи создания новой системы противовоздушной и противоракетной обороны.

Под руководством Жукова были произведены коренные преобразования в оперативной подготовке командования и штабов, в боевой подготовке войск и сил флота. Им был поставлен вопрос о ликвидации сезонности в боевой подготовке, когда в начале учебного года проводилась одиночная подготовка, затем — последовательное обучение подразделений и лишь во второй половине года или к концу года доходило дело до боевого слаживания частей и соединений. В результате они минимум полгода оставались недостаточно боеспособными. Реорганизация учений была направлена на то, чтобы войска в любое время были готовы к выполнению боевых задач.

Георгий Константинович прекрасно понимал, чем может обернуться для Вооруженных Сил отставание от достижений научной мысли. Поэтому особое внимание он уделял обучению и воспитанию военных кадров, перестройке образовательного процесса в военно-учебных заведениях. Исключительно полезным делом он считал привлечение на командно-штабные и войсковые учения профессорско-преподавательского состава военных академий.

В Генштабе было создано Главное военно-научное управление, начальником которого был назначен генерал армии В.В.Курасов. Кроме того, была учреждена должность первого заместителя министра обороны по военной науке, на которую был назначен А.М.Василевский. Возможно, Жуков был единственным министром обороны за всю историю наших Вооруженных Сил, который лично ознакомился с десятком диссертаций, посвященных проблемам военного искусства. И был удручен их беспомощностью и оторванностью от жизни и реальных проблем. Со

знанием дела отмечал, что труды на соискание ученых степеней содержат одни комментарии к указаниям старших начальников и официальным толкованиям, пересказ чужих мыслей. Решительно высказывался за повышение требовательности в области военно-научных изысканий и возможность дисквалификации подобных «ученых».

Проявляя особую требовательность к сохранению военной тайны, Жуков в то же время считал, что серьезные научные исследования нельзя провести, если специалисты не обладают нужной достоверной информацией. Поэтому он дал указание, чтобы ученые допускались не только к новейшим образцам оружия и военной техники, но и знакомились с перспективными научно-исследовательскими и конструкторскими работами. Нужны были не только новые научные идеи — следовало своевременно довести их до офицерского состава. При нем начались разработка и издание серии книг «Библиотека офицера», была поставлена задача проводить военно-научные конференции Вооруженных Сил ежегодно, а в округах и на флотах — два раза в год.

Еще один штрих к деятельности Жукова на посту министра обороны: он ввел обязательную физическую подготовку для всех категорий генералов и офицеров, сделав ее служебной обязанностью.

Интересные воспоминания о Жукове оставил бывший министр иностранных дел СССР А.А.Громыко.

«С маршалом Жуковым мне довелось встречаться много раз, особенно после моего назначения министром иностранных дел (в феврале 1957 года. — В.Д.)… В память врезались две встречи. Одна из них — во время совместной поездки в апреле 1957 года в Бухарест для подписания советско-румынского соглашения о правовом статусе советских войск, временно находившихся на территории Румынии. Другая — в конце мая 1957 года во время поездки с аналогичной целью в Венгрию.

Когда мы летели в самолете, то садились рядом, быстро находили общие темы для разговора. Вот и тогда по пути в Румынию состоялась интересная беседа. Жуков говорил о минувшей войне.

…Мне запомнились энергичные высказывания маршала по поводу того, какую важную роль сыграли суровые меры по укреплению дисциплины в войсках, особенно на заключительном этапе войны. Требовалось не допустить расслабления и беспечности. Принятые меры положительно сказались на боеспособности нашей армии. Эти высказывания Жукова, видимо, диктовались тем, что, как известно, он лично имел отношение к весьма строгим акциям, направленным на поддержание высокого уровня дисциплины советского воина.

С нескрываемой радостью говорил Жуков об успешных испытаниях нового ракетного оружия, уже поступившего на вооружение советской армии… Когда мы находились в Бухаресте, то после всех официальных встреч вечером как бы продолжили беседу, начатую в самолете. Хорошее настроение не покидало маршала. Я замечал, что он всегда чувствовал себя менее скованно, если находился не в обществе Хрущева. Полководца Жукова знали все…»

На вопрос Громыко, часто ли его на фронте беспокоила проблема личной безопасности, особенно когда происходили горячие сражения, Жуков ответил: «Прежде всего должен отметить, что нет человека, который не опасался бы пули, особенно когда происходит сражение. Но ведь командир, особенно это относится к высшему командному составу, так поглощен ходом боя, что вопроса о личной безопасности для него, как

правило, не существует». В этих словах, по мнению Андрея Андреевича, не было ни позы, ни рисовки. Жуков говорил откровенно, чистосердечно, искренне.

Громыко подчеркивал, что, беседуя с ним, Жуков никогда не делал критических заявлений в адрес Сталина и говорил только о том, что признает огромные заслуги Сталина как Верховного главнокомандующего. Вину за неподготовленность армии к отражению немецкой агрессии он возлагал не на военных, а в первую очередь на политическое руководство, и считал, что решения на высшем уровне отрицательно сказывались на военной стороне дела. «С горечью прославленного воина, — отмечал Громыко, — говорил о том огромном вреде, который накануне войны нанесла стране расправа Сталина с высшим эшелоном военных командиров».

Важен и еще один отрывок из воспоминаний Громыко: «Иногда люди, знакомые с Жуковым, особенно журналисты. отмечая его заслуги перед страной, не упускали возможности подчеркнуть его резкость и жестокость как военного лидера. Притом давали описание его поведения во время бесед с ними. Преподносилось все так, будто он просто отличался несдержанностью. Можно допустить, что на фронте, тем более в ходе сражения, он бывал резок и, как говорят, в карман за словом не лез.

Но в обычной обстановке, даже в ходе острой дискуссии — а я наблюдал такие не раз — он никогда не терял контроль над собой. Более того, он всегда являл образец корректности, даже когда чувствовалось внутреннее напряжение. Ни разу я не слышал, чтобы он вспылил и наговорил резкостей.

Мне он известен как человек принципиальный. Решительно утверждаю, что ему незаслуженно приписывают стремление всячески превозносить свою роль в войне и в командовании войсками. Как известно, подобные наветы даже приводили к изменению его официального положения…»

В июне 1957 года Жуков вновь оказал решительную помощь Хрущеву. Что называется, на свою голову. Тогда большинство членов Президиума ЦК КПСС во главе с Молотовым, Кагановичем и Маленковым приняли решение о смещении Никиты Сергеевича с поста первого секретаря. Тот не подчинился, заявив, что такой вопрос правомочен решать только Пленум ЦК. Хрущева поддержали глава КГБ Серов и Жуков. Георгий Константинович высказался решительно: «Я категорически настаиваю на срочном созыве Пленума ЦК. Вопрос стоит гораздо шире, чем предлагает группа. Я хочу на пленуме поставить вопрос о Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Маленкове. Я имею на руках материалы об их кровавых злодеяниях вместе со Сталиным в 37–38 годах, и им не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС. И если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущева с должности первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизации вооруженных сил».

Столь необычно резкое заявление Жуков объяснил необходимостью решительной психологической атаки на антипартийную группу, чтобы оттянуть время до прибытия членов ЦК, которые уже перебрасывались в Москву военными самолетами.

Пленум ЦК КПСС начал свою работу 22 июня. Открыл его Жуков, который получил от Хрущева и Серова достаточный материал о

преступлениях членов «антипартийной группы». В числе прочего он отметил, что «вина Маленкова больше, чем вина Кагановича и Молотова, потому что ему было поручено наблюдение за НКВД. Он был непосредственным организатором и исполнителем этой черной, нечестной, антинародной работы по истреблению лучших наших кадров. Маленков не только не раскаялся перед ЦК в своей преступной деятельности, но до последнего времени хранил в сейфе документы оперативного наблюдения НКВД… Это документы с материалами наблюдения за рядом Маршалов Советского Союза, за рядом ответственных работников, в том числе за Буденным, за Тимошенко, за Жуковым, за Коневым, за Ворошиловым и другими, с записью подслушанных разговоров в 58-ми томах».

Жуков призывал принять к «антипартийной группе» самые суровые меры, цитируя при этом расстрельные списки с автографами Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова.

Не догадывался он, по своей солдатской наивности, что списки на прослушивание высокопоставленных лиц в ЦК утверждал сам Хрущев. И до, и после этого события Хрущева постоянно снабжали сводками КГБ о том, что делает, что говорит и чем дышит Георгий Константинович.

Свой пост Никита Сергеевич удержал. Пленум вывел Кагановича, Маленкова и Молотова из состава членов Президиума ЦК КПСС, а Шепилова — из кандидатов в члены Президиума ЦК.

Уже в ходе Пленума всем присутствовавшим стало ясно: не будет больше дружбы между Жуковым и Серовым. Сабуров в своем выступлении утверждал: «Я говорил Жукову, что Серов за ним шпионит, а он мне ответил: „Пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется“». Через несколько месяцев Серов стал одним из активных противников Георгия Константиновича.

Но главное было в другом: высшее политическое руководство, и в первую очередь Никиту Сергеевича, напугала твердость, решительность и полная независимость Георгия Константиновича. При этом у Хрущева было достаточно информации о конфликтах министра обороны с руководителями других ведомств, о его якобы стремлении подчинить некоторые силовые структуры Министерству обороны. Например, министр внутренних дел Н.П.Дудоров считал: «Жуков проявлял большую активность и стремился как можно быстрее забрать все внутренние и пограничные войска из системы МВД в систему Министерства обороны. Пытался также обезоружить органы милиции. Эти его замыслы, как потом стало известно, не случайны — он стремился, как Бонапарт, к высшей власти».[507]

Еще в октябре 1956 года Дудоров направил в ЦК КПСС письмо, в котором указывал:

«Как член ЦК КПСС, я считаю необходимым доложить ЦК КПСС о некоторых неправильных, на мой взгляд, отношениях со стороны Министерства обороны СССР в решении важных вопросов работы МВД СССР.

При рассмотрении вопросов, касающихся работы МВД, по непонятным мне причинам Министр обороны т. Жуков Г.К. занимает неправильную позицию, а иногда принятые постановления в ЦК и

507 Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. С. 512.

Правительстве по МВД Министерством обороны не выполняются или создаются всякого рода рогатки в их выполнении.

В подтверждение того приведу несколько примеров. Вскоре после моего назначения министром внутренних дел, в начале 1956, Министр обороны т. Жуков поручил своему заместителю т. Баграмяну разобраться с пограничными и внутренними войсками МВД на предмет их сокращения или изъятия этих войск из МВД в систему Министерства обороны СССР. Тов. Баграмян вызывал к себе руководящих работников Главного управления внутренних войск и Главного управления пограничных войск, их штабов и несколько дней занимался этим вопросом. Я об этом не знал… Я просил тов. Жукова проделать эту работу вместе со мной и высказал свои возражения в части передачи войск из системы МВД. В ответ на это Жуков мне заявил: „Вы, товарищ Дудоров, не с того начинаете свою деятельность на посту министра внутренних дел СССР“…»

В письме отмечалось, что Министерство обороны не представляет в МВД сведений о воздушной обстановке, как того требуют соответствующие документы, что Жуков препятствует перевооружению войск МВД новыми образцами оружия, не выделяет для них призывной контингент, противится введению военной формы одежды для милиции. «Мои неоднократные разговоры лично с тов. Жуковым с просьбой снять возражения ни к чему не привели, — пишет Дудоров. — Однажды я приехал к тов. Жукову с группой милицейских работников, одетых в новую форму, чтобы показать ему ее в натуральном виде, однако и это не помогло, а его ругань и крик в адрес милиции оскорбили работников милиции.

Однажды тов. Жуков предупредил меня в резкой форме, что если я „протащу“ какое-либо решение по любому вопросу МВД в ЦК КПСС или Совет Министров СССР без его ведома и согласия, то он мне устроит большой тарарам. Такое предупреждение меня крайне удивило…»[508]

Внешне все еще обстояло благополучно. 3 октября 1957 года Жуков вылетел в Севастополь, а вечером того же дня на крейсере «Куйбышев» в сопровождении эскадренных миноносцев «Блестящий» и «Бывалый» отбыл в Югославию.

Корреспондент газеты «Красная Звезда» капитан 1-го ранга С. Быстров об этой поездке рассказал подробно.[509] Перед выходом в море на лучший на Черноморском флоте крейсер «Куйбышев» под командованием капитана 1-го ранга В.В.Михайлина прибыла комиссия Главного штаба ВМФ во главе с первым заместителем главнокомандующего ВМФ адмиралом А.Г.Головко. Он вместе с членами комиссии дотошно осмотрел корабль, а затем собрал в кают-компании весь офицерский состав корабля и подчеркнул: «Вы будете представлять Жукову не только Черноморский флот, а всех нас. И прямо скажу, если что-нибудь у вас обнаружится — вам несдобровать. И защиты вы тогда нигде не найдете».

При подходе к Босфору крейсер «Куйбышев», как полагалось, обменялся позывными с турецким сигнальным постом на мысе Шиле. Г.К.Жуков стоял на мостике в матросском берете, который был ему выдан

508 Там же. С. 513–514.

509 См.: Быстров С. В октябре 1957-го. Последние дни перед отставкой Г.К.Жукова // Красная Звезда. 1989. 19 мая.

на корабле, так как фуражку маршала в первый же день едва не сдуло ветром за борт, но матрос-комендор зенитного автомата сумел ее поймать на лету. Ловкость моряка вызвала у Жукова восхищение. Сигнальщик крейсера тем временем принял от турецкого поста семафор: «Великому Маршалу Советского Союза, высокочтимому полководцу Второй мировой войны. Приветствуем и поздравляем вас с заходом в турецкие воды...» Георгий Константинович удивился и спросил у Михайлина: «Что, всех так встречают?» Командир корабля ответил, что так встречают только Жукова, чем маршал был приятно польщен. В Босфоре стояло несколько американских военных кораблей: авианосец, крейсер, два фрегата, эсминцы. Экипажи были выстроены по большому сбору на верхних палубах, все в белом, играли «Захождение». Семафор от них в адрес Жукова — приветственный, длинный. Ответ министра был, как положено в таких случаях, коротким: «Благодарю».

В Белграде Жуков нанес визит президенту Югославии Иосипу Броз Тито, госсекретарю по делам народной обороны Ивану Гошняку. Много ездил по стране, посещал воинские части, присутствовал на военных маневрах. Из Югославии самолетом отбыл в Албанию.

В то время как Георгий Константинович совершал свой вояж, Хрущев организовал срочное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором с докладом выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и ВМФ генерал-полковник А.С.Желтов. Члены Президиума решили провести в военных округах партийные активы с осуждением Г.К.Жукова за пренебрежение политработой в войсках и создание в армии культа собственной личности. 22–23 октября в Кремле состоялось собрание партактива московского гарнизона и центрального аппарата Министерства обороны. На записку: «Почему нет на активе Жукова?» — Хрущев резко ответил, что не об этом надо спрашивать, а о том, почему такие безобразия им допущены.

Благодаря преданности генерала С.М.Штеменко, который, будучи начальником Главного разведывательного управления, имел свою собственную, не подконтрольную никому связь, Жуков узнал о происходящих событиях. Впоследствии Хрущев долго и упорно искал того, кто проинформировал Жукова, и выяснив, что сообщение ушло по линии военной разведки, снял Штеменко с работы.

26 октября Жуков вылетел из столицы Албании Тираны в Москву. Прямо с борта самолета он отправил Г.А.Семеновой телеграмму: «Хотелось бы отдохнуть от этой утомительной поездки, но, как видно, предстоит большая работа... Переживаю радостное чувство встречи с тобой и доченькой. Очень соскучился без обеих вас... Наверное, Машенька подросла и стала еще милее. Я хотел бы, чтобы она была больше похожа на меня, но непременно с твоими глазами, которые я очень-очень люблю...»

Самолет с министром обороны приземлился в аэропорту Внуково. Георгия Константиновича встречали Маршалы Советского Союза и главнокомандующие всеми видами Вооруженных Сил, а также сотрудник Президиума ЦК КПСС Чернуха. Он подошел к Жукову и сказал, что его сейчас же приглашают на заседание Президиума ЦК.

На заседании Президиума ЦК слово было предоставлено М.А.Суслову. Он обвинил министра обороны в том, что тот проводит неправильную политическую линию, игнорируя политических работников и Главное политическое управление Советской Армии и ВМФ.

А.И.Микоян добавил: «Мне непонятна и до сих пор волнует одна фраза, сказанная Жуковым на Президиуме ЦК во время работы по поводу антипартийной группы Маленкова — Молотова. Жуков тогда сказал: „Если будет принято решение, предложенное Маленковым (о смещении Хрущева. — В.Д.), то он, Жуков, не подчинится решению и обратится к армии. Как это понимать?“».

Жуков уточнил, что он намеревался обратиться через парторганизации армии к партии, а не к армии.

С пространной речью на заседании выступил Хрущев. Он заявил, что все, что Жуков преподносит под видом укрепления единоначалия, — это настоящая диктатура, опасное дело. В вину Георгию Константиновичу вменялись создание не подконтрольной никому школы диверсантов, о которой знали только он и Штеменко, а также формирование специальной дивизии. Объяснения Жукова, что создавались обычные формирования для ведения разведки и уничтожения вражеских ракетных установок, никого не удовлетворили. Последовали обвинения и в бонапартизме. Затем Хрущев предоставил желающим ознакомиться с материалами о заграничных поездках Жукова, в которых якобы проявились его позерство и огромное самомнение.

Он рассуждает так: я есть министр обороны, и все то, что относится к войскам, должно проходить только через меня и больше ни через кого. И это преподносится под видом укрепления единоначалия? Нет, это настоящая диктатура, это опасное дело.

«Вся эта история, подготовленная против меня как-то по-воровски, была полной неожиданностью, — вспоминал Георгий Константинович. — Обстановка осложнялась тем, что в это время я болел гриппом. Я не мог быстро собраться с мыслями, хотя и не первый раз мне пришлось столкнуться с подобными подвохами. Однако я почувствовал, что Хрущев, Брежнев, Микоян, Суслов и Кириленко решили удалить меня из Президиума ЦК. Видимо, как слишком непокорного и опасного политического конкурента, освободиться от того, у кого Хрущев оставался в долгу в период борьбы с антипартийной группой Маленкова — Молотова. Эта мысль была подтверждена речью Микояна на пленуме, где он сказал: „Откровенно говоря, мы боимся Жукова“».

Пленум ЦК КПСС с одним вопросом на повестке дня: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и на Флоте» начал свою работу 28 октября 1957 года. Доклад делал Суслов.

«…Вскрыты серьезные недостатки и извращения в партийно-политической работе… Эти недостатки и извращения, как теперь установлено, порождены грубым нарушением партийных ленинских принципов руководства Министерством обороны и Советской Армии со стороны товарища Жукова.

…Огульное избиение командных и политических кадров… снять, списать, уволить, выгнать, содрать лампасы, содрать погоны… привыкли за 40 лет болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты. Это он (Жуков. — В.Д.) говорит о политических работниках!..

О том, что Жуков потерял элементарное чувство скромности, говорит и такой факт. Министр поручил купить, в целях личной рекламы поставить в Музей Советской Армии написанную художником картину, представляющую такой вид: общий фон — горящий Берлин и Бранденбургские ворота, на этом фоне вздыбленный конь топчет знамена побежденных государств, а на коне величественно восседает товарищ

Жуков…

Товарищ Жуков игнорирует Центральный Комитет. Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей… Товарищ Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров как коммунист счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра…»

Выступил начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза В.Д.Соколовский: «Сказать, что тов. Жуков недопонимал и недопонимает роли партийно-политической работы в армии, это, конечно, несостоятельно и несерьезно, и те крупные ошибки, которые допущены были Жуковым, конечно, не от недопонимания, как он, выступая здесь, говорил, это неверно. Дело заключается именно в линии поведения… Эта особая линия поведения вела к тому, чтобы армию прибрать к рукам в полном смысле этого слова и через армию воздействовать тем или иным путем, я не хочу фантазировать, но воздействовать тем или иным путем, может быть, даже на Президиум ЦК…»

Тут Хрущев подал реплику: «Жуков платил вам тем же. Он мне говорил, что надо заменить начальника Генерального штаба».

Резкие нападки на Жукова содержались в выступлении начальника Главного политического управления СА и ВМФ генерал-полковника А.С.Желтова. «…Тов. Жуков непомерно себя возвеличивал, и на этой почве у нас было немало схваток. — говорил он. — Началось в 1955 году… Не появился в связи с его назначением портрет в центральных газетах. Главному Политическому управлению был произведен такой разнос, которого никто никогда вообще не видел».

Не нашлось слов в защиту Жукова и у выступивших маршалов Конева, Еременко, Бирюзова, Тимошенко. Рокоссовского.

После обсуждения вопроса слово было предоставлено Жукову:

«Выступая перед Пленумом Центрального Комитета, я не ставлю перед собой цель как-либо оправдать те неправильные действия, которые были у меня, те ошибки, которые были мною допущены… Я головой сейчас могу нести ответственность, вы можете назначить любую комиссию для того, чтобы подтвердить документально, пусть скажут здесь маршалы — члены ЦК, командующие, — за последний период времени в армии значительно укрепились дисциплина, организованность, порядок, резко сократились чрезвычайные происшествия… Я не хочу сказать, что это моя заслуга. Работала вся партия, Центральный Комитет, партийные организации, Военные Советы, политорганы и в своей работе руководствовались не какими-то намеками или указаниями Жукова, а руководствовались всегда только указаниями Центрального Комитета…»

Жуков не отверг главного обвинения — недооценку политработников, так как считал, что командиры, являющиеся испытанными коммунистами, хорошо знающими партийно-политическую работу, могут быть и партийными руководителями. «Я считал, что в нашей армии должны быть не штатные, платные политработники, а надо поднять, активизировать партийные организации… Главная, ведущая роль в нашей армии, мне казалось, должна принадлежать партийной организации».

Далее Жуков обратил внимание Пленума на странность выдвинутых против него обвинений, на то, как все это было организовано. Он сказал,

что всего три недели тому назад, перед тем как ему было поручено поехать в Югославию и Албанию, он со всеми членами ЦК, или, вернее, с большинством, распрощался как с близкими друзьями. Не было сказано ни одного слова в качестве претензии.

Подводил итоги Пленума Хрущев, как всегда, выступивший с пространной речью. Красной нитью через нее проходило стремление во чтобы то ни стало обвинить Жукова в намерении захватить власть в стране.

3 ноября 1957 года в «Правде» было опубликовано постановление Пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и на Флоте». В нем отмечалось: «При личном участии т. Жукова Г.К. в Советской Армии стал насаждаться культ его личности. При содействии угодников и подхалимов его начали превозносить в лекциях и докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличили его персону и его роль в Великой Отечественной войне… Т. Жуков не оправдал оказанного ему Партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму…» Этим постановлением Георгия Константиновича вывели из состава Президиума и ЦК КПСС. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1957 года Жукова освободили от должности министра обороны, а постановлением Совета Министров СССР от 27 февраля 1958 года № 240 отправили в отставку.

Маршал Советского Союза Н. В. Огарков, оценивая это решение, отмечал: «Занимая высшие военные посты, он был на виду у всех руководителей партии и государства, других государственных и партийных деятелей и тем более у военачальников. Чего греха таить, многие руководители завидовали его авторитету в армии и народе и нередко боялись его решительности, самостоятельности в принятии решений, поэтому стремились умалить его заслуги перед Отечеством, способствовали дискредитации имени Жукова и отстранению его с руководящих постов Вооруженных Сил».

Хрущев, даже спустя многие годы после расправы с Жуковым, пытался доказать, что маршал готовил заговор: «Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: „Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!“».

Далее Хрущев отмечал: «…Когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было

некуда».

В «Правде» от 3 ноября, наряду с постановлением Пленума ЦК КПСС, была опубликована большая статья за подписью Маршала Советского Союза И. С. Конева «Сила Советской Армии и Флота в руководстве партии, в неразрывной связи с народом», в основу которой легло его выступление на октябрьском пленуме. Иван Степанович утверждал, что Жуков «переоценил себя и свои способности, стремился все вопросы руководства Вооруженными Силами решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя».

И.С.Конев подверг критике и роль Жукова в Великой Отечественной войне. Правда, для начала оговорился: «Коммунистическая партия и советский народ не отрицают заслуг т. Жукова перед Родиной». И тут же перешел к разоблачению «маршала Победы»: «Т. Жукову следовало бы помнить, что в его деятельности было немало крупных ошибок и промахов». Иван Степанович возложил на Георгия Константиновича немалую долю ответственности за неготовность Красной Армии к отражению немецкого нападения в 1941 году. В частности, поставил ему в вину «одновременное развертывание большого количества крупных механизированных соединений без учета возможности их своевременного укомплектования боевой техникой и кадрами специалистов, что отрицательно сказалось на ходе вооруженной борьбы в начальный период войны». И разгром немцев под Сталинградом, утверждал Конев, спланировал не Жуков, а Ставка в целом, причем особую роль сыграли предложения Еременко и Хрущева. Иван Степанович знал, как польстить первому секретарю. Припомнил Конев и неудачную попытку Жукова в бытность представителем Ставки на Северо-Западном фронте ликвидировать демянский «котел» зимой 1942/43 года, и то, что Георгий Константинович выпустил из окружения немецкую 1-ю танковую армию весной 1944 года. Заканчивая статью, Конев писал, что «Жуков неоднократно выступал против культа личности Сталина, резко критикуя его за ошибки. Однако эта критика была рассчитана не на то, чтобы помочь партии преодолеть отрицательные последствия культа личности, а на то, чтобы возвеличить самого себя… Он потерял партийную скромность».

Позже Конев оправдывался за эту статью: «… А что я мог тогда сделать: состоялся Пленум ЦК, членом которого был и я. Меня вызвали и предложили (точнее, приказали) написать такую статью, и я подчинился. Так сказать, дали „партийное поручение“. Да и статья, скажу прямо, была подготовлена без моего активного участия. Фактически подписал только».

В 2001 году Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий дала оценку обвинений, выдвинутых партийно-государственным руководством СССР против Маршала Советского Союза Г.К.Жукова. Было отмечено, что на состоявшемся в октябре 1957 года Пленуме ЦК КПСС с повесткой дня «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и на Флоте» фактически же разбиралось «дело» Г.К.Жукова. Ему были предъявлены многочисленные серьезные обвинения, в том числе в подготовке захвата власти и попытке установления личной диктатуры. Собравшиеся посчитали доказанным, что Г.К.Жуков в целях захвата власти пытался подчинить себе, помимо армии, КГБ и МВД, то есть все силовые и карательные органы государства. По действовавшему тогда законодательству обвинения, выдвинутые ЦК КПСС против маршала,

фактически подпадали под статью 58 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшую за подобные действия высшую меру наказания.

Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий констатировала, что для подтверждения столь чудовищных обвинений на партийном Пленуме не было приведено каких-либо убедительных фактов. Итоговое постановление Пленума с обличающими формулировками принималось в отсутствие Г.К.Жукова. Наиболее тяжкие обвинения и резолютивная часть постановления не были опубликованы. В советской печати появились лишь те формулировки, где маршал обвинялся в линии на ликвидацию партийного контроля над армией и флотом.

Изучение документов и материалов об обвинениях против маршала Г.К.Жукова, по мнению комиссии, подтверждает необходимость осуждения обществом и государством любых форм политических репрессий как противоречащих основным правам и свободам человека и гражданина, дальнейшего раскрытия правды о трагическом прошлом советского общества.

...Отставка потрясла Жукова, так как военная служба составляла для него весь смысл жизни. Позднее он рассказывал К.М.Симонову: «Есть в жизни вещи, которые невозможно забывать. Человек просто-напросто не в состоянии их забыть, но помнить их можно по-разному. Есть три разных памяти. Можно не забывать зла. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая о будущем. Это третье.

Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжелых момента. Если говорить о третьем из них, то тут в чем-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня. Но пережить это было нелегко...»[510]

Пережив трагедию осени 57-го года, Жуков сохранил себя для истории.

Глава XV. Не потерять себя

Могло случиться и забвение.

Оно могло произойти потому, что Жуков больше не нужен был власти, в природе которой со своей прямотой и честностью Георгий Константинович, скорее всего, так до конца и не разобрался. Его делом было просто воевать и служить своей Родине.

Забвение могло случиться и в результате начинавшегося «передела» личных военных заслуг и беззастенчивого искажения истории Великой Отечественной войны.

Забвения не произошло. Прежде всего, обладая недюжинными волевыми качествами, Георгий Константинович смог помочь себе сам. В одной из бесед с Константином Симоновым он вспоминал: «Когда меня в пятьдесят седьмом году вывели из состава Президиума ЦК и ЦК и я вернулся после этого домой, я твердо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело.

Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул... Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими

510 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 46.

перерывами. И я как-то пережил все то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чем бы я думал, с чем внутренне спорил бы, что переживал бы в бодрствующем состоянии, все это я пережил, видимо, во сне. Спорил, и доказывал, и огорчался — все во сне. А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку. И лишь после этого написал в ЦК, попросил разрешения уехать лечиться на курорт. Так я пережил этот тяжелый момент».[511]

В обстановке общественной изоляции и негласного надзора, в которой оказался Жуков, выдержать тяжкое давление сфабрикованных политических обвинений помогли ему наиболее близкие друзья и соратники: маршалы А.М.Василевский, И.Х.Баграмян, С.И.Руденко, генералы Н.А.Антипенко, И.И.Федюнинский, А.П.Белобородов. Они не отвернулись и продолжали по-прежнему общаться с ним, но контакты эти на первых порах были ограничены. Так, зная о слежке, Жуков поддерживал общение с Василевским только по телефону или через его сына, дабы не дать повода «каким-нибудь фантазерам» подумать, что два маршала затевают заговор. Пожалуй, чаще всего в доме Георгия Константиновича бывал Н.А.Антипенко с женой: помогал в решении хозяйственных вопросов, сопровождал в поездках в санаторий, принимал деятельное участие в проведении семейных торжеств.

«Первое время отец надеялся, что не останется не у дел, — вспоминает Элла Георгиевна. — Ведь ему было чуть за шестьдесят, он сохранил силы и здоровье, стремление использовать свой колоссальный опыт для военного строительства. Однажды, вернувшись домой из института, я увидела отца в столовой. Он сидел в кресле у окна, держа в руках какой-то листок бумаги, и был явно удручен. На мой вопрос: „Пап, что случилось?“ — он ответил, что уже не первый раз пишет на имя Хрущева просьбу предоставить любую работу. Готов командовать округом, готов возглавить военную академию, стать, наконец, рядовым преподавателем. И вот получил очередной отказ: „В настоящее время предоставить вам работу представляется нецелесообразным“, — зачитал он строчку из письма, еще более помрачнев».

Слежка за Жуковым велась постоянно. 7 сентября 1959 года председатель КГБ Шелепин доносит Хрущеву:

«19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта Крюкова жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Буденный С.М. и Жуков Г.К.

В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что, если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Далее он сказал, что тов. Малиновский (министр обороны. — В.Д.) предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

„В газете ‘Красная Звезда’, — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет

511 Цит. по: Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 46.

политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будут разложена“.

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным…»[512]

Реакция была бурной. Пришлось давать официальные объяснения в ЦК КПСС Буденному, а сам Жуков вместе с генералом В.А.Ревякиным был вызван в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Председатель КПК Шверник в своей записке в ЦК отметил: «Вопрос о неправильном поведении члена КПСС с 1918 г. т. Ревякина В.А. и члена КПСС с 1919 г. т. Жукова Г.К. обсужден на заседании КПК в их присутствии.

В своем объяснении т. Жуков дал правильную оценку своему поведению, заявил, что вначале он не придал разговору с Ревякиным должного значения и что в настоящее время сделал для себя необходимые выводы. Не отрицал своего неправильного поведения и т. Ревякин.

Учитывая все это, Комитет Партийного Контроля решил ограничиться обсуждением этого вопроса».[513]

Несмотря на то, что Георгий Константинович «сделал для себя необходимые выводы», слежка за ним продолжалась. В мае 1963 года председатель КГБ Семичастный шлет Хрущеву «некоторые сведения, полученные в последнее время о настроениях бывшего Министра обороны Жукова Г.К.»:

«В беседах с бывшими сослуживцами Жуков во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности Министра обороны, и допускает резкие выпады по адресу отдельных членов Президиума ЦК: „Все это дело можно было по-другому отрегулировать, — говорил Жуков, — если бы я мог низко склониться, но я не могу кланяться. А потом, почему я должен кланяться? Я ни в чем не чувствую вины, чтобы кланяться. Все это приписано было, конечно, с известной целью…“

В разговоре с одним из своих сослуживцев по армии Жуков следующим образом отозвался о Малиновском Р.Я.: „…Это хитрый человек, он умеет подхалимничать. Он никогда против слова не скажет. ‘Слушаю’. ‘Есть’. Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны…“

В беседе с генерал-майором в запасе Кармановым И.М. Жуков заявил:

„У нас… неразумно купеческий размах в отношении помощи. В космическое пространство вылетают миллиарды. На полет Гагарина израсходовали около 4 миллиардов рублей. Никто ни разу не задал вопроса, во что обходятся все эти приемы, все эти поездки, приезды к нам гостей и прочее… Жене Бидо сделали соболью шубу, я видел. Жене другого члена делегации был подарен бриллиантовый набор, в котором находилась бриллиантовая брошь в 12 карат… Это все сейчас доходит до широких масс людей… У Сталина было много нехороших черт, но в небережливости государственной копейки его никто не сможет упрекнуть. Приемов он не так много сделал, подарки он никому не давал, кроме автографа на книге…“

512 Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. С. 525–526.

513 Там же. С. 527–528.

В другой беседе по поводу издания „Истории Великой Отечественной войны“ Жуков говорил:

„…Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот ‘История Великой Отечественной войны’ абсолютно неправдивая.

Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали… Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не смогли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну… Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!..У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии.

Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать…“

По имеющимся у нас данным, Жуков собирается вместе с семьей осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний».[514]

Вновь следует «предупредительный разговор» в ЦК КПСС, который на этот раз проводили с Жуковым Брежнев и Сердюк. Излишне говорить, что реакция Георгия Константиновича на эту беседу в домашнем кругу была полностью записана через прослушивающие устройства и в виде стенограммы представлена Хрущеву.

Лишь после отстранения от власти Н.С.Хрущева для опального маршала были сделаны некоторые послабления. В 1965 году он впервые за последние годы появился на публике в Кремлевском дворце съездов на торжественном заседании, посвященном 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Многотысячная аудитория встретила появление Георгия Константиновича бурной овацией.

Вечер того же дня Георгий Константинович провел в писательском клубе, где его приветствовали стоя, возгласами «Жукову — ура!». Отвели место на торжественном банкете рядом с писателями К.М.Симоновым, С.С.Смирновым, С.В.Михалковым, Б.Н.Полевым.

В том же году Г.К.Жуков расторг брак с Александрой Диевной и зарегистрировал отношения с Г.А.Семеновой. Адъютант маршала И.А.Прядухин вспоминал, что любви между Георгием Константиновичем и его последней женой «можно было только позавидовать… Вот уезжает Галина на работу, обязательно обнимет мужа, поцелует… Жуков же вообще был несловоохотлив. Может, слова какие-то ласковые и говорил, но я не слышал. А внимателен к жене был постоянно. Иногда даже ради нее шел на жертвы. Галина Александровна, например, очень любила ходить по театрам, а Георгий Константинович в тот период нет. Возраст уже, здоровья никакого… Но временами тем не менее поворчит-поворчит на жену, да и соберется на спектакль».

---

514 Там же. С. 528–529.

По воспоминаниям дочери Жукова Марии, «родители радушно встречали гостей, и сами ходили в гости, были желанными в домах своих друзей. Они были чудесной парой, их взаимная любовь вызывала то удивительное явление, когда люди как бы начинают светиться внутренним светом, и свет этот притягивал людей…».

Только спустя некоторое время произошло примирение с Галиной Александровной дочерей Жукова Эры и Эллы, и Эра Георгиевна вполне искренне написала в своих воспоминаниях: «Мы с Эллой благодарны Галине Александровне за то, что последние годы жизни папа провел в обстановке любви, внимания».

Внешне новое руководство страны стремилось показать свою лояльность к Г.К.Жукову. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 декабря 1966 года он был награжден орденом Ленина в связи с 70-летием со дня рождения и за заслуги перед Вооруженными Силами, а указом от 22 февраля 1968 года — орденом Октябрьской Революции за заслуги в строительстве и укреплении армии и в связи с ее 50-летием. Но по сути мало что изменилось. Вот что писал Н.А.Светлишин: «По решению редколлегии (Военно-исторического журнала. — В.Д.) я позвонил поочередно Маршалам Советского Союза И. С. Коневу, В.Д. Соколовскому, А. М. Василевскому с предложением подготовить очерк „От солдата до маршала“ к 70-летию Г.К.Жукова. Они отказались. И тогда написать очерк было поручено мне. К великой радости, Георгий Константинович согласился с кандидатурой автора».[515] По свидетельству генерала армии М.А.Гареева, маршал А.М.Василевский в 1975 году в связи с выходом своей книги «Дело всей жизни» выразил искреннее сожаление по поводу того, что ему по разным причинам не всегда удавалось выдержать принципиальную и справедливую позицию в отношении к Жукову, соответствующую его действительному глубокому уважению к своему боевому соратнику.

Георгий Константинович продолжал, насколько это было возможно в тех условиях, следить за развитием военного дела. Интересное свидетельство оставил А.И.Бородач: «…После войны я занимался внедрением в народное хозяйство вертолетов известных конструкторов Н.Камова и М.Миля, а в 1964 году в „Стройиздате“ вышла моя книга „Проектирование и строительство вертолетных станций“. В этой книге я изложил результаты многолетних летных испытаний всех типов отечественных вертолетов, в которых принимал непосредственное участие.

А осенью 1965 года мне неожиданно позвонил Георгий Константинович и предложил встретиться. К моему удивлению, разговор он повел о возможности применения вертолетов на поле боя. К тому времени использование вертолетов в армии уже никем не оспаривалось, однако сфера их применения ограничивалась транспортными функциями. Конечно, я не был посвящен во все секреты военной промышленности, но даже в неофициальных беседах с тогдашним руководством ВВС и с авиаконструкторами-вертолетчиками речи об этом не было. А Жуков засыпал меня конкретными вопросами, пытаясь оценить, насколько вертолет применим на поле боя, каким требованиям должна соответствовать подобная машина. Он оставался широко мыслящим

---

515 Светлишин Н. Маршал Жуков: Крутые ступени судьбы // Советский воин. 1988. № 8. С. 14.

военачальником, даже будучи лишен возможности хоть как-то повлиять на развитие дел в армии».

Помогала жить и поддерживала здоровье страсть к охоте. Как-то в Туве перед началом охоты на кабана Георгию Константиновичу представили В.Н.Бущинского — опытного охотника и первоклассного стрелка, в прошлом летчика-истребителя. Маршал поделился сомнениями о своем оружии, из которого он сам лично еще не стрелял. При этом он вынул из футляра новый карабин, конструктивно отличавшийся от известных в то время. Его сконструировали и изготовили в Германии, в городе Зуле лично для Жукова, причем было изготовлено семь карабинов и отобран самый лучший, а все остальные были уничтожены вместе с конструкторской документацией. Подержав карабин в руках и прикинув его к плечу, как это делают мастера, Виктор Николаевич с волнением выразил свое восхищение. Но, помня сомнения маршала, без колебаний предложил ему свой проверенный и надежный штуцер калибра 9 миллиметров. И маршал с улыбкой принял это предложение. После охоты он, оценив умелые действия Бущинского, подарил ему свой карабин.

Хотя после торжеств по случаю 20-летия Победы настроение у Жукова значительно поднялось, здоровье его разлаживалось. В очерке «Маршал Георгий Константинович Жуков (Записки врача)» об этом рассказывает Г. А. Алексеев:

«Судьба свела меня с выдающимся полководцем нашего времени совершенно случайно. Я тогда работал в Главном военном госпитале имени Н.Н.Бурденко, возглавлял кардиологическое отделение. Здесь же трудилась старший ординатор терапевтического отделения Галина Александровна Семенова, жена маршала. Однажды, дело было в 1965 году, она подошла ко мне: „Может быть, посмотрите Георгия? Что-то с сердцем у него неладно“.

Такая просьба, конечно, меня озадачила. Было известно, что маршал находится на медицинском наблюдении в Кремлевской больнице. Хотя он и в опале, но вмешиваться в лечение такого именитого пациента казалось некорректным по отношению к коллегам Кремлевской больницы. С другой стороны, не хотелось и отказывать всеми уважаемой Галине Александровне. Посоветовавшись с руководством Центрального военно-медицинского управления, я согласился.

На даче маршала я был встречен сдержанно. На вопросы он отвечал кратко, неохотно рассказывал о перенесенных ранее заболеваниях. Из медицинской книжки и архивных историй болезни удалось установить, что боли в области сердца и за грудиной, а также периодические головные боли и легкие головокружения он стал отмечать с 1947–1948 гг. При диспансерном и стационарном обследовании была выявлена ишемическая болезнь сердца и начальный атеросклероз церебральных артерий. Рекомендованный врачами режим ограничения физических нагрузок маршал соблюдал не всегда, продолжал систематически заниматься физкультурой (утренняя зарядка, верховая езда, лыжи, охота, рыбная ловля и др.)».

Осенью 1965 года Георгий Константинович перенес инфаркт миокарда и лечился в Центральном военном госпитале им. Мандрыки. Заболевание протекало без осложнений, и для закрепления результатов лечения он был переведен в военный санаторий «Архангельское». Самочувствие быстро улучшилось, и Жуков продолжил активный образ жизни: выезжал вместе с двоюродным братом М.М.Пилихиным на

рыбалку, изредка на охоту, много времени проводил в дачном саду, побывал в санатории в Прибалтике, посещал московские театры.

Но самое главное — он продолжал собирать материалы для задуманных им мемуаров. С этой целью часто ездил в Подольск, в Центральный архив Министерства обороны, и в Генеральный штаб. В печати появились его первые публикации, посвященные событиям Великой Отечественной войны. В 1966 году в книге «Провал гитлеровского наступления на Москву» была помещена статья Жукова «Первое стратегическое поражение вермахта», а в следующем году в «Военно-историческом журнале» — статья «На Курской дуге».

Издательство Агентства печати «Новости» (АПН) предложило Георгию Константиновичу издать его воспоминания о Великой Отечественной войне. Переговоры, которые провела с автором будущий редактор его книги А.Д.Миркина, прошли успешно, и в августе 1965 года состоялось подписание договора на издание книги «Воспоминания и размышления».

Вспоминая свою первую встречу с Жуковым, Миркина писала: «Навстречу широким, твердым шагом идет Жуков, в простом домашнем костюме, голубовато-серой рубашке с открытым воротом, с короткими рукавами, в серых брюках, сильный, кряжистый, весь сбитый, выразительные крупные черты лица, взгляд острый, пронизывающий тебя насквозь, — и я чувствую, как у меня подкашиваются ноги». Страхи оказались напрасными: Георгий Константинович встретил ее приветливо и охотно отвечал на вопросы.

Кабинет, где работал Георгий Константинович, был метров двадцать, уютный, с эркером. Письменный стол, обитый зеленым сафьяном, отодвинут от трехстворчатого окна, удобное кресло. Вдоль стен — книжные шкафы, на столе — раскрытые книги, листы рукописи. По свидетельству редактора будущей книги, «Георгий Константинович был полностью погружен в работу — собирал архивный материал, встречался со своими боевыми соратниками — бывшими командующими фронтами, членами военных советов, просматривал выходящие в свет новинки военно-исторической и военно-мемуарной литературы. Писал увлеченно, страстно, азартно, обычно вечерами и далеко за полночь. Не любил диктовать, писал от руки — „так лучше формулируется мысль, уходит все лишнее“. „Воспоминания и размышления“ явились первым его литературным опытом».

Врач маршала Г.К.Алексеев отмечал: «Мне пришлось на протяжении многих лет быть невольным свидетелем титанического труда Георгия Константиновича. Он категорически отказался от предложенной ему литературной помощи со стороны наших известных писателей Константина Симонова и Сергея Смирнова, заявив: „Книгу я должен написать сам“. Поражали его высочайшая ответственность за свой труд, его неприятие каких-либо отклонений от правды. Работая над книгой, Георгий Константинович не раз говорил о том, какое значение он придает правдивости описания событий. Было очевидно, что он искренне стремится к этому, что и в жизни, в общении с друзьями он не переносит любой лживости даже по пустякам. Могу привести один пример. В течение ряда лет он поддерживал отношения с одним ученым-медиком. Однажды его знакомый не пришел на условленную встречу, объяснив это неожиданной занятостью в клинике. Его жена, по-видимому, не зная объяснения мужа, через 2–3 дня в присутствии маршала с восторгом

рассказывала, какой интересный спектакль они смотрели в театре в тот день. После этого случая все отношения между ними были прерваны навсегда».

Г.К.Жуков работал над книгой, невзирая на то, что болезнь неотступно преследовала его. В июне 1967 года, несмотря на активную лекарственную терапию, у Георгия Константиновича развивается повторный инфаркт миокарда, который, как и первый, протекает без осложнений. На этом печальные для маршала события не прекращаются. В конце года заболела Галина Александровна, ей потребовалась серьезная онкологическая операция, которую выполнил академик Н.Н.Блохин. Уже в ходе операции выяснилось, что проводится она слишком поздно. Взволнованный происшедшим, с тяжелым настроением Георгий Константинович направляется в санаторий «Архангельское», где с большой тревогой ежедневно ждет нерадостных известий из госпиталя. «В один из этих дней я был в санатории, зашел к маршалу, — вспоминает Г.К.Алексеев. — Он был напряжен, мрачен, сказал мне, что страшно переживает за исход операции. О себе между прочим заметил, что стал чувствовать какую-то неуверенность при ходьбе, назначен на консультацию к невропатологу. А через несколько дней произошла катастрофа — тяжелейший ишемический инсульт. Срочный консилиум с участием профессоров Е.И.Чазова, Е.В.Шмидта и других специалистов высшего класса признал абсолютно необходимой немедленную эвакуацию больного в реанимационное отделение Кремлевской больницы, что и было выполнено с максимальными предосторожностями на специальной реанимационной машине... Главная цель была достигнута, жизнь спасена, умственная деятельность полностью сохранена, однако некоторые последствия инсульта остались».

Подготовка к печати первого издания мемуаров Жукова заняла три года. Для окончательной ее доработки нужен был и военный специалист для редактирования. «Ни в Институте военной истории, ни в Воениздате, ни в Военно-историческом журнале, — вспоминала Миркина, — нигде, куда бы мы ни обращались, не нашлось ни одного человека, который бы согласился стать спецредактором книги прославленного маршала — в то время это, по-моему, могло стоить военной карьеры».

Выход в 1969 году в свет книги подействовал на Георгия Константиновича благотворно. Он словно помолодел, стал гораздо бодрее. Успех книги придал ему новые жизненные силы, окрылял. А успех был потрясающим: ко всем книжным магазинам, где продавались «Воспоминания и размышления», выстраивались огромные очереди.

Но радость, по свидетельству А.Д.Миркиной, была омрачена одним неприятным инцидентом. Книга «уже давно была подготовлена к набору, но окончательного разрешения не было. Что-то его задерживало. Наконец дали понять, что Л.И.Брежнев пожелал, чтобы маршал Жуков упомянул его в своей книге».

Упомянули. Кроме надуманного сюжета о том, что Жуков якобы собирался заехать к начальнику политотдела 18-й армии Л И.Брежневу и посоветоваться с ним по каким-то стратегическим вопросам, в книгу вынудили вписать также фамилии А.А.Епишева, М.Х.Калашника и других политработников. Гречко и Епишев в записке в ЦК КПСС о рукописи книги Жукова среди множества грехов и недостатков указали и такой: «Г.К.Жуков чрезмерно сгущает краски вокруг недостатков, имеющихся в боеготовности советских войск, расположенных в западных военных

округах, в обучении личного состава и подготовке командных кадров. Слишком большое внимание уделяет репрессиям 1937–1938 гг.».

«Забывчивость» Жукова в отношении «подвигов» именитых партийных руководителей припомнилась ему в последующем. В марте 1971 года открылся XXIV съезд КПСС. Жуков — делегат от Московской области. Сшил новый мундир. Волновался. Собирал силы. Но… жене отказали в гостевом билете. Позвонили Л.И.Брежневу, а тот выказал недоумение: неужели маршал действительно собирается на съезд? И посоветовал не делать этого. Слишком это тяжелое мероприятие для здоровья человека в его возрасте.

Сразу после этого разговора начались визиты и звонки «благожелателей»: все наперебой уговаривали маршала не ехать на съезд — «поберечь здоровье».

Жуков не возражал. Он все понял.

Состояние здоровья Георгия Константиновича после этого случая резко ухудшилось. Использовали самые современные по тем временам методы лечения, приглашали медицинских светил. 23 мая 1971 года на даче Жукова проходил консилиум врачей с участием видных французских ученых — нейрохирурга Ж. Гийо и невропатолога П. Рондо. По свидетельству очевидцев, профессор Гийо преклонил перед Жуковым колено и сказал: «Я польщен знакомством с Вами и рад, что имею честь видеть человека, спасшего Европу от фашизма». Консилиум продолжался около пяти часов, и в результате обсуждения возможность хирургического лечения была полностью отклонена. Были предложены некоторые французские препараты в сочетании с психотерапевтическими мероприятиями, что также не внесло существенных изменений в состояние больного. Не оказало должного эффекта на улучшение здоровья Жукова и применение в 1973 году курса лечения иглотерапией, который проводил японский профессор С. Окабэ.

Перенося страдания, которые приносила ему болезнь, в общении с врачами Георгий Константинович хотя и бывал иногда несдержан, даже суров, но никогда не позволял себе грубости, повышения голоса. «Однажды в больнице, в один из трудных для себя дней, увидев меня в составе консилиума, — вспоминает Г. К. Алексеев, — он подозвал заведующего отделением и спросил, почему я здесь. Тот объяснил и передал это мне. Я понял, что мое присутствие в больнице ему чем-то неприятно, и перестал там бывать. Недели через две, поздно вечером, звонит мне домой дежурный врач Кремлевской больницы и говорит, что маршал просит меня сейчас приехать к нему. Приезжаю, встречает приветливо и, как ни в чем не бывало, просит послушать его сердце, посмотреть живот в связи с появившимися неприятными ощущениями. Я, обследовав его, успокоил, рекомендовал принять что-то из лекарств. Вскоре неприятные ощущения исчезли. В другой раз, вскоре после того, как мне было присвоено очередное воинское звание, я в новой форме появился на даче. Смотрю, Георгий Константинович — ни жеста, ни звука, будто и не замечает, что я в другом обличье, пока Галина Александровна не обратила его внимание: „Георгий, а почему ты не поздравишь Георгия Константиновича?“ Лишь после этого он пожал мне руку. Что это — ревность к нам, живущим нормальной жизнью, или горечь своей оставленности? Так и осталось для меня неясным».

Превозмогая мучительные лицевые боли, Георгий Константинович не прекращал работу по подготовке второго издания книги. В этот период

судьба нанесла ему очередной удар — 13 ноября 1973 года скончалась Галина Александровна. В день ее кончины Георгий Константинович произнес: «Этого мне уже не пережить». С помощью маршала И.Х.Баграмяна и генерала армии И.И.Федюнинского он вместе с дочерью приехал на прощание с супругой в траурный зал, но добраться до кладбища уже не смог. Все последующие дни он пытался восстановить свои силы, пробовал работать над книгой, но горе было слишком велико, побороть его он не мог.

В конце декабря его состояние резко ухудшилось, и Георгий Константинович был срочно доставлен в больницу. Длительная борьба врачей за его жизнь оказалась безуспешной. 18 июня 1974 года сердце великого полководца остановилось.

Похороны Маршала Советского Союза Г.К.Жукова состоялись 21 июня 1974 года. После прощания, прошедшего в зале ЦДСА, и кремации прах его был захоронен в Кремлевской стене.

В сентябре 1974 года в целях увековечения памяти Жукова Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Угодский Завод Калужской области переименовано в село Жуково, а Угодско-Заводский район — в Жуковский. Совет Министров СССР принял постановление, в соответствии с которым имя маршала Жукова присвоено Военной академии противовоздушной обороны. Именем Жукова были названы улицы в Москве и Ленинграде.

Многие ветераны партии и Великой Отечественной войны вполне справедливо считали эти меры недостаточными. Обращались в ЦК КПСС с просьбой соорудить памятник народному герою. Безрезультатно. Желание их осуществилось только спустя два десятилетия.

В середине девяностых годов в качестве государственных наград Российской Федерации были учреждены орден Жукова и медаль Жукова, а в Москве воздвигнут памятник великому полководцу. Можно при этом добавить и приличествующую случаю фразу о том, что справедливость все же восторжествовала. Но монумент — это лишь дань того поколения, которое знало и любило Жукова. Знало свою историю. Труднее задача — сохранить в будущем живой образ человека, судьба которого олицетворила эпохальные исторические события.

С этим и была задумана настоящая книга.

Основные даты жизни и деятельности Г.К.Жукова

1896 , 19 ноября (1 декабря) — В селе Стрелковка Калужской губернии в семье крестьян Константина и Устиньи Жуковых родился сын Георгий.

1911 — Жуков окончил городское училище.

1915 , август — Призван в русскую армию и зачислен рядовым в 5-й запасной кавалерийский полк.

1916 , июнь — Из учебной команды выпущен вице-унтер-офицером. Август — октябрь — служба на Юго-Западном фронте, разведчик 10-го Новгородского драгунского полка 10-й кавалерийской дивизии.

Октябрь — Во время разведки получил тяжелую контузию. Награжден двумя Георгиевскими крестами.

1917 , март — Избирается председателем солдатского эскадронного комитета.

Конец ноября — Возвращается в Москву.

1918 , 1 октября — Добровольно вступает в Красную Армию; зачислен в 4-й Московский кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии.

1919 , май — октябрь — Участвует в боевых действиях на Восточном и Юго-Восточном фронтах.

Октябрь — Получает тяжелое ранение.

1920 , 17 марта — Зачислен на 1-е приготовительное отделение Первых Рязанских кавалерийских командных курсов.

Август — сентябрь — Принимает участие в боях на Северном Кавказе.

1 ноября — Назначается командиром взвода 1-го кавалерийского полка кавалерийской бригады 14-й стрелковой им. А.К.Степина дивизии.

1921 , март — сентябрь — В должности командира эскадрона участвует в боевых действиях против повстанцев в Тамбовской губернии.

1922 , 31 августа — Г.К.Жуков приказом Реввоенсовета Республики награжден орденом Красного Знамени.

1923 , 24 апреля — Вступает в должность помощника командира 40-го Бугурусланского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

8 июля — Принимает временное командование 39-м Бузулукским кавалерийским полком 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Декабрь — Назначается командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

1924 , 1 октября — Освобожден от должности командира 39-го Бузулукского кавалерийского полка в связи с отбытием на учебу в Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде.

1925 , сентябрь — Жуков снова вступил в должность командира 39-го Бузулукского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

1929 , ноябрь — Зачислен на Курсы усовершенствования высшего начсостава Красной Армии при Военной академии им. М.В.Фрунзе.

1930 , 20 апреля — Назначается командиром 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

1931 , февраль — Назначается помощником инспектора кавалерии Красной Армии.

1933 , 25 марта — Назначается командиром 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии им. К.Е.Ворошилова (с 1936 года — 4-я Донская казачья Краснознаменная дивизия им. К.Е.Ворошилова).

1936 , 16 августа — Постановлением ЦИК СССР Жуков награжден орденом Ленина.

1937 , 22 июля — Назначается командиром 3-го конного корпуса.

1938 , 23 февраля — Назначается командиром 6-го кавалерийского корпуса.

Июнь — Назначается заместителем командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии.

1939 , 24 мая — По решению наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова направляется в Монгольскую Народную Республику с целью проверки состояния и боевой готовности частей советского 57-го особого стрелкового корпуса.

12 июня — Принял командование 57-м особым стрелковым корпусом.

Июнь — август — Руководит разгромом японских войск на реке Халхин-Гол.

19 июля — Назначен командующим 1-й армейской группой, созданной на базе 57-го особого стрелкового корпуса.

31 июля — Жукову присвоено очередное воинское звание комкора.

29 августа — Жукову присвоено звание Героя Советского Союза.

1940 , 4 июня — Жукову присвоено воинское звание генерала армии. Июнь — Вступил в должность командующего войсками Киевского Особого военного округа.

23–31 декабря — Принимает участие в совещании высшего командного и начальствующего состава Красной Армии; выступает с докладом «О характере современной наступательной операции».

1941 , 2–11 января — Принимает участие в оперативно-стратегических играх высшего командного состава Красной Армии.

1 февраля — Вступил в должность заместителя наркома обороны СССР — начальника Генерального штаба Красной Армии.

23 июня — Назначается членом Ставки Главного командования (с 8 июля — Ставка Верховного главнокомандования).

23–26 июня — Оказывает помощь военному совету Юго-Западного фронта в организации оборонительных действий.

29 июля — Жуков освобожден от обязанностей начальника Генерального штаба Красной Армии.

31 июля — 9 сентября — Командующий войсками Резервного фронта.

9 сентября — 6 октября — Командующий войсками Ленинградского фронта.

6–12 октября — Командующий войсками Резервного фронта.

13 октября 1941–28 августа 1942 — Командующий войсками Западного фронта.

1942 , 1 февраля — 5 мая — Главнокомандующий войсками Западного направления.

26 августа — Назначен заместителем Верховного главнокомандующего.

31 августа — 3 октября — Руководит операциями на Сталинградском (с 1 октября — Донской фронт) фронте.

6–12 октября — Работает в штабе Юго-Западного фронта. 21–29 октября — Работает в штабе Калининского фронта.

30 октября — 6 ноября — Проверяет готовность советских войск к контрнаступлению под Сталинградом, проводит проигрыш операции в штабе Юго-Западного фронта и в войсках.

6–9 ноября — Работает в войсках Донского фронта.

9–16 ноября — Проверяет готовность войск Сталинградского фронта к контрнаступлению.

19 ноября — 6 декабря — Занимается организацией операции Калининского и Западного фронтов по ликвидации ржевско-сычевской группировки противника.

9–29 декабря — Работает в войсках Калининского фронта.

1943 , 2–9 января — Работает в штабе и войсках Воронежского фронта.

10–24 января — Координирует действия войск Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда.

18 января — Жукову присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

6 февраля — 16 марта — Работает в войсках и штабе Северо-Западного фронта.

17–24 марта — Работает в войсках и штабе Воронежского фронта.

24–25 марта — Работает в войсках и штабе Центрального фронта.

26 марта —11 апреля — Работает в войсках и штабе Воронежского фронта.

18 апреля — 10 мая — Работает в войсках и штабе Северо-Кавказского фронта.

14–26 мая — Работает в войсках и штабах Воронежского и Центрального фронтов.

26 мая — 31 июля — Работает в войсках и штабе Западного фронта.

5–15 июня — Работает в войсках и штабе Юго-Западного фронта. 28–30 июня — Работает в войсках и штабе Воронежского фронта.

30 июня — 9 июля — Работает в войсках и штабах Брянского и Центрального фронтов.

9–13 июля — Работает в войсках и штабах Брянского и Западного фронтов.

13–28 июля — Работает в войсках и штабах Воронежского и Степного фронтов.

28 июля — 1 августа — Работает в войсках и штабе Брянского фронта.

1–25 августа — Работает в войсках и штабах Воронежского и Степного фронтов.

27 августа — 24 сентября — Работает в войсках и штабах Степного и Воронежского фронтов.

27 сентября — 3 декабря — Осуществляет координацию действий войск Центрального и Воронежского (с 20 октября — Белорусский, 1-й Украинский фронты) и 2-го Украинского фронтов по разгрому киевской группировки противника и овладению городом Киев.

12–31 декабря — Работает в войсках и штабах 1-го и 2-го Украинских фронтов.

1944 , 1 января — 18 февраля — Координирует действия войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в ходе Корсунь-Шевченковской стратегической наступательной операции.

20 февраля — 1 марта — Работает в войсках и штабе 1-го Украинского фронта.

2 марта — 24 мая — Командует войсками 1-го Украинского фронта.

10 апреля — Жуков награжден орденом Победы № 1.

5 июня — 26 июля — Координирует действия войск 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов (с 18 по 29 июля).

29 июля — Жуков награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

30 июля — 26 августа — Координирует действия и руководит операциями, проводимыми войсками 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

3–11 сентября — Руководит подготовкой вступления войск 3-го Украинского фронта в Болгарии.

15–19 сентября — Координирует действия и руководит операциями, проводимыми войсками 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

19–20 сентября — Работает в штабе и войсках 4-го Украинского фронта.

20 сентября — 31 октября — Координирует действия и руководит

операциями, проводимыми войсками 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

14 ноября — назначен командующим войсками 1-го Белорусского фронта.

1945 , 30 марта — Награжден вторым орденом Победы.

9 мая — Жуков принимает от командования вермахта Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

31 мая — Назначен представителем советского Верховного главнокомандования в Контрольном Совете по оккупации Германии.

1 июня — Награжден третьей медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

24 июня — Жуков принимает Парад Победы в Москве на Красной площади.

4 сентября — В связи с ликвидацией Ставки ВГК Жуков освобожден от обязанностей члена Ставки ВГК, а также от обязанностей заместителя Верховного главнокомандующего.

1946 , апрель — Жуков назначен главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР.

9 июня — Жуков освобожден от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил и назначен командующим войсками Одесского военного округа.

1948 , февраль — Назначен командующим войсками Уральского военного округа.

1953 , 4 марта — Назначен первым заместителем военного министра СССР.

15 марта — Назначен первым заместителем министра обороны СССР — главнокомандующим Сухопутными войсками.

1954 , 14 сентября — Руководит общевойсковым учением с реальным применением ядерного оружия на Тоцком полигоне.

1955 февраль — Жуков назначен министром обороны СССР.

1956 , ноябрь — Руководит действиями советских войск в Венгрии с целью подавления антикоммунистического восстания.

1 декабря — Жуков в связи с 60-летием со дня рождения награжден четвертой медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

1957 год, октябрь — Визит Жукова в Югославию.

26 октября — Жуков освобожден от должности министра обороны СССР.

1958 , 27 февраля — Постановлением Совета Министров СССР маршал Жуков отправлен в отставку.

1958–1968 годы — Жуков пишет книгу «Воспоминания и размышления».

1969 — Выход в свет в издательстве АПН книги Г.К.Жукова «Воспоминания и размышления».

14 августа — Жукову вручена медаль «Золотая звезда» Героя МНР.

1974 , 18 июня — После продолжительной болезни Г.К.Жуков скончался.

Иллюстрации

Устинья Артемьевна Жукова

Село Угодский Завод, ныне Жуково.

Родные края.

Вице-унтер-офицер
Г. Жуков. *1916 год.*

На фронтах
Первой мировой.

Командир 39-го Бузулукского кавалерийского полка Г. К. Жуков
среди красноармейцев. *1924 год.*

Кавалерийские курсы командного состава. Во втором ряду справа — Г. К. Жуков

Георгий Константинович с женой Александрой Диевной.

Г. Д. Гай.

М. В. Фрунзе.

В. К. Блюхер.

М. Н. Тухачевский.

На учениях войск Красной Армии.

Комкор
М. П. Ковалев
и комдив
Г. К. Жуков.

У трофейного орудия.

Г. К. Жуков среди командиров на Халхин-Голе.

С маршалом Х. Чойбалсаном командарм 2-го ранга Г. М. Штерн
и комкор Г. К. Жуков.

Советские летчики проявили образцы мастерства и героизма.

В боях с Квантунской армией.

Среди героев Халхин-Гола.

Семья Г. К. Жукова. *1940 год.*

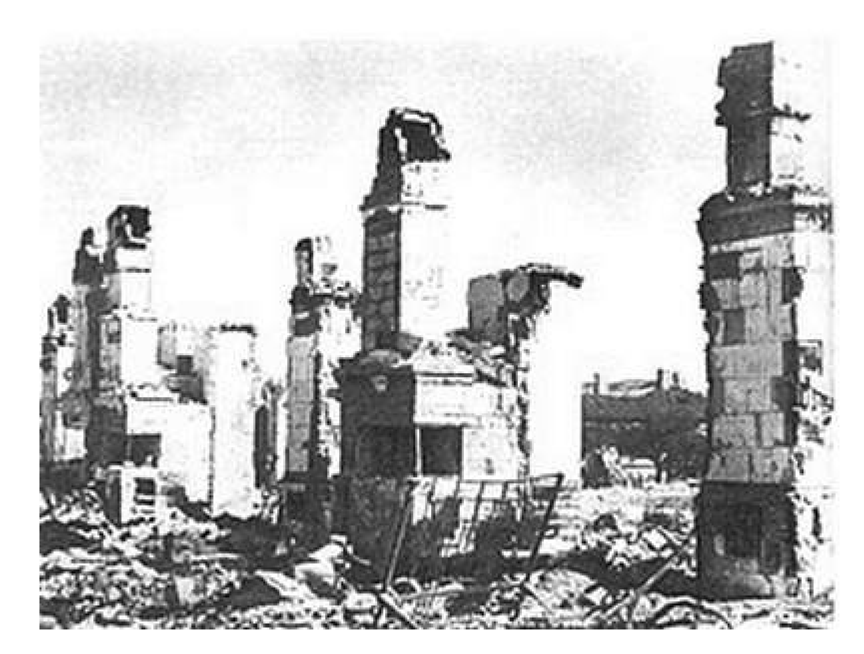
Тень фашизма.

22 июня 1941 года.

Вторжение.

На улицах Ленинграда.

К. Жуков под Ельней.

Москва. 7 ноября 1941 года.

Они шли на Москву

Г. К. Жуков с Н. А. Булганиным и В. Д. Соколовским.
Западный фронт.

В контратаку.

ka Сталинград.

Генерал армии Г. К. Жуков в дни Сталинградской битвы.

В боях за Варшаву.

Переправа, переправа...

Пленные на улицах Москвы.

Освобождение Европы.

Г. К. Жуков у развалин рейхстага.

Парад Победы.

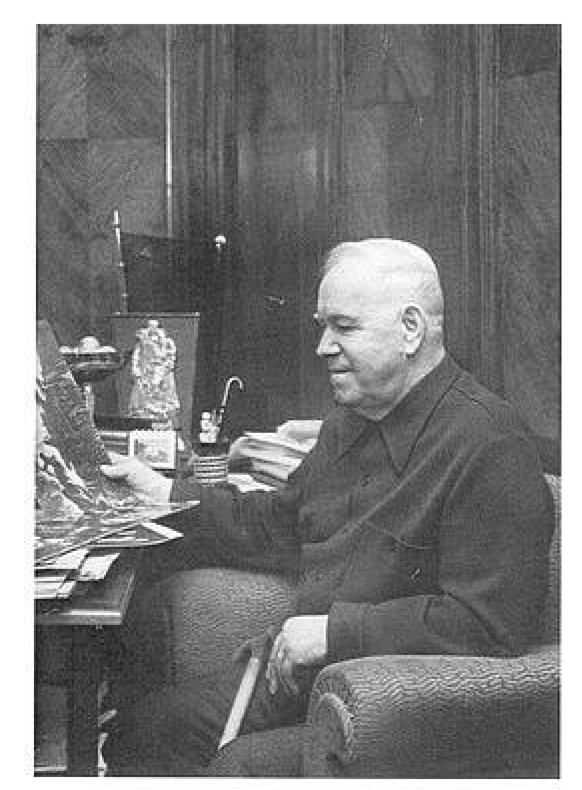
Безоговорочная капитуляция фашистской Германии. 9 мая 1945 года

В год Победы.

Дочери Георгия Константиновича:
Маша, Эра, Элла (слева направо).

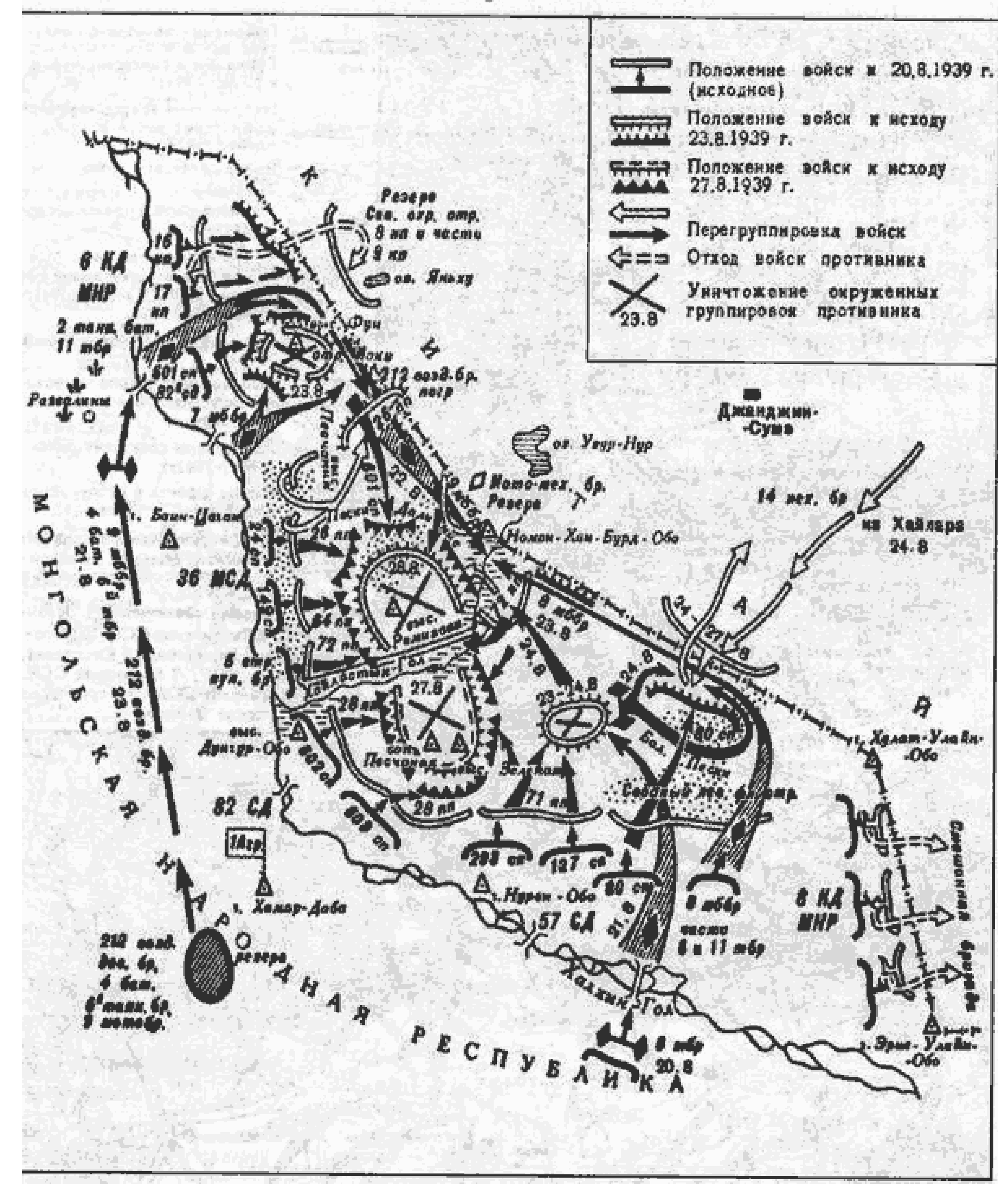

Воспоминания.

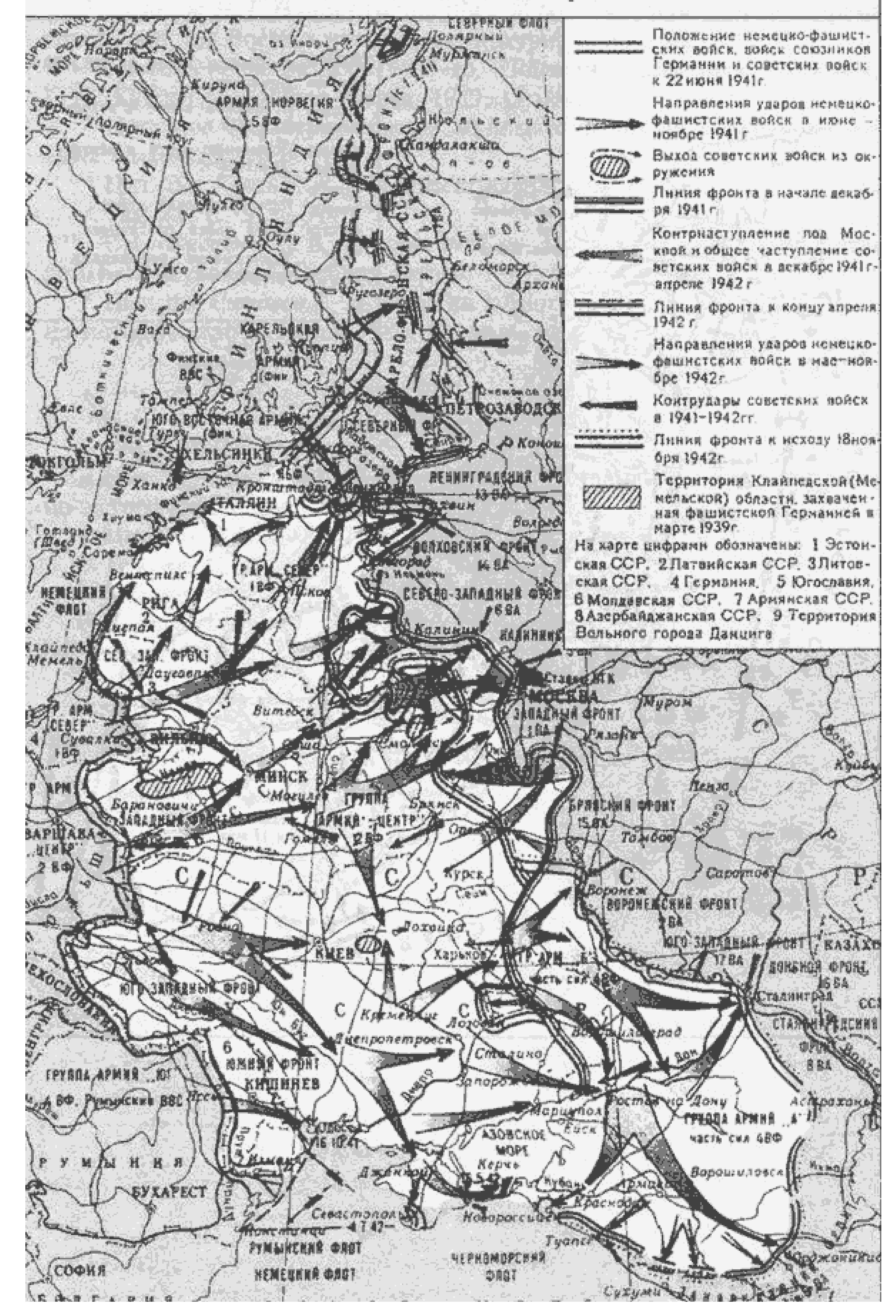

В кругу семьи.

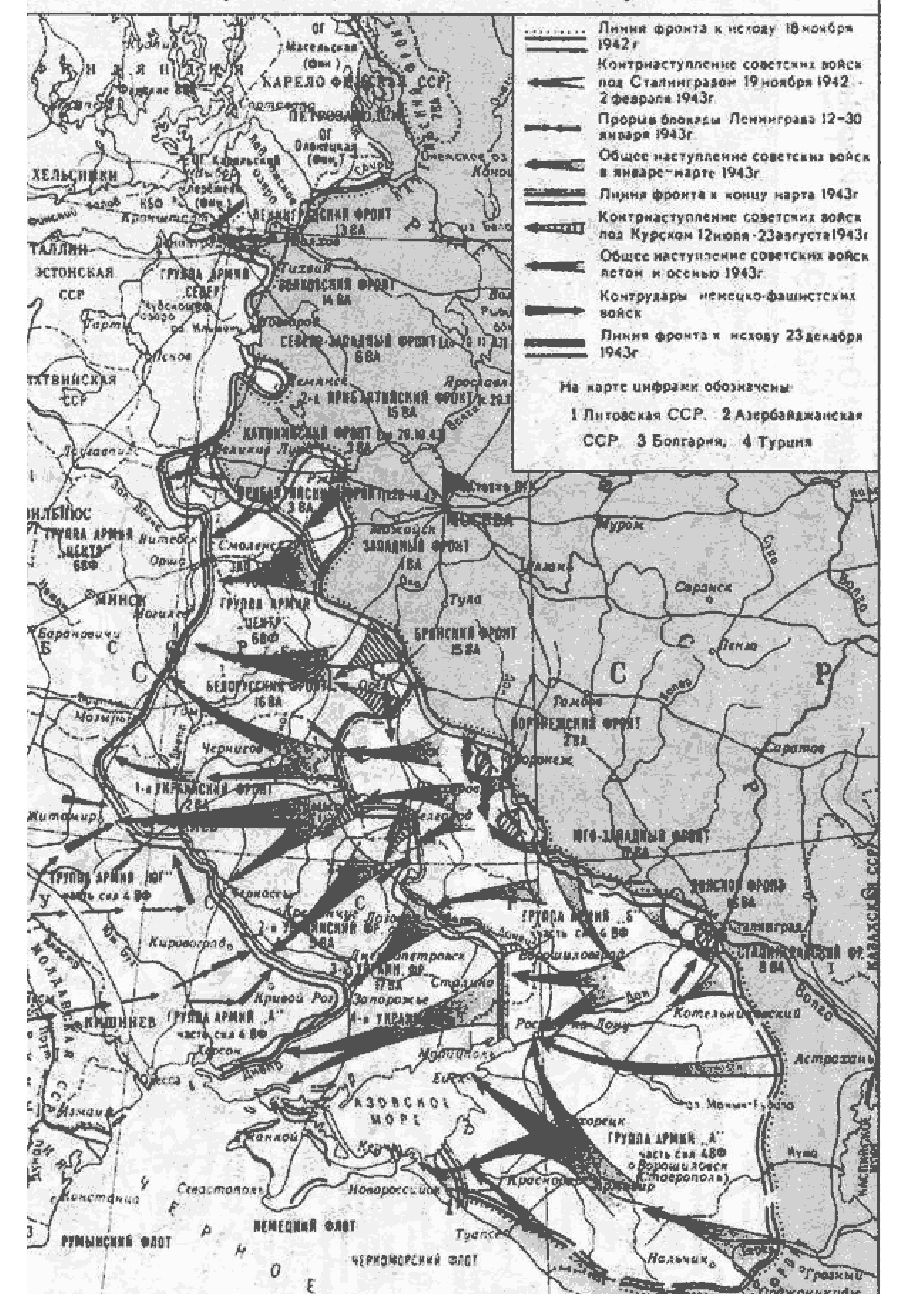
Боевые действия на Халхин-Голе
20—31 августа 1939 г.

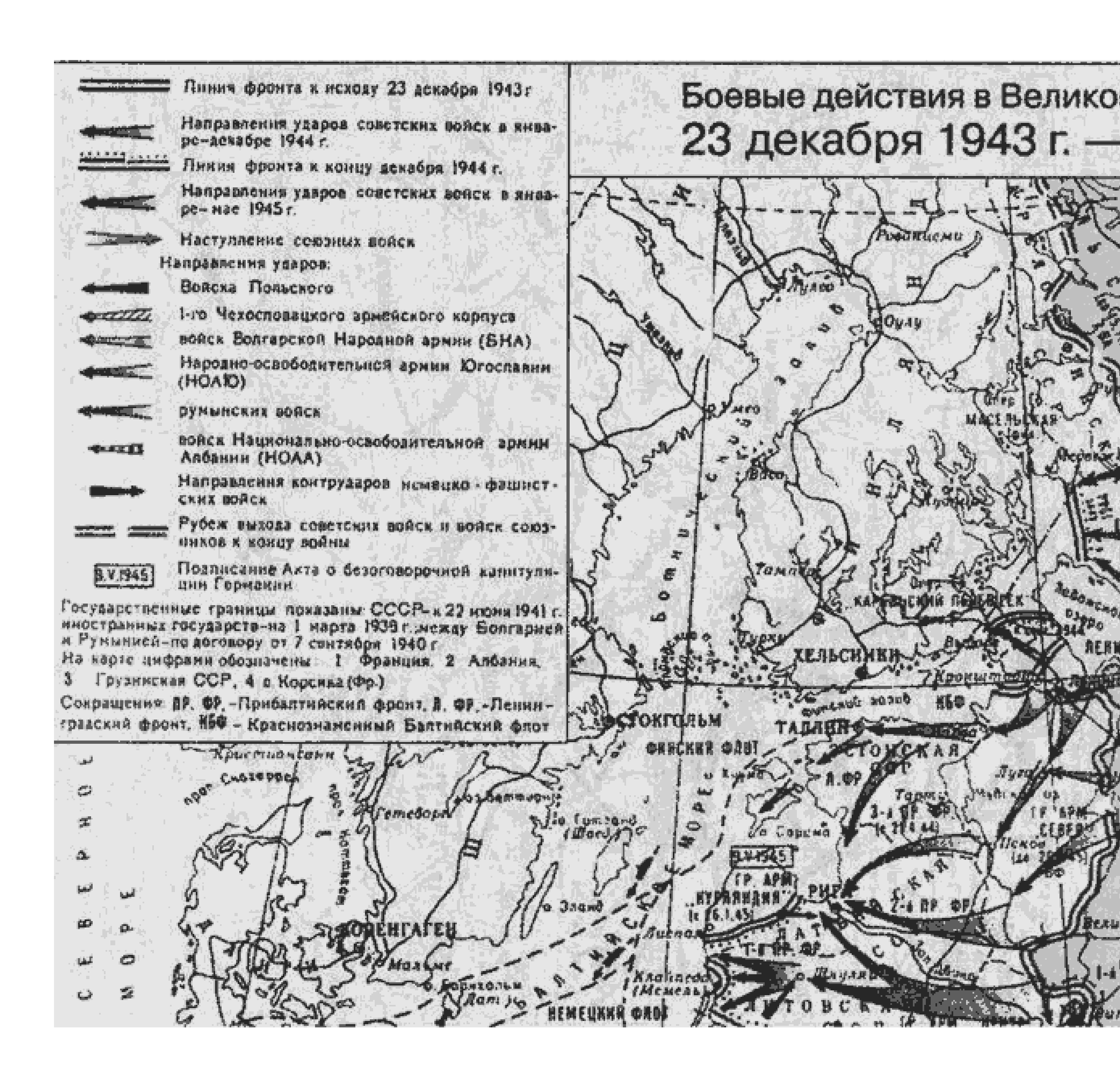

Боевые действия в Великой Отечественной войне. 22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.

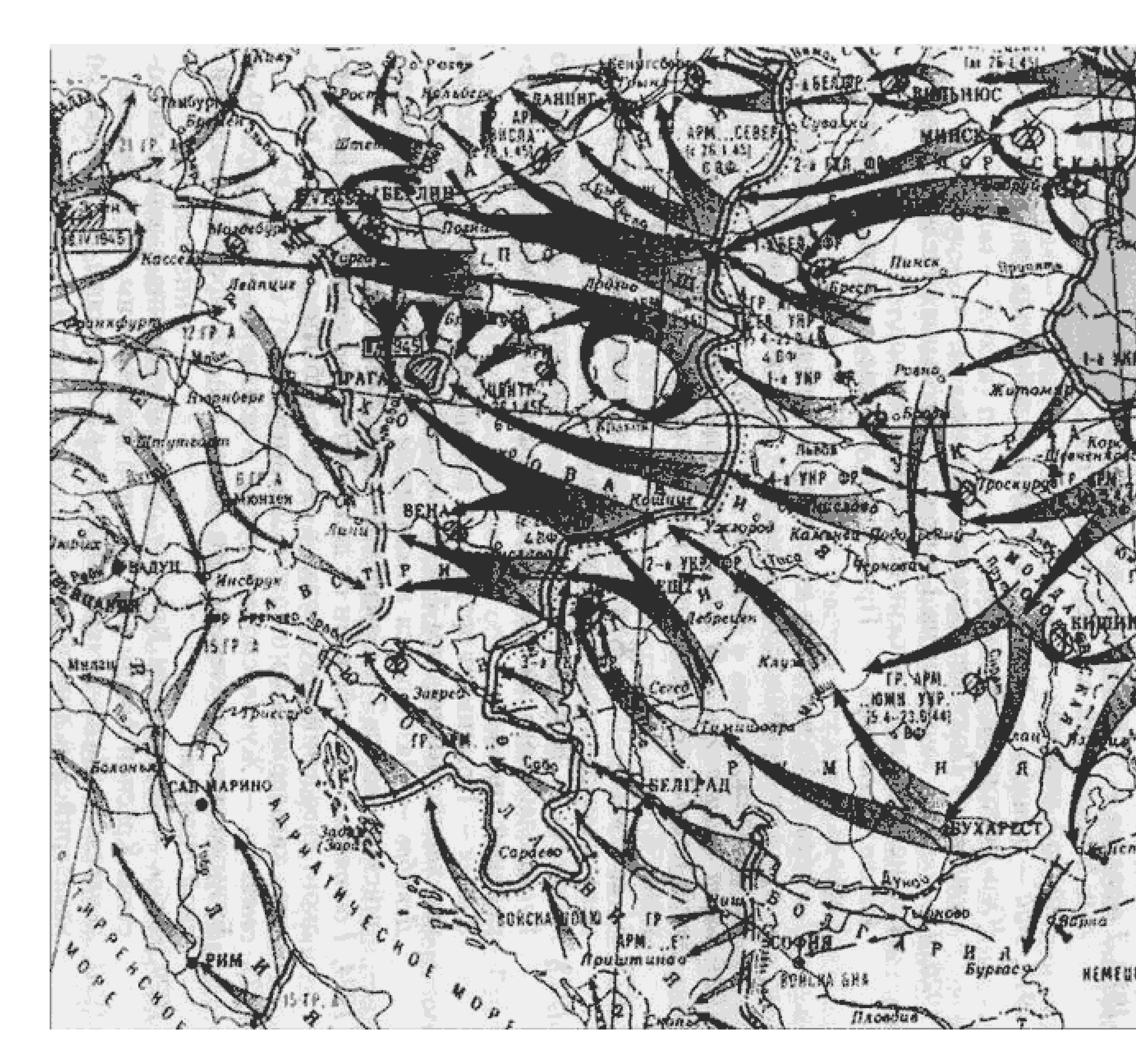

Боевые действия в Великой Отечественной войне.
19 ноября 1942 г. — 23 декабря 1943 г.

Боевые действия в Велико
23 декабря 1943 г. —
Линия фронта к исходу 23 декабря 1943 г
Направления ударов советских войск в январе–декабре 1944 г.
Линия фронта к концу декабря 1944 г.
Направления ударов советских войск в январе–мае 1945 г.
Наступление союзных войск
Направления ударов:
Войска Польского
1-го Чехословацкого армейского корпуса
войск Болгарской Народной армии (БНА)
Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ)
румынских войск
войск Национально-освободительной армии Албании (НОАА)
Направления контрударов немецко-фашистских войск
Рубеж выхода советских войск и войск союзников к концу войны
8.V.1945
Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии
Государственные границы показаны: СССР – к 22 июня 1941 г. иностранных государств – на 1 марта 1938 г.; между Болгарией и Румынией – по договору от 7 сентября 1940 г.
На карте цифрами обозначены: 1. Франция. 2. Албания. 3. Грузинская ССР. 4. о. Корсика (Фр.)
Сокращения: ПР. ФР. – Прибалтийский фронт, Л. ФР. – Ленинградский фронт, КБФ – Краснознаменный Балтийский флот
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Ботнический залив
ХЕЛЬСИНКИ
СТОКГОЛЬМ
ТАЛЛИН
ФИНСКИЙ ФЛОТ
ЭСТОНСКАЯ
Л.ФР
РИГА
КОПЕНГАГЕН
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Гетеборг
Мальме
о. Борнхольм
Клайпеда (Мемель)
Шяуляй
о. Сарема
о. Готланд
о. Эланд
ГР. АРМ. „КУРЛЯНДИЯ"
2-й ПР. ФР
3-й ПР. ФР
ЛАТ
ЛИТОВСКАЯ
Псков
Луга
Тарту
Выборг
Кронштадт
КБФ
Турку
Тампере
Оулу
Лулео
Умео
Ваза
Кристиансанн
КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК
ГР. АРМ. СЕВЕР
Рованиеми

Список использованной литературы и источников

Российский государственный военный архив (РГВА).

Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО, ныне — МО РФ).

Андроников Н.Г. Гитлеровский факел был погашен на огненной дуге // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 2–8.

Анфилов В.А. Грозное лето 41-года. М.: Изд. центр «Анкил-Воин»,1995.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Голос, 2000.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Голос, 2000.

Безыменский Л. А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 58–67.

Белобородов А.П. Всегда в бою. М.: Воениздат, 1979.

Берия: конец карьеры. М.: Политиздат, 1991.

Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1.

Блюментрит Г. Роковые решения вермахта. Ростов н/Д., 1999.

Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы. (По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. и оперативно-тактических игр на картах в январе 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь великих диктаторов: В 2 т. Т. 2. Гл. 12–20 / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000.

Бучин А.Н. 170 000 километров с Г.К.Жуковым: Беседы шофера полководца с историком Н. Н. Яковлевым. М.: Молодая гвардия, 1994.

Быстров С.В октябре 1957-го. Последние дни перед отставкой Г.К.Жукова // Красная Звезда. 1989. 19, 20 мая.

Вартанов В.Н. Там, вдали у реки... (К 50-летию разгрома японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол) // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 61–70.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2002.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1984.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М.: Изд-во «Библиотека»; «Мосгорархив», 1995. Кн. 1. Суровые испытания.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. М.: Наука, 1999.

Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985.

Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1965. Вып. I: Прелюдия войны: От начала вторжения до битвы за Москву. Ленинградская эпопея.

Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., 1946. Т. 2.

Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75. (Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г.)

Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24–29. (Доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы от 18 сентября 1940 года.)

Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18–22. (Доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза от 11 марта 1941 года.)

Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17–22. (Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза от 15 мая 1941 года.)

Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 30–32. (Письмо К.К.Рокоссовского главному редактору «Военно-исторического журнала».)

Военные архивы России. 1993. Вып. I.

Война и политика, 1939–1941. М.: Наука, 1999.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия / Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М.: Изд-во АПН, 1990. Кн. II.

Воротников М.Ф. Г.К.Жуков на Халхин-Голе. Омск: 1989.

Временный Полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36). М., 1937.

Вторая мировая война: Краткая история. М.: 1984.

Выступление Маршала Советского Союза Г.К.Жукова на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 года//Военная

мысль. 1985. Спец. вып. С. 17–33.
Г.К.Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М.: Мосгорархив, 1994.
Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2004.
Гальдер Ф. Военный дневник. М.: Воениздат, 1962. Т. 2.
Гареев М.А. Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. М.; Уфа, 1996.
Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. Очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну. Уфа: Изд-во «Инсан», 2003.
Генералы Второй мировой//За рубежом. 1988. № 19. С. 17.
Георгий Жуков: Сборник / Сост. М.Г.Жукова. М., 1998.
Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2001.
Гордиенко А. Н. Маршал Жуков. Минск: Литература, 1998.
Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993.
Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003.
Данилов В. Донос. Секретные документы заговора против Маршала Советского Союза Георгия Жукова // Совершенно секретно. 1993. № 2.
Дашинев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. М.: Наука, 1973. Т. 2.
Двухсотлетие Военного министерства. 1802–2002 гг. Очерки истории Военного министерства. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003.
Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1.
Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). В 4 т. М.: Воениздат, 1972. Т. 2.
Дни войны в документах//Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 43–51.
Еременко А.И. В начале войны. М.: Наука, 1965.
Ефремов М.М. Под Вязьмой весной 1942 года// Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 9–17.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: АПН, 1990.
Жукова М. Маршал-легенда. К 95-летию со дня рождения Г.К.Жукова // «Советская Россия. 1991. 30 ноября.
Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989.
И. В. Сталин. Сочинения. М., 1997. Т. 15.
Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС.1990. № 9. С. 193–214.
Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС.1990. № 10. С. 207–223; № 12. С. 203–218; 1991. № 1. С. 216–220; № 2. С. 209–224.
Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
Известия ЦК КПСС. 1990. № 2.
Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М.: Родина, 1993.
Исаев С.И. Вехи фронтового пути. Хроника деятельности Маршала

Советского Союза Г.К.Жукова в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 23–33.

История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5.

История военной стратегии России / Под ред. В.А.Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

История войн и военного искусства. Т. III. Ч. 2. Войны и военное искусство периода „вползания“ и начало Второй мировой войны фашистских стран. Генеральный штаб РККА. Рукопись. 1939.

История Второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. История Второй мировой войны 1939–1945. М.; Воениздат, 1978. Т. 9. История Второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1979. Т. 10.

История России. XX век. М.: АСТ, 1999.

Кавалеры ордена Жукова о великом полководце. М.: Вагриус, 1998. Калуцкий Н. В. Московская битва // Военно-исторический журнал.1990. № 4. С. 19–28.

Карпов В. В. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. М.: Вече, 2002.

Керсновский А. А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 4.

Колесниченко И. С. Битва после войны. М.: Воениздат, 1987.

Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000.

Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию//Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 5. С. 2–15; № 6. С. 2–7.

Коротков И. А. История советской военной мысли. (Краткий очерк. 1921 — июнь 1941.) М.: Наука, 1980.Красная Звезда. 1945. 9 мая.

Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. („Антоновщина“): Документы и материалы. Тамбов. 1994.

Кузнецов Н.Г. „Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими…“// Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 74–82.

Курская битва. Хроника, факты, люди. В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС,2003. Кн. 2.

Лагодский С. Василий Соколовский: полководец, стратег, дипломат. М.: Изд-во и типография газеты „Красная Звезда“, 1995.

Латышев А. И еще один тост „вождя народов“ // Искусство кино.1991. № 5. С. 141–142.

Левицкий Н. А. Полководческая деятельность товарища Сталина // Военная мысль. 1939. № 12.

Ленинград выстоял и победил. М.: Триада-фарм, 2004.

Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М.: АСТ; СПб., 1999.

М.В.Фрунзе на Восточном фронте: Сборник документов. Куйбышев: Кн. изд-во, 1985.

Манштейн Э. Утерянные победы // Пер. с нем. Смоленск: Русич,2003.

Маршал Жуков и зауральцы. Курган: Парус-М, 1996.

Маршал Жуков. Каким мы его помним. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1989.

Маршал Жуков: полководец и человек. М.: АПН, 1988. Т. 1, 2. Маршал Победы: Вспоминая и размышляя. М., 1996.

Межирицкий П. Читая маршала Жукова. Филадельфия, 1995.

Мементин Ф.В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне / Пер. с нем. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2003.
Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая — июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны // Отечественная история. 1995. № 3.
Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Иной Жуков: Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996.
Миркина А. Маршал пишет книгу. Воспоминания о Г.К.Жукове // Огонек. 1988. № 16. С. 11–14; № 17. С. 12–15; № 18. С. 17–20; № 19. С. 18–20.
Митчем С., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха // Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1997.
Мэнвелл Р., Френкель Г. Знаменосец „Черного ордена“. Гиммлер// Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2000.
Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: ТЕРРА, 1993.
Невежин В. А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 годах // Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 54–69.
Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии „священных боев“, 1939–1941 гг. М.: АИРО — XX, 1997.
Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М.: Историческое наследие,1992.
Орлов А. Рядом с великим полководцем. Вспоминает офицер личной охраны маршала Г.К.Жукова//Литературная Россия. 1990. 5 мая. № 18.
Пальчиков П.А., Гончаров А.А. Что произошло с командующим Западным фронтом генералом Д.Г.Павловым в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 5.
Первая катастрофа//Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 39–53.
Полевой устав Красной Армии. 1939. Проект. М., 1939.
Правда. 1940. 29 июня.
Правда. 1989. 8 мая.
Правда. 1990. 30 апреля.
Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М.: Воениздат, 1975.
50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1969.
Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968.
Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.
Рубцов Ю.В. Жезлы на эполетах и гербы на погонах. Все генерал-фельдмаршалы России и маршалы Советского Союза. М.: Звонница-МГ, 2002.
Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 23 (12–3).
Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М.: ТЕРРА, 1999.
Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999.
Сборник документов Верховного Главнокомандования за период

Великой Отечественной войны. Т. 3, январь — декабрь 1943 г. М.: Воениздат, 1969.

Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Вып. 4.

Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы: Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К.Жукова. Хабаровск: 1992.

Светлишин Н. Маршал Жуков: Крутые ступени судьбы // Советский воин. 1988. № 8. С. 13–17.

Светлишин Н. От солдата до маршала. (К 70-летию Г.К.Жукова.) // Военно-исторический журнал. 1966. № 11. С. 31–40.

Свищев В.Н. Г.К.Жуков на фронтах гражданской войны в Заволжье // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 43–47.

Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 46–54; № 7. С. 45–56; № 9. С. 48–56; № 10. С. 56–63; № 11. С. 40–46.

Скирдо М.П. Воля и авторитет маршала Жукова Г. К. // Московский ветеран. 1996. № 13.

Соколов Б. В. Георгий Жуков. Триумфы и падения. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003.

Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: Родиола-плюс, 2000.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.

Сталин И. В. „Современная армия — армия наступательная“. Выступления И.В.Сталинана приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. А. А. Печенкин // Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.

Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2.

Стратегия в трудах военных классиков. М., 1924. Т. II.

Суворов В. Тень победы. Донецк: Сталкер, 2003.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1966.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1956.

Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС,2002.

Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М.; Л.: Гиз, 1929.

Федюнинский И. И. На Востоке. М.: Воениздат, 1985.

Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 6.

Черчилль У. Триумф и трагедия / Сокращ. пер. с англ. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2004.

Хавкин Б. Правда об опальном маршале // В мире книг. 1989. № 2. С. 2–6.

Халхин-Гол: Пятьдесят лет спустя. (Материалы „круглого стола“ историков Советского Союза, Монголии и Японии, август, 1989 г.) М.: Институт военной истории Министерства обороны СССР, 1990.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания.) Кн. I. М.: ИИК „Московские Новости“, 1999.

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. Смоленск:

Русич, 2000.
Яковлев Н. Н. Жуков. М.: Молодая гвардия; Екатеринбург: УТД „Посылторг“, 1995.